

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2020

№ 63

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей ат-
тестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., директор Института Дальнего Востока РАН (Москва); **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Воробьева Вероника Сергеевна**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета;
Румянцев Петр Петрович, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета;
Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета;
Троцкий Евгений Флорентьевич, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета;
Фоминых Сергей Фёдорович, д-р ист. наук, проф. кафедры российской истории Томского государственного университета;
Фурсова Елена Федоровна, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документооборота Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета;
Чиндина Людмила Александровна, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor, PhD (History), senior lecturer of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeny F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Верняев И.И. Мировая юстиция в Бессарабской губернии: сравнительный анализ в имперском контексте	5
Дунбинский И.А. Деятельность Строительного комитета по приобретению строительных материалов для возведения зданий Сибирского университета в городе Томске	16
Карпов В.П. Советский исторический опыт освоения Арктики в зеркале современных проблем	25
Климов И.П. Исторический опыт Советского государства по повышению производительности труда на транспорте (1926–1940 гг.)	31
Крестьянников Е.А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след»	38
Кузьменко Т.А., Прокопенко К.А. «Томские епархиальные ведомости» как источник по истории здравоохранения в Томской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в.)	47
Микуленок А.А., Микуленок Ю.А. Деятельность Союза русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше в 1920–1930-е гг.	52
Орлова Е.А. Создание колхозов у телеутов в 1929–1933 гг. (на основе документов из фондов Государственного архива Кемеровской области)	59
Пинаева Д.А. К вопросу о развитии общественных форм кооперации инженерно-технических работников и новаторов производства в СССР в 1950–1960-е гг. (на материалах Татарской АССР)	65
Тучинский В.А., Мельничук О.А. Концепция славянского единства в программных документах Кирилло-Мефодиевского общества – первой украинской политической организации	72

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Никитин Л.В. Исторический лидер перед новыми вызовами: Нью-Йорк в мировой банковской системе 1970–2010-х гг.	76
Садаков Д.А. Определение места Республики Корея в тихоокеанской системе безопасности США в преддверии Корейской войны (1948 г. – начало 1950 г.)	87
Сенников А.И. Курдский вопрос в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1979–1980 гг.	96
Хахалкина Е.В., Вагнер А.В., Ербахаев О.Л., Кулинич П.А., Лукова Е.Е. Версальско-Вашингтонская система международных отношений глазами российских историков	104

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Веремчук Л.П. Токвиль о бонапартизме как факторе преобразовательных трансформаций во французском революционном процессе конца XVIII – середины XIX столетия	110
Дорошенко О.П. Просветительско-педагогическая деятельность Г.Е. Катанаева в контексте развития идей сибирского областничества	117
Ивонина О.И. Концепция Нового Средневековья Н.А. Бердяева	123
Макарова Н.Н. Сборник документов «Магнитогорск довоенный» как источник для изучения истории индустриализации (опыт работы с программой MAXQDA)	130
Михайлицина Е.А. Сибирская колонизация в современной англо-американской научной периодике	140
Трубникова Н.В. Историкографические репрезентации интеллектуального наследия Фернана Броделя	147
Шаров К.С. Создание пограничного культурного кода в иконографии святых Георгия и Христофора как особый тип металингвистической христианской проповеди	155

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Igor I. Verniaev. Justice of the peace in the Bessarabia province: a comparative analysis in the imperial context	5
Ilya A. Dunbinskiy. Activities of the Construction Committee for purchasing building materials to establish buildings of the Siberian university in the city of Tomsk	16
Viktor P. Karpov. Soviet historical experience of the development of the Arctic in the mirror of contemporary problems	25
Ivan P. Klimov. The Soviet State historical experience on increasing labour productivity in transport (1926–1940)	31
Evgeniy A. Krestyannikov. Female legal profession in pre-revolutionary Russia: Siberian “trace”	38
Tatiana A. Kuzmenko, Kseniya A. Prokopenko. “Tomsk diocesan journal” as a source on the history of healthcare service in Tomsk province (the last quarter of the XIX - early XX century)	47
Aleksandra A. Mikulenok, Jliya A. Mikulenok. The russian disabled War expatriates union in Poland in the 1920–1930-s	52
Yelena A. Orlova. Creation of teleut collective farms in 1929–1933 (based on documents from KRSA (Kemerovo region state archives)	59
Daria A. Pinaeva. Development of public forms of cooperation of engineering and technical workers and innovators in industry in the USSR in the 1950s–1960s (on the materials of the Tatar ASSR)	65
Vitaliy A. Tuchynsky, Oleg A. Melnychuk. Concept of slaviv unity in the programming documents of the Saint Cyril and Methodius fellowship - the first ukrainian political organization	72

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Leonid V. Nikitin. A historic leader faces new challenges: New York City in the global banking system of the 1970s–2010s	76
Denis A. Sadakov. Selection of the place of the Republic of Korea in the pacific security system of the United States on the eve of the Korean war (1948–early 1950)	87
Alexey I. Sennikov. Kurdish question in the Middle East policy of the administration of J Carter in 1979–1980	96
Elena V. Khakhalkina, Anzhela V. Vagner, Oleg L. Erbakhaev, Petr A. Kulinich, Elizaveta E. Lukova. Versailles-Washington system of international relations through the eyes of Russian historians	104

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE AND METODOLOGY OF HISTORY

Lyudmila P. Veremchuk. Tocqueville on Bonapartism as a factor of transformations in the French revolutionary process of the late XVIII – mid XIX centuries	110
Olga P. Doroshenko. Educational and pedagogical activity of G.E. Katanaev in the context of development of ideas of Siberian regionalism	117
Olga I. Ivonina. Berdyaev’s “new middle ages” concept	123
Nadezhda N. Makarova. A collection of documents “Magnitogorsk prewar” as a source for studying the history of industrialization (experience with the program MAXQDA)	130
Elena A. Mikhaylitsina. Siberian colonization in modern english-american scientific press	140
Nataliya V. Trubnikova. Historiographic representations of Fernand Braudel’s intellectual heritage	147
Konstantin S. Sharov. Creating a border cultural code in the iconography of sts Ggeorge and Christopher as a special type of meta-lingual christian sermon	155

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Буриаков В.А. Крупный рогатый скот в традиционной соционормативной и ритуальной практике хакасов (конец XIX – середина XX века)	166
Горюнова О.И., Новиков А.Г., Соколова Н.Б. Сравнительный анализ керамики с раннеолитических поселений побережья озера Байкал	175

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Миркин В.В. Советская телефонная связь в период «развитого социализма» (1970-е гг.)	186
Шиловский М.В. Они были первыми: формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960–1970-х гг. ...	192

РЕЦЕНЗИИ

Зиновьев В.П., Колесникова С.Ю. Женский взгляд на крестьянскую долю	201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Некрылов С.А., Дунбинский И.А. Памяти Сергея Фёдоровича Фоминых (1940–2019)	203

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	205

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Venariy A. Burnakov. Cattle in the traditional socio-normative and ritual practice of the Khakasses (the end of XIX – mid XX century)	166
Olga I. Goriunova, Alexey G. Novikov, Natalia B. Sokolova. Comparative analysis of pottery from early neolithic settlements on the coast of lake Baikal	175

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Vladimir V. Mirkin. Soviet telephone communication during the period of “Developed socialism” (1970s)	186
Mikhail V. Shilovskiy. They were the first: formation of the historical community in Novosibirsk in the 1960s-1970s	192

REVIEW

Vasiliy P. Zinovyev, Svetlana Ju. Kolesnikova. Women's view of the peasant burden	201

SCIENTIFIC LIFE

Sergey A. Nekrylov, Ilya A. Dunbinskiy. In memory of Sergey Fedorovich Fominykh (1940-2019)	203

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	205

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)
DOI: 10.17223/19988613/63/1

И.И. Верняев

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ В БЕССАРАБСКОЙ ГУБЕРНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

В статье представлены результаты исследования мировой юстиции Бессарабии в сравнительном плане. На материалах ведомственной и земской статистики, периодики, судебных дел, нарративных источников доказано, что Бессарабская губерния была одним из тех регионов, где в наибольшей степени была реализована модель мировой юстиции как общегражданского всеобщего суда. Выявлено лидерство Бессарабии среди других регионов империи по активности населения в обращении к мировой юстиции для решения гражданских дел.

Ключевые слова: Российская империя; Бессарабская губерния; мировая юстиция; сравнительные исследования реформирования и адаптации судебных институтов.

Новый тип местной юстиции – мировой суд – призван был способствовать решению ряда важных задач реформирующейся империи. Мировая юстиция как массовый судебный институт должна была обеспечить растущий хозяйственный оборот и защиту личных и имущественных прав граждан вне зависимости от их сословной и этноконфессиональной принадлежности. Мировая юстиция наделялась также миссией сближения центра и окраин, этноконфессиональных и сословных групп: через посредство судебных институтов должна была происходить интеграция правовых систем и социокультурных норм [1. С. 6–143].

В литературе сформулированы различные оценки результатов деятельности мировой юстиции. Одни авторы подчеркивают успех мировых судов в деле распространения равного для всех правосудия, их вклад в модернизацию страны [Там же. С. 59–99, 282–285]. Другие делают акцент на неудачах реформы, преждевременности и утопичности судебных преобразований, несоответствии модели мирового суда социокультурному уровню большинства населения и разнообразию регионов [2. С. 27; 3]. Существуют и более дифференцированные оценки. В частности, доказывалось, что мировые суды успешно функционировали в городах, но не выполнили своей миссии в сельской местности [4]. Дифференцированный подход развивается в региональных исследованиях мировой юстиции [5].

В обобщающих работах особенностям бессарабской мировой юстиции не уделено должного внимания, не проведено сопоставление [1, 6, 7]. В работе по реформам в Бессарабии И.Г. Будака проанализирована в основном только подготовка судебных преобразований в регионе [8]. В серии работ А. Боршевского и его коллег охвачен широкий спектр вопросов мировой юстиции Бессарабии, но почти не уделено внимания сравни-

тельному аспекту [9–12]. В работах А.В. Калякиной сопоставление с бессарабской мировой юстицией и судами других регионов ограничивается критерием образовательного уровня мировых судей [13, 14]. Таким образом, вопрос специфики реализации мирового судебного института Бессарабии в плане межрегионального сравнения остается открытым.

К середине XIX в. местная юстиция, сосредоточенная в ведомстве МВД, в Бессарабской области переживала кризис. Полицейские земские суды были перегружены разнообразными административными и судебными делами, их возможностей и компетенции для правильной постановки местной юстиции не хватало [15. С. 16–18, 49–50; 16. С. 66–67]. Рост городского населения, товарных отраслей хозяйства и, соответственно, гражданского оборота, разного рода сделок и конфликтов вокруг них требовал новой местной юстиции – функционально отделенной от администрации, оперативной и доступной широким массам. Внедрение реформированного общегражданского суда в Бессарабии рассматривалось, кроме прочего, также как мера, способствующая ее «племенному объединению» с «коренной Россией» [17. С. 177].

В соответствии с указами императора от 8 апреля и 3 ноября 1869 г. новые судебные учреждения в Бессарабии, как и в других земских «внутренних губерниях», создавались в полном соответствии с Судебными уставами. В течение 1870 г. мировые суды начали постоянную деятельность в городах и уездах Бессарабской области. В 1878 г. мировая юстиция была создана на территориях, присоединенных к России на основании Берлинского трактата и образовавших Измаильский уезд Бессарабской губернии. Здесь мировые судьи и председатель мирового съезда не выбирались, а назначались. В 1892 г. мировые суды в большей части

Бессарабии были ликвидированы и заменены земскими начальниками и другими судебно-административными учреждениями. Исключением оставался г. Кишинев, где сохранились выборные мировые суды, и Измаильский уезд, где продолжали функционировать назначаемые мировые судьи.

Уровень востребованности в Бессарабии новой местной юстиции радикально разошелся с предреформенными прогнозами. Фактическое количество дел оказалось в десятки раз большим, чем проектировалось на основании дореформенных данных о судебной активности. Если в соответствии с расчетом Министерства юстиции 1867 г. ожидалось, что в мировых судах Бессарабской области будет рассматриваться всего ок. 1,2 тыс. гражданских судебных дел, то фактически уже в первый – 1870-й – год их функционирования поступило ок. 21 тыс. гражданских дел. При этом в течение первого пятилетия количество поступающих дел в мировые суды непрерывно росло. Если в прогнозе ожидалось, что уголовных дел в мировых судах будет более чем в два раза больше, то на деле соотношение оказалось обратным. В 1874 г. количество гражданских дел в мировых судах увеличилось до 61,3 тыс. В 1875 г. мировыми судами одного только Оргеевского уезда рассматривалось ок. 18 тыс. гражданских дел. В этом уезде, где

судебных дел было особенно много, количество мировых участков в первой половине 1870-х гг. было увеличено с 5 до 8. В одном из наименее активных в Бессарабии по части обращения населения к мировой юстиции Хотинском уезде число гражданских дел в 1875 г. составило более 6,7 тыс. [11; 18; 19. С. 439; 20; 21]. С 1877 г. в течение нескольких лет происходило снижение количества гражданских дел, связанное, в первую очередь, с введением судебной пошлины за подачу гражданского иска. К концу 1870-х гг. количество дел стабилизировалось [22–25].

Данные Министерства юстиции позволяют установить, что Бессарабия в сравнении с другими губерниями отличалась исключительной активностью по части обращения населения в мировые суды, уступая по этому критерию только столичному региону.

В табл. 1 представлены данные за 1885 г. о количестве гражданских исков на 1 тыс. чел., заявленных в мировые суды губерний Европейской России. В Бессарабской губернии был подан 31 иск на 1 тыс. чел. Выше этот показатель только в Петербургской губернии (суды столицы внесли в это наибольший вклад). За Бессарабией по судебной активности в мировых судах стоят другие губернии округа Одесской судебной палаты.

Таблица 1

Активность населения губерний Европейской России в части обращения в мировые суды, 1885 г.

№ п/п	Губерния	Численность населения, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Поступило гражданских дел	Количество поступивших гражданских дел на 1 тыс. чел.	Количество свидетелей и сведущих лиц на 1 тыс. чел.	Средняя цена иска, руб.
1	Петербургская	1 646,1	59,9	66 710	41	8	50,6
2	Бессарабская	1 526,5	21,7	47 556	31	30	55,3
3	Херсонская	2 026,9	30,1	49 929	25	16	72,9
4	Таврическая	1 060,0	21,0	21 530	20	19	80,4
5	Московская	2 183,6	41,0	41 930	19	4	46,5
6	Полтавская	2 653,2	9,7	45 547	17	27	101,8
7	Псковская	948,1	6,9	14 497	15	16	68,2
8	Черниговская	2 075,9	14,3	31 379	15	20	90,2
9	Ковенская	1 503,6	9,6	22 529	15	14	107,1
10	Гродненская	1 321,2	16,9	18 798	14	11	82,8
11	Волынская	2 196,0	8,8	30 903	14	16	76,6
12	Екатеринославская	1 792,8	17,1	24 202	13	9	86,0
13	Витебская	1 235,4	16,7	16 460	13	8	84,4
14	Киевская	2 847,6	13,4	37 193	13	9	87,2
15	Виленская	1 272,9	11,5	16 549	13	17	83,1
16	Минская	1 646,6	13,7	20 815	13	12	82,3
17	Подольская	2 364,9	8,7	27 241	12	7	103,3
18	Могилевская	1 233,9	9,5	13 685	11	9	67,2
19	Саратовская	2 222,0	13,9	22 600	10	8	81,9
20	Тульская	1 409,4	8,7	13 751	10	6	94,4
21	Курская	2 266,6	7,2	21 859	10	14	125,2
22	Оренбургская	1 244,8	10,2	11 140	9	6	70,0
23	Новгородская	1 194,1	7,7	10 600	9	6	179,7
24	Ярославская	1 050,0	10,7	9 177	9	4	178,0
25	Харьковская	2 253,9	15,6	19 596	9	10	101,3
26	Смоленская	1 278,1	8,6	10 828	8	7	102,5
27	Нижегородская	1 469,4	7,6	11 571	8	3	88,6
28	Орловская	1 963,7	12,4	15 191	8	6	104,9
29	Олонекская	333,4	6,6	2 481	7	1	71,7
30	Владимирская	1 376	10,1	10 095	7	3	85,9
31	Костромская	1 315,5	5,9	9 470	7	4	84,4
32	Астраханская	802,9	11,3	5 490	7	5	118,0
33	Тверская	1 681,8	9,4	11 476	7	4	114,5
34	Калужская	1 173,9	9,0	7 876	7	2	97,3

№ п/п	Губерния	Численность населения, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Поступило гражданских дел	Количество поступивших гражданских дел на 1 тыс. чел.	Количество свидетелей и сведущих лиц на 1 тыс. чел.	Средняя цена иска, руб.
35	Рязанская	1 784,0	5,6	1 1794	7	4	108,3
36	Самарская	2 412,9	6,9	15 620	6	4	110,1
37	Симбирская	1 527,8	6,8	9 761	6	3	106,8
38	Тамбовская	2 607,9	6,5	15 979	6	4	112,6
39	Пермская	2 649,6	5,1	15 381	6	2	74,1
40	Казанская	2 066,4	10,3	11 110	5	3	98,9
41	Воронежская	2 568,7	4,5	13 792	5	5	129,0
42	Пензенская	1 471,4	9,5	7 393	5	4	112,2
43	Уфимская	1 874,2	3,9	9 383	5	3	81,2
44	Вологодская	1 198,6	3,7	5 107	4	2	75,5
45	Вятская	2 859,0	2,9	11 542	4	2	77,9

Источник: [26. С. 1–9; 27. С. 177–212, 219–262; 28. С. 44–45].

Бессарабская губерния была абсолютным лидером среди губерний Европейской России по количеству «свидетелей и сведущих лиц», участвующих в гражданских процессах в мировых судах: по данным за 1885 г. – 30 «свидетелей и сведущих лиц» на 1 тыс. чел. (см. табл. 1). В среднем по европейской части России в гражданских процессах мировых судов участвовали в 1885 г. 9 «свидетелей и сведущих лиц» на 1 тыс. чел. Соответственно, в Бессарабской губернии существенно большая, чем в среднем в империи, доля жителей имели опыт взаимодействия с общегражданской местной юстицией.

Бессарабская губерния отличалась самой большой после столичных регионов средней нагрузкой по количеству гражданских дел на один мировой суд. В 1885 г. в мировые суды Бессарабии поступило в среднем по

865 дел. Вслед за Бессарабией по этому показателю был ряд западных, малороссийских и новороссийских губерний. В среднем по европейской части в мировые суды ежегодно поступало по 439 гражданских дел. Тем самым в Бессарабии средняя интенсивность работы мировых участковых судов превышала общеимперские показатели почти в два раза.

Общеимперские данные по деятельности мировых судов за другие годы подтверждают исключительно высокую в сравнении с другими регионами активность населения Бессарабии по части обращения к общегражданскому местному суду [27, 29].

Обратимся к анализу судебной активности на уездном уровне. Данные по мировым округам Бессарабской губернии о количестве поступивших в 1885 г. в мировые суды гражданских дел представлены в табл. 2.

Таблица 2

Количество гражданских дел на 1 тыс. чел., поступивших в суды мировых округов Бессарабской губернии в 1885 г. в сопоставлении с долей городского населения

Мировой округ	Численность населения, тыс. чел.	Поступило гражданских дел	Количество гражданских дел на 1 тыс. чел.	Доля городского населения, %	Доля населения вне юрисдикции сословных судов, 1880 г., %
Оргеевский	160,5	11 901	74	3,9	22,2
Измайльский	181,4	6 981	38	23,3	100
Сорокский	164,6	5 401	32	4,6	17,0
Кишиневский	252,3	8 238	32	45,3	51,2
Ясский	146,5	4 388	30	6,1	16,2
Бендерский	165,3	3 139	19	16,2	28
Хотинский	233,9	4 041	17	6,7	22,5
Аккерманский	221,9	3 467	15	21,1	30,4

Источник: [27. С. 178–217; 30. С. 15–38; 31. С. 52–54; 32. С. 67–70].

Мировой округ Оргеевского уезда по количеству поступивших в 1885 г. в мировые суды гражданских дел в расчете на 1 тыс. чел. (74 дела) занимал второе место среди 443 мировых округов Европейской России (без Кавказа и Царства Польского). Больше гражданских дел поступило только в суды Одесского городского мирового округа (87 на 1 тыс. чел.). Измайльский, Сорокский, Кишиневский, Бельцкий мировые округа Бессарабской губернии с 30 и более исков на 1 тыс. чел. также были среди лидеров, занимая соответственно 7, 9, 10 и 11-ю позиции в этом рейтинге. Общее лидерство Бессарабии по обращению к мировой юстиции обеспечивали, в первую очередь, суды центральной части Бессарабии – Оргеевского, Сорокского, Кишиневского и Бельцкого уездов, а также южного Измайльского уезда.

Каковы факторы, обусловившие лидерство Бессарабской губернии? Из анализа данных по губерниям европейской части России следует, что показатель количества обращений в мировые суды на душу населения положительно коррелирует с долей городского населения (корреляция по Пирсону – 0,847 при уровне значимости 0,01) (см. табл. 1). Эта связь понятна. Городское население по всем гражданским искам стоимостью до 500 руб. обращалось только в мировые суды. Большая часть сельского населения судебные споры между собой (с суммой иска до 100 руб.) в соответствии с действовавшим законодательством разрешала в сословных волостных судах (в мировой суд дело могло быть перенесено только по взаимному согласию сторон). Соответственно, в губерниях с большей долей городского населения количество судебных исков на

душу населения было, как правило, больше. По данным МВД за 1885 г., Бессарабская губерния была четвертой по доле городского населения (21,7%) после губерний с крупнейшими имперскими городами (Санкт-Петербург, Москва, Одесса) – Санкт-Петербургской (59,9% городского населения), Московской (41,0%) и Херсонской (30,1%) [26. С. 1–9]. Данные Бессарабского статистического комитета дают еще большую долю городского населения (города и местечки) – 27,2% [31. С. 31].

Данные о сословном составе Бессарабской губернии также свидетельствуют о том, что значительная доля населения была неподсудна сословной юстиции. По данным губернского статистического комитета, сословная структура Бессарабской губернии на начало 1880-х гг. была следующей: дворяне – 0,8%, духовенство – 1,0, купцы и почетные граждане – 0,6, мещане – 23,1, крестьяне – 68,1, колонисты – 0,5, военные – 1,5, отставные нижние чины – 1,3, иностранцы – 1,0, лица, не приписанные к сословиям, – 2,2% [31. С. 52–54]. Соответственно, не менее 30% населения Бессарабии относилось к сословным группам, которые не входили в юрисдикцию волостных или иных сословных судов. Единственной местной юстицией для них были общегражданские мировые суды.

Существенный вклад в общие показатели активности в обращении к мировой юстиции вносило население Измаильского уезда. После вхождения его территории в состав Российской империи в 1878 г. здесь сохранялась административная система всех сословных коммунальных управлений. Соответственно, сословных волостных судов здесь вообще не было, и те дела между крестьянами, которые в других регионах подлежали рассмотрению волостной юстицией, здесь были подсудны общегражданским мировым судам [8. С. 194–209; 13; 33]. Именно этим по большей части определялся отмеченный выше высокий уровень востребованности мировой юстиции в Измаильском уезде. С учетом сословного состава Бессарабской губернии и того, что в Измаильском уезде вообще не было волостных судов, можно констатировать, что на начало 1880-х гг. около 36% населения губернии входило в юрисдикцию только общегражданских судов. Это примерно в два раза превышало долю населения вне юрисдикции сословных судов по европейской части в целом – оценочно, на основании данных МВД 1870 г. и переписи 1897 г. о сословном составе населения, она составляла около 13–14% [34. С. 22–25; 35. Табл. VIII].

Следует учитывать, что многие формально приписанные к городским сословиям жители Бессарабии (прежде всего, мещане) по факту постоянно проживали в сельской местности. По данным Бессарабской земской управы, в период 1840–1860-х гг. многие царане и однодворцы Бессарабии с целью уменьшения податей и повинностей «целыми массами приписывались к городам», оставаясь по факту земледельцами в своих сельских поселениях. В результате в некоторых селениях число формально не приписанного к местам по-

стоянного жительства обывателей нецаранского звания составляло половину и более всего населения [36]. Соответственно, мировые участки в уездах с большой долей такого рода сельского населения отличались от носительной загруженностью судебными делами.

Исключительная активность в обращении к мировой юстиции определялась также спецификой хозяйственной деятельности и землевладения в регионе. Большинство гражданских дел в мировых судах составляли дела о неисполнении долговых обязательств и договоров. За первое пятилетие функционирования мировой юстиции в Бессарабской губернии доля таких дел варьировалась от 86 до 91%. Вторую позицию занимали дела о нарушенном владении – от 6 до 10%. Удельный вес гражданских дел о личных обидах и оскорблениях колебался от 1 до 3%. Все остальные типы дел – о вызове наследников, утверждении в правах наследства, разделе наследственного имущества, вводе во владение недвижимым имуществом и по делам, решаемым мировым судьей «по совести», – составляли не более 1% каждый [11].

Значительное количество гражданских дел об исполнении кредитных обязательств и договоров было связано с интенсивным развитием в крае отраслей товарного сельского хозяйства (виноделия, табаководства, плодоводства, зернового производства) и собственно торговли. В ряде ключевых товарных отраслей на ведущие позиции выходили мелкие производители – царане, резеши, мещане. Так, в течение 1880-х гг. площади виноградников у резешей увеличились на 77%, а у бывших царан – почти в 3 раза. Из 30 тыс. владельцев виноградников в Бессарабии 9/10 были крестьянами [37. С. 31, 71, 76–77]. Мелкие сельские хозяева занимали ведущие позиции в бессарабском товарном табаководстве. По данным за 1883 г., удельный вес табачных плантаций площадью до 1 дес. составлял в бессарабском табаководстве 83,6%, до 5 десятин – 13,8%. Эти категории плантаций поставляли 67,8% табака. Более 94% площадей под табак располагались в центральных уездах – Оргеевском, Сорокском и Кишиневском [32. С. 3–23].

Интенсивный гражданский оборот в условиях массового товарного земледелия – заключение многочисленных сделок о поставках, займе, выполнении работ и прочем – порождал неизбежно множество конфликтных ситуаций и, соответственно, судебных исков. Преобладание мелких производителей и торговцев определяло массовый характер гражданских дел [20; 24; 38; 39. С. 21]. Так, по одному только селу Кожушна Сирецкой волости Кишиневского уезда – населенному резешами (1 250 жителей) значительному центру товарного сельского хозяйства – в 1871 г. в мировом суде возникло более 500 гражданских дел. По свидетельству Оргеевского земства, особенно много исков в мировой суд поступало в связи с договорами поставки сельскохозяйственной продукции, «которые при малейшей неустойке влекут за собой жалобы той или иной сторо-

ны» [20; 40. С. 114]. В широко распространенные в Бессарабии контракты по найму на сельскохозяйственные работы вносился, как правило, пункт о том, что в случае конфликта между нанимателем и работниками разбирательство должно осуществляться в мировом суде [41. С. 368–371, 395–396].

В Бессарабии была одна из самых низких в империи (ниже только в столичных губерниях) средняя цена гражданского иска в мировых судах. По данным за 1885 г., она составляла 55,3 руб. при средней цене по европейской части империи 93,6 руб. (см. табл. 1). Корреляционный анализ средней цены гражданского иска и количества гражданских дел на 1 тыс. по губерниям Европейской России выявил значимую корреляцию этих показателей (значение корреляции по Пирсону составило $-0,443$ при уровне значимости $0,01$). Общая тенденция заключалась в том, что чем выше был показатель судебно-гражданской активности, тем ниже средняя цена иска. Приведенные данные и подсчеты свидетельствуют о том, что в Бессарабии в судебных процессах мировой юстиции участвовала более значительная по сравнению с другими регионами России доля широких слоев небогатого населения с их относительно небольшой суммой исков.

С учетом большого количества сделок разного характера для широких масс населения Бессарабии важна была, среди прочего, нотариальная функция мировых судов, которую они выполняли до 1881 г. Наличие возможности официально заверить актовый документ (заемное письмо, вексель, доверенность, договор аренды, найма и др.) у мирового судьи расширяло правовое регулирование гражданских правоотношений, создавало альтернативу заключению сделок «домашним порядком», укрепляло юридические гарантии сторон. По данным земской управы, в Оргеевском уезде, где особенно интенсивно развивалось товарное земледелие, в пореформенный период быстро увеличивалось количество «договорных отношений и юридических сделок», заключенных поселянами и горожанами. Десятилетняя нотариальная практика восьми участков мировых судей, констатировала управа, «приучила население» к их официальной юридической фиксации.

В литературе уже обсуждался этноконфессиональный фактор судебной активности в Бессарабии. Вызывалось мнение, что большая часть гражданских исков в мировых судах региона инициировалась представителями еврейского населения. Это связывалось, прежде всего, с их преобладающим положением в торговле и кредитной сфере [12]. Такое суждение соответствует мнениям некоторых современников [38, 42]. В какой мере верны эти оценки?

Публикации об апелляциях и кассациях по гражданским делам в уездных мировых съездах позволяют получить представление как о предмете исков, так и об этноконфессиональном составе участников судебных процессов. Вместе с тем очевидно, что распределение по этим параметрам апелляционных дел не отражает в

полной мере данного распределения в первой инстанции мирового суда. Тем не менее эти данные позволяют сделать некоторые важные наблюдения и предварительные выводы.

В 1885 г. «Бессарабские губернские ведомости» опубликовали сведения по делам, поступившим на рассмотрение мировых съездов шести уездов – Кишиневского, Оргеевского, Ясского, Сорокского, Бендерского и Измаильского. Всего было учтено 2 855 гражданских судебных дел. Антропонимические данные позволяют определить этноконфессиональную принадлежность истцов и ответчиков [43, 44]. В 72,6% гражданских дел истцами выступали христиане, в 26,8% дел иск инициировали евреи (иудеи). В указанных шести уездах доля еврейского населения на начало 1880-х гг. составляла 13,6%. При этом в городах и местечках этих уездов доля евреев составляла 35,5%. Поуездные данные об этноконфессиональной принадлежности инициаторов исков в мировые съезды и о доле евреев (иудеев) среди всего населения уездов и населения городов и местечек приведены в табл. 3. В табл. 4 более подробно представлены типы процессов в съездах мировых судей по критерию этноконфессиональной принадлежности истца и ответчика.

Действительно, еврейское население было относительно более активным в качестве инициаторов гражданских исков в мировых съездах. И это связано, в первую очередь, с тем, что евреи составляли значительную долю городского населения, которое по мелким делам находилось в юрисдикции только мировой местной юстиции. В то же время проанализированные данные показывают, что представление о монополизации еврейским населением мирового института, полном превалировании их в качестве инициаторов судебных дел искажает реальную ситуацию. Так, в Кишиневском уезде доля истцов среди евреев почти такая же, как их доля в общем населении, и существенно ниже доли евреев в городском населении. В других уездах доля евреев среди истцов в мировых съездах в большей или меньшей степени превышает их долю во всем населении, но при этом она везде, кроме Измаильского уезда, меньше доли евреев среди городского населения. Можно констатировать, что мировой судебный институт активно использовали для решения спорных дел представители обеих основных конфессиональных групп губернии.

Приведенные сведения и выводы из них по Бессарабской губернии соответствуют данным поуездной судебной статистики губерний черты оседлости. Корреляционный анализ этих данных не позволяет говорить о наличии статистически значимой связи между удельным весом еврейского населения и общими показателями судебной активности (количеством гражданских исков в мировых судах на 1 тыс. чел.) [27. С. 178–217; 45].

Наряду со статистическими подсчетами для характеристики положения вещей в части уровня судебно-гражданской активности еврейского населения в нача-

ле XX в. можно также привести авторитетное мнение бессарабского губернатора С.Д. Урусова: «...еврей-арендатор избегает всяких столкновений с соседями, не

дает повода для исков и споров, старается мирно разрешить всякое недоразумение, не доводя его до суда» [46. С. 329–331].

Таблица 3

Судебная активность основных конфессиональных групп Бессарабской губернии по данным гражданских дел в мировых съездах в 1885 г., %

Группы	Кишиневский уезд	Оргеевский уезд	Сорокский уезд	Ясский уезд	Бендерский уезд	Измаильский уезд
Доля евреев в общем количестве населения	22,1	12,0	16,2	11,1	9,7	4,0
Доля евреев среди городского населения	40,4	62,8	72,6	56,5	27,2	8,7
Доля исков, где истец – еврей	23,7	23,7	36,7	50,0	25,3	12,7
Доля исков, где истец – христиан	75,1	76,3	62,7	49,6	74,3	86,8

Таблица 4

Конфессиональный состав участников гражданских процессов в съездах мировых судей Бессарабской губернии по данным за 1885 г., %

Группы	Кишиневский уезд	Оргеевский уезд	Сорокский уезд	Ясский уезд	Бендерский уезд	Измаильский уезд
Истец – еврей, ответчик – христиан	11,6	13,4	20,5	22,8	8,9	7,7
Истец – еврей, ответчик – еврей	11,7	10,3	16,2	27,2	14,1	5,0
Истец – христиан, ответчик – еврей	11,9	9,1	13,5	17,0	18,2	10,1
Истец – христиан, ответчик – христиан	62,9	67,2	49,2	32,6	51,3	75,9
Дела, где одна из сторон – ведомство или частная фирма	1,9	0,0	0,6	0,4	7,5	1,3
ВСЕГО	100	100	100	100	100	100

Большой объем гражданских дел в мировых судах Бессарабской губернии порождали поземельные (эти дела относились в основном к категории «восстановление нарушенного владения») и хозяйственные споры внутри полисословных обществ мелких земельных собственников – резешей. Судебная активность резешей из-за запутанности поземельных отношений была высока и в дореформенный период [47. С. 306–313]. Резеши принадлежали к разным сословным группам –

среди них были царане, однодворцы, мещане, купцы, помещики, чиновники, отставные воинские чины и др. Значительная часть резешей и соответственно дел с их участием не подпадала под юрисдикцию волостных судов, они активно обращались с исками в общегражданские мировые суды. Тесная взаимосвязь между степенью распространения резешского землевладения и количеством гражданских дел в мировых судах показана в табл. 5.

Таблица 5

Связь между распространенностью резешского землевладения и общими показателями активности населения в мировых судах

Уезд / мировой округ	Доля резешского землевладения в структуре поземельной собственности уездов, 1884 г., %	Количество гражданских дел в мировых участках на 1 тыс. чел., 1885 г.	Доля судебных дел категории «восстановление нарушенного владения» в мировых съездах, 1885 г., %
Оргеевский	25,1	74	18,1
Кишиневский	19,6	32	25,5
Сорокский	15,3	32	14,5
Ясский	7,4	30	7,2
Бендерский	1,2	19	7,4
Хотинский	0	17	Нет данных
Аккерманский	0	15	Нет данных
Измаильский	Нет данных	38	13,6

Источник: [27. С. 178–217; 48].

Итак, распространенность сложносоставных локальных сообществ, необходимость разрешения множества поземельных споров и активный хозяйственно-торговый оборот в среде мелких собственников и предпринимателей полисословного села приводили в Бессарабии к особой востребованности общегражданского местного суда. Эти же факторы порождали необходимость перехода к всесословной низовой земской единице. В 1881 г. в рамках обсуждения реформы

местного управления Бессарабское земское собрание высказалось за всесословное сельское общество. Измаильский уезд по факту уже представлял собой анклав, где общегражданское местное самоуправление и местная мировая юстиция не имели ограничения в виде сословных институтов [49. С. 19].

Один из ключевых факторов доступности местной юстиции – плотность судебной сети и ресурсная обеспеченность ее инфраструктуры. Бессарабская губерния

была лидером по этим показателям в Европейской части империи. По данным за 1885 г., в среднем на один мировой суд Бессарабской приходилось 27,7 тыс. чел. – меньше всего среди губерний европейской части России. В среднем по губерниям Европейской России на один мировой суд приходилось 40,5 тыс. чел. Эти сопоставления свидетельствуют как об относительно большей доступности мирового суда в Бессарабии, так и о большей его востребованности в регионе. Среди мировых округов Бессарабской губернии лидерами по обсуждаемому показателю был мировой округ Оргеевского (20,1 тыс. чел. в среднем на один судебный участок) и Кишиневского (22,9 тыс. чел.) уездов [27. С. 219–259].

Земство Бессарабской губернии было абсолютным лидером среди других земств по доле земских расходов на содержание мировых судов. По данным на 1885 г., бессарабское земство расходовало на эти цели 20,4% совокупного бюджета, что почти в два раза превышало средний показатель по внутренним губерниям (10,8%). При этом Бессарабская губерния входила в тройку лидеров среди внутренних губерний по количеству этих затрат в перерасчете на единицу населения. По данным за 1885 г., бессарабское земство расходовало на функционирование мировых судов 119,5 руб. в расчете на 1 тыс. чел. (в Таврической губернии – 125,3 руб. и Олонецкой губернии – 122,4 руб.; в среднем по внутренним губерниям – 81,4 руб.) [50. С. 8–9].

В Бессарабии была одна из самых низких в европейской части империи доля обжалований решений участковых мировых судов в мировых съездах. В 1885 г. было обжаловано 5,5% решений мировых судей (меньше только в Олонецкой губернии – 5,2%). Это свидетельствует о достаточно высоком качестве работы мировых судов Бессарабской губернии. Кроме того, они связаны с долей исков с низкой ценой (до 30 руб.), решения по которым не подлежали апелляционному обжалованию. В Бессарабской губернии доля таких окончательных решений составляла 45,1%, в то время как по европейской части империи в целом – 38% [27. С. 177–217].

С учетом лидерства Бессарабии по количеству поступающих дел и средней нагрузке на судью мировая юстиция региона работала с высокой степенью оперативности в разрешении дел. По данным за 1885 г., соотношение всех решенных судебных дел к поступившим вновь составило 99,7% [Там же. С. 263–269].

Одной из важных составляющих миссии мировой юстиции было примирение сторон в ходе судебного процесса. Бессарабская губерния была одним из лидеров по этому показателю. По данным за 1884 г., более четверти (25,8%) всех решенных в мировых судах Бессарабской губернии гражданских дел было завершено примирением сторон. В среднем по 46 внутренним губерниям этот показатель в 1884 г. составил 15,1%. В 1885 г. в мировых судах Бессарабской губернии 21,8% всех дел были разрешены примирением сторон. Это был третий показатель после Олонецкой (30,6%) и Московской (29,3%) губерний. В среднем по 46 внут-

ренним губерниям в 1885 г. примирением сторон завершилось 14,6% гражданских процессов [27. С. 45–84, 178–217].

После 1892 г. мировые суды были сохранены только в Кишиневе и Измаильском уезде. По данным за 1889 г., все мировые судьи Измаильского уезда имели высшее образование (наивысший показатель среди губерний с назначаемыми мировыми судьями) [51]. Мировая юстиция уезда Измаильского уезда в 1902 г. получила высокую оценку уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности: «Институт мировых судей в течение 25 лет стоял на высоте своего призвания, и население всегда находило в нем беспристрастную и просвещенную охрану своих материальных и нравственных интересов». Комитет предлагал и в дальнейшем не создавать в уезде волостные суды, а сохранить мировые, расширив их подсудность [52. С. 107, 202].

В обсуждении в Государственной Думе третьего созыва законопроекта о восстановлении мировых судов активное участие приняли депутаты Бессарабской губернии. Их выступления были хорошо аргументированными и основанными на богатом опыте функционирования местной юстиции в регионе. Наиболее развернуто различные позиции бессарабских представителей были изложены в выступлениях Д.П. Гулькина, крестьянина-старообрядца Оргеевского уезда, и Н.Е. Гепецкого, протоиерея, священника и земского деятеля Аккерманского уезда.

Д.П. Гулькин был одним из немногих депутатов-крестьян, поддерживающих полный переход от сословной к общегражданской юстиции. В своих выступлениях он констатировал, что огромное количество крестьян его региона выражают недовольство сословным волостным судом и выступают за мировой суд. Крестьяне, по уверению депутата, желают судиться по общему государственному закону. При этом сами они пока не готовы быть мировыми судьями, но со временем, по мере увеличения грамотности и ознакомления с законами, смогут избираться и на эти должности. Н.Е. Гепецкий, поддерживая в целом законопроект, выражал опасения в том, что мировой судья из-за перехода к нему всех дел из ликвидируемых судебно-административных учреждений и волостных судов будет слишком перегружен делами. Депутат предлагал сохранить волостной суд, организационно соединив его с мировой юстицией. Состав мирового суда при рассмотрении более важных дел следует сделать коллегиальным, включающим наряду с председателем, профессиональным судьей, также выборных представителей от населения. Это устройство местной юстиции, соединяющее лучшие элементы мирового и волостного суда, приблизит, по мнению депутата, суд к населению и обеспечит правосудие на основе закона и с учетом местных обстоятельств и обычаев [53. С. 1655–1656, 1081, 2674–2678].

В принятом в 1912 г. по итогам длительного обсуждения закона эти две позиции бессарабских депутатов,

основанные на объективных обстоятельствах функционирования местной юстиции в регионе, нашли свое отражение. Итоговая модель оказалась компромиссной и гибридной. Мировой суд был восстановлен, его компетенция существенно расширена в сравнении с моделью 1864 г. Волостной суд при этом был сохранен, но во второй, апелляционной инстанции объединен с мировым судом [54].

Итак, в Бессарабской губернии вследствие ряда особенностей ее дореформенного и пореформенного развития определенная разработчиками миссия и модель мировой юстиции была реализована в гораздо большей мере, чем в большинстве других регионов Российской империи. В значительно большей степени, чем в большинстве других регионов, была осуществлена идея всесословного общегражданского суда. Бессарабия была одним из лидеров по охвату населения (в том числе проживающего в сельской местности) исключительно общегражданским местным судом. В статье доказано, что Бессарабия была также лидером по активности населения по обращению с гражданскими

делами к мировой юстиции. Выявлены разнообразные факторы этого – особенности хозяйственно-торгового оборота и традиционных поземельных порядков, относительно развитая инфраструктура, относительно высокое качество кадрового состава, организации работы и доступность мировых судов. В то же время предварительно можно сделать вывод, что этноконфессиональный фактор – в частности значительная доля еврейского населения – имел ограниченное значение. Православное население региона не менее активно обращалось к мировой юстиции для рассмотрения различных гражданских дел. Исследование подтвердило важность более дифференцированного подхода к оценкам результатов работы мировой юстиции. Ошибочным является суждение, что институт мировой юстиции эффективно выполнял свои задачи только в крупных городах. Пример Бессарабии показывает, что мировая юстиция здесь смогла, в целом, адаптироваться к особенностям региона и далеко продвинуться в выполнении той общей миссии, которая была возложена на нее разработчиками судебной реформы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия / под ред. А.Д. Поповой, А.Д. Лонской. М. : Проспект, 2016. 287 с.
2. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. М. : Мысль, 2003. Т. 4. 677 с.
3. Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // Cambridge History of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917 / ed. by D. Lieven. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 344–368.
4. Neuberger J. Popular legal cultures. The St. Petersburg mirovoi sud // Russia's Great reforms, 1855–1881. Bloomington, 1994. P. 231–246.
5. Судебные уставы Российской империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии / под ред. Д.Я. Малешина. М. : Статут, 2014. 128 с.
6. Лонская С.В. Мировая юстиция в России. Калининград : Изд-во Калининград. гос. ун-та, 2000. 215 с.
7. Нестеренко Л.С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве российской империи : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 177 с.
8. Буда И.Г. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX века в Бессарабии. Кишинев : Картя Молдовеняскэ, 1961. 219 с.
9. Боршевский А.П. Общая характеристика функционирования местного самоуправления и мировой юстиции в Бессарабии (к. 60–70 гг. XIX в.) // Право и политика. 2005. № 8. С. 135–140.
10. Боршевский А., Варварич И. Мировая юстиция в Бессарабии (конец 60-х – 70-е годы XIX в.) // Мировой судья. 2008. № 6. С. 2–5.
11. Боршевский А., Мыца О. Подсудность мировых судов Бессарабии в гражданском судопроизводстве (60–70-е годы XIX в.) // Мировой судья. 2009. № 1. С. 6–9.
12. Боршевский А., Сосна Б. Внедрение судебных уставов Александра II: бессарабская специфика и этнополитические аспекты // Закон и жизнь. 2014. № 10. С. 15–23.
13. Калякина А.В. Юридические коллизии в социокультурном пространстве при реализации Великой судебной реформы 1864 года на территории Бессарабии // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 159–166.
14. Калякина А.В. Периодизация формирования и развития судебной системы Бессарабии в составе Российской империи в XIX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 86–94.
15. Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. СПб., 1862. Ч. 2. 274 с.
16. Халиппа И.Н. Основные исторические данные о Бессарабии // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев : Типо-литография Ф.П. Кашевского, 1902. Т. 2. С. 11–118.
17. Батюшков П.Н. Бессарабия. Историческое описание. СПб. : Общественная польза, 1892. XLIII, 177, 95 с.
18. Артемовский-Гулак К.П. Соображения о введении судебной реформы в Бессарабской области // Записки Бессарабского областного статистического комитета. 1867. Т. 2. С. 275–302.
19. Ведомость о движении дел у мировых судей Кишиневского судебно-мирового округа в 1870 и 1871 годах и с 1 января по 1 июля 1872 года // Бессарабские областные ведомости. 1872. № 78. С. 439.
20. О деятельности мировых судей и необходимости введения судебных пошлин // Сборник Бессарабского земства. 1877. № 2. С. 14–18.
21. Отношение Съезда мировых судей Хотинского округа в Хотинскую уездную земскую управу // Вестник бессарабского земства. 1884. № 10. С. 203–205.
22. Отчет о действиях уездной земской управы за 1878 год // Сборник Бессарабского земства. 1879. № 3. С. 7–17.
23. Отчет о делопроизводстве мировых судей Ясского округа // Сборник Бессарабского губернского земства. 1879. № 5. С. 58–60.
24. Доклады Оргеевской уездной земской управы X очередному уездному земскому собранию 1878 года // Сборник Бессарабского земства. 1879. № 3. С. 29–38.
25. Журналы заседаний Хотинского уездного XI очередного земского собрания созыва 1879 года // Сборник Бессарабского земства. 1880. № 5. С. 39–45.
26. Статистика Российской империи. Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. СПб. : ЦСК МВД, 1887. 313 с.
27. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Дополнение к первому выпуску. Обзор деятельности судебно-мировых установлений за 1884 и 1885 годы. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1887. 270 с.
28. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М. : Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.
29. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Дополнение к четвертому выпуску. Обзор деятельности судебно-мировых установлений за 1888 год. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1891. 145 с.

30. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1890. Вып. 4. 118 с.
31. Бессарабский календарь на 1883 год. Кишинев : Типография Бессарабского губернского правления, 1883.
32. Бессарабский календарь на 1887 год. Кишинев : Типография Бессарабского губернского правления, 1887.
33. Verkhovtseva I. Peasant Self-Government in the Ukrainian Danube Region (End of XIX – Early XX Century): Social and Cultural Aspects // *Journal of Danubian Studies and Research*. 2013. Vol. 3, № 1. P. 44–51.
34. Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10: Наличное население Империи за 1870 г. СПб. : В. Безобразов, 1875. 281 с.
35. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Центральный статистический комитет, 1905. Т. 1.
36. Доклады Бессарабской областной земской управы Бессарабскому 2-му экстраординарному областному земскому собранию, бывшему в августе 1871 года // *Сборник Бессарабского земства*. 1873. № 2. С. 35–36.
37. Анцулов И.А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. Кишинев : Штиинца, 1981. 252 с.
38. Саранцов Д. Краткие сведения о мировых учреждениях Кишиневского округа // *Бессарабские областные ведомости*. 1870. № 64. 15 августа. С. 251.
39. Отчеты и доклады Бессарабской Губернской Земской Управы. Кишинев : Типография Бессарабского Земства, 1885. 559 с.
40. Волости и важнейшие селения Европейской России. СПб. : Центральный статистический комитет, 1886. Вып. 8. 157 с.
41. Ермолинский К.Н. Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду Бессарабской губернии. М., 1886. 950 с.
42. Х.К. Мировой суд // *Бессарабские областные ведомости*. 1870. № 11. С. 37–38.
43. Вайсенберг С.А. Имена южнорусских евреев // *Этнографическое обозрение*. 1913. Кн. 96–97. С. 77–109.
44. Суляк С.Г. Полиэтническая Молдавия (по данным топонимики и антропонимики) // *Русин*. 2013. № 1 (31). С. 95–105. DOI: 10.17223/18572685/31/6
45. Аленицын В.Д. Еврейское население и землевладение в юго-западных губерниях Европейской России, входящих в черту еврейской оседлости. СПб. : Государственная типография, 1884. 93 с.
46. Урусов С.Д. Очерки прошлого. Записки губернатора. М. : Издательство В.М. Саблина, 1907. 377 с.
47. Морозан В. Бессарабия и ее дворянство в XIX – начале XX в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 528 с.
48. Бессарабские губернские ведомости. 1885 год.
49. Скалон В.Ю. Земские взгляды на реформу местного управления. М. : Тов-во «Печатня С.Н. Яковлева», 1884. 236 с.
50. Свод сведений о доходах и расходах по земским сметам и раскладкам за 1884 и 1885 гг. СПб. : Хозяйственный департамент МВД, 1887. 149 с.
51. Окунев Н. К вопросу об образовательном цензе и продолжительности службы мировых судей // *Журнал Министерства юстиции*. 1896. № 2. С. 207–212.
52. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. III: Бессарабская губерния. СПб. : Типография Штаба отдельного корпуса пограничной стражи, 1903. 401 с.
53. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Заседания 1–32. СПб. : Государственная типография, 1910.
54. Верняев И.И. Реформа местного суда 1912 г. в имперском измерении: как строить общие институты в многосоставном обществе // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8, № 4. С. 966–982. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.412

Igor I. Verniaev. Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: i.verniaev@spbu.ru

JUSTICE OF THE PEACE IN THE BESSARABIA PROVINCE: A COMPARATIVE ANALYSIS IN THE IMPERIAL CONTEXT

Keywords: Russian Empire; Bessarabia province; justice of the peace; comparative studies of reform and adaptation of judicial institutions.

Justice of the peace in the Russian Empire as a mass judicial institution had to provide growing economic activity and protection of personal and property rights of citizens regardless of their class, ethnic and religious affiliation. Justice of the peace was also endowed with the mission of rapprochement of imperial center and borderlands, ethnic, confessional and estates groups. The integration of legal and cultural norms of heterogeneous population was to take place through the new judicial institutions.

A degree of realization of the tasks of justice of the peace in the Russian Empire is estimated in historiography differently. To clarify the issue, new regional studies and interregional comparisons are required. The practice of justice of the peace courts was based on the Judicial Statutes of 1864, but in fact it varied under influence of various factors. The functioning of the courts in Bessarabia is particularly important due to a number of features of the region in the economic, social, ethno-confessional and legal fields. The article presents the results of a study of justice of the peace in Bessarabia in a comparative perspective. Based on the materials of ministerial and zemstvo statistics, periodicals, court cases, and narrative sources, it is proved that Bessarabia province was one of those regions where the idea of justice of the peace as a general civil local court was most implemented. The leadership of Bessarabia among other regions of the empire in the activity of the population in addressing justice of the peace to resolve civil cases is revealed. A variety of factors have been identified - features of economic and trade activity and traditional land tenure, a relatively developed infrastructure and high quality of staff, organization of work and accessibility of justice of the peace courts. An assessment of the significance of the ethno-confessional factor is also given. Based on the statistical analysis of court cases, it was concluded that representatives of both major faiths of the region - Orthodoxy and Judaism - equally actively appealed to the justice of the peace.

The study confirmed the importance of a more differentiated approach to assessing the results of the functioning of the justice of the peace. It is incorrect to say that the Institute of the justice of the peace courts effectively performed its tasks only in large cities. The example of Bessarabia shows that the justice of the peace here was able to adapt to the peculiarities of the region and to advance far in the implementation of the overall mission that was entrusted to it by the developers of judicial reform. During the restoration of justice of the peace at the beginning of the 20th century, the experience of Bessarabia and the arguments of its representatives in the State Duma played a significant role.

REFERENCES

1. Popova, A.D. & Lonskaya, S.V. (eds) (2016). *Mirovaya yustitsiya v Rossii: sozdanie, deyatel'nost', istoricheskaya missiya* [The Justice of the Peace in Russia: creation, activity, historical mission]. Moscow: Prospekt.
2. Kutafin, O.E. et al. (2003) *Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty* [Judicial branch in Russia: history, documents]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
3. Baberowski, J. (2006) Law, the judicial system and the legal profession. In: Lieven, D. (ed.) *Cambridge History of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917*. Cambridge University Press. pp. 344–368.
4. Neuberger, J. (1994) Popular legal cultures. The St. Petersburg mirovoi sud. In: Eklof, B., Bushnell, J. & Zakharova, L. (eds) *Russia's Great Reforms, 1855–1881*. Bloomington: Indiana University Press. pp. 231–246.

5. Mareshin, D.Ya. (ed.) (2014) *Sudebnye ustavy Rossiyskoy imperii 1864 goda: vliyaniye na sovremennoye zakonodatel'stvo Litvy, Pol'shi, Rossii, Ukrainy, Finlyandii* [Judicial Charters of the Russian Empire of 1864: influence on the modern legislation of Lithuania, Poland, Russia, Ukraine, Finland]. Moscow: Statut.
6. Lonskaya, S.V. (2000). *Mirovaya yustitsiya v Rossii* [Justice of the Peace in Russia]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
7. Nesterenko, L.S. (2012) *Realizatsiya sudebnoy reformy 1864 g. na prostranstve rossiyskoy imperii* [Implementation of the judicial reform of 1864 in Russian Empire]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Budak, I.G. (1961) *Burzhaznye reformy 60–70-kh gg. XIX v. v Bessarabii* [Bourgeois reforms of the 1860–70s in Bessarabia]. Chişinău: Cartea Moldovenească.
9. Borshevskiy, A.P. (2005) Obshchaya kharakteristika funktsionirovaniya mestnogo samoupravleniya i mirovoy yustitsii v Bessarabii (k. 60–70s gg. XIX v.) [General characteristics of the functioning of local self-government and justice of peace in Bessarabia (the late 1860–70s)]. *Pravo i politika*. 8. pp. 135–140.
10. Borshevskiy, A. & Varvarich, I. (2008) Mirovaya yustitsiya v Bessarabii (konets 60-kh – 70-e gody XIX veka) [Justice of the peace in Bessarabia (the late 1860–70s)]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 6. pp. 2–5.
11. Borshevskiy, A. & Mytsa, O. (2009) Podsudnost' mirovykh sudov Bessarabii v grazhdanskom sudoproizvodstve (60–70-e gody XIX v.) [Jurisdiction of the justice of the peace courts of Bessarabia in civil proceedings (60–70s of the nineteenth century)]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 1. pp. 6–9.
12. Borshevskiy, A. & Sosna, B. (2014) Vnedrenie sudebnykh ustavov Aleksandra II: bessarabskaya spetsifika i etnopoliticheskie aspekty [Implementation of Alexander I's judicial charters: Bessarabian specificity and ethnopolitical aspects]. *Zakon i zhizn'*. 10. pp. 15–23.
13. Kalyakina, A.V. (2017) Juridical collisions in the socio-cultural space during the implementation of the Great Judicial Reform of 1864 in Bessarabia]. *Yuridicheskaya tekhnika – Juridical Techniques*. 11. pp. 159–166 (In Russian).
14. Kalyakina, A.V. (2018) Periodization of the formation and development of the judicial system of Bessarabia in the Russian Empire. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 86–94. (In Russian).
15. Zashchuk, A. (1862) *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. Bessarabskaya oblast'* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Bessarabian region]. Part 2. St. Petersburg: Tip. Kalinovskogo.
16. Khalippa, I.N. (1902) Osnovnye istoricheskie dannye o Bessarabii [Basic historical data about Bessarabia]. In: Khalippa, I.N. (ed.) *Trudy Bessarabskoy gubernskoy uchbennoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Bessarabian Provincial Scientific Archival Commission]. Vol. 2. Chişinău: E. Shliomovich. pp. 11–118.
17. Batyushkov, P.N. (1892) *Bessarabiya. Istoricheskoe opisaniye* [Bessarabia. Historical description]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
18. Artemovskiy-Gulak, K.P. (1867) Soobrazheniya o vvedenii sudebnoy reformy v Bessarabskoy oblasti. In: Egunov, A. (ed.) *Zapiski Bessarabskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta* [Notes of the Bessarabian Regional Statistical Committee]. Vol. 2. Chişinău: [s.n.]. pp. 275–302.
19. *Bessarabskie oblastnye vedomosti*. (1872) Vedomost' o dvizhenii del u mirovykh sudov Kishinevskogo sudebno-mirovogo okruga v 1870 i 1871 godakh [Data on the progress of cases in justice of the peace courts of the Chişinău Judicial District in 1870 and 1871]. 78. p. 439.
20. Cotruţă, A.M. (ed.) (1877) O deyatel'nosti mirovykh sudov i neobkhodimosti vvedeniya sudebnykh poshlin [On activity of magistrate judges and the need for judicial fees]. *Sbornik Bessarabskogo zemstva*. 2. pp. 14–18.
21. *Vestnik bessarabskogo zemstva*. (1884) Otnosheniye S"ezda mirovykh sudov Khotinskogo okruga v Khotinskuyu uездnuyu zemskuyu upravu [Appeal of the Congress of Magistrate Judges to the Khotinsky District Zemstvo Council]. 10. pp. 203–205.
22. Cotruţă, A.M. (ed.) (1879a) Otchet o deystviyakh uездnoy zemskoy upravly za 1878 god [Report on the actions of the county zemstvo council for 1878]. *Sbornik Bessarabskogo zemstva*. 3. p. 7–17.
23. Cotruţă, A.M. (ed.) (1879b) Otchet o deloproizvodstve mirovykh sudov Yasskogo okruga [Report on the office work of the justices of the peace of Yasy District]. *Sbornik Bessarabskogo gubernskogo zemstva*. 5. pp. 58–60.
24. Cotruţă, A.M. (ed.) (1879c) Doklady Orgeevskoy uездnoy zemskoy upravly [Reports of the Orgeev District Zemstvo Council] *Sbornik Bessarabskogo zemstva*. 3. pp. 29–38.
25. Cotruţă, A.M. (ed.) (1880) Zhurnaly zasedaniy Khotinskogo uездnogo XI ocherednogo zemskogo sobraniya sozyva 1879 goda [Journals of meetings of the Khotinsky District of the 11th Regular Zemstvo Assembly of Convocation of 1879]. *Sbornik Bessarabskogo zemstva*. 5. pp. 39–45.
26. Russia. (1887) *Statistika Rossiyskoy imperii. Sbornik svedeniy po Rossii za 1884–1885 gg.* [Statistics of the Russian Empire. Collection of information on Russia for 1884–1885] St. Petersburg: Central Statistical Committee.
27. Russia. (1887) *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii. Dopolnenie k pervomu vypusku* [Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Supplement to the first issue]. St. Petersburg: Senate Printing House.
28. Rashin, A.G. (1956) *Naseleniye Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)* [The population of Russia over 100 years (1811–1913)]. Moscow: State Statistical Printing House.
29. Russia. (1891) *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii. Dopolnenie k chetvertomu vypusku* [Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Supplement to the fourth issue]. St. Petersburg: Senate Printing House.
30. Russia. (1890) *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii* [Collection of statistical information of the Ministry of Justice]. Vol. 4. St. Petersburg: Senate Printing House.
31. Bessarabskie gubernskie vedomosi. (1883) *Bessarabskiy kalendar' na 1883 god* [Bessarabian calendar for 1883]. Chişinău: Bessarabian Provincial Government.
32. Bessarabskie gubernskie vedomosi. (1887) *Bessarabskiy kalendar' na 1887 god* [Bessarabian calendar for 1887]. Chişinău: Bessarabian Provincial Government.
33. Verkhovtseva, I. (2013) Peasant Self-Government in the Ukrainian Danube Region (the late 19th – early 20th Century): Social and Cultural Aspects. *Journal of Danubian Studies and Research*. 3(1). pp. 44–51.
34. The Central Committee of Statistics. (1875) *Statisticheskiy vremennik Rossiyskoy imperii* [Statistical Annals of the Russian Empire]. 2(10). St. Petersburg: V. Bezobrazov.
35. Troynitsky, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 1. St. Petersburg: Central Statistical Committee.
36. Cotruţă, A.M. (ed.) (1873) Doklady Bessarabskoy oblastnoy zemskoy upravly 1871 goda [Reports of the Bessarabian Regional Zemstvo Council of 1871]. *Sbornik Bessarabskogo zemstva*. 2. pp. 35–36.
37. Antsupov, I.A. (1981) *Sel'skokhozyaystvennyy rynek Bessarabii v XIX v.* [The agricultural market of Bessarabia in the nineteenth century]. Chişinău: Ştiinţa.
38. Saranchov, D. (1870) Kratkie svedeniya o mirovykh uchrezhdeniyakh Kishinevskogo okruga [Brief information on magistrate judges of the Chişinău district]. *Bessarabskie oblastnye vedomosti*. 64. p. 251.
39. Bessarabian Provincial Zemsky Council. (1885) *Otchety i doklady Bessarabskoy Gubernskoy Zemskoy Upravly* [Reports of the Bessarabian Provincial Zemsky Council]. Chişinău: Bessarabian Zemstvo.
40. The Central Statistical Committee. (1886) *Volosti i vazhneyshie seleniya Evropeyskoy Rossii* [The volosts and the most important villages of European Russia]. Issue 8. St. Petersburg: Central Statistical Committee.
41. Ermolinsky, K.N. (1886) *Sbornik statisticheskikh svedeniy po Khotinskomu uезdu Bessarabskoy gubernii* [Collection of statistical information on the Khotinsky district of Bessarabia]. Moscow: [s.n.].
42. Kh.K. (1870) *Mirovoy sud* [Justice of Peace]. *Bessarabskie oblastnye vedomosti*. 11. pp. 37–38.

-
43. Vaysenberg, S.A. (1913) Imena yuzhnorusskikh evreev [Names of South Russian Jews]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 96–97. pp. 77–109.
  44. Sulyak, S.G. (2013) Multiethnic Moldavia (according to toponymic and anthroponymic information). *Rusin*. 1. pp. 95–105. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/31/6
  45. Alenitsyn, V.D. (1884) *Evreyskoe naselenie i zemlevladienie v yugo-zapadnykh guberniyakh Evropeyskoy Rossii* [Jewish population and land ownership in the southwestern provinces of European Russia]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
  46. Urusov, S.D. (1907) *Ocherki proshlogo. Zapiski gubernatora* [Essays on the Past. Governor's Notes]. Moscow: V.M. Sablin.
  47. Morozan, V. (2018) *Bessarabiya i ee dvoryanstvo v XIX – nachale XX v.* [Bessarabia and its nobility in the 19th – early 20th centuries]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
  48. *Bessarabskie gubernskie vedomosti*. (1885)
  49. Skalon, V.Yu. (1884) *Zemskie vzglyady na reformu mestnogo upravleniya* [Zemstvo views on local government reform]. Moscow: S.N. Yakovlev.
  50. Russia. (1887) *Svod svedeniy o dokhodakh i raskhodakh po zemskim smetam i raskladkam za 1884 i 1885 gg.* [Collection of information on income and expenditure of zemstvo estimates and layouts for 1884 and 1885]. St. Petersburg: Economic Department of the Ministry of Internal Affairs.
  51. Okunev, N. (1896) K voprosu ob obrazovatel'nom tsenze i prodolzhitel'nosti sluzhby mirovykh sudey [On educational qualifications and length of service of magistrate judges]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 2. pp. 207–212.
  52. Russia. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. III: Bessarabskaya guberniya* [Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry. III: Bessarabian province]. St. Petersburg: Headquarter of a Separate Border Guard Corps.
  53. The State Duma. (1910) *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1909 g. Zasedaniya 1–32* [The State Duma. Third convocation. Verbatim records. 1909. Sessions 1–32]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
  54. Verniaev, I.I. (2018) The Reform of Local Court of 1912 in Imperial Dimension: the Making of Common Institutes in Plural Society. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8(4). pp. 966–982. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.412

УДК 930:06(624.015)
DOI: 10.17223/19988613/63/2

И.А. Дунбинский

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПО ПРИОБРЕТЕНИЮ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ВОЗВЕДЕНИЯ ЗДАНИЙ СИБИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОРОДЕ ТОМСКЕ

На основании документов, хранящихся в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета и в Национальном музее Республики Татарстан в фонде В.М. Флоринского, а также материалов Государственного архива Томской области и Российского государственного исторического архива реконструируется история деятельности Строительного комитета, связанная с заготовкой строительных материалов для возведения зданий Императорского Томского университета.

Ключевые слова: Строительный комитет; Сибирский университет; В.М. Флоринский; подрядчики; строительные материалы.

16 (28) мая 1878 г. указом императора Александра II был учрежден Сибирский университет в городе Томске [1. Ст. 58527]. Однако перед тем как приступить к непосредственному возведению зданий Сибирского университета потребовалось два года для того, чтобы решить вопросы, связанные с организацией строительных работ: составить чертежи и сметы на строительство будущего университета, а также определить источники финансирования.

В эти же сроки решался и вопрос о способе организации строительных работ. Согласно решению «Комиссии для обсуждения проекта устройства зданий будущего Сибирского университета» строительство должно было осуществляться хозяйственным способом. По расчетам Министерства народного просвещения, этот способ ведения строительных работ должен был позволить не только существенно сэкономить средства казны, но и привлечь дополнительно частные пожертвования [2. Л. 8; 4].

14 марта 1880 г. императором Александром II был учрежден Строительный комитет по возведению зданий Сибирского университета [3. Ст. 60655]. Председателем Строительного комитета был назначен томский губернатор В.И. Мерцалов, членами – председатель Томского губернского правления А.И. Дмитриев-Мамонов, томский купец I гильдии, городской голова З.М. Цибульский, архитектор М.Ю. Арнольд (с 1881 г. его сменил архитектор П.П. Наранович) [4] и член Строительного комитета от Министерства народного просвещения на весеннее и летнее время, профессор Казанского университета В.М. Флоринский. Во время отсутствия последнего, в зимний и осенний периоды, его обязанности возлагались на делопроизводителя Строительного комитета от Министерства народного просвещения А.С. Белявского [5. Л. 1–2].

Однако, несмотря на то что В.М. Флоринский в осенне-зимний период находился в Казани, он состоял в постоянной переписке в вышеупомянутом А.С. Белявским, который не только писал ему обо всех изменениях в Строительном комитете во время его отсут-

ствия, но и лоббировал на заседаниях Строительного комитета точку зрения В.М. Флоринского, о чем свидетельствует переписка между ними [6].

За 11 лет работы (1880–1891 гг.) Строительный комитет собирался 477 раз на свои заседания. Им был проделан огромный объем работ по организации строительства. За это время были возведены: главное университетское здание, анатомический корпус, оранжерея, дом общежития студентов, ботанический дом, водочка, водонапорная башня и газовый завод с газгольдером. Журналы Строительного комитета, хранящиеся в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, а также письма и дневниковые записи дают возможность реконструировать историю деятельности этого органа.

Уже с первых дней члены Строительного комитета столкнулись с острой нехваткой строительных материалов: кирпича, леса, бутового камня, извести и песка. Наиболее дефицитным материалом был кирпич, общая потребность в котором для всех назначенных к постройке университетских зданий составляла более 14 млн штук. Только на главное здание его требовалось до 9,3 млн штук [6. 1880. 10 июня].

Заметим, что все имевшиеся в то время в Томске кирпичные заводы производили в общей сложности не более 1 млн штук кирпича кустарной выделки в год. Даже если бы они могли удвоить выпуск кирпича, то для строительства только одного главного здания университета без внутренней отделки потребовалось бы 5 лет, а для возведения всех университетских зданий вчерне – около 7 лет [7. С. 85–86]. Но ведь кирпич нужен был и для городских построек. Одновременно со строительством университета в Томске, помимо частного строительства, предстояло возвести казармы, духовную семинарию, гимназию, театр, не говоря уже о Троицком кафедральном соборе.

В связи с этим, а также с тем, что средняя цена на кирпич с 1877 г., когда делались расчеты, выросла с 8 руб. до 14–15 руб. за тысячу штук [6. 1880. 3 июня],

Строительный комитет «для обеспечения успешного хода постройки университетских зданий и для избежания непомерного вздорожания кирпича» пришел к выводу о необходимости устройства «особого» завода для производства «в размерах соответственных полному количеству требующегося для университетских построек материала» и «с теплыми зимними сараями в соединении с машинною формовкой сырца» для круглогодичной работы [6. 1880. 10 июня].

Строительным комитетом была также определена «удобная» для кирпичного завода территория, расположенная «за женским монастырем, между дорогой в военный лагерь и почтовым трактом на с. Спасское», об отводе которой в свою пользу Строительный комитет обратился к Томской городской думе [Там же. 3 июня].

Данная местность была выбрана членами Строительного комитета из следующих соображений. Во-первых, «глина [на этой территории] вполне превосходна для выделки кирпича качества, чистая, песчаная в такой степени, что не потребует подвозки и добавления песка». Во-вторых, снабжение завода водой на этом участке земли возможно было осуществить с помощью колодцев, и это «доказывают существующие колодцы на заводе арестантской роты», который был расположен на той же территории. В-третьих, предлагаемое место располагалось поблизости от университетских построек, что было признано удобным для подвоза кирпича с завода. В-четвертых, место было расположено не далеко от р. Томи, что «обеспечивает удобство подвозки на завод леса и дров». В-пятых, «вся означенная местность назначена по городскому плану к отведению под кирпичные заводы» [Там же. 10 июня].

Для возведения задуманного завода Строительный комитет обратился к томскому потомственному почетному гражданину колыванской I гильдии купцу П.В. Михайлову [Там же. 3 июня], который согласился принять предложение Строительного комитета. По приблизительному расчету П.В. Михайлова, цена на 1000 штук кирпича без доставки должна была составить 10 руб., а с доставкой к месту постройки – 12 руб. [Там же. 28 окт.].

13 августа 1880 г. Томская городская управа передала Строительному комитету в пользование «пустопорожнее городское место под кирпичные заводы» сроком на 12 лет, «считая со времени прекращения поставки кирпича для университетских построек, с платой арендной суммы, по назначению Думы» [Там же. 18 авг.].

В октябре 1880 г., зная о нуждах Строительного комитета, красноярские купцы, потомственные почетные граждане братья Даниловы подали заявление о желании, так же как и П.В. Михайлов, построить кирпичный завод для университетских построек «машинного производства» [8. Л. 27–28].

Цену за 1 тыс. кирпичей они назначили сначала в 10 руб. без доставки к месту постройки, но когда один из братьев приехал в Томск, то цену увеличили до

11 руб. 50 коп. без доставки [6. 1880. 28 окт.]. Однако члены Строительного комитета признали эту цену слишком высокой «и, не усматривая из кондиций Данилова никаких данных, которые могли бы служить верным ручательством в изготовлении кирпича в надлежащем количестве и качестве, вновь вошли в переговоры с г. Михайловым» [Там же].

Кроме того, вслед за братьями Даниловыми, свой кирпичный завод предложил построить и «некий полячек Иваницкий», пообещавший Строительному комитету поставить к 1881 г. 1,5 млн кирпичей, определив цену за 1 тыс. кирпичей 12 руб. с доставкой. Однако выставил условие, что ему будут даны «дрова для обжига без попенной платы и дана будет подвозка кирпича за 2 руб.» [9. 1880. 28 сент.].

20 ноября 1880 г. П.В. Михайлов и присоединившийся к его подряду член Строительного комитета З.М. Цибульский [10. 15 нояб.] подали официальное заявление о готовности устроить за свой счет кирпичный завод, который должен был производить кирпич для университетских построек [8. Л. 71].

В своем заявлении они «обязывались» с 1 июля 1882 г. ежегодно производить ручным или машинным способом до 3 млн штук кирпичей. Цену за 1 тыс. кирпичей назначили в 10 руб. без доставки к месту постройки [6. 1880. 22 нояб.] и не дороже 12 руб. с доставкой [Там же. 31 дек.].

Однако П.В. Михайлов и З.М. Цибульский выдвинули перед Строительным комитетом ряд условий. Во-первых, последний должен был передать в безвозмездное пользование землю, которая была отведена городом для выделки кирпича комитету. Во-вторых, они просили право беспошлинно вырубать пихтовый и сосновый лес в нужном количестве «для возведения заводских сараев и построек, а также [пользоваться] дровами сосновыми, еловыми, пихтовым» лесом «в тех местах Алтайского горного ведомства, которые нам будут указаны». И, в-третьих, они просили разрешить беспошлинно пользоваться каменным углем, «если таковой понадобится» [Там же. 22 нояб.].

Более того, П.В. Михайлов и З.М. Цибульский подчеркнули, что берут на себя постройку завода и поставку кирпича «не в качестве подрядчиков и не в видах наживы, а единственно с целью оказать посильную помощь скорейшему возведению зданий университета». Исходя из этого, они настаивали на том, чтобы их заявление рассматривали как пожертвование и не заключали с ними контракт как с подрядчиками [9. 1881. 23 окт.].

30 декабря 1880 г. доверенное лицо братьев Даниловых технолог Железняк передал на имя председателя Строительного комитета заявление о готовности последних построить кирпичный завод для нужд университетских построек «при некотором содействии комитета». Братья в соответствии с заявлением обязывались ежегодно с 1881 г. поставлять от 1 до 1,5 млн штук хорошего кирпича по цене в 11 руб. 45 коп. за 1 тыс. штук с доставкой к месту постройки [6. 1880. 22 нояб.].

Условия относительно качества кирпича, отвода места для завода, использования казенных лесных дач для потребностей завода они согласны были принять те же, что установили для себя З.М. Цибульский и П.В. Михайлов. Но в отличие от последних, они готовы были заключить со Строительным комитетом официальный контракт [6. 1881. 23 янв.].

Однако, несмотря на более выгодные условия со стороны братьев Даниловых, Строительный комитет, прознав, что к компании к Даниловым присоединился уволенный ранее архитектор М.Ю. Арнольд, отказал им в заключении контракта. «Раз Комитет скинувши со своих плеч ярмо, – писал А.С. Белявский В.М. Флоринскому, имея в виду Арнольда, – не должен накидывать себе на шею петлю» [9. 1881. 6 янв.].

После отказа братьям Даниловым Строительный комитет передал заявление П.В. Михайлова и З.М. Цибульского на утверждение генерал-губернатору Западной Сибири Г.В. Мещеринову [8. Л. 18–19].

Однако далеко не все члены Строительного комитета были согласны с этим решением. «Будучи в Омске, – писал в своем дневнике В.М. Флоринский, – я не знал этих условий, но теперь, ознакомившись в комитете с текущими делами, я пришел в отчаяние. Достаточно сказать, что комитет обязался выдать Цибульскому и Михайлову 17 000 бревен (из разрешенного нам без попенной пошлины леса) на постройку завода, не считая дров, жердей, каменного угля и проч. материалов, нужных будто бы для постройки завода и выделки кирпича. При всем том в условии со стороны подрядчиков не выговорено ни ежегодного количества кирпича, ни сроков поставки, никаких гарантий или неустоек в случае неисправности подрядчиков. Мало того, Цибульский и Михайлов именуются в условии даже не подрядчиками (это они находят для себя обидным), а сотрудниками в смысле благотворителей. Когда я заявил в Комитете, что так невозможно вести дела, на меня посыпался град упреков, будто я не доверяю честности коммерции советника З.М. и именитого купца Михайлова, его компаньона. Мне оставалось написать только формальный проект против незаконного и крайне невыгодного способа приобретения кирпича, но заявление мое осталось в журналах мертвой буквой.

<...> Когда я спросил Михайлова: когда же они будут готовить нам кирпич? Он с усмешкой ответил: “царь Соломон строил храм 40 лет, и университету торопиться не к чему”. Грустно и обидно, как эти люди, прикрываясь личиной благотворительности, эксплуатируют в свою пользу наше святое дело, точно издеваясь над моим нетерпением и желанием все сделать скорее, лучше и дешевле» [11].

13 февраля 1880 г. генерал-губернатор обязал Строительный комитет заключить контракт на поставку для университетских зданий кирпича с П.В. Михайловым и З.М. Цибульским со следующими изменениями. Во-первых, право безвозмездного пользования во все вре-

мя производства кирпича для университетских построек дровами было ограничено вырубкой «потребных для того материалов из подлежащих лесных дач ведомства государственных имуществ, отнюдь не касаясь дач, принадлежащих кабинету его величества». Во-вторых, беспошлинный отпуск лесных материалов, необходимых для возведения заводских сараев и построек, должен был производиться лишь «по ближайшему усмотрению Строительного комитета».

Более того, начальник Алтайских горных заводов отпустил для кирпичных сараев и для обжига кирпича с лесных дач, принадлежащих кабинету Его Величества, «соснового леса 5 000 шт., пихтового 3000 шт., драньевого 300 шт., жердей 5 000 шт. и дров до 4 000 куб. саж. (38 880 м³), а всего на сумму пошлины до 2 000 руб.» [6. 1881. 25 февр.].

П.В. Михайлов, узнав осенью 1881 г., что Строительный комитет отказал в признании его заявления как пожертвования и об указании генерал-губернатора Г.В. Мещеринова подписать контракт с ограничением леса, разрешенного к беспошлинной рубке, подал заявление в Строительный комитет о «нежелании заключать контракт на поставку кирпича и нежелании иметь контроля со стороны Комитета об учете леса» [9. 1881. 23 окт.].

В результате члены Строительного комитета «признали ошибочным распоряжение о заключении контракта с гг. Цибульским и Михайловым», а также подали ходатайство генерал-губернатору об «освобождении комитета от подробной проверки требований заводчиков об отпуске леса, необходимого им для возведения заводских сараев и построек» [6. 1881. 24 окт.].

В марте 1881 г. Томская казенная палата даже арестовывала вырубленный З.М. Цибульским и В.П. Михайловым казенный лес, поскольку их доверенное лицо не имело при себе билет на рубку «из отведенных дач дровяного и строевого леса для заводских потребностей» [Там же. 1882. 2 дек.].

Однако, несмотря на содействие Строительного комитета П.В. Михайлову и З.М. Цибульскому, начавшим строительство завода в марте 1881 г. [9. 1881. 6 февр.], наладить изготовление 3 млн кирпичей с 1 июля 1882 г. им так и не удалось. Так, в 1882 г. Строительному комитету было поставлено лишь 175 тыс. кирпичей [6. 1883. 17 февр.]. К концу 1883 г. было поставлено лишь 556 тыс. кирпичей, а в феврале и январе 1884 г. – 620 тыс. Машинное же производство кирпича на заводе началось лишь с 1890 г., когда университет был уже открыт. Остальной необходимый для постройки университетских зданий кирпич был приобретен у частных подрядчиков [12. С. 86].

Что касается братьев Даниловых, то, несмотря на полученный отказ от Строительного комитета, они с февраля 1881 г. начали строительство в Томске своего завода с машинной выделкой кирпича [6. 1881. 6 февр.], а к октябрю того же года этот завод начал свою работу [Там же. 18 окт.].

2 декабря 1881 г. А.С. Белявский привез с завода Даниловых первую тысячу кирпичей, «имеющую звон точно как фаянсовая посуда». Причем сам кирпич «от верхних и нижних рядов» получился совершенно одинакового цвета (алого), «хотя огонь пущен был для получения бурого кирпича, который нужен им [Даниловым] для печей». Цену на кирпич заводчики установили «умеренную» – тысяча кирпичей за 13 руб. [6. 1881. 2 дек.]. В этой связи зимой 1882 г. Строительный комитет заключил с братьями Даниловыми контракт на поставку 1 млн кирпичей до конца года [Там же. 1882. 18 янв.].

Однако в июле 1882 г., как писал в своих мемуарах В.И. Мерцалов, «над заводом разразилась катастрофа: толстая чугунная шестерня, в которую упирался громадный вал глиняного цилиндра, разлетелась на три части, одна из них пробила бревенчатую стену, а две зарылись в земляной пол. Запасной шестерни не было; Шликейзен из Москвы ответил, что и у него нет и что нужно заказать новую отливку за границей» [14. С. 51].

Тем не менее, несмотря на возникшие трудности, братья Даниловы справились с взятыми на себя обязательствами. Во-первых, за счет увеличения темпов работы собственного завода, благодаря чему им удалось произвести 667 тыс. штук кирпичей. Во-вторых, братья Даниловы по более высокой цене на собственные средства купили 82 645 штук кирпичей у соседних производителей, а затем продали его Строительному комитету по фиксированной цене в 13 руб. за тысячу штук. В-третьих, остальное количество кирпича, с согласия братьев Даниловых, было куплено самим Строительным комитетом у подрядчика Степана Клокова и исправительного отделения Томской арестантской роты с условием, что братья Даниловы оплатят разницу в цене [6. 1882. 4 окт.]. В дальнейшем Строительный комитет продолжил покупку кирпича с завода Данилова, но в меньшем объеме, поскольку к 1883 г. строительство главного корпуса было закончено вчерне [Там же. 1884. 16 авг.].

Для удовлетворения нужд университета свой кирпичный завод в 1881 г. построил и томский купец П. Деулин, намеревавшийся ежегодно поставлять по 500 тыс. кирпичей ценой в 12 руб. за тысячу штук с доставкой к месту постройки [Там же. 1880. 10 дек.].

Сам завод Деулина был размещен, с согласия Строительного комитета, а также и З.М. Цибульского с П.В. Михайловым, на земле, отведенной Томской городской думой для строительства кирпичных заводов исходя из потребностей университета в кирпиче [Там же. 1881. 10 июля].

Среди других подрядчиков, принявших участие в поставке кирпича, были Минеев, Шестиперов, Рукавишников, Стуков, Пермитинов, Клоков (отец) [Там же. 1881. 19 нояб.], Клоков (сын), Станкевич, В. Меньшиков, Ерофеев, Хотнянский, Скворцов, Ребрихин [Там же. 1882. 23 февр.], Громов, Канов, Милевский, Кудрин, Березовский, Лошкамаев, Замараев [Там же. 1883. 30 сент.].

Кроме приобретения кирпича через подрядчиков, архитектор М.Ю. Арнольд еще в сентябре 1880 г. предложил приобрести кирпич недостроенного и постепенно разрушающегося к тому времени Троицкого кафедрального собора [6. 1880. 16 сент.].

При разборе этого собора, по словам М.Ю. Арнольда, можно было получить от 1,5 до 2 млн кирпичей [Там же. 1881. 23 янв.]. Члены Строительного комитета поддержали эту идею и обратились с этой просьбой в Томскую городскую думу [6. 1880. 16 сент.]. 14 октября 1880 г. Томская городская дума, после продолжительных дебатов, согласилась продать Строительному комитету соборный кирпич [Там же. 17 дек.].

Однако уже на следующий день М.Ю. Арнольд, осмотрев собор в присутствии членов Строительного комитета, заявил, «что собор сложен из большемерного кирпича, который для университета совершенно не годится» [9. 1880. 4 нояб.]. Естественно, сделка была сорвана.

Спустя два года летом 1882 г. обвалилась часть стен собора, и памятуя о своем согласии на продажу соборного кирпича, данным еще 14 октября 1880 г., Томская городская дума предложила Строительному комитету купить «весь старый соборный кирпич», назначив цену в 7 руб. за тысячу штук целого кирпича и 5 руб. за тысячу штук половинок кирпича [6. 1882. 26 июня]. В результате Строительный комитет дополнительно для своих нужд приобрел 106 200 штук кирпича [Там же. 19 авг.]. Таким образом, к 1882 г. Строительный комитет за счет привлечения новых, крупных подрядчиков ликвидировал в основном проблему с нехваткой строительного кирпича. Кроме того, появление на сибирском рынке новых поставщиков создало переизбыток кирпича. В конечном итоге это привело к общему снижению средней стоимости кирпича, что также оказалось выгодно Строительному комитету.

Другим проблемным материалом для комитета стала заготовка леса. Уже на первом заседании Строительного комитета выяснилось, что в Томске нет строительного леса в достаточном количестве, «а если таковой и имеется у некоторых торговцев, то на него существуют очень высокие цены» [6. 1880. 3 июня]. На том же заседании было принято решение «о сношении» с лесовладельцем Я.И. Петровым с целью заключения с ним контракта на покупку леса. Однако тот отказал Строительному комитету, объяснив это тем, что у него нет достаточного количества для этого леса [Там же. 1880. 10 июня]. В итоге было принято решение обратиться с тем же предложением к томскому купцу Гильдии, потомственному почетному гражданину Е.И. Королеву [Там же. 10 июня], имевшиеся в распоряжении которого бревна, по мнению членов Строительного комитета, были признаны по качеству «вполне удовлетворительными» [8. Л. 14].

В результате непродолжительных переговоров комитет приобрел у купца Е.И. Королева около 5 тыс. бревен соснового леса «разной меры в длину и толщи-

ну» по 12,5 коп. «за погонный аршин» [6. 1880. 31 окт.]. Поскольку лес был отпущен «только доброкачественный», т.е. не гнилой [Там же. 8 июля.], Строительный комитет получил 52 729 аршин лесного материала (4 818 бревен) за 6 591 руб. 12 коп. [Там же. 31 окт.]. Однако такого количества оказалось недостаточно для удовлетворения потребности Строительного комитета в лесе, так как наряду сооружением главного здания (лес требовался, прежде всего, для межэтажных перекрытий и т.п.) намечалось возведение из дерева здания астрономической обсерватории, ботанических построек и оранжерей [9. 1881. 13 янв.].

В связи с этим члены Строительного комитета обратились к исправляющему должность генерал-губернатора Западной Сибири с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед Министерством государственных имуществ и Министерством народного просвещения об отпуске для Сибирского университета из казенных дач 30 тыс. бревен и 4 500 куб. саженей (43 650 м³) дров для обжига кирпича [6. 1880. 28 окт.]. 10 ноября 1880 г. Александр II по всеподданнейшему докладу управляющего Министерством государственных имуществ «повелеть соизволил: отпустить безденежно для постройки зданий Сибирского университета из ближайших к Томску казенных лесов 30 000 бревен и 7 500 куб. саж. дров для обжигания кирпича» [6. 1881. 23 янв.]. Лес было разрешено заготавливать на Темерчинской (чуть ниже Томска, между течением рек Оби и Томи), Богородской (чуть выше Томска, между течением реки Оби и Томи) и Чулымской (между течением реки Оби и Чулыма) дачах [Там же. 15 янв.].

При осмотре казенных дач делопроизводитель Строительного комитета А.С. Белявский выяснил, что в Богородской даче «близ села Богородского не имеется крупного леса, соответствующего потребностям университета». Однако за деревней Астраханцево (близ с. Кожевниково) им был найден «хороший лес, пригодный для университетских построек». В Темерчинской даче рядом селом Молчаново, как отмечал А.С. Белявский, «на весьма громадном пространстве находится прекраснейший лес в достаточном количестве» [Там же. 25 янв.].

Кроме того, Строительный комитет покупал лес у частных подрядчиков при наличии выгодной «для казны» цены. Так, у Аршаулова было закуплено 218 бревен пихтового леса длиной 12 аршин и толщиной 5–6 вершков по цене 30 руб. за сотню [Там же. 14 авг.], а у крестьянина Е. Тарасова – 827 бревен пихтового леса по цене 30 руб. за сотню [Там же. 5 окт.].

Вырубку леса было решено начать силами богородских, астраханцевских и молчановских крестьян [Там же. 25 янв.]. 8 февраля 1881 г. был заключен подряд на вырубку леса с Темерчинской и Богородской дач с каинским мещанином из ссыльных М. Чечериным. Были также определены цены: для крупного леса 65 руб., для плах чистых без горбылей 50 руб., для теса чистых без горбылей 15 руб. за сотню. К концу навигации 1881 г.

М. Чечерин обязывался поставить 8 тыс. бревен круглого леса, 6 тыс. плах и 6 тыс. тесниц [13. Л. 1–2].

Однако к концу указанного срока было поставлено всего 4 623 бревен круглого леса, 1 922 плах и 2 560 тесниц. Кроме того на берегу р. Оби «ввиду скорого замерзания реки» было приготовлено 3 335 бревен, 1 500 плах и 550 тесниц [13. Л. 17–17 об.].

В своих мемуарах председатель Строительного комитета В.И. Мерцалов вину за случившееся возложил на В.М. Флоринского, поскольку последний считал цену в 11 коп. за выгрузку одного бревна слишком высокой и надеялся на снижение цен осенью: «Грешный человек!.. мысленно я обозвал Флоринского мелочником и тупицей: из-за каких-нибудь 400 или 500 руб. оставлять несколько месяцев плоты в Томи, которая как горная река подвержена нередким паводкам, и погубить всю лесную операцию Комитета, это было в высшей степени неразумно» [14. С. 53–54].

Таким образом, М. Чечерин должен был еще поставить 3 377 бревен круглого леса, 4 078 плах и 3 440 тесниц на сумму 4 750 руб. 5 коп. Исходя из этого, Строительный комитет признал М. Чечерина «не исправным подрядчиком», о чем ему было объявлено через Томскую губернскую полицию [6. 1881. 25 сент.]. В конце ноября 1881 г. на выселке Молчановском, близ Тогарских юрт, частично сгорел принадлежащий Строительному комитету лес, не доставленный подрядчиком М. Чичериным [Там же. 2 дек.]. В 1882 г. им была вывезена сохранившаяся часть. Всего за 1881 г. было заготовлено 32 496 бревен [6. 1883. 31 марта].

В том же году, в связи с тем что крестьяне Богородской, Нелюбинской и Елгайской волостей запросили за свою работу слишком высокую цену – по 3 руб. за обыкновенное 9-аршинное бревно толщиной в 7–8 вершков, Строительный комитет «предпочел сделать заготовку леса из дач Алтайского горного ведомства за попенную плату» [Там же]. Для вырубki этого леса через купца П. Гильдии Каймановича был заключен подряд с Таскаевым, Лобановым, Титовым, Черданцевым и самим Каймановичем для вырубki и доставки к месту постройки балочного и строевого леса [6. 1881. 8 февр.]. Тогда же для распилки привезенного леса «в течение круглого года» был заключен подряд с арестантской ротой, состоящей из каторжников, прибывающих в Томске на поселение [Там же. 11 янв.]. Таким образом, к 1883 г. Строительный комитет в основном завершил заготовку необходимых для строительства лесных материалов. Использование же лесных дач Алтайского горного ведомства за попенную плату позволило Строительному комитету менее болезненно принять требование З.М. Цибульского и П.В. Михайлова о бесконтрольной вырубке леса с государственных дач, переданных ему при строительстве кирпичного завода для нужд Сибирского университета.

Некоторые проблемы возникли у Строительного комитета и с приобретением бутового камня, который должен был лечь в основу будущего фундамента университетских построек. «Сметы на постройки, – писал

в своем дневнике В.М. Флоринский, — составлялись по справочным ценам 1877 года. Когда кирпич продавался в Томске по 8 р. тысяча, бут по 8 р. куб. саж., ныне же кирпич покупают, притом малыми партиями, по 14–16 руб., а бут по 17 руб. При всем том, даже за такую высокую цену невозможно было получить строительные материалы в должном количестве» [15. С. 157]. В этой связи Строительный комитет «признал необходимым принять особые меры к более поспешному и более дешевому заготовлению строительных материалов» [6. 1880. 3 июня].

В целях реализации этого плана по предложению председателя Томского губернского правления и одновременно председателя попечительства арестантской роты А.И. Дмитриев-Мамонова был заключен подряд на заготовку 200 кубических сажень (1 940 м³) бутового камня, из которых к 15 августу 1880 г. арестантская рота обязывалась поставить 60 куб. сажень (582 м³). За 1 куб. сажень бутового камня была назначена цена в 8 руб. за сажень с доставкой в город [16. Л. 4].

Однако при выполнении подряда арестантской ротой выяснилось, что себестоимость бутового камня с доставкой на место постройки достигла «не менее 12–13 руб.» [6. 1880. 26 июля]. Исходя из этого, Строительный комитет признал «справедливым» освободить попечительство Томской арестантской роты от взятого на себя обязательства. Более того, Строительный комитет решил приобрести весь имеющийся к этому времени в наличии бут «в количестве 23 куб. сажень (223 м³)» [Там же. 3 окт.] «по той же цене, по коей он поставляется в настоящее время другими поставщиками Строительного комитета, т.е. по 15 р. с доставкой» [6. 1881. 26 июля].

Для добычи бутового камня Строительный комитет заключил подряд, во-первых, с губернским секретарем Астафьевым на поставку для университетских построек от 45 до 100 куб. сажень по цене 15 руб. за куб [Там же. 1880. 18 авг.]. Во-вторых, подряд был заключен с А. Батуриным на поставку 12 куб. сажень бутового камня ценой 15 руб. за куб [Там же. 1881. 26 мая]; в-третьих — с томскими купцами П. Гильдии И.Ф. Шостаком и Денисовым на поставку по 500 куб. сажень (4 850 м³) бутового камня [Там же. 1880. 13 дек.]. Оба назначили цену в 16 руб. за куб [Там же. 10 дек.].

Характеризуя перебранный под надзором М.А. Шестакова и десятника Н.Я. Максимова [9. 1881. 14 марта; 17. Л. 3] и поставленный И.Ф. Шостаком бутовый камень, в журнале Строительного комитета было отмечено, что последний «оказался частью мелкий, а частью совершенно негодный к употреблению в дело». При осмотре камня, заготовленного Денисовым, выяснилось, что из 118 куб. сажень (1 144 м³) бутового камня оказалось 20 куб. сажень (194 м³) «дурного камня (сланца)» [6. 1881. 10 марта]. Более того, оба томских купца не сумели в срок поставить означенное ими количество кирпича [Там же. 2 сент.; 9 сент.] и смогли завершить подряд лишь в 1882 г. [Там же. 1882. 20 июля].

Контракт на поставку бута хотел заключить также «некто» Абрисимов. Он, назначив цену на бут в 14 руб., просил Строительный комитет законтрактовать для него людей, а затем передать ему последних для добычи бутового камня. Однако Строительный комитет отказал в этом, объяснив, что «при таком условии и таких высоких ценах для Комитета выгоднее будет сделаться самому и подрядчиком, и хозяином» [6. 1881. 12 февр.].

Стоит отметить, что бутовый камень добывался подрядчиками недалеко от берегов рек Басандайки и Ушайки, на заимке Поповой, а также на арендованной Михайловым от казны заимке за Степановкой [9. 1881. 5 марта]. Таким образом, к началу 1882 г. весь необходимый для строительства бутовый камень был приобретен через различных подрядчиков.

В конце XIX в. строительная кладка велась исключительно в весенне-летнее время года и заканчивалась с установлением стабильной холодной погоды, что было обусловлено использованием цементирующего раствора на основе извести, песка и воды. В связи с этим для строительных работ требовались в достаточном количестве эти материалы.

Уже на первом заседании Строительного комитета обсуждались способы приобретения извести для университетских построек. Члены Строительного комитета отмечали, что цены на известь выросли с 1877 г. с 12 до 15 руб. за пуд [6. 1880. 3 июня]. Однако если другие строительные материалы не требовали специальных условий для хранения, то с известью дело обстояло иначе. Поэтому перед ее приобретением было решено построить два специальных сарая для склада извести длиной 10 сажень (21 м) и шириной 4 сажени (8,4 м). Строительство этих объектов было поручено Денисову за 225 руб. [Там же. 25 июня] В мае 1881 г., по предложению делопроизводителя А.С. Белявского был построен дополнительный, третий сарай длиной 12 сажень (25,2 м) и шириной 5 сажень (10,5 м) [Там же. 1881. 26 мая].

Только после окончательного завершения постройки сараев [Там же. 1880. 26 июля] был начат поиск подрядчиков для заготовления извести. Одним из первых стал нарымский мещанин Пичугин, обязавшийся поставить 10 тыс. пудов (163 тыс. кг) хорошо обожженной извести по 14 коп. за пуд из заарендованных им у крестьян д. Терехиной (ныне д. Терехина Тюменской области) и д. Пашиной известковых ломов [Там же. 1880. 18 авг.].

Доставка извести оттуда велась речным сплавом от р. Оби. К декабрю 1880 г. им было поставлено лишь 3 тыс. пудов (48 900 кг) извести, а доставка остального количества была перенесена на навигацию будущего года. Однако доставить летом 1881 г. ему не удалось. Лишь глубокой осенью на плотках по Оби было доставлено до тысячи пудов (16 300 кг) извести с просьбой к Строительному комитету ее принять. По этому поводу университетский архитектор П.П. Наранович сообщил, что «сплавляемая вообще на плотках известь, хотя и не выгодна против

гужевой кипелки, но она все таки могла бы быть употреблена с пользой для дела в бутовую кладку; но так как в нынешнем году вся бутовая кладка под главное здание, а равно под астрономию и флигель для служащих окончена», Строительный комитет отклонил привезенную Пичугиным известь [6. 1881. 12 окт.].

В декабре 1880 г. потомственный почетный гражданин Аршаулов, мещанин Хворов и мещанин Попадкий подали заявление на подряд на поставку зимним путем 23 тыс. пудов (374 900 кг) зимней извести по 17 коп. за пуд и летним путем 60 тыс. пудов (582 тыс. кг) извести по 15 коп. за пуд с доставкой к месту построек [Там же. 1880. 10 дек.]. К концу 1881 г., несмотря на то что Аршаулов доставил лишь 25 757 пудов (419 839 кг) зимней извести и 34 948 пудов (5698 652 кг) летней [Там же. 1881. 10 нояб.], с ним был заключен новый приоритетный контракт на поставку 30 тыс. пудов (489 тыс. кг) извести [Там же. 1882. 2 янв.].

Необходимо отметить, что в 1881 г. в целях ускорения приготовления извести с зимы председатель Строительного комитета В.И. Мерцалов также разрешил покупать у крестьян зимнюю известь, но при условии, что цена на зимнюю известь для университетских построек будет не выше 16 коп. за пуд [Там же. 1881. 25 янв.].

Кроме описанных подрядчиков Строительный комитет покупал у Петрова – 1 835 пудов (29 910 кг) извести за 16 коп. [6. 1880. 18 авг.; 3 окт.]; у крестьянина Х. Корчуга – 740 пудов (12 062 кг) за 10 коп. [Там же. 16 сент.]; у томского мещанина П. Ужогова – 5 тыс. пудов (81 500 кг) за 20 коп. [Там же. 17 дек.]; у крестьянина М. Ильиных – 394 пудов (6 422 кг) за 16 коп. [6. 1881. 27 марта]; у крестьянина д. Петухово Д. Прошенкова – 12 тыс. пудов (195 600 кг) за 20 коп. [Там же. 26 авг.]; у крестьянина д. Калбыхи Томской губернии Г. Ильиных – 10 тыс. пудов (163 тыс. кг) гужевой извести за 20 коп. [Там же. 10 нояб.]; у крестьянина У. Савельева – 2 тыс. пудов (32 600 кг) за 18 коп. [Там же. 2 дек.].

К началу 1882 г. Строительный комитет в основном заготовил известь, необходимую для строительных работ, и в дальнейшем получал ее от прежних подрядчиков или же покупал недостающее количество на рынке [6. 1884. 14 дек.].

Другим элементом, необходимым в скрепляющем при кладке растворе, был речной песок, поскольку «при употреблении в дело крупного речного песка, – по словам архитектора М.Ю. Арнольда, – хотя бы даже с незначительной примесью гальки, сохраняется значительная экономия в извести и при том от крупного речного песка, швы между кирпичами делаются толще до четверти вершка, что признается необходимым техниками и урочным положением» [Там же. 1880. 3 окт.].

Однако «во всех ближайших местностях песок оказался не вполне доброкачественным». Так, «у Татарского кладбища», откуда брали песок городские жители, «он имеет значительную примесь гальки, которая

будет требовать предварительной очистки грохотом», в остальных местах он был либо слишком мелок, либо имел примесь ила.

Пригодный «наилучший кварцевый песок» был найден на левом берегу р. Томи [6. 1880. 5 июля]. Однако цена на этот песок в городе была по 8 руб. за куб, в то время как за мелкий, обычный песок просили по 6 руб. за куб [Там же. 3 окт.]. Подряд на этот песок взял на себя мариинский мещанин, временный томский купец Песляк, первоначально готовый поставить 80 кубов (776 м³) песка по 8 руб. за куб, но затем, по настоянию председателя комитета В.И. Мерцалова, Песляк снизил цену до 7 руб. 50 коп. [Там же. 26 июля]. В 1881 г. тот же Песляк предложил свои услуги по заготовлению необходимых для будущих университетских построек 300 куб. сажений (2 910 м³) речного зернистого песка по 5 руб. за куб [6. 1880. 10 дек.], но затем поднял цену до 9 руб. за куб, в связи с чем в подряде ему было отказано [9. 1880. 18 дек.]. Поэтому в 1881–1882 гг., после того как подрядчики объявили цену на песок по 10 руб. за куб, весь необходимый песок был заготовлен хозяйственным способом силами крестьян по 4 руб. 50 коп. [6. 1882. 24 апр.].

Водой строительство университетских зданий обеспечивали два колодца глубиной в 6 сажений (12,6 м.) [6. 1880. 31 окт.], построенные осенью 1880 г. подрядчиком Денисовым за 459 руб. 85 коп. [Там же. 23 окт.]. Дополнительно к 15 мая 1881 г. на один из колодцев была установлена «железная водокачалня» за 165 руб. [Там же. 10 дек.]. Однако вскоре эти колодцы были признаны неудовлетворительными. Тогда по предложению архитектора П.П. Нарановича была проведена к месту постройки вода из озера, прилегавшего к пивоваренному заводу Крюгера [6. 1881. 17 июня]. Зимой из-за частичного замерзания ключей, питающих колодцы, в строительстве использовалась «снеговая вода» [9. 1884. 18 апр.], добываемая из талого снега.

Что касается заготовки других материалов, железо, изготавливаемое в Томске, а именно связи с проушинами и скобы «оказались весьма непрочной сварки», при этом они продавались по достаточно высокой цене (до 3 руб. 30 коп. за пуд) [6. 1883. 31 марта]. Исходя из этого, с целью приобретения связей и скоб, «которые по доброкачественности своей принадлежат к числу лучших», Строительный комитет послал архитектора П.П. Нарановича в командировку на Гурьевский завод (ныне г. Гурьевск Кемеровская область) [6. 1881. 10 нояб.]. В результате этой поездки зимой 1881 г. был заключен подряд на поставку связей и скоб по цене в 3 руб. за пуд с доставкой в Томск [Там же. 31 дек.]. 10 сентября 1883 г. с Гурьевским заводом был заключен новый контракт на поставку «разного сорта железа для лестниц и железной решетки и проч. надобностей для постройки университетских зданий в количестве более 1 400 пудов (22 820 кг)» [6. 1884. 14 марта].

Кровельное листовое железо высшей категории за неимением «такового в достаточном количестве в Том-

ске» было куплено в 1881 г. на Алапаевском заводе (ныне г. Алапаевск Свердловская область) по 3 руб. за пуд без доставки [6. 1881. 29 дек.]. Стекло и металлические приборы для окон и дверей Строительный комитет выписывал из Москвы [18. Л. 392].

Подводя итог деятельности Строительного комитета по приобретению строительных материалов для возведения Сибирского университета в Томске, следует отметить, что выбранный Министерством народного просвещения способ строительства университета оправдал себя полностью. Во-первых, был проделан значительный объем работ по поиску доброкачественных подрядчиков, готовых выполнить поставленные перед ними задачи по ценам, значительно ниже среднерыночных. Во-вторых, были собраны в достаточном количестве все необходимые материалы для возведения зданий Сибирского уни-

верситета к 1883 г. вчерне, что значительно опередило первоначальные расчеты по строительству университета. В-третьих, благодаря увеличению спроса на строительные материалы увеличилось количество подрядчиков, занимающихся заготовкой строительных материалов. Это в свою очередь привело не только к постепенному уменьшению первоначальной стоимости строительных материалов в Сибири, но и способствовало строительному буму в Сибири и росту сибирских городов.

Таким образом, деятельность Строительного комитета в указанный период не только привела к быстрому строительству Сибирского университета (к 1885 г. строительство и отделка главного университетского корпуса были полностью завершены), но и стала катализатором улучшения экономического положения и благосостояния жителей Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Отд. 1. 1878. СПб., 1880. Т. 53.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 103 (фонд Комитета по постройке зданий Сибирского университета в г. Томске). Оп. 1. Д. 2.
3. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Отд. 1. С 19 февраля 1880 г. по 28 февраля 1881 г. СПб., 1884. Т. 55.
4. ГАТО. Ф. 126 (фонд Управления Западно-Сибирского учебного округа Министерства народного просвещения). Оп. 4. Д. 1765.
5. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1.
6. Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Журналы Строительного комитета.
7. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
8. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 11.
9. Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959–409. Письмо А.С. Белявского В.М. Флоринскому из Томска в Казань.
10. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–596. Письмо В.И. Мерцалова В.М. Флоринскому из Томска в Казань. 15 ноября 1880 г.
11. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–103. В.М. Флоринский. Дневниковые записи. 1881 г.
12. Некрылов С.А. История становления и развития научных школ и направлений в Томском университете в дореволюционный период : учеб. пособие. Томск, 2001. 124 с.
13. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 12.
14. Мерцалов В.И. Мимоходом: моя губернская эпопея // Русская старина. 1917. Июль–сентябрь. С. 38–89.
15. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания (1875–1880) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 13–230.
16. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 8.
17. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 6.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 149. Д. 211.

Ilya A. Dunbinskiy. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbunskiy@mail.ru

ACTIVITIES OF THE CONSTRUCTION COMMITTEE FOR PURCHASING BUILDING MATERIALS TO ESTABLISH BUILDINGS OF THE SIBERIAN UNIVERSITY IN THE CITY OF TOMSK

Keywords: Construction Committee; Siberian University; V.M. Florinsky; contractors; building materials.

The purpose of this article is to study the activities of the Construction Committee for the acquisition of building materials for the construction of buildings of the Imperial Tomsk University. In addition, the article examines the contribution of V.M. Florinsky in the process of collecting building materials. The object of the study is the history of construction of the Imperial Tomsk University, and the subject - the activities of the Construction Committee, aimed at the organization of construction works.

To solve this problem, the author of the article analyzed the journals of the Construction Committee, based on which the main circle of contractors of the Construction Committee was identified. The author then examined the contracts that the Construction Committee had entered into with the contractors, and was also mapped to the above contracts with private sources to members of the Construction Committee. After that, the information was converted into a single system of actions of the Construction Committee, which was aimed at the purchase of building materials for the construction of the Siberian University. In the final part of the study the influence of the economic method of purchasing materials not only on the course of construction works, but also on the further economic development of Siberia was considered.

As the sources of the research may be emphasized, firstly, the journals of the Construction Committee, kept by the Department of manuscripts and book monuments of the Scientific library of TSU, which reflect the official part of the relationship of the Construction Committee, as a state institution, with Siberian contractors of building materials. Secondly, the documents stored in the national Museum of the Republic of Tatarstan in the Fund of V.M. Florinsky, based on which were reconstructed personal relations of members of the Construction Committee with contractors. Thirdly, the materials from the State Archive of Tomsk region, which allowed to study the conditions of contracts, as well as to assess the amount of construction materials performed by contractors' obligations that they assumed at the conclusion of contracts.

In the course of the study, the author came to the conclusions that, firstly, the Construction Committee has done a significant amount of work to find qualified contractors ready to perform their tasks at the lowest prices. Secondly, were collected in sufficient quantity all necessary materials for the construction of the Siberian University. Thirdly, as a result of the increased demand for construction materials, the number of contractors engaged in procurement of construction materials has increased. This in turn led not only to a gradual decrease in the initial cost of building materials, but also contributed to the construction boom in Siberia and the growth of Siberian cities.

REFERENCES

1. Russia. (1880) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 53. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
2. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 2.
3. Russia. (1884) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 55. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
4. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 4. File 1765.
5. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 1.
6. The Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Book Monuments. Journals of the Construction Committee.
7. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
8. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 11.
9. The National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). (n.d.) *Pis'mo A.S. Belyavskogo V.M. Florinskomu iz Tomska v Kazan'* [A.S. Belyavsky's Letter to V.M. Florinsky, from Tomsk to Kazan]. V.M. Florinsky's Fund. 117959–409.
10. The National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). (1880) *Pis'mo V.I. Mertsalova V.M. Florinskomu iz Tomska v Kazan'. 15 noyabrya 1880 g.* [V.I. Mertsalov's letter to V.M. Florinsky, from Tomsk to Kazan. November 15, 1880]. Florinsky, from Tomsk to Kazan]. V.M. Florinsky's Fund. 117959–596.
11. The National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). (1881) *V.M. Florinskiy. Dnevnikovye zapisi. 1881 g.* [V.M. Florinsky. Diary entries. 1881]. V.M. Florinsky's Fund. 117959–103.
12. Nekrylov, S.A. (2001) *Istoriya stanovleniya i razvitiya nauchnykh shkol i napravleniy v Tomskom universitete v dorevolyutsionnyy period* [The history of the formation and development of scientific schools and trends at Tomsk University in the pre-revolutionary period]. Tomsk: Tomsk State University.
13. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 12.
14. Mertsalov, V.I. (1917) *Mimokhodom: moya gubernskaya epopeya* [En passant: my provincial epic]. *Russkaya starina*. July – September. pp. 38–89.
15. Florinsky, V.M. (2014) *Zametki i vospominaniya (1875–1880)* [Notes and memoirs (1875–1880)]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–230.
16. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 8.
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 6.
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 149. File 211.

УДК 622.32(571.1)(09)
DOI: 10.17223/19988613/63/3

В.П. Карпов

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00300.

Выясняется, насколько полезным в современных условиях может быть советский опыт освоения Заполярья. Размах 1960–1970-х гг. в индустриальном и транспортном развитии отечественной Арктической зоны был во многом обеспечен благодаря разработке научно проработанных долгосрочных программ. Они не были гарантией от принятия ситуационных решений в практике освоения Севера, но, тем не менее, обеспечивали достаточно эффективное сотрудничество государства, науки и производства.

Ключевые слова: Арктика; стратегия; государство; бизнес; наука.

Территориальное и демографическое преобладание России в Арктике, природные богатства Заполярья и современные геополитические вызовы требуют развития советских успехов в освоении этого макрорегиона. Созданные в СССР крупные северные территориально-производственные комплексы (Мурманский, Тимано-Печорский, Северо-Енисейский, Западно-Сибирский (Северо-Обский) ТПК) и сегодня представляют собой промышленный каркас российской Арктической зоны (АЗ).

К сожалению, ничего принципиально нового в Арктике после распада СССР не создано: освоение Ямала, выход на месторождение Бованенково были начаты еще в советское время, многообещающий проект «Урал Промышленный – Урал Полярный» («УП – УП») превратился в устранение недоделок 1980-х гг. «Советская философия будущего сегодня сменилась философией даже не настоящего, а сиюминутного, – с огорчением констатирует академик М.И. Эпов. – Никто не хочет вкладывать ресурсы в получение результатов через 20–30 лет. И это, конечно, одна из самых больших потерь и для Арктики, и для страны в целом» [1. С. 8].

В 1990-е гг. государство ушло с Севера и не торопилось возвращаться. В результате оказалась основательно разрушенной инфраструктура территории, почти на треть сократилось количество обитаемых поселков и городов Заполярья. За период 1989–2002 гг. общая численность населения в АЗ РФ уменьшилась на 1,6 млн человек (с 9,4 до 7,8 млн человек), за 2002–2014 гг. – еще на 3 млн человек, т.е. в целом население российской Арктики сократилось практически вдвое [2]. Очевидно, что деградация «социального скелета» арктических территорий грозит потерей человека в стратегически важном регионе РФ. Это тем более опасно, что уже сегодня в мире раздаются заявления о том, что у России природных ресурсов несправедливо много, а по мере их истощения на планете могут появиться и более радикальные настроения – заставить Россию поделиться. На руку таким «поборникам спра-

ведливости» критерии ООН, согласно которым территория с плотностью населения менее 1 человека на квадратный километр не считается заселенной.

В XXI в. Российское государство взяло курс на исправление ошибки 1990-х гг., предпринимаются попытки концептуализации арктической политики, появились соответствующие документы: «Концепция устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации» (2006), «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (2008), «Стратегия развития Арктической зоны» (2013). В сентябре 2017 г. Правительство РФ своим постановлением продлило на пять лет – до 2025 г. – действие госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (2014). Очередным этапом законотворчества по формированию новых пространственных структур в Арктике стал проект нового Федерального закона «О развитии Арктической зоны РФ» (2016). Во всех этих документах придается большое значение разработке концепций и стратегий по развитию минерально-сырьевой базы (МНСБ) региона, его инфраструктурного комплекса, принимаются уточняющие документы регионального и федерального уровня. Но такие решения должны разрабатываться на основе научно обоснованной программы развития экономики России, ее производительных сил, наподобие «Генеральной схемы развития и размещения производительных сил страны и ее районов». Такие программы разрабатывались в СССР с 1960 г. сроком на 15–20 лет ведущими учеными и специалистами-практиками [3. С. 92–93]. Разумеется, сегодня «Генеральная схема» возможна уже не в рамках командно-административной системы, а на основе государственно-частного партнерства (ГЧП), учитывая реалии постсоветской экономики.

Нельзя сказать, что в СССР «Генеральные схемы» были реализованы «от и до», а перспектива на практи-

ке всегда заступала впереди сиюминутных интересов, но пока в современной РФ не появится долгосрочная программа развития страны и размещения ее производительных сил, решения правительства о выделении государственных средств будут диктоваться не столько экономическими соображениями, сколько политическими мотивами, силой того или иного губернатора в коридорах власти, близостью к ней той или иной промышленной компании. В результате государство на чем-то не всегда оправданно экономит, а на другом – неоправданно теряет. Появляются, например, такие проекты, как проведение сейсморазведки с помощью подводных лодок. Проект может загрузить на какое-то время предприятия ВПК выгодными бюджетными заказами, а неудобные вопросы: какова его перспектива, в какую сумму обойдется такая сейсморазведка и как она соотносится с ценой на углеводороды? – откладываются на потом. Между тем ученые считают, что проект не окупится даже в том случае, если цена на нефть вернется к историческому максимуму, а решить задачу можно намного дешевле, если использовать для электромагнитной разведки дрейфующие станции типа «Северный полюс», давным-давно используемые в гидрометеорологии [1. С. 20–21].

Другим примером нерационального расходования государственных средств может служить полуостров Ямал, на котором строится три порта, в то время как, по мнению специалистов, хватило бы одного. В результате несогласованности действий «Газпром» решил построить порт Харасавэй, «Газпромнефть» – собственный терминал в районе мыса Каменный в Обской губе, а на восточном берегу этой же губы идет сооружение порта Сабетта, в районе одноименного поселка. Вместе с тем в проекте «Сабетта» не запланировали железную дорогу, которая связала бы порт с «большой землей». А в это время «Газпром» на бюджетные деньги построил 600-километровую магистраль Обская – Бованенково. Затем выяснилось, что дорога мало загружена, а от Сабетты до этой колеи 220 км [4]. Нестыковки можно объяснить тем, что сначала в рамках проекта «Ямал-СПГ» планировался профильный порт для освоения месторождений и строительства завода по сжижению газа, а позже решили, что порт будет многофункциональным. Но если смотреть шире, то такие нестыковки объясняются отсутствием «Генеральной схемы» и реального ГЧП.

ГЧП, которое в постсоветский период стало институциональной основой реализации северных проектов, нельзя назвать эффективным в силу следующих причин. Во-первых, в отличие от СССР, где вся собственность принадлежала государству, принимавшему единолично решения о распределении ресурсов, в современной РФ собственность принадлежит множеству субъектов. Как при этом сбалансировать долгосрочные планы частных компаний и государства, правительство не знает. Во-вторых, отсутствует понимание того, что пока государство не начнет предоставлять гарантии по

инвестициям частного сектора в объекты государственной собственности, эффективного партнерства не может быть по умолчанию [5. С. 287]. Бизнес обоснованно не доверяет государству, решения которого не прозрачны, и привык вкладываться в понятные проекты с относительно быстрым сроком окупаемости.

В свою очередь частные компании, получившие во владение то, что было наработано в советские времена, занимаются не освоением территории, а эксплуатацией богатых месторождений, больше в своих интересах, нежели Арктики или страны и ее населения. Об этом свидетельствуют и недостаточный уровень вложений средств в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, и низкие расходы по статье корпоративной социальной ответственности.

Масштабные задачи развития арктических регионов России вызвали к жизни поиск новых пространственных решений организации производства, новых подходов к формированию территориально-производственных образований. В федеральных документах зазвучали новые термины: кластеры, центры экономического роста, опорные зоны. А на практике – все та же изначальная бюрократизация процессов управления, слабое взаимодействие с наукой, игнорирование советского опыта территориального планирования [6. С. 26].

В позднем СССР при планировании индустриального освоения новых территорий речь шла о создании территориально-производственных комплексов (ТПК) и входящих в них промышленных узлов. В постсоветский период возникло новое понятие – «кластер». Если интегратором ТПК выступала, в первую очередь, производственная инфраструктура, то в кластерах главным интегрирующим фактором должны быть инновации, информационно-коммуникационные сети. Однако модное слово «кластер», заменившее привычное «комплекс», больше подходит для староосвоенных регионов, где уже действуют самостоятельные производственные единицы. Экономисты СО РАН (Новосибирск) оперируют термином «акватерриториально-производственный комплекс (АТПК)», предложенным в 1979 г. П.Я. Баклановым в связи с исследованием возможности освоения шельфа о. Сахалин. Специфика АТПК заключается в том, что в структуре хозяйственной деятельности здесь присутствует как производственная деятельность на берегу, так и деятельность на акватории, которая обеспечивается морским и речным транспортом. Все объекты инфраструктуры на шельфе и суше обязательно должны взаимодействовать. В настоящее время в российском секторе Арктики формируются Архангельский, Кольский, Ненецкий, Норильско-Туруханский, Северо-Якутский, Таймырский, Чукотский и Ямальский АТПК.

Самым перспективным на сегодняшний день является Ямальский АТПК. Во многом это обусловлено советским наследием: усилиями всей страны (СССР) в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) в 1970–1980-е гг. был создан крупнейший в мире газодобыва-

ющий центр. В настоящее время ЯНАО, по сути, является трамплином для развития отечественной АЗ. Здесь реализуются или намечены к реализации 43 из 145 проектов, которые в качестве приоритетных утвердила Государственная комиссия по развитию Арктики [7. С. 4]. В 2012 г. на полуострове Ямал началась эксплуатация Бованенковского нефтегазоконденсатного месторождения (БНГКМ). Выход на проектный уровень в 115 млрд м³ в год предусмотрен к 2022 г. Далее планируется ввод в разработку Харасавэйского (2018 г.) и Крузенштернского месторождений. Подготовленные запасы позволяют прогнозировать ежегодную добычу 300 млрд м³ на протяжении 50–70 лет [8. С. 11]. Это превращает полуостров в крупнейшую нефтегазоносную область РФ.

Все ямальские проекты («БНГКМ», «Ямал СПГ», «Северный широтный ход», «Порт «Сабетта»), кроме экономической эффективности, имеют важный политический аспект. Межгосударственная конкуренция за право владения богатствами высоких широт растет, и подтверждать прежние достижения СССР в Арктике можно, лишь наращивая свое присутствие в регионе, демонстрируя миру не только исторические основания, но и возможности работать в Арктике.

С самого начала Ямал рассматривался Москвой как трамплин для реализации мегапроекта «Урал Промышленный – Урал Полярный» («УП–УП»), предусматривающего интеграцию сырьевой базы Тюменского Севера и старопромышленных регионов Урала. Между тем первые попытки выхода на полуостров Ямал с целью разработки уникальных месторождений безуспешно предпринимались еще в 1980-е гг. Неудачу с выходом на п-ов Ямал ученые тогда объяснили отсутствием генеральной схемы освоения полуострова. В связи с этим в 2000-е гг. учеными высказывалось опасение, что недостаточно проработанный проект «УП–УП» приведет к повторению ошибок советского периода.

Так и случилось. Фактически реализация проекта «УП–УП» свернута до перспективного плана 1985 г., когда во исполнение решений Правительства СССР институтом Гипротрансгаз совместно с институтами ТюменНИИгипрогаз, ВНИИЭгазпром, ВНИПИгаздобыча, ВНИИгаз и другими была разработана «Схема развития нефтяной и газовой промышленности на полуострове Ямал до 2000 г.», а в ее рамках для обеспечения транспортной связи Ямала предусматривались усиление железной дороги на участке Чум – Лабытнанги, строительство новых железных дорог Лабытнанги (Обская) – Бованенково и Паюта – Новый Порт. С той лишь разницей, что в настоящее время вместо Нового Порта строятся Харасавей и Сабетта [9. С. 52].

Сегодня угроза некомплексного освоения новых районов возросла в связи с кризисом, который переживает РФ. Дефицит бюджета ведет к искушению сэкономить на производственной и социальной инфраструктуре, что видно по «заморозке» ряда объектов. Так, одним из приоритетных направлений в реализации

проекта «УП–УП» с самого начала считалась железная дорога Полуночное – Обская – Салехард, однако сегодня руководство компании «Российские железные дороги (РЖД)» уже готово отказаться от строительства. Такое решение в РЖД объясняют бюджетными ограничениями и «оптимизацией расходования средств федеральной казны». Но отказ от этого направления ставит под сомнение реализацию всего мегапроекта. Возвращение в дальнейшем к вопросу о необходимости меридионального транспортного коридора вдоль Урала с выходом к Арктике неизбежно. Перспективы финансовых возможностей других арктических проектов тоже не радуют: Минэкономразвития России с учетом замечаний Минфина предложило сократить расходы на госпрограмму по развитию Арктики с 2017 по 2025 г. вчетверо (с 209,7 до 50,9 млрд руб.) [6. С. 27].

С 2012 г. правопреемницей проекта «УП–УП» стала компания «Корпорация развития» («КР»). Поменялись название и руководители, но в информации СМИ о развитии проекта продолжают появляться сюжеты о коррективах в планах корпорации и хищениях значительных финансовых средств. Доверие к проекту со стороны акционеров «КР» уже в значительной степени утрачено из-за шлейфа коррупционных скандалов, сопровождавших прежние проекты. В феврале 2017 г. президиум генерального совета партии «Единая Россия» принял решение о завершении федерального партийного проекта «УП–УП» «в связи с истечением срока реализации». Хотя по факту проект не реализован.

Арктические субъекты РФ не смогут развиваться в отрыве от общероссийских и мировых трендов. Помешать реализации северных планов государства могут как внутренние, так и внешние факторы. Наряду с падением цен на нефть, сокращающим возможности финансирования проектов, и западными санкциями, сужающими перспективу международного сотрудничества в освоении Арктики, серьезной угрозой для реализации северных проектов является отставание РФ в области научно-технического прогресса (НТП). Зависимость отечественной экономики от импортных технологий и оборудования родом из СССР, но в постсоветский период она не только не сократилась, но и заметно увеличилась. Успех в освоении природных ресурсов АЗ зависит во многом от усилий компаний «Газпром» и «Роснефть», но они, как и отечественный нефтегазовый комплекс (НГК) в целом, находятся в большой зависимости от иностранных технологий. Сравнительно высокий вклад российских производителей в нефтегазовые проекты достигается в основном за счет бетонных оснований и металлоемкого оборудования, а в высокотехнологичном сегменте доля импорта достигает 90–95% [10. С. 244].

В создании отечественного сервиса необходима активизация обеих сторон – как государства, так и корпоративного бизнеса. Но государственные институты неэффективны, а компании не заинтересованы в НТП, так как отсутствует конкурентная среда. Принуждение

к НТП, как показал опыт СССР, неэффективно. Сегодня российские компании тратят на НТП лишь 2% средств в рамках своих инвестиционных программ. При этом, имея сильнейший административный ресурс, нефтегазовые компании блокируют любые попытки зародить в РФ конкуренцию в сфере нефтегазодобычи и топливообеспечения. Для нынешнего руководства ОАО «Газпром», являющегося крупнейшим монополистом в стране, приоритетом является не повышение эффективности работы компании, а максимизация прибыли многочисленных строительных подрядчиков при возведении не вполне оправданных газопроводов. Неудивительно, что капитализация «Газпрома» в 2008–2015 гг. упала в 12 (!) раз, с 360 до 44,3 млрд долларов [11]. Немного лучше дела и у другого гиганта отечественного НКК – компании «Роснефть».

Российская нефтегазовая промышленность имеет богатейший опыт, и еще недавно считалось, что достаточно перенести его на шельф, а наработки в судостроении – в строительство морских буровых платформ, и можно приступать к разработке арктических ресурсов. Но оказалось, что этих наработок недостаточно. На сегодняшний день российский шельф является наименее изученным. Его средняя изученность во много раз меньше, чем норвежской части акватории Северного моря или американского шельфа Чукотского моря [12. С. 65].

Большая технологическая зависимость от западных компаний и вводимые Западом санкции против России могут «отодвинуть» нашу страну от моря, сделав ее пассивным наблюдателем общемирового процесса освоения шельфа. Пока Россия будет вынуждена взять паузу в реализации арктических морских проектов, другие государства смогут существенно уйти вперед в ГРР на арктическом шельфе. Единственная возможность справиться со сложными задачами заключается в сотрудничестве российских и международных компаний, использовании мирового опыта и применении новейших технологий.

Есть и такая точка зрения, что России не следует торопиться с освоением УВ ресурсов Арктики – целесообразнее в условиях тяжелого кризиса и оптимизации госбюджета повышать коэффициент нефтеотдачи на уже действующих месторождениях, расположенных в освоенных районах с обустроенной инфраструктурой, а не создавать ее заново в высоких широтах. В этом смысле «обязательность сегодняшнего освоения Арктики для меня совершенно не очевидна, – говорит профессор А. Конопляник. – Необходимость подготовки к освоению – да, начала освоения – нет» [13. С. 7]. В любом случае, если Россия не хочет остаться «на берегу», ей предстоит решить очень широкий комплекс проблем – от разработки собственных технологий разведки и добычи до организации массового строительства морских буровых платформ, от окончательного правового урегулирования международного статуса «родной» Арктики до создания эффективного инвестиционного механизма для ее освоения.

В СССР чрезвычайно высокая интенсивность геологических, проектных, технологических работ привела к формированию колоссального объема первичной информации. Но огромные объемы первичных материалов, особенно в виде керна, с которым преимущественно работает геологоразведка, были утеряны в постсоветское время. При ликвидации полярных и заполярных геологических организаций в 1990-е гг. кернаохранилища просто-напросто бросали на произвол судьбы. Поэтому утрачено больше, чем удалось спасти [1. С. 9]. Государство перестало поддерживать ГРР, и их объемы катастрофически сократились, распались многие научные школы, в значительной степени утрачен кадровый потенциал.

К сожалению, общая тенденция по ведению ГРР продолжает сохраняться. Объемы разведки падают. Уровень обеспеченности запасами все время снижается. Государство основные надежды возлагает на то, что поисками запасов углеводородного сырья займутся горнодобывающие компании, но концепция, основанная на воспроизводстве минерально-сырьевой базы (МНСБ) за счет негосударственных инвестиций, как показывает многолетний опыт, себя не оправдала. Объемы ГРР круто упали: в 1970-х гг. доля разведочного бурения в объеме буровых работ составляла 48%, в конце 1980-х – 20, в начале 2010-х – 5%. При этом мировые инвестиционные потоки, направляемые в минерально-сырьевой комплекс, почти миновали Россию. МНСБ России, оцениваемая в 1/3 от мировой, привлекает менее 0,5% глобальных инвестиций [14. С. 54].

Программным документом для возрождения геологической службы РФ могла бы стать «Стратегия развития минерально-сырьевой базы и геологической отрасли до 2030 г.», вытекающая из долгосрочной программы социально-экономического развития РФ. «Но, к сожалению, – отмечает один из руководителей геологической службы страны В. Мазур (в 1981–1988 гг. заместитель министра геологии РСФСР, в 1993–1996 гг. заместитель председателя Государственного комитета РФ по геологии и использованию недр (Госкомгеология), в 1996–1999 гг. – замминистра природных ресурсов РФ), – принятием данного документа Правительство и ограничилось. А ведь необходимы еще подзаконные нормативные акты, изменения в действующие законы, перемены в сложившейся практике» [Там же. С. 54–55]. Необходимо сконцентрировать координирующие функции в области геологического изучения территории в руках государства, как это было в советское время.

По своему историческому значению, масштабности и сложности задачи освоение ресурсов Арктики и особенно северных морей может встать в один ряд с комплексными программами развития Сибири и Дальнего Востока в СССР, с таким знаковым для XX в. событием, как создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Советский нефтегазовый мегапроект состоялся только благодаря концентрации всех ресурсов государства на реше-

нии этой задачи. Сегодня другие политические и экономические условия. Но без эффективного сотрудничества государства и субъектов промышленности в рамках научно обоснованной долгосрочной программы нельзя обес-

печить «советский размах» в освоении российского сектора Арктики. При этом, разумеется, следует извлекать уроки как из положительного, так и из отрицательного опыта советской арктической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эпов М.И. Нужен системный междисциплинарный подход к арктическим исследованиям // ЭКО (Экономика и организация промышленного производства). Всероссийский экономический журнал. 2017. № 9. С. 7–21.
2. Официальный сайт государственной комиссии по вопросам развития Арктики. URL: arctic.gov.ru/News/47831610-8ef3 (дата обращения: 19.08.2017).
3. Карпов В.П. Север и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 91–98.
4. Рыльников А., Коноухов В. Великая ледяная магистраль // Тюменская правда. 2015. 11 марта.
5. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории / отв. ред. В.А. Ламин, В.Ю. Малов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 464 с.
6. Андреева Е.Н. Опорные зоны в Арктике: новые веяния в решении старых проблем // ЭКО. 2017. № 9. С. 26–41.
7. Ямкин С. Край Земли становится ее центром // Тюменские известия. 2017. 16 февраля. С. 4.
8. Брехунцов А.М. Ресурсная база углеводородного сырья и первоочередные объекты поиска и освоения запасов нефти и газа в арктических областях Западной Сибири // Горные ведомости. 2017. № 2. С. 6–13.
9. Душин А.В., Юрак В.В. Проблемы разработки и реализации мегапроекта «Урал Промышленный – Урал Полярный»: уроки для будущего // ЭКО. 2017. № 9. С. 42–53.
10. Шафраник Ю.К., Крюков В.В. Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. М., 2016. 272 с.
11. Иноземцев В. Разрушители стоимости: история потери денег госкомпаниями // Тюменская губерния. 2017. 11 августа.
12. Марков Н. В ожидании «милостей» от государства. Реализация ряда нефтегазовых проектов на шельфе приторможено в связи с их недостаточной экономической эффективностью // Нефть России. 2010. № 7. С. 64–67.
13. Конопляник А. Пять факторов освоения шельфа. Помимо благоприятного инвестиционного климата, реализация морских проектов требует серьезных изменений в инновационной и экологической стратегиях // Нефть России. 2014 № 1–2. С. 4–7.
14. Мазур В. Слово – «товарищу долоту» // Нефть России. 2010. № 12. С. 52–56.

Viktor P. Karpov. Tyumenskiy industrial university (Tyumen, Russian Federation). E-mail: 7654321.58@mail.ru

SOVIET HISTORICAL EXPERIENCE OF THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC IN THE MIRROR OF CONTEMPORARY PROBLEMS

Keywords: Arctic; strategy; state; business; science.

The purpose of the article is to compare the modern and soviet experience of the development of the Russian Arctic zone (AZ). The tasks of the article are to find out: 1) why the policy of development of the AZ turned out in the captivity of situational decisions? 2) how can the soviet experience of developing the AZ be useful? 3) where bottlenecks in the development and implementation of modern strategies in the AZ?

The tasks are solved within the framework of the modernization and mobilization conceptual approaches, related to the dynamics and features of the all-Russian development. If the interrelation between the political, economic and social components of the development of the North is broken, the systemic links are broken, which leads to fragmentary modernization.

The source base is the corpus of documents, related to the activities of the government, regional state bodies and scientific organizations on the development of the AZ. The materials of the periodicals and unpublished documents from the Tyumen archives are used.

Conclusions of the article: 1) the industrial framework of the Russian Arctic today is made up of territorial-production complexes, created in the USSR. They were formed in accordance with the “General schemes for the development and deployment of the productive forces of the country and its regions”; 2) in the post-soviet period, the infrastructure of the Arctic turned out to be thoroughly destroyed, the number of settlements decreased by a third, the total population of the Russian Arctic was halved; 3) in the absence of a long-term program for the deployment of productive forces in the AZ, the government’s decisions to allocate state funds will be dictated not so much by economic considerations and prospects as by political motives and immediate interests; 4) the institution of public-private partnership cannot yet be called effective: a) the state and private companies have their own interests and plans, and the government does not know how to balance them; b) the business does not trust the state, whose decisions are not transparent and there are no state guarantees of business security; c) private companies are engaged not in the development of the territory, but in the exploitation of rich deposits, more in their own interests than in the interests of the AZ, the country and the population. Without effective cooperation of the state, production and science within the framework of the long-term program for the development of regions, it is impossible to ensure the necessary result in the Arctic.

REFERENCES

1. Epov, M.I. (2017) Nuzhen sistemnyy mezhdistsiplinarnyy podkhod k arkticheskim issledovaniyam [We need a systematic interdisciplinary approach to Arctic research]. *EKO (Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva) – ECO Journal (ECONOMICS and INDUSTRIAL ENGINEERING)*. 9. pp. 7–21.
2. *The Official Website of the State Commission for Arctic Development*. [Online] Available from: arctic.gov.ru/News/47831610-8ef3. (Accessed: 19th August 2017).
3. Karpov, V.P. (2016) The north and the Arctic in the USSR’s “General Perspective”: problem of comprehensive development. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1(50). pp. 91–98. (In Russian).
4. Rylkov, A. & Konyukhov, V. (2015) Velikaya ledyanaya magistral' [The Great Ice Line]. *Tyumenskaya pravda*. 11th March.
5. Lamin, V.A. & Malov, V.Yu. (eds) (2012) *Aziatskaya chast' Rossii: modelirovanie ekonomicheskogo razvitiya v kontekste opyta istorii* [The Asian part of Russia: modeling of economic development in the context of historical experience]. Novosibirsk: SB RAS.
6. Andreeva, E.N. (2017) Stronghold areas in the Arctic: new trends in solving old problems. *EKO (Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva) – ECO Journal (ECONOMICS and INDUSTRIAL ENGINEERING)*. 9. pp. 26–41. (In Russian).
7. Yamkin, S. (2017) Kray Zemli stanovitsya ee tsentrom [The edge of the Earth becomes its centre]. *Tyumenskie izvestiya*. 16th February. p. 4.

8. Brekhuntsov, A.M. (2017) Resursnaya baza uglevodorodnogo syr'ya i pervoocherednye ob"ekty poiska i osvoeniya zapasov nefi i gaza v arkticheskikh oblastyakh Zapadnoy Sibiri [The resource base of hydrocarbon raw materials and priority objects for the search and development of oil and gas reserves in the Arctic regions of Western Siberia]. *Gornye vedomosti*. 2. pp. 6–13.
9. Dushin, A.V. & Yurak, V.V. (2017) Problemy razrabotki i realizatsii megaproekta "Ural Promyshlenny – Ural Polyarnyy": uroki dlya budushchego [Problems of development and implementation of the megaproject "Industrial Ural – Polar Ural": Lessons for the future]. *EKO (Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva) – ECO Journal (Economics and industrial Engineering)*. 9. pp. 42–53.
10. Shafranik, Yu.K. & Kryukov, V.V. (2016) *Neftegazovyy sektor Rossii: trudnyy put' k mnogoobraziyu* [Russia's oil and gas sector: a difficult path to diversity]. Moscow: Pero.
11. Inozemtsev, V. (2017) Razrushiteli stoimosti: istoriya poteri deneg goskompaniyami [Destroyers of value: the history of loss of money by state-owned companies]. *Tyumenskaya Guberniya*. 11th August.
12. Markov, N. (2010) V ozhidanii "milostey" ot gosudarstva. Realizatsiya ryada neftegazovykh proektov na shel'fe pritormozheno v svyazi s ikh nedostatochnoy ekonomicheskoy effektivnost'yu [In anticipation of "favors" from the state. The implementation of oil and gas projects on the shelf is slowed down due to their low economic efficiency]. *Neft' Rossii*. 7. pp. 64–67.
13. Konoplyanik, A. (2014) Pyat' faktorov osvoeniya shel'fa. Pomimo blagopriyatnogo investitsionnogo klimata, realizatsiya morskikh proektov trebuetsya ser'eznykh izmeneniy v innovatsionnoy i ekologicheskoy strategiyakh [Five factors of shelf development. The implementation of offshore projects requires not only a favorable investment climate, but also major changes in innovative and environmental strategies]. *Neft' Rossii*. 1-2. pp. 4–7.
14. Mazur, V. (2010) Slovo – "tovarishchu doloto" [The word as a "comrade's chisel"]. *Neft' Rossii*. 12. pp. 52–56.

УДК 94(47157) «1917/1991»
DOI: 10.17223/19988613/63/4

И.П. Климов

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ПОВЫШЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ТРАНСПОРТЕ (1926–1940 гг.)

На основе теории модернизации и принципа научной объективности в статье анализируется исторический опыт советского государства по повышению производительности труда в транспортной сфере в 1926–1940 гг., когда осуществлялся курс на индустриализацию страны. Впервые в исторической литературе предпринимается попытка показать как позитивные, так и негативные его стороны. Излагается гипотеза автора о возможности использования некоторых аспектов советского опыта в современной России.

Ключевые слова: исторический опыт; Советское государство; транспорт; производительность труда.

Повышение производительности труда – приоритетное направление развития современной рыночной экономики. Россия, являясь несомненным лидером среди стран СНГ, по данному показателю существенно отстает от развитых стран Запада, а также ряда восточноазиатских государств. В связи с этим встают задачи, связанные с поиском путей повышения эффективности производства, адекватные требованиям XXI в. В процессе их решения возникает немало расхождений по теоретическим и практическим вопросам, в частности о возможности применения исторического опыта прошлых лет. Исследователи О.Н. Богатырева, И.И. Глотова отмечают, что большинство российских производителей чаще всего изучают зарубежный опыт, ссылаясь на его недостаточность у отечественных фирм [1. С. 66–67]. На наш взгляд, это происходит ввиду слабой освещенности исторического опыта в опубликованной литературе.

Советская индустриализация 1920–1930 гг., несмотря на ее противоречивость, непоследовательность и формационную направленность (она являлась одним из звеньев в строительстве социализма), представляет неординарный пример поиска оптимальных алгоритмов решения проблемы повышения производительности труда в сложной международной обстановке политической изоляции СССР, что в определенной мере симметрично сложившемуся геополитическому положению России в наши дни. Актуальность темы определяется также тем, что в 1990-е гг. после распада СССР производительный потенциал страны существенно сократился, многие базовые промышленные предприятия были необоснованно ликвидированы либо оказались на территории сопредельных государств, вследствие чего произошла фактически деиндустриализация и в настоящее время в интересах импортозамещения ставится вопрос о «новой индустриализации без революций».

Представляется, что реконструкция исторического опыта Советского государства возможна в рамках теории модернизации, сторонники которой в качестве самостоятельного этапа российской модернизации выделяют индустриализацию 1930–1940 гг. [2]. Специальные научные исследования исторического ре-

курса на данную тему пока отсутствуют, можно назвать лишь несколько работ, написанных экономистами [3–4]. Эмпирическую базу статьи составили нормативные документы партийных, государственных органов, архивные и статистические материалы. Отметим, что в сложившейся в СССР партийно-государственной системе решения партийных органов фактически приравнивались к актам органов государственной власти, нередко принимались совместные партийно-государственные постановления, поэтому мы рассматриваем резолюции правящей коммунистической партии и документы государственных структур как идентичные.

Ретроспективный анализ нормативных актов показывает, что большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., провозгласив Россию Республикой труда, пытались без промедления поставить проблемы организации труда в центр политики новой власти. В работе «Великий почин» основатель Советского государства В.И. Ленин писал: «Производительность труда – это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» [5]. Однако приступить к осуществлению данного замысла в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи оказалось невозможно. Лишь с провозглашением в декабре 1925 г. XIV съездом ВКП (б) курса на индустриализацию страны начали предприниматься определенные усилия для его практической реализации. Отправной точкой стало Постановление ЦИК СССР 27 февраля 1927 г. «О состоянии транспорта и перспективах его развития» [6. С. 203], где производительность труда была названа как составная часть рационализации транспортной сферы. Достичь каких-либо заметных результатов в процессе рационализации до принятия первого пятилетнего плана не удалось. Сказалась незавершенность восстановительных работ на ряде железных дорог и почти во всех речных пароходствах, а также присущая советскому периоду «болезнь»: декларативный характер принимаемых решений, которые зачастую не сопровождались разработкой механизма их практического выполнения.

В 1926–1928 гг. основное внимание обращалось на поиск средств на текущее содержание транспортных служб [7. С. 41].

В первоначальном варианте первого пятилетнего плана приоритет отдавался экстенсивным методам ведения транспортного хозяйства: намечалось увеличить капиталовложения и обеспечить количественный прирост рабочей силы. В соответствии с резолюцией XVI партийной конференции «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» предусматривалось довести к 1933 г. объем капитальных вложений в транспорт до 10 млрд руб., что превышало предыдущее пятилетие в 3 раза [Там же. С. 201].

Ситуация резко изменилась в 1930-е гг., когда политическое руководство страны перешло к форсированной индустриализации с расчетом в ближайшие 10–15 лет догнать и перегнать по уровню промышленного производства наиболее развитые страны мира. Исходя из данной стратегической установки, первый пятилетний план неоднократно пересматривался в сторону увеличения производственных показателей. В сложившейся экономической ситуации транспорт стал существенно отставать от бурно развивающейся промышленности и превратился в «узкое место» народного хозяйства. Становилось очевидным, что применение

лишь экстенсивных факторов не может дать необходимого эффекта.

Июньский (1931 г.) Пленум ЦК ВКП(б) стал поворотным рубежом во внедрении интенсивных методов хозяйствования в транспортную сферу. Определяющее место в них отводилось производительности труда [7. С. 531–544]. В годовые и пятилетние планы стали закладываться конкретные задания по росту производительности труда применительно ко всем видам транспортной инфраструктуры. Так, XVII съезд ВКП(б) установил следующие контрольные цифры на вторую пятилетку: на железнодорожном транспорте она должна была увеличиться на 43%, водном – на 86% при снижении себестоимости перевозок на транспорте в целом, включая автомобильный, на 40% [8. С. 139]. Третьим пятилетним планом намечалось повысить производительность труда на железных дорогах на 32%, в речных бассейнах – на 38% [8. С. 351].

В разработке мероприятий по повышению производительности труда и их реализации участвовали партийные, государственные и ведомственные органы различных уровней (партийные съезды, съезды советов, ЦК ВКП(б), СНК и Госплан СССР, Наркомат путей сообщения, Наркомат водного транспорта, местные органы власти и управления, политотделы железнодорожного и водного транспорта) (таблица).

Наиболее важные решения и постановления, затрагивающие проблемы производительности труда на транспорте

Дата	Название нормативного акта
26.04.1927 г.	Постановление IV съезда Советов СССР «О состоянии и перспективах развития промышленности Союза СССР»
11–15.07.1931 г.	Резолюция пленума ЦК ВКП(б) «Железнодорожный транспорт и его очередные задачи»
01.1931 г.	Резолюция 7-й краевой партийной конференции Западно-Сибирского края о работе Омской и Томской железных дорог
10.1933 г.	Постановление СНК СССР «О работе Пермской (ныне Свердловской) железной дороги»
03.06.1933 г.	Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе железнодорожного транспорта»
26.01–10.02.1934 г.	Резолюция XVII съезда ВКП(б) «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.)»
05.10.1934 г.	Постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению дорожного хозяйства»
21–25.12.1935 г.	Резолюция пленума ЦК ВКП(б) «Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением»
15–20.02.1941 г.	Резолюция XVIII конференции ВКП(б) «О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта»

Источники: Съезды советов в документах. 1917–1936. М.: Госюриздат, 1960. С. 125; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 531–544; Т. 5. С. 112–117, 137–139, 231–243, 460–471; Советская Сибирь. 1932. 22, 27 января; Железнодорожный транспорт СССР в документах коммунистической партии и советского правительства (1917–1957). М., 1957. С. 285–287.

Изучение разработанных мероприятий, принятых решений и постановлений позволяет выделить стержневые пути повышения производительности труда на транспорте в рассматриваемый период: а) модернизация его материально-технической базы; б) реформирование аппарата управления, совершенствование организации труда; в) перестройка кадровой политики.

В модернизации материально-технической базы фактором первостепенной важности была признана коренная техническая реконструкция железнодорожного и водного транспорта. На железных дорогах она проводилась по следующим направлениям: укрупнение перевозочных средств на ведущих транспортных магистралях страны, превращение их в сверхмагистрали с переводом на электрическую тягу, введение мощного подвижного состава (паровозов новой модификации, электровозов, тепловозов, большегрузных 50–60-тонных вагонов); внедрение автосцепки и автоблокировки; реконструкция верхнего строения пути; механи-

зация погрузо разгрузочных работ; строительство вторых путей; переоборудование железнодорожных узлов и станций. На речном транспорте в программу реконструктивных работ входили: обновление и переоснащение флота; строительство новых и переоборудование действующих портов и пристаней; дноуглубительные и очистные работы в руслах рек; освоение малых рек; совершенствование водно-транспортной связи [9].

В ходе выполнения намеченной программы за годы довоенных пятилеток в СССР было электрифицировано 1,9 тыс. км железных дорог, оборудовано автоблокировкой и диспетчерской централизацией 8,5 тыс. км путей. Удельный вес двухпутных и многопутных линий составил 27% от общей длины железнодорожных путей [10. С. 24–25]. Обновление локомотивного и вагонного парков в 1933–1937 гг. выразилось в поставках железнодорожному транспорту 2 тыс. паровозов нового поколения, 145 электровозов, 30 тепловозов, 258,6 тыс. большегрузных вагонов [11. С. 394–395].

Общая мощность новых самоходных пассажирских и грузовых судов, пополнивших речной флот в третьей пятилетке, составила 100 тыс. л. с. К 1941 г. паровозный парк СССР по среднему возрасту стал самым молодым в мире. Доля наиболее совершенных грузовых паровозов серий ФД, СО, Э и пассажирских – И и СУ, в общем парке локомотивов превысила 2/3. Погрузо-разгрузочные работы на подъездных путях промышленных предприятий были механизированы на 45% [12. С. 77].

Рост потребностей народного хозяйства, подчеркивалось во втором пятилетнем плане, не мог быть удовлетворен без нового транспортного строительства, без «строительства большой группы новых железнодорожных и водных путей, связывающих новые промышленные центры с общей транспортной сетью Союза» [8. С. 145]. Значительный размах оно приобрело на Урале и в Западной Сибири, где создавалась вторая угольно-металлургическая база страны. Там были построены железнодорожные линии Троицк – Орск, Карталы – Магнитная, Свердловск – Курган, Яр – Фосфоритная, Уфа – Ишимбай [13], Ленинск – Новосибирск, Кольчугино – Новосибирск [14. С. 242]. Также предусматривалось ускорить процесс внедрения в транспортную систему новых видов транспорта (автомобильного и воздушного). Определенные шаги по их становлению предпринимались еще в царской России, но организация регулярного движения по автомобильным и воздушным трассам приходится на годы первых пятилеток. К началу Великой Отечественной войны автомобильный транспорт по темпам увеличения объемов грузоперевозок превзошел не только речные пароходства, но и железные дороги. Часть перевозок почты и пассажиров взял на себя Аэрофлот.

Укреплению материально-технической базы транспорта способствовало использование достижений академической и транспортной науки. Конкретные проблемы транспортной логистики рассматривались Академией наук СССР, проводились ее выездные заседания в Новосибирске и Свердловске. При АН СССР на постоянной основе действовала транспортная комиссия. Развертывается сеть научно-исследовательских институтов (НИИ железнодорожного транспорта, НИИ водного транспорта, ЦНИИ железнодорожного строительства и др.). На железных дорогах и в речных пароходствах на общественных началах работали научно-технические общества рационализаторов и изобретателей, входивших в структуру ВОИЗ (Всесоюзного общества изобретателей). В 1936 г. в члены ВОИЗ вступило 1 117 речников Камы, в том числе рабочих – 753, ИТР – 424, ударников – 857, стахановцев – 191. За первое полугодие календарного года члены общества внесли 236 рационализаторских предложений, из них 120 было реализовано, организовали 110 коллективных и индивидуальных консультаций по техническим вопросам. Дорожное научно-техническое общество Свердловской железной дороги участвовало в раз-

работке актуальной темы «Организация эксплуатационной работы и реконструкция железной дороги [15].

Следует особо подчеркнуть, что в решениях и постановлениях коммунистической партии и советского правительства настоятельно рекомендовалось использовать опыт капиталистических стран, «форсировать перевод лучших технических книг и статей, выходящих в Европе и Америке» [7. С. 234, 443]. В проектировании и строительстве новых железнодорожных линий иностранные специалисты принимали непосредственное участие. В советской исторической литературе об этом предпочитали не говорить.

В целом в модернизации материально-технической базы транспорта в 1930-е гг. (несмотря на то, что не все плановые задания получили практическую реализацию) были достигнуты впечатляющие результаты, которые ветераны-железнодорожники назвали первой научно-технической революцией на транспорте СССР [16. С. 61].

Важным звеном государственной политики по повышению эффективности функционирования транспортного конвейера стало реформирование аппарата управления и совершенствование организации труда. Учитывая, что сюжет о реформировании аппарата управления нами был подробно освещен в другой работе [17. С. 38–43], мы остановимся лишь на принципиальных положениях.

Деятельность Советского государства в данной сфере носила неоднозначный характер. В первые годы индустриализации, пока государство придерживалось стратегии «органичной индустриализации», в основу которой была положена идея сбалансированного подхода к развитию экономики, и продолжали действовать некоторые нэповские рычаги хозяйствования (применение хозрасчета, возможность проявить самостоятельность и инициативу), руководители транспортных служб внесли немало предложений, направленных на рационализацию оперативных функций управления. Так, по предложению начальника Свердловской железной дороги А.И. Емшанова на Урале в экспериментальном порядке было организовано управление транспортными службами по образцу германской децернации, которая предусматривала выделение отдельных функций железных дорог в «децернаты» во главе с децернантом. Затем прошла апробация так называемой ленточной системы управления, согласно которой дорога подразделялась на самостоятельные в техническом и административном отношении участки, ставшие позднее отделениями железной дороги [19]. В дальнейшем, после того как одержал победу другой стратегический вариант индустриальных преобразований, в основу которого была положена идея форсированного рывка, в системе управления транспортным хозяйством стали все больше утверждаться административно-командные методы, заменившие экономические. Осуществляется организационная перестройка управления, усилившая тенденцию к его централизации, что проти-

воречило организации работы транспорта в территориальном разрезе, ибо на местах стали формироваться крупные хозяйственные комплексы, требовавшие местного инфраструктурного обеспечения. С приходом на пост наркома путей сообщения Л.М. Кагановича стал формироваться «кагановичский» стиль руководства: администрирование, императивность, издание бесчисленного количества приказов, использование популистской демагогии.

Вместе с тем административно-командная система не могла игнорировать необходимость совершенствования организации труда, без чего не могла расти производительность работы транспортного конвейера. Большое внимание было уделено улучшению работы железных дорог, имевших важное народно-хозяйственное значение (Донецкой, Курской, Свердловской, Томской и др.), а также отдельных отраслей железнодорожного транспорта (путевого хозяйства, паровозных, вагонных депо). Были изменены организационные формы использования автомобильного транспорта. Для обслуживания перевозок местного значения при исполкомах местных Советов были образованы автогужевые тресты. В третьей пятилетке в крупных городах и промышленных центрах в опытный порядок стали создаваться автотранспортные объединения, осуществлявшие как специализированные перевозки, так и операции комбинированного типа.

Предпринимались меры по преодолению недооценки роли водного транспорта в грузовых перевозках (грузы слабо привлекались к перевозке речным флотом, были велики простои судов). В 1931 г. НКПС был разукрупнен. Из него выделился Наркомвод (Наркомат водного транспорта). В его ведение были переданы все речные пароходства. 5 мая 1934 г. Совет народных комиссаров и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О планировании перевозок и улучшении работы водного транспорта» [18. С. 147]. Им предписывалось организовать при народном комиссаре водного транспорта и начальниках речных пароходств постоянные совещания по перевозкам с участием представителей клиентуры, проводить единую техническую политику в деле улучшения условий судоходства, предполагалось упорядочить планирование перевозок.

Проблемы упорядочения планирования речных перевозок рассматривались комплексно с другими видами транспорта, о чем свидетельствует принятие в том же году Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О планировании перевозок и улучшении работы местных органов Народного комиссариата путей сообщения» [6. С. 294–299]. В соответствии с его предписаниями была ликвидирована многоступенчатость в структуре органов, занимавшихся планированием перевозок. Грузы, подлежащие перевозкам, разделялись на две категории: к первой категории относились грузы общегосударственного значения, план их перевозок составлялся НКПС и должен был утверждаться Советом труда и обороны (СТО); ко второй категории отно-

сились грузы местного значения, их перевозки планировались начальниками дорог.

Во второй и третьей пятилетках на всех видах транспорта был изменен порядок нормирования труда. Устранялась чрезмерная дробность норм выработки и расценок, вводилась сдельно-прогрессивная оплата труда, устанавливались более высокие ставки заработной платы рабочим и ИТР, занятым в основных транспортных службах. Так, среднемесячный заработок работников Свердловской железной дороги в 1939 г. почти в 6 раз превысил уровень 1929 г. [19]

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. предложил в организации труда в промышленности и на транспорте шире пропагандировать опыт передовиков производства. В качестве ключевого компонента в его пространстве рассматривалось социалистическое соревнование [8. С. 231–232], которое развертывалось в различных формах: ударничество, соревнование по профессиям, изотовское движение и т.д. Его высшим этапом стало, стахановское движение, часто именовавшееся на железных дорогах кривоносовским – по фамилии инициатора движения машиниста депо Славянска Донецкой дороги Петра Кривоноса, на речном транспорте – чадаевским – по фамилии капитана волжского парохода «Степан Разин» Николая Чадаева. Несмотря на излишнюю заорганизованность и увлечение отдельными рекордами стахановское движение тесно увязывалось с проблемами технической реконструкции, освоением новой техники, способствовало улучшению эксплуатационных показателей транспортных служб. Сочетая высокий профессионализм с целеустремленностью и энергией, рационально используя мощности транспортной техники, ломая прежние привычки и нормы, кривоносовцы и чадаевцы добивались ее высокопроизводительного использования. В значительной степени благодаря стахановскому движению в 1935 г. железнодорожный транспорт страны впервые выполнил годовой план перевозок.

Стержневой основой внедрения интенсивных методов хозяйствования стал человеческий фактор. При всем негативном восприятии тоталитарной политической системы можно констатировать актуальность лозунга, сформулированного руководителями ВКП(б) и СНК СССР, «Кадры решают все», ставшего дополнением лозунга «Техника в период реконструкции решает все». Он был направлен на решение кадровой проблемы, которая оставалось напряженной на всех этапах индустриализации. Для ее урегулирования государство использовало в основном те же способы, которые применялись в промышленности: пополнение контингента рабочей силы путем ее вербовки в сельской местности; мобилизация ИТР из других отраслей экономики; ускоренная переквалификация нового пополнения; стремление улучшить материально-бытовое положение транспортников [20. С. 157]. Специфической особенностью транспорта являлось постоянное внимание партийно-государственных органов к трудовой дисциплине.

плине рабочих и служащих. Это определялось не только тем, что транспорт являлся территорией повышенной опасности, но и высоким уровнем аварийности вследствие резко возросшей нагрузки на транспортные магистрали, неравномерностью проводимых реконструктивных работ и императивными требованиями властных структур во что бы то ни стало повысить провозоспособность путей сообщения. Для поднятия квалификации и лучшего подбора кадров создавались специальные аттестационно-испытательные комиссии, осуществлявшие контроль за приемом на работу нового персонала и следившие за повышением его квалификации.

Серьезным тормозом в решении кадровой проблемы стали массовые политические репрессии. Только за 1937 г. и два месяца 1938 г. на Свердловской железной дороге было репрессировано 2,5 тыс. человек, что составило около 6% от контингента рабочей силы [21]. Как свидетельствуют проведенные нами подсчеты по Уралу, несмотря на то что численность рабочих и служащих на всех видах транспорта региона в 1940 г. превысила уровень 1917 г. в 5,8 раза, кадровая проблема в полной мере не была решена. Обеспеченность инженерами и техниками не превышала 50%. Их должности замещались практиками [22].

Какие конкретные результаты по повышению производительности труда были достигнуты на транспорте в период реализации курса на индустриализацию страны?

В годы первой пятилетки соотношение между интенсивными и экстенсивными факторами роста в процентах можно определить, как 5 к 95, и лишь среди работников, занятых непосредственно на перевозках, уровень производительности труда был несколько выше. Во второй пятилетке, когда наблюдался ее максимальный рост (на железнодорожном транспорте он составил 49% [11. С. 421]), соотношение между интенсивными и экстенсивными факторами изменилось в пользу первых [23. С. 17].

В значительной мере повышение производительности труда произошло за счет модернизации и лучшего использования технических средств транспорта. Коммерческая и техническая скорость грузового поезда за 1933–1937 гг. на железных дорогах СССР увеличилась на 37%, среднесуточный пробег паровоза – на 50%, среднесуточный пробег товарного вагона вырос с 97,3 до 139,8 км, выработка на одного работника, занятого на перевозках, возросла с 240 до 357 т/км [24. С. 103, 109]. Электрификация трудных по профилю и особо напряженных участков Свердловской, Приднепровской, Томской и Закавказской железных дорог позволила увеличить их провозоспособность в 2–3 раза [10. С. 25]. По темпам роста производительности труда железнодорожный транспорт многократно обгонял речной, где ее увеличение в 1933–1937 гг. произошло на 9%. В документальных источниках и статистических сборниках отсутствуют сведения о производительности труда на автомобильном и воздушном транспорте, но в научной литературе отмечается ее нарастающая динамика [11. С. 412, 421–423].

В то же время использование принципа научной объективности показывает, что рост производительности труда происходил при сохранении низкой рентабельности и высокой себестоимости перевозок, турбулентности во временном исчислении. В годы третьей пятилетки, когда транспорт работал в особых условиях (вхождение в СССР новых территорий, начало Второй мировой войны, увеличение расходов на оборону), темпы роста производительности труда на железнодорожном транспорте замедлились до 3,1% в год. То же наблюдалось и на речном транспорте [12. С. 78].

Успехи, достигнутые в росте производительности труда, в совокупности с экстенсивными факторами развития предопределяли крупномасштабное увеличение объемов перевозочной работы по транспортным магистралям страны. В 1940 г. в РСФСР всеми видами транспорта было перевезено грузов больше, чем в 1928 г., в 7,5 раза, а грузооборот увеличился в 4,1 раза [25. С. 40]. По таким показателям, как маршрутизация грузоперевозок, грузонапряженность, электрификация, протяженность железнодорожных линий, производство грузовых автомобилей СССР вышел на ведущие позиции в мире [26. С. 19, 25, 35].

Таким образом, в годы индустриализации, несмотря на сложную экономическую и политическую обстановку, сформировавшийся тоталитарный политический режим, были сделаны заметные шаги в повышении производительности труда как одного из определяющих показателей эффективности транспортного хозяйства. Наряду с применением экстенсивных факторов в транспортную сферу целенаправленно внедрялись интенсивные методы его развития. Был приобретен определенный исторический опыт, при оценке которого с высоты сегодняшнего дня можно выделить как позитивные, так и негативные стороны. К позитивным его аспектам, которые с соответствующей корректировкой, на наш взгляд, могут использоваться в современной России, относятся: 1) устойчивая тенденция государственной политики к переводу транспорта на интенсивные методы хозяйствования, разработка и принятие соответствующих нормативных актов; 2) коренное техническое перевооружение основных транспортных служб; 3) реформирование управленческого аппарата с учетом складывающейся экономической конъюнктуры; 4) широкая пропаганда передового опыта в СМИ, на конференциях, собраниях, съездах и слетах транспортников; 5) активное вовлечение в данный процесс, наряду с государственными органами, общественных организаций и объединений (профсоюзных, молодежных, инженерно-технических, рационализаторов и изобретателей и т.д.); 6) стремление повысить удельный вес водного транспорта как самой низкой по себестоимости транспортной отрасли, внимание к которой в настоящее время необоснованно упало; 7) развитие широкой сети транспортных НИИ и призыв к максимальному использованию достижений отечественной и зарубежной науки и техники; 8) применение планиро-

вания в определении перспектив развития экономики, за возрождение которого в настоящее время высказывается немало ученых и экономистов.

Конечно, речь не может идти о преувеличении значимости советского опыта, тем более о его копировании, ибо в нем было и много негативного (свертывание хозяйства, фактическое вытеснение частной собственности и других рыночных механизмов, действовавших в период НЭПа; доминантная роль правящей партии и принижение

значения государственных структур; аномальное принятие совместных партийно-государственных решений; создание политотделов как чрезвычайных партийно-государственных органов; утверждение административно-командных методов управления, навязывание приказного «кагановичского» стиля руководства; применение массовых репрессий). Но и негативный опыт может быть полезен для извлечения уроков в решении актуальных задач сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырева О.А., Глотова И.И. Пути повышения производительности труда. URL: <http://e-koncept.ru201618617.htm>
2. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. 2003. С. 5–11.
3. Абрамов А.П., Опарин Е.П. Производительность труда на железнодорожном транспорте и пути ее повышения. М. : Транспорт, 1970. 48 с.
4. Опарин Е.П. Производительность труда на железнодорожном транспорте. М. : Транспорт, 1973. 72 с.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 21.
6. Железнодорожный транспорт СССР в документах коммунистической партии и советского правительства (1917–1957). М. : Трансжелдориздат, 1957. 383 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 4. 583 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Политиздат, 1971. Т. 5. 479 с.
9. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М. : Плановое хозяйство, 1930. Т. 2, ч. 1. С. 455.
10. Шипко Н.Н. Железнодорожный транспорт — одна из главнейших баз экономики страны. Новосибирск : НИИЖТ, 1971. 48 с.
11. История социалистической экономики СССР. М. : Наука, 1978. Т. 4. 520 с.
12. История социалистической экономики СССР. М. : Наука, 1978. Т. 5. 566 с.
13. Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. Р-65. Оп. 3. Д. 1465. Л. 12–13.
14. Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. Челябинск : Южн.-Урал. кн. изд-во, 1966. 423 с.
15. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 42. Д. 516. Л. 4, 23–29 об.
16. Железнодорожный транспорт. XX век. М. : Железнодорожное дело, 2001. 188 с.
17. Климов И.П. Исторический опыт по реформированию управления транспортом в 1920–1930-е гг. и его значение для разработки современных транспортных проектов (на материалах Урала) // Совершенствование публичного управления в сфере реализации приоритетных национальных проектов. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2008. 332 с.
18. Речной транспорт в директивах коммунистической партии, законодательных актах и постановлениях советского правительства (1918–1959). М. : Речной транспорт, 1959. 230 с.
19. ГАСО. Ф. Р-65. Оп. 3. Д. 625. Л. 52–53.
20. Народное хозяйство Свердловской области : стат. сб. Свердловск : Госстатиздат, 1962. 231 с.
21. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 522. Оп. 1. Д. 463. Л. 8; Ф. 4. Оп. 12. Д. 347. Л. 160.
22. ГАСО. Ф. Р-65. Оп. 3. Д. 507. Л. 131.
23. Зоркальцев В.И. Экономика СССР до и в период Великой Отечественной войны (с использованием материалов Б.П. Орлова). Иркутск : ИСЭМ СО РАН, 2009. 42 с.
24. Транспорт и связь СССР : стат. сборник. М. : Статистика, 1972. 320 с.
25. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет : стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1987. 471 с.
26. Единая транспортная система / под ред. В.Г. Галабурды. 2-е изд. М. : Транспорт, 2001. 303 с.

Ivan P. Klimov. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: 207633@mail.ru

THE SOVIET STATE HISTORICAL EXPERIENCE ON INCREASING LABOUR PRODUCTIVITY IN TRANSPORT (1926–1940)

Key words: historical experience; Soviet state; transport; labour productivity.

The purpose of this article is to reconstruct the historical experience of the Soviet State in increasing labour productivity in transport as an important indicator of the effectiveness of its work. The chronological scope of the study covers the period of 1926–1940, when, in terms of the formation approach, the Soviet Union was implementing the policy of socialist industrialization of the country. The source base of the article is made up of normative documents of the Communist party, government agencies, archival and statistical materials. Basing on the modernization theory and the principle of scientific objectivity, the author attempted to analyze, free from any ideological parochialism, both beneficial and negative impacts of the Soviet experience. Despite its contradictory and inconsistent nature, the industrialization of the 1920s and 1930s amounts to an extraordinary example of searching solutions to the problems of increasing productivity in the situation of international isolation of the USSR, which is, to some extent, equivalent to the current geopolitical situation of Russia. The Soviet State has established the three main ways of transport conversion from extensive methods to intensive development: 1) fundamental modernization of its material-technical base, which was the first stage of the technological revolution in transport infrastructure of the country; 2) reorganization of the administrative staff and improvement of work organization; 3) restructuring of personnel policy. The article provides an assessment of Stakhanovism and the degree of personnel matter resolution in the prewar period that is the subject of discussion in the scientific literature. It is concluded that in the period of industrialization the productivity in transport was improved considerably, which contributed to winning through its underrun from the economy needs and reaching a leading position in the world on a number of accounts. The author describes his theory concerning the possibility of using certain aspects of the Soviet experience in contemporary Russia (a stable tendency in public policy to use intensive methods of economic management in transport; wide promotion of best practices; the active involvement of public associations; a call for optimal use of achievements of domestic and foreign science and technology). The negative aspects of the Soviet experience that can be useful for learning lessons in addressing the pressing problems of the day are also analyzed in the article.

REFERENCES

1. Bogatyreva, O.A. & Glotova, I.I. (2016) *Puti povysheniya proizvoditel'nosti truda* [The ways to improve productivity]. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2016186017.htm>.
2. Alekseev, V.V. & Alekseeva, E.V. (2003) *Raspad SSSR v kontekste teorii modernizatsii i imperskoy evolyutsii* [The collapse of the Soviet Union in the context of theories of modernization and Imperial evolution]. *Otechestvennaya istoria*. 5. pp. 5–11.
3. Abramov, A.P. & Oparin, E.P. (1970) *Proizvoditel'nost' truda na zheleznodorozhnom transporte i puti ee povysheniya* [Labour productivity in rail transport and ways of its improvement]. Moscow: Transport.
4. Oparin, E.P. (1973) *Proizvoditel'nost' truda na zheleznodorozhnom transporte* [Labour productivity in rail transport]. Moscow: Transport.
5. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 39. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
6. Naporko, A.G. (1957) *Zheleznodorozhnyy transport SSSR v dokumentakh kommunisticheskoy partii i sovetskogo pravitel'stva (1917–1957)* [The USSR Railway transport in documents of the Communist Party and the Soviet government (1917–1957)]. Moscow: Transzhelezoizdat.
7. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1970a) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (dalee – KPSS v rezolyutsiyakh...)* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (hereinafter the CPSU in resolutions...)]. 8th ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat.
8. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1970b) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (dalee – KPSS v rezolyutsiyakh...)* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (hereinafter the CPSU in resolutions...)]. Vol. 5. Moscow: Politizdat.
9. USSR. (1930) *Pyatiletniy plan narodnokhozyaystvennogo stroitel'stva SSSR* [The five-year plan for economic construction of the Soviet Union]. Vol. 2(1). Moscow: Planovoe khozyaystvo.
10. Shipko, N.N. (1971) *Zheleznodorozhnyy transport – odna iz glavneyshikh baz ekonomiki strany* [Railway transport is one of the main bases of the country economy]. Novosibirsk: NIIZhT.
11. Vinogradov, V.A. et al. (eds) (1978a) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR* [History of the USSR Socialist Economy]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
12. Vinogradov, V.A. et al. (eds) (1978b) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR* [History of the USSR Socialist Economy]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
13. The State Archives of Sverdlovsk Region (GASO). Fund. R.65. List 3. File 1465. pp. 12–13.
14. Matushkhin, P.G. (1966) *Uralo-Kuzbass* [Uralo-Kuzbass]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe kn. izd-vo.
15. The Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund. 1884. List 42. File. 516. pp. 4, 23–29.
16. Pashinin, S.A., Kharlanovich, I.V. & Polikarpov, A.A. *Zheleznodorozhnyy transport. XX vek* [Railway transport. The 20th century]. Moscow: [s.n.].
17. Klimov, I.P. (2008) *Istoricheskiy opyt po reformirovaniyu upravleniya transportom v 1920–1930-e gg. i ego znachenie dlya razrabotki sovremennykh transportnykh proektov (na materialakh Urala)* [Historical experience in reforming the traffic management in the 1920s – 1930s and its significance for the development of modern transport projects (based on materials of the Ural)]. In: *Sovershenstvovanie publichnogo upravleniya v sfere realizatsii prioritnykh natsional'nykh proektov* [Improvement of public administration in the sphere of implementation of national priority projects]. Tyumen: Tyumen State University.
18. Anon. (1959) *Rechnoy transport v direktivakh kommunisticheskoy partii, zakonodatel'nykh aktakh i postanovleniyakh sovetskogo pravitel'stva (1918–1959)* [River transport in the directives of the Communist party, legislative acts and decrees of the Soviet government (1918–1959)]. Moscow: Rechnoy transport.
19. The State Archives of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R 65. List 3. File 625. pp. 52–53.
20. Latyshev, G.G. (ed.) (1962) *Narodnoe khozyaystvo Sverdlovskoy oblasti* [The economy of Sverdlovsk Region]. Sverdlovsk: Gosstatizdat.
21. *The Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Region* (TsDOOSO). Fund 522. List 1. File 463. p. 8.
22. The State Archives of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R. 65. List 3. File 507. p. 131.
23. Zorkaltsev, V.I. (2009) *Ekonomika SSSR do i v period Velikoy Otechestvennoy voyny (s ispol'zovaniem materialov B. P. Orlova)* [The Soviet economy before and during the great Patriotic war (using B.P. Orlov's materials)]. Irkutsk: SB RAS.
24. Klimkin, N.A. (ed.) (1972) *Transport i svyaz' SSSR* [Transport and communications in the USSR]. Moscow: Statistika.
25. Umansky, L.A. (ed.) (1987) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR za 70 let* [The national economy of the RSFSR in 70 years]. Moscow: Finansy i statistika.
26. Galaburda, V.G. (ed.) (2001) *Edinaya transportnaya sistema* [Integrated transport system]. 2nd ed. Moscow: Transport.

УДК 93/94
DOI: 10.17223/19988613/63/5

Е.А. Крестьянников

ЖЕНСКАЯ АДВОКАТУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: СИБИРСКИЙ «СЛЕД»

Во второй половине XIX столетия в разворачивающемся движении за женское равноправие важнейшими становились требования одинаковых с мужчинами прав на получение образования и труд. Женщины пытались найти приложение своим способностям и в адвокатской профессии. В статье рассматриваются попытки участия сибирячек в судебных заседаниях в качестве поверенных, выясняется отношение сибирского общества к женской адвокатуре края и остальной России. Показано, что в связи со спецификой Сибири этот род занятий нашел здесь широкое применение.

Ключевые слова: женщины; эмансипация; адвокатура; Сибирь.

Российских женщин заниматься юридической деятельностью подталкивала либерализация жизни страны середины XIX в., давшая возможность представительницам слабого пола ощутить себя способными покорять доступные ранее исключительно мужчинам рубежи и сделавшаяся очевидной потребность в условиях социальной эмансипации отстаивать свои права. Сумме подобных обстоятельств как нельзя лучше отвечала профессия адвоката, на которую почувствовавшие вкус свободы россиянки неминуемо должны были заявить свои притязания. История дореволюционной женской адвокатуры интересовала отечественных исследователей, в том числе автора настоящей статьи больше с точки зрения развития законодательной стороны проблемы [1–8], и хотя к ней обращалась даже англоязычная историография [9, 10], тема освещена фрагментарно и остается малоизученной. В работах историков и правоведов нередко упоминаются одни и те же персонажи сибирских адвокатесс, но всегда речь идет об отдельных случаях адвокатской практики; специально же осмысления активности сибирячек в такой деятельности никогда не предпринималось. Между тем применение компаративистских методик и микроисторической детализации с опорой на законодательные акты, периодическую печать и делопроизводственную документацию позволяет восполнить имеющийся в исторической литературе пробел.

Великие реформы Александра II, реализовав начало бессословности и принципы буржуазного права, основывающиеся на формальном юридическом равенстве, дали российскому обществу свободы, подталкивая тем самым перемены в традиционном укладе и вызывая новые общественные запросы. Неизбежно ставился вопрос о женской эмансипации в семье, социуме, государстве. Должны были уйти в прошлое времена, когда общество «не умело образовывать женщину, и дать ей разумное содержание для жизни», когда ее обучали, лишь чтобы она не зарекомендовала себя невеждой при выходе в свет, иначе «совсем бы ничему не учили» [11]. Сами женщины тянулись к образованию и освоению считавшихся ранее мужскими профессий, и даже традиционно женские рабочие специальности наполня-

лись новым содержанием и предъявляли новые требования. Например, как заявлялось тогда, профессия гувернантки «значительно сократилась, так как от гувернантки стали требовать знаний, а не только выправки и умения говорить по-французски; у большинства же искавших занятий знаний не было» [12. С. 465]. Подстегивали тягу к равноправию и распространявшиеся на планете феминистские увлечения, которые становились модными среди россиянок. Они уже из пределов Родины теперь могли «легко следить за движением к существенному преобразованию нынешних отношений между двумя полами» во всем мире [13. С. 250].

Когда в Англии Джон Стюарт Милль оформлял свои мысли о необходимости преобразования законов о женщинах, высказав их в знаменитой книге «Подчиненность женщины» [14], сразу переведенной на русский язык и ставшей популярной в России [15], Александром II был подписан акт, избавлявший общество от разнообразных зависимостей. Судебные уставы 1864 г. вводили одинаковое для всех правосудие, и либеральный арсенал реформы юстиции в чем-то даже превосходил потенциал освобождения крестьян, пробудившего россиянок «от умственной спячки» и давшей им «почувствовать позорность своего пассивного положения» [16. С. 286]. Один дореволюционный юрист писал: «Если великий акт 19 февраля освободил двадцать миллионов русского народа от личной зависимости и стер с лица нашей земли печать рабства, то Судебные уставы дали всему населению право на ограждение его личности, насадили твердые начала гражданственности и закономерности, и создали еще невиданный у нас дотоле суд правый, скорый, милостивый и равный для всех» [17. С. 51]. Женщины почувствовали вкус равноправия и пошли судиться так активно, что приходилось наблюдать на их стороне перевес количества поступавших к мировым судьям жалоб [18. С. 64].

Вероятно, нашлось бы немало дам, желавших служить в качестве адвокатов, но статья 354 Учреждения судебных установлений допускала в сословие присяжных поверенных исключительно лиц с высшим юридическим образованием, недоступным в Российской им-

перии представительницам слабого пола. В правовой плоскости, получается, адвокатская профессия по умолчанию была доступна исключительно мужчинам. Но закон 25 мая 1874 г. кроме известных Судебным уставам присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных предусмотрел институт частных поверенных [19]. Применительно к последним ничего не говорилось об образовательном цензе, и отдельные женщины решили, что адвокатское ремесло открыто для них. В ряде провинциальных городов Европейской России появились частные поверенные из дам, зарекомендовавших себя на новом поприще вполне способными [4. С. 55]. Однако 30 апреля 1875 г. министр юстиции К.И. Пален издал циркуляр, предписывавший судебным учреждениям прекратить выдачу лицам женского пола свидетельств на право хождения по чужим делам, но после того как возник вопрос о неправомерности такого запрета, 7 января 1876 г. был принят закон, который, уже не допуская никаких расширительных толкований, запретил россиянкам частную адвокатуру [20].

В последующем дамы, чтобы заниматься адвокатской деятельностью, использовали архаизмы отечественного законодательства или его пробелы. Судебные уставы не возбраняли в отдельных случаях защиту в органах правосудия чужих прав на непрофессиональной основе, и, главное, пол такого помощника не уточнялся. Данную возможность женщины иногда использовали, а судебные чиновники, как считается, положительно относились к указанной деятельности [1. С. 19; 3. С. 74–75; 5. С. 181–182]. Поскольку нормы дореформенного судоустройства и судопроизводства совершенно умалчивали о женщинах в юстиции, жительницы регионов, в которых введение уставов задерживалось, получили возможность испытать себя в адвокатуре на непрофессиональной основе. Скорее всего, в Сибири таких имелось немало. В корреспонденции «Сибирского вестника» 1893 г. сообщалось о сибирячках, бравшихся за это занятие: «У нас в Томске тоже давно уже практикуется институт женской защиты на судах и, вообще, ходатайство женщин в качестве поверенных по чужим делам». Рассказывалось и о неоднократных выступлениях в томских судебных учреждениях «девицы» М.П. Аршауловой [21]. Ранее, в 1889 г. указанная госпожа (по описанию, «небольшого роста, обладатель симпатичной наружности, одета вся в черном, говорила довольно красиво, бойко и, местами, с чувством и по-видимому с отсутствием всякой робости») в качестве поверенного выиграла дело в губернском суде, а свою речь в защиту обвиняемых она предварила вступлением, в котором словно от имени всех россиянок заявила об их способности заниматься полезной для общества деятельностью, в частности адвокатской: «Прежде чем приступить к защите моих клиентов, я позволю себе несколько остановиться на том исключительном случае, что я, женщина, являюсь в роли защитницы. Действительно, это может показаться не-

сколько странным и удивительным здесь, в Сибири; но я полагаю, вам небызвестно, что в Европейской России, а в особенности за границей, мы сплошь и рядом встречаем среди женщин медиков, математиков и т.п. Таким образом, нельзя отрицать, что и адвокатура точно также может быть доступна женщинам» [22, 23].

Однако и в отдаленном крае женщин-адвокатов настигали запреты. В феврале 1893 г. в Иркутске домашняя учительница В.Л. Кичеева выступала поверенной в производстве по иску некоей Кудрявцевой к М.Д. Бутину на 24 тыс. руб. Еще до судебного разбирательства по существу этого дела был возбужден вопрос о праве женщин ходатайствовать в принципе. Иркутский губернский суд, ссылаясь на упомянутый выше циркуляр К.И. Палена почти двадцатилетней давности, постановил не допускать адвокатессу «к дальнейшему ходатайству по делам, заведенным по доверенностям разных лиц» [21]. Прежде в течение восьми лет В.Л. Кичеева занималась адвокатурой основательно и далеко не любительски, по ее объяснениям, ни Енисейский губернский суд, ни Сенат этому не препятствовали. Она доказывала, что по продолжавшему действовать за Уралом порядку судопроизводства, везде предшествовавшему Судебным уставам, каждый независимо от половой принадлежности, кому особо не воспрещалось, мог быть профессиональным поверенным [24], и незамедлительно подала протест на решение Иркутского губернского суда в Иркутский губернский совет, но тот жалобу даже не принял к рассмотрению. Тогда неуступчивая сибирячка перенесла дело в Сенат, где лично поддерживала обжалование, и добилась своего: последовало предписание Иркутскому губернскому совету рассмотреть ее жалобу и постановить по той определению на новом основании [1. С. 20].

Вообще, из всех регионов страны в развитие российской женской адвокатуры Сибирь внесла наиболее заметный вклад. Кроме возможности использования здесь имевшихся законодательных лазеек это могло быть вызвано особенностями характера сибирячек. Исследователь края начала XX в. М. Петров, например, писал, что они были «сметливы», «совершенно самостоятельны», с мужьями «держали себя гордо и не позволяли собой помыкать» [25. С. 83]. Знаменитый тюменский купец Н.М. Чукмалдин, характеризуя гендерные роли конца XIX в., применил такой яркий афоризм: «Женщина в Сибири не раба мужчины – она ему товарищ» [26. С. 107]. Современный исследователь дореволюционной истории сибирских дам Ю.М. Гончаров указывает на специфику региона, определившую уникальность поведения и образа жизни сибирячек. Проведя сплошное изучение отзывов современников, историк заключает, что те были «более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными, чем женщины центральной части России» [27. С. 64].

Независимость и живость, свойственные жительницам Сибири, наверное, и подталкивали их настолько часто присутствовать в судах в качестве адвокатов, что

местным судебным чиновникам приходилось даже проводить специальные заседания для определения своих позиций по данному вопросу. Так, 5 июля 1889 г. Енисейский губернский суд в Красноярске собрался, чтобы обсудить постоянные попытки дам «выступать в качестве защитниц по уголовным делам», которые «в отдельных случаях осуществлялись даже практически» (возможно, вызвала собрание активность В.Л. Кичеевой). Судебные чиновники признали женскую адвокатуру «исключительно свойственным Сибири положением» и дали ей оценку как «ненормальной». Но что с ней делать, похоже, они не знали и находились в полной растерянности. Этим и был вызван частичный запрет обсуждаемой деятельности. Из судебской резолюции можно понять, что сударынь «устраняли» лишь из уголовного процесса, разрешив представлять чужие интересы в гражданском судопроизводстве: «Принимая во внимание, что согласно действующему закону и Временным правилам 25 февраля 1885 г., суд имеет дело лишь “с защитниками” (речь о правилах, которые в ограниченном виде вводили состязательность в сибирских судах. – Е.К.), причем на председателя в иных случаях возложена обязанность назначать таковых из чиновников канцелярии, известных своими нравственными качествами, нельзя не прийти к заключению, что функция защитника отнесена законом исключительно к лицам мужского пола, почему женщины подлежат безусловному устранению в тех случаях, когда они пытаются действовать не в качестве поверенных, а защитниц» [28. Л. 28 об.–29].

Таким образом, употребленным законодателем словом в мужском роде («защитник») отказывалось в существовании полноценной женской адвокатуры. В общем, отношение к таковой в Сибири было неоднозначным. К примеру, «Сибирский вестник», с одной стороны, рассказывал о симпатиях к ней председателя Томского губернского суда Е.Ю. Баршевского (выдающийся сибирский судебный деятель, имел достаточно передовые взгляды [29, 30]), позволявшего сибирячкам участвовать в процессах в качестве защитниц подсудимых, с другой, собственный корреспондент газеты, признаваясь в своем расположении к женщинам-адвокатам, констатировал: «Вполне сочувствуя женскому труду, мы думаем, однако, что *dura lex, sed lex*, а потому господам Кичеевой, Маркаковой (жена местного ссыльного, практиковавшего адвокатским ремеслом в Томске и бравшего доверенности на это же занятие для супруги. – Е.К.), Аршауловой и другим, к сожалению, но на основании точных законов, адвокатура должна быть воспрещена» [21].

Вместе с тем наиболее известные примеры женской адвокатуры края позволяют предположить, что к такому ремеслу могли приобщиться далеко не все желающие и способные женщины. Родственные связи М.П. Аршауловой и В.Л. Кичеевой говорят об их весомом положении в сибирском обществе. Кроме родства с главой местной полиции – «томским Шерлоком

Холмсом» П.П. Аршауловым, первая являлась супругой сосланного в Сибирь по громкому делу («червонных валетов») поэта, публициста, общественного деятеля и юриста В.А. Долгорукова [31. С. 18]; вторая была женой столоначальника общего губернского управления [24].

Из успехов сибирских дам в качестве адвокатов наибольшее освещение в отечественной прессе получило участие М.П. Аршауловой в заседании Томского губернского суда 12 мая 1889 г. О том процессе сначала сообщил «Сибирский вестник» (он назвал адвокатессу «примером редким даже в Европейской России и, вероятно, первым в Сибири»), а перепечатала новость из Томска и принесла защитнице всероссийскую славу популярная столичная «Судебная газета». Инородец М.И. Куренков и крестьянин Н. Мельников были ранее осуждены Томским окружным судом (первая судебная инстанция) на три и два месяца тюрьмы соответственно за оскорбление и нанесение побоев мелкому чиновнику. Не согласившись с приговором, осужденные подали апелляцию – мол, не они били служащего, а, напротив, он «совершал разные насилия» – в суд второй степени, где их жалобу поддерживала героиня данного сюжета. Свои доводы она приводила грамотно и последовательно: сослалась на свидетельства десяти человек, готовых утверждать под присягой, что неправильно наказанные действительно подверглись «самоуправствам над ними»; затем указала на физическое состояние семидесятилетнего Н. Мельникова («это уже совсем дряхлый старик, и, разумеется, он не в силах был кого-бы то ни было бить»); в заключение обратила внимание судей на ту среду, в какой обитали ее клиенты: «Там самоуправство властей иногда переходит всякие границы». Суду потребовалось лишь десять минут на совещание и вынесение по его итогам резолюции, отменявшей приговор учреждения юстиции нижней ступени [22, 23].

Сообщения о сибирских женщинах-адвокатах подхватила центральная периодическая печать, развернувшая по такому поводу всероссийскую дискуссию. Популярнейший «Северный вестник» целиком поддерживал почин жительниц далекого края и привел аргументы в его поддержку: во-первых, законодательство, не позволявшее дамам адвокатскую деятельность, применялось далеко не во «всех случаях появления женщин перед судами в качестве поверенных»; во-вторых, законы, запрещающие женщинам служить в органах власти, уже были «обойдены жизнью», и женский труд все-таки там использовался; в-третьих, корреспондент журнала зывал к здравому смыслу, напомнив и написав, что «бывали монархини, со славой правившие государствами, а тут вдруг уверяют, что женщина не может быть поверенной на суде» [32. С. 41–42].

Примеры сибирячек не в последнюю очередь заставляли столичных чиновников обсуждать в конце XIX в. вопрос о женской адвокатуры. В 1894 г. начинала работать знаменитая «муравьевская» комиссия (по

имени председателя министра юстиции Н.В. Муравьева), призванная пересмотреть Судебные уставы, и членам совещания было не миновать проблему женской адвокатуры. В дискуссии вокруг указанного вопроса большинство высказались за сохранение действующего правила. Противники женской адвокатуры следовали испытанным способом и со ссылкой на законы 1870-х гг. заключили: «Воспреещение лицам женского пола быть частными поверенными не есть следствие особенного правила, изданного только по отношению к поступлению женщин в частные поверенные, а имеет в своем основании общую государственную меру, коей определен круг полезной для государства и общества деятельности лиц женского пола». Дамы по-прежнему не допускались в высшие учебные заведения для изучения юридических наук, ни в канцелярии правительственных и общественных установлений, т.е. не имели возможности получить нужные для юридической практики знания и опыт. Поэтому «разрешение женщинам приобретать звание частного поверенного не соответствовало бы ни усвоенным в этом отношении воззрениям законодательства, ни видам и намерениям правительства» [33. С. 175–176].

Тем временем Судебные уставы Александра II к началу XX в. вводились повсеместно (в Сибири – на основе закона 13 мая 1896 г. [34]), и вольностям с применением в адвокатуре женского труда пришел конец. В свою очередь, состязательность нового суда увеличивала потребность в адвокатах, количество которых было явно недостаточным. В стране один присяжный поверенный приходился примерно на 60 тысяч подданных [35. С. 88–89.]; в Сибирском крае в 1899 г. их числилось 34 (округа Омской и Иркутской судебных палат) [36. С. 518–519] на население, стремившееся к шести миллионам [37. С. 81]. Недоступность профессиональных юридических услуг зачастую заставляла россиян и сибиряков обращаться за помощью к проходивцам или откровенным мошенникам, известным в государстве под названиями «подпольная адвокатура» или «знахари юриспруденции», и нередко становиться жертвами их плутовства [38–40]. В таких условиях стране, безусловно, не помешали бы адвокаты независимо от пола.

Тогда же российские дамы в борьбе за свои права активизировались, и, по словам небезызвестной отечественной феминистки Н.А. Лухмановой, имевшей непосредственное отношение к Сибири (прожила часть жизни в Тюмени), «женская эмансипация, как мощная река» лилась «правильным течением, прорывая себе глубокое дно и расширяя берега», и было «уже трудно загнать женщину в прежние домостройные рамки» [41. С. 6, 66]. Мощным толчком к развитию русского феминизма послужили революционные события 1905–1907 гг., в ходе которых и после энергия раскола в женском лагере достигла вершины: противницы женской эмансипации стали создавать собственные организации (наиболее известен Союз русских женщин), а

сторонницы – созывать всероссийские съезды, на каких обсуждали важнейшие проблемы улучшения «бабьей» доли [42. С. 378–406].

Женскому движению теперь сильнее прежнего не хватало правового содействия и все более ощущалась беспомощность женщины перед юридическими вызовами. Отстаивая свои права, она могла пойти к адвокату исключительно мужского пола, а значит, недополучала полноценной помощи. В прессе по этому поводу можно было встретить такие рассуждения: «Женщина не всегда в состоянии обратиться к мужчине за советом, причем должна перед ним раскрывать интимные детали. Она и смотрит на него, на адвоката, как на что-то казенное, жуткое! Она не решится идти к нему и предпочтет вынести все одна – беспомощная, чем подвергнуть обнажению свою женскую душу и жизнь, и от того, что она не умеет разобраться сама в своем положении, не знает законов, карающих или ограждающих ее, – она все глубже зарывается в своих заблуждениях, пока не погибает. А между тем, сколько можно бы спасти несчастных женщин от гибели своевременной подачей веского совета! Женщина-юрист явилась бы спасительницей для множества своих темных сестер» [43].

Кроме того, наметился прорыв в области образования, в частности, юридические факультеты разрешались на высших женских курсах [44. С. 157]. Вольнослушательницы пускались в университеты [45. С. 5], а по закону 19 декабря 1911 г. дамы допускались к экзаменам в государственных испытательных комиссиях при университетах и после их успешной сдачи получали права, сходные с правами мужчин [46]. Характерно, что некоторые женщины, даже из провинции, начав изучать премудрости правоведения в Европе, теперь продолжали обучение в отечественных учебных заведениях. Так, дочь выдающегося сибирского просветителя и мецената П.И. Макушина Викторина после учебы на юридическом факультете Парижского университета стала вольнослушательницей аналогичного факультета Императорского Томского университета [47. С. 163].

Женщины уже допускались к адвокатской практике в Голландии, Франции, скандинавских странах, некоторых кантонах Швейцарии [10. Р. 825], а также отдельных провинциях Канады, в Новой Зеландии и Австралии [48. Р. 14], оказывали юридическую помощь в США [49]. Россиянки занимались адвокатской деятельностью за рубежом. В частности, во Франции в 1900 г. приняла присягу как первая женщина-адвокат этой страны русская по происхождению Е. Балаховская-Пети, бывшая дочерью киевского сахарозаводчика Г.Г. Болеховского, о чем, благодаря русской прессе, хорошо знали и в России [10. Р. 831; 50. С. 310]). Внутри же империи становилось все больше женщин с университетскими дипломами, сначала иностранными, а затем отечественными. Теперь замечалось, по словам И.В. Гессена, «настойчивое домогательство женщин-юристок о зачислении в помощники присяжных поверенных», и почти все советы присяжной адвокатуры

(органы самоуправления адвокатов) были готовы удовлетворить просительниц [51. С. 369–370], но этому находились препятствия. 1908 г. ознаменовался неоднократными прошениями нескольких дам о включении их в число помощников присяжных поверенных московского округа, но состоявшиеся решения советов о их зачислении отменялись Московской судебной палатой [52. С. 111–115; 53; 54]. При этом сейчас и в последующем чиновникам юстиции приходилось применять навыки юридической изворотливости, поскольку, как пояснял известный присяжный поверенный П.Н. Мальянгович по делу о приеме в адвокатуру Я.С. Подгурской, единственным препятствием Судебных уставов для принятия женщин была статья 354 – наличие высшего юридического образования, а оно начинало устраняться, и «никакой-либо другой закон не устанавливал никаких ограничений или исключений» [55].

1909 г. примечателен появлением в Российской империи сударыни, в биографии которой значится «первая в России женщина – помощник присяжного поверенного». Ею была закончившая юридический факультет Парижского университета и имевшая диплом юридического факультета Санкт-Петербургского университета Е.А. Флейшиц, в будущем выдающийся советский юрист [56. С. 455]. Прокурорская власть, однако, не признала права юристки вести защиту, по сути, сорвав судебное заседание с ее участием (один из видных русских юристов В.Д. Набоков по этому поводу говорил: «Если не ошибаемся, такой “срыв” судебного заседания прокурором – первый случай за все время существования нового русского суда») [57]. В 1909–1912 гг. тема представительства лиц слабого пола в адвокатуре энергично обсуждалась в российской провинции. В этом принимали активное участие казанский и новочеркасский советы [52. С. 112], общеизвестным стал факт опротестования прокурором Одесской судебной палаты А. Полланом включения в помощники присяжного поверенного А.Г. Ярошевской [58; 59. Л. 137–138 об.].

Первой сибирской профессиональной женщиной-адвокатом стала выпускница юридического факультета Московского университета Л.П. Рушковская. В конце января 1912 г. адвокатский совет при Омской судебной палате зачислил ее в число помощников присяжных поверенных. Но прокурор палаты В.В. Едличко потребовал отменить данное постановление [60. Л. 38–50], и адвокатесса исключалась из сословия [61. С. 3]. Появление в крае собственного адвоката слабого пола, судя по всему, было долгожданным и желанным событием, заслужившим детального освещения в местных газетах. Так, о нем рассказывалось еще на стадии подачи бывшей студенткой прошения [62], а также указывалось имя присяжного поверенного, к которому она пошла в качестве помощника (А.С. Кабалкин) [63].

Вообще, Сибирь внимательно следила за развитием событий вокруг женской адвокатуры, причем не только в России, но и за ее рубежами. В корреспонденции

красноярского «Енисея» за 1901 г. встречалось сообщение с перечислением стран и регионов мира, где адвокатской практикой занимались не только мужчины (Франция, Швеция, Норвегия, Румыния, некоторые штаты Северной Америки и многие кантоны Швейцарии). Также передавалось мнение о желательности не ограничивать сударынь допуском лишь в частные поверенные и говорилось об «отрадном явлении»: Министерство юстиции начинало открывать должности в учреждениях своего ведения для применения женского труда, «продуктивность которого, во всяком случае, не уступит продуктивности труда мужчин» [64].

Сибирская пресса весьма участливо относилась к усилиям женщин, стремившихся в адвокатуру. Читающий сибиряк, выписывавший, например, только газеты не самого крупного за Уралом Красноярска (город по численности населения с 68 254 жителей на 1910 г. являлся пятым в Сибири [65. С. 348]), мог узнать о случаях принятия московским советом присяжных поверенных в сословие ряда лиц женского пола, в том числе Я.С. Подгурской [66], прочитать о Е.А. Флейшиц [67] и одесском казусе с А.Г. Ярошевской [68, 69]. Притом «Красноярский вестник» опубликовал статью неназванного корреспондента «О праве женщин заниматься адвокатурой», где передавались и анализировались отдельные эпизоды борьбы жительниц Европейской России за возможность быть поверенными [70], а «Красноярский хроникер» раздобыл информацию о том, что «депутация от совета вспоможения окончившим курс на петербургских высших женских курсах, вместе с представительницей совета, представила членам Государственной Думы от города Петербурга ходатайство о содействии скорейшему проведению закона о представлении женщинам права заниматься адвокатурой» [71].

Действительно, этот вопрос настоятельно требовал решения, иначе всегда имелся повод обвинить имперское законодательство в отсталости. Об этом предупреждал еще в конце XIX столетия известный юрист М. Стиваль [72. С. 218]. Но именно теперь, когда россиянки уже получали высшее юридическое образование, а воспользоваться им не могли лишь на том основании, что в законе, написанном десятилетия назад, о женщинах в рядах присяжных поверенных и их помощников ничего не говорилось, русские правовые нормы выглядели особенно архаично и абсурдно. Положение женщин в социуме менялось, а правовой статус – нет. Знаменитый русский юрист И.В. Гессен на Первом всероссийском женском съезде посвятил речь осмыслению царского законодательства касательно россиянок: «В чем сущность этого законодательства? По своей простоте и несложности проникающей его тенденции, с этим законодательством могут конкурировать только наши же законы об инородцах. Ограничить, воспретить, не допустить – такова основная мысль всего законодательства; она настолько всеобъемлюща, что когда возникает какое-нибудь сомнение,

то оно всегда разрешается в том смысле, что если нет специальной оговорки, разрешающей женщинам то или иное действие, то оно должно считаться для них запрещенным» [73].

При царском режиме узаконить женскую адвокатуру не удалось. 16 ноября 1909 г. — через десять дней после попытки Е.А. Флейшиц выступить в суде — 100 депутатов III Государственной Думы разработали соответствующее законодательное предложение [74. Л. 2–3]. В нижней палате парламента законопроект 23–24 мая 1912 г. получил поддержку [75. Стб. 2329–2334, 2446–2470], но в январе 1913 г. Государственный совет большинством голосов — 84 против 66 — его отклонил [76. Стб. 807–910]. Вердикт имел широкий общественный резонанс, вызвав возмущение в лагере сил, боровшихся за равноправие женщин. Ведущий феминистский журнал «Женский вестник», следуя своей направленности, обвинил парламентариев в сексизме и объяснил результаты голосования определенными страхами перед слабым полом: «Женщина способна сказать ту правду, которую не решится сказать мужчина» [77].

Сибирь не осталась в стороне от обсуждения этого вопроса. В целом адвокатское сообщество края было на стороне адвокатесс, а один из ведущих его представителей томский адвокат М.Р. Бейлин высказал мнение по данному поводу на страницах «Сибирской жизни». В отказе дамам заниматься адвокатской деятельностью он видел минус для своей профессии и развития потен-

циала противоположного пола («Но нельзя сказать, чтобы ограждение женщин от адвокатуры принесло пользу женщине и адвокатуре»), а доводы противников женской адвокатуры признавал крайне неубедительными: «И когда слышишь, что женщин не следует пускать в адвокатуру, потому что это сословие стало переполняться ремесленниками юридического цеха, чувствуется, что это не аргумент, потому что по этим основаниям женщин следует отгородить и от других доступных им интеллигентных профессий, нравы которых — будем откровенны — стоят теперь не на прежней высоте» [78].

Лишь на основании постановления Временного правительства от 1 июня 1917 г. женщины-адвокаты получили равные с поверенными мужского пола права [79]. История же легализации женской адвокатуры в дореволюционной России подтверждает, что общество, в том числе сибирское, тогда опережало темпы развития государства. Десятилетия ушли лишь на то, чтобы власть начала сознавать неотвратимость включения лиц слабого пола в орбиту равноправных с мужчинами отношений путем предоставления им возможности заниматься юридическим трудом. Сибири из-за игнорирования ее потребностей самодержавием и задержки судебной реформы 1864 г. удалось познакомиться с дамами-адвокатами сильнее, чем остальной империи; примерно одновременно со страной увидела она собственную адвокатессу-специалиста в начале XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов-Сильванский Н. О праве женщин быть адвокатами // Русское богатство. 1905. № 5. С. 1–26.
2. Кони А.Ф. О допущении женщин в адвокатуру // Собрание сочинений в восьми томах. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4. С. 426–442.
3. Казанцев С.М. Русская адвокатура и женщины // Правоведение. 1985. № 6. С. 72–77.
4. Ворошилова С.В. Становление женской адвокатуры в России // Новая правовая мысль. 2007. № 1 (20). С. 54–58.
5. Решетников Г.Л. К вопросу о «женской адвокатуре» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 179–186.
6. Ильина Т.Н. *Femina et Femida: к вопросу о женской адвокатуре в дореволюционной России* // История государства и права. 2012. № 18. С. 22–24.
7. Крестьянников Е.А. Феминизация адвокатуры и законодательство Российской империи // Адвокатская практика. 2015. № 6. С. 44–49.
8. Крестьянников Е.А. «Бабы перестанут работать и скажут: мы пойдем в адвокаты» // Родина. 2016. № 5. С. 106–109.
9. Kuchero S. The Legal Profession in Pre- and Post-Revolutionary Russia // The American Journal of Comparative Law. 1956. Vol. 5, № 3. P. 443–470.
10. Albisetti J.C. *Portia Ante Portas: Women and the Legal Profession in Europe, ca. 1870–1925* // Journal of Social History. 2000. Vol. 33, № 4. P. 825–857.
11. Стоюнин В. Воспитание русской женщины // Русский мир. 1859. 16 января.
12. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. 1856–1880. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901.
13. Михайлов М.Л. Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. 1860. № 11. С. 221–250.
14. Ward I., McGlynn C. Women, Law and John Stuart Mill // Women's History Review. 2016. Vol. 25, № 2. P. 227–253.
15. Berest J. The Reception of J.S. Mill's Feminist Thought in Imperial Russia // Russian History. 2016. Vol. 43, № 2. P. 101–141.
16. Шашков С.С. История русской женщины. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879.
17. Верт О. К пересмотру Судебных уставов // Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. 1897. № 1. С. 44–51.
18. Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки) // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57–83.
19. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 49. № 53573.
20. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 51. № 55455.
21. Сибирский вестник. 1893. 19 марта.
22. Женщина-адвокат // Судебная газета. 1889. 4 июня.
23. Судебная хроника // Сибирский вестник. 1889. 14 мая.
24. Судебная хроника // Восточное обозрение. 1893. 7 марта.
25. Петров М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1908.
26. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: избранные произведения / сост. Ю.Л. Мандрики. Тюмень: СофтДизайн, 1997.
27. Гончаров Ю.М. Женщины Сибири XIX — начала XX в.: Библиографический указатель. Барнаул: Концепт, 2008.
28. Государственный архив Красноярского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 85.
29. Адоньева И.Г., Крестьянников Е.А. Совершенствуя правосудие: из жизни и деятельности двух томских юристов (1880-е гг.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2008. Вып. 11. С. 139–145.
30. Сибиряк. Дополнение. Забытый сибирский деятель. (Биографическая заметка) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. № 4. С. 70–72.

31. Костин В.М., Яковенко А.В. Материалы к биографии П.П. Аршаулова // Петр Петрович Аршаулов : сб. материалов / сост. В.М. Костин, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск : Том. обл. универ. науч. библиотека, 2012. С. 15–52.
32. Областной отдел. Провинциальная печать // Северный вестник. 1893. № 6. С. 40–42.
33. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждений судебных установлений. Т. 3. Ч. 2. Гл. 17. О поверенных по судебным делам. СПб. : Сенатская типография, 1900.
34. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 16. № 12932.
35. Вольтке Г. Замечания на некоторые статьи проекта об изменениях в устройстве адвокатуры // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1898. № 5. С. 51–105.
36. Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914, Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1996.
37. Азиатская Россия. Том первый. Люди и порядки за Уралом. СПб. : Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914.
38. Pomeranz W.E. Justice from Underground: The History of the Underground Advokatura // The Russian Review. 1993. Vol. 52, № 3. P. 321–340.
39. Neuberger J. «Shysters» or Public Servants? Uncertified Lawyers and Legal Aid for the Poor in Late Imperial Russia // Russian History. 1996. Vol. 23, № 1/4. P. 295–310.
40. Крестьянников Е.А. «Подпольная адвокатура» и консультации поверенных в дореволюционной России: из сибирского опыта // Российская история. 2010. № 4. С. 167–177.
41. Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины. Влияние новейшей литературы на современную молодежь. (Две лекции). М. : Издание Д.П. Ефимова, 1904.
42. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетей, 2007.
43. Из нашей печати // Юрист. 1905. 22 мая.
44. Красинская-Эльашева С.А., Рубашова-Зорохович А.И. Юридический факультет // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918 : сб. ст. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. С. 155–163.
45. Щербина А.М. О допущении женщин в университет. М. : Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1916.
46. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 31. № 36226.
47. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014.
48. Mossman M.J. The First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law, and the Legal Professions. Portland : Hart Publishing, 2006.
49. Batlan F. The Birth of Legal Aid: Gender Ideologies, Women, and the Bar in New York City, 1863–1910 // Law and History Review. 2010. Vol. 28, № 4. P. 931–971.
50. Н.Ш. Французский закон 1 декабря 1900 г. о разрешении женщинам, имеющим дипломы лицензиата прав, заниматься адвокатурой // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 3. С. 297–310.
51. История русской адвокатуры. Том первый. Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство (1864–1914) / сост. С.Н. Гаврилов. М. : Юрист, 1997.
52. История русской адвокатуры. Том третий. Под редакцией М.Н. Гернет. Сословная организация адвокатуры. 1864–1914. М. : Издание советов присяжных поверенных, 1916.
53. Право. 1908. 14 сент.
54. Право. 1908. 2 нояб.
55. Право. 1909. 28 июня.
56. Флейшиц Екатерина Абрамовна // Видные ученые-юристы России (вторая половина XX в.). Энциклопедический словарь биографий / под ред. В.М. Сырых. М. : Российская академия правосудия, 2006.
57. Набоков В.Д. Может ли женщина вести защиту пред уголовным судом? // Право. 1909. 15 нояб.
58. Право. 1910. 12 дек.
59. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190.
60. Государственный архив Омской области. Ф. 190. Оп. 1. Д. 188.
61. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. С 18 мая 1911 г. по 18 мая 1912 г. Омск : Электротипография «Печатное искусство», 1913.
62. По Сибири // Забайкальская новь. 1912. 21 янв.
63. (Из газет) // Сибирская жизнь. 1912. 4 февр.
64. В. Несколько слов о женщинах // Енисей. 1901. 9 янв.
65. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007.
66. По России // Красноярец. 1908. 18 сент.
67. Красноярец. 1909. 7 июля.
68. Русская жизнь. (Из газет) // Красноярская мысль. 1910. 1 дек.
69. Красноярский вестник. 1909. 29 июля.
70. О праве женщин заниматься адвокатурой // Красноярский вестник. 1909. 30 июля.
71. Русская жизнь. (Из газет) // Красноярский хроникер. 1911. 9 июня.
72. Стиваль М. Реформа адвокатуры // Северный вестник. 1897. № 11. С. 207–225.
73. Гессен И.В. Влияние законодательства на положение женщин // Право. 1908. 21 дек.
74. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2368.
75. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть 4. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб. : Государственная типография, 1912.
76. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–13 годы. Сессия восьмая. Заседания 1–51 (1 ноября 1912 г. – 4 июля 1913 г.). СПб. : Государственная типография, 1913.
77. Непорожная М. По поводу права женщин на адвокатуру // Женский вестник. 1913. № 3. С. 81–82.
78. Бейлин М.Р. Дневник // Сибирская жизнь. 1913. 2 февр.
79. Вестник Временного правительства. 1917. 13 (26) июня.

Evgeniy A. Kretyannikov. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

FEMALE LEGAL PROFESSION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: SIBERIAN “TRACE”

Keywords: Women; emancipation; legal profession; Siberia.

The purpose of the article consists in studying of a phenomenon of the Siberian female legal profession in the context of vindication of the rights of women to education and work equal with men developed in the Russian Empire. Using microhistorical specification and comparative methods, the author of the article considers the main stages of mastering the lawyer profession by Russian women, illustrates obstacles of such activity from the state and the attitude towards it of the Russian society. The historical sources involved in a research including, first of all, periodicals, documents of management and record keeping and also papers of historians, allow to study the factors, which was promoting involvement of Siberian women in legal profession, having revealed among them the most noticeable

characters. The judicial charters of 1864, which demanded the higher legal education from lawyers, were entered in Siberia with an essential delay, and conditions of prereform justice allowed women to participate in judicial sessions as attorneys. This opportunity was rather actively used by vigorous female residents of the region. M.P. Arshaulova and V.L. Kicheeva, making success in lawsuits, were shown most brightly in legal profession. Activity of the Siberian female lawyers was developed so widely that judicial authorities could not ignore it. Tomsk, Yenisei and Irkutsk provincial courts which treated them differently faced advocatrices. The facts of the free admission of the weaker sex persons to such activity are known, on the contrary difficulties was made for them sometimes. In Russia women were allowed to get the higher legal education at the beginning of the 20th century. Of course, they began to ask for professional advocacy on an equal footing with men to fulfil their knowledge and abilities. Councils of attorneys - self-government agencies of sworn attorneys - were ready to accept them as a member of lawyers freely. But strict following to standards of laws, at that time already archaic and demanding revision, allowed heads of legal agencies to deprive of women of the right to participate in judicial sessions. In Siberia thanks to lighting in the press it was well known about the Russian cases of female legal profession. In 1912 the Omsk council of attorneys accepted as a member of lawyers L.P. Rushkovskaya, who became the first woman of that region to have an opportunity to appear in court as the defender. The Siberian newspapers welcomed this joyful event. However, the prosecutor's office cancelled the decision of the Omsk council and the advocatrice had not developed. In Russia the female legal profession was legalized in 1917 after falling of autocracy.

REFERENCES

1. Pavlov-Silvansky, N. (1905) O prave zhenshchin byt' advokatami [On the right of women to be lawyers]. *Russkoe bogatstvo*. 5. pp. 1–26.
2. Koni, A.F. (1967) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya literatura. pp. 426–442.
3. Kazantsev, S.M. (1985) Russkaya advokatura i zhenshchiny [Russian Advocacy and Women]. *Pravovedenie*. 6. pp. 72–77.
4. Voroshilova, S.V. (2007) Stanovlenie zhenskoy advokatury v Rossii [The formation of women's advocacy in Russia]. *Novaya pravovaya mysl'*. 1(20). pp. 54–58.
5. Reshetnikov, G.L. (2012) The question about “women’s advocacy” in the pre-revolutionary Russia. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 1. pp. 179–186. (In Russian).
6. Ilina, T.N. (2012) Femina et Femida to the issue of female legal profession in pre-revolutionary Russia. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 18. pp. 22–24. (In Russian).
7. Krestyannikov, E.A. (2015) Feminization of the Legal Profession and the Laws of the Russian Empire. *Advokatskaya praktika – Advocate's Practice*. 6. pp. 44–49. (In Russian).
8. Krestyannikov, E.A. (2016) “Baby perestanut rabotat' i skazhut: my poydem v advokaty” [“Women will stop working and say: we will go to lawyers”]. *Rodina*. 5. pp. 106–109.
9. Kuchero, S. (1956) The Legal Profession in Pre- and Post-Revolutionary Russia. *The American Journal of Comparative Law*. 5(3). pp. 443–470. DOI: 10.2307/837093
10. Albisetti, J.C. (2000) Portia Ante Portas: Women and the Legal Profession in Europe, ca. 1870–1925. *Journal of Social History*. 33(4). pp. 825–857. DOI: 10.1353/jsh.2000.0051
11. Stoyunin, V. (1859) Vospitanie russkoy zhenshchiny [Education of a Russian woman]. *Russkiy mir*. 16th January.
12. Likhacheva, E. (1901) *Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii. 1856–1880* [Materials for the history of women’s education in Russia. 1856–1880]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
13. Mikhaylov, M.L. (1860) Dzhon Styuart Mill' ob emansipatsii zhenshchin [John Stuart Mill on the emancipation of women]. *Sovremennik*. 11. pp. 221–250.
14. Ward, I. & McGlynn, C. (2016) Women, Law and John Stuart Mill. *Women's History Review*. 25(2). pp. 227–253. DOI: 10.1080/09612025.2015.1039350
15. Berest, J. (2016) The Reception of J.S. Mill’s Feminist Thought in Imperial Russia. *Russian History*. 43(2). pp. 101–141. DOI: 10.1163/18763316-04302002
16. Shashkov, S.S. (1879) *Istoriya russkoy zhenshchiny* [The History of Russian Women]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
17. Vert, O. (1897) K peresmotru Sudebnykh ustavov [On the revision of the Judicial Statutes]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Sankt-Peterburgskom universitete*. 1. pp. 44–51.
18. Sokolovsky, N. (1867) Sovremennyy byt russkoy zhenshchiny i sudebnaya reforma. (Yuridicheskie zametki) [Modern life of Russian women and judicial reform. (Legal notes)]. *Zhenskiy vestnik*. 9. pp. 57–83.
19. Russia. (1874) *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Vol. 49. № 53573.
20. Russia. (18764) *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Vol. 51. № 55455.
21. *Sibirskiy vestnik*. (1893). 19th March.
22. *Sudebnaya gazeta*. (1889) Zhenshchina-advokat [A woman lawyer]. 4th June.
23. *Sibirskiy vestnik*. (1889) Sudebnaya khronika [Judicial Chronicle]. 14th May.
24. *Vostochnoe obozrenie*. (1893) Sudebnaya khronika [Judicial Chronicle]. 7th March.
25. Petrov, M. (1908) *Zapadnaya Sibir'. Gubernii Tobol'skaya i Tomskaya* [Western Siberia. Provinces of Tobolsk and Tomsk]. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina.
26. Chukmaldin, N.M. (1997) *Moi vospominaniya: izbrannye proizvedeniya* [My memoirs: selected works]. Tyumen: SoftDizayn.
27. Goncharov, Yu.M. (2008) *Zhenshchiny Sibiri XIX – nachala XX v.: Bibliograficheskiy ukazatel'* [Women of Siberia in the 19th – early 20th century: A Bibliographic Index]. Barnaul: Kontsept.
28. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. Fund 42. List 1. File 85.
29. Adoniev, I.G. & Krestyannikov, E.A. (2008) Sovershenstvuyaya pravosudie: iz zhizni i deyatel'nosti dvukh tomских yuristov (1880-e gg.) [Improving justice: from the life and work of two Tomsk lawyers (1880s)]. In: Kruzhinov, V.M. (ed.) *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Issue 11. Tyumen: Tyumen State University. pp. 139–145.
30. Anon. (1900) Sibirskiy. Dopolnenie. Zabytyy sibirskiy deyatel'. (Biograficheskaya zametka) [A Siberian. Supplement. A forgotten Siberian figure. (Biographical note)]. *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii*. 4. pp. 70–72.
31. Kostin, V.M. & Yakovenko, A.V. (2012) Materialy k biografii P.P. Arshaulova [Materials for P.P. Arshaulov’s biography]. In: Bykova, S.S. (ed.) *Petr Petrovich Arshaulov* [Petr Petrovich Arshaulov]. Tomsk: Tomsk Regional Universal Research Library. pp. 15–52.
32. Anon. (1893) Oblastnoy otdel. Provintsial'naya pechat' [Regional News. Provincial Press]. *Severnyy vestnik*. 6. pp. 40–42.
33. The Governing Senate of Russia. (1900) *Vysokhayshe uchrezhdeniye komissiya dlya peresmotra zakonopolozheniy po sudebnoy chasti. Ob'yasnitel'naya zapiska k projektu novoy redaktsii Uchrezhdeniy sudebnykh ustanovleniy* [The highest established commission for the review of statutes in the judicial part. Explanatory note to the draft new edition of the Judicial Institutions]. Vol. 3(2). Chapter 17. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
34. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. (1896) Vol. 16. № 12932.

35. Voltke, G. (1898) Zamechaniya na nekotorye stat'i proekta ob izmeneniyakh v ustroystve advokatury [Comments on some articles of the project about changes in the structure of the legal profession]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. 5. pp. 51–105.
36. Baberowski, J. (1996) *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
37. Tkhorzhvsky, I.I. (ed.) (1914) *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: The Resettlement Directorate of the Main Directorate of Land Management and Agriculture.
38. Pomeranz, W.E. (1993) Justice from Underground: The History of the Underground Advokatura. *The Russian Review*. 52(3). pp. 321–340.
39. Neuberger, J. (1996) "Shysters" or Public Servants? Uncertified Lawyers and Legal Aid for the Poor in Late Imperial Russia. *Russian History*. 23(1/4). pp. 295–310.
40. Krestyannikov, E.A. (2010) "Podpol'naya advokatura" i konsul'tatsii poverennykh v dorevolutsionnoy Rossii: iz sibirskogo opyta ["Underground Advocacy" and counseling of attorneys in pre-revolutionary Russia: Siberian experience]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 167–177.
41. Lukhmanova, N.A. (1904) *Nedochety zhizni sovremennoy zhenshchiny. Vliyaniye noveyshey literatury na sovremennuyu molodezh'* [Deficiencies in the life of a modern woman. The influence of modern literature on modern youth]. Moscow: D.P. Efimov.
42. Yukina, I.I. (2007) *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge of our time]. St. Petersburg: Aleteyya.
43. Anon. (1905) Iz nashey pechati [From our press]. *Yurist*. 22nd May.
44. Krasinskaya-Elyasheva, S.A. & Rubashova-Zorokhovich, A.I. (1973) Yuridicheskii fakul'tet [Faculty of Law]. In: Valk, S.N. (ed.) *Sankt-Peterburgskie vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy. 1878–1918* [St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses. 1878–1918]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 155–163.
45. Shcherbina, A.M. (1916) *O dopushchenii zhenshchin v universitet* [On the admission of women to the university]. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova.
46. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. (1911) Vol. 31. № 36226.
47. Dmitrienko, N.M. (2014) *Tomskie kuptsy: biograficheskiy slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Tomsk merchants: A biographical dictionary (the second half of the 18th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
48. Mossman, M.J. (2006) *The First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law, and the Legal Professions*. Portland: Hart Publishing.
49. Batlan, F. (2010) The Birth of Legal Aid: Gender Ideologies, Women, and the Bar in New York City, 1863–1910. *Law and History Review*. 28(4). pp. 931–971. DOI: 10.1017/S0738248010000726
50. N.Sh. (1901) Frantsuzskiy zakon 1 dekabrya 1900 g. o razreshenii zhenshchinam, imeyushchim diplomy litsentsiata prav, zanimat'sya advokaturoyu [French law on December 1, 1900 on allowing women with diplomas of a license of rights to practice law]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 3. pp. 297–310.
51. Gavrilov, S.N. (ed.) (1997) *Istoriya russkoy advokatury* [The History of Russian Advocacy]. Vol. 1. Moscow: Yurist.
52. Gernet, M.N. (1916) *Istoriya russkoy advokatury* [The History of Russian Advocacy]. Moscow: Izdanie sovetov prisayaznykh poverennykh.
53. *Pravo*. (1908) 14th September.
54. *Pravo*. (1908) 2nd November.
55. *Pravo*. (1909) 28th June.
56. Syrykh, V.M. (2006) *Vidnye uchenye-yuristy Rossii (vtoraya polovina XX v.)*. *Entsiklopedicheskiy slovar' biografii* [Prominent Russian legal scholars (the second half of the 20th century). Encyclopedic Dictionary of Biographies]. Moscow: Rossiyskaya akademiya pravosudiya.
57. Nabokov, V.D. (1909) Mozhet li zhenshchina vesti zashchitu pred ugolovnym sudom? [Can a woman act as a Attorney for the Defense in a criminal court?]. *Pravo*. 15th November.
58. *Pravo*. (1910). 12th December.
59. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 531. File 190.
60. The State Archive of Omsk Region. Fund 190. List 1. File 188.
61. The Omsk Court of Justice. (1913) *Otchet soveta prisayaznykh poverennykh pri Omskoy sudebnoy palate za pervyy god. S 18 maya 1911 g. po 18 maya 1912 g.* [Report of the Board of Jurors at the Omsk Court of Justice for the first year. From May 18, 1911 to May 18, 1912]. Omsk: Pechatnoe iskusstvo.
62. *Zabaykal'skaya nov'*. (1912) Po Sibiri [In Siberia]. 21st January.
63. *Sibirskaya zhizn'*. (1912) Iz gazet [From newspapers]. 4th February.
64. V. (1901) Neskol'ko slov o zhenshchinakh [A few words about women]. *Enisey*. 9th January.
65. Dameshek, I. et al. (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
66. *Krasnoyarsk*. (1908) Po Rossii [Across Russia]. 18th September.
67. *Krasnoyarsk*. (1909) 7th July.
68. *Krasnoyarskaya mysl'*. (1910) Russkaya zhizn'. (Iz gazet) [Russian life. (From newspapers)]. 1st December.
69. *Krasnoyarskiy vestnik*. (1909a). 29th July.
70. *Krasnoyarskiy vestnik*. (1909b) O prave zhenshchin zanimat'sya advokaturoy [On the right of women to practice law]. 30th July.
71. *Krasnoyarskiy khroniker*. (1911) Russkaya zhizn'. (Iz gazet) [Russian life. (From newspapers)]. 9th June.
72. Stival, M. (1897) Reforma advokatury [Reform of the advocacy]. *Severnyy vestnik*. 11. pp. 207–225.
73. Hessen, I.V. (1908) Vliyaniye zakonodatel'stva na polozhenie zhenshchin [The effect of legislation on the status of women]. *Pravo*. 21st December.
74. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 2. File 2368.
75. The State Duma of Russia. (1912) *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety 1912 g. Sessiya pyataya. Chast' 4. Zasedaniya 120–153 (s 30 aprelya po 9 iyunya 1912 g.)* [The State Duma. Third convocation. Verbatim Records of 1912, Session Fifth. Part 4. Sessions 120–153 (from April 30 to June 9, 1912)]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
76. The State Council of Russia. (1913) *Gosudarstvennyy sovet. Stenograficheskie otchety. 1912–13 gody. Sessiya vos'maya. Zasedaniya 1–51 (1 noyabrya 1912 g. – 4 iyulya 1913 g.)* [Shorthand reports. 1912 – 1913. Session Eight. Sessions 1–51 (November 1, 1912 – July 4, 1913)]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
77. Neporozhnyaya, M. (1913) Po povodu prava zhenshchin na advokaturu [Regarding the right of women to the legal profession]. *Zhenskiy vestnik*. 3. pp. 81–82.
78. Beylin, M.R. (1913) Dnevnik [Diary]. *Sibirskaya zhizn'*. 2nd February.
79. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917) 13th (26th) June.

УДК 070:614.2(571.1)«1880/1917»(093)
DOI: 10.17223/19988613/63/6

Т.А. Кузьменко, К.А. Прокопенко

«ТОМСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Работа выполнена по гранту РГНФ № 17-11-70003 «Эвенки юга Западной Сибири: создание комплексной источниковой базы».

В статье дается характеристика периодического издания «Томские епархиальные ведомости» как источника по истории медицины и здравоохранения Томской губернии. Приводится общая характеристика издания, показана динамика выхода в свет публикаций, посвященных медицине, определяются вопросы здравоохранения, освещенные в «Томских епархиальных ведомостях». Рассмотрены публикации издания, в которых отражены сведения о медицинских учреждениях губернии, о заболеваниях и эпидемиях, о методах лечения, о медицинской практике священников, о представлениях общества о болезни и нравственном облике врача.

Ключевые слова: здравоохранение; медицина; Томская губерния; «Томские епархиальные ведомости».

Периодические издания успешно используются в гуманитарных науках в качестве источника при исследовании социокультурных процессов, а также являются самостоятельным объектом исследования [1–3]. Расширение тематики научных работ, в частности возросшее внимание к изучению истории медицины и здравоохранения в Сибири, требует обновления источниковой базы. В этом отношении немалый интерес представляет газета «Томские епархиальные ведомости», которая с недавних пор попала в сферу внимания исследователей, однако редко используется в качестве материала в работах, посвященных истории здравоохранения Сибири [4–6]. Считаем, что этот интересный и разноплановый источник нуждается в дальнейшем изучении.

Газета «Томские епархиальные ведомости» являлась официальным церковным изданием и выходила дважды в месяц в течение 38 лет, в период с 1880 по 1917 г. (в 1918–1919 гг. были лишь отдельные выпуски). К сожалению, в издании не указывался тираж, поэтому довольно сложно определить охват читательской аудитории. Известно, однако, что газета издавалась православными священнослужителями, являвшимися ее авторами и редакторами, и предназначалась главным образом для читателей той же сословно-социальной группы. И поскольку целевой аудиторией издания было духовенство Томской епархии, то и большая часть публикаций связана с этим регионом. Объем издания не был регламентирован, в разные годы каждый отдельный номер содержал от 20–30 до 90–100 страниц текста, изредка включался и иллюстративный материал. Структура газетных выпусков изменялась мало. Как правило, «Ведомости» содержали официальную часть, в которой публиковались указы, инструкции, должностные письма, отчеты, сведения о вакансиях и назначениях на священнические места. Вслед за ней помещалась неофициальная часть с публикациями инфор-

мационного, художественного, богословского, образовательного и исторического характера, а также с объявлениями и рекламой. Именно неофициальная часть «Томских епархиальных ведомостей» наиболее интересна для исследователей, обращающихся к истории здравоохранения и медицины.

Следует отметить, что за 38 лет издания в томской газете было опубликовано свыше ста статей и заметок, тематически связанных с вопросами здравоохранения и медицины. Распределение этих материалов по годам неравномерно. Так, в «Томских епархиальных ведомостях» больше всего статей и заметок о медико-лечебной деятельности приходится на 1884 г. (7 публикаций), 1892 г. (11 публикаций), 1912 г. (9 публикаций). Следует заметить, что повышение интереса к медицинской тематике наблюдалось во время эпидемий, как это было во время эпидемии холеры в 1892 г. Напротив, в годы социальных потрясений и важных политических событий, например, в годы Русско-японской и Первой мировой войн, в период революции 1917 г., материалы о медицине и здравоохранении практически не печатались.

Что касается содержания газетных выступлений медицинской тематики, то можно отметить, что целый ряд публикаций был посвящен работе медицинских учреждений, прежде всего, больниц при Томской духовной семинарии и Томском епархиальном женском училище.

Информация о работе семинарской больницы встречается в ежегодных отчетах о состоянии Томской духовной семинарии (деятельность больницы освещена в отчетах за 1880–1890 гг.). Как правило, сведения о больнице достаточно лаконичны, включают данные о количестве пациентов, расходах на содержание лечебного учреждения, иногда фиксировались случаи покупки нового оборудования и медицинских препаратов, упоминались болезни, от которых страдали семи-

наристы [7. 1 дек.; 8. 1 июля; 9. 1 апр.; 10. 1 июля; 11. 1 июля]. Однако после 1890 г. информация о работе больницы при Томской духовной семинарии перестала публиковаться на страницах «Томских епархиальных ведомостей».

Публикации о больнице при Томском епархиальном женском училище также представлены в ежегодных отчетах этого учебного заведения. Хронологически они охватывают гораздо больший период, чем отчеты о состоянии Томской духовной семинарии. Они выходили в 1885–1916 гг., но не ежегодно, а с существенными перерывами. Так, например, после первой публикации в 1885 г. следующий отчет с упоминанием о больнице появился на страницах «Томских епархиальных ведомостей» лишь спустя двенадцать лет. Таким образом, отчеты публиковались в газете всего девять раз, что лишает исследователей возможности проследить за непрерывным развитием больницы при епархиальном женском училище, требуется обращение к другим источникам. Тем не менее важным достоинством опубликованных в «Ведомостях» материалов является их подробный характер. В годовых отчетах Томского епархиального женского училища о больнице представлена следующая информация: количество пациенток, находившихся на лечении в течение года, перечень заболеваний с указанием точного числа случаев с разбивкой по месяцам, численность медицинского персонала, жалование и обязанности, затраты на работу стационара. Наиболее подробно освещалась заболеваемость воспитанниц училища, среди распространенных заболеваний следует отметить инфекционные болезни и анемию [12. 1 янв.]. При этом иногда высказывались суждения о причинах тех или иных заболеваний. Так, в отчете за 1905/06 учебный год говорилось, что рост заболеваемости среди учениц связан с «переполненностью училища, крайней теснотой, неудовлетворительностью больничного помещения, в котором нет возможности изолировать больных» [13. 15 янв.]. Упоминались и меры, предпринимаемые для снижения заболеваемости, например, было снято отдельное помещение для больных скарлатиной. В отчете за 1915 г. говорилось о подорожании медикаментов [14. 1 янв.]. По отчетам можно проследить развитие училищной больницы, например, фиксировалось расширение штата, было освещено открытие собственного зубоврачебного кабинета [15. 15 нояб.].

Порой из отчетов можно получить довольно ценную информацию, представить устройство больницы, установить имена врачей и надзирательниц, работавших в училищной больнице, а иногда и причины оставления ими службы [16. 15 янв.; 15 февр.; 1 марта]. Кроме того, в «Томских епархиальных ведомостях» встречается материал о больнице при Томском духовном училище (смета расходов на 1882 г.) [17. 1 авг.].

Наряду со сведениями о больницах при учебных заведениях в «Ведомостях» можно найти информацию о работе больницы Алтайской духовной миссии в селе

Улала (ныне Горно-Алтайск) [7. 15 окт.]. Большой интерес представляет сообщение о том, что помимо обычных лекарств в улалинской больнице применяли гомеопатию, медицинскую помощь оказывали всем в ней нуждавшимся «без различия происхождения, звания и состояния» [18. 1 апр.].

Кроме медицинских учреждений, находившихся в ведении Томского епархиального управления, на страницах «Томских епархиальных ведомостей» упоминались и другие лечебные учреждения. Сообщалось, например, о больнице в алтайском селении Онгудай [12. 1 авг.]. Характеризовалась подача медицинской помощи в больницах Змеиногорского, Локтевского и Колыванского горнозаводских поселений, упоминаются больницы приказа общественного призрения в Томске, Каинске, Нарыме и количество мест в них [19. 1 авг.; 20. 15 окт.].

Еще одну группу публикаций составляют материалы, в которых упоминались, а иногда и подробно освещались случаи эпидемий в Томской губернии. Такие сведения можно найти в отчетах учебных заведений, Алтайской духовной миссии [16. 15 февр. – 1 марта; 21. 1 июля]. А после окончания холерной эпидемии 1892 г. были подготовлены подробные отчеты, освещавшие размах заболевания и участие священников в борьбе с ним [22. 15 янв.; 15 февр.; 1 марта; 15 мая]. В отчетах духовенства содержались точные сведения о названии заболевания, количестве заболевших и умерших, иногда отражалась динамика заболеваемости. Так, в отчете Алтайской духовной миссии за 1910 г. отмечался повышенный уровень смертности чуйских инородцев от брюшного тифа, при этом благодаря публикации в отчете точного числа смертных случаев видно, что за несколько лет до описанных событий в том же регионе смертность от данного заболевания была значительно ниже [21. 1 июля].

Как уже отмечалось, в 1893 г. «Томские епархиальные ведомости» опубликовали серию отчетов о деятельности духовенства во время холерной эпидемии в Томской губернии. Эти материалы обладают огромной ценностью не только потому, что в них зафиксировано точное число заболевших и умерших, но и благодаря описанию применявшихся методов лечения, действий местных органов управления, врачей и священников [22. 1 марта]. В отчетах нередко можно встретить упоминания об организации карантина, специальных стационаров для холерных больных, имена лечащих врачей, фельдшеров и иных лиц, оказывавших больным медицинскую помощь. Таким образом, благодаря этим публикациям возможно не только восстановить размах эпидемии в населенных пунктах Томской губернии, но и выяснить, какие мероприятия проводились для предупреждения и снижения заболеваемости, увидеть, что в отсутствии в селах профессиональных фельдшеров и врачей лечение больных зачастую становилось делом местных священников.

Действительно, служители Русской православной церкви нередко оказывали медицинскую помощь насе-

лению, что отражено на страницах издания «Томские епархиальные ведомости». В условиях нехватки профессиональной медицинской помощи в сельской местности священники становились теми людьми, к которым крестьяне могли обратиться за лечением. В отчетах Алтайской духовной миссии, систематически публиковавшихся в «Томских епархиальных ведомостях», встречаются сведения о том, что миссионеры самостоятельно лечили местное население: «Каждый миссионер по мере своего знания оказывал больным на месте врачебную помощь или медикаментами из аптеки получаемыми, или собираемыми самим травами местной флоры, или лекарствами гомеопатическими» [7. 15 окт.]. В газетных публикациях рассказывается и о том, что сельские псаломщики и учителя, обучавшиеся в свое время в Бийском катехизаторском училище, прививали оспу на Алтае [23. 15 апр.]. Сельские священники систематически оказывали медицинскую помощь местному населению в отсутствие профессиональных медиков, что также отражено в отчетных документах, публиковавшихся в «Томских епархиальных ведомостях» [22. 2 янв., 15 февр.]. Кроме того, объезжая деревни и «инородческие» станы, миссионеры иногда возили с собой фельдшера для оказания профессиональной помощи больным [24. 1 мая].

Судя по публикациям, некоторые священнослужители обладали необходимой квалификацией, например, те, кто занимался оспопрививанием, имели медицинское свидетельство о правоспособности, их деятельность контролировал Томский губернский оспенный комитет [25. 1 марта]. Но чаще все же они были самоучками, одним из наиболее известных священников-самоучек, оказывавших медицинскую помощь сельским жителям, был И.С. Ландышев. Он же публиковал в печати статьи о санитарии и гигиене, занимался медико-просветительской работой [14. 1 янв.].

Вероятнее всего, священников к лечению больных побуждали долг христианина, стремление к оказанию деятельной помощи ближнему. Но были и иные мотивы. Вот как об этом писал на страницах «Ведомостей» священник В. Постников: «Больным, как крещеным, так и некрещеным, было оказываемо медицинское пособие. Лечение – вернейшее средство войти в доверие к народу и заслужить его расположение. Больные, открывая свои язвы телесные, открывают часто и духовные. Случаев для беседы – множество» [19. 1 апр.]. В «Томских епархиальных ведомостях» встречаются публикации, в которых представители духовенства делятся опытом и рекомендациями в деле оказания медицинской помощи местным жителям. Так, священник Р. Зырянов проанализировал причины и последствия обращения крестьян к священнику за лечением и пришел к следующему выводу: «Каждый сельский пастырь по силе возможности и степени понимания может оказать помощь темному деревенскому люду... в болезнях более известных и не требующих особого специального лечения». Он поделился своим опытом, ко-

торый мог послужить и для его коллег: по совету волостного фельдшера священник приобрел лекарства, хирургические инструменты, руководство по использованию медикаментов и лечил наиболее распространенные заболевания – простуду, зубную боль, болезни желудка [26. 1 марта].

Поскольку православные священники предпринимали попытки лечения своих прихожан, неудивительно, что в «Томских епархиальных ведомостях» публиковались заметки о приемах и способах лечения. По нашим подсчетам, увидели свет более десяти таких заметок, пик публикаций которых пришелся на 1892 и 1908 гг. (годы холерных эпидемий в России). Газетные материалы содержали рекомендации по лечению лихорадки, гриппа, холеры, дифтерита, туберкулеза, ожогов, ушных грибков, давались наставления по оказанию первой помощи при солнечном ударе, ударе молнией. При этом печатались как профессиональные советы (военный врач Рябинин советовал лечить простуду и опухоли зева гофманскими каплями), так и народные средства, в частности, неизвестным автором предлагалось давать больному при лихорадке раствор горячей воды с обжаренной солью [9. 15 авг., 1 сент.].

В «Томских епархиальных ведомостях» встречаются публикации, из которых можно почерпнуть информацию о представлениях населения, прежде всего духовенства, о нравственном облике и долге врача, а также о феномене болезни. Так, в 1901 г. на страницах издания появилась заметка, автор которой использовал брошюру Э. Лорана «Медицина души», он писал о таких качествах врача, как сострадание, снисхождение, стремление оказать больному помощь не только физическую, но и нравственную, тем самым облегчая его мучения и отвлекая от мыслей о возможной смерти [27. 1 марта]. В газете освещалось еще одно желательное качество практикующих медиков – самопожертвование. Приводилось, в частности, выступление томского епископа Макария (Невского), который говорил: «Красный Крест знаменует время брани, есть символ крови, знамение того, что носящие это знамя посвящают себя на служение тем, кто в бранном подвиге за веру, царя и отечество имеет пролить кровь, и что посвящающие себя на служение таковым готовы нести крест скорбей, лишений и страданий даже до пролития крови» [12. 15 июля]. Неслучайно в «Томских епархиальных ведомостях» был напечатан некролог барнаульскому врачу В.С. Михальскому, умершему во время эпидемии, оказывая помощь больным. В некрологе, в частности, подчеркивалось, что горожане любили Виссариона Семеновича Михальского, отличавшегося мягкосердечием и никогда не отказывавшего в помощи [28. 15 мая].

Что касается представлений о здоровье и болезни, то авторы и редакция «Ведомостей» разделяли достаточно распространенное в рассматриваемое время мнение о болезни как явлении не только физиологическом, но и духовном. «Только тот человек может считаться

вполне здоровым, у которого рядом с здоровым телом здоровая душа; только тот может сохранять здоровье, кто, соблюдая правила гигиены тела и меру в пище, в питье, в труде и отдыхе, содержа в чистоте тело, жилище и одежду, в то же время хранит спокойствие и не предаётся страстям», – утверждалось в одном из газетных выпусков [27. 1 марта]. Характерно, что в издании встречаются публикации о молитве как исцеляющем средстве.

В целом газета «Томские епархиальные ведомости» содержит в себе разнообразные сведения по истории медицины и здравоохранения Томской губернии: официальные отчеты, статистические данные, заметки о приемах лечения, авторские публикации, тексты публичных речей официальных должностных лиц, некрологи. Они различаются по характеру информации, наибольшей степенью объективности обладают отчеты. Другие материалы, в особенности публикации о лечебных методах и средствах, о природе болезни во-

обще и конкретных причинах заболеваний, более субъективны и требуют критического отношения, но тем они и интересны, что отражают пристрастия авторов и могут быть использованы при характеристике авторских позиций. Тот факт, что данные материалы были опубликованы на страницах официального издания, свидетельствует либо об их широком распространении среди духовенства, либо о стремлении сделать их популярными в обществе. К недостаткам «Ведомостей» как источника следует отнести нерегулярность рассматриваемых публикаций и, как следствие, неполноту сведений о деятельности медицинских учреждений духовного ведомства. Тем не менее газета является уникальным историческим источником, позволяющим осветить участие духовенства в деле сохранения здоровья населения, заметно расширить представления о системе здравоохранения Томской губернии в последней четверти XIX – начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 413 с.
2. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 619 с.
3. Казарина Г.А. Коренное население Сибири на страницах «Томских губернских ведомостей» во второй половине XIX в.: авторы, проблематика, жанры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 24 с.
4. Караваева Е.В. «Томские епархиальные ведомости» как источник по истории формирования санитарной культуры Томской губернии // Макарьевские чтения : материалы 6-й Междунар. конф. Горно-Алтайск, 2007. С. 95–107.
5. Смокотин С.В. «Томские епархиальные ведомости» как источник по истории строительства храмов в Томской губернии // Документ: история, теория, практика : сб. материалов 5-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 317–320.
6. Тартаковская К.А. «Томские епархиальные ведомости» об организации санитарного просвещения в Томской губернии в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 146–149.
7. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1880.
8. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1889.
9. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1882.
10. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1887.
11. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1884.
12. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1900.
13. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1907.
14. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1916.
15. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1912.
16. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1908.
17. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1881.
18. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1886.
19. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1892.
20. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1885.
21. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1911.
22. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1893.
23. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1890.
24. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1896.
25. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1891.
26. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1899.
27. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1901.
28. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1883.

Kseniya A. Prokopenko, Tomsk state university (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kseniya.s@mail.ru

Tatiana A. Kuzmenko, Tomsk state university (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatiakuzmenko.tsu@gmail.com

“TOMSK DIOCESAN JOURNAL” AS A SOURCE ON THE HISTORY OF HEALTHCARE SERVICE IN TOMSK PROVINCE (THE LAST QUARTER OF THE XIX - EARLY XX CENTURY)

Keywords: healthcare service; medicine; Tomsk province; “Tomsk diocesan journal”.

In this article the edition “Tomsk diocesan journal” is considered as a source on the history of medicine and healthcare service in Tomsk province of the last quarter of the XIX - early XX century. The novelty of the study is that this edition was practically not used in scientific works devoted to history of medicine and healthcare service. The purpose of this article is to identify main aspects of the healthcare system history of the region reflected in the newspaper “Tomsk diocesan journal”, this will expand the sources of research on the history of medical affairs. To realize this goal, the authors studied the newspaper issues for the entire period of its existence (1880-1917) and found more than 100 articles and notes devoted to medicine and public health.

The article gives an overview of the edition (the target audience is determined, issue structure, nature of publications, number of pages) and also reveals the dynamics of the output of articles that are thematically related to the history of medicine and healthcare service. Among other things, publications in the “Tomsk diocesan journal” about the medical affair were divided into groups in accordance with the question raised in them. The following groups are named: materials containing information about hospitals (hospitals at the Tomsk Theological Seminary, Tomsk Diocesan Women's College, hospital in Ulala, etc.), publications on epidemics (in particular, the edition detailed the cholera epidemic in 1892), publications on the medical and curative activities of priests, notes on methods of treatment. Also, articles were reviewed that reflected ideas about the duty of a doctor and an understanding of the nature of the disease. This article describes the characteristics of each group of publications, including the frequency of publication. Thus, the reports on hospitals published in the newspaper most often contained information on the number of patients, expenses, and staff. Materials on epidemics covered the scope of the disease, mortality, measures to prevent further development of the disease, participation of clergymen in the organization of the fight against epidemics, etc.

Based on the material examined, authors concluded that the newspaper “Tomsk diocesan journal” contains a variety of information on the history of medicine and healthcare service of the Tomsk province in the last quarter of the XIX - early XX century and is a valuable historical source. The degree of objectivity of the published material depends on the type of publication, the most objective are official reports and statistical data. Author's notes could be brought to characterize the views on medicine that were spread in the society. Among other things, the newspaper contains a unique material that is difficult to identify by other sources, in particular, information about the healing activities of the clergy.

REFERENCES

1. Shevtsov, V.V. (2012) “*Tomskie gubernskie vedomosti*” (1857–1917 gg.) v sotsiokul'turnom i informatsionnom prostranstve Sibiri [“Tomskie gubernskie vedomosti” (1857–1917) in the socio-cultural and information space of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The government periodical of Siberia (the second half of the 19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Kazarina, G.A. (2009) *Korennoe naselenie Sibiri na stranitsakh “Tomskikh gubernskikh vedomostey” vo vtoroy polovine XIX v.: avtory, problematika, zhany* [The indigenous population of Siberia in “Tomskie gubernskie vedomosti” in the second half of the 19th century: authors, problems, genres]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
4. Karavaeva, E.V. (2007) [“Tomskie eparkhial'nye vedomosti” as a source on the history of sanitary culture in Tomsk province]. *Makar'evskie chteniya* [The Makariev Readings]. Proc. of the 6th International Conference. Gorno-Altaysk. pp. 95–107. (In Russian).
5. Smokotin, S.V. (2012) [“Tomskie eparkhial'nye vedomosti” as a source on the history of the construction of churches in the Tomsk province]. *Dokument: istoriya, teoriya, praktika* [Document: History, Theory, Practice]. Proc. of the Fifth All-Russian Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 317–320. (In Russian).
6. Tartakovskaya, K.A. (2014) Tomsk Diocesan Sheets about health education organization in Tomsk Province in the 19th - early 20th centuries *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 386. pp. 146–149. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/386/24
7. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1880)
8. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1889)
9. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1882)
10. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1887)
11. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1884)
12. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1900)
13. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1907)
14. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1916)
15. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912)
16. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1908)
17. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1881)
18. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1886)
19. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1892)
20. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1885)
21. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1911)
22. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1893)
23. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1890)
24. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1896)
25. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1891)
26. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1899)
27. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1901)
28. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1883)

УДК 94 (100-87)(438) «1920/1930»
DOI: 10.17223/19988613/63/7

А.А. Микуленок, Ю.А. Микуленок

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА РУССКИХ ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ-ЭМИГРАНТОВ В ПОЛЬШЕ В 1920–1930-е гг.

Статья посвящена деятельности Союза русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше. Рассматриваются профессиональная деятельность Союза, его структура и руководство, способы оказания помощи нуждающимся категориям эмигрантов, имевшим право на получение помощи. Кроме того, уделяется внимание вопросам взаимодействия Союза с польским правительством. Исследование основано на документах, хранящихся в так называемом Пражском архиве (РЗИА), находящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Центральном архиве ФСБ.

Ключевые слова: революция; репатриация; эмигранты; Польша; благотворительность; российская эмиграция; беженцы; инвалиды.

В современном мире войн и политической борьбы на межгосударственном уровне все чаще стали использовать те или иные исторические события для достижения политических целей или для разжигания межнациональных и межэтнических конфликтов. Для этого некоторые страны активно используют и «подмену» исторических событий, и интерпретируют их с «выгодной» для себя точки зрения, поэтому для предотвращения таких «интерпретаций» необходимо все больше внимания уделять так называемым черным пятнам истории. Одним из таких малоизученных аспектов исторической науки является история российской эмиграции в межвоенный период, особенно в Польше и прибалтийских государствах. В последнее десятилетие исследователи в своих работах отдают приоритет изучению правового положения российских эмигрантов. Рассматривается положение военных эмигрантов, как правило, либо с социально-правовой точки зрения [1, 2], либо положение отдельных групп эмигрантов, в том числе и военных [3, 4], но практически не уделяя внимание общественным организациям, которые занимались урегулированием прав военных инвалидов-эмигрантов [4–8].

Союз русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше был образован в 1928 г. на базе Секции русских военных инвалидов-эмигрантов при Виленском русском обществе (ВРО), существовавшей с 1927 г. и оказывавшей помощь на всей территории Польши. Решение о создании Союза было принято в конце декабря 1926 г. на собрании Группы (кружка) русских инвалидов, до образования которой помощь русским военным инвалидам-эмигрантам в Польше оказывал Союз русских эмигрантских организаций (СРЭО) [9. Д. 3. Л. 170; Д. 1. Л. 15]. Первоначально председателем правления был избран генерал-лейтенант Ю.Ю. Белозор, затем его должность занял полковник Л.Т. Матвеев.

Главная задача существования Союза заключалась в оказании материальной, моральной и правовой помощи военным инвалидам-эмигрантам, проживавшим на территории Польши. Под военнотрудовыми подразумевались генералы, офицеры, солдаты, духовные лица, во-

енные чиновники, сестры милосердия и санитары, служившие в бывшей Русской армии [9. Д. 1. Л. 15]. Кроме того, членами Союза могли становиться и польские граждане русской национальности, но получившие гражданство только по «nadaniu»¹ и удовлетворяющие всем остальным требованиям, предъявляемым для кандидатов [Там же. Д. 2. Л. 1–2 об.].

Для вступления в Союз необходимо было предоставить подлинные документы или их нотариально заверенные копии, подтверждавшие получение ранения во время боевых действий бывшей Русской армии, контузии или любого другого вреда здоровью, приведшего к инвалидности. При отсутствии указанных документов равнозначными им являлись показания двоих надежных свидетелей, которые могли достоверно подтвердить вышеуказанные обстоятельства письменно. Подписи «свидетелей» заверялись официальным лицом, общественной организацией или священником, имевшими именную печать. Помимо этого, предоставлялось медицинское освидетельствование с указанием характера ранения, контузии или другого вреда здоровью со слов инвалида. Также фиксировались остаточные явления ранений на период медицинского освидетельствования и непосредственно само медицинское заключение с указанием процентного соотношения потери трудоспособности из-за полученного вреда здоровью во время службы в Русской армии [Там же. Д. 1. Л. 15 г, 15 д]. Однако непосредственно в Польше Союз русских военных инвалидов-эмигрантов находился на государственном финансировании, поэтому подчинялся требованиям польского правительства, одним из которых являлось медицинское заключение согласно польской инструкции для освидетельствования военных инвалидов. Главная проблема заключалась в том, что польские и российские стандарты давали разные степени инвалидности при одном и том же вреде здоровью, кроме того, такая инструкция часто отсутствовала в самих союзах [Там же. Д. 3. Л. 184].

Согласно уставу Союза действительными его членами могли быть только получившие увечья, ранения,

хронические заболевания или отравления газами во время боев, походов в боевой обстановке или в плену и утратившие при этом более 50% своей физической трудоспособности. Утратившие менее 50% могли быть приняты в Союз, но в качестве состоящих «под опекой» [9. Д. 41. Л. 118]. Ежемесячно всем членам необходимо было оплачивать членский взнос в размере 50 грошей [Там же. Д. 8. Л. 149]. Всем состоявшим под опекой Союза выдавали специальные удостоверения с личной подписью председателя и печатью. Только действующие члены Союза могли рассчитывать на получение ежемесячного пособия на регулярной основе, состоявшие «под опекой» получали пособие в зависимости от финансовых возможностей организации (при наличии свободных денежных средств) [Там же. Д. 22. Л. 3 об., 18]. Союз неоднократно пытался уравнивать в праве на получение пособия инвалидов европейской и турецкой и японской войн, но всегда получал отказ. Поэтому таким инвалидам пособия выдавались из свободных средств Союза по мере возможности. Однако при отсутствии необходимых денежных средств выплата пособий прекращалась [Там же. Д. 28. Л. 15, 37].

Размер пособия варьировался от 10 до 100 злотых в месяц и зависел от категории инвалидности и процентного соотношения потери трудоспособности. При 10% потери трудоспособности в выплате пособия отказывали, инвалидам 3-й категории (20–50%) выплачивали от 10 до 30 злотых в месяц, 2-й категории (50–75%) – от 30 до 60, 1-й категории (75–100%) – от 50 до 100 злотых [9. Д. 5. Л. 68–69 об., 79–82]. Кроме того, размер пособия инвалиду мог быть сокращен на треть при наличии «стола» и квартиры [Там же. Д. 22. Л. 9]. Сражавшиеся в рядах армии генерала С.Н. Булак-Балаховича пособия не получали, так как они получали его от правительства как польские военнослужащие [Там же. Д. 5. Л. 82]. Однако размер пособия мог быть изменен в зависимости от финансовых возможностей Союза. Так, например, в январе 1929 г. правительственная ревизионная комиссия постановила прекратить выплату пособий имевшим «obywatelstwo Polskie po nadaniu»², так как они имели право на получение пособия в качестве польских граждан. Но впоследствии правительство вновь изменило свое решение и постановило выплачивать им пособия. Так как средства были уже перераспределены, то Союз решил уменьшить размер пособий в мае на 10%, для того чтобы иметь финансовую возможность выплатить причитающиеся выплаты всем [Там же. Д. 28. Л. 356].

Кроме того, для получения пособия инвалидам-эмигрантам необходимо было предоставлять документы, что ими возбуждено ходатайство перед польскими властями о признании «заopatржения инвалидского»³, при их отсутствии выдача пособия прекращалась. Ежегодно в январе необходимо было продлевать членские удостоверения, для этого на адрес Союза с ними отправлялась бандероль с надписью «друки»⁴ и маркой в 10 злотых [9. Д. 40. Л. 1–3]. Помимо этого, в Союз

направлялись свидетельства о материальном положении инвалида-эмигранта от Союза эмигрантских организаций, а для проживавших в провинции – из полиции или государственных учреждений. Инвалиды, состоявшие на службе, могли представить справку от работодателей с указанием заработной платы и банка фирмы [9. Д. 45. Л. 107–109].

Ежемесячно правительством выделялось 6 000 злотых, из которых 5 700 злотых шло на выплату пособий действительным членам, а 300 злотых – на разные расходы непосредственно самого Союза. Например, в 1930 г. расходы составили 590 злотых (аренда помещения канцелярии – 50 злотых, отопление в зимний период – 25 злотых, освещение – 10 злотых, жалованье возному (инвалид, член Союза) – 50 злотых, канцелярские расходы – 30 злотых, почтовые расходы – 75 злотых (в том числе и за перевод денег), непредвиденные расходы – 30 злотых, жалованье председателю Союза – 105 злотых, жалованье секретарю Союза – 130 злотых, жалованье членам правления – 60 злотых (по 20 злотых каждому), выписка газет и журналов – 25 злотых). Однако польское правительство только в 1926 г. признало право русских военных инвалидов на получение пенсии наравне с польскими инвалидами в соответствии с постановлениями, принятыми на съезде ФИДАКа (F.I.D.A.C. – Fédération Interalliée des Anciens Combattants)⁵ в Лондоне еще в 1924 г. Взаимодействие между польскими властями и русскоязычным населением по этому поводу взял на себя Русский попечительный комитет (РПК) [10. Л. 184]. Кроме того, РПК оказывал помощь в выдаче пособий при отсутствии представителей Союза в месте проживания инвалидов. Союз переводил причитающуюся инвалиду сумму, а Комитет уже передавал ее получателю под роспись, расписка о получении денежных средств направлялась непосредственно в Союз. При смене адреса инвалида РПК обязан был сообщить об этом Союзу [9. Д. 41. Л. 125]. Правление особо обращало внимание членов Союза на необходимость четкого заполнения расписки в получении пособия с указанием месяца оплаты, суммы прописью и цифрами, своего адреса, даты и фамилии во избежание недоразумений, а в дальнейшем и задержек при выплате пособий [Там же. Д. 45. Л. 105].

Однако Союз старался оказывать материальную и правовую помощь не только инвалидам-эмигрантам, но и их вдовам и сиротам [Там же. Д. 2. Л. 20–21; Д. 22. Л. 24]. На получение пособия могли рассчитывать близкие родственники инвалида, который являлся действительным членом и оплачивал все взносы, установленные для «Капитала вдов и сирот». Помимо этого, в «Капитала вдов и сирот» отчислялось 50% от всех пожертвований. Родственники умершего получали не менее половины от размера его пособия, однако оно могло достигать и 100% в зависимости от материального положения, состава семьи и возраста детей. Холостые члены Союза могли распоряжаться пособием по своему усмотрению и завещать его любому человеку. Кроме того, в случае смерти кого-

либо из действующих членов Союза выдавалось единовременное пособие на погребение в размере 200 злотых вне зависимости от семейного положения умершего. Для установления этого капитала ежемесячно взималось 2% от размера пособия каждого действительного члена в случае смерти кого-либо из членов Союза, одноразово эта сумма увеличивалась еще на 3% и в общем составляла 5% [9. Д. 28. Л. 334 об.].

Помимо выплат пособий, действующие члены Союза и состоявшие под его опекой могли получать еще и так называемое заимообразное, или временное, пособие, которое выдавалось на определенный срок и под фиксированный размер процентной ставки и, по сути, являлось тем же кредитом [Там же. Д. 41. Л. 117]. Средства для выдачи таких пособий брали из так называемого Фонда дома русского инвалида, который был создан, чтобы Союз более не зависел от сумм пожертвований [Там же. Д. 40. Л. 9] и с целью приобретения в дальнейшем недвижимого имущества, которое приносило бы постоянный доход. Уставной капитал Фонда не подлежал расходованию ни на какие другие цели, кроме покупки недвижимости, но дабы они не лежали «мертвым» капиталом, из него выдавались «заимообразные пособия» нуждавшимся членам Союза. За использование этого капитала ежемесячно взимался 1%, который также поступал в Фонд дома русского инвалида. В декабре 1929 г. капитал на покупку дома состоял из 233 злотых 41 гроша [Там же. Д. 28. Л. 13–13 об.], а к 1 января 1931 г. размер Фонда составлял уже более 3 600 злотых, из которых почти на 1 800 злотых было выдано «заимообразных пособий». Решение о выдаче заимообразных пособий решалось на «общем собрании», как и решение о принятии в состав Союза [Там же. Д. 40. Л. 9]. Также «займы» могли выдавать из Фонда вдов и сирот действующим членам Союза, однако в порядке очереди и общая их сумма не могла превышать ни 50% уставного капитала обеспечения, ни размер ежемесячного пособия заемщика [9. Д. 28. Л. 334].

Союз старался оказывать помощь всем нуждавшимся в зависимости от своих возможностей. Например, одному из членов Союза удалось сохранить квартиру, которую хотела конфисковать дирекция фабрики для своих нужд, был устроен в приют малолетний сын одного из членов Союза без каких-либо денежных затрат, при посредничестве правления Союза несколько инвалидов получили службу и т.д. [Там же. Л. 15].

По мере возможности Союз занимался и покровительством сирот. Например, он активно интересовался судьбой Юрия В., который от рождения имел проблемы со здоровьем и нуждался в покровительстве. К 9 годам он только начал ходить и был определен в железнодорожную школу, где обучение было бесплатное, приобретать необходимо было только учебники и школьные принадлежности и теплые вещи, что и взял на себя Кружок русских военных инвалидов, который впоследствии проявлял интерес к дальнейшей судьбе мальчика и его успехам в учебе [9. Д. 22. Л. 40–41].

Союз занимался и вопросами предоставления квот на бесплатное лечение или за минимальную стоимость. Для этого необходимо было предоставить ходатайство на лечение и заключение врача о необходимости проведения лечения во избежание дальнейшей траты времени на наведение всех необходимых справок Союзом. Все ходатайства рассматривались в порядке очереди в зависимости от даты поступления прошения, в особых случаях могло быть сделано исключение, например, при нахождении просителя в крайне тяжелых материальных условиях. Однако при предоставлении не всех документов ходатайства не рассматривались вообще вне зависимости от материального положения просителя [Там же. Д. 41. Л. 117]. В мае 1929 г. было подписано соглашение с дантистом Здисловом Мултаном, который согласился предоставлять лечение членам Союза с 30-процентной скидкой, а иногда и с 50-процентной. Например, удаление любого зуба обходилось в 3 злотых, лечение с установкой фарфоровой пломбы – 8 вместо 15, серебряной – 6 вместо 12, цементная обходилась 5 вместо 10, вставить белый зуб – 8 вместо 16, поставить коронку – 25. Лечение, удаление и установку пломб можно было оплачивать в кредит, но за работу, для которой необходимо было приобретать материалы (изготовление коронки, установка зуба или челюсти), врач брал аванс в размере 50% от стоимости работы. Кроме того, Союз хлопотал и о выдаче бесплатных лекарств русским военным инвалидам, однако проживавшим в Вильно в этом было отказано. Аргументировано это было тем, что «инвалиды-эмигранты ежемесячно получали пособия» [Там же. Д. 24. Л. 34–34 об., 56].

Союз управлялся «общим собранием» и правлением, состоявшим из председателя, секретаря, казначея. «Общие собрания» бывали обычные и экстренные, которые созывались Правлением Союза или же по письменному заявлению не менее трети всех членов Союза, снабженному их подписями и программой вопроса [11. Л. 1а об.]. В Польше «общие собрания» созывались не каждые полгода, как в других странах, а раз в год. В первую очередь, это было связано с большими затратами на их организацию. Например, первое общее собрание обошлось в 275 злотых 90 грошей, второе – в 190 злотых 10 грошей. При необходимости собрание могло созываться и чаще, но при согласии хотя бы трети членов Союза. На «общем собрании» принимались окончательные решения о принятии в состав Союза, о выдаче пособий, составе ревизионной комиссии и т.д. [9. Д. 28. Л. 13–13 об.].

При невозможности очного участия в «общем собрании» допускалось заочное голосование. Для этого случая была разработана схема голосования: каждый вопрос, включенный в обсуждение на общем собрании, кратко излагался на специальной билетике, который представлял из себя небольшой листочек с проставленной печатью Союза. На билетике писали «да» или «нет» и подписывали свою фамилию. По вопросам относительно выборов в ревизионную комиссию надо

было написать только фамилию кандидатов без указания своей, так как голосование являлось тайным, после чего билетика помещались в отдельный конверт с надписью «К выборам», остальные – в другой с надписью «Председателю общего собрания». Оба конверта вкладывались в конверт на имя Правления Союза (адрес был заранее напечатан и приложена почтовая марка). Ответы должны были быть получены Союзом не позднее, чем за неделю до «общего собрания». Согласно польскому законодательству, русскоязычному населению было запрещено свободно передвигаться по территории государства, особенно на восточных кресах⁶. Однако при проведении «общих собраний» Союза в Вильно никаких специальных разрешений для желающих принять в них участие не требовалось [9. Д. 40. Л. 1–2, 7].

Несмотря на всю свою деятельность по оказанию помощи, часто его деятельность вызывала недовольство у инвалидов. Например, некоторые из них высказали претензии относительно небольшого, по их мнению, размера пособия в 45 злотых в месяц, так как это являлось высшей ставкой для инвалидов 3-й категории, тогда как получатели относились ко 2-й категории. Связано это было с тем, что правительство устанавливало только максимальные размеры пособия для инвалидов, а Союз уже самостоятельно устанавливал минимальные [Там же. Д. 3. Л. 279–279 об.]. Другие хотели получать пособие в определенный день, однако это не представлялось возможным, так как это зависело от времени получения пособия от воеводства. Пожелание инвалидов получать полные ставки также не представлялось возможным, поскольку этот вопрос был вне компетенции членов правления, а в увеличении субсидий правительством было отказано [Там же. Д. 28. Л. 14].

Несмотря на достаточно широкую автономию, Союз русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше, как и Союзы в других странах, подчинялся распоряжениям и указаниям Зарубежного союза русских военных инвалидов, а именно Главному правлению. Основная его задача заключалась в объединении Русских военных инвалидовных союзов во всех странах проживания инвалидов-эмигрантов, установлении единства и общем руководстве. Однако во внутренней жизни местные Союзы были независимы и регулировались собственными уставом и инструкциями. Главное правление представляло Зарубежный союз и в качестве юридического лица занималось вопросами привлечения средств на нужды инвалидов, оказывало правовую и моральную защиту интересов инвалидов перед правительственными учреждениями, общественными организациями и частными лицами. Кроме того, давало общие руководящие распоряжения и указания местным Союзам. Помимо этого, Главное правление вело учет общей численности инвалидов, состоявших в Зарубежном союзе, принимало меры к организации как внутри самих союзов, так и реорганизации межсоюзных отношений (организация дисциплинированных инвалидов, слияние в единый Союз разрозненных отделений и

кружков и т.д.). Другая немаловажная задача Главного правления заключалась в привлечении дополнительного финансирования, в том числе в организации различных благотворительных мероприятий по сбору средств непосредственно для Зарубежного союза русских военных инвалидов [9. Д. 41. Л. 118].

Само Главное правление подчинялось Делегатскому съезду, в обязанности которого входили установление, дополнение и изменение устава Союза, избрание Главного правления по окончании срока его полномочий, контроль деятельности Главного правления (рассмотрение и утверждение смет, годовых отчетов Главного правления, предварительно проверенных малым Делегатским съездом, рассмотрение различных планов, предложений и т.д.), избрание почетных членов и награждение орденом Зарубежного союза, исключение из состава Зарубежного союза союзов и лиц, не соблюдавших правила и устав Союза, дискриминировавших или наносящих вред общеинвалидному делу [Там же. Л. 118]. В этом случае делали первое письменное предупреждение, при повторном – дополнительно брали расписку о том, что «инвалид вновь не повторит компрометирующих поступков», в дальнейшем – исключали из Союза с лишением пособия [9. Д. 28. Л. 13–13 об.].

Делегатский съезд состоял из выборных делегатов, избираемых согласно прямо пропорциональному принципу: от союзов численностью до 100 человек направлялся 1 делегат, от 101 до 500 – 2 делегата, от 501 до 1 000 – 3 делегата, от 1 001 до 1 500 – 4 делегата, от 1 501 до и 2 000 – 5 делегатов, от 2 тыс. и более – 6 делегатов соответственно. Делегатский съезд собирался раз в 3 года, организацией его занималось Главное правление. Союзы, не имевшие возможности по каким-либо причинам командировать своих делегатов, могли передать их полномочия действительным членам (делегатам) других союзов [Там же. Д. 41. Л. 118].

Несмотря на помощь Правительства, Союз вынужден был оказывать помощь сверх государственного обеспечения, например оплачивать установку медицинских протезов, расходы, связанные с обучением детей инвалидов в учебных заведениях, и т.д. Правлением неоднократно возбуждались ходатайства перед Министерством народного просвещения о праве бесплатного обучения детей членов Союза в национальных (русскоязычных) школах, однако безуспешно. Аргументировано это было тем, что дети членов могли бесплатно обучаться в правительственных (польскоязычных) гимназиях при соблюдении необходимых формальностей [Там же. Д. 28. Л. 303]. Кроме того, были еще инвалиды, которые не успели вовремя зарегистрироваться и оформить все необходимые документы, и они нуждались в помощи. Правление было озабочено сбором денег на основание приюта для недееспособных / нетрудоспособных (совершенных) калек, хотя бы на 10 человек. 50% от сбора шли в фонд приюта, а остальное – в резервный Фонд для оказания помощи в экстренных ситуациях [Там же. Д. 3. Л. 230].

Для привлечения денежных средств ежегодно организовывался так называемый День русского инвалида (ДРИ). Основная цель его заключалась в привлечении дополнительного финансирования, в том числе и на покупку собственного помещения, организации общежитий и различных мелких трудовых предприятий, где военные инвалиды-эмигранты могли бы получить работу. Кроме того, собранные средства шли и на оказание дополнительной материальной помощи особо нуждавшимся, оплату лечения больных (протезирование, оплату лекарственных средств и т.д.) [9. Д. 50. Л. 3]. Программа празднования Дня русского инвалида была приблизительно одинаковой во всех местах его проведения: накануне и непосредственно в сам День русского инвалида священнослужители служили панихиду по павшим русским воинам и проводили кружечный сбор на территории своего прихода в пользу инвалидов. Зачитывались доклады на военные темы или сообщения о положении инвалидов и благотворительных организаций за рубежом, средства за входные билеты шли в пользу инвалидов. Проводились различные концерты, в том числе и «летучие» (с выступлением в разных местах в течение всего вечера) в ресторанах и других местах со сборами в пользу инвалидов [9. Д. 2. Л. 32; 11. Л. 11]. Рассылались книги, открытки, различные брошюры и листовки, отпечатанные в Париже. Кроме того, правление Союза издало брошюру о Союзе инвалидов в Польше и выпустило ее в количестве 300 экземпляров стоимостью в 1 злотый каждый [9. Д. 41. Л. 8].

Благотворительные организации, частные учреждения и лица по мере возможности помогали в организации концертов, вечеров, кружечных сборов и т.д. Однако все собранные средства составляли собственность не местного Союза, а всего Зарубежного Союза русских инвалидов. Поэтому ежегодно к 1 октября окончательно выяснялась сумма сбора в каждой стране, которая поступала в Главное правление зарубежных инвалидов в Париже. Кроме того, ежегодно собиралась сессия из представителей союзов, которая уже распределяла собранные суммы между всеми союзами пропорционально численности инвалидов и категории их инвалидности. Эта сумма в течение года служила источником для выдачи пособий в экстренных случаях, лечения, покупки лекарств, протезов и т.д. Кроме того, из этих средств выдавалось пособие инвалидам, не имевшим право на правительственное пособие (в частности, инвалидам турецкой и японской войн и состоящим под опекой Союза), которое ежемесячно составляло не менее 205 злотых, а в год – 2 460 злотых, родственникам умерших пособия выдавались отдельно, из Капитала вдов и сирот, что ежемесячно составляло не менее 122 злотых [Там же. Д. 45. Л. 105]. Однако, зная тяжелое материальное положение членов Союза, Главное правление разрешило оставить 20% от собранных сумм в пользу самих союзов на собственные нужды, затем эта сумма была увеличена до 25% [Там же. Д. 3. Л. 116, 182].

Другой способ получения финансирования – доходы, полученные от продажи газеты «Русский инвалид», издаваемой генералом Н. Н. Баратовым, стоимость месячной подписки которой составляла 1 злотый [9. Д. 3. Л. 87 об.]. Газета была призвана освещать новейшие технические вопросы армии, уделять много внимания нуждам военных инвалидов и героическому прошлому России. Кроме того, с 1930 г. правление Союза издавало календарь, который каждый день напоминал о России и ее героическом прошлом. Цена календаря с паспорту составляла 5 злотых, без паспорту – 4 злотых 50 грошей. Календарь и паспорт отпечатывались в Париже, единственное право продажи в Польше принадлежало Центральному правлению Союза русских военных инвалидов в Вильно. Членам правления предоставлялась рассрочка на покупку в течение трех месяцев. Союз продавал и значки, которые носили все инвалиды за рубежом, стоимость их составляла 3 злотых 50 грошей (разрешалось приобретение в рассрочку – по 1 злотому в месяц) [9. Д. 28. Л. 1; Д. 40. Л. 1–2].

Активное участие в оказании помощи Союзу принимала и Русская православная церковь за границей. Например, в 1928–1929 гг. архиепископ Феодосий разрешил Союзу проводить тарелочный сбор в церквях города Вильно в пользу инвалидов, их вдов и детей, а также на открытие приюта для калек-инвалидов. Сбор проводился один раз в неделю в каждой церкви в порядке очереди, установленной его Высокопреосвященством [Там же. Д. 3. Л. 264].

Немалую помощь Союзу оказывали и меценаты, одним из которых был бельгийский посол, охотно отзывавшийся на призывы Союза русских военных инвалидов [Там же. Л. 129].

Союзом неоднократно подавались прошения об увеличении правительственных субсидий на 2 000 злотых в месяц, что позволило бы выдавать всем членам Союза полную ставку по категориям, но в этом было отказано. Поэтому для привлечения дополнительного финансирования правлением Союза были оборудованы переплетная мастерская, чертежное бюро, взята в аренду вешалка в «Русском доме» в Вильно, которые обслуживались инвалидами-эмигрантами – членами Союза, предполагалось открытие и столярной мастерской. Кроме того, возбуждались ходатайства о предоставлении ему концессий на водочную и табачную торговлю, но в этом ему было отказано. После повторного обращения Союзу были обещаны просимые концессии, однако в порядке очереди. Кроме того, Союз пытался получить концессию и на разработку лесного участка, что дало бы возможность устроить на работу еще некоторых членов Союза, однако в ходатайстве было отказано [Там же. Д. 28. Л. 14, 303].

Например, в 1930 г. доходы Союза составляли 111 279,57 злотых (на административные расходы от генерала Н.Н. Баратова – 3 900 злотых, переходящая сумма – 17 482,21; капитал дома инвалидов – 2 746,07; членские взносы – 703,90; кружечный сбор и пожерт-

ования – 691,65; пособие от правительства – 74 433; капитал сирот и вдов – 3 574,64; получено в возврат от займов – 1 014,54; разные приходы – 1 000,30; от продажи ценных бумаг – 222,50; «выручка» от Дня русского инвалида – 2 956,92; от переплетной – 240; от вешалки – 1 418,05 злотых). Однако расходы были немногим меньше и составляли 106 457,89 злотых (почтовые расходы – 380 злотых; пересылка переводов – 644,50; пересылка газет – 70; канцелярские расходы – 340; выписка газет – 480; жалование правлению – 2 820; отопление и освещение – 389,50; аренда помещения – 650; ремонт и оплата услуг возного – 618; переходящие суммы – 17 482,21; выдано займов из капитала «Дома инвалида» – 1 623,60; лечение и лекарства – 567,00; инвентарь – 334,70; налоги – 186,98; расходы по организации кружечного сбора – 85,10; выдано пособий от правительства – 70 245; пособия из Капитала вдов и сирот – 2 961,10(16); выдано заимообразных пособий – 1 197,00; разные расходы – 556,80; покупка ценных бумаг – 292,50; пособие от Союза – 3 871,95; организация Дня русского инвалида – 127,55; расходы по работе переплетной – 18; расходы по «вешалке» – 516,40 злотых) [9. Д. 40. Л. 11–12].

На 27 августа 1929 г. имущество Союза русских военных инвалидов составляло: шкафчик, примус, 2 чай-

ника, пепельница, плевательница, поднос, солонка, тарелка, сахарница, блюдо для лимона, мундир, фуражка, пояс кожаный, поднос никелевый, лоханка для посуды, чехол от гитары, треугольник, 2 стула, 7 стаканов, 10 блюдец, 9 чайных ложек, 2 полотенца, 2 светильника с тремя лампочками каждый, 2 занавески, 4 подставки для ножей [9. Д. 45. Л. 39].

Таким образом, Союз русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше играл важную роль в жизни инвалидов-эмигрантов вплоть до начала Второй мировой войны: оказывал всестороннюю помощь не только инвалидам в Польше, но и их родственникам и близким. Выразилось это в оказании не только материальной помощи в виде пособий, но и помощи правового характера. Отличительная черта Союза как в Польше, так и в других странах заключалась в том, что союзы финансировались за счет местного правительства, но денег хватало только на выплату пособий и оплату счетов Союза. Поэтому для покрытия всех нужд необходимо было искать дополнительное финансирование посредством организации различных благотворительных мероприятий и праздников, кружечных сборов и т.д. Кроме того, Союз планировал приобрести собственное помещение для организации деятельности Союза и интерната для инвалидов, однако сделать это так и не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В переводе с польского – пожалование, т.е. получение гражданства за какие-либо заслуги, а не по праву рождения.

² То же.

³ От польского *zaopatrzenie inwalidskiego* – довольствие, обеспечение инвалидов.

⁴ От польского *druk* – печать.

⁵ Межсоюзническая федерация бывших участников войны стран Антанты. Образована в 1920 г.

⁶ Восточные кресы – это территории, вошедшие в состав Польского государства в 1921 г. после подписания Рижского мирного договора с РСФСР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова З.С. Не принявший иного подданства: проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб. : Нестор, 2005. 251 с.
2. Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб. : Алетея, 2016. 446 с.
3. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции. Краснодар, 2013. 246 с.
4. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, 2014. 171 с.
5. Абисогомян Р. Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской Республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие. Тарту, 2007. 313 с.
6. Смирнов С.В. Объединения Российских военных инвалидов в Китае (1920–1940-е годы) // ВИЖ. 2017. № 1. С. 84–89.
7. Жуков А.В. Помощь эмигрантских организаций в решении социальных проблем российских беженцев в Польше (1920–1930-е гг.) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4. С. 125–128.
8. Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М. ; СПб., 2015. 510 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7502. Оп. 1.
10. Центральный архив Федеральной службы безопасности. Ф. 2. Оп. 6. Д. 383.
11. ГАРФ. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 32.

Aleksandra A. Mikulenok. North-Caucasian branch of Russian State Law University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: klio-alex@yandex.ru

Jliya A. Mikulenok. North Caucasian branch of Russian State Law University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: ak-bara@yandex.ru

THE RUSSIAN DISABLED WAR EXPATRIATES UNION IN POLAND IN THE 1920-1930-s

Keywords: revolution; reparations; emigration; Poland; charity; Russian expatriates; refugees; the disabled.

The article is dedicated to the activity of the Russian disabled war expatriates union in Poland and is based on the documents stored in the so-called Prague City archive, which is kept at the State Archive of the Russian Federation, Moscow, as well as documents from the Central Archive of the Russian Federal Security Service. It looks into the idea of the Union's first appearance in Poland and the organization aimed at providing aid to the disabled war expatriates before the opening of the Union branch in Poland. The article also enlightens the question of Union's professional activity, its structure and management, as well as the ways of providing aid to the ones in need.

It puts forward categories of emigrants (current members of the Union and the ones “in trusteeship”) who had the right to receive financial assistance from the Union. The article not only shows the process of the Union affiliation, but also lists the main affiliation conditions. It highlights the fact that despite being focused mainly on providing aid to the disabled war expatriates, the Union also tried to provide help to the widows, children of the disabled and directly to the disabled orphans. For this purpose a separate fund was started called “Widows and orphans capital”, which received a monthly inflow of a certain interest rate of the total donations. The Union’s scope of activity also included issues of providing free healthcare services or healthcare services at a fraction of the cost. The article shows the very structure of the Union, organizations that were aimed at the Union’s activity supervision (“common meetings”, delegate convention) and dealt with matters of argument. Moreover, the article focuses not only on responsibilities, but also the rights of the Union members, the right to summon “common meetings” in particular. In addition, it highlights the question of the Union’s cooperation with the Polish government, including the financing issues. In spite of the fact that since 1926 the Union had been receiving financing from the Polish government, the amount of money was hardly enough to pay the grants to the current Union members and the organization’s utility services payments. However, the Union had to provide aid not only to its members, but also to the people who couldn’t complete all necessary paperwork on time or those who found themselves in dire financial condition or the ones who lost their jobs and so on. That is why the Union organized various charity events like evening parties, balls, tea parties and the like on a regular basis, as well as concerts, mug and plate gatherings and the so-called Russian disabled day. However, despite quite various ways of receiving extra investment, the Union’s financing was quite restricted, so that it even couldn’t afford to buy its own headquarters. Moreover, the Union planned to purchase another accommodation.

REFERENCES

1. Bocharova, Z.S. (2005) *Ne prinyavshiy inogo poddanstva: problemy sotsial'no-pravovoy adaptatsii rossiyskoy emigratsii v 1920–1930-e gody* [Not accepting other citizenship: problems of socio-legal adaptation of Russian emigration in the 1920–1930s]. St. Petersburg: NESTOR.
2. Nazemtseva, E.N. (2016) *Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitayskikh otnosheniyakh (1920–1940-e gg.)* [At the diplomatic level: problems of the legal status of Russian emigrants in China in Sino-Soviet relations (1920–1940ss)]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Ratushnyak, O.V. (2013) *Kazachestvo v emigratsii* [Cossacks in exile]. Krasnodar: [s.n.].
4. Chapygin, I.V. (2014) *Kazach'ya emigratsiya v Kitae* [Cossack emigration in China]. Irkutsk: Irkutsk State University.
5. Abisogomyan, R. (2007) *Rol' russkikh voennykh deyateley v obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni Estonskoy Respubliki 1920–1930-kh gg. i ikh literaturnoe nasledie* [The role of Russian military leaders in the public and cultural life of the Republic of Estonia in the 1920s – 1930s and their literary heritage]. Tartu: [s.n.].
6. Smirnov, S.V. (2017) *Ob'edineniya Rossiyskikh voennykh invalidov v Kitae (1920–1940-e gody)* [Associations of Russian military invalids in China (1920–1940ss)]. *VIZh*. 1. pp. 84–89.
7. Zhukov, A.V. (2014) *Pomoshch' emigrantskikh organizatsiy v reshenii sotsial'nykh problem rossiyskikh bezhentshev v Pol'she (1920–1930-e gg.)* [The support of emigre organizations in solving social problems of the Russian refugees in Poland]. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata – Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 4. pp. 125–128.
8. Sharonova, V.G. (2015) *Istoriya russkoy emigratsii v Vostochnom Kitae v pervoy polovine XX veka* [The history of Russian emigration in East China in the first half of the 20th century]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7502. List 1.
10. The Central Archive of the Federal Security Service (CA FSB). Fund 2. List 6. File 383.
11. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5968. List 1. File 32.

УДК 94(571).084.63(571.17)
DOI: 10.17223/19988613/63/8

Е.А. Орлова

СОЗДАНИЕ КОЛХОЗОВ У ТЕЛЕУТОВ В 1929–1933 гг. (НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается создание колхозов у коренного малочисленного народа Сибири, проживающего на территории Кемеровской области – телеутов. Источниковой базой исследования являются документы из фондов Государственного архива Кемеровской области. Делается вывод о том, что в процессе коллективизации органами власти относительно телеутских хозяйств принимались меры экономического и принудительного характера. В результате были образованы первые телеутские колхозы, испытывавшие значительные экономические трудности.

Ключевые слова: телеуты; коренные малочисленные народы Сибири; коллективизация; колхозы; раскулачивание; Кемеровская область.

XX век был сложным временем для всех народов России – войны, революции, коренная перестройка социально-экономических отношений и крушение традиционных духовных ценностей. Влиянию этих событий на судьбы различных этносов посвящено множество работ отечественных и зарубежных историков. Однако остаются еще вопросы, до сих пор ожидающие своего внимательного исследователя, в частности это касается некоторых аспектов истории коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Связано это с тем, что малочисленность, языковой барьер, проживание на труднодоступных территориях, специфичность жизненного уклада, многие стороны которого скрыты и малопонятны для стороннего наблюдателя, затрудняют фиксацию и последующую интерпретацию процессов, происходящих в данных обществах. Изучение истории коренных малочисленных народов в критические для страны моменты (революции, коллективизация и индустриализация, войны и т.д.) позволяет увидеть, как менялись архаичная картина мира и традиционный жизненный уклад.

Переломным моментом в истории России стали конец 1920-х – 1930-е гг. Именно в это время происходила перестройка отечественной экономики – партийным руководством была поставлена задача превратить страну из аграрной в индустриальную. В исторической литературе нет единой точки зрения на значение индустриализации и коллективизации для дальнейшей судьбы нашей Родины, но, пожалуй, все исследователи солидарны в том, что эти процессы коренным образом изменили жизнь миллионов людей самых разных национальностей. Одним из регионов, чья история тесно связана с индустриализацией, является Кемеровская область. Здесь в 1930-х гг. создавалась мощная промышленная база, впоследствии превратившая Кузбасс в одну из самых индустриально развитых и высоко урбанизированных областей Сибири. Все это изменило жизнь как русских сибиряков, проживавших на территории современной Кемеровской области, так и коренных народов – шорцев и телеутов.

По данным Всероссийской переписи 2010 г., численность телеутов в РФ составляет 2 643 человека, из них 2 520 человек проживают в Кемеровской области [1].

В настоящее время бачатские телеуты компактно проживают в с. Беково, д. Челухоево, д. Верховская, с. Улус (Больше-Бачатский), Ново-Бачаты Беловского района; в микрорайоне Телеут (Чертут) г. Белово; д. Шанда Гурьевского района; частично на окраине 13-го микрорайона г. Новокузнецка и в микрорайоне «Ильинка» г. Новокузнецка Кемеровской области [2. С. 133]. Кроме того, телеуты проживают в Шебалинском районе Республики Алтай.

Актуальность изучения истории телеутов в период коллективизации позволяет наглядно увидеть, каким образом происходило их вовлечение в масштабные процессы, изменившие жизнь целой страны и отдельно взятого коренного малочисленного народа. Это будет способствовать установлению межкультурного диалога и дальнейшему развитию Российской Федерации как многонациональной страны.

Научная новизна представленного исследования состоит в том, что на основании неопубликованных документов, ранее не вводившихся в научный оборот, впервые была рассмотрена деятельность советских органов власти на местах по проведению коллективизации телеутских хозяйств.

Впервые введенные в научный оборот источники и сделанные автором выводы будут способствовать дальнейшему изучению истории коренных малочисленных народов Сибири в советский период.

Целью данной статьи является рассмотрение коллективизации у телеутов в 1929–1933 гг. на основе документов, хранящихся в фондах Государственного архива Кемеровской области (ГАКО). Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить меры, предпринимаемые советскими органами власти по коллективизации телеутских хозяйств; определить степень экономической эффективности телеутских колхозов в рассматриваемый период.

Информацию относительно мероприятий по коллективизации телеутских хозяйств можно получить из документов, составляющих фонд Р-63 ГАКО. Это преимущественно различная делопроизводственная документация – протоколы заседания Беловского РИКа (исполнительного комитета Беловского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), резолюции, информационные материалы (докладные записки, справки, акты, сводки) и т.д. Все эти документы предназначались для обеспечения управленческой деятельности, поэтому чаще всего отражают намеченную программу действий и их результат и содержат мало сведений о самом процессе воплощения в жизнь принятых решений.

Сведения об истории телеутского народа, его традициях и жизненном укладе содержатся в трудах ряда исследователей. Так, в XVII–XX вв. Г.Ф. Миллер, Г.И. Георги, В.В. Радлов и В.И. Вербицкий описывали народный быт и духовные представления телеутов. В советское время Н.П. Дыренковой, Л.Э. Каруновской, Д.В. Кацюбой, Л.П. Потаповым в научный оборот были введены важные данные относительно шаманства, свадебного и погребального обрядов, а также была дана характеристика многих аспектов традиционного хозяйства телеутов. В работах Д.В. Кацюбы и Л.П. Потапова содержится информация об изменениях, произошедших в жизненном укладе телеутов после установления советской власти, коллективизации и индустриализации.

Ценные сведения по телеутскому фольклору, позволяющие реконструировать многие элементы картины мира телеутов, были опубликованы в работах Д.А. Функа. Но проблема коллективизации и развития сельского хозяйства на ее основе у телеутов, проживающих в Кемеровской области, до настоящего времени практически не изучена. Отсутствие исследований по данной тематике можно попытаться объяснить, во-первых, тем, что тема коллективизации и перемен, происходивших в СССР в 1930-е гг., в значительной степени политизирована, во-вторых, разрозненностью и нередко противоречивостью упоминаний о телеутах в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в документах.

Территориальные рамки исследования охватывают Беловский и Гурьевский районы Кемеровской области. Причем до 1935 г. оба эти района составляли один – Беловский. Хронологические рамки предпринятого исследования – 1929–1933 гг. Выбор дат объясняется тем, что в 1929 г. в СССР начала проводиться сплошная коллективизация, а к 1933 г. в основном коллективизация в Кузбассе, как и в целом по стране, была закончена.

5 декабря 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о создании комиссии по выработке конкретных предложений о темпах коллективизации в различных районах СССР, о ликвидации кулачества, а также о мерах помощи колхозному строительству. В Сибири на основе постановления Сибкрайкома ВКП(б) от 2 февраля

1930 г. и других директивных решений был принят курс на завершение коллективизации уже весной 1930 г. В первой декаде марта 1930 г. уровень коллективизации в Сибири достиг 52,9% [3]. Если говорить о Кузбассе, то к концу мая 1931 г. в колхозах состояло 39,39% крестьян региона [4. С. 170]. Объяснялось это не только принудительными мерами со стороны властей, но также льготами для колхозников, помощью колхозам машинно-тракторными станциями, активной агитационной и организаторской работой местных парторганизаций. Благодаря сочетанию этих факторов у телеутов появились первые колхозы. Документы из фондов ГАКО позволяют восстановить их названия – «Партизан Свободы» (Беково), «Красный пахарь» (Беково) и «Нацмен» (Шанда). Анализируя документы, можно сделать вывод, что они были ориентированы на комплексное производство сельхозпродукции – плановыми заданиями предусматривалась сдача этими колхозами зерна, овощей и молока [5. Л. 177; 6. Л. 301].

Вопрос о том, сколько телеутов было затронуто коллективизацией и раскулачиванием довольно сложен, так как данные о численности этого народа в рассматриваемый период разнятся.

В опубликованных результатах Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.) точные данные о числе телеутов отсутствуют, так как они были объединены с теленгитами и ашкиштимами. «Если руководствоваться данными языка, то представителей этих трех племен в одном Кузнецком округе оказывается 3667 душ» [7. С. 15]. С.К. Патканов и Д.А. Функ определяют численность бачатских телеутов на момент переписи в 2 591 чел. [8. С. 13; 9. С. 37].

По Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. в стране проживало 1 898 телеутов [10. С. 14]. Сохранились архивные данные о том, что в 1932 г., когда Шандинский (с центром в телеутской деревне Шанда) и Челуховский сельсоветы были объединены в один – Бековский с центром в деревне Беково, в новообразованном сельском совете проживало 2 147 человек и насчитывалось 461 хозяйство [11. Л. 87].

Согласно «Сведениям о национальности и составе населения сельских советов Беловского района», на 1 июня 1935 г. население Бековского сельсовета было представлено телеутами и русскими и составляло 2 130 человек [12. Л. 12]. Количество «нацменовских» населенных пунктов, где были образованы колхозы, – 3. Численность населения в них – 790 человек, из них 443 колхозника [Там же. Л. 14]. Но нельзя сказать, сколько телеутов проживало вне этих «нацменовских» колхозов.

Судя по архивным материалам, колхозы эти были небольшими. Известно, что, например, в 1933 г. колхоз «Партизан свободы» состоял из «13 домохозяйств исключительно бедняков и часть середняков. Трудо-способных 22 человека, рабочих лошадей – 13. Посева зерновых 89,60 га» [6. Л. 39]. Колхозное строительство в Кузбассе, как и в целом по Советскому Союзу, сопровождалось ликвидацией кулачества.

И.В. Сталин 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов открыто заявил о ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. С января 1930 г. по всей стране началось массированное раскулачивание зажиточного крестьянства. Политбюро ЦК ВКП(б) дало указание Сибкрайкому ВКП(б) на основании постановления от 30 января 1930 г. разработать собственное решение. 4 февраля 1930 г. вышла секретная инструкция ЦИК и Совнаркома СССР для исполнения в союзных и автономных республиках, в краевых и областных исполнительных комитетах. Во втором ее разделе говорилось о конфискации у кулаков, проживающих в районах сплошной коллективизации, средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, производственных и торговых предприятий, продовольственных, кормовых и семенных запасов, излишков домашнего имущества, а также наличных денег [13. С. 247].

В Кузбассе всеобщее раскулачивание началось после выхода постановления бюро Сибкрайкома от 2 февраля 1930 г. На места были разосланы телеграммы за подписью секретаря Сибирского краевого комитета ВКП(б) Р.И. Эйхе. В мае 1930 г. Р.И. Эйхе заявил: «Этот лозунг [борьба с кулаком] теперь является главным лозунгом, который определяет нашу работу в деревне» [14. С. 170]. Поэтому, хотя ЦК ВКП(б) взял курс на борьбу с «перегибами на местах», в Западной Сибири для выполнения планов по раскулачиванию продолжалась экспроприация середняцких хозяйств. «Если в 1928–1930 гг. к кулакам относили крестьян, имеющих значительные посевные площади, скот, постоянных работников, то в 1931–1932 гг. – “лишенцев” (лиц, лишенных избирательных прав), “индивидуально обложенных налогами” и недовольных политикой Советской власти» [15. С. 31].

Механизм раскулачивания выглядел следующим образом. На первом этапе Сибкрайком партии совместно с Сибкрайисполкомом утверждали в крае и по округам общее количество хозяйств. Исходя из этого, средний показатель хозяйств кулаков был определен в 5,6%. На втором этапе под 5,6% подводилось количество крепких хозяйств, предназначенных к раскулачиванию. Цифры распределялись по округам для исполнения. Руководство же округов распределяло их по районам [16. С. 22].

Согласно архивным документам, к кулакам относили тех телеутов, кто занимался торговлей скотом или пушниной. Другими важными критериями были использование сельхоз техники и эксплуатация труда батраков. В Конституции 1918 г. было установлено, что лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, не могут избирать и быть избранными. Поэтому одним из методов политики раскулачивания, применявшихся большевистским правительством, являлось лишение сельских жителей избирательных прав.

Отнесение лиц, использующих наемный труд, к числу лишенцев должно было осуществляться на осно-

ве предоставленных финансовыми органами сведений о величине уплаченного налога. «Размеры начисленного единого сельскохозяйственного налога и индивидуального обложения хозяйства в подавляющем большинстве случаев приводили к лишению избирательных прав владельца такого хозяйства. Нередки были случаи и обратной взаимосвязи. «Крестьянин, лишенный властью по каким-либо причинам избирательных прав, тут же облагался налогом в индивидуальном порядке» [17. С. 132]. Таким образом, государство сочетало политические и экономические методы давления на крестьянство.

В 1931 г. по Челуховскому сельсовету, объединявшему несколько населенных пунктов, где проживали телеуты, были отнесены к кулакам и лишены избирательных прав следующие лица: Сыркашев Егор Апанасевич (?), отчество написано неразборчиво – «систематически эксплуатировал батраков» в 1926–1929 гг., а в 1928–1929 гг. торговал мясом и пушниной; Сыркашев Николай Николаевич – «систематически эксплуатировал батраков в сельском хозяйстве в 1927–1928 гг. и сезонных рабочих свыше 50 человекоднев в год в 1923–1928 гг.», а также торговал скотом и пушниной в этот же период; Сыркашев Егор Сарпионович (?), отчество написано неразборчиво – «систематически эксплуатировал батраков в сельском хозяйстве в 1915–1925 гг. и в 1927 г.», нанимал сезонных рабочих свыше 40 человекоднев в год в 1929–1930 гг. [11. Л. 34].

С начала 1930-х гг. на кулаков значительно усиливался налоговый пресс. Повышались ставки индивидуального обложения кулацких хозяйств: с первых 500 руб. годового дохода – по 20 коп. с рубля; с 500 до 700 руб. – по 30 коп. с рубля; от 700 до 1 000 руб. – по 40 коп. и т.д. [18. С. 8]. Хозяйства, обложенные налогом в индивидуальном порядке, не имели права ни на какие льготы. 3 января 1932 г. на заседании районной налоговой комиссии при Беловском райисполкоме рассматривался вопрос об индивидуальном налоговом обложении по «признаку эксплуатации батраков в сельском хозяйстве и использованию сельхоз машин на стороне» крестьян Челуховского сельсовета – Саркашева Егора Аб., Чумета Я., Шадеева Николая, Тодышева Степана, Акушева И.Ф., Саркашева А.Н., Беккова А.Я. и Саркашева Е. Сар. (фамилии, имена и отчества приводятся в соответствии с документом» [11. Л. 95].

Сведений о дальнейшей судьбе телеутов, признанных кулаками, или тех, на кого была возложена ответственность за невыполнение плана по хлебосдаче государству, в документах ГАКО на настоящий момент не выявлено. Из опубликованных В.Н. Уймановым данных относительно национального состава репрессированных в Западной Сибири в 1931–1941 гг. следует, что за указанный период был репрессирован только один телеут в Алтайском крае [19. С. 107]. Возможно, телеуты могли попасть в разряд тех, чья национальность по каким-либо причинам не была зафиксирована в официальных документах.

Еще одним из способов давления на крестьян, чтобы заставить их вступать в колхозы, были разные ставки арендной платы за пользование землей из фонда ГЗИ (государственных земельных имуществ) и запасного земельного фонда. Например, Беловским РИКом в 1933 г. плата за пользование 1 га пашни была установлена в размере 20 руб., заливного сенокоса – 25 руб., за огород – 50 руб., степное пастбище – 10 руб., пасеку – 50 руб., мельницу – 200 руб. Для колхозов была предусмотрена скидка до 50% от вышеуказанных сумм, для бедняцких единоличных хозяйств скидка составляла 20–50%. Для кулацких хозяйств ставки арендной платы увеличивались на 200% [6. Л. 169].

Уничтожение зажиточных хозяйств не способствовало экономическому укреплению телеутских колхозов. 21 марта 1932 г. на заседании президиума Беловского РИКа рассматривался вопрос о состоянии подготовительной работы к весенней посевной кампании. Члены президиума постановили «за преступно медленную работу по подготовке к севу» занести на черную доску ряд сельсоветов. В их числе был и Бековский, которому дополнительно присудили «орден Обломова». Но порицанием дело не ограничилось – «на отстающие сельсоветы по весенне-посевной кампании передать дело в следственные органы для приведения их к ответственности за бездеятельность. На членов партии, работающих в этих сельсоветах, передать дело районному комитету партии» [11. Л. 114]. Также председателю Бековского сельского совета и уполномоченному РИКа были объявлены выговоры с опубликованием в печати.

В декабре 1932 г. председателю и всему составу Бековского сельского совета снова был объявлен выговор «за отсутствие работы по засыпке семенного материала» [Там же. Л. 60]. По итогам молокозаготовок в первом квартале 1933 г. председателю Бековского сельсовета был объявлен выговор «за бездеятельность», причем недостающее молоко предписывалось сдать во втором квартале. План молокозаготовок на второй квартал не был отменен или уменьшен. Кроме того, Беловский РИК постановил «сельским советам и сельпо запретить всякое расходование молока на местах, привлекая к судебной ответственности лиц, пытающихся растратить продукт» [6. Л. 301].

По итогам второго квартала 1933 г. «за преступно слабые темпы мобилизации финансовых средств президиум РИК заносит на черную доску Бековский сельсовет как выполнивший план ниже 13% – 4,5% (тогда как средние цифры по Беловскому району составили 13,9%), ниже всех остальных сельсоветов. Т. Коврову объявить выговор и вручить орден черепахи» [Там же. Л. 302 об.].

В июле 1933 г. в Бековский сельсовет был направлен на руководящую работу, «выдвинутый из производства» т. Абрамов [11. Л. 257]. В августе того же года председатель Бековского сельсовета т. Ускоев был снят с должности как «не обеспечивающий работу сельсовета», вместо него в Беково был «командирован» Никита Никитич (?) Ковров [20. Л. 12]. Но в июне

1935 г., согласно хранящимся в ГАКО документам, председателем Бековского сельского совета был уже т. Петровский [12. Л. 12, 14].

2 августа 1933 г. Беловский райисполком постановил разрешить переселение колхоза «Нацмен» деревни Шанда Бековского сельсовета на запасный земельный фонд (бывший выселок Калининский Старо-Пестеревского сельсовета) [6. Л. 258]. В августе 1933 г. колхоз «Партизан Свободы» Бековского сельского совета за невыполнение плана хлебозаготовок в количестве 13,52 ц был оштрафован на 1 352 руб. Руководство колхоза объясняло срыв плана тем, что «колхоз экономически слаб... Старое правление колхоза 20 августа 1933 г. было арестовано, новое правление приступило к работе 21 августа 1933 г. и, несмотря на нехватку рабочих рук после ареста правления и колхозников, мы выполнили хлебопоставки государству и натурплату за работу лета 1933 г. 12 сентября на 100%, скирдование и обмолот мы закончили 25 сентября на 100%. А поэтому просим учесть данное обстоятельство и снять с нас позорное пятно штрафа» [Там же]. Документов о снятии с колхоза штрафа в фондах ГАКО на настоящий момент не выявлено.

Осенью 1933 г. Беловский райисполком констатировал, что на 2 октября 1933 г. Бековским сельсоветом вспахано зяби только 14% от плановых цифр [Там же. Л. 95]. Заседание РИКа постановило «к 20 октября полностью ликвидировать отставание» [Там же. Л. 96 об.]. Также Бековским сельсоветом был не выполнен план поставки овощей для Беловской конторы «Союзплодоовощ». Колхоз «Красный пахарь» Бековского сельсовета по состоянию на 13 октября 1933 г. не сдал 112 ц картофеля, 95 ц капусты, 12 ц огурцов, 3 ц свеклы, 2 ц моркови и 65 ц столовых корнеплодов. Всего недостача составила 289 ц. «К штрафу и судебной ответственности ни один из колхозов, не выполнивших план, не был привлечен» [5. Л. 177].

К 1933 г. процесс коллективизации в Кузбассе в основном завершился – от 57 до 78,5% крестьянских хозяйств различных районов состояли в колхозах [4. С. 170]. Таким образом, на основании документов советских органов, хранящихся в фондах ГАКО, можно сделать вывод о том, что в конце 1920 – первой половине 1930-х гг. Беловский районный исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в соответствии планом коллективизации применял относительно телеутских хозяйств меры экономического характера (увеличение налогового бремени, повышенные ставки арендной платы на землю и ставки налогообложения для хозяйств, признанных кулацкими) и неэкономические – лишение избирательных прав. В результате на территории Беловского района Кемеровской области, в местах компактного проживания телеутов, были образованы «нацменовские» колхозы («Партизан Свободы» (Беково), «Красный пахарь» (Беково) и «Нацмен» (Шанда). Эти колхозы испытывали значительные экономические трудности и

не справлялись с выполнением государственных заданий по сдаче хлеба, овощей и молока. Сведений о репрессиях (аресте и ссылке) телеутов, признанных кула-

ками, в документах советских органов власти, хранящихся в фондах ГАКО, на настоящий момент не выявлено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.11.2017).
2. Белозерова М.В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. – начало XXI в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008. 794 с.
3. Гушин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928–1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1996Guscshin/03.htm> (дата обращения: 29.11.2017).
4. История Кузбасса / отв. ред. Н.П. Шуранов. Кемерово : Кузбасс, 2006. 360 с.
5. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-63. Оп. 2. Д. 376. Т. 3.
6. ГАКО. Ф. Р-63. Оп. 2. Д. 35.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / сост. Центр. стат. ком. на основании местных подсчетных ведомостей; [предисл.: Н. Тройницкий]. Т. 79: Томская губерния. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1897–1905. 246 с.
8. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : в 3 т. СПб., 1911–1912. 185 с. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/11184-t-1-svodnye-tablitsy-i-kratkie-vyudy-1912#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата обращения: 07.12.2017).
9. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М. : Издание ИЭА РАН, 1993. 325 с. (Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 17, кн. 2).
10. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. 175 с. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/16537-vyp-4-narodnost-i-rodnoy-yazyk-naseleniya-sssr-1928#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата обращения: 31.10.2017).
11. ГАКО. Ф. Р-63. Оп. 2. Д. 24а. Т. 1.
12. ГАКО. Ф. Р-63. Оп. 2. Д. 120.
13. Неизвестная Россия. XX век. М. : Историческое наследие, 1992. 352 с.
14. Стенографический отчет V Сибирской краевой партийной конференции ВКП(б). Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. 750 с.
15. Озерова О.А. Роль партийных и советских организаций в раскулачивании и репрессиях тюркских народов Западной Сибири (1928–1932 гг.) // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 28–32. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-partiynyh-i-sovetskih-organizatsiy-v-raskulachivani-i-repressiyah-tyurkskih-narodov-v-zapadnoy-sibiri-1928-1932-gg> (дата обращения: 01.12.2017).
16. Озерова О.А. Применение насильственных методов и репрессий в период сплошной коллективизации в 1930–1932 гг. (на примере тюркских народов Западной Сибири) // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 22–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-nasilstvennyh-metodov-i-repressiy-v-period-splshnoy-kollektivizatsii-v-1930-1932-gg-na-primere-tyurkskih-narodov-zapadnoy> (дата обращения: 06.12.2017).
17. Климук Я.А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-1. С. 131–135. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lishenie-krestyan-izbiratelnyh-prav-kak-metod-politiki-raskulachivaniya-na-materialah-tshaf-ak> (дата обращения: 29.11.2017).
18. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23.02.1930 «Положение о едином сельско-хозяйственном налоге» // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26726#0> (дата обращения: 26.11.2017).
19. Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931–1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 105–110. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-sostav-repressirovannyh-na-territorii-zapadnoy-sibiri-v-1931-1941-gg> (дата обращения: 30.11.2017).
20. ГАКО. Ф. Р-63. Оп. 2. Д. 24а, т. 2.

Yelena A. Orlova. Historical Cultural and Natural Museum-Reserve «Tomskaya Pisanitsa» (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: orlova42@gmail.com

CREATION OF TELEUT COLLECTIVE FARMS IN 1929 - 1933 (BASED ON DOCUMENTS FROM KRSA (KEMEROVO REGION STATE ARCHIVES))

Keywords: Teleuts; indigenous peoples of Siberia; collectivization; kolhozy; dekulakization; Kemerovo region.

This article explores the Soviet government's collectivization campaign of the Teleut households in 1929–1933. The study is based on the documents from the Kemerovo Region State Archives (KRSA). The Teleuts are indigenous peoples of Turkic origin. According to the 2010 Russian Census, there are 2,643 reported Teleut people, 2,520 of whom live in Kuzbass. The Teleuts live compactly on the territory of the Belovsky and Guryevsky Districts in the Kemerovo region, which comprised a single Belovsky District until 1935. Collectivization was carried out in the USSR in the late 1920's - early 1930's. It was the process of consolidation of individual peasant farms into kolhozy (collective farms). Wholesale collectivization began in 1929, and by 1933 it was complete in the whole country. The Communist Party and Soviet officials regarded the kulaks (prosperous peasants) as an obstacle to collectivization. A set of measures, both economic and non-economic, called dekulakization has been employed against this class of peasants. Mass disenfranchisement of rural residents was one of the most common methods of dekulakization campaign. Disenfranchised peasants had their property expropriated without any compensation, and they and their family members were deported to remote areas of the country. Sometimes the kulaks were executed. Numerous works by Russian and foreign historians have been devoted to collectivization and dekulakization, but the collectivization of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East has not been fully explored. In particular, the collectivization of the Teleut households and the changes that it introduced into the life of South Siberian Turkic peoples were practically not investigated. Based on the documents from 1929–1933, from the archival collections of the Kemerovo Region State Archives (KRSA), this paper revealed that in 1931–1932, a number of Teleuts were accused of systemic exploitation of batraks (farm laborers) and seasonal workers, as well as of the meat and fur trade. The Belovo District Executive Committee of the Councils of Workers, Peasants and Red Army Deputies subjected these people to both economic (raising the tax levy, increased land rent and tax rates for households designated as kulak) and non-economic (disenfranchisement) measures. Any information on the repressions (arrest and exile) of the Teleuts, recognized as kulaks, in the documents of the Soviet authorities from the KRSA collections, has not been found to date. As a result of the collectivization in the Belovsky District of the Kemerovo Region, the collective farms were created in the areas where the Teleuts compactly reside. They experienced significant economic difficulties and failed to meet the state bread, vegetable and milk quotas.

REFERENCES

1. The State Statistics Committee of the Russian Federation. (2010) *Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda* [Information Materials on the Final Results of the 2010 All-Russia Population Census]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (Accessed: 29th November 2017).
2. Belozerova, M.V. (2008) *Problemy integratsii i natsional'nogo samoopredeleniya korennykh narodov Yuzhnoy Sibiri (1920-e gg. – nachalo XXI v.)* [Problems of integration and national self-determination of the indigenous peoples of southern Siberia (1920s – early 21st century)]. History Dr. Diss. Tomsk.
3. Gushchin, N.Ya. (1996) *"Raskulachivanie" v Sibiri. 1928-1933 gg.: metody, etapy, sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie posledstviya* [Dekulakization in Siberia. 1928-1933: Methods, Stages, Socio-Economic and Demographic Consequences]. Novosibirsk. [Online] Available from: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1996Guschin/03.htm> (Accessed: 29th November 2017).
4. Shuranov, N.P. (ed.) (2006) *Istoriya Kuzbassa* [History of Kuzbass]. Kemerovo: Kuzbass.
5. The State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-63. List 2. File 37b.
6. The State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-63. List 2. File 35.
7. The Central Statistical Committee of Russia. (1897–1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [First National Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 79. St. Petersburg: The Central Statistical Committee of the Ministry of Interior.
8. Patkanov, S.K. (1911–1912) *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noy razrabotki materiala perepisi 1897 g.)* [Statistical Data Showing the Tribal Composition of the Siberian Population, the Language and Clans of National Minorities (based on data from the special processing of the 1897 census materials)]. St. Petersburg: [s.n.]. [Online] Available from: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/11184-t-1-svodnye-tablitsy-i-kratkie-vyvody-1912#page/1/mode/grid/zoom/1> (Accessed: 7th December 2017).
9. Funk, D.A. (1993) *Bachatskie teleuty v XVIII – pervoy chetverti XX veka: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Bachat Teleuts in the 1700s – 1950s: Historic and Ethnographic Research]. Moscow: RAS.
10. Russia. (1928) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki* [First All-Union Census of the Soviet Union of 1926: Summary]. Issue 4. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/16537-vyp-4-narodnost-i-rodnoy-yazyk-naseleniya-sssr-1928#page/1/mode/grid/zoom/1> (Accessed: 31st October 2017).
11. The State Archives of Kemerovo Region. Fund R-63. List 2. File 24a.
12. The State Archives of Kemerovo Region. Fund R-63. List 2. File 120.
13. Kozlov, V.A. (ed.) (1992) *Neizvestnaya Rossiya. XX vek* [Unknown Russia. The 20th Century]. Moscow: Istoricheskoe nasledie.
14. The All-Union Communist Party of Bolsheviks. (1930) *Stenograficheskiy otchet V Sibirskoy kraevoy partiynoy konferentsii VKP(b)* [Verbatim Report of the Fifth Siberian Regional Party Conference of The All-Union Communist Party of Bolsheviks]. Novosibirsk: Sibkrayizdat.
15. Ozerova, O.A. (2012) Rol' partiynykh i sovetskikh organizatsiy v raskulachivanii i repressiyakh tyurkskikh narodov Zapadnoy Sibiri (1928-1932 gg.) [The role of party and Soviet organizations in dekulakization and repression of the Turkic peoples of Western Siberia (1928–1932)]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 4(111). pp. 28–32. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-partiynykh-i-sovetskikh-organizatsiy-v-raskulachivanii-i-repressiyakh-tyurkskikh-narodov-v-zapadnoy-sibiri-1928-1932-gg> (Accessed: 1st December 2017).
16. Ozerova, O.A. (2012) Primenenie nasilstvennykh metodov i repressiy v period sploshnoy kollektivizatsii v 1930–1932 gg. (na primere tyurkskikh narodov Zapadnoy Sibiri) [The use of violent methods and repression during continuous collectivization in 1930–1932 (a case study of the Turkic peoples of Western Siberia)]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 5(112). pp. 22–25. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-nasilstvennykh-metodov-i-repressiy-v-period-sploshnoy-kollektivizatsii-v-1930-1932-gg-na-primere-tyurkskikh-narodov-zapadnoy> (Accessed: 6th December 2017).
17. Klimuk, Ya.A. (2007) Lishenie krest'yan izbiratel'nykh prav kak metod politiki "raskulachivaniya" (na materialakh TsKhAF AK) [Disenfranchisement of peasants as a method of dekulakization policy (based on the materials of the Center for Storage of Archival Collection of Altai Krai)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – The Altai State University Journal*. 4-1. pp. 131–135. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/lishenie-krestyan-izbiratelnykh-prav-kak-metod-politiki-raskulachivaniya-na-materialah-tshaf-ak> (Accessed: 29th November 2017).
18. The USSR Central Executive Committee and the Council of People's Commissars. (1930) *Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 23.02.1930 "Polozhenie o edinom sel'sko-khozyaystvennom naloge"* [Decree of the USSR Central Executive Committee and the USSR Council of People's Commissars of February 23, 1930, On Assessment for the Single Agricultural Tax]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU;n=26726#0> (Accessed: 26th November 2017).
19. Uymanov, V.N. (2012) National composition of political repression victims in Western Siberia in 1931–1941. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 105–110. (In Russian). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalny-sostav-repressirovannykh-na-territorii-zapadnoy-sibiri-v-1931-1941-gg> (Accessed: 30th November 2017). (In Russian).
20. The State Archives of Kemerovo Region. Fund R-63. List 2. File 24a.

УДК 94(470.41)
DOI: 10.17223/19988613/63/9

Д.А. Пинаева

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ КООПЕРАЦИИ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ И НОВАТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА В СССР В 1950–1960-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТАТАРСКОЙ АССР)

Публикация осуществлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-11-16007.

Рассматриваются структурные и функциональные трансформации научно-технических объединений Татарской АССР в 1950–1960-е гг. Будучи вовлеченными в реализацию идей демократизации и самоуправления на производстве, они создавали надуманные объединения, такие как институты рабочих-исследователей, общественные конструкторские бюро и пр. Большое количество объединений и проводимых мероприятий порождало формализм, погоню за количеством в ущерб качеству.

Ключевые слова: научно-технические общества; изобретательство; научно-технический прогресс; НТО; ВОИР; Татарской АССР.

1950–1960-е гг. ознаменовались вступлением ведущих стран мира в первый этап научно-технической революции (НТР), которая привела к кардинальным изменениям как в военных, так и в гражданских производствах. Руководство СССР, понимая необходимость стимулирования научно-технического прогресса, вынуждено было заняться изучением ситуации с организацией изобретательской и рационализаторской деятельности в стране. Анализ показал, что децентрализовав систему управления изобретательской деятельностью во второй половине 1930-х гг., государственная власть фактически пустила ее на самотек. В 1936 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации руководства изобретательским делом» [1], по которому ликвидировался Комитет по делам изобретений, а руководство изобретательством было передано наркоматам, в которых организовывались бюро по изобретательству.

Реализация Постановления имела негативные последствия для развития изобретательского дела в стране, поскольку породила неразбериху и серьезные бюрократические проволочки. Зачастую делопроизводство по одной заявке велось одновременно в нескольких наркоматах, заявочные материалы пересылались из одного наркомата в другой, терялись, рассматривались некомпетентными лицами. Председатель Комитета по делам изобретений Г.Н. Мельничанский в письме заместителю председателя Совнаркома В.Я. Чубарю пытался указать на возможные негативные последствия реформы: «Предложение ликвидировать Комподиз и передать наркоматам всю работу с заявками на изобретения создаст невозможную путаницу, хаос и безответственность. Тысячи предприятий и сотни главков будут определять новизну изобретений по разнообразнейшим правилам и методам...» [2. С. 32]. Однако данные доводы не были услышаны: Комитет по делам изобретений был упразднен, а с ним и вся система экспертизы,

оценок и внедрения. Два годами позже, 22 апреля 1938 г., вышло Постановление СНК СССР о ликвидации Всесоюзного общества изобретателей (ВОИЗ), в задачу которого входила организация изобретательской и рационализаторской активности инженерно-технических работников и рабочих-новаторов непосредственно на предприятиях. Таким образом, к концу 1930-х гг. в СССР фактически не осталось ни государственного, ни общественного органа, специально занимающегося вопросами изобретательства. Негативные последствия отсутствия централизованного управления изобретательством стали вполне очевидными к середине 1950-х гг. [3].

Необходимость ускорения темпов научно-технического прогресса поставила задачу совершенствования механизмов изобретательской деятельностью. Вновь начала выстраиваться централизованная система управления изобретательской и рационализаторской деятельностью на основе долгосрочного планирования. Предполагалось, что благодаря плановому характеру изобретательской деятельности будет создана реальная возможность эффективно воздействовать через организационное изобретательство на научно-технический уровень разработок.

Важную роль в осуществлении поставленных задач должны были играть научно-технические общества, формально носившие общественный характер, а фактически всецело подчинявшиеся партийно-государственным органам. Условия создания научно-технических объединений в СССР говорят о том, что демократической их природа была только на бумаге. Так, в 1954 г. Постановлением ЦК КПСС научно-технические организации были переданы под контроль профсоюзов [4]. Главным координирующим органом стал Всесоюзный совет научно-технических обществ (ВСНТО). В 1955 г. был создан Комитет по делам изобретений и открытий при Совете министров СССР [5]. В январе

1958 г. постановлением Президиума ВЦСПС создается (или, вернее, воссоздается) Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР) [6. Д. 1697. Л. 137–141]. 24 апреля 1959 г. Совет министров СССР принял новое «Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях», предусматривавшее проведение всей работы по развитию массового технического творчества Комитетом по делам изобретений и открытий совместно с Всесоюзным обществом изобретателей и рационализаторов [7. С. 10]. Таким образом, руководство изобретательством вновь сосредоточилось в одном общесоюзном органе, а научно-технические объединения должны были стать корпоративными структурами (своего рода посредниками между государственной властью и научно-техническими обществами) непосредственно на производстве.

Расширение содержания деятельности научно-технических обществ, значительные структурные и функциональные трансформации 1950–1960-х гг. говорят о важной роли НТО в процессах модернизации страны. Однако анализ характера структурных изменений научно-технических объединений показывает, что трансформации НТО были связаны не столько с эффективностью их деятельности, сколько с реализацией определенных партийных установок, в соответствии с которыми научно-технические общества вынуждены были выполнять несвойственные их природе функции и задачи.

В основу развития научно-технических объединений в 1950-е гг. легла идея демократизации общественных институтов и саморегуляции промышленного производства. Считалось, что научно-технические общества являются удачной формой, которая позволяет работать активно, постоянно и организованно участвовать в совершенствовании производства и его управлении. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. создается большое количество различных научно-технических объединений, их структурных отделений, секций, которые должны были решать различные производственные, экономические, информационные и пропагандистские задачи. С точки зрения воздействия объединений на развитие и совершенствование производства можно выделить следующие основные группы и направления их деятельности:

1) проведение экономического анализа, исследование вопросов организации производства и труда (общественное бюро экономического анализа (ОБЭА), общественное бюро нормирования труда (ОБНТ);

2) совершенствование техники и технологии, повышение культуры производства (Общественные конструкторские и технологические бюро (ОКБ, ОТБ), творческие бригады, бригады коммунистического труда, первичные организации ВОИР и НТО);

3) обобщение и распространение передового опыта и повышение квалификации работников (общественные бюро технической информации (ОБТИ), советы новаторов, институты передового опыта, народные университеты технико-экономических знаний);

4) общественные органы, рассматривающие производственно-технические вопросы деятельности предприятия (секции НТО, выполняющие функции технико-экономических советов).

Несмотря на многообразие форм, научно-технические объединения, инкорпорированные в систему партийно-государственных структур, не имели самостоятельности в решении важнейших вопросов своей деятельности, поэтому структурные и функциональные преобразования носили ограниченный, а иногда и противоречивый характер. Так, с одной стороны, научно-технические общества формально признавались самостоятельными общественными организациями и должны были стать корпоративными структурами на предприятиях [8. Д. 524. Л. 1–4], а с другой стороны, их кадровый состав, особенно советов НТО, оргбюро ВОИР, формировался и утверждался партийными органами и профсоюзными комитетами [Там же. Д. 525. Л. 2].

Заявленные во второй половине 1950-х гг. принципы демократизации управления вылились в весьма противоречивую и надуманную инициативу передачи функций производственно-технических советов предприятий первичным советам НТО. В 1965 г. такие функции выполняли в СССР 27 750 (49%) советов НТО, в Татарской АССР – 253 совета, или около 60% [9. Д. 112. Л. 1–2]. В 1974 г. НТО выполняли функции производственно-технических советов на 383 предприятиях, т.е. более чем на половине промышленных объектов Республики [10. С. 113]. На практике вся деятельность советов НТО, наделенных функциями производственно-технических советов предприятий, контролировалась администрацией предприятий, поскольку именно администрация несла ответственность за работу промышленного объекта и не могла доверить важные функции управления производством общественным организациям.

Еще одной структурой НТО, призванной пропагандировать принцип демократизации управления производством, были общественные бюро экономического анализа (ОБЭА). При всем разнообразии их структуры суть их деятельности сводилась к объединению рабочих, инженеров, техников, экономистов, которые ставили целью выявлять резервы производства и разрабатывать рекомендации по улучшению экономических показателей работы участков, цехов, предприятия в целом. Дополнительным стимулом к созданию ОБЭА в Татарской АССР послужило то, что в 1958 г. 14 предприятий не выполнили план по выпуску валовой продукции, 13 – по производительности труда и 55 – по снижению себестоимости [9. Д. 44. Л. 4], что ставило вопрос об изыскании новых форм борьбы за повышение технико-экономических результатов роста промышленности. К концу 1960 г. в республике насчитывалось 158 ОБЭА с охватом более двух тысяч человек, а в начале 1962 г. – уже 289 бюро с количеством участвующих около трех тысяч человек [Там же. Л. 5]. Определенный вклад подобной формы активизации

трудовой деятельности на предприятиях отрицать нельзя. Так, за 1961 г. трудоемкость выпускаемой продукции была снижена на заводе «Сантехприбор» на 6,1% (5% по плану), на часовом заводе – на 11,5% (7% по плану), на заводе пишущих устройств – на 14,5% (14% по плану) [9. Д. 44. Л. 6–7]. Однако развитию общественных начал бюро мешал недостаточно высокий уровень экономических знаний рабочих. В составе ОБЭА 70–80% приходилось на работников экономических и технических служб и только около 20% – на мастеров, передовиков, новаторов производства, ударников и членов бригад коммунистического труда [Там же. Л. 5]. Таким образом, экономисты – члены ОБЭА фактически выполняли собственные производственные задачи, декларируя в отчетах общественный характер своей деятельности. Вместе с тем работа ОБЭА в республике была признана эффективной, и обком партии обязал председателей фабрично-заводских комитетов профсоюзов, отраслевых правлений и первичных организаций НТО и руководителей промышленных предприятий в течение 1961 г. закончить работу по организации общественного бюро экономического анализа на всех промышленных предприятиях Татарского совнархоза [Там же. Л. 10].

Контроль со стороны партийно-государственных структур ограничивал сферу научно-технического творчества, заставляя новаторов производства заниматься не тем, что их действительно интересовало, а действовать в русле партийных установок и требований в рамках тех структур, которые предлагались «сверху» [11]. Поэтому ведущие инженеры, ученые, работники конструкторских бюро и научных институтов избегали участия в работе научно-технических обществ. А ведь именно научные работники должны были возглавлять работу НТО, определять направление их творческого поиска. Так, среди делегатов I Межотраслевой конференции Татарского республиканского Совета научно-технических обществ (1958 г.) из 111 человек только 5 имели ученую степень кандидата или доктора наук [8. Д. 721. Л. 126]. На начало 1960 г. в составе научно-технических обществ Татарской АССР ученые составляли всего 1% [9. Д. 7. Л. 17]. Показательно, что Татарский областной совет ВОИР предложил решить проблему административными методами: была разработана рекомендация учитывать при аттестации научных и инженерно-технических работников в качестве обязательного показателя их участие в научно-технических объединениях рационализаторов и изобретателей [12. Д. 112. Л. 41].

Широкие мобилизационные возможности научно-технических обществ с их региональными и отраслевыми структурами и широкой сетью первичных организаций активно использовались партийным и профсоюзным руководством путем вовлечения советов НТО в организацию социалистического соревнования. Однако широко распропагандированная форма социалистического соревнования в виде стахановского движе-

ния в 1950-е гг. стала утрачивать свое значение, поэтому партийно-государственные структуры всячески пытались разнообразить его формы, вовлекая НТО в проведение различного рода конкурсов, смотров и других массово-политических мероприятий. Частота проведения подобных мероприятий отражает мобилизационный характер советской экономической системы. Так, в 1963 г. в Татарской АССР было проведено 118 конкурсов и смотров, посвященных различным аспектам технической модернизации промышленности [9. Д. 77. Л. 51]. Естественно, что проведение такого большого количества мероприятий требовало огромных усилий советов НТО, которые не справлялись с поставленными задачами, и проводили многие мероприятия формально. Вследствие этого с течением времени активность рационализаторов и изобретателей, участвующих в социалистическом соревновании, снижалась. Ответом системы стало изменение условий социалистического соревнования: призовые места стали присуждаться лишь тем предприятиям, где число изобретателей и рационализаторов на 100 работающих увеличилось в определенных пределах [13. С. 32]. Естественно, такой подход стимулировал рост количественных показателей деятельности, но не качественных.

Идеи построения в обозримом будущем коммунизма выразились в создании с середины 1950-х гг. коммунистических бригад, которые, по сути, воссоздавали принудительные принципы социальной жизни. Члены коммунистических бригад должны были брать на себя социалистические обязательства, невыполнение которых лишало коллектив или отдельного новатора права на присуждение места и получение премии. Таким образом новаторы несли коллективную материальную и моральную ответственность за конечный результат. Однако даже в конце 1970-х гг. в Татарской АССР бригадами коммунистического труда были охвачены менее половины рабочих, что свидетельствует о том, что данная форма кооперации не оправдала возлагавшихся на нее надежд [14. С. 48].

Но проблема состояла не только в качестве проводимых мероприятий. Эффективность даже хорошо организованных конкурсов и соревнований была низкой, поскольку рекомендации, выработанные научно-техническими обществами, зачастую не реализовывались, а внедрение принятых рационализаторских предложений и изобретений затягивалось. В 1964 г. на III Пленуме Татарского областного совета НТО указывалось, что свыше 30% рекомендаций и предложений, сделанных инженерно-технической общественностью, остаются неиспользованными [9. Д. 81. Л. 19]. С начала 1970-х гг. очевидными становятся противоречия в организации изобретательской и рационализаторской деятельности. С одной стороны, в СССР существовал избыток новых технических решений, поскольку более 60% изобретений так никогда и не были реализованы в объектах техники. С другой стороны, ощущалась их нехватка: отсутствовали изобретения, воздействующие

на главные свойства разрабатываемых объектов техники [15. С. 3]. Так, в Татарской АССР в 1965 г. из 67 881 поступившего предложения только 42 (0,06%) являлись изобретениями, дававшими экономический эффект [16. Д. 34. Л. 1]. Данная проблема неоднократно обсуждалась на Пленумах, собраниях и конференциях научно-технических обществ. Так, председатель совета ВОИР треста № 5 (г. Казань) В.А. Королев, выступая на отчетно-выборной конференции Татарского областного совета ВОИР (21 марта 1970 г.), отмечал: «...изобретения есть, а эффективность от внедрения — ноль. Погнавшись за количеством изобретений, выбираем те, которые легче внедрить и быстрее отчитаться...» [Там же. Д. 136. Л. 58].

Необходимо отметить, что сами предприятия далеко не всегда были заинтересованы в разработке крупных изобретений, поскольку их внедрение также ложилось на плечи самих предприятий. Понятно, что разработка крупного изобретения связана с большим риском и отвлечением средств от выполнения основного плана, а работы капитального характера в сметах по рационализации и изобретательству не предусматривались. Внедряя уже готовые изобретения, предприятие выпускало новую продукцию, производя затраты намного меньше, чем предприятие, на котором изобретение было сделано. Таким образом, советская система, обобществляя новаторские разработки, не способствовала заинтересованности предприятий в самостоятельной разработке крупных изобретений.

Нередки были случаи, когда руководители предприятий сознательно не фиксировали экономию от внедрения изобретений и рационализаторских предложений, покрывая за счет полученной и незафиксированной экономии иные, связанные с бесхозяйственностью, потери предприятия. Авторам в таком случае выплачивали по 100 рублей за инициативу [12. Д. 38. Л. 21].

Большой проблемой было и то, что организации ВОИР, которые должны были стимулировать изобретательскую и рационализаторскую деятельность непосредственно на производствах, сконцентрировались в большей степени на осуществлении административных функций. При рассмотрении вопросов, вынесенных на заседание совета ВОИР, структура их в процентах выглядела таким образом: организационные вопросы деятельности общества (выборы руководящих органов, организация сбора членских взносов и их расходование и т.п.) — 45%, рассмотрение дел о защите прав автора — 30%, организация экскурсий, командировок, выставок, конкурсов — 10%, оказание технической помощи рационализаторам — 5%, обсуждение тематических планов по рационализации — 2,5%, контроль за внедрением рационализаторских предложений — 1,5%, прочие — 6% [17. С. 3]. То есть организация с самого начала не была направлена на рутинную работу с рационализаторами. Советы ВОИР заявляли о себе порою не в ходе повседневной работы, а во время тех или иных конфликтов на предприятиях. Только за период с октября 1959 г. по

июнь 1960 г. в Татарской АССР было рассмотрено и проверено первичными организациями и областным советом ВОИР свыше 50 заявлений и жалоб рационализаторов и изобретателей на неправильные действия хозяйственных руководителей. Справедливости ради необходимо указать, что почти 90% рассмотренных заявлений было разрешено в пользу авторов [12. Д. 38. Л. 20].

Процесс увеличения показателей в борьбе за улучшение отчетности с начала 1960-х гг. стал приобретать самодовлеющий характер. Председатель БРИЗа завода им. Серго Татарской АССР Бричев указывал: «Нужно 40 предложений собрать, а подают только 10, сроки уходят, скоро придут за отчетными сведениями, поэтому берут какую-нибудь работницу и просят писать предложение, а в результате получается конфуз...» [Там же. Д. 3. Л. 114]. Часто коллективную разработку документации и образцов по предложению, производимую как помощь при реализации предложений, называли коллективным изобретательством и в число авторов включали всех оказывающих помощь. В результате увеличивалось количество авторов, но не экономический эффект.

Большое количество объединений НТО, функционирующих на общественных началах, порождало формализм, погоню за количеством в ущерб качеству. Реальная работа очень часто подменялась выступлениями с докладами перед разными контролирующими организациями. Так, председатель БРИЗа завода им. Ленина Маркова указывала: «В этом году на общем собрании был заслушан доклад главного инженера, затем на Пленуме. Назначается расширенный хозяйственно-партийный актив. Мы приветствовали это, обсудили там наши задачи. И вдруг через три дня нам заявляют, что ваш доклад слушается в первичной организации. Я говорю: “Уже два месяца не работаю и только доклады делаю”» [Там же. Л. 97]. Особенно остро данная проблема ощущалась на небольших предприятиях, которые не имели достаточного количества высококвалифицированных специалистов. Зачастую, инженер, ответственный за БРИЗ, имел четыре должности и, естественно, вопросами рационализации практически не занимался. Не имея кадровых возможностей обеспечить плодотворную работу всех общественных объединений, последние стали просто декларировать в отчетах свою «деятельность», что вовсе не говорило о широком развитии общественных начал в производственной среде.

Важной проблемой, связанной с развитием НТР, была проблема накопления, обработки и распространения научно-технической информации. Период с конца 1950-х гг. ознаменовался быстрым ростом на предприятиях штатных информационных служб, а также созданием внутри НТО новой организационной формы — общественных бюро технической информации (ОБТИ). Основной задачей ОБТИ был сбор и распространение новейшей технической информации. За 1963–1965 гг. количество общественных бюро технической инфор-

мации на предприятиях региона возросло со 168 до 496 [9. Д. 70. Л. 1 об.; 9. Д. 110. Л. 1 об.]. ОБТИ испытывали проблемы нехватки квалифицированных кадров, а также отсутствие связи с научными учреждениями Республики. Так, член правления НТО машиностроителей отмечал: «...ежегодно наше правление запрашивает ученых, какие научно-исследовательские работы закончены, чтобы могли внедрять. Мы также просили выступить в форме доклада о новых достижениях науки и техники. Но на протяжении многих лет не получаем ни одного ответа на свои письма» [9. Д. 7. Л. 17]. Об эффективности деятельности ОБТИ говорят следующие цифры: в конце 1960-х гг. свыше 50% заявок на предполагаемые изобретения, поступающие от организаций и предприятий, отклонялись из-за отсутствия новизны. Только 19% заявок на изобретения в СССР получали положительный ответ с первого раза [18. С. 4].

Оторванность науки от производства негативно сказывалась на развитии научно-технического прогресса. Нередки были случаи, когда выполненные конструкторами НИИ или КБ проекты отменялись на заводах, поскольку реализовать данные проекты на конкретном производстве не было технической возможности или необходимости. Поэтому участие проектно-конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов в работе научно-технических обществ было крайне необходимо. Однако, из 30 конференций и совещаний, проведенных НТО машиностроителей в 1960 г., лишь на одной конференции был заслушан доклад представителя ПКБ [9. Д. 7. Л. 19].

Вместе с тем, в недрах НТО рождались инициативы, которые реально способствовали стимулированию изобретательской и рационализаторской активности работников предприятий. Наиболее важной такой инициативой можно считать создание комплексных творческих бригад, которые создавались по инициативе первичных организаций НТО для разработки важных производственно-технических проблем. Если в период 1918–1925 гг. в стране на долю изобретателей-одиночек приходилось 98% всех изобретений и только 2% – на долю коллективов, то уже в 1951–1956 гг. творческим коллективам изобретателей принадлежало 83% изобретений [19. С. 41]. Главное преимущество комплексных бригад состояло в том, что они проводили не только изыскательскую работу, но и обеспечивали практическую реализацию разработанных мероприятий. За десять лет с 1963 по 1973 гг. количество таких бригад в Татарской АССР увеличилось с 1000 до 3 700, число их участников – с 3374 до 12 856 человек, а количество выполненных работ – с 904 до 4 373 [9. Д. 70. Л. 1 об.; 9. Д. 110. Л. 1 об.]. По удельному весу в них рабочих комплексные бригады превосходили общественные конструкторские и технологические бюро. Комплексные творческие бригады становились не только массовой, но и весьма эффективной формой сотрудничества рабочих и инженерно-технических ра-

ботников. Так, на химзаводе им. В.В. Куйбышева число творческих бригад с 1965 по 1973 г. удвоилось, а экономическая эффективность от внедренных новшеств возросла в 2,5 раза. При этом экономическая эффективность от внедренного предложения, поданного творческой бригадой, превышала каждое индивидуальное предложение в среднем почти в 10 раз [10. С. 118–119]. Проблема творческих бригад состояла в том, что их деятельность не носила постоянный характер. Создаваясь, как правило, для решения конкретной производственной проблемы, после ее решения творческая бригада распадалась. Поэтому количество творческих бригад сильно варьировалось от года к году. Сделать комплексные бригады постоянно действующими коллективами могло бы включение в их состав ведущих специалистов предприятий, ученых, работников НИИ с целью разработки крупных и долгосрочных задач. Однако, как отмечалось выше, наладить эффективные коммуникации с учеными научно-техническим объединениям не удавалось.

Одной из важных структурных дифференциаций научно-технических обществ явилось создание общественных институтов новаторов производства, передового опыта и технического прогресса, которые должны были заниматься поиском и распространением передовых методов труда и внедрением технических новшеств в производство. Организация учебы осуществлялась в тесной связи с производством, и это быстро давало положительные результаты. Так, через год учебы в группе рабочих института передового опыта завода «Сторойдеталь» (г. Казань) из 22 слушателей около половины были повышены в разрядах и должностях. Если до обучения на заводе было 13 рационализаторов, подано 15 предложений, от реализации которых было получено 14 тыс. руб., то после обучения число рационализаторов и количество предложений увеличилось в три раза, а экономия от внедрения предложений увеличилась в 6 раз и достигла 85 тыс. руб. [13. С. 24]. Эффективной была работа общественного института новаторов производства на заводе кинофотопленки, созданного в 1961 г. За 1962 г. 806 рабочих, проходивших обучение в институте, разработали 399 тем, внедрение лишь части которых дало годовую экономию в 209 тыс. руб. [20. С. 142]. Однако данные структуры не получили широкого распространения в Татарской АССР. В 1963 г. в Татарской АССР работало 26 институтов передового опыта и технического прогресса и два института новаторов производства [9. Д. 61. Л. 17; Д. 79. Л. 33].

Одной из задач советов научно-технических обществ была организация командировок членам НТО для обмена опытом. Однако с реализацией этой важной функции НТО испытывали серьезные проблемы. Так, председатель НТО машиностроителей Татарской АССР Колов на Пленуме Татарского областного совета НТО, проходившем 15 октября 1959 г., заявил: «На протяжении 10 лет мы подводим и распространяем опыт только казанских предприятий, не знаю случаев, чтобы при-

нимали участие представители других городов» [9. Д. 7. Л. 17]. В 1969 г. из 20 тыс. руб., выделенных Татарским областным советом ВОИР объединению «Татнефть» на командировки, была израсходована только 1 тыс. руб., что было объяснено проблемами организационного характера [16. Д. 136. Л. 76].

Структура и функции НТО расширялись: в сфере их руководства оказался широкий круг инициированных сверху объединений, большинство из которых, таких как общественные институты рабочих-исследователей, общественные НИИ, общественные конструкторские и технологические бюро, были созданы исключительно в угоду партийным установкам. Но за подобного рода надуманные объединения советам НТО приходилось нести ответственность, тратить на них свои силы и средства, чтобы партийные и профсоюзные органы могли декларировать о реализации принципов самоуправления на производстве. На самом деле удельный вес рабочих в составе большинства объединений не превышал 15%, а в некоторых объединениях, таких, например, как общественные конструкторские бюро, составлял не более 6–7% [9. Д. 70. Л. 1]. В 1963 г., по данным областного Совета НТО, удельный вес рабочих среди членов НТО составил 12,8% [Там же]. Через 10 лет (в 1973 г.) эта цифра практически не изменилась – 12,7% [10. С. 127]. В составе научно-технических объединений большин-

ство приходилось на специалистов соответствующих служб предприятий и инженерно-технических работников, которые занимались в основном решением текущих проблем, входящих в круг их непосредственных производственных обязанностей.

Таким образом, структурная и функциональная трансформация научно-технических обществ носила противоречивый характер. Наряду с эффективными структурами в угоду партийно-государственным органам, декларирующим реализацию принципов самоуправления на производстве, стирания грани между физическим и умственным трудом, создавались надуманные объединения, на которые научно-технические общества должны были затрачивать силы и время. Выполняя несвойственные природе научно-технических объединений мобилизационные функции, НТО вынуждены были участвовать в разного рода социалистических соревнованиях, починах, конкурсах, что в конечном итоге приобрело характер погони за количественными показателями в ущерб качественным. Слабая восприимчивость командно-административной экономики к инновациям, отсутствие самостоятельности научно-технических обществ в выработке траектории собственного развития, а также ряд субъективных факторов снижали эффективность деятельности НТО.

ЛИТЕРАТУРА

1. О реорганизации руководства изобретательским делом: Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 июля 1936 г. // СЗ СССР. 1936. № 39. Ст. 334. URL: <http://sssr.regnews.org/doc/mw/jl.htm> (дата обращения: 28.11.2017).
2. Крылов И. Изобретательство и сталинизм // Изобретатель и рационализатор. 1989. № 2.
3. Пинаева Д.А. Деятельность научных инженерно-технических обществ по активизации рационализаторства и изобретательства в Татарской АССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2016. № 2 (33). С. 97–107.
4. О научных инженерно-технических обществах: Постановление ЦК КПСС от 24 декабря 1954 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18921> (дата обращения: 02.12.2017).
5. Положение о Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР: Постановление Совета Министров СССР № 1772 от 29 сентября 1955 г. // Изобретательство в СССР. 1956. № 1.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 24.
7. Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях // Сборник законодательства об изобретательстве и рационализации. М.: Госюриздат, 1963. 315 с.
8. ГА РФ Ф. Р-5587. Оп. 1.
9. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р-4312. Оп. 1.
10. Валиев Ш.М., Пущкарев Н.С. Производственная активность рабочих. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 144 с.
11. Пинаева Д.А. Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов в системе государственной политики, направленной на ускорение научно-технического прогресса в конце 1950-х – начале 1960-х годов (на примере деятельности Татарского областного совета ВОИР) // Научный диалог. 2017. № 10. С. 280–299.
12. НАРТ. Ф. Р-1677. Оп. 2.
13. Конюхов В.А., Чепегин В.И. Пути повышения эффективности научно-технического творчества. Казань: Татар. кн. изд-во, 1972. 43 с.
14. Шакиров Ф.Г. Пути совершенствования организации труда в промышленности. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 119 с.
15. Роль изобретательства и патентно-лицензионной работы в ускорении научно-технического прогресса в свете решений XXV съезда КПСС: Тезисы доклада на семинаре руководителей Всесоюзных и Центральных органов НТИ и представителей министерств и ведомств заместителя Председателя Госкомизобретений тов. Артемьева Е.И. М.: Гос. ком-т Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий, 1976. 24 с.
16. НАРТ. Ф. Р-1677. Оп. 3.
17. Кычанов Б. Новаторство популярно // Изобретатель и рационализатор. 1967. № 8.
18. Ежов А.П. Со всей серьезностью // Изобретатель и рационализатор. 1969. № 2.
19. Алексеев Г.М. Движение изобретателей и рационализаторов в СССР // Вопросы истории. 1969. № 9. С. 30–48.
20. Абдуллина Р.Г., Аблязов Г.И. Очерки истории Казанского химического завода им. Куйбышева. Казань: Таткиноиздат, 1970. 167 с.

Daria A. Pinaeva. Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI (Kazan, Russian Federation). E-mail: dashkevna1@mail.ru

DEVELOPMENT OF PUBLIC FORMS OF COOPERATION OF ENGINEERING AND TECHNICAL WORKERS AND INNOVATORS IN INDUSTRY IN THE USSR IN THE 1950S-1960S (ON THE MATERIALS OF THE TATAR ASSR)

Keywords: scientific and technical societies; invention; scientific and technical progress; NTO; VOIR; Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic.

The aim of the study is to analyze the structural and functional transformations of scientific and technical societies during technical modernization of industry in the 1950s and 1960s and to identify trends and contradictions in their development.

The research is based on published normative legal documents, documents of the State Archives of the Russian Federation, as well as on materials from the archives of the Republic of Tatarstan.

The results of the study show that there were significant structural and functional transformations in scientific and technical societies in the late 1950s – early 1960s. Scientific and technical societies had a wide network of regional and primary organizations and had to become corporate structures in industry.

However, scientific and technical societies were not autonomous organizations and could not independently define the trajectory of their development. They were completely subordinated to the party-state structures, therefore, many transformations were contrived and sometimes even contradictory. Carrying out the mobilization function, which is not in their nature, scientific and technical societies were compelled to report on the increase in the participants in socialist competition, on carrying out a huge number of events, on the constant increase in the number of their members.

Being involved in the realization of ideas about the democratization of production and the erasure of the boundary between intellectual and physical labor, scientific and technical societies have created contrived associations, such as institutes of workers-researches, public constructions bureaus, public bureaus of economic analysis, etc. In fact, the number of workers in these associations did not exceed 15%. At the same time, very valuable initiatives were born in the depths of scientific and technical societies, such as institutes of innovators, integrated creative teams, teams of quality, etc.

In general, a large number of scientific and technical associations lead to formalism, the pursuit of quantity at the expense of quality, many scientific and technical associations actually only declared their activities in reports. The peculiarities of the command and administrative system itself, which is weakly susceptible to innovations, as well as a number of subjective factors, have reduced the effectiveness of the activities of scientific and technical associations.

REFERENCES

1. The USSR. (1936) *O reorganizatsii rukovodstva izobretatel'skim delom: Postanovlenie TSIK i SNK SSSR ot 22 iyulya 1936 g.* [On reorganization of management of the inventive business: Resolution of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR of July 22, 1936]. [Online] Available from: <http://sssr.regnews.org/doc/mw/jl.htm> (Accessed: 28th November 2017).
2. Krylov, I. (1989) Izobretatel'stvo i stalinizm [Inventing and Stalinism]. *Izobretatel' i ratsionalizator*. 2.
3. Pinaeva, D.A. (2016) Deyatel'nost' nauchnykh inzhenerno-tekhnicheskikh obshchestv po aktivizatsii ratsionalizatorstva i izobretatel'stva v Tatarskoy ASSR v kontse 1940-kh – nachale 1950-kh godov [Activities of scientific engineering societies to enhance innovation and invention in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the late 1940s and early 1950s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya – Perm University Herald. History*. 2(33). pp. 97–107.
4. The USSR. (1954) *O nauchnykh inzhenerno-tekhnicheskikh obshchestvakh: Postanovlenie TSK KPSS ot 24 dekabrya 1954 g.* [On engineering and technical societies: Decree of the CPSU Central Committee of December 24, 1954]. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18921> (Accessed: 2nd December 2017).
5. The USSR. (1955) *Polozhenie o Komitete po delam izobreteniy i otkrytiy pri Sovete Ministrov SSSR: Postanovleniye Soveta Ministrov SSSR № 1772 ot 29 sentyabrya 1955 g.* [Regulation on the Committee for Inventions and Discoveries under the Council of Ministers of the USSR: Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 1772 of September 29, 1955]. *Izobretatel'stvo v SSSR*. 1.
6. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund. R-5451. List 24.
7. The USSR. (1963) *Polozhenie ob otkrytiyakh, izobreteniyakh i ratsionalizatorskikh predlozheniyakh* [Regulation on discoveries, inventions and rationalization proposals]. In: Dorkin, A.I. (ed.) *Sbornik zakonodatel'stva ob izobretatel'stve i ratsionalizatsii* [Collection of Legislation on Invention and Rationalization]. Moscow: Gosyurizdat.
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund. R-5587. List 1.
9. The National Archive of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund. R-4312. List 1.
10. Valeev, Sh.M. & Pushkarev, N.S. (1975) *Proizvodstvennaya aktivnost' rabochikh* [Production activity of workers]. Kazan: Tatarskoye knizhnoe izdatel'stvo.
11. Pinaeva, D.A. (2017) All-Union Society of Inventors and Innovators in System of State Policy, Aimed at Accelerating Scientific-Technical Progress in the Late 1950's – Early 1960-ies (by Example of Activities of AUSII Tatar Regional Council). *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 10. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-280-299
12. The National Archive of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund. R-1677. List 2.
13. Konyukhov, V.A. & Chepegin, V.I. (1972). *Puti povysheniya effektivnosti nauchno-tekhnicheskogo tvorchestva* [Ways to increase the effectiveness of scientific and technical creativity]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo.
14. Shakirov, F.G. (1983) *Puti sovershenstvovaniya organizatsii truda v promyshlennosti* [Ways to improve the organization of labor in industry]. Kazan: Tatarskoye knizhnoe izdatel'stvo.
15. The USSR. (1976) *Rol' izobretatel'stva i patentno-litsenzyonnoy raboty v uskorenii nauchno-tekhnicheskogo progressa v svete resheniy XXV s'ezda KPSS: Tezisy doklada na seminar rukovoditeley Vsesoyuznykh i Tsentral'nykh organov NTI i predstaviteley ministerstv i vedomstv zamestitelya Predsedatelya Goskomizobreteniy tov. Artem'eva E.I.* [The role of invention and patent and licensing work in accelerating scientific and technological progress in the light of the decisions of the 24th Congress of the CPSU: Abstracts at a seminar of heads of All-Union and Central Bodies of NTI and representatives of ministries and departments of the Deputy Chairman of the State Committee for Inventions Comrade E.I.Artemiev]. Moscow: State. Committee of the Council of Ministers of the USSR for Inventions and Discoveries.
16. The National Archive of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund. R-1677. List 3.
17. Kychanov, B. (1967) Novatorstvo populyarno [Innovation is popular]. *Izobretatel' i ratsionalizator*. 8.
18. Ezhov, A.P. (1969) So vsey ser'eznost'yu [With all seriousness]. *Izobretatel' i ratsionalizator*. 2.
19. Alekseev, G.M. (1969) Dvizhenie izobretateley i ratsionalizatorov v SSSR [Movement of Inventors and Rationalizers in the USSR]. *Voprosy istorii*. 9.
20. Abdullina, R.G. & Ablyazov, G.I. (1970) *Ocherki istorii Kazanskogo khimicheskogo zavoda im. Kuybysheva* [Essays on the history of the Kazan Kuibyshev's Chemical Plant]. Kazan: Tatknigoizdat.

УДК 94(477)
DOI: 10.17223/19988613/63/10

В.А. Тучинский, О.А. Мельничук

КОНЦЕПЦИЯ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО ОБЩЕСТВА – ПЕРВОЙ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Исследуется «Закон Божий», или «Книга бытия украинского народа» и другие программные документы Кирилло-Мефодиевского общества – первой украинской политической организации. Авторы рассматривают идеи членов общества в общеевропейском контексте национальных политических организаций. Делается вывод, что по сравнению с политическими требованиями других общеславянских движений – русского и чешского панславизма, австрославизма и иллиризма украинское общество отличалось радикальной программой демократической славянской федерации.

Ключевые слова: Украина; национально-освободительное движение; панславизм; федерализм; программные документы.

В истории украинского национально-освободительного движения Кирилло-Мефодиевское общество занимает особое место. По мнению подавляющего большинства его исследователей, это была первая украинская политическая организация.

Кирилло-Мефодиевское общество или братство, уставное название которого «Славянское общество св. Кирилла и Мефодия», возникло в Киеве в декабре 1845 г. и существовало до марта 1847 г. Организаторами общества были: преподаватель истории Киевского университета Николай Костомаров, служащий канцелярии генерал-губернатора Николай Гулак и выпускник Киевского университета Василий Белозерский. Членами общества являлись Пантелеймон Кулиш, Тарас Шевченко, Николай Савич и др. Всего, по версии органов следствия, в организацию входило 12 человек (по словам самих участников, их насчитывалось около 100 человек). Символом общества стали золотой перстень с выгравированными именами славянских просветителей Кирилла и Мефодия, а также печать с надписью заимствованной из Евангелия «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» [1. С. 17].

Место и роль общества следует оценивать в нескольких контекстах. В общеевропейском – организация была украинским аналогом национальных организаций, которые возникали по всему континенту в 30–40-х гг. XIX в. под влиянием наполеоновских войн, антимонархических революций и идеологии романтизма – «Молодая Германия», «Молодая Италия», «Молодая Польша» и др. Общим для всех этих организаций было сочетание национальных лозунгов с идеей демократии. В специфических обстоятельствах Восточной Европы кирилло-мефодиевцы были представителями концепции славянского единства. Однако, по сравнению с политическими требованиями других общеславянских движений (австрославизма, иллиризма, русского панславизма), украинское общество отличалось радикальной программой демократической славянской федерации.

Интересным и малоизученным аспектом деятельности Кирилло-мефодиевского товарищества являются его связи с российскими славянофилами. В этом плане наше внимание привлекла интересная по содержанию публикация И. Симоновой [2].

Однако программные цели славянского единства кирилло-мефодиевцев существенно отличались от русского как правительственного панславизма, так и оппозиционного славянофильства. Идеи централизованной славянской империи с центром в Петербурге была противопоставлена программа федеративной славянской республики со столицей в Киеве.

Зря Н. Костомаров и В. Белозерский на допросах пытались убедить следователей в том, что ведущей мыслью их намерений в отношении славян была идея единения всех славянских народов под руководством России и русского царя. Следователям хватило только прочесть отдельные произведения Т. Шевченко – «Гайдамаки», «Сон», «Подземелье» и др., чтобы обвинить членов общества в антиимперских настроениях и призывах к восстанию.

Современная украинская историография рассматривает Кирилло-Мефодиевское общество как организацию, в программе которой сознательно и широко поставлено масштабное задание: освобождение и национальное возрождение Украины в контексте освобождения и единения всех славянских народов. Молодая Украина в лицах кирилло-мефодиевцев твердо, открыто и весомо заявила, что она занимает свое почетное место в просвещенной Европе.

В программе Кирилло-Мефодиевского общества уместился сплав славянской и украинской идей, которые родились и росли на заре освобождения от колониального и национального угнетения, духовного возрождения славянских народов, их безудержного стремления к государственной независимости и свободе.

Известный деятель украинского и славянского национального возрождения Н. Костомаров писал, что панславизм – «это идея, в числе других, порожденная

нашим мыслящим возрастом, чуть ли не самая моральная, справедливая, богатая жизнью и полная надежд. Это стремление целого племени славянского выйти из возрастного запаздывания, попытки каждому из славянских народов подарить развитие при помощи других родственных наций, всем вместе с братской семьей взять живое участие в подвижной сфере образованности человечества и чтобы предстать перед судьей с незарытым в землю талантом. Ничто не может быть справедливее такой идеи, ничто, потому что подобного явления история до сих пор нам не представляла» [3. С. 219–220].

Кирилло-Мефодиевское общество создавалось как славянское, а потому заботилось о судьбе славянских народов и среди них украинского. В освобождении и объединении славянских народов кирилло-мефодиевцы видели залог их будущей счастливой жизни. Н. Костомаров, в частности, писал: «Т. Шевченко относился к идее славянской взаимности с поэтическим восторгом» [4. С. 73]. Свои взгляды на пути освобождения он выразил во многих произведениях. В частности, в поэме «Еретику», написанной в 1845 г., он хотел, чтобы «все славяне стали добрыми братьями и сыновьями солнца правды...». Эти идеи получили отражение в программных документах Кирилло-Мефодиевского общества [5. С. 346].

Настоящей программой национального возрождения является важнейший документ общества, известный под названием «Закон Божий», или «Книга бытия украинского народа», где под христианской формой изложения говорится об освобождении и единении славянских народов, свержении монархического деспотизма и угнетения славян Российской, Австрийской и Османской империями, отмене крепостного права и национально-культурном возрождении славянских народов. Авторство этого произведения не установлено ни следствием, ни исследованиями историков, хотя большинство из них склоняются к мысли, что его написал Н. Костомаров [6. С. 126].

В произведении анализируется историческая судьба славянских народов, оказавшихся под гнетом иностранных захватчиков и потерявших свою государственную независимость. Далее в «Книге бытия украинского народа» говорится о том, что некоторые славянские народы, освободившись из плена, образовали независимые государства, в частности Польшу и Россию. Но в этих государствах народ также испытывал угнетения, потерял приобретенные ранее права и свободы. Значительная часть текста документа посвящена исторической судьбе Украины и ее народа. Украина, говорится в произведении, «сочеталась с Польшей, как сестра с сестрой» [7. С. 39]. В будущем так же должны были соединиться между собой все славянские народы. Однако отношения Польши со свободной Украиной оказались далеко не равноправными – украинский народ на несколько веков попал в тяжелую неволю и вынужден был вести длительную борьбу за национальное и социальное освобождение.

Новая трагическая страница истории Украины началась после Национальной революции середины XVII в. «Тогда Украина, – писалось в произведении, – пристала к Московии и объединилась с ней как единый народ славянский. Но скоро увидела Украина, что попала в неволю» [7. С. 41–42]. В Украине, разделенной между Польшей и Россией, господствовали иностранцы, которые душили свободу украинского народа и ликвидировали его государство – Запорожскую Сечь и Гетманщину.

В последней части произведения обращается внимание на историческую судьбу Украины среди славянских народов. «Голос ее, указано там, звал всю Славянщину на свободу и братство, разошелся по миру славянскому» [Там же. С. 48]. Украина поддержала борьбу поляков за свою свободу и декабристов в их борьбе за свержение тирании в России. Однако эта борьба потерпела поражение. Царь-деспот «господствует над тремя народами славянскими – русскими, украинцами и поляками». Именно Украине, по мнению автора книги, следует возвысить голос, который поднимал бы на освободительную борьбу все славянские народы. «И встанет Украина из своей могилы и снова отзовется ко всем братьям славянам, и услышат крик ее, и встанет Славянщина и не останется ни царя, ни царевича, ни царевны, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни господина, ни крепостного – ни в Московии, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни в хорутан, ни у сербов, ни у болгар. Украина будет неподчиненной Речью Посполитой в Союзе Славянском» [Там же. С. 49].

Таким образом, на Украину возлагалась особая роль в славянском мире, именно украинцы своим примером мужества и самоотверженности должны были поднять другие народы на борьбу за национальное освобождение и возрождение экономической, социальной и духовной жизни.

Идеи единения славянских народов нашли свое отражение также в другом документе общества – «Уставе Славянского общества св. Кирилла и Мефодия», который состоял из двух частей. В первой содержалось несколько важнейших программных положений. Среди них отметим следующие: духовное и политическое объединение славян является настоящей целью, к которой они должны стремиться; при объединении каждый славянский народ сохранял свою государственную самостоятельность; должен существовать общий Славянский собор из представителей всех народов [8. С. 45–46, 126].

Со второй части отметим те задачи, где указывалось, что общество создается с целью распространения вышеуказанных идей через воспитание юношества и увеличение членов организации. Общество стремится устранить религиозную вражду между православными и католиками – конфессиями, которые исповедуют славяне. Документ содержал и самое главное правило: «Общество будет стремиться искоренить рабство и всякое унижение бедных классов, но одновременно

заботится о повсеместном распространении грамотности» [9. С. 184–185].

Более конкретно идеи деятелей Кирилло-Мефодиевского общества изложены в двух обращениях – «Братья украинцы!» и «К русским и полякам». В первой, обращаясь к землякам, Н. Костомаров от имени братства писал: «Братия украинцы! Вот это развлечение представляя перед вашими глазами, даем вам понять, хорошо ли так будет: Мы принимаем, что все славяне должны с собой сочетаться. Но так, чтобы каждый народ сочинил свою Речь Посполитую и управлялся не зависимо, с другими так, чтобы каждый народ имел свой язык, свою литературу и свое дело общественное. Такие народы по-нашему: россияне, украинцы, поляки, чехи, словаки, хорутане, иллиросербы и болгары. Чтобы был один сейм или совет славянский, где бы сходились депутаты от всех Речей Посполитых и там развлекали и порешали такие дела, которые бы принадлежали к целому Союзу Славянскому. Чтобы в каждой Речи Посполитой был свой правитель, избранный на года, и над целым Союзом был правитель, избранный на года. Чтобы в каждой Речи Посполитой было посполитое равенство и свобода и станов не было вовсе. Чтобы принимались депутаты и чиновники не по роду, не по достатку, а по уму и просвещенности народным выбором. К тому же, чтобы вера Христова была основой закона и общественного дела в целом Союзе и в каждой Речи Посполитой» [10. С. 18–19]. Устав и воззвание изображали в общих чертах политическое, экономическое и культурное положение каждой славянской страны, которая должна была состоять в результате ее национального возрождения. Такой должна была стать и свободная Украина.

Таким образом, Н. Костомаров предлагал украинцам концепцию славянского федеративного союза. Следует подчеркнуть, что украинско-российские и украинско-польские отношения были тогда непростыми. Поэтому следовало подняться выше этих конфликтов и недоразумений, чтобы реализовать концепцию славянского единства.

В «Воззвании к русским и полякам» отмечалось: «Братья россияне и поляки! Это говорит к вам Украина, бедная сестра ваша, которую вы разделили и потеряли и которая не помнит зла. Прочитайте это братское послание, обдумайте весомое дело вашего общего спасения, проснитесь от сна и дремоты, искорените из ваших сердец бессмысленную ненависть друг против друга, вызванную царями и господами на общую гибель вашей свободы, и пусть целью жизни и деятельности каждого из вас будет славянский союз, всеобщее равенство, братство, мир и любовь» [11. С. 37].

Как видим, в поисках общеславянского понимания и федерации кирилло-мефодиевцы и обосновали основные политические идеи. Очевидно, это не исключало возможности дальнейших изменений и дополнений при обсуждении и совершенствовании политической платформы. Об этом свидетельствуют, например, найденные жандармами материалы и программные предложения В. Белозерского, М. Гулака, М. Савича, а также многочисленные варианты и дополнения Н. Костомарова, автора программных документов [12. С. 20–21].

Формулируя политические основы славянской федерации, члены организации учитывали тогдашние международные и межгосударственные отношения, а также национально-исторические особенности славянских народов. Стоит также заметить, что здесь не упоминаются ни протекторат российского императора, ни какая-либо другая форма зависимости или подчиненности. Славянская федерация должна была быть организована по типу греческих республик и Соединенных Штатов Америки [13. С. 68].

Несмотря на то, что идея панславизма потеряла сегодня свою актуальность, прогрессивные взгляды членов Кирилло-Мефодиевского общества звучат довольно актуально и в начале XXI в. Сегодня украинскому и другим славянским народам нужно знать правду об организации, деятельность которой оказала значительное влияние на украинское и общеславянское национально-освободительное движение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирило-Мефодіївське товариство : у 3 т. / упорядники І.І. Глизь, М.І. Бутч, О.О. Франко. Київ, 1990. Т. 1. 356 с.
2. Симонова И.А. К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф.В. Чижов и кирилло-мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. № 1. С. 42–54.
3. Признания Н.И. Костомарова в III отделении // Бѣлое. 1907. № 8. С. 200–228.
4. Міковський В. Шевченко і Кирило-Мефодіївське братство // Записки НТШ у Львові. Львів, 1991. Т. 221. С. 73–89.
5. Іван Дзюба. Тарас Шевченко: життя та творчість. Київ, 2008. 720 с.
6. Куліш П. Щоденник. Київ, 1993. 87 с.
7. Костомаров М. І. «Закон Божий» (Книга буття українського народу). Київ, 1991. 40 с.
8. Бойко М.П. Кирило-Мефодіївське товариство: філософські та культурологічні ідеї національної самосвідомості та державотворення. Дніпродзержинськ, 2006. 452 с.
9. Допрос Т.Г. Шевченко в 1847 г. // Киевская старина. 1902. № 2. С. 181–187.
10. Сергієнко Г. Я. Кирило-Мефодіївське товариство: утвердження ідеї національного визволення України в слов'янському світі // Український історичний журнал. 1996. № 1. С. 14–27.
11. Козак С. Слов'янська ідея в ідеології українських романтиків // Проблеми слов'янознавства. 1996. № 49. С. 34–42.
12. Манойленко А.С., Манойленко Ю.Е. Участники Кирилло-Мефодиевского общества в Петропавловской крепости (1847–1848) // История Петербурга. 2014. № 1. С. 18–22.
13. Зайончковский П. Кирилло-мефодиевское общество. М., 1959. 170 с.

Vitaliy A. Tuchynsky. Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskyi State Pedagogical University (Vinnytsia, Ukraine). E-mail: tuchinsky_v@ukr.net

Oleg A. Melnychuk. Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskyi State Pedagogical University (Vinnytsia, Ukraine). E-mail: istpravo@meta.ua

CONCEPT OF SLAVIC UNITY IN THE PROGRAMMING DOCUMENTS OF THE SAINT CYRIL AND METHODIUS FELLOWSHIP - THE FIRST UKRAINIAN POLITICAL ORGANIZATION

Keywords: Ukraine; national liberation movement; pan-Slavism; federalism; program documents.

In the article, based on an analysis of sources and literature, the authors set as their goal to uncover the concept of Slavic unity developed by members of the Cyril and Methodius Fellowship, the first Ukrainian political organization. The main sources for the article were the program documents of the fellowship: the Law of God, or the Book of the Being of the Ukrainian People; The Charter of the Slavic Fellowship of Saints Cyril and Methodius; Appeals: "Brothers Ukrainians!" and "To Russians and Poles", works by T. Shevchenko and others. The authors examine the ideas of members of fellowship in the pan-European context of national political organizations that arose in many European countries in the middle of the 19th century, for which a combination of national slogans with the idea of freedom and democracy was common.

The authors argue that in the history of the Ukrainian national liberation movement, Cyril and Methodius Fellowship occupies a special place, which should be evaluated in several contexts. In pan-European - the organization was the Ukrainian counterpart of national organizations that arose throughout the continent in the 30-40s of XIX century under the influence of the Napoleonic wars, anti-monarchist revolutions and the spread of the ideology of romanticism - "Young Germany", "Young Italy", "Young Poland" and others. Common to all these organizations was a combination of national slogans with the idea of democracy. In the specific circumstances of Eastern Europe, Cyril and Methodius were representatives of the concept of Slavic unity. However, in comparison with the political demands of other pan-Slavic movements (Austro-Slavism, Illyrism, Russian Pan-Slavism), Ukrainian Fellowship was distinguished by a radical program of a democratic Slavic federation.

It is emphasized that the program goals of the Slavic unity of the Cyril-Methodius people were significantly different from the Russian governmental pan-Slavism and oppositional Slavophilism. The ideas of a centralized Slavic empire centered in St. Petersburg were opposed by a program of a federal Slavic republic with its capital in Kiev.

Thus, in the program of the Cyril and Methodius Fellowship, a fusion of Slavic and Ukrainian ideas that were born and grew at the dawn of liberation from colonial and national oppression, the spiritual revival of the Slavic peoples, their unbridled desire for state independence and freedom was included.

The authors conclude that despite the fact that the idea of pan-Slavism has lost its relevance today, the progressive views of members of the Cyril and Methodius Fellowship sound quite relevant at the beginning of the 21st century. Today, the Ukrainian and other Slavic peoples need to know the truth about the organization, whose activity had a significant impact on the Ukrainian and national Slavic liberation movement.

REFERENCES

1. Ghlyzj, I.I., Butych, M.I. & Franko, O.O. (1990) *Kirilo-Mefodiïvs'ke tovaristvo* [St. Cyril and Methodius Fellowship]. Vol. 1. Kyiv: [s.n.].
2. Simonova, I.A. (1988) K voprosu o vzaimosvyazi slavyanofil'stva s ideologiyey Kirillo-Mefodievskogo obshchestva. F.V. Chizhov i kirillo-mefodievtsy [On the relationship of Slavophilism with the ideology of St. Cyril and Methodius Fellowship. F.V. Chizhov and members of the Cyril-Methodius Fellowship]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1. pp. 42-54.
3. Anon. (1907) Priznannya N.I. Kostomarov v III otdelenii [N.I. Kostomarov's evidence in the Third Department]. *Byloe*. 8. pp.200-228.
4. Mikovsky, V. (1991) Shevchenko i Kirilo-Mefodiïvs'ke bratstvo [Shevchenko and St. Cyril and Methodius Fellowship]. *Zapiski NTSh u L'vovi*. 221. pp. 73-89.
5. Dzjuba, I. (2008) *Taras Shevchenko: zhittya ta tvorchist'* [Taras Shevchenko: life and creativity]. Kyiv: Kyiv-Mohyla Academy.
6. Kulish, P. (1993) *Shchodennik* [Diary]. Kyiv: [s.n.].
7. Kostomarov, M.I. (1991) *"Zakon Bozhiy"* (*Kniga buttya ukrains'kogo narodu*) ["The Law of God" (The Book of Being of the Ukrainian People)]. Kyiv: [s.n.].
8. Boyko, M.P. (2006) *Kirilo-Mefodiïvs'ke tovaristvo: filosof's'ki ta kul'turologichni idei natsional'noi samosvidomosti ta derzhavotvorenniya* [St. Cyril and Methodius Fellowship: philosophical and cultural ideas of national consciousness and state formation]. Dniprodzerzhinsk: [s.n.].
9. Anon. (1902) Dopros T.G. Shevchenko v 1847 g. [T.G. Shevchenko's interrogation in 1847]. *Kievskaya starina*. 2. pp. 181-187.
10. Sergienko, G.Ya. (1996) Kirilo-Mefodiïvs'ke tovaristvo: utverdzhenniya idei natsional'nogo vizvolenniya Ukraïni v slov'yans'komu sviti [St. Cyril and Methodius Fellowship: Approving the Idea of National Liberation of Ukraine in the Slavic World]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*. 1. pp. 14-27.
11. Kozak, S. (1996) Slov'yans'ka ideya v ideologii ukrains'kikh romantikiv [The Slavic Idea in the Ideology of Ukrainian Romantics]. *Problemi slov'yanoznavstva*. 49. pp. 34-42.
12. Manoylenko, A.S. & Manoylenko, Yu.E. (2014) Uchastniki Kirillo-Mefodievskogo obshchestva v Petropavlovskoy kreposti (1847-1848) [Participants of St. Cyril and Methodius Fellowship in the Peter and Paul Fortress (1847-1848)]. *Istoriya Peterburga*. 1. pp. 18-22.
13. Zayonchkovsky, P. (1959) *Kirillo-mefodievskoe obshchestvo* [St. Cyril and Methodius Fellowship]. Moscow: Moscow State University.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 973.091.8 : 336.4
DOI: 10.17223/19988613/63/11

Л.В. Никитин

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛИДЕР ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ: НЬЮ-ЙОРК В МИРОВОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ 1970–2010-х гг.

На основе статистических и иных источников прослеживается постепенное изменение позиции Нью-Йорка в условиях фундаментальных сдвигов в мировой экономике. Ситуация в этом городе и его достижения сопоставляются с положением дел у других крупнейших центров: с одной стороны, у Лондона, возглавлявшего глобальную иерархию на предыдущем историческом этапе, а с другой – у Токио и Пекина, которые выдвинулись на вершину после Нью-Йорка и заслуживают в этой связи особого внимания.

Ключевые слова: 1970–2010-е гг.; банки; глобальная конкуренция; Нью-Йорк; Лондон; Токио; Пекин.

За последние десятилетия благодаря Ч. Киндлбергеру [1], Ф. Броделю [2], Ю. Кассису [3] и ряду других выдающихся исследователей видное место в исторической науке заняли работы о становлении и эволюции мировых финансовых центров, о конкуренции между ними, а также об их значении для глобальной экономики.

Данная статья, как и серия предыдущих публикаций автора [4, 5], направлена на дополнение и развитие этой академической линии с учетом современных событий и на основе новых эмпирических данных. Работа в своей основной части сфокусирована на одном, но чрезвычайно важном деловом центре. Нью-Йорк, крупнейший город Соединенных Штатов Америки, которые, в свою очередь, уже почти полтора века лидируют в мировом хозяйстве, неизбежно должен был выдвинуться в авангард глобальной финансовой системы. За относительно короткое (в историческом масштабе) время на берегах реки Гудзон выросли гигантские биржи фондового и товарного профиля, коммерческие и инвестиционные банки, страховые компании и иные финансовые институты.

Исследователи в целом склонны считать, что Нью-Йорк как центр управления денежными потоками достиг примерного паритета с прежним лидером (т.е. Лондоном) в период Первой мировой войны, а затем превзошел своего британского конкурента в самом начале 1930-х гг. [3. Р. 185; 6. С. 28]. Правда, с 1960–1970-х гг. Нью-Йорк вновь столкнулся с серьезными вызовами со стороны Лондона, а затем также и Токио [3. Р. 223–225, 238–241].

В дальнейшем аналитики стремились как можно точнее установить соотношение финансовых сил между этими и некоторыми другими городами – в том виде, в каком оно сложилось на исходе XX и в начале

XXI столетий. Современные специализированные центры с британскими, американскими, японскими и китайскими адресами [7–9], на все более высоком уровне выполняющие трудоемкую работу по ранжированию «глобальных городов», сталкиваются, однако, с системной проблемой – с тем, что очень непросто свести к «общему знаменателю» и представить в виде единой линейки баллов результаты, которые формируются в разных сегментах финансового бизнеса.

Впрочем, ситуация заметно изменится, если исследователь, поставив перед собой менее масштабную, но также очень важную задачу, обратится к отдельно взятому банковскому сектору. Аналитическое отсечение бирж, инвестиционных фондов, страховых компаний и некоторых иных разновидностей финансовых структур, с одной стороны, позволит опираться на надежные массивы относительно однородных данных, а с другой – все равно сохранит в качестве объекта для изучения гигантскую и влиятельную отрасль, активы которой уже давно измеряются десятками триллионов долларов.

На основе именно таких подходов и построена настоящая статья. В ней для анализа показателей Нью-Йорка и его основных конкурентов, а также для понимания общей картины в глобальном банковском секторе используются два надежных и совместимых комплекса статистической информации. Это, во-первых, публикуемые с 1970 г. в лондонском журнале «The Banker» данные по капиталу и активам 300 (а затем 500 и, наконец, 1 000) крупнейших банков мира [10–12], во-вторых, – сводки об общем состоянии экономики различных стран, которые составляются специализированным подразделением ООН [13]. Первичная статистика, доступная в этих источниках, при условии последующей обработки и систематизации (особенно в

режиме ежегодных замеров, как и было сделано в данном случае), позволяет получить в целом точное и достоверное представление об изучаемом предмете. Кроме этого, для исследования привлекались разнообразные материалы неколичественного плана.

Стартовой хронологической точкой наблюдений является первая половина 1970-х гг. Подобный выбор определяется не столько доступностью упомянутых статистических массивов, сколько фундаментальными историческими сдвигами (серией системных кризисов, быстрым изменением места отдельных стран в мировой экономике и т.д.), которые пришлось на этот период. Далее прослеживается то, как положение Нью-Йорка, еще остававшегося к началу 1970-х гг. мировым банковским лидером, а также положение его основных конкурентов менялось с течением времени – вплоть до нынешнего десятилетия.

1970–1980-е гг.: японский вызов. На рубеже 1960–1970-х гг. еще продолжали действовать импульсы от более ранних событий, которые в свое время обеспечили Нью-Йорку его особую роль в глобальных финансах. Среди комплекса давних исторических предпосылок следует назвать, прежде всего, уверенное утверждение Нью-Йорка в качестве самого большого города, ведущего внешнеторгового порта и основного делового центра своей страны (вторая четверть XIX в.), выход США на первое место в мире по объему внутреннего валового продукта (1870-е гг.), усиление международных позиций доллара после создания Федеральной резервной системы (1913 г.), активизацию экспорта американского капитала во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и относительное ослабление конкуренции со стороны Лондона после того, как было отменено фиксированное золотое содержание британского фунта (1931 г.). Затем, по итогам Второй мировой войны, к накопленному эффекту от названных факторов добавилось еще более выраженное лидерство Соединенных Штатов в глобальной экономике, а также признание особой роли доллара в рамках Бреттон-Вудской системы регулирования валютных курсов.

Положение Нью-Йорка на вершине мировых финансов казалось непоколебимым. Если перед Первой мировой войной крупнейший из нью-йоркских банков («National City Bank») занимал только 13-е место в глобальном рейтинге по величине активов, то в 1960 г. наиболее заметные представители этого города («First National City Bank» и «Chase Manhattan Bank»), которыми, конечно, далеко не исчерпывался местный кредитный кластер, делили вторую и третью позиции, пропустив вперед также американскую корпорацию («Bank of America» из Сан-Франциско) [3. Р. 92, 208]. Продолжавшийся подъем основных финансовых сил Уолл-стрит нашел практическое и символическое воплощение в открывшемся весной 1961 г. ультрасовременном небоскребе «Chase Manhattan Bank Building» [14. Р. 163–167], который стал самым высоким банковским офисом на планете.

Однако в это же время сохранялись – и, более того, постепенно выходили на первый план – некоторые неблагоприятные обстоятельства. С давних пор банковская система США отличалась множеством довольно строгих регламентаций. Так, еще на ранних этапах становления государства было признано недопустимым развертывание межштатных филиальных сетей, а в 1930-е гг. «новый курс» Ф.Д. Рузвельта принес жесткие ограничения на уровень депозитных ставок и запрет на совмещение традиционной кредитной деятельности с игрой на фондовом рынке.

На протяжении ряда десятилетий подобные моменты с избытком компенсировались общей экономической мощью США и надежностью национальной валюты, но уже со второй половины 1950-х гг. игроки на зарубежных рынках научились эффективно использовать относительно слабые стороны американской финансовой системы (сформировавшиеся под воздействием упомянутых правил). В это время в Лондоне и в некоторых других коммерческих метрополиях стали входить в обращение «евродоллары», т.е. депозиты, кредиты и другие финансовые инструменты, номинированные в денежной единице США, но выпускавшиеся в других странах (причем, вопреки устоявшемуся термину, не обязательно в Европе) [3. Р. 219–223]. Подобным бизнесом могли заниматься и сами американские компании, и их зарубежные конкуренты, но в любом случае это означало существенный сдвиг деловой активности обратно через океан.

Лондон, которому евродоллары помогли восстановить примерный паритет с Нью-Йорком, в этом прорыве, с одной стороны, опирался также на финансовые, институциональные и кадровые ресурсы, формировавшиеся со времен становления и расцвета Британской империи. С другой стороны, некоторую сдерживающую роль играло замедленное экономическое развитие Соединенного Королевства в 1950–1970-е гг.

Между тем все громче заявлял о себе еще один претендент, у которого сочетание сопутствующих обстоятельств выглядело почти противоположным по отношению к лондонскому варианту. Речь идет о Токио – городе с относительно короткой историей больших финансовых корпораций, но и с исключительно выгодным положением в авангарде японского «экономического чуда» послевоенных десятилетий. Феноменально быстрый рост ВВП и мощный экспорт разнообразных промышленных товаров сопровождался подъемом кредитно-финансового сектора, чему в немалой степени способствовал целенаправленный протекционизм со стороны правительства Японии.

В том, что касалось непосредственно банковской сферы, основным конкурентом Нью-Йорка становился именно Токио, а не Лондон. Динамика активов, генерировавшихся в крупнейших городах США и Японии, в целом следовала за изменением вклада самих стран в мировую экономику: снижение американской доли в глобальном ВВП сопровождалось относительным

ослаблением позиций Нью-Йорка (табл. 1), тогда как с японским «экономическим чудом» логично сочеталось решительное наступление Токио (табл. 2).

Таблица 1
Доля США в глобальном ВВП; доли Нью-Йорка, Сан-Франциско и Шарлотта в общей сумме активов крупнейших банков мира, 1970–2015 гг., %

Актеры	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
США (ВВП)	31,5	25,4	23,2	32,1	26	24,6	30,5	27,4	22,7	24,4
Нью-Йорк (активы)	12,6	9,4	6,2	6,2	3,6	3,1	4,1	4,6	6,1	5,9
Нью-Йорк, Сан-Франциско и Шарлотт (активы)	17,5	13,5	8,9	8,3	4,8	4,8	7,1	8	9,5	9,1

Примечание. Расчеты автора на основе: [10–13].

Таблица 2
Доля Японии в глобальном ВВП; доли Токио и Осаки в общей сумме активов крупнейших банков мира, 1970–2015 гг., %

Актеры	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Япония (ВВП)	6,2	7,9	9	10,4	13,6	17,5	14,6	10	8,6	5,9
Токио (активы)	8,6	10,6	13,3	14,2	18,5	17,7	11,3	8	7,1	6,8
Токио и Осака (активы)	11,2	14	14,8	18,4	23,2	23,1	14,8	9,7	7,9	7,3

Примечание. Расчеты автора на основе: [10–13].

Таблица 3
Доля Нью-Йорка, Токио и Пекина в общей сумме активов крупнейших банков мира, 1970–2015 гг., %

Актеры	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Нью-Йорк	12,6	9,4	6,2	6,2	3,6	3,1	4,1	4,6	6,1	5,9
Токио	8,6	10,6	13,3	14,2	18,5	17,7	11,3	8	7,1	6,8
Пекин	–	–	–	0,3	0,7	2,8	3,5	4,2	6,6	13,2

Примечание. Расчеты автора на основе: [10–13].

К 1974 г. суммарные активы «Dai-Ichi Kangyo Bank», «Fuji Bank», «Mitsubishi Bank» и других токийских гигантов, достигшие 200 млрд долл., уверенно превосходили аналогичный коллективный показатель у конкурентов из Нью-Йорка («Citicorp», «Chase Manhattan Corp», «J.P. Morgan & Co» и т.д.). (Заметим, что здесь и далее подобные данные, рассчитанные на основе сводок журнала The Banker [10–12], приводятся в текущих ценах.) На два этих города долгое время приходилось примерно 20% от всех активов 300 крупнейших банков мира, однако теперь вклад Токио впервые стал больше, чем вклад Нью-Йорка (см. табл. 3). Правда, при сопоставлении в масштабах целых стран первенство в течение еще пяти–шести лет сохранялось за США, где наряду с Нью-Йорком значительную роль играли Сан-Франциско, Чикаго, Лос-Анджелес, Даллас и некоторые другие банковские центры (в Японии Токио получал существенную поддержку только от Осаки), но в любом случае отступление американской стороны становилось все более очевидным.

Вскоре очень важной исторической вехой и для Нью-Йорка, и для Токио стал мировой экономический

кризис 1973–1975 гг. В США этот кризис остро поставил вопрос о недостаточной эффективности привычного госрегулирования экономики по кейнсианским рецептам. Особенно большое беспокойство вызывала устойчиво высокая инфляция, которая тянула за собой целый комплекс деструктивных последствий для социальной сферы и делового климата. Параллельно происходили такие глубинные сдвиги, как вынужденный отказ от привязки доллара к золоту (еще в 1971 г.), а затем – разрушение особого статуса американской валюты, распад Бреттон-Вудской системы и возвращение к формированию котировок преимущественно на свободном рынке. Среди самых запоминающихся событий этого неспокойного времени следует назвать и объявленный в 1975 г. дефолт по долговым обязательствам нью-йоркского муниципалитета.

Конечно, подобные обстоятельства заставляли политиков и бизнесменов все активнее заниматься поиском новых решений. Так, преодолеть бюджетный кризис в Нью-Йорке удалось благодаря новому соглашению о заимствованиях от частных банков – под обязательство сделать более гибкой систему управления городом и приватизировать некоторые муниципальные службы [15. Р. 44–48; 16. Р. 75–175]. К тому же по времени и фундаментальной логике эти преобразования совпали с важным сдвигом непосредственно в финансовом секторе: с начавшейся в 1975 г. реформой нью-йоркского фондового рынка, которая заключалась в отмене фиксированных комиссионных сборов и, как следствие, в создании более жесткой конкурентной среды [3. Р. 238]. Затем при администрациях Дж. Картера (1977–1981 гг.) и Р. Рейгана (1981–1989 гг.) переход от кейнсианской модели к более свободному рынку развернулся в масштабе всей страны. Экономическая политика этого времени включала в себя такие направления, как подавление инфляции, снижение налогов и создание благоприятного инвестиционного климата. Кроме этого, в отношении банковского сектора на рубеже 1970–1980-х гг. были приняты важные решения, которые обеспечили постепенную отмену прямого контроля над уровнем ставок и частично устранили преграды для развития общенациональных филиальных сетей.

Что касается Японии, то для нее кризис 1973–1975 гг. создал проблемы, прежде всего, в сфере энергетики. Для страны, которая еще сильнее, чем США, зависела от импорта углеводородного сырья, непременным испытанием стало происходившее тогда резкое повышение цен на рынке нефти и газа. Темпы роста национальной экономики, оставшиеся и в дальнейшем довольно высокими, все же заметно снизились по сравнению с предыдущими десятилетиями. Стремясь решить проблемы с наполнением бюджета, возникшие из-за временного ухудшения ситуации во внешней торговле, правительство существенно увеличило выпуск долговых бумаг, что, соответственно, привело к многократному увеличению оборотов на фондовом рынке в

Токио. Кроме этого, во второй половине 1970-х гг. японские власти занимались либерализацией и интернационализацией финансового сектора, постепенно ослабляя ограничения как на движение капиталов в страну, так и, наоборот, из нее во внешнее пространство. Произошел переход от почти замкнутой системы, при которой преобладающей практикой японских банков было кредитование национальной промышленности (под контролем государства), к полноценному участию в транснациональных финансовых потоках [3. Р. 239–241; 17. Р. 276–278].

Дерегулирование, которое параллельно (хотя и при разной расстановке акцентов) осуществлялось в Японии и США, в обоих случаях привело к значительным сдвигам. После преодоления тяжелых кризисов 1973–1975 и 1980–1982 гг. экономические показатели рассматриваемых стран определенно внушали оптимизм. Стремительно рос и кредитный сектор, пользуясь новым уровнем свободы, а также опираясь на передовые инженерные достижения (особенно в сфере цифровых технологий и телекоммуникации).

Крупнейшие банковские холдинги Нью-Йорка, стремясь быстрее извлечь доходы из открывшихся возможностей, заметно продвинулись и по линии электронных инноваций, и в том, что касалось географического расширения своего бизнеса на территории США (выход на зарубежные рынки уже давно не был для них проблемой). При этом наибольшую активность в территориальных вопросах демонстрировали не признанные доминанты в лице «Citicorp» и «Chase Manhattan», а исторически менее заметная группа «Chemical New York Corporation». Ее менеджеры во главе с Уолтером Шипли, проявляя большой интерес к покупкам в южной части страны, в итоге осуществили еще непривычную по тем временам сделку и установили контроль над «Texas Commerce Bank» – одним из ведущих финансовых домов Техаса [18. Р. 218–251; 19. 16.12.1986, 28.03.1987].

Но все же общие результаты Нью-Йорка оказались не такими выдающимися, как можно было ожидать. В 1980–1985 гг., после длительного снижения на предыдущем этапе, городу удалось лишь стабилизировать свою долю в глобальных активах (см. табл. 3). Затем и этот довольно ограниченный успех был перечеркнут охватившим США банковским кризисом 1986–1993 гг. Несмотря на еще продолжавшийся (до конца 1980-х гг.) общий рост национальной экономики, кредитный сектор пережил тогда огромную волну банкротств, вызванную целым комплексом факторов (в том числе и отдельными просчетами в отраслевой либерализации рубежа 1970–1980-х гг.). Нью-Йорк пострадал от этих событий меньше, чем, например, техасские города или Лос-Анджелес, но в любом случае его доля в мировой банковской системе вновь стала сокращаться (табл. 3).

Зато все это время продолжал свое феноменальное восхождение Токио. Недавнее расширение финансовой свободы для Японии стало еще более мощным и

устойчивым источником подъема в кредитном секторе, чем для США. Конечно, огромную роль играл и общий рост японской экономики, но в любом случае банковский вес Токио (а также Осаки и некоторых других городов) увеличивался опережающими темпами (см. табл. 2). Суммарный результат токийских банков, уже в середине 1980-х гг. достигший триллиона долларов, в дальнейшем стал повышаться еще быстрее. Новым импульсом стало принятое в 1985 г. решение ряда ведущих стран о контролируемой девальвации доллара и ревальвации иены [20. С. 373–374; 21. С. 141–142]: оно, как и предполагалось, помогало сдерживать гигантский экспорт промышленных товаров из Японии, но при этом увеличивало объем банковских активов в пересчете на доллары.

Во второй половине 1980-х гг. превосходство Токио было уже не только привычным и очевидным, но и подавляющим. Доминирование японских банков проявлялось и в глобальной статистике (см. табл. 3), и в их широком присутствии непосредственно на кредитном рынке США (т.е. вновь следует подчеркнуть, прежнего отраслевого лидера). Различные подразделения токийских финансовых групп уверенно расширяли свою деятельность в Нью-Йорке и других городах. Привлечение японского капитала нередко играло очень важную роль для американских банков, когда они стремились выйти из длительной полосы неудач (например, «BankAmerica» в Сан-Франциско [22. 14.01.1987]) или намеривались осуществить дорогостоящие поглощения (покупка «First Republic Bank Corporation» (Даллас, штат Техас) со стороны «NCNB Corporation» (Шарлотт, штат Северная Каролина) [23. Р. 152–154]). На выдающийся прорыв, совершенный Токио, все чаще обращали внимание и авторы специальных академических работ (см., например: [24–28]).

К началу 1990-х гг., т.е. в высшей точке этих восходящих трендов, Япония достигала 52–53% от показателя Соединенных Штатов по объему ВВП и, соответственно, впервые опережала своего трансокеанского конкурента по ВВП на душу населения. Еще более впечатляющая картина наблюдалась в банковском секторе, где показатель Токио по величине активов (3,6 трлн долл.) был в пять с лишним раз выше, чем у Нью-Йорка (0,7 трлн) (табл. 3). Крупнейший банковский центр США и прежний мировой лидер уступал в тот момент не только Токио, но также Парижу, Осаке, Лондону и Франкфурту-на-Майне.

1990-е гг.: англо-американский реванш. Последнее десятилетие XX в. Соединенные Штаты Америки встречали не в лучшей экономической форме. Развивавшийся с 1986 г. банковский кризис теперь стал частью еще более значительного события – полномасштабной рецессии начала 1990-х гг. в экономике США (и многих других стран мира). Только с 1992–1993 гг. ситуация стала определенно меняться к лучшему. Находившаяся тогда у власти администрация У. Клинтона (1993–2001 гг.) на благоприятном фоне смогла

вернуться к начатой (и затем отложенной) предшественниками работе по дальнейшей либерализации кредитного сектора.

Ключевое значение имел принятый в 1994 г. закон «Об эффективности междуштатных банков и филиалов» (или закон Ригла–Нила). С его вступлением в силу американские финансовые группы получили долгожданную возможность беспрепятственно разворачивать корпоративные сети по всей стране. Отрасль была охвачена мощной волной слияний и поглощений, приведшей, с одной стороны, к исчезновению множества относительно слабых банков, а с другой – к консолидации бизнеса и уходу более успешных компаний в отрыв. В этих условиях стремительно теряли позиции старые банковские узлы (например, Лос-Анджелес и Филадельфия) и быстро поднимались новые (в особенности Шарлотт).

Нью-Йорк, хотя и отстававший по динамике от отдельных центров кредитного бума, тоже демонстрировал впечатляющие результаты. Финансовые группы с острова Манхэттен все решительнее продвигались в такие дальние (относительно их штаб-квартир) штаты, как Флорида и Калифорния. (Здесь и далее, если специально не оговаривается иное, источником информации о слияниях и поглощениях американских финансовых групп являются официальные справки Федеральной корпорации США по страхованию вкладов [29].) Расширилось и зарубежное присутствие: так, «Chase Manhattan», используя недавние политические перемены и стремясь не упустить новые возможности на постсоциалистическом пространстве, начал активно работать в Чехии и Румынии [30. Р. 27].

Конечно, Нью-Йорк играл очень важную роль и в упомянутой активизации корпоративных слияний, причем наиболее значительные события подобного рода происходили внутри города. В 1991 г. менеджеры «Chemical Banking Corporation» во главе с уже упоминавшимся У. Шипли договорились об объединении их бизнеса с одним из манхэттенских соседей – группой «Manufacturers Hanover Corporation». Данная сделка, еще выглядевшая на тот момент довольно непривычной, получила необходимую поддержку в «коридорах власти». В частности, нью-йоркский конгрессмен (и будущий лидер демократической фракции в Сенате) Чарльз Шумер говорил, что формирующийся альянс «благодаря созданию компании, способной конкурировать на мировом рынке, в долгосрочной перспективе сделает Америку сильнее» [22. 16.07.1991].

В 1995 г. последовало слияние «Chemical» и «Chase Manhattan». Вторая из этих корпораций, несмотря на блистательную историю и тесную связь с домом Рокфеллеров, к середине 1990-х гг. вошла в полосу неудач. Объединение произошло на базе «Chemical», но при этом команда У. Шипли предпочла взять для нового гиганта более известное в США и во всем мире название «Chase Manhattan». В 1999–2000 гг., уже при преемнике У. Шипли Уильяме Харрисоне, к новому

«Chase Manhattan» присоединился холдинг «J.P. Morgan & Co»; в результате возник колоссальный конгломерат, получивший название «JPMorgan Chase».

Немного ранее руководители «Citicorp» и многопрофильной финансовой структуры «Travelers Group» (соответственно, Джон Рид и Сэнфорд Уэйл) создали на основе своих компаний новый холдинг «Citigroup». В этом случае важным был не только сам факт появления огромной корпорации, но и межотраслевой характер сделки, нанесшей сильнейший удар по давней практике отделения традиционных банковских функций от рискованной игры на фондовом рынке. Подобные барьеры, возведенные еще при Ф.Д. Рузвельте, постепенно преодолевались на протяжении 1980–1990-х гг. с помощью различных юридических лазеек. Теперь же слияние «Citicorp» с «Travelers» и создание «Citigroup» стало решающим импульсом для принятия нового правового документа (закона Грэмма–Лича–Блайли, 1999 г.), который установил почти неограниченную рыночную свободу и в этом вопросе.

Правда, разрушение отраслевых и географических преград принесло банковскому сообществу Нью-Йорка не только прорывы и достижения, но и некоторые корпоративные потери. Самым заметным событием подобного плана стал осуществленный в 1998–1999 гг. переход холдинга «Bankers Trust New York Corporation» под управление германского гиганта «Deutsche Bank».

Однако общие итоги, несомненно, оказались для Нью-Йорка положительными. Его банковский кластер пережил в 1990-е гг. глубокое реформатирование. Вместо прежней «большой шестерки» («Citicorp», «Chase Manhattan», «J.P. Morgan», «Manufacturers Hanover», «Bankers Trust», «Bank of New York» и «Chemical»), теперь над городом доминировали только две («JPMorgan Chase» и «Citigroup») – но зато еще более грандиозные – вершины. При поддержке со стороны «Bank of New York» и некоторых других компаний из следующих «весовых категорий», они обеспечили американской финансовой столице двукратное увеличение банковских активов за десятилетие. Прозвучавшие в 1991 г. слова нью-йоркского конгрессмена Ч. Шумера о создании конкурентоспособных групп, способных «сделать Америку сильнее», находили убедительное подтверждение.

Для воссоздания полной картины следует также заметить, что у сдвигов, происходивших на данном этапе в США, имелись довольно близкие аналогии как минимум еще в одной из ведущих финансовых держав, а именно в Великобритании. Консервативные правительства М. Тэтчер (1979–1990 гг.) и Дж. Мейджора (1990–1997 гг.), как и сменившие их лейбористы во главе с Э. Блэром (1997–2007 гг.), обычно проявляли не меньшую приверженность идее свободного рынка, чем американское руководство. В Британии, как и в США, решительно подавлялась инфляция, последовательно снижались налоги, создавались благоприятные условия для частных инвестиций, сокращалось прямое присут-

ствие государства в экономке. В свое время важным шагом на пути дерегулирования стала реформа фондового рынка в Лондоне (1986 г.), близкая по своему фундаментальному смыслу к ранее упомянутым нью-йоркским преобразованиям 1975 г. [3. Р. 238, 246–247]. В 1992 г., на фоне мирового экономического кризиса, правительству Дж. Мейджора пришлось вывести фунт из европейского Механизма регулирования валютных курсов [31. С. 84–94], однако это решение, при всем его драматизме, имело и положительные последствия. Оставшись в стороне от полного противоречий движения ряда континентальных государств к коллективной валюте евро, Британия сохранила возможность гибкого управления национальной денежной единицей.

Достаточно комфортный деловой климат, сохранявшийся на протяжении основной части 1990-х гг., помог «Barclays Bank», «National Westminster Bank» и другим финансовым титанам Лондона еще более расширить их бизнес. Кроме этого, в 1993 г. на берега Темзы перевела свою штаб-квартиру группа «Hongkong and Shanghai Banking Corporation» (HSBC), ранее управлявшийся из Гонконга [32. Р. 177, 205–206, 210]. Несомненно, свою роль в этом решении играли как опасения, связанные с приближавшимся переходом Гонконга под юрисдикцию КНР, так и неизменно высокая привлекательность британской столицы. По итогам десятилетия банки Лондона, подобно банкам Нью-Йорка, увеличили активы в два с лишним раза.

Контрнаступление крупнейших финансовых центров северной Атлантики выглядело еще более значительным на фоне серьезных проблем у Токио. Для Японии начало 1990-х гг. стало очень важным историческим рубежом. На смену быстрому экономическому росту 1970–1980-х гг. (и феноменальному рывку в 1950–1960-е гг.) шло то, что позднее будет названо «потерянные десятилетия».

Особенно драматической эта смена эпох оказалась в финансовом секторе. Его бурное расширение на предыдущем этапе, как теперь становилось очевидным, носило во многом спекулятивный характер. В поисках истоков проблемы вновь следует обратиться к кризису 1973–1975 гг., который заставил японское правительство радикально расширить выпуск облигаций. Почти сразу государственные ценные бумаги стали для промышленных компаний более привлекательным каналом получения дополнительных денежных средств, чем привычные банковские займы. В свою очередь банки, стремясь найти новых клиентов, расширили кредитование среднего и малого бизнеса – чаще всего, под залог недвижимости [17. Р. 278]. Таким был очень важный (и при этом, конечно, не единственный) фактор, способствовавший ажиотажному росту цен на ипотечном и строительном рынке. Этот грандиозный бум, достигший высшей точки на исходе 1980-х гг., завершился неизбежным и стремительным обвалом, который в той или иной мере ударил по всем отраслям экономики.

В следующем десятилетии Япония, несмотря на различные стимулирующие меры, отличалась низкими темпами роста ВВП. Как доля страны в глобальной экономике, так и доля Токио в мировых банковских активах почти непрерывно (за исключением небольшой коррекции 1993–1995 гг.) снижались; к тому же во втором случае ослабление позиций происходило особенно быстро (см. табл. 2). Ответом на эти тенденции стали предпринятые в конце 1990-х гг. действия японских властей, направленные на дальнейшую либерализацию национального фондового рынка [3. Р. 270]. Важные события происходили и по инициативе частного сектора: так, в 1996 г. завершилось давно намечавшееся слияние «Mitsubishi Bank» с «Bank of Tokyo». Принеся в этот альянс разветвленные офисные сети внутри Японии (от первой стороны) и значительное международное присутствие (от второй), названные группы создали «Bank of Tokyo–Mitsubishi», который на некоторое время оказался самым большим банком в мире [22. 29.03.1995, 02.04.1996].

Впрочем, даже это объединение, превосходившее по своему масштабу аналогичные события 1990-х гг. в Нью-Йорке, не смогло принципиально изменить ситуацию. В 2000 г. Токио, при общей величине активов 4,1 трлн долл., явно сохранял за собой статус крупнейшего банковского узла на планете. Однако такой показатель означал, что за десятилетие (в текущих ценах) был достигнут прирост лишь на 13%. Подобные итоги резко контрастировали с увеличением на 120% у Нью-Йорка и даже на 140% у Лондона. Все еще заметно отставая от Токио в абсолютных величинах, Нью-Йорк (пятое место в мире, 1,5 трлн долл.) ощутимо приблизился к лидеру (см. табл. 3). Основной финансовый центр Соединенных Штатов, вслед за находившимися выше него Парижем, Франкфуртом и Лондоном, казалось, с определенной долей успеха пытался вернуть глобальную банковскую географию к привычной картине американско-европейского преобладания над Азией.

2000–2010-е гг.: новый «ветер с Востока». Приход «миллениума» не стал для кредитной системы США принципиально важной гранью. Почти все ключевые вопросы в плане дерегулирования, ставившиеся деловыми кругами, к этому времени были успешно решены. Пройдя без особых потерь короткую рецессию середины 2001 г., отрасль продолжала уверенно расти.

На переднем крае этого подъема по-прежнему находились банковские конгломераты Нью-Йорка, Шарлотта и Сан-Франциско. В новом десятилетии они энергично развивали линию стратегических межрегиональных приобретений: в частности, в 2004 г. нью-йоркскому холдингу «JPMorgan Chase» под руководством У. Харрисона удалось присоединить большую финансовую группу «Bank One» с центром в Чикаго. На этом же этапе широко распространилась практика, при которой крупнейшие банки в составе холдингов регистрировались не там, где сами холдинги, а в каких-либо штатах с благоприятными налоговыми правилами.

ми. «JPMorgan Chase» в этом плане отдал предпочтение штату Огайо, тогда как руководители «Citigroup» выбрали сначала Неваду, а затем Южную Дакоту. Подобные новшества стали своеобразным отражением технологического прогресса, позволявшего теперь успешно выстраивать внутрикорпоративное управление на расстояниях в сотни и тысячи миль. Не менее важным было и то, что «оптимизация» налогов помогала банковским группам США оставлять у себя значительную часть прибыли и вкладывать в развитие бизнеса дополнительные средства. Американские финансовые гиганты (во многом за счет Шарлотта, но также при очень активном участии Нью-Йорка и Сан-Франциско) удерживали сильные позиции на мировой арене.

Похожая картина сохранилась – вопреки тому, что можно было ожидать – и после «Великой рецессии» 2008–2009 гг. Этот тяжелый кризис, спровоцированный (подобно кризису начала 1990-х гг. в Японии) перегревом строительного рынка, привел к банкротству ряда кредитных компаний. Однако самые значительные из таких случаев происходили в Шарлотте, Кливленде, Сиэтле и некоторых других городах, но не в Нью-Йорке. (Там, правда, потерпели крушение большие инвестиционные дома «Bear Stearns» и «Lehman Brothers», но они не относились к собственно банковскому сектору.)

Более того, для исторических кредитных сил с Манхэттена кризис и последовавший за ним период стали временем и новых вызовов, и новых возможностей. «JPMorgan Chase» и некоторые другие корпорации, в целом успешно справляясь со своими трудностями, сыграли важную стабилизирующую роль для всей финансовой системы страны. Особенно заметным оказался «JPMorgan Chase», который (скорее, по настоянию федеральных регуляторов, чем из-за собственных интересов) взял под свой контроль остатки бизнеса банковской группы «Washington Mutual» из Сиэтла, а также упомянутого «Bear Stearns». Новый топ-менеджер «JPMorgan Chase» Джеймс Даймон, принявший полномочия от У. Харрисона в 2005 г., стал одним из основных гарантов восстановленной финансовой надежности, ключевой фигурой на современном банковском поле США, а также героем сразу двух биографических книг, написанных в очень позитивном и уважительном ключе [33, 34]. Впрочем, нельзя не упомянуть и другой источник стабилизации: являвшийся непосредственным ответом на кризис и принятый при президенте Б. Обаме закон Додда–Франка (2010 г.), который, не покушаясь на базовые принципы рыночной свободы, в отдельных аспектах усилил контроль правительственных агентств над финансовым сектором.

Между тем на протяжении 2000-х, а потом и 2010-х гг. сохранялись негативные тенденции в Японии. Это происходило несмотря на попытки властей стимулировать экономический рост через снижение учетной ставки национального банка почти до нулевых значений, а также вопреки дальнейшей консолидации в кредитном

секторе (включая появление в 2005–2006 гг. нового токийского гиганта «Mitsubishi UFJ Financial Group» (MUFG), созданного на основе столичного «Bank of Tokyo–Mitsubishi» и «UFJ Holdings» из Осаки). С учетом еще и такого фактора, как сохранение (при отдельных перерывах) неплохой динамики у Лондона, можно было говорить о дальнейшем контрнаступлении атлантических центров на фоне хронических неудач японской стороны.

Конечно, Токио во главе с флагманскими группами MUFG, «Mizuho Financial» и «Sumitomo Mitsui» остался огромным банковским узлом, но все же потерял к началу 2010-х гг. статус безоговорочного мирового лидера (см. табл. 3). После подавляющего преимущества японской столицы, наблюдавшегося в относительно недавнем прошлом, достижение примерного паритета с ней было для Нью-Йорка и Лондона хорошим результатом.

Другое дело, что все эти обстоятельства (даже если учесть вместе с ними и положение дел у основных центров континентальной Европы) теперь формировали лишь часть глобальной картины. На исходе XX и в начале XXI в. чрезвычайно важные поправки в расклад сил на мировой банковской арене внесла Китайская Народная Республика.

Эта страна, при всем ее колоссальном потенциале, долгое время жила в условиях крайне неэффективной экономической модели, ужасающей бедности большинства населения и очень ограниченных связей с мировым финансовым рынком. Руководитель «Chase Manhattan Bank» Дэвид Рокфеллер, посетивший в 1973 г. Пекин для переговоров о возможном сотрудничестве, отмечал, что китайские партнеры «с подозрением относились даже к самым простым из западных банковских практик» [14. Р. 253].

Ситуация стала меняться с 1978–1979 гг., когда при Дэн Сяопине был взят курс на либерализацию экономики и привлечение зарубежных инвестиций. Вскоре к этим магистральным линиям добавилось и постепенное реформирование кредитной системы КНР. За Народным банком Китая (НБК), который в прошлом был фактически единственным учреждением во всей отрасли, к середине 1980-х гг. сохранились только задачи, связанные с эмиссией юаня, и иные функции центрального банка. Кредитно-расчетные услуги для промышленности, строительства, сельского хозяйства и прочих нефинансовых сфер перешли от НБК к четырем созданным на его основе специализированным банкам. Так в Пекине сложилась «большая четверка» новых финансовых институтов («Industrial and Commercial Bank of China» (ICBC), «Bank of China», «Agricultural Bank of China» и «Construction Bank of China»), находящихся преимущественно в собственности государства, но работающих в рыночном ключе [35. Р. 12–15; 36. Р. 16–18].

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг., по мере расширения законодательных рамок, развернулось ак-

тивное формирование новых банков с теми или иными формами собственности. Эти корпорации создавались, конечно, не только в Пекине, но также в Шанхае, Шэньчжэне, Гуанчжоу и многих других городах; Шанхай к тому же стал важнейшим в стране центром биржевой деятельности [35. Р. 100–110, 158; 36. Р. 18–24]. Однако превосходство «большой столичной четверки», за которой в немалой степени стояла экономическая и политическая мощь китайского государства, оставалось неизменным.

Уже в последнем десятилетии XX в., несмотря на резкую девальвацию юаня в 1994 г. (и в целом на стратегическое решение руководства КНР о длительном удержании низкого курса национальной валюты по отношению к доллару [21. С. 148–149]), Пекин по сумме банковских активов достиг примерного паритета с Нью-Йорком. Правда, общие показатели США за счет других городов тогда еще были существенно выше, чем у Китая. Следующим рубежом стал 2005 г., когда, вслед за отменой привязки юаня к доллару и переориентацией на корзину валют, китайская денежная единица стала дорожать [37. С. 112–113]. Такая ситуация, подобно ревальвации иены в 1985 г., помогла немного ограничить приток товаров со стороны Восточной Азии на американский рынок. Но параллель повторилась и в другом отношении. Сильная валюта позволила сделать еще более выраженным (особенно в пересчете на доллары) общий экономический подъем нового индустриального гиганта, а также и взлет его главной банковской метрополии: если в 1980-е гг. это были Япония и Токио, то в 2000-е гг. – КНР и Пекин (см. табл. 2, 4). Стремительно оторвавшись от Нью-Йорка и других конкурентов (в том числе от Парижа, ставшего глобальным лидером на короткий переходный период), Пекин на рубеже 2000–2010-х гг. с показателем более 9 трлн долл. решительно выдвинулся на первое место в мире (см. табл. 3).

Таблица 4

Доля Китая в глобальном ВВП; доли Пекина и Шанхая в общей сумме активов крупнейших банков мира, 1970–2015 гг., %

Актеры	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Китай (ВВП)	2,7	2,5	2,5	2,3	1,7	2,4	3,6	4,8	9,2	14,8
Пекин (активы)	–	–	–	0,3	0,7	2,8	3,5	4,2	6,6	13,2
Пекин и Шанхай (активы)	–	–	–	0,3	0,8	2,9	3,7	4,6	7,5	14,6

Примечание. Расчеты автора на основе: [10–13].

Последующие годы показали (и продолжают показывать сейчас), насколько серьезной является заявка Пекина на ведущую роль в мировом масштабе. Более того, в середине 2010-х гг. это лидерство, помимо убедительно количественного выражения, стало приобретать новые качественные черты – прежде всего, из-за взятого руководством КНР курса на интернационализацию юаня. Предполагается, что китайская денежная единица, по мере отмены остающихся ограничений,

будет все шире использоваться в разнообразных международных транзакциях, а в итоге получит признание в качестве одной из мировых резервных валют [37. С. 114–116]. Очень важным событием стало создание в 2015–2016 гг. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций («Asian Infrastructure Investment Bank», АИВ) со штаб-квартирой в Пекине. Это мощное транснациональное учреждение с преобладанием китайского капитала участвует в реализации больших экономических проектов в целом ряде стран азиатского континента от Индонезии до Азербайджана. Многие американские комментаторы и официальные лица восприняли появление АИВ как новый шаг к переформатированию нынешней (сложившейся после Второй мировой войны) финансовой системы, ведущую роль в которой играют Международный валютный фонд и Всемирный банк, располагающиеся в США [22. 24.07.2015]. Наконец, следует отметить, что и после новой девальвации юаня, обозначившейся с 2015 г., усиление позиций Пекина лишь немного замедлилось, но не прекратилось.

Именно здесь, во второй половине 2010-х гг., в этом исследовании должна быть поставлена условная хронологическая точка. К настоящему моменту можно фиксировать очень уверенное лидерство Пекина при объеме активов более 16 трлн долл. (хотя и не с таким феноменальным отрывом по процентным долям, который демонстрировал Токио в конце 1980-х гг.). На следующих позициях с подвижными, но в любом случае с относительно близкими результатами в диапазоне 6–8 трлн сейчас располагаются те города, которые и сами в прошлом оказывались на вершине, т.е. Токио, Нью-Йорк и Лондон, а также Париж. Трансформации мирового банковского поля, наблюдающиеся уже десятилетиями и даже веками, происходят и в наши дни и, конечно, продолжатся в будущем. Соответственно, в подобном анализе нельзя подвести итоговую черту, но можно сделать некоторые обобщающие выводы на основе прошлых и нынешних событий.

Наиболее фундаментальное правило, которое просматривается сквозь призму длительного исторического опыта, заключается в том, что мощный экономический подъем какой-либо страны обычно сопровождается очень быстрым усилением международных позиций ее главного банковского центра (или группы центров). В XIX в. эту закономерность определенно подтвердил Лондон (а ранее – Амстердам и ряд других городов), в первой половине XX в. – Нью-Йорк, в 1970–1980-е гг. – Токио, в 1990-е гг. и, с еще большей убедительностью, в начале XXI столетия – Пекин. Последние два случая стали предметом специального рассмотрения на этих страницах (см. табл. 2, 4). Конечно, общий рост ВВП и восхождение банковской столицы не всегда строго совпадают по скорости и амплитуде изменений, но общая связь здесь совершенно очевидна.

Названное правило, однако, лишь отчасти действует в обратном направлении. Когда страна, утратив прежнюю динамику, скатывается с мировой экономической

вершины, у основной финансовой метрополии тоже возникают проблемы с сохранением абсолютного лидерства, но при этом накопленный багаж (в плане репутации, капиталов, квалифицированных специалистов и т.д.) позволяет остаться пусть не во главе «высшего общества», но в его составе.

Самый яркий пример в данном отношении – это, конечно, Лондон, который продолжает быть огромным деловым узлом вопреки относительно малым масштабам, особенно на фоне США и КНР, британской экономики. В менее выраженном варианте эту линию повторяет современный Нью-Йорк. Соединенные Штаты, которые еще 20–30 лет назад безусловно лидировали в глобальном хозяйстве, сегодня находятся в состоянии примерного (зависящего от методики подсчета) паритета с Китаем. Нью-Йорк, как и можно было в такой ситуации ожидать, по банковским показателям заметно отстал от феноменально выросшего Пекина, но, конечно, удержался на одной из верхних ступеней. Более того, вместе с данной констатацией необходимо вспомнить и о таком обстоятельстве, как сохранение в США других банковских центров мирового класса, а также о наличии в самом Нью-Йорке гигантского биржевого кластера, который по капитализации до сих пор превосходит китайских и иных конкурентов.

Словом, исторический фундамент (в сочетании с силой национальной экономики и благоприятным ин-

вестиционным климатом) при всех вызовах глобализации помогает Нью-Йорку оставаться одним из важнейших финансовых перекрестков на планете. Этот город обладает огромной деловой традицией и большим запасом прочности – не только уровне корпоративных капиталов и брендов, но в плане способности генерировать из поколения в поколение первоклассные кадры. Вполне возможно, что упоминавшиеся в этой работе финансисты (например, Уолтер Шипли, Уильям Харрисон или Джеймс Даймон) еще займут в исторических книгах почти такое же место, как Джон Пирпонт Морган и другие легендарные личности из числа «строителей Америки».

Наконец, нельзя не вспомнить и о сомнениях насчет устойчивости китайского экономического роста, которые в последнее время все чаще звучат в американской аналитике [38, 39]. Впрочем, сегодняшний Китай, при всех оговорках о недостаточной прозрачности национальных статистических данных и иных внутренних проблемах, в любом случае стал новой экономической сверхдержавой, а Пекин – одним из важнейших локомотивов мирового банковского сектора. Очевидно также, что непрерывно развивающиеся траектории Пекина, Нью-Йорка и других финансовых столиц, играющих чрезвычайно важную роль в современном мире, требуют дальнейшего мониторинга и изучения с учетом прежней исторической эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

- Kindlberger C.P. The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History // Princeton Studies in International Finance. № 36. Princeton: Princeton University, Department of Economics, 1974. 78 p.
- Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. T. 3: Le Temps du Monde. Paris: Armand Colin, 1979. 607 p.
- Cassidy Y. Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 400 p.
- Никитин Л.В. Нью-Йорк, Сан-Франциско и Шарлотт: новейшая история борьбы за лидерство в банковской системе США (1970-е – середина 2010-х годов) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 128–144.
- Nikitin L.V. National Banking Areas in Dynamics: Evidence from the USA and Russia, 1980s–2015 // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 11. С. 2545–2553.
- Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005. 168 с.
- Institute for Urban Strategies at the Mori Memorial Foundation. Global Power City Index (GPCI). URL: <http://www.mori-memorial-foundation.or.jp/english/ius2/gpci2/index.shtml>
- The Z/Yen Group. Global Financial Centres Index (GFCI). URL: <http://www.zyen.com/research/gfci.html>
- The Xinhua News Agency; Dow Jones & Company. International Financial Centers Development Index (IFCD). URL: <http://www.sh.xinhuanet.com/shstatics>
- The Banker Database. Top 300 World Banks, 1970–1979. URL: <https://www.thebanker.com>
- The Banker Database. Top 500 World Banks, 1980–1988. URL: <https://www.thebanker.com>
- The Banker Database. Top 1000 World Banks, 1989–2018. URL: <https://www.thebanker.com>
- United Nations Statistical Division. National Accounts Main Aggregates Database. URL: <http://www.unstats.un.org/unsd/snaama/dnlList.asp>
- Rockefeller D. Memoirs. N.Y.: Random House, 2003. 532 p.
- Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 247 p.
- Lachman S.P., Polner R. The Man Who Saved New York: Hugh Carey and the Great Fiscal Crisis of 1975. Albany: SUNY Press, 2010. 221 p.
- Grossman R.S. Unsettled Account: the Evolution of Banking in the Industrialized World since 1800. Princeton: Princeton University Press, 2010. 408 p.
- Love B.F. Ben Love: My Life in Texas Commerce. College Station: Texas A&M University Press, 2005. 343 p.
- Houston Chronicle. 1986, 1987.
- Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008. 567 с.
- Рикардс Дж. Валютные войны. М.: Эксмо, 2015. 368 с.
- New York Times. 1987, 1991, 1995, 1996, 2015.
- Seidman L.W. Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas. Washington D.C.: Beard Books, 2000. 315 p.
- Матюхин Г.Г. Мировые финансовые центры. М.: Междунар. отношения, 1979. 216 с.
- Reed H.C. The Ascent of Tokyo as an International Financial Center // Journal of International Business Studies. 1980. № 3. P. 19–35.
- Reed H.C. The Preeminence of International Financial Centers. N.Y.: Praeger, 1981.
- Choi S.R., Tschoegl A.E., Yu C.M. Banks and the World's Major Financial Centers, 1970–1980 // Weltwirtschaftliches Archiv. 1986. Vol. 122, № 1. P. 48–64.
- Choi S.R., Park D., Tschoegl A.E. Banks and the World's Major Financial Centers, 1990 // Weltwirtschaftliches Archiv. 1996. Vol. 132, № 4. P. 774–793.
- Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory. URL: <https://www5.fdic.gov/idasadvSearchLanding.asp>

30. Cattani G., Tschoegl A.E. An Evolutionary View of Internationalization: Chase Manhattan Bank, 1917 to 1996 // The Wharton School of Business. Financial Institutions Center. 2002. Working Paper 02–37. URL: <http://www.fic.wharton.upenn.edu/fic/papers/02/p0237.html>
31. Жоров Е.А. Экономическая модернизация Великобритании: новый этап (1990–1997 гг.). Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2010. 389 с.
32. Roberts R., Kynaston D. The Lion Wakes: a Modern History of HSBC. London : Profile Books, 2015. 785 p.
33. Crisafulli P. The House of Dimon: How the JPMorgan's Jamie Dimon Rose to the Top of the Financial World. N.Y. : Wiley, 2009. 256 p.
34. McDonald D. Last Man Standing: The Ascent of Jamie Dimon and JP Morgan Chase. N.Y. : Simon & Schuster, 2010. 352 p.
35. Financial Services in China: the Past, Present and Future of a Changing Industry. Singapore : China Knowledge Press, 2005. 500 p.
36. Jiang C., Yao S. Chinese Banking Reform: From the Pre-WTO Period to Financial Crisis and Beyond. London : Palgrave Macmillan, 2017. 331 p.
37. Ремыга О.В. Реформа обменного курса юаня // Экономические стратегии. 2014. № 1. С. 110–117.
38. Minzner C. End of an Era: How China's Authoritarian Revival is Undermining its Rise. N.Y. : Oxford University Press, 2018. 296 p.
39. Overholt W.H. China's Crisis of Success. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 302 p.

Leonid V. Nikitin. South Urals State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: Ind2001nikitin@mail.ru

A HISTORIC LEADER FACES NEW CHALLENGES: NEW YORK CITY IN THE GLOBAL BANKING SYSTEM OF THE 1970S - 2010S

Keywords: 1970s - 2010s; banks; global competition; New York City; London; Tokyo; Beijing.

The article is focused on evolution of New York's positions in the global banking system over five decades: from the beginning of the 1970s until the present days. The study is based primarily on large statistical massifs, including annual rankings of the largest banks of the world (from the London-based *The Banker* magazine), and macroeconomic data from the United Nations Statistical Division. Besides, non-quantitative information (for example, memoirs and publications in periodicals) was also widely used.

The investigation shows that after decades of obvious leadership (1930s - 1960s), New York faced quite different realities. Relatively slow growth of national economy caused gradual decreasing of the US share in the global GDP. At the same time the Bretton Woods system of monetary management, in which the US dollar played the central role, ceased to exist. On the other hand, by the 1970s there were outstanding industrial breakthroughs in some other countries, especially in Japan. These events also affected the credit sector: in 1972-1973, Tokyo surpassed New York in terms of total assets of local banking corporations and became a new global leader.

The offensive of foreign competitors, along with some other factors, was perceived in the USA as a signal to reform the national banking system. In this sector, some of the historical restrictions that hindered its development were lifted during the second half of the 1970s and the first half of the 1980s. Nevertheless, the superiority of Japanese banks remained overwhelming, especially after the yen's revaluation in 1985. So, the entire period of the 1970s and 1980s can be considered as the time of the "Japanese challenge" or even the "Japanese domination".

However, the situation changed dramatically in the early 1990s, when a severe crisis in the real estate and stock market dealt a powerful blow to the positions of Tokyo. Besides, in the United States at the same stage, the work on the liberalization of banking legislation was resumed. Although Tokyo still was the largest banking hub in the world, New York and some other cities have noticeably reduced the gap from the leader in this decade.

Finally, another fundamental shift in the global banking area occurred at the beginning of the 21st century. This was due primarily to the phenomenal economic growth of the PRC and the strengthening of Beijing's position as a world banking center (analogous to the rise of the Japanese economy and following financial advance of Tokyo at the previous stage). In the 2010s, Beijing has become the undisputed global leader in terms of banking assets. Nevertheless, the cities in the following ranking positions (primarily, New York, Tokyo, London, Paris and Frankfurt) also play a very important role in the contemporary credit system. Thus, despite some retreat under the pressure of foreign competitors, the huge financial and professional resources allowed New York to remain among the most important banking nodes in the world.

REFERENCES

1. Kindlberger, C.P. (1974) *The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History*. Princeton: Princeton University, Department of Economics.
2. Braudel, F. (1979) *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVIe–XVIIIe siècle*. Vol. 3. Paris: Armand Colin.
3. Cassis, Y. (2006) *Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005*. New York: Cambridge University Press.
4. Nikitin, L.V. (2015) New York, San Francisco and Charlotte: Contemporary History of Competition for Leadership in the U.S. Banking System (1970s - mid 2010s). *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3. pp. 128–144. (In Russian).
5. Nikitin, L.V. (2015) National Banking Areas in Dynamics: Evidence from the USA and Russia, 1980s – 2015. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 8(11). pp. 2545–2553. (In Russian).
6. Sluka, N.A. (2005) *Gradotsentricheskaya model' mirovogo khozyaystva* [The town-centric model of the world economy]. Moscow: Press-Solo.
7. Institute for Urban Strategies at the Mori Memorial Foundation. (n.d.) *Global Power City Index (GPCI)*. [Online] Available from: <http://www.mori-memorial-foundation.or.jp/english/ius2/gpci2/index.shtml>
8. *The Z/Yen Group. Global Financial Centres Index (GFCI)*. [Online] Available from: <http://www.zyen.com/research/gfci.html>
9. The Xinhua News Agency. (n.d.) *Dow Jones & Company. International Financial Centers Development Index (IFCD)*. [Online] Available from: <http://www.sh.xinhuanet.com/shstatics>
10. The Banker Database. (n.d.) *Top 300 World Banks, 1970–1979*. [Online] Available from: <https://www.thebanker.com>
11. The Banker Database. (n.d.) *Top 500 World Banks, 1980–1988*. [Online] Available from: <https://www.thebanker.com>
12. The Banker Database. (n.d.) *Top 1000 World Banks, 1989–2018*. [Online] Available from: <https://www.thebanker.com>
13. United Nations Statistical Division. (n.d.) *National Accounts Main Aggregates Database*. [Online] Available from: <http://www.unstats.un.org/unsd/snaama/dnList.asp>
14. Rockefeller, D. (2003) *Memoirs*. New York: Random House.
15. Harvey, D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*. New York: Oxford University Press.
16. Lachman, S.P. & Polner, R. (2010) *The Man Who Saved New York: Hugh Carey and the Great Fiscal Crisis of 1975*. Albany: SUNY Press.
17. Grossman, R.S. (2010) *Unsettled Account: the Evolution of Banking in the Industrialized World since 1800*. Princeton: Princeton University Press.
18. Love, B.F. (2005) *Ben Love: My Life in Texas Commerce*. College Station: Texas A&M University Press.
19. *Houston Chronicle*. (1986)
20. Garbuzov, V.N. (2008) *Revolutsiya Ronal'da Reygana* [The Ronald Reagan Revolution]. Moscow: Nauka.
21. Rickards, J. (n.d.) *Valyutnye voyny* [Currency wars]. Moscow: Eksmo.
22. New York Times. (1987)

23. Seidman, L.W. (2000) *Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas*. Washington D.C.: Beard Books.
24. Matyukhin, G.G. (1979) *Mirovye finansovye tsentry* [World financial centers]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
25. Reed, H.C. (1980) The Ascent of Tokyo as an International Financial Center. *Journal of International Business Studies*. 3. pp. 19–35. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490620
26. Reed, H.C. (1981) *The Preeminence of International Financial Centers*. New York: Praeger.
27. Choi, S.R., Tschoegl, A.E. & Yu, C.M. (1986) Banks and the World's Major Financial Centers, 1970–1980. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 122(1). pp. 48–64. DOI: 10.1007/BF02706285
28. Choi, S.R., Park D. & Tschoegl, A.E. (1996) Banks and the World's Major Financial Centers, 1990. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 132(4). pp. 774–793.
29. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). (n.d.) *Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory*. [Online] Available from: <https://www5.fdic.gov/idas/advSearchLanding.asp>
30. Cattani, G. & Tschoegl, A.E. (2002) An Evolutionary View of Internationalization: Chase Manhattan Bank, 1917 to 1996. *The Wharton School of Business. Financial Institutions Center*. Working Paper 02–37. [Online] Available from: <http://www.fic.wharton.upenn.edu/fic/papers/02/p0237.html>
31. Zhorov, E.A. (2010) *Ekonomicheskaya modernizatsiya Velikobritanii: novyy etap (1990–1997 gg.)* [UK Economic Modernization: A New Stage (1990–1997)]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.
32. Roberts, R. & Kynaston, D. (2015) *The Lion Wakes: a Modern History of HSBC*. London: Profile Books.
33. Crisafulli, P. (2009) *The House of Dimon: How the JPMorgan's Jamie Dimon Rose to the Top of the Financial World*. New York: Wiley.
34. McDonald, D. (2010) *Last Man Standing: The Ascent of Jamie Dimon and JP Morgan Chase*. New York: Simon & Schuster.
35. Xiaohu Tong. (2005) *Financial Services in China: the Past, Present and Future of a Changing Industry*. Singapore: China Knowledge Press.
36. Jiang, C. & Yao, S. (2017) *Chinese Banking Reform: From the Pre-WTO Period to Financial Crisis and Beyond*. London: Palgrave Macmillan.
37. Remyga, O.V. (2014) Reforma obmennogo kursa yuany [RMB exchange rate reform]. *Ekonomicheskie strategii*. 1. pp. 110–117.
38. Minzner, C. (2018) *End of an Era: How China's Authoritarian Revival is Undermining its Rise*. New York: Oxford University Press.
39. Overholt, W.H. (2017) *China's Crisis of Success*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 94

DOI: 10.17223/19988613/63/12

Д.А. Садаков

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ТИХООКЕАНСКОЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ США В ПРЕДДВЕРИИ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ (1948 г. – НАЧАЛО 1950 г.)

Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

Республика Корея заняла определенное место в системе безопасности США по итогам Корейской войны (1950–1953 гг.). В статье анализируются цели, которые Соединенные Штаты преследовали, встраивая Республику Корея в свою систему безопасности, приводятся факторы, влиявшие на эффективность американской политики, а также определяются результаты действий США на полуострове в период 1948 – начале 1950 г.

Ключевые слова: США; Республика Корея; Г. Трумэн; Д. Ачесон.

В настоящее время Корейский полуостров является одним из главных центров международной напряженности, а политика США вносит значительный вклад в поддержание этого статуса – постоянное беспокойство КНДР вызывают регулярные совместные учения вооруженных сил США и Южной Кореи, в ходе которых отрабатываются сценарии нападения на территорию Севера.

Место Кореи в системе тихоокеанской безопасности США в значительной степени было обусловлено итогами Корейской войны, однако основные контуры американо-южнокорейского взаимодействия были определены ранее, в первые годы существования независимой Республики Корея, которая была создана к концу 1948 г. и частично признана международным сообществом. Цель данной статьи – проследить процесс выработки американцами принципов взаимодействия с Южной Кореей до нападения КНДР на Юг в 1950 г. и определить то место, которое она заняла в системе безопасности США на Дальнем Востоке.

История политики США в Корее в рассматриваемый период не раз оказывалась в поле зрения отечественных и зарубежных исследователей. В русскоязычной историографии эта проблематика рассматривается, как правило, с позиций корееведения – нельзя не упомянуть работы Ю.В. Ванина, В.И. Денисова, Н.Н. Ким, В. Ф. Ли, В.М. Папроцкого, А.В. Торкунова и ряда других ученых [1–9]. Работы американистов, в свою очередь, как правило, носят более общий характер [10–14], а посвященные данной проблематике специальные исследования фактически отсутствуют.

В англоязычной историографии затрагивающие данную проблематику работы представлены более широко [15–17 и др.], однако, с нашей точки зрения, данная тема нуждается в дальнейшем исследовании в связи с привлечением новых, ставших доступными недавно источников (в частности, документов ЦРУ, доступ к которым был открыт в начале 2017 г. [18]).

Создание Республики Корея в качестве независимого государственного образования было осознанным шагом американской администрации. Фиксирование раздела Кореи по 38-й параллели дало Вашингтону возможность сформировать на Юге зависимый от помощи из-за океана правонационалистический режим и сохранить свои позиции в регионе в условиях опасно высокого уровня влияния левых сил.

Данные меры были обусловлены стратегическим значением территории полуострова, являвшегося точкой соприкосновения зон преимущественного влияния сверхдержав. Успех коммунистов в Корее мог нанести существенный удар по международному престижу США, а также послужить серьезной помехой планам американцев относительно Китая и Японии [19. Р. 1]. Уверенность американского истеблишмента в наличии у первых твердого намерения захватить власть на Юге и тем самым выдавить США из континентальной части Северо-Восточной Азии являлась важным фактором, влиявшим на специфику восприятия поступающей с Севера информации и процесс принятия решений в Вашингтоне (см. подробнее: [20]). Вместе с тем американцы стремились снизить финансовые издержки, связанные с оккупацией Кореи, и снизить риск перехода оформлявшегося межкорейского конфликта в горячую стадию.

В начале апреля 1948 г. в Совет по национальной безопасности США в меморандуме СНБ-8 выделял следующие задачи американской политики на полуострове: создание демократическим путем единого и независимого корейского государства и способствование его экономическому развитию. Более прагматичной была еще одна задача – постараться избавиться от создающих риск ввязывания в войну военных обязательств на полуострове [21. 1948. Vol. VI. P. 1164].

В меморандуме прогнозировались три базовых сценария дальнейшего развития ситуации. В случае добровольного ухода США с полуострова ожидалось скорое включение юга Кореи в сферу влияния Советского

Союза. В то же время предоставление Республике Корея полноценных гарантий независимости, подкрепленных соответствующими военными обязательствами, могло привести к вынужденному ввязыванию США в крупный военный конфликт, который развивался бы в регионе, где СССР обладал набором военно-стратегических преимуществ [21. 1948. Vol. VI. P. 1167–1168].

Альтернативой означенным вариантам могло послужить оказание Республике Корея помощи в «реальных и выполнимых масштабах» – в первую очередь экономической и в деле подготовке вооруженных сил. Данный вариант, с точки зрения СНБ, являлся наиболее отвечающим задачам Соединенных Штатов на полуострове. Эксперты рекомендовали президенту приступить к снижению уровня участия США в корейской проблеме, способствовать увеличению задействованности в ней ООН, а также не допускать своего втягивания в вооруженный конфликт [Ibid. P. 1168–1169].

Вывод американских войск из Кореи должен был стать одним из главных шагов на пути к реализации третьего варианта. Начало процесса эвакуации было намечено на 15 сентября 1948 г. [Ibid. P. 1276], а предварительная подготовка к нему началась еще в мае [22. P. 1]. Приготовления к выводу требовали подписания соответствующих соглашений с властями Республики Корея. Основным документом, регламентирующим процесс эвакуации и принципы дальнейшего корейско-американского взаимодействия в военной области, стало так называемое Промежуточное соглашение, подписанное 24 августа 1948 г. президентом Республики Корея Ли Сын Маном и командующим американскими войсками на полуострове генералом Дж. Ходжем. Американцы обязывались продолжить заниматься подготовкой и оснащением южнокорейских силовых структур и, по мере готовности, переподчинять их корейским властям [23. P. 477–478]. В свою очередь руководство Республики Корея гарантировало, что американцы сохраняют контроль над всеми стратегически важными объектами военной инфраструктуры, которые им потребуются для обеспечения процесса передачи власти. Подтверждалась экстерриториальность американских военных и гражданских служащих [Ibid. P. 477–478].

Первые результаты принятых решений были достигнуты к началу осени – началась отправка на родину сотрудников военной администрации, а также членов семей военнослужащих [24. Л. 4]. К концу 1948 г. численность американских войск на полуострове снизилась до 7 500 солдат. В новый военный бюджет расходы на продолжение оккупации в 1949 г. не включались [21. 1948. Vol. VI. P. 1342]. Это полностью соответствовало позиции министра армии США К. Рояла, который рекомендовал полностью вывести американские войска с территории полуострова. Схожей позиции придерживался и главнокомандующий союзными оккупационными войсками в Японии генерал Д. Макартур, считавший, что затягивание процесса вывода может привести к тому, что его завершение может

стать не добровольным актом, а результатом давления со стороны [21. 1949. Vol. VII, pt 2. P. 945–946].

Стоит, однако, учитывать, что в среде американского истеблишмента имелись и иные мнения на этот счет. Противниками немедленного вывода были находящиеся непосредственно в Корею Ходж и политический советник американской администрации со стороны госдепартамента Дж. Джейкобс, глава отдела Северо-Восточной Азии Государственного департамента США М. Бишоп и его заместитель Н. Бонд, представители ЦРУ. Их аргументы сводились, преимущественно, к необходимости противодействия коммунистической угрозе и опасениям, что уход Соединенных Штатов с территории полуострова спровоцирует наступление с Севера [25. P. 1, 35. 1948. Vol. VI. P. 1338–1340]. Их поддерживали и корейские власти во главе с президентом Ли Сын Маном [21. 1948. Vol. VI. P. 1322–1323].

Госсекретарь Маршалл являлся сторонником вывода войск, однако допускал перенос конкретной даты его завершения [26]. Под влиянием противников немедленной эвакуации было принято решение об ее отсрочке до созыва очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (дабы не создавать впечатления, что США не стали учитывать ее мнение и уже самостоятельно определились с будущим Кореи, а также попытаться узнать дальнейшие планы Кремля), однако, в целом, позиция США по вопросу не изменилась. Южнокорейские силовые структуры рассматривались как уже продемонстрировавшие способность бороться с внутренней оппозицией. В то же время, в случае полномасштабной войны, небольшая американская группировка не только не усиливала позиции США в регионе, а, напротив, становилась уязвимой точкой. Соответственно, американское командование в Корею было проинструктировано не вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу на полуострове, а также избегать совершения любых действий, которые можно было истолковать в качестве повода для войны в отношении США [21. 1948. Vol. VI. P. 1342].

Вместе с тем в Вашингтоне учли мнение противников курса и в итоговом тексте резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, подготовленном совместно с Китаем и Австралией и утвержденном 12 декабря 1948 г., сохранилась срок завершения процесса вывода войск расплывчато определялся как «возможно короткий» [27]. В США вопрос о сроках вывода после этого был возвращен на рассмотрение Совета по национальной безопасности (СНБ) [21. 1949. Vol. VII, pt 2. P. 943, 945].

Заседание СНБ, посвященное данной проблеме, состоялось 22 марта 1949 г. Его результатом стало принятие и утверждение президентом меморандума СНБ-8/2 [Ibid. P. 969]. Задачи Соединенных Штатов в Корею не претерпели изменения. В СНБ учли мнение Макартура, считавшего, что сохранение военного присутствия в Корею не отвечает военно-стратегическим интересам США в регионе. Вне зависимости от того, какая тактика была бы избрана в дальнейшем, в Совете понимали,

что полностью исключить риск развития ситуации на Корейском полуострове по кризисному сценарию не получится. В результате в СНБ было принято решение о целесообразности завершения процесса вывода войск без дальнейших проволочек. Удобным поводом для публичного объявления о принятом решении должно было стать то, что приближалось завершение выполнения программы подготовки южнокорейских сил безопасности. Ориентировочной датой окончания эвакуации называлось 10 мая 1949 г. Крайний срок завершения вывода намечался на 30 июня 1949 г. При этом в объявлении для широкой общественности рекомендовалось акцентировать внимание на том, что вывод войск не означает уменьшения объемов американской помощи Республике Корея [21. 1949. Vol. VII, pt 2. P. 975–978].

Окончание военной оккупации юга Кореи продемонстрировало нежелание Соединенных Штатов и дальше нести бремя гарантий безопасности Республики Корея. Вашингтон предпочел решать свои задачи на полуострове иными, менее дорогостоящими инструментами. Вместе с тем по завершению процесса эвакуации воинского контингента Временная группа военных советников приобрела постоянный статус и была включена в структуру американской миссии в Корею наравне с посольством и местным агентством Администрации экономического сотрудничества [28. P. 45]. С точки зрения американской дипломатии, этот шаг должен был смягчить негативный эффект публичного объявления о завершении вывода войск [21. 1949. Vol. VII, pt 2. P. 980]. Организация Вашингтоном процесса вывода войск сочеталась с ведением американскими дипломатами и военными системной работы по оформлению договорной базы корейско-американских отношений в выгодном для США формате. Основным документом, определявшим курс Соединенных Штатов в этой сфере, являлся меморандум СНБ-8, в котором рекомендовалось продолжить оказание помощи Республике Корея, а также поощрять действия корейских властей, направленные на повышение политической и экономической стабильности [Ibid. P. 1168].

В рамках процесса реализации данного курса 11 сентября 1948 г. между США и Южной Кореей было заключено «Соглашение о финансах и имуществе», предусматривавшее трансфер активов американской военной администрации корейскому правительству и его отказ от любых финансовых претензий к американцам. При этом Республика Корея официально признавала легитимность всех ранее осуществленных США сделок с бывшей японской собственностью – в 1947–1948 гг. частным лицам было продано 513 предприятий (в основном, мелких), 839 объектов недвижимости и 916 других объектов. Характерно, что к 1949 г. около 30% от 860 промышленных предприятий Юга принадлежало американским гражданам [29. Л. 162]. В качестве компенсации корейские власти получали вырученные при продаже финансовые средства [30. P. 482–484].

Одновременно США на безвозмездной основе получали в пользование ряд объектов по всей стране, в том числе одна из лучших гостиниц Сеула «Бандо-отель» [29. Л. 136]. В отдельных случаях суверенитет новообразованного правительства фактически ограничивался. Так, соглашение содержало запрет на реэкспорт поставленного из США оборудования и требование согласования с Вашингтоном расходования средств упраздненной военной администрации. Наиболее спорный раздел соглашения содержал обязательство властей Республики Корея выплатить американцам стоимость имущества, поставленного для восстановления экономики полуострова (оценочно – 25 млн долл.) [30. P. 483, 486, 488].

Характер выдвинутых американцами требований привел к тому, что многими корейцами договор был воспринят как неравноправный. При утверждении соглашения в Национальном собрании за ратификацию документа проголосовало менее 40% из 200 депутатов, а 28 из них демонстративно вышли из зала заседаний. В опубликованном 21 сентября заявлении они призвали Вашингтон передать корейцам принадлежавшую японцам собственность (в том числе проданную ранее частным лицам), не взимать платы за поставленное оружие и военное снаряжение, а также не требовать компенсационных выплат и не запрещать реэкспорт [24. Л. 33–34]. Естественно, на эти пожелания Вашингтон не отреагировал.

Таким образом, планы США по снижению уровня своего участия в корейских делах обрели практическое наполнение. Их успех зависел в первую очередь от того, насколько эффективной окажется предусмотренная СНБ-8 экономическая помощь Республике Корея. Американцы осознавали, что она необходима для того, чтобы предупредить экономический коллапс юга полуострова. Также в зависимость от американской помощи ЦРУ ставило возможности Южной Кореи по отражению наступления с севера [31. P. 1]. Регулярно взывал к Вашингтону с просьбами о поддержке и Ли Сын Ман [21. 1948. Vol. VI. P. 1291]. Однако следование курсу на снижение издержек означало, что объемы этой поддержки будут ограничены «реальными и выполнимыми пределами» [Ibid. P. 1169].

В то же время ряд современных исследователей сомневается в том, что американская помощь в том виде, в котором она была оказана, являлась благом для корейской экономики. Так, историк Схэ Чжон Сук, соглашается что Республика Корея по своему развитию отставала от США примерно на 150 лет, однако аргументированно спорит с тем, что она стояла перед лицом экономического краха. В корейской историографии существует мнение, что лучшим выбором было бы не ставить будущее Кореи в полную зависимость от объемов поддержки из-за рубежа, а предоставить корейцам возможность самостоятельно развивать свою страну. В то же время главным мотивом оказания форсированной поддержки было стремление США обеспе-

чить способность Южной Кореи самостоятельно содержать достаточные для защиты от натиска коммунистов силовые структуры [32. Р. 137].

Программа помощи Южной Кореи была разработана Государственным департаментом еще весной 1947 г. Речь шла о сумме в 540 млн долл., которая выделялась на три года. За три последующих года объемы поддержки должны были снизиться до уровня 25 млн ежегодно. Госдепартамент направил программу в Конгресс, однако суета, связанная с окончанием работы очередной сессии последнего, а также сомнения дипломатического ведомства в том, что данный план в конечном итоге будет утвержден, привели к тому, что было принято решение о снятии документа с рассмотрения [21. 1948. Vol. VI. Р. 1293].

Следующий заход был сделан в начале осени 1948 г. по инициативе Трумэна. Координировать разработку и осуществления программы помощи Республике Корея Президент США поручил созданной для реализации плана Маршалла Администрации экономического сотрудничества. Исполняя поручение президента, глава этого органа П. Хоффман запросил рекомендации у Госдепартамента. В дипломатическом ведомстве был подготовлен проект оказания помощи на грантовой основе, направленной на развитие реального сектора корейской экономики в объеме 180 млн долл. Главной задачей данной программы провозглашалось обеспечение экономической самостоятельности Южной Кореи [Ibid. Р. 1294–1296].

И в Администрации экономического сотрудничества, и в Министерстве армии, куда также был направлен данный проект, согласились с предложениями Государственного департамента, но посомневались в том, что Конгресс утвердит столь большие затраты [Ibid. Р. 1297–1298]. К концу осени, следуя указаниям президента, П. Хоффман внес доработанный 3,5-летний план помощи Южной Кореи на рассмотрение Конгресса. Обсуждение документа должно было происходить в рамках процесса подготовки бюджета на 1950-й финансовый год. Все это время реальная помощь Кореи практически не оказывалась [32. Р. 139–140].

В данный период работа Государственного департамента ограничилась согласованием с властями Республики Корея механизма оказания помощи – он был регламентирован через Американо-Корейское экономическое соглашение, подписанное 10 декабря 1948 г. Согласно нему американцы получали право на назначение специального уполномоченного, обладавшего полномочиями по координации и инспектированию процесса использования корейцами американских ресурсов. Также он мог свободно перемещаться по стране, получал дипломатический иммунитет, и, в случае появления разногласий с корейцами, обладал правом порекомендовать Вашингтону приостановить или полностью прекратить поддержку южнокорейского режима. Со своей стороны корейские власти обязывались сбалансировать бюджет, развивать внешнюю тор-

говлю и внутреннее производство, разработать детальный план восстановления экономики [33. Р. 493–495]. Таким образом, американцы, пользуясь предложением необходимости контроля за использованием выделенных на развитие Кореи средств, получали легальную возможность вмешательства во внутренние дела южнокорейского государства, и создавали благоприятный климат для проникновения частного американского капитала в экономику страны.

В палате представителей Конгресса США обсуждение программы экономической помощи Кореи в размере 150 млн долл. началось по предложению президента Трумэна в июне 1949 г. Обоснованием необходимости данной меры послужили существование коммунистической угрозы и необходимость продемонстрировать корейцам такие преимущества демократии, как более высокий уровень жизни и рыночная экономика [34. Р. 9]. Американский президент называл Корею тестовым полигоном для демократических ценностей и идеалов [35. Р. 7359].

В данный период на страницах американской прессы развернулась оживленная дискуссия о целях американской помощи Кореи. Аргументы сторонников оказания поддержки южнокорейскому режиму для противодействия той угрозе, которую представлял альянс китайских и корейских коммунистов, оспаривались авторами, предлагающими тщательно взвесить все «за» и «против», дабы не искушать Ли Сын Мана объединить Корею под своим началом при помощи американского оружия (см. например: [36, 37]).

Активное обсуждение корейской проблематики происходило и в Конгрессе. Конгрессменами озвучивались противоположные по своей сути мнения – заявления о том, что помощь запоздала, а ее объемы недостаточны, соседствовали вообще не инвестировать 150 млн долл. в страну, которая от этого станет лишь более богатым трофеем для коммунистов после вывода войск США [38. Р. 27, 132]. В итоге до конца 1949 г. в палате представителей так и не было принято конкретных решений по проблеме. Более продуктивной была работа Сената, который одобрил выделение необходимых средств 12 октября 1949 г.

Однако, палату представителей документ пройти с первой попытки не смог – 19 января 1950 г. большинство ее членов проголосовало против оказания поддержки Республике Корея в указанных объемах [32. Р. 141]. План помощи был утвержден палатой лишь 9 февраля после снижения выделяемой суммы до 60 млн долл. Спустя пять дней документ был утвержден президентом Трумэном [39, 40].

В результате, по завершению процесса согласования, предложенные Госдепартаментом объемы помощи США Кореи были урезаны почти в три раза. Не все гладко было и с оказанием поддержки, которую предусматривало американо-корейское соглашение в области обороны, подписанное 26 января 1950 г. Данный договор основывался на одноименном акте, принятым

Конгрессом осенью 1949 г. Последний, в том числе, предусматривал поставки в Южную Корею американского «снаряжения, материалов, услуг и военной помощи» [41. Р. 73]. Из общей суммы в 814 млн долл., которая была выделена на поддержку дружественных США режимов по всему миру, Корею, Филиппинам и Ирану в совокупности направлялось 27,6 млн долл. [35. Р. 13022] (из них Корею – 10,2 млн [42. Р. 2]). Госдепартамент пытался добиться перевода помощи Кореи на более щедро финансируемую статью, однако Конгресс не поддержал эту инициативу [32. Р. 150–151].

С 1949 г. всю большую роль в восприятии Соединенными Штатами степени опасности коммунистической угрозы начинает играть китайский фактор – сказывались успехи Народно-освободительной армии Китая в гражданской войне. Разведка сообщала об усилении взаимодействия корейской и китайской коммунистических партий, растущих поставках вооружений в КНДР из Маньчжурии [21. 1949. Vol. VII, pt 2. Р. 987]. Слухи о том, что китайцы в тайне от США ввели войска в Северную Корею, циркулировали на полуострове еще с 1947 г. [Ibid. Р. 1078, 43–44].

Однако появление сведений о росте зависимости КНДР от китайских коммунистов имело и иной эффект – американцы начали сомневаться в том, что КНА обладает достаточным потенциалом для самостоятельного вторжения на Юг. Летом 1949 г. посол США в Сеуле Дж. Муччио сообщал в Вашингтон, что военные приготовления Северной Кореи являются, преимущественно, оборонительными. Так, по его сведениям, КНДР вела активное строительство фортификационных сооружений вдоль 38-й параллели и у северокорейских властей были планы о переносе столицы из Пхеньяна на север, ближе к границе с Китаем, дабы лучше защитить ее от вторжения с юга. В то же время, по информации посла, большая часть китайских войск в Маньчжурии была передислоцирована в центральные районы Китая [Ibid. Р. 1042–1043].

Сходные данные были и у американских военных – в министерстве армии указывали, что размер КНА примерно соответствовал таковому у южнокорейских силовых структур. При этом ставилась под сомнение способность КНДР вести эффективные боевые действия против хорошо оснащенной и подготовленной армии Республики Корея без прямой поддержки со стороны вооруженных сил СССР и коммунистического Китая [Ibid. Р. 1052].

Аналитики ЦРУ также призывали не завышать вероятность удара КНДР на Юг. С их точки зрения, влияние коммунистов в Республике Корея шло на спад и было явно недостаточным для создания реальной опасности смены власти в последней [45]. Также разведка сообщала, что на конец сентября 1949 г. ни одно из сообщений о вводе китайских войск так и не подтвердилось [21. 1949. Vol. VII. Part 2. Р. 1078–1079].

Важным аспектом непосредственного соприкосновения армий КНДР и Республики Корея на 38-й парал-

лели стало возникновение огромного количества разнообразных пограничных инцидентов. Они начались практически сразу после провозглашения двух независимых корейских государств в 1948 г., а к 1950 г. приняли характер малой войны, в ходе которой активно применялось не только стрелковое оружие, но и артиллерия [8. С. 339]. Однако американские военные достаточно объективно воспринимали сложившуюся ситуацию – сообщая о ситуации в Вашингтон генерал Ходж во многих случаях рассматривал действия КНДР как носящие ответный характер на провокации южан. Как излишне глубокие вторжения южан на Север характеризовал и начальник группы американских военных советников в Корею генерал Дж. Робертс [6. С. 27].

Тем не менее в информационном отчете ЦРУ от 27 июля 1949 г. инциденты на 38-й параллели рассматривались как осознанная деятельность коммунистов, целью которой было провоцирование страхов возникновения гражданской войны и усиление позиций левых сил перед очередной сессией ГА ООН. Как бы то ни было, в ЦРУ не видели в сложившейся ситуации признаков близости вторжения северокорейских войск на Юг [44, 46].

Наличие пограничных инцидентов позволяло Ли Сын Ману продолжать настаивать на необходимости сохранения присутствия на Юге Кореи американских войск [47]. Впрочем, если от малой войны на 38-й параллели и был политический эффект, то с конца 1948 до начала 1950 г. он был весьма противоречивым. В США были далеки от идеализации Ли Сын Мана и далеко не всегда доверяли его мнению. Аналитики ЦРУ характеризовали его как мстительного по натуре и восприимчивого к лести человека с ограниченными интеллектуальными способностями. Поведение Ли Сын Мана во многих ситуациях оценивалось как иррациональное и инфантильное [31. Р. 9–10].

Американское восприятие угрозы наступления коммунистов на полуострове по состоянию на конец декабря 1949 г. хорошо характеризует следующая цитата Муччио: «Хотя СССР постепенно наращивает северокорейскую военную мощь, ничто не доказывает, что СССР готов рискнуть и развязать полномасштабную войну, последствия и перипетии которой малопредсказуемы. С нашей точки зрения, вместо этого СССР продолжит использовать свою текущую тактику использования подрывной деятельности и саботажа в надежде на организацию партизанского движения на Юге» [21. 1949. Vol. VII, pt 2. Р. 1103]. По мнению историка У. Стьюка, в гораздо большей степени Вашингтон беспокоили тайваньская и индокитайская проблемы [48. С. 62]. Важным фактором стали успешные испытания ядерного оружия в СССР (американцам стало известно о них в начале осени 1949 г.)

В этих условиях в США были вновь подняты вопросы о стратегии в отношении Кореи и о ее месте в тихоокеанской системе безопасности. Если в начале 1948 г. глава отдела планирования внешней политики

Госдепартамента Дж. Кеннан вообще не считал Корею жизненно важным для США регионом [49. Р. 193], то теперь, после победы коммунистов в Китае, он рекомендовал распространить действие доктрины сдерживания на территорию Кореи. С точки зрения Кеннана, успех коммунистов на полуострове мог спровоцировать возникновение «волн паники», а «хрупкое состояние равновесия» в мире нарушится. Американский дипломат не считал нужным связывать США конкретными военными обязательствами в отношении Кореи, однако был уверен в необходимости немедленного военного ответа в случае начала наступления с Севера [17. Р. 188–189].

Госсекретарь Д. Ачесон, впрочем, считал, что подходы Кеннана уже не в полной мере отвечают изменившейся ситуации в мире [17. Р. 187]. К концу 1949 г. Кеннан в должности главы отдела планирования внешней политики сменил П. Нитце, ранее выступавший против вывода войск США из Кореи. В начале 1950 г. под руководством Нитце была разработана директива СНБ-68, которая стала одним из ключевых документов, определивших контуры стратегии сдерживания. Директива основывалась на тезисе об опасности для стран «свободного мира», исходящей от СССР, и допускала, что Кремль встанет на путь «малых» агрессий в различных регионах. Для предотвращения данной угрозы предлагалось значительно повысить военные расходы США, а также увеличить объемы военной помощи странам-союзникам [49]. Членами рабочей группы по подготовке меморандума в качестве цели одной из таких агрессий обозначалась Республика Корея [17. Р. 193]. Нитце требовал противостоять ударам коммунизма в любом регионе мира, чем значительно отличался от Кеннана, считавшего важным сохранение баланса сил и настаивавшего на том, что возможности США в деле разрешения международных проблем ограничены. Вместе с тем в начале 1950 г. идеи, высказанные в СНБ-68, не были аксиомами и нередко подвергались критике. Так, советники Ачесона, Кеннан и Ч. Болен считали, что мощь СССР носит ограниченный и неэкспансионистский характер. Примечательно, что сам госсекретарь в ответ на критику СНБ-68 однажды заявил, что не важно, насколько «точен и внутренне согласован документ, который не важен» [50. Р. 147–148].

Применительно к Корее позиция Ачесона заключалась в том, что территорию полуострова невозможно защитить чисто военными методами. Дипломат настаивал на оказании стране помощи для того, чтобы южнокорейский режим мог самостоятельно постоять за себя [32. Р. 141]. 30 декабря 1949 г. эта позиция была

закреплена в директивной СНБ-48, предусматривавшей оказание моральной и материальной помощи Южной Корее, что впоследствии позволило бы ей послужить ядром для единого корейского государства, созданного мирным путем и на демократической основе [51. Р. 256]. Восприятие американцами ситуации на полуострове к началу 1950 г. иллюстрируют слова Кеннана: «Обстановка в Корее на удивление хорошая и есть все признаки, что с нашей помощью режим способен удержать власть в своих руках» [21. 1950. Vol. I. Р. 130].

Публичное оглашение позиции Соединенных Штатов по Корее произошло в речи Ачесона 12 января 1950 г. в Национальном пресс-клубе. Вслед за СНБ-48 и более ранними высказываниями генерала Макартура [16. Р. 22] госсекретарь проводил американский оборонительный периметр через Филиппины, Рюкю, Японию и Алеутские острова. В то же время, вопреки мнениям критиков, Ачесон не исключал Корею из числа поддерживаемых Соединенными Штатами государств. Госсекретарь лишь предупреждал, что первое время после атаки ей, как и другим второстепенным государствам, придется рассчитывать на собственные силы и помощь ООН [52]. Характерно, что после начала Корейской войны летом 1950 г. Вашингтон действовал именно по данному сценарию.

В целом период с середины 1948 по начало 1950 г. стал для американцев временем дискуссий относительно положения Кореи системе безопасности США на Тихом океане. Одной из главных проблем стал вопрос о выводе войск, от которого зависел потенциальный набор инструментов и рычагов влияния США на ситуацию на полуострове. В итоге главными для американцев стали военно-стратегические соображения, а также стремление сэкономить ресурсы. Вопрос о выводе войск был решен положительно, а безопасность Южной Кореи предполагалось обеспечивать косвенными методами. Это позволило США снизить риск втягивания в полномасштабный вооруженный конфликт из-за ненужной провокации.

Вашингтону удалось достичь определенных результатов – не допустить победы коммунистов на всей территории полуострова, предотвратить формирование коммунистического монолита в Северо-Восточной Азии и на короткий срок существенно облегчить материальное бремя своего участия в делах Республики Корея. В то же время обороноспособность сеульского режима так и не была доведена до необходимого уровня, и полученные результаты в короткий срок были нивелированы вовлечением США в прямой вооруженный конфликт на территории Кореи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванин Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М., 2006.
2. Ванин Ю.В. Московское совещание министров иностранных дел и Корея // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 6.
3. Ким Н.Н. Южная Корея 1945–1949 гг. Политическая история. М., 2015.
4. Коротков Г.И., Ванин Ю.В., Пак Б.Д., Шаповалов Н.И., Гришанов В.М., Кан П.Х. Корея: расчленение, война, объединение. М., 1995.
5. Папроцкий В.М. Эволюция военной политики США в отношении Южной Кореи в период после второй мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
6. Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны: к 55-летию начала войны в Корее: 1950–1953 гг. М., 2005.

7. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008.
8. Торкунов А.В. История Кореи. Новое прочтение. М., 2003.
9. Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: Новый взгляд. М., 1995.
10. Егорова Н.И. «Новая история «холодной войны»» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 116–129.
11. Наринский М.М. История международных отношений 1945–1975 гг. М., 2004.
12. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006.
13. Юнгблюд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 гг. Киров, 1998.
14. Юнгблюд В.Т. Государственный департамент и альтернативы дальневосточной политики США (1933–1941 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С. 43–48.
15. Cumings B. The Origins of the Korean war : in 2 v. Seoul, 2002.
16. Matray J. Dean Acheson's Press Club Speech Reexamined // The Journal of Conflict Studies. 2002. Vol. 22. № 1. P. 28–55.
17. Seung-young Kim American Diplomacy and Strategy toward Korea and Northeast Asia, 1882–1950 and After: Perception of Polarity and US Commitment to a Periphery. L., 2009.
18. Freedom of Information Act Electronic Reading Room | CIA FOIA (foia.cia.gov) documents. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/>
19. Korea intelligence records. 1950. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A001400030001-2.pdf>
20. Садаков Д.А. Американские оценки политики СССР на Севере Кореи в 1945–1948 гг. // Корея: 70 лет после освобождения. М., 2015. С. 168–180.
21. Foreign Relations of United States. Diplomatic papers (FRUS). 1948–1950. Wash. : GPO, 1974–1976.
22. Kenneth Royall to George C. Marshall. 1948. June. URL: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-5.pdf#zoom=100. P. 1.
23. Military and security measures. Interim agreement signed at Seoul. 1948. August 24. URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-korea-ust000009-0477.pdf>
24. Архив внешней политики Министерства иностранных дел РФ (АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 4. П. 10. Д. 42.
25. Consequences of US Troop Withdrawal from Korea in Spring. 1949. URL: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-9-1.pdf#zoom=100. P. 1.
26. George C. Marshall to Kenneth Royall. 1948. June 23. URL: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-4.pdf#zoom=100
27. A/RES/195 (III) Вопрос о независимости Кореи // Резолюции 3-й сессии (1948–1949 годы). Генеральная Ассамблея ООН. URL: <http://www.un.org/ru/ga/3/docs/3res.shtml>
28. Sawyer R. Military Advisors in Korea: KMAG in Peace and War. Wash, 1988.
29. АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 5. П. 12. Д. 27.
30. Financial and Property settlement. Agreement and Supplement signed at Seoul. 1948. September 11. URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-korea-ust000009-0481.pdf>. P. 482–484.
31. Prospects for Survival of the Republic of Korea. 1948. October 28. URL: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-8-7.pdf#zoom=100
32. Jongsuk Chay Unequal Partners in Peace and War: The Republic of Korea and the United States, 1948–1953. Westport, 2002.
33. Economic cooperation. Agreement signed at Seoul. 1948. December 10. URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-korea-ust000009-0492.pdf>. P. 493–495.
34. The Truth about Korea. 1950. URL: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/ki-18-4.pdf. P. 9.
35. Congressional Record. Vol. 95. Wash., 1949.
36. Plattsburgh press-Republican. 1949. May 09.
37. Plattsburgh press-Republican. 1949. May 31.
38. Korean Aid. Hearings before the committee on foreign affairs. Eighty-first congress. First session on H. R. 5330. Wash, 1949.
39. Aid to Korea // CQ Almanac 1949. URL: <https://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal49-1400125>
40. Korean-Formosan Aid // CQ Almanac 1950. URL: <http://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal50-1377531>
41. Agreement between the Government of the United States and the Government of the Republic of Korea. Mutual defence assistance // The American Journal of International Law. 1951. July. Supplement: Official Documents.
42. National Security Council Progress Report On the Implementation of National Security Council Report 8/2. 1950. February 10. URL: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-8-1.pdf#zoom=100
43. Military Information: Chinese Communist Army In North Korea URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R000600160001-1.pdf>
44. Communist Capabilities in South Korea // United States. Central Intelligence Agency. Secret, Intelligence Estimate. 1949. February 21. URL: <http://search.proquest.com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679148715/B7103CAAD82F4123PQ/1?accountid=108701>, после регистрации.
45. Significance of Recent Fighting Along 38th Parallel. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R003000370003-9.pdf>.
46. Movement of CCF Troops from Manchuria to North Korea // United States. Far East Command. Assistant Chief of Staff for Intelligence. Theater Intelligence Division. Secret, Memorandum. 1949. October 21. URL: <http://search.proquest.com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679101713/B7103CAAD82F4123PQ/9?accountid=108701>, после регистрации.
47. Madera Tribune. 1949. September 3.
48. Стюк У. Корейская война. М., 2002.
49. Задачи и программы национальной безопасности США. Директива СНБ 68, 14 апреля 1950 г. URL: <http://www.coldwar.ru/bases/nsc-68.php>.
50. War, State and Society. L., 1984.
51. Containment: documents on American policy and Strategy, 1945–1950. N.Y., 1978
52. Acheson D. Speech on the Far East. URL: <http://teachingamericanhistory.org/library/document/speech-on-the-far-east/#doc-tabs-full>

Denis A. Sadakov. Vyatka State University (Vyatka, Russian Federation). E-mail: rstk2005@gmail.com

SELECTION OF THE PLACE OF THE REPUBLIC OF KOREA IN THE PACIFIC SECURITY SYSTEM OF THE UNITED STATES ON THE EVE OF THE KOREAN WAR (1948-EARLY 1950)

Keywords: USA; Republic of Korea; G. Truman; D. Acheson.

The article is devoted to such aspects of the United States policy toward Korea in 1948–1950 as the process of inclusion the Republic of Korea in the US Pacific security system. The aim of the study is to identify the ideas and approaches that influenced on the position of the Republic of Korea inside US Pacific security system.

Primary sources of the research are the materials of the Foreign Policy Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Internet archives, published and unpublished documents of the diplomatic departments of the USSR and the USA, materials from the US Congress, declassified Central Intelligence Agency documents, memoirs of US policymakers.

The author discusses the following problems of the US Korean policy history as: the strategic importance of the Korean peninsula for United States national security, the withdrawal of US troops from the territory of Korea; formation of documentary base of Korean-American relations; the role of the United States Congress in the implementation of Korean politics; the impact of border provocations along the 38th parallel on the perception of the communist threat by US establishment. The article describes the US tasks on the Korean peninsula after fixation of the Korean division into two independent states, examines the methods of Washington's policy on the peninsula, characterizes the resources spent on the implementation of the US political course, and evaluates the effectiveness of Washington's foreign policy. Attention is focused on the priorities chosen by the American establishment.

The study suggests that the withdrawal of American troops from Korean peninsula was the central point of discussion among the United States foreign policy establishment regarding the place of Korea in the US Pacific security system. Final solution of that issue influenced on the set of instruments that the Americans could operate in the future. The final decision to withdraw the troops allowed to save resources spent on the occupation and reduce the risk of being drawn into a full-scale war in Korea.

For a short time American diplomacy managed to achieve an acceptable result - Washington prevented Communist triumph over the whole Korean peninsula and formation of a communist monolith in Northeast Asia, significantly reduced the financial burden of United States participation in the Korean problem. However, this result was annulled by the direct involvement of the US in a Korean military conflict in summer of 1950.

REFERENCES

1. Vanin, Yu.V. (2006) *Koreyskaya voyna (1950–1953) i OON* [The Korean War (1950–1953) and the UNO]. Moscow: RAS.
2. Vanin, Yu.V. (1995) Moskovskoe soveshchanie ministrov inostrannykh del i Koreya [Moscow meeting of foreign ministers and Korea]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*. 6.
3. Kim, N.N. (2015) *Yuzhnaya Koreya 1945–1949 gg. Politicheskaya istoriya* [South Korea in 1945–1949. Political history]. Moscow: Vostochnaya literatura.
4. Korotkov, G.I., Vanin, Yu.V., Pak, B.D., Shapovalov, N.I., Grishanov, V.M. & Kan, P.Kh. (1995) *Koreya: raschlenenie, voyna, ob"edinenie* [Korea: dismemberment, war, unification]. Moscow: Znanie.
5. Paprotsky, V.M. (1996) *Evolutsiya voennoy politiki SShA v otnoshenii Yuzhnoy Korei v period posle vtoroy mirovoy voyny* [The evolution of US military policy towards South Korea in the period after the Second World War]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Popov, I.M., Lavrenov, S.Ya. & Bogdanov, V.N. (2005) *Koreya v ogne voyny: k 55-letiyu nachala voyny v Koree: 1950 – 1953 gg.* [Korea on fire: to the 55th anniversary of the outbreak of war in Korea: 1950–1953]. Moscow: Kuchkovo pole.
7. Torkunov, A.V., Denisov, V.I. & Li, V.F. (2008) *Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii* [Korean peninsula: Metamorphoses of Post-War History]. Moscow: Olma Media Grupp.
8. Torkunov, A.V. (2003) *Istoriya Korei. Novoe prochtenie* [History of Korea. New Interpretation]. Moscow: ROSSPEN.
9. Torkunov, A.V. & Ufimtsev, E.P. (1995) *Koreyskaya problema: Novyy vzglyad* [The Korean Problem: A New Look]. Moscow: Ankil.
10. Egorova, N.I. (2009) "Novaya istoriya" "kholodnoy voyny" v sovremennykh zarubezhnykh issledovaniyakh ["The new history of the Cold War" in modern foreign studies]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 4. pp. 116–129.
11. Narinsky, M.M. (2004) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy 1945–1975 gg.* [The History of International Relations 1945–1975]. Moscow: ROSSPEN.
12. Pechatnov, V.O. (2006) *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940 kh gg.: Dokumental'nye ocherki* [Stalin, Roosevelt, Truman: USSR and USA in the 1940s: Documentary essays]. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.
13. Yungblyud, V.T. (1998) *Vneshnepoliticheskaya mysl' CShA 1939–1945 gg.* [Foreign Policy Thought of the USA in 1939–1945]. Kirov: Vyatka State Pedagogical University.
14. Yungblyud, V.T. (2006) Gosudarstvennyy departament i al'ternativy dal'nevostochnoy politiki SShA (1933–1941 gg.) [Department of State and Alternatives to Far Eastern Policy of the USA (1933–1941)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 15. pp. 43–48.
15. Cumings, B. (2002) *The Origins of the Korean War (in 2 vols.)*. Seoul: [s.n.].
16. Matray, J. (2002) Dean Acheson's Press Club Speech Reexamined. *The Journal of Conflict Studies*. 22(1). pp. 28–55.
17. Kim, S. (2009) *American Diplomacy and Strategy toward Korea and Northeast Asia, 1882–1950 and After: Perception of Polarity and US Commitment to a Periphery*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
18. CIA FOIA. (n.d.) *Freedom of Information Act Electronic Reading Room*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/>.
19. CIA. (1950) *Korea intelligence records*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A001400030001-2.pdf>
20. Sadakov, D.A. (2015) Amerikanskie otsenki politiki SSSR na Severe Korei v 1945–1948 gg. [American assessment of the Soviet policies in the North Korea in 1945–1948]. In: Zhebin. A.Z. (ed.) *Koreya: 70 let posle osvobodzheniya* [Korea: 70 years after liberation]. Moscow: RAS. pp. 168–180.
21. Foreign Relations of United States. (1974–1976) *Diplomatic papers. (FRUS). 1948–1950*. Washington: GPO.
22. Royall, K. (1948) *Kenneth Royall to George C. Marshall*. 1948. June. [Online] Available from: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-5.pdf#zoom=100
23. The Library of Congress. (1948) *Military and security measures. Interim agreement signed at Seoul*. August 24. [Online] Available from: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-korea-ust000009-0477.pdf>
24. The Archive of Foreign Policy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (AVP RF). Fund 0102. List 4. 10. File 42.
25. The Truman Library. (1949) *Consequences of US Troop Withdrawal from Korea in Spring*. [Online] Available from: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-9-1.pdf#zoom=100
26. Marshall, G.C. (1948) *George C. Marshall to Kenneth Royall*. June 23. [Online] Available from: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-4.pdf#zoom=100
27. The UN General Assembly. (n.d.) *A/RES/195 (III) Vopros o nezavisimosti Korei. Rezolyutsii 3-y sessii (1948–1949 gody)* [A/RES/195 (III) The Question of Korean Independence. Resolutions of the 3rd Session (1948–1949)]. [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/ga/3/docs/3res.shtml>
28. Sawyer, R. (1988) *Military Advisors in Korea: KMAG in Peace and War*. Washington: Center of Military History United States Army.
29. The Archive of Foreign Policy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (AVP RF). Fund 0102. List 5. 12. File 27.
30. The Library of Congress. (1948) *Financial and Property settlement. Agreement and Supplement signed at Seoul*. September 11. pp. 482–484. [Online] Available from: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-korea-ust000009-0481.pdf>
31. The Truman Library. (1948) *Prospects for Survival of the Republic of Korea*. October 28. [Online] Available from: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-8-7.pdf#zoom=100
32. Chay, J. (2002) *Unequal Partners in Peace and War: The Republic of Korea and the United States, 1948–1953*. Westport: Praeger.
33. The Library of Congress. (1948) *Economic cooperation. Agreement signed at Seoul*. December 10. pp. 493–495. [Online] Available from: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-korea-ust000009-0492.pdf>

34. The Truman Library. (1950) *The Truth about Korea*. [Online] Available from: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/ki-18-4.pdf
35. The US Congress. (1949) *Congressional Record*. Vol. 95. Washington: [s.n.].
36. *Plattsburgh press-Republican*. (1949) 9th May.
37. *Plattsburgh press-Republican*. (1949) 31st May.
38. The US Congress. (1949) *Korean Aid. Hearings before the committee on foreign affairs*. Eighty-first congress. First session on H. R. 5330. Washington: [s.n.].
39. CQ Press. (1949) *Aid to Korea*. [Online] Available from: <https://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal49-1400125>
40. CQ Press. (1950) *Korean-Formosan Aid*. [Online] Available from: <http://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal50-1377531>
41. USA. (1951) Agreement between the Government of the United States and the Government of the Republic of Korea. Mutual defence assistance. *The American Journal of International Law*. July. Supplement: Official Documents.
42. The Truman Library. (1950) *National Security Council Progress Report On the Implementation of National Security Council Report 8/2*. February 10. [Online] Available from: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-8-1.pdf#zoom=100
43. CIA. (n.d.) *Military Information: Chinese Communist Army in North Korea*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R000600160001-1.pdf>
44. CIA. (1949) Communist Capabilities in South Korea. *United States. Central Intelligence Agency. Secret, Intelligence Estimate. 1949*. February 21. [Online] Available from: <http://search.proquest.com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679148715/B7103CAAD82F4123PQ/1?accountid=108701>
45. CIA. (n.d.) *Significance of Recent Fighting Along 38th Parallel*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R003000370003-9.pdf>
46. United States. Far East Command. (1949) Movement of CCF Troops from Manchuria to North Korea. *United States. Far East Command. Assistant Chief of Staff for Intelligence. Theater Intelligence Division. Secret, Memorandum*. October 21. [Online] Available from: <http://search.proquest.com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679101713/B7103CAAD82F4123PQ/9?accountid=108701>
47. *Madera Tribune*. (1949) 3rd September.
48. Stueck, W. (2002) *Koreyskaya vojna* [The Korean War]. Translated from English by Yu. Yablokov. Moscow: AST.
49. Coldwar.ru. (1950) *Zadachi i programmy natsional'noy bezopasnosti SShA. Direktiva SNB 68, 14 aprelya 1950g.* [Tasks and programs of US national security. SNB Directive 68, April 14, 1950]. [Online] Available from: <http://www.coldwar.ru/bases/nsc-68.php>
50. Cock, J. & Olive, R. (1984) *War, State and Society*. London: Springer.
51. Etzold, T.H. & Gaddis, J.L. (1978) *Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950*. New York: Columbia University Press.
52. Acheson, D. (n.d.) *Speech on the Far East*. [Online] Available from: <http://teachingamericanhistory.org/library/document/speech-on-the-far-east/#doc-tabs-full>

УДК 94(73)"1979/1980"
DOI: 10.17223/19988613/63/13

А.И. Сенников

КУРДСКИЙ ВОПРОС В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. КАРТЕРА В 1979–1980 гг.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-01-00330.

Исследуется ближневосточная политика администрации Дж. Картера в 1979–1980 гг. и влияние на нее курдского вопроса. Рассматривается проблема активности трех ключевых движений в Курдистане: турецкого, иракского и иранского – и увязанных с этим вопросов двусторонних отношений США с Анкарой, Багдадом и Тегераном. Внимание уделяется курдским действиям, направленным на выстраивание отношений с Вашингтоном. Исследуется вопрос влияния исламской революции в Иране и ввода советских войск в Афганистан на позицию США по курдскому вопросу.

Ключевые слова: курдский вопрос; ближневосточная политика США; Дж. Картер; Зб. Бжезинский; исламская революция в Иране.

В современной мировой политике заметное место занял курдский вопрос. Учитывая, что курдский этнос разделен между Ираном, Ираком, Турцией и Сирией, то выработка политики в отношении курдской проблемы по определению приобретает комплексный характер и должна учитывать внутривосточную ситуацию и роль в регионе всех названных субъектов международных отношений. В частности, это можно проследить на примере ближневосточной политики президента Дж. Картера на завершающей стадии его президентства¹.

1979 г. оказался знаковым и определяющим для стран Ближнего Востока и для всей системы международных отношений на последующие десятилетия: революция в Иране и образование исламской республики, ликвидация СЕНТО, подписание мирного договора между Израилем и Египтом (в результате Кэмп-Дэвидского переговорного процесса), начало единоличного правления Саддама Хуссейна в Ираке, создание Рабочей партии Курдистана в Турции, ввод советских войск в Афганистан [1. С. 105; 2]. Все эти исторические события отразились на американской ближневосточной политике и сыграли свою роль в появлении провозглашенной в январе 1980 г. «доктрины Картера»².

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии американской внешней политики вопрос о месте в ней курдского движения остается малоизученным. Можно выделить ряд работ американских историков, которые в различной степени затрагивали данную проблему: К. Эмери коснулся курдской проблематики в рамках изучения исламской революции в Иране в 1979 г. [3], М. Гюнтер – известный специалист по курдскому вопросу – посвятил свои работы развитию курдского движения во всех регионах проживания этноса [4] и проработал пять стадий американской политики в его отношении [5]; М. Гасиоровски, изучая во-

влеченность американских спецслужб в иранские дела в феврале–ноябре 1979 г., уделит внимание курдскому вопросу в Иране [6]; в монографии Б. Гибсона прослеживается развитие американской политики в отношении иракских курдов в 1970-е гг. [7]. Определенной разработке подверглась история курдского движения в Турции в конце 1970-х – начале 1980-х гг. [8]. Имеются исследования по проблемам иракских и иранских курдов, связанные с трансформацией режимов в странах их проживания [9, 10]. Важным фактором расширения предметного поля работы историков является открытие архивов, в первую очередь документов ЦРУ.

Еще до прихода Картера на пост президента, в Вашингтоне был выработан подход к курдской проблеме. После подавления восстания иракских курдов Багдадом в 1974–1975 гг., и, по сути, провала секретной операции по поддержке антибаасистского движения в Ираке, американское руководство решило дистанцироваться от курдов [11. С. 82]. Данное решение подкреплялось тем фактом, что два ключевых региональных союзника США – Турция и Иран – были настроены против дальнейшего взаимодействия с курдами. Сами курды не воспринимались как самостоятельный субъект международных отношений [12]. На протяжении 1977–1978 гг. они рассматривались Вашингтоном с точки зрения возможной дестабилизации отношений с ближневосточными странами, в первую очередь Ираком и Ираном [13. Р. 420]. Однако при всей важности ближневосточных проблем в американской политике, одновременно, как отмечал советник президента США по национальной безопасности Зб. Бжезинский, Картеру важны были переговоры с Москвой по ОСВ-2 [14. Р. 437]. Это, по мнению К. Эмери, и стало причиной того, что Белый дом «проглядел» события в Иране в январе–феврале 1979 г., и той отреченности, с которой американские власти встретили свержение иранской монархии [3. Р. 45].

Победа антишахской революции в Иране и провозглашение исламской республики оказали большое влияние на сопредельные страны и международные отношения на Ближнем Востоке [15]. Международный резонанс получили события и в самом Иране, в частности движение курдов, которые выступили за демократические преобразования и против установления теократической власти аятолл [16]. Во главе движения встала Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) [4. Р. 132] – ответвление Демократической партии Курдистана (Ирак), созданное еще в годы Мехабадской республики в 1946 г.

Лидеры иранских курдов надеялись привлечь внимание руководства США и получить их поддержку в борьбе с Тегераном. Определенные надежды на осуществление подобного сценария были, поскольку Зб. Бжезинский призывал повлиять на ситуацию с целью обеспечения транзита власти к умеренным демократическим элементам [14. Р. 376–377], и считал нужным следить за курдскими действиями [17]. Тем не менее решающее слово оставалось за Картером. Он сам и его соратники (в первую очередь госсекретарь С. Вэнс и глава аппарата Белого Дома Г. Джордан) были против применения силы в отношении нового иранского режима [18. Р. 433, 453–454; 19. Р. 19], даже несмотря на взятый властями исламской республики жесткий антиамериканский курс.

В то же время Директор Центральной разведки США адмирал С. Тернер получил несколько докладов, которые указывали на желание курдов наладить связь с Вашингтоном, возможность использовать их против нового недемократического руководства Ирана [20, 21]. Сам Тернер на пресс-конференции 16 апреля 1979 г., отвечая на вопрос о ситуации в Иране, выразил опасение, что стране угрожает распад ввиду активизации национальных движений: курдов, азербайджанцев, белуджей [22]. Адмирал предположил, что Ирану предстоит долгий путь межнациональной консолидации, который пришлось пройти Ираку и Турции, и дал понять, что США должны оказывать определенное воздействие на иранскую оппозицию, чтобы не допустить к власти левые силы. Но решение президентской администрации о невмешательстве во внутренние иранские дела касалось в том числе акций разведывательных служб [6. Р. 116]. ЦРУ оказалось ограничено в своих возможностях влиять на события в Иране, став наблюдателем. В феврале–марте 1979 г. американцы вывели большую часть агентов ЦРУ из страны, оставив небольшой контингент для сбора информации [3. Р. 119].

Позиция американской власти не мешала лидерам ДПИК апеллировать к авторитету Вашингтона при выстраивании отношений с другими партиями и движениями Западного Курдистана или пытаться найти подходы к американскому политическому руководству, в том числе посредством лоббирования своих интересов [23. С. 26]. Голоса в поддержку курдского движения в Иране звучали в Конгрессе США, прежде всего в вы-

ступлениях конгрессменов демократа Т. Дэшла и республиканца Р. Майкла [24. Р. 33–34]. Иранские курды продолжали открытое сопротивление Тегерану до апреля 1980 г., разведка США внимательно следила за развитием ситуации [25, 26].

Важным событием в истории курдского движения стала кончина многолетнего лидера иракских курдов Муллы Мустафы Барзани 1 марта 1979 г. [27. Р. 26]. Американская общественность отреагировала на смерть Барзани [23. С. 27]. Откликнулись также ведущие печатные издания, такие как *The New York Times* и *The Washington Post* [28, 29]. С яркой речью выступил в Сенате сенатор-демократ У. Проксмайер [24. Р. 33]. Уход из жизни Барзани отразился на внутрикурдских отношениях в Ираке: деятели ДПК во главе с Идрисом Барзани³ и Патриотического Союза Курдистана (ПСК) во главе с Дж. Талабани смогли на время отложить разногласия и начать диалог. При поддержке сторонников из Турции и Ирана, функционеры ДПК смогли провести девятый партийный конгресс 4–13 декабря 1979 г. [30], на котором лидером партии был избран Масуд Барзани. Находясь в сложных условиях давления со стороны баасистского Багдада, иракские курды смогли реорганизовать свои политические и военные силы, наладить контакты с курдскими движениями в Турции и Иране.

Для Вашингтона, однако, отказ от поддержки курдского движения в Ираке был вызван желанием скрыть американскую вовлеченность во внутрииракские дела в прошлом [7. Р. 205]. Став президентом и активно приступив к урегулированию арабо-израильского конфликта, Картер рассчитывал наладить отношения со всеми странами Ближнего Востока [18. Р. 279], включая Ирак, который после прихода в Белый Дом новой администрации непродолжительное время симпатизировал этой идее [13. Р. 420]. Однако иракское правительство отказывалось от восстановления отношений, ссылаясь на поддержку американцами курдов в прошлом и Израилем в настоящем [Ibid. Р. 424]. Несмотря на это, между США и баасистским Ираком действовали и расширялись торгово-экономические связи [31. Р. 98].

В 1978–1979 гг. в Ираке прокатилась волна жестоких репрессий против альтернативных Баас партий и политических движений (в первую очередь коммунистов и курдов) [13. Р. 439]. Политическая коалиция в лице Народного фронта, созданная в начале 1970-х гг., куда входили представители левых политических движений, пользовавшаяся поддержкой Москвы, была разгромлена [32. С. 10]. 16 июля 1979 г. на закрытом чрезвычайном съезде Совета революционного командования (СРК) Ирака Ахмед Хасан Аль-Бакр был снят с постов президента и председателя СРК, на которые был назначен Саддам Хусейн [9. Р. 296]. Репрессивная политика Багдада вызвала охлаждение в советско-иракских отношениях [33. Р. 107], но активизировала интерес США к баасистскому режиму в Ираке, особенно в условиях, когда Вашингтон потерял главного союзника в регионе – шахский Иран.

Американцы никак не отреагировали на иракскую политическую рокировку, но приветствовали те действия Багдада, которые вели к отдалению его от Москвы [34]. США в первую очередь были заинтересованы в иракской нефти (особенно после наложения эмбарго на Иран в ответ на ноябрьские события 1979 г.) [13. Р. 443], поставки которой были основным пунктом экспорта Ирака, в то же время Саддам желал диверсифицировать источники приобретения вооружения для иракской армии и находил в этом поддержку Вашингтона [31. Р. 98].

Существовало также серьезное препятствие, вставшее на пути установления связей между американской разведкой и иранскими или иракскими курдами – позиция Турции. С осени 1978 г. начались волнения в восточных провинциях Турецкой республики, вылившиеся в массовые столкновения местного нетурецкого населения с органами правопорядка, а затем и с турецкой армией [35]. Основу народного протеста составляли турецкие курды, находившиеся под влиянием событий в соседнем Иране, где курдское движение поднялось против нарастающей исламизации общества. Главной движущей силой стала Рабочая партия Курдистана (РПК), основанная 27 ноября 1978 г. Абдуллой Оджаланом. Представители РПК объявили начало борьбы за отделение Турецкого Курдистана и создание независимого курдского социалистического государства [36. Р. 106].

Турецкие курды использовали для реализации своих целей силовые средства, в том числе терроризм [37]. Руководство Турции не могло мириться с начавшимися волнениями на востоке страны. Под давлением армейского руководства, правительство Б. Эджевита ввело в декабре 1978 г. режим военного положения в отдельных областях Турции [38. Р. 394; 39]. Как отмечали следившие за происходившими в турецкой части Курдистана сотрудники американской разведки, турецкие военные использовали военный режим для массовых этнических чисток, направленных против курдов [40]. За период с декабря 1978 по апрель 1979 г. в столкновениях с армией погибло не менее тысячи курдов [8. Р. 63].

Правительство Эджевита и руководство турецкой армии искали источники поддержки курдского движения. И если премьер-министр Эджевит был склонен искать советский след [38. Р. 408], то у военных были подозрения, что за курдским сепаратизмом в Турции стоят Соединенные Штаты. Основанием для таких выводов служили вскрытые контакты представителей РПК с курдскими партиями в других частях Курдистана (ДПК, ДПИК и Патриотическим Союзом Курдистана). По мнению турецкой стороны, эти партии имели выход через секретные каналы ЦРУ на американское руководство и поддерживались Вашингтоном [38. Р. 343, 409; 41].

Госдепартамент приложил все усилия, чтобы доказать Анкаре отсутствие вовлеченности Вашингтона в курдские дела. В апреле 1979 г. американский посол в

Турции Р. Спирс встретился с министром иностранных дел Г. Окджунум и заявил от имени правительства США о стремлении поддержать единство и обороноспособность Турции – важного союзника в составе НАТО и на Ближнем Востоке [38. Р. 411–412]. Вскоре после этого президент Картер выступил перед Конгрессом и предложил предоставить переживающей экономические затруднения и гражданские волнения Анкаре дополнительные 100 млн долл. в качестве денежной помощи [Ibid. Р. 418]. Предложение Картера было принято конгрессменами, что встретило положительный отклик в турецком обществе и военной элите [Ibid. Р. 417]. 31 мая 1979 г. госсекретарь Вэнс встретился с Окджунум в Гааге на конференции министров иностранных дел стран – участниц НАТО, чтобы обсудить общие вопросы текущих американо-турецких отношений. Вэнс заверил министра, что для Вашингтона отношения с Турцией являются очень важными [Ibid. Р. 429]. В августе заместитель госсекретаря У. Кристофер, выступая в комитете Конгресса по иностранным делам, подвел итог американской политике в отношении Турции, заявив, что США необходима сильная, демократичная, прозападная Турция, особенно во время политического кризиса в Иране и его выхода из американской сферы влияния [42. Р. 44]. Американцы продолжали следить за ситуацией вокруг курдского вопроса [43, 44], однако позиция Турции стала основным фактором нежелания США налаживать контакты с иранским курдским движением [5. Р. 106].

Позиция Вашингтона по курдскому вопросу в Иране, как и в отношении самого Ирана, стала меняться после захвата американских заложников в Тегеране 4 ноября 1979 г. В этот день радикально настроенные студенты, называвшие себя «учениками Хомейни», взяли штурмом здание посольства США⁴ под предлогом того, что дипломатическая миссия является «гнездом шпионажа и заговоров против Ирана». Захватчики тут же выдвинули требование Вашингтону, после выполнения которого готовы были выпустить заложников: возвращение свергнутого шаха М.Р. Пехлеви, который в этот момент находился на лечении в Штатах, чтобы тот предстал перед народным судом, а также всего вывезенного шахской семьей и «отобранного у народа Ирана» состояния [31. Р. 90]. Помимо этого руководству Белого Дома следовало принести официальные извинения за действия американцев в Иране в прошлом и пообещать не вмешиваться в его внутренние дела в будущем. В ответ на захват заложников президент Картер заморозил все иранские активы в американских банках (порядка 7,9 млрд долл.) [9. Р. 294] и ввел эмбарго на поставки иранской нефти. Вскоре США разорвали дипломатические отношения с Ираном и выдворили всех иранских дипломатов из страны.

Возросшее напряжение между Тегераном и Вашингтоном давало иранским курдам надежду на то, что американское правительство, наконец, обратит на них внимание и поддержит в борьбе с исламским режимом.

Действительно, после начала американо-иранского кризиса вокруг заложников, Белый дом стал рассматривать возможность использования курдского сепаратизма в качестве инструмента для борьбы с исламским руководством Ирана. Наиболее радикальные предложения по разрешению кризиса поступили от 36. Бжезинского, который настаивал на проведении военной операции, с возможностью использования национальных (курды и белуджи) и религиозных (сунниты) движений для борьбы с режимом аятоллы Хомейни [13. Р. 121–122]. Бжезинскому оппонировали госсекретарь Вэнс и глава аппарата Белого дома Джордан [19. Р. 43], которые считали, что военная операция подорвет престиж США как страны-миротворца (после Кэмп-Дэвидского процесса) и может привести к казни заложников, что лишь усугубит внутривосточную ситуацию в Америке [38. Р. 44; 45. Р. 399; 46].

Значительные коррективы в решимость США вторгнуться в исламистский Иран внес ввод советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г. [1. С. 108]. Американцы вынуждены были пересмотреть свои внешнеполитические ориентиры, решив отказаться от широкомасштабной агрессии в отношении Ирана [14. Р. 431]. Политическая ситуация, с точки зрения администрации Картера, ставила США перед угрозой выхода Советского Союза к Персидскому заливу, что допустить было нельзя [1. С. 108]. Афганская инициатива СССР повлияла на решимость американцев использовать крупномасштабные силы для вторжения в Иран, однако вопрос о способах преодоления иранского кризиса оставался открытым [47]. Вашингтон был готов поддержать оппозиционные силы в Иране, но только те, которые не выражали антиамериканских интересов, не были связаны с левыми идеями [48]. Иранские и иракские курды в тот момент старались найти любые источники поддержки: они обращались ко всем сторонам, включая США, СССР и Иран. Ответ ЦРУ на запросы Бжезинского о внутрииранской оппозиции сводился к тому, что курды являются ненадежными партнерами [49–51].

Внутривосточные дебаты имели результатом отход американского руководства от планов поддержки националистических и сепаратистских движений в Иране, поскольку их сочли слишком левыми и недостаточно лояльными США. Вместо этого в апреле 1980 г. американцы попытались осуществить тайную военную операцию для освобождения заложников из посольства в Тегеране [14. Р. 500]. Неудача операции 24 апреля 1980 г. привела к ужесточению иранской политики в отношении США, нарастанию антиамериканских настроений в исламском мире [3. Р. 180–181]. Эта неудача также стала причиной того, что сторонники Хомейни решили жестко подавить выступления любые оппозиционные выступления, в том числе иранских курдов [52–54]. Курды, несмотря на то, что не смогли получить желаемой поддержки ни от США, ни от СССР, продолжили сопротивление Тегерану, но в

меньших масштабах. Их движение постепенно приобретало менее открытый, подпольный характер [55].

С. Хуссейн, установивший к этому времени жесткий однопартийный политический режим в Ираке, решил взять курс на обострение отношений с Ираном. Желая стать ключевым игроком в арабском мире, Хуссейн считал, что наступило благоприятное время для нанесения удара по ослабшему после революции соседу. Багдад рассчитывал на широкую международную поддержку в агрессии против режима аятоллы Р. Хомейни [31. Р. 97]. В апреле–сентябре на ирано-иракской границе происходили вооруженные столкновения [56. Р. 74]. Ирак предъявил Ирану претензии на территории вдоль реки Шатт-эль-Араб, отошедшие к последнему по Алжирским соглашениям 1975 г. С точки зрения Багдада, Тегеран первым нарушил договоренности, поскольку оказал поддержку иракским курдам [57. Р. 58]. Американцы внимательно следили за текущими событиями в нарастающем ирано-иракском конфликте [58, 59]. Открыто они не поддерживали ни одну из сторон, однако симпатии Вашингтона были преимущественно на стороне Ирака [3. Р. 183; 31. Р. 99]. Столкновения на границе привели к тому, что в июле 1980 г. Ирак разорвал отношения с Ираном, а 17 сентября 1980 г. денонсировал Алжирские соглашения и объявил территории Шатт-эль-Араба своими [60]. Последовало вторжение иракской армии на территорию Ирана, ставшее началом восьмилетней ирано-иракской войны, в которой свою роль сыграли и курды.

Курдский вопрос в американской политике во второй половине президентского срока Дж. Картера приобретал значимость по мере развития иранского кризиса. Возможность использовать курдское движение в целях давления на исламский режим в Тегеране прорабатывалась как в разведке США, так и в администрации. Однако нежелание вмешивать курдов в конфликт с иранской властью, с одной стороны, и связи курдского движения в Иране с аналогичными в Ираке и Турции – с другой, уменьшали вероятность прямых контактов Вашингтона с лидерами курдов.

Оживление и последний импульс в рассматриваемый период курдскому вопросу в Иране придал захват иранскими радикалами американского посольства в Тегеране в ноябре 1979 г., после которого администрация Картера не могла более уклоняться от противостояния режиму Хомейни. Выбранные методы давления, однако, не были радикальными, на что повлиял в том числе ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.

Необходимость учитывать позиции Турции – важного союзника США в рамках НАТО, – и Ирака – с которым Вашингтон стремился наладить отношения, и который становился сдерживающим фактором для исламского режима в Иране, – а также меняющийся региональный баланс сил ввиду советского присутствия в Афганистане, близкого к стратегически важному для американцев региону Персидского залива, привели к решению не разыгрывать курдскую карту и не оказывать им поддержку в ближайшем будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Важно отметить, что курды Сирии в рассматриваемый период не проявляли политической активности, поэтому американская политика на Ближнем Востоке не была сфокусирована на них, в отличие от курдов Ирака, Ирана и Турции, движение которых анализируется в данной статье.

² «Доктрина Картера» – внешнеполитическая концепция, впервые изложенная 23 января 1980 г. Дж. Картером в ежегодном послании «О положении в стране» Конгрессу США. Эта доктрина ставила целью защиту интересов США в стратегическом регионе Персидского залива, недопущение в него «третьих сил» – в первую очередь СССР.

³ Старший сын Мустафы Барзани в тот момент находившийся в Иракском Курдистане. Его младший брат и официальный лидер ДПК – Масуд Барзани до осени 1979 г. оставался в США, связанный делами по лоббированию интересов курдского движения и похоронами отца [23. С. 29].

⁴ Было захвачено около 90 человек, однако в плену осталось только 52 дипломата США: радикалы отпустили на волю женщин, чернокожих и всех, кто имел иное гражданство [31. Р. 89].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева Т.А., Юнгблуд В.Т. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. // Вопросы истории 2016. № 10. С. 105–125.
2. Юнгблуд В.Т. Рецензия на монографию «Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. М., 2012» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 226–229.
3. Emery C. US Foreign Policy and the Iranian Revolution. The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2013. 267 p.
4. Gunter M. The Kurds Ascending. The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2008. 178 p.
5. Gunter M. The Five Stages of American Foreign Policy towards the Kurds // Insight Turkey. 2011. Vol. 13, № 2. P. 93–106.
6. Gasiorowski M. US Covert Operations toward Iran, February–November 1979: Was the CIA Trying to Overthrow the Islamic Regime? // Middle Eastern Studies. 2015. Vol. 51. P. 115–135.
7. Gibson B. Sold out? US foreign policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2015. 257 p.
8. Balci A. The PKK-Kurdistan Workers' Party's Regional Politics. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2017. 212 p.
9. Tucker E. The Middle East in Modern World History. N.Y. : Routledge, 2016. 396 p.
10. Курдский вопрос на рубеже тысячелетий (круглый стол 19.02.2004 г.). М. : Институт востоковедения РАН, 2004. 121 с.
11. Сенников А.И. Иракские курды в политике США в 1969–1976 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. №10. С. 74–84.
12. Arab and Israeli Reactions to US Steps in the Middle East, February 22, 1977 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/527b88eb993294098d5177e1> (дата обращения: 28.01.2018).
13. Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1977–1980. Vol. XVIII. Wash. : United States Government Printing Office, 2015. 935 p.
14. Brzezinski Zb. Power and Principles. Memoirs of National Security Adviser 1977–1981. N.Y. : Farrar, Straus, Giroux, 1983. 587 p.
15. National Intelligence Daily Friday 19 January 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81t00368r000100010033-1> (дата обращения: 28.01.2018).
16. Birth of an opposition in Iran. May 30, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp99-00498r000100170050-1> (дата обращения: 28.01.2018).
17. Intelligence on the Kurds. May 16, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/intelligence-kurds> (дата обращения: 28.01.2018).
18. Carter J. Keeping Faith. Memoirs of a President. N.Y. : Bantam Books, 1982. 622 p.
19. Jordan H. Crisis: the last year of the Carter presidency. N.Y. : G.P. Putnam's Sons, 1982. P. 19.
20. National Intelligence Daily (Cable). April 28, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a031300240001-7> (дата обращения: 28.01.2018).
21. Intelligence on the Kurds. May 16, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/intelligence-kurds> (дата обращения: 28.01.2018).
22. Oliver S. Turner Society. April 16, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80b01554r003000080001-4> (дата обращения: 28.01.2018).
23. Сенников А.И. Деятельность Мустафы Барзани в США в 1977–1979 гг. // Человек, общество, государство: история, современность, перспективы взаимодействия : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (4 декабря 2017 г., г. Уфа). Уфа : Западный: Научно-исследовательский центр «АнтроВита», 2017. С. 23–29.
24. Kurdish question in U.S. foreign policy: a documentary sourcebook / [compiled by] Lokman I. Meho. Westport, Conn. : Praeger, 2004. 698 p.
25. National Intelligence Daily (Cable). March 20, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a031200190001-4> (дата обращения: 28.01.2018).
26. National Intelligence Daily. April 10, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a031300080002-4> (дата обращения: 28.01.2018).
27. Korn D. The Last Years of Mustafa Barzani // Middle East Quarterly. 1994. Vol. 1, № 2. P. 12–27.
28. Mustafa Barzani, Kurds' Leader, Dies // The New York Times. March 2. 1979.
29. Gen. Mustafa Barzani, Exiled Kurdish Chieftain, Dies // The Washington Post. March 3. 1979.
30. Congresses Of Kurdistan Democratic Party (1946–1999) // Kurdistan Democratic Party. URL: <http://www.kdp.se/?do=congress> (дата обращения: 28.01.2018).
31. Parsi T. Treacherous alliance: the secret dealings of Israel, Iran, and the United States. New Haven : Yale University Press, 2007. 361 p.
32. Вертяев К.В., Жигалина О.И., Иванов С.М. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). М. : Институт востоковедения РАН, 2013. 142 с.
33. Karsh E., Rautsi I. Saddam Hussain: a political biography. N.Y. : Groove Press, 1991. 328 p.
34. Hahn P. A Century of U.S. Relations with Iraq // Origins. April 2012. Vol. 5, is. 7. URL: <http://origins.osu.edu/article/century-us-relations-iraq#origins-article> (дата обращения: 28.01.2018).
35. Turkey Problems For Ecevit. December 22, 1978 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80t00634a000500010039-9> (дата обращения: 28.01.2018).
36. O'Ballance E. The Kurdish Struggle, 1920–94. N.Y. : Palgrave Macmillan, 1996. 251 p.
37. Turkey: Ecevit Government in Crisis. May 24, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80t00942a001000110001-1> (дата обращения: 28.01.2018).
38. FRUS. 1977–1980. Vol. XXI. Wash. : United States Government Printing Office, 2014. 659 p.
39. Turkey's Hopes for Ecevit Meld to Disappointment // The New York Times. 24 May 1979.
40. National Intelligence Daily. April 18, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a031300150002-6> (дата обращения: 28.01.2018).

41. Western Europe Review. April 11, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00912a001700010015-5> (дата обращения: 28.01.2018).
42. Department of State Bulletin. Vol. 79, № 2029. August 1979.
43. Kurdish Dissidence. September 6, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP84-00868R000100060093-7.pdf> (дата обращения: 28.01.2018).
44. Dear Zbig. September 25, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp83-00714r000100160008-2> (дата обращения: 28.01.2018).
45. Vance C. Hard choices: Critical years in America's foreign policy. N.Y. : Simon and Schuster, 1984. 541 p.
46. Office of the Chief of Staff Files, Hamilton Jordan's Confidential Files. Iran, 11/79, Container 34b // Jimmy Carter Presidential Library. URL: https://www.jimmycarterlibrary.gov/digital_library/cos/142099/34/cos_142099_34b_09-Iran_11-79.pdf (дата обращения: 28.01.2018).
47. Impact Of Iranian And Afghan Events On South Asia. January 1, 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp09-00438r000100450001-9> (дата обращения: 28.01.2018).
48. Iran: The Reemergence Of The Left. December 1, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500100026-0> (дата обращения: 28.01.2018).
49. Soviet Attitude Toward Iran. December 6, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500160019-3> (дата обращения: 28.01.2018).
50. Current Situation In Iran. December 31, 1979 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500100019-9> (дата обращения: 28.01.2018).
51. Soviet Covert Action In Iran. March 10, 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500160016-6> (дата обращения: 28.01.2018).
52. National Intelligence Daily. Wednesday 2 April 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82t00466r000200020009-1> (дата обращения: 28.01.2018).
53. National Intelligence Daily Monday 28 April 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005148760> (дата обращения: 28.01.2018).
54. National Intelligence Daily. Saturday 17 May 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82t00466r000300010041-0> (дата обращения: 28.01.2018).
55. Memorandum For The Honorable Edmund S. Muskie From Stansfield Turner. May 27, 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500110038-7> (дата обращения: 28.01.2018).
56. El-Shazly N. The Gulf tanker war: Iran and Iraq's maritime swordplay. London : McMillan Press LTD, 1998. 403 p.
57. Voller Y. The Kurdish liberation movement in Iraq: from insurgency to statehood. N.Y. : Routledge/Taylor & Francis Group, 2014. 175 p.
58. Iran: Unrest In The Military. September 1, 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500030005-2> (дата обращения: 28.01.2018).
59. Iranian Reaction To A Soviet Invasion. September 1, 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500110016-1> (дата обращения: 28.01.2018).
60. Iraq: It's Conflict with Iran. September 17, 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500050002-3> (дата обращения: 28.01.2018).

Alexey I. Sennikov. Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: usr12154@vyatsu.ru

KURDISH QUESTION IN THE MIDDLE EAST POLICY OF THE ADMINISTRATION OF J. CARTER IN 1979-1980

Keywords: Kurdish question; U.S. Middle East Policy; J. Carter; Zb. Brzezinski; Islamic revolution in Iran.

The article analyzes the Kurdish question in the U.S. Middle East policy in 1979-1980. While working on the subject, the author have used a wide range of sources on American foreign policy such as collection "Foreign Relations of United States", collection "The Kurdish Question in U.S. Foreign Policy", the memoirs of key participants in the researching events (J. Carter, Zb. Brzezinski, S. Vance, H. Jordan), the materials of the American periodical press and documents of the Central Intelligence Agency.

The key events that affected the development of whole system of International Relations occurred during the period under review: the Islamic revolution in Iran (1979) and the formation of an Islamic republic, the end of the CENTO block, the signing of a peace treaty between Israel and Egypt (as a result of Camp David's negotiation process), the beginning of Saddam Hussein's one-man rule in Iraq, the creation of Kurdistan workers party (PKK) in Turkey, the Soviet intervention into Afghanistan.

In these conditions, the Kurdish liberation movement in Iran, Iraq and Turkey intensified, which was noticed in Washington. The CIA was instructed to study the issue of the possibility of using Kurds for actions toward growing tensions relations between USA and Iran. However, the American leaders faced a number of obstacles that prevented collaboration with the Iranian Kurds.

The necessity to take into account of the political positions of Turkey, Iraq and Iran with which the US does not want to spoil (in the case of Iran - further aggravate) relations, has narrowed the space for American maneuver in the Kurdish issue. The author notes that the Kurdish question became one of the key issues in U.S. Iranian policy after the seizure of the embassy of the USA by the radical mass of Iranian students in November 1979, when the high level American politics (first of all the national security adviser Zb. Brzezinski) were considering the possibilities of military intervention. The Soviet invasion of Afghanistan forced the Carter Administration to weigh the risks and possible consequences of military action against the Islamic Republic of Iran. The Administration has ceased to consider the issue of military pressure in policy toward Iran and stopped considering usability of the Kurdish activities after the beginning of the Iran-Iraq war.

The author concludes that the American government was forced to abandon the use of the Kurdish movement in its own interests, since it was important to observe a balance of interests in the region and achieved its stabilization after a number of major upheavals. However, USA leaders did not lose interest in the Kurdish question and remained it in sight as one of the possible levers of pressure on the regional political situation.

REFERENCES

1. Vorobieva, T.A. & Yungblyud, V.T. (2016) Afganistan v politike SSSR i SShA v 1979 g. [Afghanistan in the politics of the USSR and the USA in 1979]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 10. pp. 105–125.
2. Yungblyud, V.T. (2014) Retseziya na monografiyu "Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoy sisteme mezhduarodnykh otnosheniy. Moskva, 2012" [Review of "Multilateral diplomacy in the bipolar system of international relations. Moscow, 2012"]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3. pp. 226–229.
3. Emery, C. (2013) *US Foreign Policy and the Iranian Revolution. The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance*. New York: Palgrave Macmillan.

4. Gunter, M. (2008) *The Kurds Ascending. The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey*. New York: Palgrave Macmillan.
5. Gunter, M. (2011) The Five Stages of American Foreign Policy towards the Kurds. *Insight Turkey*. 13(2). pp. 93-106.
6. Gasiorowski, M. (2015) US Covert Operations toward Iran, February–November 1979: Was the CIA Trying to Overthrow the Islamic Regime? *Middle Eastern Studies*. 51. pp. 115–135. DOI: 10.1080/00263206.2014.938643
7. Gibson, B. (2015) *Sold out? US foreign policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War*. New York: Palgrave Macmillan.
8. Balci, A. (2017) *The PKK-Kurdistan Workers' Party's Regional Politics*. New York: Palgrave Macmillan.
9. Tucker, E. (2016) *The Middle East in Modern World History*. New York: Routledge.
10. Lazarev, M.S. et al. (2004) *Kurdskiy vopros na rubezhe tysyacheletiy (kruglyy stol 19.02.2004 g.)* [The Kurdish question at the turn of the millennium (The Round Table, February 19, 2004)]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
11. Sennikov, A.I. (2017) Iraqi Kurds in U.S. policy in 1969–1976. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 10. pp. 74–84. (In Russian).
12. CIA FOIA. (1977) *Arab and Israeli Reactions to US Steps in the Middle East, February 22, 1977*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/527b88eb993294098d5177e1> (Accessed: 28th January 2018).
13. The US Government. (2015) *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1977–1980*. Vol. XVIII. Washington: United States Government Printing Office.
14. Brzezinski, Zb. (1983) *Power and Principles. Memoirs of National Security Adviser 1977–1981*. New York: Farrar, Straus, Giroux.
15. CIA FOIA. (1979a) *National Intelligence Daily*. Friday, January 19. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81t00368r000100010033-1> (Accessed: 28th January 2018).
16. CIA FOIA. (1979b) *Birth of an opposition in Iran*. May 30. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp99-00498r000100170050-1> (Accessed: 28th January 2018).
17. CIA FOIA. (1979c) *Intelligence on the Kurds*. May 16. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/intelligence-kurds> (Accessed: 28th January 2018).
18. Carter, J. (1982) *Keeping Faith. Memoirs of a President*. New York: Bantam Books.
19. Jordan, H. (1982) *Crisis: the last year of the Carter presidency*. New York: G.P. Putnam's Sons.
20. CIA FOIA. (1979d) *National Intelligence Daily (Cable)*. April 28. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a031300240001-7> (Accessed: 28th January 2018).
21. CIA FOIA. (1979e) *Intelligence on the Kurds*. May 16. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/intelligence-kurds> (Accessed: 28th January 2018).
22. Turner, O.S. (1979) *Society*. April 16. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80b01554r003000080001-4> (Accessed: 28th January 2018).
23. Sennikov, A.I. (2017) [The activities of Mustafa Barzani in the United States in 1977–1979]. *Chelovek, obshchestvo, gosudarstvo: istoriya, sovremennost', perspektivy vzaimodeystviya* [Man, Society, State: History, Modernity, Prospects for Interaction]. Proc. of the International Conference. Ufa. December 4, 2017. Zapadnyy: AntroVit. pp. 23–29. (In Russian).
24. Lokman, I.M. (2004) *Kurdish question in U.S. foreign policy: a documentary sourcebook*. Westport, Conn.: Praeger.
25. CIA FOIA. (1979f) *National Intelligence Daily (Cable)*. March 20. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a031200190001-4> (Accessed: 28th January 2018).
26. CIA FOIA. (1979g) *National Intelligence Daily*. April 10. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a031300080002-4> (Accessed: 28th January 2018).
27. Korn, D. (1994) The Last Years of Mustafa Barzani. *Middle East Quarterly*. 1(2). pp. 12–27.
28. *The New York Times*. (1979) Mustafa Barzani, Kurds' Leader, Dies. 2nd March.
29. *The Washington Post*. (1979) Gen. Mustafa Barzani, Exiled Kurdish Chieftain, Dies. 3rd March.
30. Kurdistan Democratic Party. (n.d.) *Congresses of Kurdistan Democratic Party (1946–1999)*. [Online] Available from: <http://www.kdp.se/?do=congress> (Accessed: 28th January 2018).
31. Parsi, T. (2007) *Treacherous alliance: the secret dealings of Israel, Iran, and the United States*. New Haven: Yale University Press.
32. Vertyaev, K.V., Zhigalina, O.I. & Ivanov, S.M. (2013) *Politicheskie protsessy v kurdsikh arealakh stran Zapadnoy Azii (Iraqe, Turtsii, Sirii, Irane)* [Political processes in the Kurdish areas of West Asian countries (Iraq, Turkey, Syria, Iran)]. Moscow: RAS.
33. Karsh, E. & Rautsi, I. (1991) *Saddam Hussain: a political biography*. New York: Groove Press.
34. Hahn, P. (2012) A Century of U.S. Relations with Iraq. *Origins*. 5(7). [Online] Available from: <http://origins.osu.edu/article/century-us-relations-iraq#origins-article> (Accessed: 28th January 2018).
35. CIA FOIA. (1978) *Turkey Problems For Ecevit*. December 22. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80t00634a000500010039-9> (Accessed: 28th January 2018).
36. O'balance, E. (1996) *The Kurdish Struggle, 1920–94*. New York: Palgrave Macmillan.
37. CIA FOIA. (1979h) *Turkey: Ecevit Government in Crisis*. May 24. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80t00942a001000110001-1> (Accessed: 28th January 2018).
38. The US Government. (2014) *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1977–1980*. Vol. XXI. Washington: United States Government Printing Office.
39. *The New York Times*. (1979) Turkey's Hopes for Ecevit Meld to Disappointment. 24th May.
40. CIA FOIA. (1979i) *National Intelligence Daily*. April 1. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a031300150002-6> (Accessed: 28th January 2018).
41. CIA FOIA. (1979j) *Western Europe Review*. April 11. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00912a001700010015-5> (Accessed: 28th January 2018).
42. *Department of State Bulletin*. (1979) 79(2029)
43. CIA FOIA. (1979k) *Kurdish Dissidence*. September 6. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP84-00868R000100060093-7.pdf> (Accessed: 28th January 2018).
44. CIA FOIA. (1979l) *Dear Zbig*. September 25. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp83-00714r000100160008-2> (Accessed: 28th January 2018).
45. Vance, C. (1984) *Hard choices: Critical years in America's foreign policy*. New York: Simon and Schuster.
46. Jimmy Carter Presidential Library. (n.d.) *Office of the Chief of Staff Files, Hamilton Jordan's Confidential Files, Iran, 11/79, Container 34b*. [Online] Available from: https://www.jimmycarterlibrary.gov/digital_library/cos/142099/34/cos_142099_34b_09-Iran_11-79.pdf (Accessed: 28th January 2018).
47. CIA FOIA. (1980a) *Impact Of Iranian And Afghan Events On South Asia*. January 1. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp09-00438r000100450001-9> (Accessed: 28th January 2018).
48. CIA FOIA. (1979m) *Iran: The Reemergence Of The Left*. December 1. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500100026-0> (Accessed: 28th January 2018).
49. CIA FOIA. (1979n) *Soviet Attitude Toward Iran*. December 6. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500160019-3> (Accessed: 28th January 2018).

-
50. CIA FOIA. (1979o) *Current Situation In Iran*. December 31. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500100019-9> (Accessed: 28th January 2018).
  51. CIA FOIA. (1980b) *Soviet Covert Action In Iran*. March 10. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500160016-6> (Accessed: 28th January 2018).
  52. CIA FOIA. (1980c) *National Intelligence Daily*. April 2. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82t00466r000200020009-1> (Accessed: 28th January 2018).
  53. CIA FOIA. (1980d) *National Intelligence Daily*. April 28. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005148760> (Accessed: 28th January 2018).
  54. CIA FOIA. (1980e) *National Intelligence Daily*. May 17. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82t00466r000300010041-0> (Accessed: 28th January 2018).
  55. CIA FOIA. (1980f) *Memorandum For The Honorable Edmund S. Muskie From Stansfield Turner*. May 27. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500110038-7> (Accessed: 28th January 2018).
  56. El-Shazly, N. (1998) *The Gulfanker war: Iran and Iraq's maritime swordplay*. London: McMillan Press LTD.
  57. Voller, Y. (2014) *The Kurdish liberation movement in Iraq: from insurgency to statehood*. New York: Routledge/Taylor & Francis Group.
  58. CIA FOIA. (1980g) *Iran: Unrest In The Military*. September 1. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500030005-2> (Accessed: 28th January 2018).
  59. CIA FOIA. (1980h) *Iranian Reaction To A Soviet Invasion*. September 1. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500110016-1> (Accessed: 28th January 2018).
  60. CIA FOIA. (1980i) *Iraq: It's Conflict with Iran*. September 1. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500050002-3> (Accessed: 28th January 2018).

УДК 94(4)
DOI: 10.17223/19988613/63/14

Е.В. Хахалкина, А.В. Вагнер, О.Л. Ербахаев, П.А. Кулинич, Е.Е. Лукова

ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

В статье прослежена эволюция российской историографии по вопросам изучения Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и отдельных ее компонентов. Последовательно проанализированы подходы российских историков по таким составляющим сложившейся после Первой мировой войны системы, как ее единство и характер, «русский» и «германский» вопросы, принцип права наций на самоопределение и проблема границ, мандатная система и Лига Наций.

Ключевые слова: Версальско-Вашингтонская система международных отношений; советская и российская историография.

Современные международные отношения во всех их проявлениях, конфликтах и сложностях являются результатом изменения предшествующих им систем международных отношений, попытками ведущих акторов мировой политики учесть ошибки прошлого и добиться стабильности на международной арене. Каждая из когда-либо существовавших систем обладала определенными специфическими чертами, была направлена на достижение конкретных целей и задач и отражала сложившееся равновесие сил.

С течением времени изменяются не только сами системы, но и подходы к их изучению в науке, поскольку отношение исследователей к тем или иным историческим процессам неразрывно связано с объективной реальностью, в которой находится ученый и с которой сравнивает исследуемую систему. Появление новых архивных материалов, ранее хранившихся под грифом «секретно», способствует уточнению и в некоторых случаях даже изменению прежних точек зрения, рассмотрению ряда сюжетов с новых ракурсов и в качественно новой логике восприятия и анализа событий. В связи с этим, оценка подходов к определению Версальско-Вашингтонской системы международных отношений (ВВС МО) – самой недолговечной системы в истории и приведшей к самому крупному конфликту в истории человечества – Второй мировой войне – представляет большой интерес и является полезной для извлечения уроков и недопущения прежних ошибок при выстраивании межгосударственного взаимодействия в настоящем и будущем.

Версальско-Вашингтонская система международных отношений – это единственная система, которая просуществовала феноменально короткий период времени и на сегодняшний день остается самой неэффективной из когда-либо существовавших систем в истории. Хотя на первый взгляд может показаться, что с развитием общества длительность функционирования систем международных отношений увеличивается прямо пропорционально возрастанию опыта государств и накоплению теоретических и практических знаний в области мировой политики, создание и недолгая жизнь

ВВС МО этот тезис опровергают. Неугасающий интерес ученых к данной проблеме и появление новых публикаций за последние десятилетия только подтверждают актуальность изучения опыта этой системы.

Формирование ВВС МО по итогам Первой мировой войны происходило в несколько этапов. В 1919–1921 гг. состоялась Парижская (или Версальская) мирная конференция, на которой в обстановке напряженных переговоров были выработаны условия мирных договоров со странами Четверного блока. В 1921–1922 гг. состоялась конференция в Вашингтоне, итоги которой, обозначившие создание региональной подсистемы, отразили частичную ревизию Версальской системы и поставили под вопрос, несмотря на достигнутые договоренности, будущее системы как целостного механизма.

Теперь обратимся к отдельным изменениям, произошедшим в отечественной историографии в понимании ВВС МО по таким ключевым характеристикам, как единство системы, решение на ее основе «германского» и «русского» вопросов, принцип права наций на самоопределение и вопрос о границах, колониальный вопрос, мандатная система и Лига Наций.

Вопрос о единстве системы в советский период не поднимался в качестве отдельного сюжета для исследовательского анализа, хотя и напрашивался, исходя из того, что в поле интереса преимущественно находилась Версальская система. Например, в работе академика И.И. Минца складывание нового миропорядка характеризовалось «как передел мира империалистическими державами в свою пользу» [1. С. 3]. В основе анализа почти весь советский период «лежали известные высказывания В. И. Ленина о том, что Версальская система была империалистическим способом урегулирования международных проблем, породившим новые противоречия и источники разногласий» [2. С. 126].

Только в постсоветский период стал осмысливаться вопрос о единстве системы и роли в ней Вашингтонского миропорядка. Все больше авторов, уже ближе к 2000-м гг., стали не просто разделять систему на две подсистемы, Версальскую и Вашингтонскую, но ука-

зывать на отсутствие крепкой «связки» между ними, придающей миропорядку равновесие и крепость [3–5]. Например, авторы «Системной истории международных отношений» обратили внимание на тот факт, что после Первой мировой войны наметились контуры формирования разных подсистем, которые «развивались в тенденции как будущие части целого – глобальной системы, хотя само это целое... в политико-дипломатическом смысле еще только начинало складываться...» [3]. Авторы другого учебного пособия не проговаривают отдельно вопрос о единстве системы, однако рассматривают Версальскую и Вашингтонскую системы как отдельные части общей системы [5. С. 466].

При этом особо пристальное внимание историки уделяют именно Версальской подсистеме. Такое положение дел отчасти отражает тот факт, что Версальская конференция по составу участников и масштабу решаемых проблем превосходила узко региональное Вашингтонское совещание. Хотя проведение этой встречи, мыслившееся в США как шаг на пути укрепления их роли как региональной державы, стало новой чертой в системе международных отношений, серьезным вызовом европоцентристскому характеру прежних систем.

К другим дискуссионным проблемам ВВС МО относится провозглашенный на Парижской конференции президентом В. Вильсоном **принцип права наций на самоопределение**. Этот принцип, несмотря на всю свою декларативность на данном историческом этапе, стал элементом, качественно изменившим представления о логике развития международных отношений. В отечественной историографии по данному вопросу специалисты в целом придерживаются позиции, утвержденной еще советскими историками: главная проблема заключалась в политике «двойных стандартов» по отношению к разным странам, продиктованной государственными интересами великих держав. Новая система международных отношений определила границы старых и новых государств. Эти границы во многом носили произвольный характер, хотя, как показало время, «установленные... границы (при некоторых изменениях после Второй мировой войны) оказались на удивление долговечными», за исключением Югославии и Чехословакии [2. С. 126].

Сам президент США нарушал выдвинутый принцип или пользовался им в своих интересах. Например, Вашингтон активно вмешивался во внутривнутриполитические дела Мексики, что привело к военному конфликту в 1915 г. и нарушению провозглашенного Вильсоном права наций на самоопределение [6. С. 30]. По такому принципу «двойных стандартов» были образованы новые государства в Восточной Европе с попытками лишь в некоторых случаях учесть интересы национальных меньшинств, при полном игнорировании интересов стран, проигравших в войне. Например, державы-победительницы не только не прислушались к желанию Австрии объединиться с Германией на основе этнической общности, но и ввели в тексты мирных до-

говоров с этими странами (Сен-Жерменский и Версальский соответственно) пункт о запрете на аншлюс этих территорий [7. С. 162–169].

Другие примеры – вопрос о карпато-русских границах, возникший после окончания Гражданской войны в России и решенный в пользу Польши вопреки воле проживавших на территории Восточной Галиции русинов [8. С. 184–186]. Подобная ситуация сложилась и в результате попыток разрешения Виленского вопроса [9. С. 97–98, 108], вопроса об определении границ Бессарабии [10. С. 57–58] и других.

Еще один пример несоблюдения данного принципа – действия Советской России. Как известно, в ноябре 1917 г. появилась Декларация прав народов России, в которой обосновывался тезис В.И. Ленина о национальном самоопределении. Большевики использовали этот принцип в большей степени как декларацию, на практике устанавливая свою власть в Закавказье и Средней Азии силой оружия. В таком ракурсе установление советской власти на сопредельных территориях не рассматривалось, только в постсоветский период появился ряд работ, в которых на широких документальных материалах был показан процесс насильственного включения ряда территорий в советскую зону влияния [11. С. 180–183; 12. С. 35].

Следует иметь в виду, что само понятие «право наций на самоопределение» остается подвижным. Ученые и политики вкладывали и продолжают вкладывать в него различные смыслы, но именно В. Вильсон поднял этот вопрос на мировом уровне. Согласно мнению В.И. Михайленко и Т.П. Нестеровой, «трактовка Вильсона преуменьшала заложенный в принципе самоопределения разрушительный заряд и позволяла рассчитывать на совместимость практики самоопределения с конкретными интересами наиболее сильных мировых держав, включая сами Соединенные Штаты и “старые имперские” державы в лице Великобритании и Франции» [1. С. 9].

Самым дискуссионным вопросом, связанным с функционированием Версальского миропорядка и актуальным до сих пор, остается «**германский вопрос**» [13. С. 50]. Применительно к межвоенному времени он по-прежнему порождает прямо противоположные точки зрения и выступает в качестве ключевого при рассмотрении причин скоротечной гибели системы и начала новой мировой войны.

«Германский вопрос» являлся центральным на Версальской конференции – вокруг него была выстроена вся повестка дня. Победителям предстояло ответить на вопрос: что делать с проигравшей страной и какое место следует ей отвести в новом мироустройстве? Хотя Германия не была разделена на ряд мелких государств, как предлагала Франция, и не была максимально ослаблена в экономическом отношении [14. С. 200–205], в отечественной литературе в советский период закрепились точка зрения о чрезмерной жесткости Версальского договора. Германия подавалась как жертва

обстоятельств, «без вины виноватая» [15. С. 31–34; 16. С. 96–103]. Однако появляются публикации, в которых развенчивается устоявшийся в отечественной историографии тезис о непосильности условий мирного договора для Германии. Ряд историков аргументировано доказывают, что державы-победительницы были даже великодушны в отношении Германии. По сравнению с Брестским договором, «более грабительским и репрессивным», Версальский договор был мягче и позволял стране восстановить свою дееспособность в новой системе международных отношений. Было сохранено государственное единство и потенциал для быстрой «реанимации», которым Германия вскоре и воспользовалась, опираясь на просчеты стран Антанты и их противоречивую политику [4. С. 116; 17. С. 92–97; 18. С. 118; 19. С. 7; 20. С. 7–12; 21. С. 11].

В определении условий нового миропорядка впервые за почти три века не принимала участия Россия, хотя к обсуждению и решению **«русского вопроса»** на конференции стремились не только противоборствовавшие внутри страны политические силы, но и великие державы. При этом если в отношении отдельных территорий хотя бы на уровне риторики закреплялся принцип права наций на самоопределение, то в отношении России этот принцип для стран Антанты был неприемлем, что подчеркивалось как в советской, так и постсоветской историографии [12; 22. С. 323–337]. В дальнейшем советской дипломатии пришлось предпринять немало усилий для выхода из международной изоляции [23. С. 2–3].

В отечественной историографии остается открытым вопрос о том, было ли четкое понимание у стран Антанты в ходе выработки Версальского миропорядка важности включения в создаваемую систему Советской России. Во время работы Парижской мирной конференции Россия несла тяжелые потери от продолжающейся иностранной интервенции и Гражданской войны. Будущее страны как единого государства оставалось под вопросом. Ведущие страны Антанты были обеспокоены возвращением долгов царской России и компенсации за национализированную собственность и в ходе конференции неоднократно высказывали идеи о нормализации отношений с большевиками [24. С. 114–120; 25. С. 49]. Однако сделать это удалось лишь к середине 1920-х гг., и десятилетие спустя СССР вошел в Лигу Наций [4. С. 128–129; 26. С. 18; 27. С. 88].

В отношении другой характеристики ВВС МО – **мандатной системы, учрежденной для колониального вопроса в новом формате** – у современных историков нет значительного «отрыва» от позиции предшественников. Исследователи обращают внимание на декларативный характер созданной по инициативе США мандатной системы, которая на практике являлась частичным отходом от классического колониализма. В представлениях В. Вильсона мандатная система должна была стать качественно новым элементом складывающейся системы и обеспечить свободный

доступ «больших» и «малых» стран к слабо развитым территориям с целью доведения их до самоуправления и независимости [28. С. 87–91]. На практике распределение мандатов отразило стремление более могущественных государств оттеснить менее влиятельные страны и получить наиболее выгодные в стратегическом отношении и в плане ресурсов территории. Хотя современные историки доказывают, что созданная система способствовала определенным сдвигам в развитии некоторых территорий на Ближнем Востоке («заложила основы государственности современных стран региона» [29. С. 17]) и Африке [7. С. 162–169; 30. С. 106–114].

Еще одно новшество Версальско-Вашингтонской системы – **Лига Наций**. В начальный период советской историографии отсутствовали комплексные работы, посвященные этой международной организации. Исследователи уделяли внимание Лиге Наций в основном в контексте общих оценок ВВС МО, подчеркивая ее неэффективность как инструмента поддержания международной безопасности, во всяком случае, до вступления СССР в ее ряды [31]. В постсоветское время интерес исследователей к этой организации значительно возрос. Авторы признают политическую и практическую важность этого «детища Версальской системы» [32. С. 7–29], но возлагают ответственность за его гибель на ведущих участников, Великобританию и Францию [33. С. 117–120]. В настоящее время с опорой на архивные документы разных стран, мемуарную литературу и другие материалы исследователи продолжают в деталях разбирать причины изначальной слабости Лиги Наций, оказавшейся на практике организацией, деятельность которой была направлена не на разрешение, а на углубление конфликтов [34. С. 71; 35. С. 229–248].

Таким образом, с одной стороны, в постсоветский период произошло сглаживание наиболее однобоких, идеологически окрашенных исследовательских позиций, с другой стороны, историки, опираясь на более богатый, чем прежде, корпус источников и накопленный предшественниками опыт, получили возможность делать более взвешенные и углубленные выводы, чем прежде, по отдельным характеристикам Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

На основе анализа публикаций по проблемам становления и функционирования ВВС МО можно сделать вывод о том, что во взглядах российских исследователей на основные характеристики системы прослеживается преемственность с советской исторической школой и, в то же время, по ряду позиций историки высказывают новые соображения. К продолжению осмысления недолгого опыта существования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений подталкивает и ситуация в мире. На повестке дня в той или иной степени продолжают находиться те же вопросы, хотя и в модифицированном виде. Среди них вопросы о роли и месте Германии в Европейском сою-

зе и в целом в системе европейской безопасности, о роли России в существующей системе международных отношений, о колониальном наследии и странах третьего мира, эффективности ООН как преемницы Лиги Наций для решения возникающих международных конфликтов и другие. Вся ткань современных между-

народных отношений пронизана вопросами, которые в полный рост встали именно после Первой мировой войны, предопределив вектор развития мира в сторону создания полицентричного мира, с включением в единую, глобальную систему разных подсистем международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайленко В.И., Нестерова Т.П. Версальско-Вашингтонская система. Ч. 1: Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. 131 с.
2. Сыч А.И. Национальный аспект Версальской системы // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 126–133.
3. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы / под ред. А.Д. Богатурова. М.: НОФМО, 2003–2004. Т. 1. 520 с.
4. Сидоров А. Революции 1917 г. в России и Версальско-Вашингтонская система: противоречия и альтернативы // Международная жизнь. 2018. № 11. С. 113–131.
5. Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М. : ЗАО Центрполиграф, 2008. 640 с.
6. Мотылев В.В. Программы президентов США. Вудро Вильсон // Экономический журнал. 2014. № 1 (33). С. 26–35.
7. Портнягин Д.И. Британская дипломатия на Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2009. Вып. 3. С. 162–169.
8. Нам И.В., Наумова Н.И. Карпато-русская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.) // Русин. 2018. № 3 (53). С. 172–192.
9. Манкевич М.А. Виленский вопрос на польско-литовских переговорах 1921 г. в Брюсселе // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей : сб. науч. тр. Калининград, 2008. С. 96–108.
10. Макачук В., Рудый Н. Восточные границы межвоенной Румынии (1918–1940 гг.): аспекты международного права // Русин. 2012. № 2 (28). С. 55–65.
11. Алибек С.Н. Из истории советской власти на юге Казахстана в 1917–1927 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. № 7 (62). С. 180–184.
12. Мусаелян Л.А. Национальный вопрос в России: опыт прошлого и некоторые аспекты его современного политико-правового решения // Вестник Пермского университета (серия: Юридические науки). Вып. 4. 2010. № 4 (10). С. 32–48.
13. Глушков Д.А. История решения германского вопроса // SCIENCE TIME. 2016. № 7 (31). С. 50–56.
14. Илюхина Р.М. Лига наций (1919–1934). М. : Наука, 1982. 355 с.
15. Светлов В.А. Версальская система международных отношений как исходная причина второй мировой войны (структурный анализ) // Научные труды SWORLD. 2015. № 1. С. 31–34.
16. Бутырская И.Г. Версальско-Вашингтонская система международных отношений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. № 4. С. 96–103.
17. Шацилло В.К. Версаль и Германия: цена поражения // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. 2013. С. 92–97.
18. Уткин А.И. Версальский мир и Россия // Свободная мысль. 2009. № 4. С. 113–124.
19. Бетмакаев А.М. Между Версалем и Рапалло. Германско-американские мирные переговоры летом 1921 года // Известия Алтайского государственного университета. История. Исторические науки. 1999. № 4 (14). С. 7–12.
20. Баранова Е.А. Влияние стран Антанты на восстановление Германии после Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник современных исследований. 2018. № 3.2 (18). С. 7–12.
21. Васькина Д.В., Мургаев С.М. Внешнеполитические возможности Германии после Первой мировой войны // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2016. № 6. С. 201–204.
22. Бахтурина А.Ю. Национальные правительства в России и «русский вопрос» на Парижской мирной конференции 1919 г. // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. 2017. Вып. 4. С. 323–337.
23. Яшкова Т.А. Возрождение «Санитарного кордона» // Universum: общественные науки. 2014. № 7 (8). С. 1–7.
24. Дронов С.Б. Парижская мирная конференция 1919 г. и попытки урегулирования взаимоотношений с Советской Россией: французский и американский подходы // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 4 (020). С. 114–120.
25. Горохов В.Н. История международных отношений, 1918–1939. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 288 с.
26. Белковец Л.П. Ликвидация дипломатической изоляции СССР (от признания де-факто к признанию де-юре) // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 8-1. С. 9–24.
27. Бемм Г.В. Проект Восточного пакта: разработка и причины провала // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 86–88.
28. Морозов Е.В. Африканские вопросы на Парижской мирной конференции // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. 2013. С. 87–91.
29. Фомин А.М. Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. 1920–1924 годы // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 17–36.
30. Романенко В. С. Версальская система и СССР: политика на Ближнем Востоке в 1921–1927 гг. // Вопросы истории. 2016. № 2. С. 106–114.
31. Илюхина Р.М. Лига наций (1919–1934). М. : Наука, 1982. 355 с.
32. Васильева Н.Ю. Лига наций в фокусе современной отечественной историографии // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. 2017. Т. 3. С. 7–29.
33. Наумов А.О. В Женеве все рушится: Лига Наций и кризис Версальской системы // Родина. 2011. № 6. С. 117–120.
34. Ковалева О.А. Лига Наций и ее роль в формировании Версальско-Вашингтонской системы международных отношений // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. С. 70–72.
35. Радиков И.В. Архитектура безопасности в системе международных отношений: эволюция и перспективы обновления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6, № 4. С. 229–248.

Elena V. Khakhalkina. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Anzhela V. Vagner. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angelicawagner@mail.ru

Oleg L. Erbakhaev. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: erbakhaev99@mail.ru

Petr A. Kulich. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marstonjon@mail.ru

Elizaveta E. Lukova. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lee.wie@yandex.ru

VERSAILLES-WASHINGTON SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS THROUGH THE EYES OF RUSSIAN HISTORIANS

Keywords: the Versailles-Washington system of international relations; Soviet and Russian historiography.

The goal which is presented in the article is to retrace the evolution of Russian historiography on the study of the Versailles-Washington system of international relations and its other components. The mentioned system was the shortest one of all the systems of international relations ever. The system was reflected collisions of old basics and qualitatively new phenomena in the global politics after the First World War. The confrontation of “old” and “new” tendencies had predetermined the controversial, argumentative character of the system and its general inability of effective and supple response to challenges of the rapidly changing time and making of regional sub-systems pretending to the global character of VWS of IR.

The presented article shows the approaches of Russian historians on the issues of unity formed on the basis of the First World War system, the “Russian” and “German” issues, the principle of the right of nations to self-determination and the problems of borders, the mandate system and the League of Nations. A wide range of works of domestic scientists was attracted as materials for the study - publications in monographs, periodicals, collections of works, textbooks - the choice of which was explained by the tasks and the general logic of the article. The authors, having worked out the specified list of sources, show that the evaluation of the system created during the Soviet period was influenced by factors of ideological and geopolitical properties that made it difficult to conduct a systemic objective analysis of the system, changing in time and space and potentially capable of stabilization and strengthening. In the post-Soviet period, historians were able to subject the VWS of IR to a more comprehensive and impartial analysis, based on new materials, research approaches and already accumulated knowledge in the field of history and theory of international relations.

Sum up the result, the authors of the article conclude that the growth of modern publications related to the ongoing reflection of the experience of the VWS of IR, the reasons for its fragility and collapse is due to the unresolved key issues that came out on the agenda just after the First World War. The geopolitical changes observed at the present stage, the increase in the level of conflict in the world, the appearing of new strong players, the lack of clear rules of the game among the world's leading actors make it necessary to draw parallels with the start of modern time. It was during this period that an unsuccessful attempt was made, but it testifying to profound changes in public consciousness and the balance of forces in the world, to establish a world order on qualitatively new grounds within the framework of the VWS of IR.

REFERENCES

1. Mikhaylenko, V.I. & Nesterova, T.P. (2003) *Versal'sko-Vashingtonskaya sistema. Chast' 1. Pervaya mirovaya voyna i stanovlenie Versal'sko-Vashingtonskoy sistemy* [Versailles-Washington system. Part 1. The First World War and the formation of the Versailles-Washington system]. Ekaterinburg: Ural State University.
2. Sych, A.I. (2004) Natsional'nyy aspekt Versal'skoy sistemy [The national aspect of the Versailles system]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 1. pp. 126–133.
3. Bogaturov, A.D. (ed.) (2003–2004) *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v chetyrekh tomakh. 1918–2003. Sobytiya i dokumenty* [The system history of international relations in four volumes. 1918–2003. Events and documents]. Vol. 1. Moscow: NOFMO.
4. Sidorov, A. (2018) Revolyutsii 1917 g. v Rossii i Versal'sko-Vashingtonskaya sistema: protivorechiya i al'ternativy [The revolution of 1917 in Russia and the Versailles-Washington system: contradictions and alternatives]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – The International Affairs*. 11. pp. 113–131.
5. Sidorov, A.Yu. & Kleymenova, N.E. (2008) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. 1918–1939 gg.* [History of international relations during 1918–1939]. Moscow: Tsentrpoligraf.
6. Motylev, V.V. (2014) Programmy prezidentov SShA. Vudro Vil'son [Policies of the American presidents. Woodrow Wilson]. *Ekonomicheskii zhurnal*. 1(33). pp. 26–35.
7. Portnyagin, D.I. (2009) Britanskaya diplomatiya na Parizhskoy mirnoy konferentsii 1919 g. [British diplomacy at the Paris Peace Conference of 1919]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik of St. Petersburg University International Relations*. 3. pp. 162–169.
8. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2018) The Carpatho-Russian problem at the Paris Peace Conference in 1919. *Rusin*. 3(53). pp. 172–192. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/10
9. Mankevich, M.A. (2008) Vilenskiy vopros na pol'sko-litovskikh peregovorakh 1921 g. v Bryussele. [The Vilna issue at the Polish-Russian talks of 1921 in Brussels]. In: Dementiev, I.O. (ed.) *Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovateley* [Retrospective: World History through the Eyes of Young Researchers]. Kaliningra: I. Kant Baltic Federal University. pp. 96–108.
10. Makarchuk, V. & Rudy, N. (2012) Vostochnye granitsy mezhoennoy Rumynii (1918–1940 gg.): aspekty mezhdunarodnogo prava [Eastern borders of interwar Romania (1918–1940): Aspects of international law]. *Rusin*. 2(28). pp. 55–65. (In Russian). DOI:
11. Alibek, S.N. (2009) Iz istorii sovetskoy vlasti na yuge Kazakhstana v 1917–1927 gg. [From the history of Soviet power in the south of Kazakhstan in 1917–1927]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya – Scientific Bulletins of Belgorod State University. Series: History. Political Science*. 7(62). pp. 180–184.
12. Musaelyan, L.A. (2010) National issue in Russia: experience of the past and some aspects of its modern political and legal determination. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Judicial Sciences*. 4(10). pp. 32–48. (In Russian).
13. Glushkov, D.A. (2016) Istoriya resheniya germanskogo voprosa [The history of solving the German question]. *Science Time*. 7(31). pp. 50–56.
14. Ilyukhina, R.M. (1982) *Liga natsiy (1919–1934)* [The League of Nations. (1919–1934)]. Moscow: Nauka.
15. Svetlov, V.A. (2015) Versal'skaya sistema mezhdunarodnykh otnosheniy kak iskhodnaya prichina vtoroy mirovoy voyny (strukturnyy analiz) [Versailles system of international relations as the initial cause of the Second World War (structural analysis)]. *Nauchnye trudy SWORLD*. 1. pp. 31–34.
16. Butyrskaya, I.G. (2014) Versal'sko-Vashingtonskaya sistema mezhdunarodnykh otnosheniy [Versailles-Washington system of international relations]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*. 4. pp. 96–103.
17. Shatsillo, V.K. (2013) Versal' i Germaniya: tsena porazheniya [Versailles and Germany: the price of defeat]. In: Sergeev, E.Yu. (ed.) *Velikaya voyna 1914–1918: Al'manakh Rossiyskoy assotsiatsii istorikov Pervoy mirovoy voyny* [The Great War 1914–1918: Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War]. Moscow: Kvadriga. pp. 92–97.
18. Utkin, A.I. (2009) Versal'skiy mir i Rossiya [The Versailles Peace and Russia]. *Svobodnaya mysl'*. 4. pp. 113–124.
19. Betmakaev, A.M. (1999) Mezhdunarodnye otnosheniya v Rapallo. Germano-amerikanskii mirnyy peregovory letom 1921 goda [Between the Versailles and the Rapallo. The German-American peaceful negotiations in the summer of 1921]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Istoricheskie nauki – Altai State University Journal. History*. 4(14). pp. 7–12.
20. Baranova, E.A. (2018) Vliyaniye stran Antanty na vosstanovleniye Germanii posle Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) [The influence of the Triple Entente on the reconstruction of Germany after the First World War. 1914–1918]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*. 3.2(18). pp. 7–12.
21. Vaskina, D.V. & Murgaev, S.M. (2016) Vneshnepoliticheskie vozmozhnosti Germanii posle Pervoy mirovoy voyny [Germany foreign-policy opportunities after the First World War]. *Vestnik Prikspiya: arkhologiya, istoriya, etnologiya*. 6. pp. 201–204.
22. Bakhturina, A.Yu. (2017) Natsional'nye pravitel'stva v Rossii i “russkiy vopros” na Parizhskoy mirnoy konferentsii 1919 g. [The national government in Russia and the “Russian question” in the Paris Peace Conference of 1919]. In: Novikova, I.N., Pavlov, A.Yu. & Malygina, A.A. (eds) *Pervaya mi-*

- rovaya voyna, *Versal'skaya sistema i sovremennost'* [World War I, Versailles system and modernity]. Vol. 4. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 323–337.
23. Yashkova, T.A. (2014) Vozrozhdenie "Sanitarnogo kordona" [The rebirth of the "Cordon sanitaire"]. *Universum: obshchestvennye nauki*. 7(8). pp. 1–7.
  24. Dronov, S.B. (2010) Parizhskaya mirnaya konferentsiya 1919 g. i popytki uregulirovaniya vzaimootnosheniy s Sovetskoy Rossiey: frantsuzskiy i amerikanskiy podkhody [The Paris Peace Conference of 1919 and attempts to resolve relations with Soviet Russia: French and American approaches]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*. 4(020). pp. 114–120.
  25. Gorokhov, V.N. (2004) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy, 1918–1939* [History of International Relations, 1918–1939]. Moscow: Moscow State University.
  26. Belkovets, L.P. (2016) Likvidatsiya diplomatocheskoy izolyatsii SSSR (ot priznaniya de-fakto k priznaniyu de-yure) [Elimination of the USSR diplomatic isolation (from de facto to de jure recognition)]. *Nauka. Mysl': elektronnyy periodicheskiy zhurnal*. 8-1. pp. 9–24.
  27. Bemm, G.V. (2014) The Eastern Pact project: development and reasons of failure. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. pp. 86–88. (In Russian).
  28. Morozov, E.V. (2013) Afrikanские вопросы на Паризской мирной конференции [African questions in the Paris Peace Conference]. In: Sergeev, E.Yu. (ed.) *Velikaya voyna 1914–1918: Al'manakh Rossiyskoy assotsiatsii istorikov Pervoy mirovoy voyny* [The Great War 1914–1918: Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War]. Moscow: Kvadriga. pp. 87–91.
  29. Fomin, A.M. (2014) Formirovanie mandatnoy sistemy na Blizhnem Vostoke posle Pervoy mirovoy voyny. 1920–1924 gody [Creation of a mandate system in the Middle East after the First World War during 1920–1924]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1. pp. 17–36.
  30. Romanenko, V.S. (2016) Versal'skaya sistema i SSSR: politika na Blizhnem Vostoke v 1921–1927 gg. [Versailles system and the USSR: politics in the Middle East during 1921–1927]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 2. pp. 106–114.
  31. Ilyukhina, R.M. (1982) *Liga natsiy (1919–1934)* [The League of Nations (1919–1934)]. Moscow: Nauka.
  32. Vasilieva, N.Yu. (2017) Liga natsiy v fokuse sovremennoy otechestvennoy istoriografii [The League of Nations in the focus of modern Russian historiography]. *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: aktual'nye problemy otechestvennoy istoriografii*. 3. pp. 7–29.
  33. Naumov, A.O. (2011) V Zheneve vse rushitsya: Liga Natsiy i krizis Versal'skoy sistemy [Everything is collapsing in Geneva: the League of Nations and the crisis of the Versailles system]. *Rodina*. 6. pp. 117–120.
  34. Kovaleva, O.A. (2013) Liga Natsiy i ee rol' v formirovanii versal'sko-vashingtonskoy sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [League of Nations and its role in the formation of the Versailles-Washington system of international relations]. In: Korichko, A.V. (ed.) *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, Science, Education: Problems and Prospects]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 70–72.
  35. Radikov, I.V. (2010) Arkhitektura bezopasnosti v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy: evolyutsiya i perspektivy obnoveniya [Security Architecture in the System of International Relations: Evolution and Prospects for Renewal]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political expertise: POLITEKX*. 6(4). pp. 229–248.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94 (100-87)
DOI: 10.17223/19988613/63/15

Л.П. Веремчук

ТОКВИЛЬ О БОНАПАРТИЗМЕ КАК ФАКТОРЕ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Предпринят анализ концепции бонапартизма, сформировавшейся в творчестве известного французского историка первой половины XIX в. Алексиса Токвиля; показано место этой концепции в исследовании им французского революционного процесса конца XVIII – середины XIX столетия. Рассматривается трактовка исследователем предпосылок утверждения авторитарных режимов в политической системе Франции той эпохи, их социальных основ, их роли в осуществлении происходивших тогда социальных и политических трансформаций.

Ключевые слова: бонапартизм; демократический деспотизм; административная централизация; либеральная демократия.

Одним из устойчивых направлений научных интересов известного французского историка первой половины XIX в. Алексиса Токвиля стало исследование такого сложного политического явления, как бонапартизм. Токвиль не принадлежал к числу сторонников этой формы властвования, будучи убежден в том, что, лишая общество политической свободы и ущемляя личную свободу граждан, авторитарное правление его ослабляет, налагает пуги на экономическую деятельность, ограничивает возможности созидательного творчества, поступательного движения, заводит общество в тупик стагнации. Вместе с тем он внимательно изучал это явление с целью найти средства ему противостоять. Глубину научного анализа Токвиля в объяснении природы бонапартизма, особой роли этого явления в развитии французского революционного процесса эпохи Нового времени отмечали такие известные исследователи его научного творчества, как В.М. Далин [1], А.М. Салмин [2], К. Лефор [3], Ж. Лефевр [4], П. Моро [5]. Тем не менее эта сторона исторических идей Алексиса Токвиля до сих пор остается мало изученной.

Начальные попытки научного рассмотрения бонапартизма как феномена политической жизни общества содержит первое крупное произведение Токвиля – его книга об американской демократии. Фокусом этого исследования стал анализ общества либеральной демократии как явления социального и политического, формирование знания о том, каковы достоинства и опасности этой относительно новой для Европы и Франции того времени общественно-политической системы.

В числе таких опасностей исследователь называл выявленную им устойчивую тенденцию развития буржуазных обществ в сторону «демократического деспотизма», чему находил множество предпосылок, укоре-

ненных в основах их жизнедеятельности: усложнение экономических структур и динамики их развития в условиях роста крупной промышленной индустрии и капиталистических форм хозяйствования, закономерно приводивших к возрастанию роли центральной государственной власти в координации экономической деятельности и контроле над ней [6. С. 493]; усложнение социальной жизни и возрастание социальных противоречий, что требовало большей регламентации, контроля и сдерживания со стороны государства [Там же. С. 492]; укорененное чувство собственности, преобладавшее в ментальных установках граждан обществ либеральной демократии, культ собственности и ее денежного эквивалента, бросающий их под крыло сильной абсолютной власти при первой реальной угрозе в отношении этой собственности [Там же. С. 396–397]. Выражая свое представление о «демократическом деспотизме» ученый писал: «Я вижу неисчислимые толпы похожих друг на друга людей... Каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих... Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть... власть эта абсолютна», может сочетаться «с некоторыми внешними атрибутами свободы» [Там же. С. 497]. Характеризуя предпосылки угрозы «демократического деспотизма», Токвиль нередко проводил на страницах книги об Америке аналогии с диктаторским правлением Наполеона Бонапарта [Там же. С. 308 прим., 486].

Ученый констатировал тот бесспорный факт, что общество североамериканских штатов за долгие годы своего существования нашло действенные средства противостоять угрозе «демократического деспотизма», «лекарства» от него [Там же. С. 34, 502–503], заложив в свою политическую систему такие альтернативные

этой угрозе принципы и институты либеральной демократии, как структуры местного самоуправления, различного рода союзы и объединения граждан, принцип свободы печати, осуществление правила выборности государственных должностных лиц в различного рода центральные и местные представительные учреждения, существование в политической системе страны сильной независимой судебной власти, достаточный уровень благосостояния граждан демократического социума (поскольку важнейшую гарантию прав личности ученый усматривал в ее правах собственности); ту же роль он отводил высокому уровню политического сознания граждан, основанного на желании быть свободными, на достаточном уровне их политической культуры и образованности [6. С. 65, 83–84, 157, 163–164, 381, 399, 401, 491]. В целом Токвиль приходил к выводу: «Демократическое правительство... всегда предполагает, что общество, которым оно будет управлять, должно быть высокоразвитым, цивилизованным, в котором и уровень образования, и уровень наук высоки» [Там же. С. 168].

Если в североамериканских штатах на момент посещения их Токвилем утверждение в их политической системе «демократического деспотизма» являлось лишь гипотетической угрозой, которой этому обществу удавалось успешно противостоять, то в истории его собственной страны эта форма властвования обрела плоть и кровь в бонапартизме, наиболее ярко и полно воплотившемся в политической системе и политической практике Первой империи, порожденной динамикой Великой французской революции, и Второй империи, оборвавшей острые противоборства Февральской революции. Главным образом на этом историческом опыте Франции Токвиль и сформировал базовые характеристики природы, социальной основы и существа бонапартизма, основополагающие знания о нем, изложенные на страницах его «Воспоминаний» и книги «Старый порядок и революция» (с незавершенными и неизданными при жизни автора фрагментами и набросками к предполагаемому им продолжению этого произведения).

Восхождение Наполеона Бонапарта на вершину французского политического олимпа Токвиль связывал со временем Консулата, пришедшего на смену правлению термидорианского Конвента и Директории. Определяя место этого временного промежутка во французском революционном процессе конца XVIII в., он выделил его в последний, завершающий этап Великой французской революции, назвав движением «от 18 брюмера к Империи» [7. С. 198]. Ученый так раскрывал его общее содержание: собственными ошибками и разочарованиями «французы были приведены к тому, что покинули свою первоначальную цель, и, забыв о свободе, пожелали сделаться только равными рабами властителя мира» [8. Р. 12]; правительство «более сильное и гораздо более абсолютное, чем то, которое было низвергнуто Революцией, захватывает и сосредоточивает в себе все виды власти, подавляет все

вольности, купленные столь дорогой ценой, и ставит на их место пустые призраки» [8. Р. 12]. Желание быть свободными охладело, «Франция решила купить спокойствие ценою рабства», Наполеон победил «либеральный гений французской Революции» [Ibid. С. 22].

Токвиль оставил множество характеристик, оценок, замечаний, позволяющих составить представление об общем видении им той роли, какую личность Бонапарта и его деятельность сыграли в событиях Великой французской революции. Показательно в этом отношении, что одну из глав подготовительных материалов к продолжению книги «Старый порядок и революция» Токвиль назвал «Французская революция и Наполеон» [7. С. 169–172]. В ней он утверждал, что содержание деятельности этой великой личности определялось не только его интеллектом и способностями – «почти божественный ум», «великий гений» [Там же. С. 171, 204], но и состоянием общества, положением в армии, духом эпохи. Выражая эту мысль, ученый писал: «Странному величию его военного гения помогало его странное и необузданное время» [Там же. С. 171].

Выявляя причины того, почему Наполеона Бонапарта и империю поддержала значительная часть нации, историк указывал на то, что самыми заинтересованными сторонниками диктатуры оказались тогда высшие собственные классы общества, усмотревшие в ней средство прекратить длительную череду политических потрясений, насилия, нарушений законности, столь опасных для их жизни и благосостояния. С помощью диктатуры эти классы надеялись обезопасить себя и свою собственность от эгалитаристских устремлений неимущих слоев общества: «Когда, следуя естественному ходу подобных событий, любовь к свободе остыла и утомилась среди анархии и диктатуры черни, и нация, в смятении, начала, как бы ощупью, искать себе господина, – тогда абсолютная власть нашла для своего возрождения и обоснования удивительно легкие пути, которые и были без труда открыты гением человека, ставшего в одно и то же время продолжателем Революции и разрушителем ее дела» [8. Р. 229], – писал он об этом явлении. Нация, утомленная продолжительными волнениями, «согласилась быть обманутой» [Ibid. Р. 165].

Еще в книге об американской демократии Токвиль утверждал, что боязнь беспорядков и привязанность к материальному благополучию составляют основу «демократического деспотизма»; «никогда народ не бывает столь расположен к расширению полномочий центральной власти, как после длительной и кровавой революции, в результате которой он отобрал все богатства у их бывших владельцев, подорвал все верования, наполнив общество бешеной ненавистью, взаимоисключающими интересами и противоборствующими фракциями. Именно тогда рождается слепая любовь к общественному спокойствию и граждане воспламеняются безудержной страстью к порядку» [6. С. 488].

Ученый выявил и исследовал то обстоятельство, что поддержка бонапартизму была оказана и огромной

массой крестьянства, всеми его имущими слоями; обратил внимание на тот действительный факт, что подавляющая часть крестьянства боролась в революции за приобретение прав собственности на землю, за укрепление их и ввиду этих же целей поддержала диктатуру Наполеона Бонапарта, когда революция завершилась. В этой ситуации крестьянство сыграло роль необходимой в таких случаях массовой силы, на которую диктатура могла опереться. В этом отношении ученый проводил вполне уместную параллель между соответствующими событиями Великой французской революции и Февральской революцией 1848–1849 гг., в частности, обращал внимание на то, что одни и те же действия политиков общество может поддерживать или не поддерживать в зависимости от того, насколько они совпадают с его интересами и настроениями. Это суждение он подтверждал следующим примером: Бонапарт, придя к власти, ввел добавочный сорокапятисантимовый налог, и народ не обернулся против него, поскольку совокупность того, что он делал, была популярной; Временное правительство в 1848 г. предприняло аналогичную меру, и было предано анафеме. Это произошло потому, что первый произвел переворот, которого желали, второе – переворот, которого не хотели [7. С. 200].

Одну из причин утверждения диктатуры Наполеона Бонапарта и режима Первой Империи Токвиль усматривал в особенностях расстановки политических сил во Франции конца революции. В этом смысле он справедливо замечал: «Для якобинцев Бонапарт являлся средством противостоять роялистской реставрации; для роялистов – препятствием к возвращению террора» [Там же. С. 200–201].

Немаловажную роль в деле утверждения диктатуры ученый отводил умонастроениям эпохи, той политической культуре и тем представлениям о справедливости, которые определяли действия различных социальных сил в революции. В этой связи он отмечал, что «ко времени, когда у французов пробудились склонности к политической свободе, в их ментальных установках уже глубоко укоренились ценности, противоположные ей, – идея административной централизации, сильной власти, аристократии чиновничества, государственной опеки в отношении частных лиц» [8. Р. 187].

В характеристике Первой империи историк выразил понимание того, что это правление являлось такой разновидностью деспотизма, которая, в отличие от старого феодального, была основана на принципах народного суверенитета и народного представительства, однако реально состояла в неограниченной власти одного: «правление от имени народа, но без народа»; представлено множество, но управляют просвещенные классы; низшие классы удовлетворены тем, что провозглашено их представительство, что отменены все промежуточные звенья в управлении, которые угнетали их, тем, что дано удовлетворение «чувству зависти и уравниательства» [7. С. 210].

Задаваясь вопросом, каким было место Первой империи в событиях революции, какова в ней была ее

роль, исследователь приходил к мнению, что эта роль являлось весьма значительной; полагал, что утверждение имперского правления изменило вектор французского революционного процесса от разрыва к преемственности. Одним из главных выражений преемственности ученый считал возвращение Франции к авторитарному правлению [8. Р. 229]. Другое из основных выражений преемственности между революционной и постреволюционной Францией Токвиль усматривал в восстановлении институтов административной централизации: «...ухватились за развалины централизации и восстановили ее... из самых недр нации, только что низвергнувшей королевскую власть, внезапно выросла столь обширная, разветвленная и абсолютная власть, какую не пользовался ни один из наших королей» [Ibid. Р. 229–230].

Характеризуя в этом аспекте внутреннюю политику Первой империи, Токвиль писал: «подавление человеческой свободы» [7. С. 171]; все свободы, все промежуточные власти упразднены; деспотизм, удушающая атмосфера; унижение душ, оцепенение человеческого духа; застой литературы и искусства [Там же. С. 207].

В одном из подготовительных набросков к продолжению книги «Старый порядок и революция» читаем: «Когда перейду к характеристике Империи, необходимо будет дать глубокий анализ этого производства (fabrique): деспотизм одного, созданный на демократической основе; комбинация, наиболее полно приспособленная ко времени и к людям; деспотизм самый безграничный, превосходно обоснованный видимостью права и священных интересов, представляющий огромное число людей и, в то же время, наименее ответственный перед ними» [Там же. С. 205]. Токвиль отвергал бонапартизм как форму политического режима, однако, трезво оценивая ситуацию конкретного момента, был склонен видеть в нем действенное средство предотвращения анархии и защиты буржуазной собственности в условиях долговременной нестабильности социума.

Мощным стимулом к осмыслению бонапартизма как формы властвования послужил для ученого новый поворот французского революционного процесса, породивший Февральскую революцию 1848–1849 гг., и последовавшее за ним торжество Второй империи. Он тяжело пережил эти события как новое крушение своих либеральных идеалов. Утверждение диктатуры Людовика Наполеона оборвало на взлете его политическую карьеру, воочию продемонстрировало новые аспекты политических трансформаций во Франции, заставило вернуться к изучению бонапартизма как политического явления, искать ответы на новые (в то же время и старые) «проклятые вопросы» – почему череда демократических революций, нацеленных на идеалы гражданского равенства и политической свободы, неизменно завершалась в его стране утратой политической свободы и торжеством деспотических режимов? В новой исторической ситуации и на новом исследовательском

уровне, вместе с тем опираясь на факты истории Великой французской революции, выявленные и осмысленные в предшествующем творчестве, Токвиль в начале 1850-х гг. вновь обратился к анализу этой проблемы, посвятив ей главное историческое произведение своей жизни – книгу «Старый порядок и революция».

События 1848–1851 гг. оказали глубокое воздействие не только на судьбу ученого, но и на все его последующее творчество, открыли новые стороны тех социальных процессов и явлений, которые давно привлекали его внимание и которые в определенной степени были им предвидены. Эти события подтвердили выраженный в книге об американской демократии неутешительный для Токвиля его прогноз относительно того, что процесс демократического развития общества «вряд ли остановится перед буржуазией и богатыми классами» – он переступит их [6. С. 29]. События Февральской революции с очевидностью убеждали его в том, что революционное движение, восходившее к Великой французской революции, далеко не завершено, имеет все признаки исторического процесса, протяженного на длительную перспективу.

Восстание парижских рабочих в июне 1848 г. не оставило у Токвиля сомнений в том, что это явление связано с ростом радикализма угнетенных масс, что они стали теперь главной силой революционного процесса, вооруженной теми социалистическими учениями, откровенно враждебное отношение к которым он неоднократно и недвусмысленно выражал [9. Р. 540–541, 545]. Если Токвиль хотел видеть в Февральской революции наследницу буржуазно-либеральных идей 1789 г., то пролетарская масса сражалась в ней за «социальную республику», которая была бы основана на ее участии в делах государственного управления, равенстве имуществ, конституционно закрепленном праве на труд. Эти целевые установки и эти действия содержали в себе тенденции-предвестники социалистических революций XX столетия.

Июнь 1848 г. лишил Токвиля иллюзий возможности достижения полной социальной гармонии и классового мира в рамках буржуазного общества, которые он прежде питал; заставил признать, что в июне 1848 г. известная часть нации пережила шок, рожденный «ужасом социализма» [10. Р. 262]. Июньское восстание парижского пролетариата сделало очевидным ошибочность мнения, будто революционный процесс во Франции завершился. Передавая свои чувства и опасения на этот счет, ученый восклицал: «Ужас! Сегодня стало очевидным, что шквал продолжается, что море вздымается, что не только мы не увидим завершения этой бесконечной революции, начавшейся до нас, но и дети, рожденные сегодня, вероятно, его не увидят. Речь идет не о модификации, а о полной трансформации общественного организма» [10. Р. 460–461].

Политическая практика 1848–1851 гг. подтвердила его давние предположения относительно того, что при первой серьезной угрозе интересам собственности буржуазия окажется готовой отказаться от своих поли-

тических свобод. Именно такого рода опасность в 1851 г. бросила собственнические классы Франции под крыло диктатуры Людовика Бонапарта. Во введении к книге «Старый порядок и революция» ученый наметил линию исследования, связанную с проблемой «демократического деспотизма», вновь выразил уверенность в том, что противостоять деспотизму может только политическая свобода, равно как и свое намерение вновь обратиться к изучению условий ее сохранения во Франции.

Заявление таких целей исследования, по сути, можно расценивать как открытое проявление оппозиции авторитарному режиму Наполеона III, которому Токвиль в том же введении подчеркнуто противопоставил свои либеральные убеждения: «Так как свое хорошее мнение о свободе я высказывал тогда, когда она была в милости, – надеюсь, не покажется предосудительным, что упорствую в этом мнении теперь, когда свободу отвергают» [8. Р. 13].

В учреждениях Второй республики ученый усмотрел новую политическую силу и новую форму защиты буржуазного порядка от пролетарской угрозы. Деятельность в них стала вершиной политической карьеры Алексиса Токвиля. Он был членом Учредительного, затем и Законодательного собраний от своего избирательного округа; со 2 июня по 30 октября 1849 г. являлся членом правительства, входил в состав второго министерства О. Барро, занимал в нем должность министра иностранных дел, многое сделал для того, чтобы защитить буржуазные завоевания Февральской революции.

Политическая деятельность этого времени показала, что его либеральные убеждения вполне умещались в рамках парламентской диктатуры «партии порядка». Как член правительства Второй республики Токвиль принимал решения, нацеленные на жесткое подавление леворадикальных течений в революционном процессе, на масштабное ограничение политических свобод: «Мне казалось, что после таких сильных революционных потрясений было только одно средство спасти свободу: установить для нее границы. Мои сотоварищи разделяли мое мнение; поэтому мы предложили издать закон о закрытии клубов, ограничить свободу печати еще энергичнее, чем во времена монархии и урегулировать осадное положение» [11. Р. 253]. Неоднозначность содержания политической деятельности Токвиля в 1848–1849 гг. позволила А.М. Салмину заметить, что в ней он проявил себя как «заурядный либерал», пытавшийся спасти свободу, законность, конституционализм посредством методов, противоположных этим идеалам [2. С. 15].

Ученый предчувствовал опасность утверждения диктатуры Людовика Бонапарта с июня 1848 г. Начало «ретроградного движения» от свободы к диктатуре он датировал 27 июнем 1848 г.: «...сначала оно было очень медленным и почти незаметным, но потом сделалось быстрым стремительным и непреодолимым» [11. Р. 189].

Глубокий анализ настроений и переживаний Токвиля, порожденных угрозой бонапартистского переворота, дал В.М. Далин, которому удалось на основе переписки ученого 1848–1851 гг. показать, с какой глубиной и точностью он выявил суть эволюции политической ситуации в стране, приведшей к провозглашению Второй империи [1. С. 48–52]. Содержание «Воспоминаний» и корреспонденции тех лет не оставляет сомнений в том, что ни политические устремления будущего властителя, ни его личные качества не находили позитивной оценки со стороны Токвиля. Он связывал перспективу этого правления с утверждением во Франции «незаконнорожденной монархии, которая внушала бы презрение образованным классам населения, была бы врагом свободы и управлялась бы интриганами, авантюристами и холопами» [11. Р. 231].

Заслуживает внимания не столько то, что ученый предвидел государственный переворот Людовика Бонапарта, сколько то, как точно выявил его предпосылки и социальную основу. Главной из этих предпосылок он считал обострение свойственного среднему классу собственнического чувства, вызванное видимой угрозой со стороны восставших рабочих, уже отмеченное им в книге об американской демократии, где он писал, что страстная привязанность демократических народов к материальному благополучию толкает их «к расширению полномочий центрального правительства, единственной силы, которая представляется им достаточно стабильной, достаточно мудрой и достаточно мощной, чтобы спасти их от анархии» [6. С. 488]. Исследователь утверждал, что чувство собственности, имманентно присущее буржуазным классам, может быть многократно усилено революционными трансформациями. В этом случае страх потерять собственность или горячее стремление сохранить те богатства, какие буржуазия только что отняла у дворянства, могут толкнуть ее на самые крайние действия, заставить забыть о выгодах политической свободы и броситься в рабство неограниченной диктатуры [Там же].

Полвека революционной нестабильности и перманентной угрозы отношениям собственности обострили ситуацию во Франции. Токвиль отмечал, что после «стольких обманутых надежд и бесплодных волнений» в умах и сердцах его соотечественников не осталось ничего, кроме стремления сохранить свою собственность [11. Р. 88]. Угроза ей со стороны рабочего движения и социализма объединила все собственнические классы Франции [Ibid. Р. 110–111, 117–118]. Характеризуя настроения большинства национального собрания в 1848–1849 гг., ученый замечал, что при боязни нового утверждения империи все усилия этого большинства были направлены на то, чтобы закрыть доступ народным низам во власть. Угроза утверждения такой власти с ее установкой на социальное равенство, упразднение частной собственности и породили, как полагал Токвиль, в душах «слабых, порядочных и заурядных», из каковых в большинстве и состоит челове-

ческий род, то «удивительное моральное истощение», которое бросило нацию под крыло диктатора [12. Р. 301]. В отличие от многих своих современников, пытавшихся объяснить причины бонапартистского переворота волей Провидения, либо трактовать их как акт насилия со стороны отдельной личности, в трактовке Токвиля бонапартизм получил историческое, политическое, социологическое и психологическое объяснение.

Уволив в отставку второе министерство О. Барро, Людовик Бонапарт сформировал правительство, состоявшее в основном из его сторонников, и решительно повел политику восстановления монархии. На протяжении времени с конца 1849 до конца 1851 г. развернулось напряженное противостояние между президентом Республики и ее Законодательным собранием. В этом противостоянии президент неизменно усиливал свои позиции. Все шло к империи.

В ночь на 2 декабря 1851 г. президент Людовик Бонапарт совершил государственный переворот, сосредоточив в своих руках всю власть. Общественные здания были заняты войсками, Законодательное собрание распущено. Часть депутатов собрались в мэрии десятого округа с целью остановить переворот, сместить Бонапарта, восстановить республику. Токвиль присутствовал на этом собрании, подписал все принятые на нем резолюции. Однако попытка изменить ситуацию оказалась тщетной. В своем биографическом очерке о Токвиле (впервые опубликованном в 1866 г. в пятом томе его собрания сочинений) Г. Бомон сообщает, что вместе с двумястами участниками протеста Токвиль был арестован, отправлен из мэрии десятого округа в военные казармы на набережной Орсе, а оттуда в ночь со 2 на 3 декабря был доставлен в арестантской карете в Венсенский замок и подвергнут кратковременному заключению. «Здесь оборвалась политическая жизнь Токвиля, – пишет Бомон. – Она завершилась вместе с гибелью свободы во Франции» [12. Р. 74]. Токвиль отказался принести присягу верности новому правителю и оставил политическую карьеру.

Пережитая ученым в начале 50-х гг. трагедия политического поражения оставила тяжелый след в его душе, надолго сохранила горечь утрат и разочарований, отразилась на всем последующем творчестве. До конца жизни он не примирился с политическим режимом Второй империи, с тем «удивительным упадком моральных сил» общества, который сопровождал ее возникновение [12. Р. 301], с тем «родом паралича», которым она сковала политическую жизнь Франции [10. С. 273]. В одном Наполеон III не обманул его надежд – в том, что касалось обеспечения социальной стабильности, подавления революционного движения в стране, защиты прав частной собственности перед лицом леворадикальной анархии.

Эту сторону настроений ученого середины 50-х гг. хорошо отразило письмо к другу, одному из постоянных его корреспондентов графу де Сиркур, в котором ученый анализировал общественно-политическое состояние Франции зимы 1854 г., обсуждал степень

опасности вспыхнувших тогда в Париже пролетарских волнений. Выражая свои суждения на этот счет, Токвиль утверждал, что волнения парижских рабочих не только не опасны для правительства, но, напротив, укрепляют его, «бросая под его крыло всех, кто трепещет, то есть почти всех французов, исключая пролетариев. Это те самые чувства, которые породили современную власть, именно они дадут ей жить; и если бы я был удостоен чести являться одним из министров Его Величества Наполеона III, то начал бы беспокоиться лишь с того дня, когда заметил бы, что народ больше не вселяет страха» [12. Р. 318].

Токвиль понимал, что империя представляла собой один из этапов восхождения буржуазии к власти, укрепления ее имущественных прав, ее позиций в обществе и государстве. В этом отношении его надежды на сильную личность и диктаторское правление вполне себя оправдали. Бесспорным представляется утверждение Ж. Лефевра, состоящее в том, что хотя диктатура сломала политическую карьеру Токвиля, «он не был обманут в гарантиях, обещанных новым деспотом по поводу отношений собственности; он ценил то, что в 1848 г. господствующий класс, в отличие от Конституанты 1789 г., обнаружил превосходную способность защитить свою власть» [4. Р. 15].

Политические процессы, наметившиеся в Европе во второй половине 50-х гг., убеждали Токвиля в конечном успехе либерального дела, в конечной возможности до-

стижения в европейском обществе социальной стабильности и политической свободы. Они помогли ему сохранить надежду на возвращение его страны к идеалам и политическому строю либеральной демократии, которая на самом деле будет восстановлена Конституцией 1875 г. через 16 лет после смерти ученого. Неслучайно П. Моро называл Токвиля «республиканцем завтрашнего дня» и ставил его в параллель с крупнейшими историками времени III Республики Э. Ренаном и И. Тэном [5. Р. 14].

Глубокое исследование Токвилем предпосылок утверждения в буржуазных социумах авторитарных форм правления, их природы и социальных основ, по праву заслужило высокую оценку современных авторов. К. Лефор, отмечая оригинальность и плодотворность этой концепции, пишет, например, что анализ проблемы «демократического деспотизма», данный в книге об американской демократии, «сделал больше для посмертной славы Токвиля, чем вся его работа» [3. С. 256].

В целом представляется возможным утверждать, что концепция бонапартизма, разработанная Алексисом Токвилем, содержит ряд безусловных научных достоинств, определивших ее устойчивое и продолжительное воздействие на политическую науку не только XIX, но и XX столетия. Этой концепцией он внес значительный вклад в историческое, политическое, социологическое, психологическое объяснения столь сложного явления, как бонапартизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Далин В.М. Из истории социальной мысли во Франции. М.: Наука, 1984. 256 с.
2. Салмин А.М. Идеологическое наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада. М.: ИНИОН АН СССР, 1983. 72 с.
3. Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). М.: РОССПЭН, 2000. 367 с.
4. Lefebvre G. Introduction // Tocqueville A. de. Œuvres complètes. P.: Gallimard, 1952. Vol. 2. P. 9–30.
5. Moreau P. Tocqueville pour et contre le traditionalisme In: Alexis de Tocqueville. Livre du centenaire. 1859–1959. P.: Centre National de la Recherche Scientifique, 1960. P. 133–156.
6. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: А. де Токвиль. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1877. Т. 8. 492 p.
7. Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Кольчугин, 1896. 350 с.
8. Tocqueville A. de. Etudes économiques, politiques et littéraires // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1876. Т. 9. 652 p.
9. Tocqueville A. de. Correspondance // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1866. Т. 6. 484 p.
10. Токвиль А. Воспоминания. М.: Солдатенкова, 1893. 319 с.
11. Tocqueville A. de. Nouvelle correspondance // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1866. Т. 7. 525 p.
12. Tocqueville A. de. Correspondance et œuvres posthumes // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / ed. G. Beaumont. P.: Michel Lévy frères, 1866. Т. 5. 476 p.

Lyudmila P. Veremchuk. Kazakhstan-American Free University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan). E-mail: 269724@mail.ru

TOCQUEVILLE ON BONAPARTISM AS A FACTOR OF TRANSFORMATIONS IN THE FRENCH REVOLUTIONARY PROCESS OF THE LATE XVIII - MID XIX CENTURIES

Keywords: bonapartism; democratic despotism; administrative centralization; liberal democracy.

The purpose of the study is to analyze the content of the concept of Bonapartism, which was formed in the work of the famous French historian of the first half of the XIX century, Alexis Tocqueville, the place of this concept in his study of the French revolutionary process of the late XVIII - mid XIX centuries.

The importance to study this aspect of Tocqueville's works was noted by such famous researchers of his scientific work as V.M. Dalin, A.M. Salmin, C. Lefort, J. Lefebvre, P. Moreau. At the same time, this side of the scientist's historical ideas is still poorly researched.

The sources for analyzing the content of the concept of Bonapartism developed by Tocqueville were the texts of his works *Democracy in America*, *Memoirs*, *Old Order and Revolution*, draft materials for writing a continuation of the book *Old Order and Revolution*, speeches, and personal correspondence. The article describes the tendency of the development of bourgeois societies of the New Age epoch towards authoritarian rule, which he called "democratic despotism", and reveals the prerequisites for its formation, studied by Tocqueville.

It is shown that in the history of his own country, this form of rule gained flesh and blood in Bonapartism, which was most vividly embodied in the political system and political practice of the First Empire, generated by the dynamics of the Great French Revolution, and the Second Empire, which broke off the sharp confrontations of the February Revolution. Based on this historical experience of France, Tocqueville formed the basic characteristics of nature, the social basis and essence of Bonapartism, the fundamental knowledge of its nature, forms and methods.

As a result of the study, the author of the article came to the following conclusions and generalizations. The concept of Bonapartism, developed by Alexis Tocqueville, contains a number of unconditional scientific merits, consisting in the fact that it reveals the nature of Bonapartism, reveals the causes and prerequisites for its formation - historical, political, social, psychological; the role of this form of rule in the development of the French revolutionary process of the late XVIII - mid XIX centuries.

REFERENCES

1. Dalin, V.M. (1984) *Iz istorii sotsial'noy mysli vo Frantsii* [From the history of social thought in France]. Moscow: Nauka.
2. Salmin, A.M. (1983) *Ideynoe nasledie A. Tokvilya i sovremennaya politicheskaya traditsiya Zapada* [The ideological heritage of A. Tocqueville and the modern political tradition of the West]. Moscow: AS USSR.
3. Lefort, C. (2000) *Politicheskie ocherki (XIX – XX veka)* [Political Essays (19th – 20th centuries)]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: ROSSPEN.
4. Lefebvre, G. (1952) Introduction. In: Tocqueville, A. de. *Œuvres complètes*. Vol. 2. Paris: Gallimard. pp. 9–30.
5. Moreau, P. (1960) Tocqueville pour et contre le traditionalism. In: Tocqueville, A. de. *Livre du centenaire. 1859–1959*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique. pp. 133–156.
6. Tocqueville, A. de. (1877) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: A. de Tocqueville.
7. Tocqueville, A. de. (1896) *Staryy poryadok i revolyutsiya* [The Old Order and Revolution]. Translated from French. Moscow: Kol'chugin.
8. Tocqueville, A. de. (1876) *Œuvres complètes*. Vol. 9. Paris: Michel Lévy frères.
9. Tocqueville, A. de. (1866a) *Œuvres complètes*. Vol. 6. Paris: Michel Lévy frères.
10. Tocqueville, A. de. (1893) *Vospominaniya* [Memoirs]. Translated from French. Moscow: Soldatenkova.
11. Tocqueville, A. de. (1866) *Œuvres complètes*. Vol. 7. Paris: Michel Lévy frères.
12. Tocqueville, A. de. (1866c) *Œuvres complètes*. Vol. 5. Paris: Michel Lévy frères.

УДК 930 (091)
DOI: 10.17223/19988613/63/16

О.П. Дорошенко

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.Е. КАТАНАЕВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА

В статье анализируются педагогическая деятельность Г.Е. Катанаева в Сибирской военной гимназии (70-е гг. XIX в.), его вклад в концептуальное развитие и практическую реализацию областнической идеи «концентрического родиноведения» как «базиса формирования мировоззренческих основ провинциальной культуры».

Ключевые слова: история Сибири; сибирское областничество; концентрическое родиноведение; Г.Е. Катанаев; педагогическая деятельность.

В научном дискурсе давно укрепилась мысль о тесной взаимосвязи образования и краеведения. Содержание образования представляется системой ценностей культуры, необходимых для развития личности и общества. Система эта не статична, образование «приспосабливается» к изменяющимся условиям социальной среды территории (региона) и одновременно формирует эту среду. В последнее время учебная литература находится в сфере пристального внимания историков, социологов, литературоведов, культурологов: ее рассматривают как инструмент идеологического воздействия и институт формирования национального самосознания [1. С. 29]. Учебники (учебные тексты) привлекаются для исследования региональной идентичности.

В середине XIX в. сибирское областничество создавало довольно стройную и самобытную систему взглядов. К 60-м гг. XIX в. завершается разработка основных идей (осознаны главные нужды края, набросана программа работ, включавшая в себя вопросы отмены ссылки в Сибирь, мануфактурного ига Москвы, о сибирской интеллигенции и инородцах). Особое внимание сибирские областники (прежде всего, идеолог областничества Г.Н. Потанин) уделяли образованию и народному просвещению. М.В. Шиловский считает, что уже в 1862 г. Г.Н. Потанин кратко и емко сформулировал главную концептуальную идею сибирского областничества: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои права и законы, читать и писать то, что нам хочется, а не что прикажут из России; воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить только на себя» [2. Т. 1. С. 59]. Г.Н. Потанин считал, что в Сибири необходимо «поднять школьное дело и создать в крае честную, высоко нравственную интеллигенцию» [Там же. Т. 2. С. 166]. Основная задача в этой области – «сделать программу обучения в народной школе интересной для учащихся и полезной для жизни» [3]. Потанин полагал, что бюрократическая централизация, достигшая в России своего абсолютного воплощения, есть великое зло, тем более что имперское сознание нивелирует все местные

особенности и интересы, и что только полноценное чувство малой родины может сделать для человека реальностью и его принадлежность к большой Родине. Понимая, что воспитанием такого чувства необходимо заниматься с самого раннего детства, Г.Н. Потанин обращается к проблемам начальной школы.

Следует отметить, что значимость идей краеведения для образования признавалась прогрессивной частью российской педагогической общественности уже в начале XVIII в. Педагогическую ценность ознакомления учащихся со своей «ближней» родиной – краем, видели многие ученые, педагоги, общественные деятели (М.В. Ломоносов, Н.И. Новиков, В.Ф. Зуев и др.) [4. С. 205]. В первой половине XIX века изучение отдельных местностей расширилось под влиянием «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина [4. С. 206]. Однако в те годы основным предметом, формирующим представление об империи, была отечественная география и только позже – история, родной язык и литература. География же (как учебный предмет) носила характер собрания справочных сведений самого разнообразного содержания, эти сведения и должны были заучиваться учащимися. Одним из родоначальников изучения локальной истории явился крупный русский ученый, литературный критик и издатель Н.И. Надеждин, которого называют одним из основателей исторической географии в России [Там же. С. 207]. Первые шаги, направленные на создание специальных учебников по родиноведению, были сделаны в начале 60-х гг. XIX в. В 1862 г. Н.Х. Вессель, первый в России методист по родиноведению, предложил ввести в школе специальный учебный предмет «отчизноведение», в содержание которого включил элементы местной географии, естествознания и истории и видел в нем базу для последующего образования [Там же]. К.Д. Ушинский, сыгравший важную роль в развитии народного образования России, выступал за широкое использование местного материала в обучении, в изучении родного края он видел одно из средств патриотического воспитания школьников [Там же]. Родиноведческое направление в образовании было конкретным развити-

ем общепедагогических идей К.Д. Ушинского, считавшего, что основой для изучения географии должна быть местность, в которой живут дети. Это положение он включил в рекомендации по использованию местного материала в «Родное слово. Книга для учащихся» (1864). Первоначально родиноведение мыслилось как часть школьного курса географии. М.В. Лескинен приводит определения из учебника географии 1874 г.: «Та часть географии, которая описывает отечество, называется “отечествоведением”, а для “знакомства с “малой родиной” был создан предмет родиноведения (или отчизноведения)» [5. С. 43].

Во второй половине XIX в. стали появляться собственно «родиноведческие» учебники, но их количество и значение были сравнительно небольшими. В развитии родиноведения был и фактор стихийности, его успехи часто зависели от работающих в местности краеведов. Реальные попытки создания местных учебников относятся к более позднему времени. За 1872–1990 гг. «было подготовлено и издано 23 учебных пособия, содержащих материалы местного элемента» ряда губерний Европейской России [6. С. 253]. Один из первых (в России вообще и в Сибири в частности) учебников по родиноведению был создан иркутским учителем истории, известным публицистом и общественным деятелем М.В. Загоскиным. Его книга «Иркутск и Иркутская губерния» (1870) была рекомендована к печати в качестве учебника по родиноведению для школ и училищ Первым педагогическим съездом учителей Восточной Сибири (1867 г., Иркутск) [1. С. 32]. Правда, Г.Н. Потанин не оценил учебник М.В. Загоскина. В 1873 г. в «Камско-Волжской газете», размышляя о том, каким должен быть местный учебник, и акцентируя внимание на том, что он должен способствовать развитию самостоятельной познавательной активности учеников, пробуждать в них интерес к изучению своей малой родины, а не ориентировать на пассивное усвоение многочисленных и порой ненужных подробностей, Г.Н. Потанин пишет: «У нас с местным характером не издавалось до настоящего времени ни одного учебника. Только в Иркутске преподаватель тамошней реальной прогимназии Загоскин издал местный курс географии, одобренный министерством народного просвещения для употребления в сибирских гимназиях. Но этот учебник не в том роде, в котором он должен быть по нашему представлению. Это коротенькая статистика города Иркутска и Иркутской губернии» [7. С. 2]. И хотя исследователи педагогического творчества М.В. Загоскина считают, что его учебник «можно рассматривать и как мировоззренческий проект автора, близкого к областникам и транслирующего идею деятельного патриотизма как любви к местности через свой учебный текст» [1. С. 35], но все же более правильным и значимым представляется их вывод о том, что учебник М.В. Загоскина, как и другие учебники родиноведения пореформенной эпохи, одобренные Министерством народного просвещения – это

«опыт неконфликтного взаимодействия власти и провинциальной интеллигенции по согласованию целей и содержания «местного» компонента в школьном образовании, соотношения национального и регионального в учебном курсе географии и в определении минимума знаний о малой родине» [1. С. 30]. Областники же рассматривали задачи курса родиноведения, несомненно, шире и глубже. В 1860–1870-е гг. задачи и содержание, методы преподавания курса родиноведения, а также требования к учебной литературе по этому курсу были предметом дискуссии не только в педагогическом обществе, но находились в сфере пристального внимания идеологов «местного патриотизма». Об этом, в частности, свидетельствует переписка Г.Н. Потанина с К.В. Лаврским и А.С. Гациским, известными публицистами, главными сотрудниками «Камско-Волжской газеты». Г.Н. Потанин, обобщив российский педагогический опыт (возможно, на основе знакомства с идеями педагога С.Е. Миропольского [8. С. 33] или независимо от него [Там же. С. 61]), пришел к мысли о необходимости преподавать «концентрическое родиноведение» в российских школах и разработал свою систему курса на основе местного материала.

Следует отметить, что курсы «родиноведения» необходимо рассматривать не только как педагогические, но и как мировоззренческие проекты. Так, М.В. Шиловский разработку Г.Н. Потаниным учебника «Родиноведение» считает началом разработки научно-педагогического проекта под названием «концентрическое родиноведение» (краеведение), справедливо полагая, что эти идеи Г.Н. Потанина не следует сводить лишь к методическим рекомендациям по написанию конкретного учебника [9. С. 28; 10. С. 12]. С.М. Смокотина же рассматривает просветительно-педагогические идеи лидеров движения областников как часть их культурологических разработок [11. С. 30–31].

Мысли о необходимости написания учебника «Родиноведения» зарождаются у Г.Н. Потанина в 70-х гг. XIX в. Несмотря на безусловный интерес Потанина к преподаванию родиноведения, практически осуществить свое желание он смог лишь отчасти во время ссылки в г. Никольске (1871–1874 гг.). Здесь, обучая детей прямо у себя на квартире, он впервые опробовал свои идеи на практике. Концептуальную схему идеи концентрического родиноведения Г.Н. Потанин продолжил разрабатывать после амнистии в 1874 г. в Петербурге. Основопологающие ее принципы были сформулированы в письме А.С. Гацискому [2. Т. 2. С. 139–142]. Он задумывает создание учебника родиноведения для г. Никольска (Вологодской губернии) и его окрестностей в качестве образца для школ, как составлять подобные курсы. По мысли автора, это должен быть учебник «концентрического родиноведения», в котором исходной точкой обширного мира для ребенка становятся его город или село, его собственная школа. Мир природы и человека описывается тремя концентрическими кругами. Первый круг – ближайшие

окрестности школы, знакомые детям по непосредственному жизненному опыту. Второй круг – область (понимаемая Г.Н. Потаниным как некая историческая и географическая целостность, обладающая культурными и экономическими особенностями). Наконец, третий круг – Россия. В 1874 г. Г.Н. Потанин в своем письме А.С. Гацискому писал: «Наша типография <...> может заняться изданием местных азбук <...> т.е. книжек для первоначального обучения, местных концентрических родиноведений...» [2. С. 89].

Полностью разделял идеи «концентрического родиноведения» и Г.Е. Катанаев (впоследствии – известный общественный и казачий деятель, историк Сибирского казачьего войска, член ряда научных и просветительских обществ). Г.Е. Катанаев был близок областникам, Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева называл своими «духовными отцами», наставниками и «руководителями первых шагов его участия в литературе и служении родине (Сибири)» [12. Л. 9]. Следует подчеркнуть, что пришел Г.Е. Катанаев к идее «концентрического родиноведения» самостоятельно, независимо от Г.Н. Потанина. В одном из писем (ноябрь 1874 г.) Г.Н. Потанин сообщает, что одновременно с ним «...та же мысль пришла и в голову Катанаеву в Омске, и он составил уже подобное родиноведение для Западной Сибири...» [2. Т. 2. С. 146].

Осенью 1872 г., после окончания курса Петровской земледельческой и лесной академии Г.Е. Катанаев возвращается из Москвы в Омск. Хотя Катанаев и был стипендиатом войска, но должности, соответствующей его образованию, в Сибирском казачьем войске не было. Г.Е. Катанаев же, по его собственному признанию, «не мог вытерпеть того, чтобы не начать делиться своими познаниями» [13. Л. 2 об.]. С 1873 г. он начинает проводить популярные чтения по природоведению и физической географии в манеже Омской крепости (для нижних военных чинов) и в частной школе Ю.А. Соколовой (совладельцем которой был близкий областникам И.Ф. Соколов, один из первых сибирских исследователей-метеорологов, первый редактор газеты «Степной край»). Школа эта была открыта в 70-х гг. XIX в. и существовала на началах благотворительности (по свидетельству Г.Н. Потанина, была убыточной для ее основателей, поскольку основной контингент учащихся составляли крайние бедняки [2. Т. 1. С. 86–87; 14. С. 237]). Дети изучали чтение, письмо, арифметику, географию, зоологию, ботанику. Преподавание в школе велось по передовой для того времени системе К.Д. Ушинского. Лекции Г.Е. Катанаева быстро становятся известными и достаточно популярными в военно-административных кругах города. В 70-е гг. XIX в. Г.Е. Катанаев делает свои первые шаги на литературно-публицистическом поприще и в научных изысканиях. При поддержке Г.Н. Потанина он даже задумывает и на протяжении весны – лета 1872 г. упорно работает над созданием каталога книг о Сибири. Г.Е. Катанаевым был собран значительный по объему материал,

планировалось издать целый том, содержащий не только перечень книг и статей о Сибири, но и краткое реферативное изложение таковых, и отражающий проблемы сибирской беллетристики, журналистики и культуры в целом. К сожалению, Г.Е. Катанаеву не удалось завершить работу, и каталог так и не был издан. Примечательно, что об этой «библиографии журнальных статей о Сибири», как о «попытке, не увидевшей света и хранящейся у его составителя» упоминает В.И. Межов в предисловии к первому тому своей «Сибирской библиографии» [15]. В 1873 г., по настоянию Г.Н. Потанина, Г.Е. Катанаев начинает сотрудничество в качестве омского корреспондента с «Камско-Волжской газетой», которую Г.Н. Потанин называл «родоначальником сибирской областной печати» [16. С. 316]. Писал Катанаев на «областнические мотивы»: об отсталости народного образования, о необходимости гласного суда, земства, о вреде штрафной колонизации, о бесчеловечности истребления и спаивания северных инородцев.

В апреле 1874 г. Г.Е. Катанаев был принят в Сибирскую военную гимназию (бывший и будущий Сибирский кадетский корпус) в качестве воспитателя. Затем начальством гимназии ему было предложено и преподавание географии в младших классах (в старших классах географию в то время преподавал, будучи капитаном Генерального Штаба, известный впоследствии путешественник, исследователь Южной и Центральной Азии М.В. Певцов). В курс географии первого класса (в том числе и военной гимназии) входил только что появившийся тогда предмет – «Родиноведение», для преподавания которого, по воспоминаниям самого Г.Е. Катанаева, не было ни программы, ни учебника. [17. Л. 3 об.] В учебных заведениях того времени насаждались схоластические методы преподавания, догматизм, а обучение на живом местном материале заменялось зубрежкой. Так география, да и другие предметы превращались в далекие от жизни учебные курсы. Лучшими популярными учебниками для начальной школы тогда считались азбука К.Д. Ушинского «Родное слово» (1864) и книга для первоначального чтения Н.А. Корфа «Наш друг» (1871). Но они создавались для всей страны и не могли в равной мере удовлетворить интересы разных областей. Главный недостаток этих учебников состоял в том, что материал в них был представлен на общероссийских примерах, без привязки к конкретному региону и учета региональных особенностей. Г.Е. Катанаев к тому времени уже обрел достаточную уверенность в своих силах, чтобы самому создать учебник родиноведения, по которому учащиеся могли бы знакомиться со своим родным Прииртышьем. Он составил и предложил учебному начальству гимназии свою программу «Родиноведения», оригинальную и мало похожую на наброски подобных программ для других учебных заведений различных областей России. По существу, это была программа подготовительного курса, или «введение» в

курсе географии Омского Прииртышья и ближайшей к нему территории Сибири.

Необходимо подчеркнуть, что Г.Н. Потанин отводил огромную роль личности педагога в процессе формирования регионального самосознания. Он не сомневался, что написание местного учебника «Родиноведение Сибири» следует поручить либо уроженцу Сибири, либо человеку, долго жившему в Сибири. Таким образом, педагог-составитель курса «Родиноведения» в социокультурном плане должен был быть носителем локальной ментальности, «местного самосознания». По мнению Г.Н. Потанина, преподаватель обязан быть самостоятельным, равнодушным к науке, и способным разработать свой собственный учебный курс. «Чтобы написать подобный учебник, нужно или исследовать хотя бы и небольшой участок земли, но всесторонне, что немисливо для одного человека, так как надо быть самому всезнающим Гумбольдом, или нужно иметь под рукой богатейшую местную географическую литературу...» [2. Т. 2. С. 94] Предмету «Родиноведение» Г.Н. Потанин отводил решающую роль, как в деле обучения, так и воспитания молодых людей. Областники мечтали об учителе, способном заниматься и научной, и собирательской, и организаторской, и литературной, и педагогической деятельностью. Кандидатура Г.Е. Катанаева отвечала всем этим требованиям.

Главным принципом обучения Г.Е. Катанаев полагал наглядность: с описываемыми в курсе предметами и явлениями ученики должны были знакомиться посредством экскурсий, опытов и т.п. Они получали возможность изучать явления, факты и законы природы путем непосредственных наблюдений. Мысли Г.Н. Потанина о системности, активности учащихся также были близки Г.Е. Катанаеву. Курс строился на тех же дидактических принципах: наглядность, сознательная активность, системность в обучении. Основной методикой преподавания «Родиноведения» должно было быть постепенное и последовательное расширение образовательного поля с соблюдением принципов «от частного к общему» и «от простого к сложному». Подразумевалось, что в ходе такого обучения учащиеся начнут мыслить, понимая диалектику общественного и государственного устройства. «Один из самых прочных законов выработанный новейшей педагогикой, – писал Г.Н. Потанин, – заключается в том, чтобы вести ребенка от известного к неизвестному и от окружающего к отдаленному. Тогда школа будет осмысленным продолжением жизни ребенка в природе» [Там же. С. 140]. Большое значение отводилось и эмоциональному воздействию на учащихся. Преподаватель курса родиноведения должен был «способствовать» воспитанию у них «сознательного» патриотизма. При этом Г.Н. Потанин точно отделял «инстинктивную» predisposition к областничеству, формирующуюся в детстве в том случае, если ребенок постоянно живет в одном месте, от «осознанного», идеологического «патриотизма», к которому человек мог прийти как на ос-

нове сформированной в детстве predispositionности, так и руководствуясь свободным выбором [18. С. 81]. «Патриотизм не ограничивается ни географическими размерами территорий, ни языком, ни другими объективными факторами; границы свои он находит только в субъективизме», – писал Г.Н. Потанин в 1886 г. [19. С. 9]. Педагогическая практика «концентрического родиноведения» была направлена на формирование «психологических основ характера будущего областника» [18. С. 81].

Предложенная Г.Е. Катанаевым программа «Родиноведения» была одобрена начальством гимназии, и он читал свой курс в течение трех лет работы преподавателем. Таким образом, Катанаев перешел от стадии разработки концепции к практической ее реализации. Планировалось и издание курса, о чем также упоминает в своем письме Г.Н. Потанин [2. Т. 2. С. 146]. Но издать учебник так и не удалось. Сохранилось лишь краткое реферативное его изложение в одной из рукописей Г.Е. Катанаева [17. Л. 3 об.–7]. Позже, будучи уже председателем Восковского хозяйственного правления Сибирского казачьего войска, Катанаев, по его собственному выражению, «близко интересуясь делом народного просвещения... всегда отдавал ему первенствующее значение, поощряя всеми зависящими от него способами и средствами школьное строительство, открытие библиотек и книжных складов, увеличение денежных отпусков на учебную часть и проч.» [20. С. 155] Г.Е. Катанаев называл сам себя «главным руководителем школьного дела в Сибирском казачьем войске» [Там же]. Одной из самых любимых его идей была идея учреждения Общества распространения в народе внешкольного образования и рассылки полезных книг, учебных пособий и картин. В своих воспоминаниях он упоминает даже о разработке устава этого общества, но, по выражению самого Катанаева, «упорное противодействие Министерства народного просвещения и Ведомства православного исповедания» [Там же] не позволило осуществить этот проект.

В 1887 г. Г.Н. Потанин выступил с инициативой учреждения премии за «местные учебники», которая нашла понимание среди членов Общества попечения о начальном образовании. Необходимо отметить, что идеи «концентрического родиноведения» затрагивали не только школу, они могли бы пробудить к активной деятельности и местное общество, местные краеведческие силы – «через собирание коллекций, гербариев, описание родной природы и общества, через просвещение – к общественному сознанию провинции» [21. С. 49]. Но реализация идеи «концентрического родиноведения» в полной мере была невозможна в имперской России.

Идеологи областничества внесли значительный вклад в развитие системы народного образования России вообще и Сибирского региона в частности. По сути, именно сибирские областники начали разработку новой концепции развития национальной школы, цель которой – формирование гражданского патриотического самосознания. Идеи концентрического родиноведе-

ния были направлены на воспитание чувств «местного» патриотизма и осознание ценности собственной культуры. «Концентрические окружности» с культурно-воспитательной точки зрения позволяли последовательно формировать этнокультурное сознание народа, начиная с конкретного места, продолжая регионом, страной и заканчивая миросистемой, сама же теория «концентрического родиноведения» определяла то, что «социокультурное развитие многонационального государства возможно с развитием ее отдельных социокультурных миров» [8. С. 61]. Следует признать, что Г.Е. Катанаев сыграл большую роль и в концептуальном развитии

идеи «концентрического родиноведения» (как «базиса формирования мировоззренческих основ провинциальной культуры» [8. С. 60]), и, особенно, в ее практической реализации. Хотя конкретная педагогическая деятельность Катанаева была недолгой и локально ограниченной, все же его программа «Родиноведение» – своеобразный пропедевтический курс, новаторский для своего времени проект (как с дидактической, так и с мировоззренческой точек зрения), основной задачей которого было не только познакомить учащихся с научными знаниями о своей «малой родине», но и сформировать у них задатки деятельного патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матханова Н.П., Родигина Н.Н. «Да хорошо ли мы знаем ту крохотную частичку земли, на которой сами живем?» : учебник по родиноведению М.В. Загоскина (1870 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 1: История. С. 29–37.
2. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987–1992.
3. Потанин Г.Н. По поводу введения преподавания родиноведения // Сибирская жизнь. Томск. 1915. 6 июня.
4. Пирожков Г.П. Отечество (родино-, отчизно-, крае-) ведение в образовании Российской империи // Берегиня. 777. Соч. 2013. № 4 (19). С. 204–214.
5. Лескин М.В. Представление об «Отечестве» и «Родине» в русских учебниках географии последней трети XIX в.: конструирование национальной идентичности // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2010. № 3. С. 40–55.
6. Зубарева Н.Н. Педагогическое осмысление необходимости изучения «местного элемента» в рамках общего образования в России во второй половине XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2014. № 4. С. 245–254.
7. Потанин Г.Н. [Дилетант]. Местные учебники // Камско-Волжская газета. 1873. № 98. С. 1–2.
8. Головинов А.В. Образование в культурно-просветительской программе сибирского областничества второй половины XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. История. 2009. № 4-4 (64). С. 59–61.
9. Шиловский М.В. Вклад Г.Н. Потанина в развитие образования и педагогики в Сибири // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 26–30.
10. Шиловский М.В. Концептуальные подходы Г.Н. Потанина к развитию образования в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 12–17.
11. Смокотина Л.И. «Концентрическое родиноведение» как органическая часть культурологических разработок Г.Н. Потанина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 2 (76). С. 30–31.
12. Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 357.
13. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 359.
14. Гефнер О.В. Соколов Иван Федорович // Известия Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Выдающиеся ученые и деятели культуры ЗСОИРГО и ОРО ВОО «РГО». Вып. (12) 19. 2-е изд., испр. и доп. Омск, 2008. С. 237–238.
15. Межов В.И. Сибирская библиография. СПб., 1891–1893.
16. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4.
17. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 355.
18. Анисимов К.В., Разуваева А.И. Два века – две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 76–101.
19. Авесов (Г.Н. Потанин). Областной вопрос в русской печати в 1885 г. // Восточное обозрение. 1886. № 1. С. 9–10.
20. Катанаев Г.Е. Памятка о служебной, общественной и литературно-научной деятельности генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева // На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005. С. 148–163.
21. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. 208 с.

Olga P. Doroshenko. Tomsk Institute of Retraining and Agribusiness (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dop@tipkia70.ru

EDUCATIONAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITY OF G.E. KATANAEV IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF IDEAS OF SIBERIAN REGIONALISM

Keywords: history of Siberia; Siberian regionalism; concentric homeland studies; G.E. Katanaev; pedagogical activity.

The article is devoted to the analysis of educational and pedagogical activity of G.E. Katanaev in Siberia of the second half of the 19th century in the context of development of the ideas of the Siberian regionalism. The author notes that in a scientific discourse the thought of close interrelation of education and study of local lore became stronger long ago. It is emphasized that the content of education not only is defined by conditions of the social environment of the territory (region), but at the same time forms this environment. Therefore studying of educational texts (textbooks) for a research of regional identity is represented quite competent.

The purpose of article is definition of a contribution of G.E. Katanaev to conceptual formation and development of the regionalism idea of “concentric homeland studies”. For achievement of a goal the following problems are solved:

- considerations of history of formation of the theory of “concentric homeland studies” as one of basic elements of the conceptual idea of the Siberian regionalism;
- definitions of extent of “inclusion” in the system of regional outlook of educational views of G.E. Katanaev;
- identifications and studying of a concrete and event context of pedagogical activity of G.E. Katanaev as attempts of implementation of the regional idea of education (enlightenment).

In article it is noted that “imperial” consciousness, according to the Siberian regionalists, levels all local features and interests and that only the full-fledged feeling of the small homeland can make for the person a reality and his belonging to the big Homeland. The ideas of a concentric studying of the homeland were directed to education of feelings of “local” patriotism and understanding of value of own culture. “Concentric circles” from the cultural and educational point of view allowed to form ethnocultural consciousness of the people

consistently. The theory of “concentric homeland studies” defined that “sociocultural development of the multinational state is possible with development of its certain sociocultural worlds”.

The analysis of educational and pedagogical activity of G.E. Katanaev in the context of development of the ideas of the Siberian regionalism allows the author of this article to draw the following conclusions:

- 1) Ideologists of regionalism made the significant contribution to development of a system of national education. In fact, Siberian regionalists began the development of a new concept of national school which purpose was a formation of civil patriotic consciousness;
- 2) The pedagogical value of the idea of “concentric homeland studies” consisted in education at pupils of “conscious” patriotism, and student teaching of “concentric homeland studies” was directed to formation of “psychological bases of nature of future regionalist”;
- 3) G.E. Katanaev played a big role in conceptual development of the idea of “concentric homeland studies” (as “basis of formation of world outlook bases of provincial culture”) and, especially, in its implementation.

REFERENCES

1. Matkhanova, N.P. & Rodigina, N.N. (2018) “Are we familiar with tiny piece of land, that we live on?”: motherland studies textbook by M.V. Zagoskin (1870). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 17(1). pp. 29–37. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-1-29-41
2. Potanin, G.N. (1987–1992) *Pis'ma G. N. Potanina: v 5 t.* [G.N. Potanin's letters: In 5 vols]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
3. Potanin, G.N. (1915) Po povodu vvedeniya prepodavaniya rodnovedeniya [Regarding the introduction of the teaching of homeland science]. *Sibirskaya zhizn'*. 6th June.
4. Pirozhkov, G.P. (2013) Otechestvo (rodino-, otchizno-, krae-) vedenie v obrazovanii Rossiyskoy imperii [Fatherland (home-, country-, region-) studies in the formation of the Russian Empire]. *Bereginya*. 777. *Sova*. 4(19). pp. 204–214.
5. Leskinen, M.V. (2010) Predstavlenie ob “Otechestve” i “Rodine” v russkikh uchebnikakh geografii posledney treti XIX v.: konstruirovaniye natsional'noy identichnosti [The idea of “Fatherland” and “Homeland” in Russian geography textbooks of the last third of the 19th century: designing a national identity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 3. pp. 40–55.
6. Zubareva, N.N. (2014) Pedagogicheskoe osmysleniye neobkhodimosti izucheniya «mestnogo elementa» v ramkakh obshchego obrazovaniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka [Pedagogical understanding of the need to study the “local element” in the framework of general education in Russia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya – Herald of Tver State University*. 4. pp. 245–254.
7. Potanin, G.N. (1873) [Dilettant]. Mestnye uchebniki [[Amateur]. Local textbooks]. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. 98. pp. 1–2.
8. Golovinov, A.V. (2009) Obrazovanie v kul'turno-prosvetitel'skoy programme sibirskogo oblastnichestva vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Education in the cultural and educational program of Siberian regionalism in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Altai State University Journal. History*. 4-4 (64). pp. 59–61.
9. Shilovsky, M.V. (2013) Vklad G.N. Potanina v razvitiye obrazovaniya i pedagogiki v Sibiri [G.N. Potanin's contribution to the development of education and pedagogy in Siberia]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 1. pp. 26–30.
10. Shilovsky, M.V. (2014) Conceptual approaches of G.N. Potanin to the development of education in Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk state University Journal of History*. 2(28). pp. 12–17. (In Russian).
11. Smokotina, L.I. (2008) Homeland studying as an organic part of G.N. Potanin's cultural works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2(76). pp. 30–31. (In Russian).
12. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 357.
13. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 359.
14. Gefner, O.V. (2008) Sokolov Ivan Fedorovich [Sokolov Ivan Fedorovich]. *Izvestiya Omskogo regional'nogo otdeleniya Vserossiyskoy obshchestvennoy organizatsii “Russkoe geograficheskoe obshchestvo”*. 19(12). pp. 237–238.
15. Mezhev, V.I. (1891–1893) *Sibirskaya bibliografiya* [Siberian bibliography]. St. Petersburg: [s.n.].
16. Potanin, G.N. (1979) Vospominaniya [Memoirs]. In: Yanovsky, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 4. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
17. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 355.
18. Anisimov, K.V. & Razuvalova, A.I. (2014) Two centuries – two versions of the Siberian text: regionalists vs. “village-prose writers”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 1(27). pp. 76–101. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/27/7
19. Avesov (Potanin, G.N.). (1886) Oblastnoy vopros v russkoy pechati v 1885 g. [The regional issue in the Russian press in 1885]. *Vostochnoe obozrenie*. 1. pp. 9–10.
20. Katanaev, G.E. (2005) *Na zare sibirskogo samosoznaniya. Vospominaniya general-leytenanta Sibirskogo kazach'ego voyska* [At the dawn of Siberian identity. Memoirs of the Lieutenant General of the Siberian Cossack Army]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 148–163.
21. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (1991) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the last encyclopedist of Siberia: understanding the personality]. Novosibirsk: NTL.

УДК 327 930.1
DOI: 10.17223/19988613/63/17

О.И. Ивонина

КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

В статье исследуется эволюция концепции Нового Средневековья Н.А. Бердяева, отразившей его размышления о путях развития всемирной истории и судьбах европейской культуры. Сделан вывод об экзистенциальном характере историософского дискурса русского мыслителя, чей личный опыт переживаний мировых войн и революций нашел отражение в концепции Нового Средневековья как переходной эпохи, завершающей историю Нового времени.

Ключевые слова: философия истории Н.А. Бердяева; Новое Средневековье; «новое варварство»; христианский универсализм; либеральный социализм.

Б.Г. Могильницкий как ученый и учитель обладал талантом соединения энциклопедической эрудиции, профессиональной интуиции и глубочайшей рефлексии над тайнами «ремесла историка». Это качество делало предметом его исследований как отдельных историков, так и различные школы и направления, отразившие в своем творчестве ведущие тенденции развития отечественной и зарубежной интеллектуальной истории.

Интерес самого Б.Г. Могильницкого к творчеству Н.А. Бердяева определялся как традиционной, так и новой проблематикой Томской историографической школы. Отталкиваясь от понимания предмета историографии как истории исторической мысли в различных контекстах и условиях ее развития, он считал Бердяева наиболее ярким представителем и продолжателем традиции русской религиозной философии истории, создателями которой были П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, В.С. Соловьев [1. С. 94].

Характерной чертой этого течения следует считать способность к созданию глобальных исторических нарративов для выявления базовых трендов и закономерностей социально-политического и культурного развития, понимания «духа времени» посредством создания ярких исторических образов различных эпох – Античности, Средневековья, Модерна и Современности.

Б.Г. Могильницкий отмечал особую роль Бердяева в изучении архетипов и структур национального характера и исторического сознания, вехами формирования которых становились войны, революции и другие значимые исторические события. Неустранимость именно такого – событийного, политически и эмоционально окрашенного – исторического нарратива как ядра исторической памяти народа требовала от его создателя «волнующего рассказа» о событиях прошлого как владения новейшими методиками исследования исторической памяти, так и литературного мастерства в обработке его результатов [2. С. 23]. Так, своей «ментальной» интерпретацией Русской революции 1917 г. и созданного ею «Нового мира» Н.А. Бердяев, по мнению Б.Г. Могильницкого, составил исторический портрет российской цивилизации – более убедительный, чем

соответствующие разделы работ профессиональных историков [1. С. 97–105].

В данной статье предпринята попытка анализа исторической концепции Нового Средневековья Н.А. Бердяева, преемственно связанной с его размышлениями о судьбах русской и мировой истории с позиций междисциплинарного синтеза. Характерными чертами такой исследовательской практики Б.Г. Могильницкий считал *органическую* взаимосвязь мировоззренческих установок, исторического и идейно-политического контекста, методологического арсенала и проблематики конкретно-исторических исследований [3. С. 24].

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) был одним из немногих русских мыслителей, чье творчество получило европейское и мировое признание. По свидетельству Н. Полторацкого, в его лице русская мысль вышла на мировую сцену, демонстрируя стремление к всеохватному и целостному мировоззрению, «в котором все его планы – религиозный, философский, культурный, политический, социальный взаимно перекрывались» [4. С. 174].

Фундаментом мировоззренческих установок Бердяева была христианская философия истории. Она определила вектор размышлений Н.А. Бердяева, современника эпохи «великих перемен и разрывов», о судьбах культур и мировой цивилизации, смысле исторического бытия человека и человечества. «Верующий разум» автора сформировал особый подход и оценочный масштаб изучения им проблем отечественной и всемирной истории – «с точки зрения вечности» – *Sub specie aeternitatis* (одноименное название его работы 1907 г.).

Представления Бердяева о направленности исторического развития народов, производные от понимания христианства как «революционной религии свободы», выражались категорией Богочеловечества. Пониманием всемирной истории как *сотворчества* Бога и человека русский мыслитель создал новую интерпретацию христианства как мессианско-эсхатологической и вместе с тем предельно гуманистической религии, воплотившей в себе великую правду истории и личной судьбы человека; религии, призванной освободить челове-

чество от всех уз природного и социального рабства [5. С. 85]. Возложив на человека миссию сотрудника Бога в процессе творческого преображения мира, Н.А. Бердяев завершил длившееся в течение всего XIX в. в русской религиозной мысли превращение христианства из консервативно-охранительной в критическую и освободительную доктрину.

В мировоззрении Бердяева оригинально сочетались идеи, выступавшие антагонистами у других представителей русского религиозного Ренессанса. Христианский революционаризм, индивидуализм и либеральный социализм образовали неповторимый идейный облик исторической концепции Н.А. Бердяева. Автор критически оценивал созданный Новым временем мир капитализма, усматривая в его социальном отчуждении и классовых конфликтах противоположность фундаментальным ценностям христианства – братству, любви и милосердию. Итогом критического осмысления истории капиталистической цивилизации стало требование *христианского либерального социализма*, который виделся ему синтезом общества равенства и социальной справедливости, иерархии творческих талантов, духовного лидерства интеллектуальной аристократии [6. С. 99–100].

Творчество Н.А. Бердяева продемонстрировало совмещение базовых историографических доктрин отечественной мысли в лице западничества и славянофильства. Автор считал свою концепцию христианского социализма созвучной идее соборности как единства людей в свободе и любви, впервые сформулированной А.С. Хомяковым [7. С. 160]. Бердяеву была близка интуиция Вл.С. Соловьева о неизбежном сближении и объединении Востока как родины христианства и Запада как апогея христианской культуры в пространстве и времени единой «универсалистической» эпохи [8. С. 100–101].

Присущий творчеству Н.А. Бердяева синтез либерального социализма и философии персонализма объясняет напряженный нравственный тонус его творческих поисков, понимание истории как манифестации свободы и самоопределения человека, поиск смысла бытия отдельной личности, общества, культуры как уникальной индивидуальности, обладающей непреходящей ценностью для всего человечества.

Особый методологический инструментарий автора был производным от его признания человечества универсальным субъектом всемирной истории, свободное творчество которого демонстрирует разнообразные, порой *альтернативные, траектории исторической эволюции*. По мнению Бердяева, свобода человека проявляется в творчестве, но равным образом и в грехе, отдалении от Бога, падении на дно социальной реальности. Понимание исторического процесса как постоянной борьбы временного и вечного, свободы и необходимости, рождения и гибели культур, смены эпох и периодов определяло интерес Бердяева к изучению переходных этапов развития всемирной истории: эпохи эллинизма, перехода от Античности к Средневековью, конца Нового времени.

Н.А. Бердяев полагал, что именно в кризисные эпохи вектор исторического развития определяется творчеством «сынов свободы» – ярких личностей. Отсюда его интерес к истории восстания личностей против каких-либо авторитетов и закоренелых общественных систем. Он отмечал: «Я остро сознаю, что сочувствую всем великим бунтам истории – бунту Лютера, бунту разума просвещения против авторитета, бунту «природы» у Руссо, бунту французской революции, бунту идеализма против власти объекта, бунту Маркса против капитализма, бунту Белинского против мирового духа и мировой гармонии, анархическому бунту Бакунина, бунту Л. Толстого против истории и цивилизации» [7. С. 63].

Историческое сознание Н.А. Бердяева оказалось созвучным катастрофическому XX в., наполненному революциями и войнами, чудовищным насилием над природой и разумом человека, исходившим из цитадели мирового прогресса. Сформулированная Бердяевым концепция Нового Средневековья отразила переживания им трагических катаклизмов XX в. и предчувствия глобальных угроз развитию человечества. Его предупреждения о гибели национальных культур и девальвации исторической памяти в глобализирующемся мире; торжестве тоталитарных технократических режимов; всеобщем кризисе гуманизма, приближающем конфликт цивилизаций; противостоянии духовной деградации и творчества сформировали новый контекст обсуждения проблемы смысла и направленности мировой истории, до сих пор сохраняющий свою актуальность.

Своеобразие личности и исторического опыта Н.А. Бердяева вместили в себя такие его работы, как «Самопознание» (1940), «Конец Европы» (1915), «Судьба России» (1918), «Смысл истории» (1923), «Новое Средневековье» (1924), «О назначении человека» (1931), «Судьба человека в современном мире» (1934), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1938).

Их анализ убеждает в том, что размышления о судьбах человека и человечества в пространстве и времени всемирной истории не были простыми конструктами авторских идей. Бердяев утверждал, что всякое мировоззрение является плодом осмысления индивидуального экзистенциального опыта, под которым подразумеваются не житейские впечатления, а переживания духовного подъема и личностного самоопределения в экстремальной ситуации конфликта ценностей. Мыслитель отмечал: «Я всегда думал, что познание есть функция жизни, есть символика духовного опыта и духовного пути... И Платон, и Декарт, и Спиноза, и Кант, и Гегель были конкретные люди и они вкладывали в свою философию свое человеческое, экзистенциальное, хотя бы не хотели в этом сознаться» [7. С. 105].

Драма истории XX в. переживалась Н.А. Бердяевым как факт собственной жизни и результат собственного выбора, как часть внутреннего мира мыслителя. Исторический опыт Бердяева вместили в себя две мировые

войны, революции и Гражданскую войну в России, вынужденное изгнание из России на знаменитом «философском пароходе», нацистский переворот в Германии, оккупацию Франции, начало холодной войны. Сам Бердяев полагал, что его личный опыт именно благодаря наполненности такого рода драматическими событиями носил экзистенциальный характер, раскрывая нечто универсально значимое для судеб мира и человечества [9. С. 133]. Неслучайно мыслитель считал моральным *сredo* историка *абсолютную ответственность человека-микрокосма за все исторические события*, даже находящиеся вне его контроля и времени жизни.

Концепция всемирной истории Н.А. Бердяева была европоцентристской. Он полагал, что Европа представляет собой единство культур, продемонстрировавших наивысший уровень теофании / богопознания. Глобальная спираль духовной эволюции человечества прослеживалась Бердяевым на материале европейской истории, включившей в себя все этапы мирового развития. Античность породила «всемирную религиозную культуру» и в эпоху эллинизма поставила вопрос о синтезе Запада и Востока, идеально соединив их в фигуре Богочеловека; Средневековье сформировало идеал Царства Божьего; Ренессанс осознал ценность свободы человека; эпоха Нового времени обеспечила рост благосостояния и экономически объединила человечество на основе массового производства и общего международного права. Интерпретация христианства как религии свободы и прогресса определила смысл и вектор исторического развития Запада (стран Европы и Северной Америки). История Запада демонстрировала присущий ей динамизм, формирование единой системы общечеловеческих ценностей на основе социализации базовых принципов христианства – свободы, равенства прав, гуманизма и справедливости.

Однако уже с конца XIX в. Н.А. Бердяев усматривает признаки декаданса исчерпанности творческого потенциала секуляризованной культуры Запада, ее трансформации в технократическую цивилизацию. В работах послевоенного периода мыслитель выносит уже безоговорочный приговор «старому миру новой истории» с его рационалистическим просвещением, индивидуализмом и гуманизмом, либерализмом и демократизмом, с его империалистической политикой, с «чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом как увенчанием всего пути новой истории» [10. С. 412].

По аналогии с эпохой гибели античного мира период всемирной истории, начало которому положила Первая мировая война, Бердяев именует рождением нового неведомого мира эпохой Нового Средневековья. Эта историческая катастрофа была воспринята русским мыслителем как символ «заката Европы» и окончания эпохи Нового времени, в которой Западу

принадлежала роль лидера и эталона мирового развития. Н.А. Бердяев, подобно множеству других предшественников русской революционной демократии (Г.В. Плеханову, А.А. Богданову, В.И. Ленину), указывал на фактическую, культурно-антропологическую и социально-психологическую обусловленность Первой мировой войны вступлением человечества в новый этап развития – эпоху империализма.

Феномен империализма (как политики и мировоззрения) демонстрировал, по мнению Бердяева, разрыв Запада с базовыми, религиозно обоснованными ценностями, доселе предлагаемыми миру в качестве универсальных образцов «цивилизованности» и прогресса: гуманизма, гражданских прав и свобод человека, самоопределения народов и национально-государственного суверенитета, неукоснительного соблюдения норм международного права.

Н.А. Бердяев писал: «Империализм – техническое порождение цивилизации. Империализм не есть культура. Он есть оголенная воля к мировому могуществу, к мировой организации жизни» [5. С. 172]. Империализм, по его мнению, есть симптом новой исторической эпохи, которую автор назвал «концом Европы». По утверждению мыслителя, «империализм с его колониальной политикой есть современный, буржуазный способ расширения цивилизации за пределы Европы ... Современный империализм – явление чисто европейское, но он несет с собой энергию, окончательное раскрытие которой означает конец Европы» [11. С. 117].

Эпоха империализма завершает некогда устойчивую географическую ориентацию мирового исторического процесса. Мировая история, двигавшаяся с Востока на Запад, начинает обратное движение, и империализм является орудием такого поворота. По словам Н.А. Бердяева, «...обратное движение с Запада на Восток, по видимому, является внутренне неизбежной диалектикой европейской культуры... Империализм с его колониальной политикой есть одно из внешних выражений этого неотвратимого движения истории» [Там же. С. 125].

Мир движется к новому историческому объединению, однако, по мнению философа, это не будет повторением культурного синтеза, некогда отличавшего движение истории с Востока на Запад и создавшего феномен эллинизма и римского универсализма. Европе нечего дать Востоку в сфере духа. Ее собственная рационалистическая культура – в кризисе. Восток – это «внешнее варварство» и угроза для европейской культуры: «Извне же грозит европейской христианской культуре монгольский Восток, имеющий свою антихристианскую идею, свою враждебную нам и непонятную нам цивилизацию» [Там же. С. 225].

Неизбежная универсализация мира виделась Н.А. Бердяеву в трагическом свете, чередой столкновений культур. Глобальный военный конфликт, инициатором которого стали «цивилизованные» народы Европы, опрокинул мир в эпоху «Нового варварства». Ее символами стали для Бердяева культ техники, марги-

нализация и атомизация общества, милитаризация сознания и поведенческих стандартов населения, тотальная манипуляция массовым сознанием, внеэкономические методы принуждения, мобилизационный тип экономики, кризис либеральной демократии [10. С. 417].

Н.А. Бердяев считал конец новой истории и начало Нового Средневековья финалом не только событийной, но и интеллектуальной истории Запада. Время «обнажений и разоблачений» доказало, что самосознание человека Нового времени как эпохи освобождения из плена сословно-корпоративных и конфессиональных ограничений, внеэкономического принуждения и подчинения властным авторитетам было иллюзией. В эпоху господства техники, демократии, общественного мнения, прессы и парламентаризма появились, по мнению философа, лишь новые формы зависимости человека от общества, новые, более действенные, чем прежде, формы контроля, которые способствуют утрате индивидуальности, национально-культурной самобытности, всеобщей стандартизации и унификации [Там же. С. 416].

Не только светская культура Европы казалась Бердяеву непрочной. Он отверг наличие и той духовной христианской «почвы», на которой основывалась гуманистическая культура Европы, значение которой столь высоко ценилось даже позитивистской историографией. Русский автор не обнаружил в современной ему Европе следов вековой христианизации, которая прежде казалась неустранимой основой западной культуры. Теперь воздействие христианства на массовое сознание и культуру народов представлялось ему поверхностным, не затронувшим глубинных слоев европейской жизни. Наиболее неблагоприятной виделась в этом отношении Центральная Европа, в первую очередь, Германия. Автор писал: «Ни расизм, ни антисемитизм не есть нечто неожиданное в Германии, это старая болезнь германского духа, свидетельствующая о том, что христианство недостаточно переработало и преобразило глубинный слой германского язычества» [12. С. 350].

Впечатления от Первой мировой войны оказались у Н.А. Бердяева настолько сильными, что он всю оставшуюся жизнь считал ее системообразующим фактором всей Новейшей истории. События всемирной истории после 1914 г. представлялись ему лишь продолжением этой катастрофы. Послевоенное развитие мира, в котором усиливались авторитарные, коммунистические и национал-социалистические движения, Н.А. Бердяев оценивал с позиций своего исторического метапессимизма. В книге, написанной во второй половине 40-х гг., мыслитель признавал: «Мы живем в мире, созданном двумя мировыми войнами, и готовимся к третьей мировой войне. Мы живем в мире, в котором революция является лишь трансформацией войны. Это определяет все ценности» [13. С. 323].

Н.А. Бердяев указывал на неадекватность прежней, детерминистской исторической методологии для понимания современного этапа всемирной истории, слишком непохожего на мир прошлого. Позитивист-

ский историзм казался русскому автору достоянием благополучного XIX в., отразившим его философию времени и интеллектуальную атмосферу. Первая мировая война опровергла то, что казалось незыблемым приобретением человечества – прочность культурных устоев комфортной и респектабельной истории Запада. Чудовищный факт мировой бойни, развязанной передовыми европейскими нациями, показал ошибочность фундаментальных тезисов либеральной рационалистической историографии: в истории нет поступательного развития, необратимости достижений культуры и цивилизации. Мировая война сдернула тонкую пленку цивилизации XIX – начала XX в., обнажила глубинные пласты человеческой жизни, расковала *хаос иррационального в человеческой природе* [12. С. 322].

Ситуацию кризиса прежних объяснительных схем, сконцентрированных на идее прогресса и ценностей гуманизма, философ назвал методологическим «безвременьем». Он утверждал: «Я исхожу из глубокого убеждения в том, что нет возврата ни к тому образу мысли, ни к тому строю жизни, которые господствовали до мировой войны, до революций и потрясений, охвативших не только Россию, но Европу и весь мир. Все привычные категории мысли и формы жизни самых “передовых”, “прогрессивных”, даже “революционных” людей XIX и XX веков безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего» [10. С. 411].

Первая мировая война стала для Н.А. Бердяева подтверждением его прогноза о завершении прежнего, прогрессистского по своей направленности проекта всемирной истории, на смену которому приходит эра неопределенности (столь созвучная понятию распыляющейся, текучей *liquid Современности* З. Баумана). Он отмечал: «Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов. Чувствуется, что человечество вступает в новый исторический и даже космический период, в какую-то великую неизвестность, совершенно непредвиденную никакими научными прогнозами, ниспровергающую все доктрины и учения» [11. С. 114].

Переживание событий Второй мировой войны усилило интуицию *альтернативности всемирной истории*, ранее проявлявшуюся у Бердяева лишь в оценках исторических судеб России. Послевоенная история казалась философу конкуренцией нескольких альтернативных тенденций мирового развития, различных вариантов выхода из кризиса, переживаемого современной цивилизацией: «1. Исход фатальный. Продолжающееся распадение космоса природного и космоса социального, продолжающийся разлагаться капиталистический режим, торжество атомной бомбы, хаотический мир, раскрытый в творчестве Генри Миллера, хаос не изначальный, а хаос конца, война всех против всех... 2. Насильственный, механический порядок коллектива, организованность, не оставляющая места свободе, деспотизация мира... 3. Внутреннее преодоление

хаоса, победа духа над техникой, духовное восстановление иерархии ценностей, соединенное с осуществлением социальной правды...» [13. С. 323].

Первая альтернатива современного развития проявляется, по мнению философа, в *цивилизационной унификации* мирового развития. Уже Первая мировая война подтвердила справедливость прогноза как самого Бердяева, так и его оппонентов в лице Ленина и Гильфердинга о расширении капиталистической цивилизации на Восток средствами империалистической экспансии. Для Бердяева эта тенденция свидетельствовала о попятном движении всемирной истории, от окончания зрелого Модерна (капиталистической цивилизации) к началу эпохи Нового Средневековья.

В «Пробуждении Востока», в национально-освободительных движениях афро-азиатских народов Н.А. Бердяев увидел все то же торжество внутренне истощенного Запада, передающего многомиллионным народам Индии и Китая самые дурные стороны европейской цивилизации: материализм, национализм, примитивные культурные стандарты массового общества, упоение техническим прогрессом. Заимствованные у европейцев современные технологии Восток, по мнению философа, станет использовать инструментально – в качестве средства противостояния с Западом в экономической и военно-политической сфере, приближая, тем самым, собственное возвышение и «падение Европы» в силу утраты ею роли эталона мирового развития. Мыслителя беспокоил факт активного вовлечения в мировую историю огромных масс, превышающих население Европы, именно в тот момент, когда они усвоили себе самые дурные стороны европейской цивилизации – агрессивный национализм эпохи Ренессанса и Наполеоновских войн [12. С. 355].

Подобно Ортеге-и-Гассету, Н.А. Бердяев считал признаком Нового Средневековья появление масскультуры, порывающей как с традиционными духовными ценностями, так и с исторической традицией народов Востока и Запада. Он отмечал: «Цивилизация через империализм и через социализм должна разлиться по поверхности всей земли, должна двигаться и на Восток. К цивилизации будут приобщены новые массы человеческие, новые слои. И новое средневековье будет цивилизованным варварством, варварством с запахом машин, а не лесов и полей – варварством, заложенное в самой технике цивилизации. Такова диалектика цивилизации» [5. С. 172].

Наряду с мировой цивилизационной унификацией действует и вторая тенденция, отмеченная Н.А. Бердяевым, – *тоталитарная революция*, создание принудительно организованных сообществ. Мыслитель считал, что первая и вторая тенденции мирового развития связаны между собой, так как, разрушая культуру, цивилизация взращивает «внутреннее варварство» на своей собственной почве, демонстрируя процесс «огрубления, утраты совершенных форм, некогда выработанных культурой» [5. С. 172].

«Новые варвары», люди массового общества, становятся преобладающей политической силой. Тоталитарная революция, подготовленная буржуазным обществом, оставляет человечество в пределах *цивилизации*, но меняет *социальную форму* последней. Буржуазная цивилизация сменяется индустриальной, превращая жизнь миллионов в «огромный и организованный производственный процесс, в промышленную мастерскую, которую должно украшать искусство и обслуживать знание» [14. С. 52].

Н.А. Бердяев был в числе тех, кто считал противостояние с либерализмом и индивидуализмом общим свойством большевизма, фашизма, национал-социализма и прочих версий тоталитаризма XX в. По его мнению, все тоталитарные режимы стремятся к контролю над массовым и индивидуальным сознанием, устраняя свободу даже из мира душевных переживаний личности. Автор утверждал: «Все мышление делается принудительным, подчиняется социальному вероисповедному центру, т.е. происходит возврат к средневековью, но уже не на религиозной, а на материалистической почве» [15. С. 40].

Глубинным сходством тоталитарных режимов мыслитель объяснял их враждебность культуре, демократическим свободам и уважению человеческого достоинства, наглядно проявившиеся в политике России, Германии, Италии. Страна философов и поэтов оказалась в 30-х гг. местом гонения духа: «Германия, в которой раньше был настоящий культ ученых, философов, профессоров, университетов... теперь совершенно перестала уважать ученых, философов, профессоров, университеты и готова их разгромить» [12. С. 341].

Победу тоталитарных тенденций в развитии послевоенного мира Н.А. Бердяев считал разрывом Запада с наследием эпохи гуманизма и Просвещения, аналогично торжеству феодальной реакции в Европе после Наполеоновских войн – «внутренней реакции против всей новой истории, реакции против всего ренессансного освободительного периода и против французской революции» [16. С. 393–394].

Тоталитаризм как форма «нового варварства» обращается к архетипам сознания и переустраивает общество на началах традиционализма и архаического коллективизма. Однако это «вторая редакция» традиционализма, который принимает цивилизованные формы, используя все орудия и блага цивилизации.

Тоталитарное общество доводит до предела inferнальную эсхатологию цивилизации, демонстрируя возможность «повторного варварства» – реакционного восстания маргиналов против достижений мировой и национальной культуры. По мнению Бердяева, это восстание свидетельствует о необратимом регрессе культуры, преобладании попятных и даже тупиковых траекторий всемирной истории. «Новое варварство» в принципе не способно к аккультурации, в отличие от варварских племен эпохи раннего Средневековья. Н.А. Бердяев писал: «...ныне европейской культуре

грозит напор варварства изнутри и извне. Это почувствовалось уже, когда началась мировая война, и чувство это достигло особенной остроты, когда разыгралась русская революция... Внутренне революционное варварство бурно вступает в культурный мир уже глубоко испорченным лживыми антихристианскими идеями, искаженным рассудочным полупросвещением, с извращенной массовой психологией, с претензиями какой-то ложной полукультуры... Оно само есть продукт безбожной цивилизации, восставшей против вышей культуры» [17. С. 225].

Своеобразие мирового развития после Первой мировой войны Бердяев усматривал в том, что пришедшая в упадок эпоха Новой истории и идущая ей на смену эпоха Нового Средневековья сосуществуют в одном физическом времени, однако территориально размежевавшись. Символом первой эпохи является США, второй – СССР. Конфликт модерна / Новой истории и постмодерна / Нового Средневековья принял вид противостояния ценностей свободы и социальной справедливости. Н.А. Бердяев писал: «Сейчас очень любят противопоставлять ценность социальной справедливости ценности свободы и предлагают выбирать. Эти основоположные ценности располагают географически: Советская Россия – за социальную справедливость, Америка – за свободу. Поэтому считают неиз-

бежным их конфликт. При этом свобода оказалась почти совершенно отождествленной с капитализмом. Против такого рода постановки вопроса нужно всеми силами протестовать» [13. С. 322]. На самом деле, полагал автор, современное буржуазное общество мало благоприятствует свободе, а советское – справедливости.

Параллельно с ужасающими картинами агонии новой истории и погружения в ночь тоталитарного Нового Средневековья Н.А. Бердяев рассуждал о третьей тенденции послевоенного развития – новом духовном возрождении человечества, «новой творческой эпохе». Эту перспективу мирового развития мыслитель связывал с созданием посткапиталистического общества социальной справедливости и всеобщего благоденствия, способного преодолеть прагматизм индустриальной цивилизации и создать новую «всенародную религиозную культуру». Вместе с тем философ не считал тенденцию к духовному возрождению человечества господствующей в силу своей приверженности историческому пессимизму и трагическому пониманию истории человечества. Представляется, что этот вектор всемирной истории был в большей степени предметом упований и надежд религиозного мыслителя, нежели результатом углубленного научного анализа альтернатив послевоенного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильницкий Б.Г. Русская революция в оценке Н.А. Бердяева // История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 97–105.
2. Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Ким С.Г., Мучник В.М., Карначук Н.В. Историческое познание и историческое сознание // Историческая наука и историческое сознание. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 234 с.
3. Могильницкий Б.Г. У истоков Томской историографической школы. А.И. Данилов и проблема преемственности в отечественной историко-теоретической мысли XX века // Методологические и историографические вопросы исторической науки / отв. ред. Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 28. С. 5–25.
4. Полторацкий Н. Русская религиозная философия // Мосты. 1960. № 4. С. 172–180.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 176 с.
6. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб. : М.В. Пирожков, 1907. 233 с.
7. Бердяев Н.А. Самопознание. М. : Мысль, 1991. 220 с.
8. Бердяев Н.А. Восток и Запад // Путь. 1930. № 23. С. 97–109.
9. Герцык Е. Воспоминания. Paris : YMCA-Press, 1973. 192 с.
10. Бердяев Н.А. Новое Средневековье // Философия творчества, культуры и искусства. М. : Искусство, 1994. Т. 1. С. 406–464.
11. Бердяев Н.А. Судьба России. М. : Прометей, 1990. 158 с.
12. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 480 с.
13. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М. : Республика, 1995. 382 с.
14. Бердяев Н.А. Социальный кризис культуры // Новый град. 1932. № 3. С. 46–53.
15. Бердяев Н.А. Конец Ренессанса // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин : Обелиск, 1923. 270 с.
16. Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма // Философия творчества, культуры и искусства. М. : Искусство, 1994. Т. 1. С. 392–406.
17. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье. Л. : Лениздат, 1991. 440 с.

Olga I. Ivonina. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ivonina@ngs.ru

BERDYAEV'S "NEW MIDDLE AGES" CONCEPT

Keywords: N.A. Berdyaev's philosophy of history; The New Middle Ages; The New Barbarism; The New Creative Era; Christian Universalism; Liberal Socialism.

The purpose of this article is to analyze N.A. Berdyaev's "New middle Ages" conception through the methodology of interdisciplinary synthesis developed by the Tomsk historiographic school led by B.G. Mogilnitsky. This makes N.A. Berdyaev's works a historiographic fact, reflecting the historical context, author's ideological, political and academic preferences, his belonging to a certain course of intellectual history. The main author's objective was to study evolution of Berdyaev's "New Middle Ages" concept, reflecting his thoughts on the world history and European culture fates in the twentieth century.

In result, the author made the following conclusions:

The religious historiography was the foundation of N.A. Berdyaev's worldview and historiographic attitudes, determined his assessment of world history's key events, characters and processes. Berdyaev's ideas about Christianity as a "revolutionary religion of freedom" formed his understanding of world history as the co-creation of God and man in the process of transforming the world. Thus, the Russian thinker created a new interpretation of Christianity as a messianic-eschatological and at the same time humanistic religion, embodying the great truth of history and the personal destiny of man, designed to free humanity from all bonds of natural and social slavery.

The concept of the “New Middle Ages” reflected the existential nature of the historical and political discourse of the Russian thinker, whose personal experience contained the perceptions of two world wars, revolutions in Russia, Europe and Asia, totalitarianism, globalization.

The symbolism of the “New Middle Ages” contained the basic sociocultural and political intentions of the Russian religious Renaissance: Christian humanism, personalism, liberal socialism.

This N.A. Berdyaev’s concept also combined two basic Slavophile’s and Westernism historiographic doctrines: liberal modernism, Christian universalism and messianism, characteristics of Russian Europeanism as a whole. The synthesis of Christian universalism and liberal socialism has given the “New Middle Ages” concept features of a perspective utopia.

The “New Middle Ages” concept reflected such original N.A. Berdyaev’s historiographical constructs as “the end of Europe”, “awakening of the East”, “the old world of the New Age”, “the failure of history”, “the era of uncertainty”, “new barbarism”, “new creative era”.

The author believes that Berdyaev’s “New Middle Ages” concept was a continuation and creative development of Russian religious Renaissance intellectual tradition with its desire to search a new language of historical narrative towards synthesis of historical comparative studies, historiosophy, psychohistory and cultural anthropology.

REFERENCES

1. Mogilnitsky, B.G. (2001) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka* [History of Historical Thought of the Twentieth Century]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 97–105.
2. Mogilnitsky, B.G. (2000) *Istoricheskoe poznanie i istoricheskoe soznanie* [Historical knowledge and historical consciousness]. In: Mogilnitsky, B.G. et al. *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe soznanie* [Historical science and historical consciousness]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Mogilnitsky, B.G. (2007) *U istokov Tomskoy istoriograficheskoy shkoly*. A.I. Danilov i problema preemstvennosti v otechestvennoy istoriko-teoreticheskoy mysli XX veka [At the origins of the Tomsk historiographic school. A.I. Danilov and the problem of continuity in Russian historical and theoretical thought of the 20th century]. In: Mogilnitsky, B.G. & Nikolaeva, I.Yu. (eds) *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and historiographic questions of history]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–25.
4. Poltoratsky, N. (1960) *Russkaya religioznaya filosofiya* [Russian religious philosophy]. *Mosty*. 4. pp. 172–180.
5. Berdyaev, N.A. (1990) *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow: Mysl'.
6. Berdyaev, N.A. (1907) *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New religious consciousness and the public]. St. Petersburg: M.V. Pirozhkov.
7. Berdyaev, N.A. (1991) *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: Mysl'.
8. Berdyaev, N.A. (1930) *Vostok i Zapad* [East and West]. *Put'*. 23. pp. 97–109.
9. Gertsyk, E. (1973) *Vospominaniya* [Memoirs]. Paris: YMCA-Press.
10. Berdyaev, N.A. (1994a) *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [The Philosophy of Creativity, Culture and Art]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo. pp. 406–464.
11. Berdyaev, N.A. (1990) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Prometey.
12. Berdyaev, N.A. (1994) *Filosofiya svobodnogo dukha* [The Philosophy of Free Spirit]. Moscow: Respublika.
13. Berdyaev, N.A. (1995) *Tsarstvo Dukha i Tsarstvo Kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika.
14. Berdyaev, N.A. (1932) *Sotsial'nyy krizis kul'tury* [Social crisis of culture]. *Novyy grad*. 3. pp. 46–53.
15. Berdyaev, N.A. (1923) *Sofiya: Problemy dukhovnoy kul'tury i religioznoy filosofii* [Sofia: Problems of spiritual culture and religious philosophy]. Berlin: Obelisk.
16. Berdyaev, N.A. (1994c) *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [The Philosophy of Creativity, Culture and Art]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo. pp. 392–406.
17. Berdyaev, N.A. (1991) *Filosofiya neravenstva* [The philosophy of inequality]. In: Berdyaev, N.A. & Frank, S.L. *Russkoe zarubezh'e* [Russian émigré]. Leningrad: Lenizdat.

УДК 93/94: 930.2
DOI: 10.17223/19988613/63/18

Н.Н. Макарова

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ «МАГНИТОГОРСК ДОВОЕННЫЙ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (ОПЫТ РАБОТЫ С ПРОГРАММОЙ MAXQDA)

В статье рассматриваются функциональные возможности программы MAXQDA в исторических исследованиях. Описан опыт анализа материалов сборника документов «Магнитогорск довоенный», проведенного с помощью компьютерной программы MAXQDA. Использование этой программы, как одной из ведущих в области комплексного анализа текста, позволило получить точные данные о характерных чертах развития г. Магнитогорск в период форсированной индустриализации (1930–1940 гг.) по годам, связях между содержанием статей и некоторые общие сведения о языке публикаций в эти годы.

Ключевые слова: индустриализация; Магнитогорск; анализ текста; контент-анализ; первые пятилетки; MAXQDA.

Цифровой мир в настоящее время перестал быть утопичным будущим, технологии цифровой цивилизации окружают современного человека. Естественно, что ученые наиболее тесно соприкасаются с достижениями информационных технологий. Даже историческая наука, которая традиционно опирается на материалы архивных фондов и библиотечные коллекции, довольно активно использует новейшие достижения в области информационных технологий. Сегодня «цифровая история», или «digital history», становится профессиональной реальностью. По справедливой оценке А.Ю. Володина, говоря о цифровой истории, следует иметь ввиду не только репрезентацию истории, но и новые эвристические подходы к поиску исторических источников, методические подходы к исторической критике и пр. [1] Начало цифровой истории было положено в 1997 г. американскими исследователями Э. Айерсом и У. Томасом, основавшими Вирджинский центр цифровой истории (Virginia Center for Digital History, VCDH) при университете Вирджинии. Первые работы, посвященные осмыслению цифровой истории, были написаны на рубеже XX–XXI вв. [2, 3]. В России часто используется термин, предложенный Л.И. Бородиным, – «историческая информатика». По сути «историческая информатика» и «цифровая история» представляют собой междисциплинарную область исследований исторической науки и прикладной информатики. В основе исторической информатики лежат совокупность теоретических и прикладных знаний, необходимых для создания, обработки и анализа цифровых версий исторических источников и электронных ресурсов, а также развитие методов сбора, хранения, обработки и передачи исторической информации с использованием компьютерных технологий [4].

В целом теоретическое наследие «digital history» в России и за рубежом довольно разнообразно. Подробный анализ основных этапов развития исторической информатики предложен в работах Л.И. Бородинки [5–7], а также в серии статей Г.В. Можаяевой, М. Таллера,

И.М. Гарсковой и зарубежных исследователей П. Алховена, П. Доорна, О. Боонстра, Л. Бреуре [8–14]. Авторы сконцентрировали внимание на дискуссионных вопросах в области цифровой истории, в частности в отношении форм и инфраструктуры цифровой гуманитаристики [9] и возможных перспектив направления исследований [10]. Новейшие труды в «Digital Humanities» проанализированы коллективом авторов статьи «Конференция Digital Humanities 2016: перспективы и вызовы для развития сообщества гуманитарной информатики» [15]. Она отражает состояние цифровых гуманитарных исследований в контексте проблем конференции «Digital Humanities 2016» – ежегодной конференции Альянса организаций цифровых гуманитарных наук (ADHO). Авторам удалось не только представить основные этапы развития конференции, но и показать обзор избранных докладов. Однако опыт практического применения конкретных информационных ресурсов в настоящее время представлен не слишком широко.

Часть исследований, демонстрирующих методику работы и конкретные результаты, к настоящему моменту устарела, так как информационные технологии постоянно развиваются [16–19]. Новейшие исследования представлены, в частности, монографией Д.И. Жеребятеева о применении трехмерного компьютерного моделирования в процессе реконструкции монастырей [20]. Значимой является также монография Л.И. Бородинки «Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив», в которой отдельные главы посвящены моделированию социальной мобильности в российском социуме XIX – начала XX в. [21]. В статье Н.С. Гусевой проанализировано применение математических методов в разработках по аграрной истории России в отражении историографии [22]. Отдельного внимания заслуживают труды, посвященные теоретическим и методологическим вопросам использования контент-анализа, а также особенностям технической обработки информации и

сочетания контент-анализа с иными методиками исследования. В изучении контент-анализа можно выделить несколько этапов. Первый этап охватывает период с конца XIX в. по 1930-е гг. (Б. Мэттью, А. Тенни, Д. Спид, Д. Уипкинс, Ж. Кайзер, Г. Лассуэлл, Б. Берелсон). В это время труды затрагивали разнородный и строго частотный анализ содержания понятий, работу с базовыми процедурами количественного контент-анализа. Второй период (1940–1950-е гг.) – так называемый классический контент-анализ, когда проводились исследования речей официальных лиц. В ходе третьего этапа (1960–1970-е гг.) была разработана программа «Универсальный анализатор» и усовершенствована методика анализа [23–25]. В это же время начали публиковать исследования теоретического и методологического характера в области контент-анализа. Среди наиболее значимых работ советских исследователей следует отметить труды периода 1970-х гг. [26, 27] и 1980-х гг. [28, 29]. Со временем применение персональных компьютеров получило широкое распространение (четвертый этап, конец 1970-х гг. – по настоящее время), в результате возникли различные программы для компьютеризированного контент-анализа, которые постоянно совершенствуются. Опыт исследования исторических источников с помощью компьютеризированного контент-анализа насчитывает значительное число работ [30–34], однако в них авторы не анализировали программу MAXQDA. Кроме того, все практические исследования проводились с использованием материалов периодической печати или стенограмм официальных мероприятий. Отечественный исследователь Н.В. Раздина в нескольких публикациях продемонстрировала опыт применения программы MAXQDA для анализа материалов газеты «За индустриализацию» [35]. В связи с тем что опыт конкретного использования компьютерной программы MAXQDA в исторических работах не так многообразен, мы предлагаем рассмотреть возможности использования данной программы применительно к различным типам исторических источников, объединенных в сборнике документов «Магнитогорск довоенный».

История Советского Союза немыслима без изучения периода форсированной индустриализации и роли так называемого маленького человека. Магнитогорск – город, созданный в период первых пятилеток, – олицетворяет собой форсированные темпы развития, ударный труд и энтузиазм, сложнейшие социально-бытовые условия. Магнитогорск во многом был уникален в рамках Урала и Советского Союза в целом. Во-первых, особое географическое положение (горожане живут в Европе, а на работу ездят в Азию) [36]; во-вторых, богатая природно-сырьевая база; в-третьих, Магнитогорск был в полном смысле слова «новым городом», не связанным с прошлым [37]; в-четвертых, строительство города и завода по объему капиталовложений превосходило все иные проекты индустриальной эпохи; в-пятых, только Магнитогорск стал завершенным проек-

том – был полностью возведен металлургический завод с замкнутым производственным циклом и отстроен город. В научной литературе неоднократно подчеркивался мобилизационный характер сталинских преобразований. Изучение опыта мобилизации населения в 1930-е гг. представляет интерес в контексте исследования моральных и материальных стимулов к труду. В условиях латентного голода, социально-бытовой неустроенности, тяжелого физического труда магнитогорцы ежедневно совершали трудовой подвиг. Не вызывает сомнения, что одним из источников самоотверженного труда была грамотная пропаганда, в том числе и средствами периодической печати. Последняя выступала основой идеологопропагандистских кампаний. «Магнитогорский рабочий», «Магнитогорский металл», «Магнитогорский комсомолец», «Борьба за металл» и иные периодические издания Магнитостроя формировали определенные убеждения и ориентиры в поведении рядовых граждан. Официальная делопроизводственная документация, не ставила цели идеологического воспитания и пропаганды. Однако именно в процессе обсуждения текущих проблем руководство города и металлургического завода формировало методы воздействия на население, оценивало их эффективность и т.д. Кроме того, именно из документов, не предназначенных для огласки в средствах массовой информации, можно почерпнуть сведения о реальном положении вещей в городе.

Целью статьи являлось изучение функциональных возможностей программы MAXQDA в исторических исследованиях. Базой для анализа в программе MAXQDA стал сборник документов «Магнитогорск довоенный», опубликованный в 2010 г. Он включает материалы местной периодической печати (ежедневная городская газета «Магнитогорский рабочий», «Магнитогорский металл», «Магнитогорский комсомолец», «Борьба за металл» и другие многотиражные издания), неопубликованные архивные материалы (протоколы, стенограммы, планы и отчеты), почерпнутые в центральных, региональных и местных архивах, а также фрагменты эго-источников, принадлежащих участникам строительства города и завода. Тематика публикаций охватывает ключевые сферы жизни города и горожан в период с 1929 по 1941 г.: общие вопросы строительства города; производственную сферу – промышленные товары и товары широкого потребления; местную кооперативную и пищевую промышленность; городское благоустройство и жилье; здравоохранение; образование; снабжение и питание горожан; политическую сферу. В контексте каждого тематического блока возникали сюжеты об ударном труде и методах интенсификации производства, о роли партии и правительства в достижении высоких результатов и пр. При этом в сборник не включены документы, касающиеся металлургического завода. Авторы-составители сборника документов посчитали необходимым акцентировать внимание на незаслуженно обойденной краеведами и

историками теме города и горожан, их проблем и переживаний. Каждый тематический раздел включает материалы как из газетных публикаций, так и из фондов архива, что позволяет понимать разницу в подаче информации между тем, что было в действительности и что хотели показать. Подобная широкая выборка материалов позволила наиболее объективно проанализировать процессы, протекавшие в городе в период индустриализации.

В ходе работы над материалом были исключены публикации за 1929 и 1941 гг., так как оба этих года представлены не полностью (первые рабочие на строительную площадку прибыли в марте 1929 г., а массово приезжать строители стали с ноября 1929 г.; в июне 1941 г. началась Великая Отечественная война, которая внесла существенные изменения в жизнь города и градообразующего предприятия). В целом автором статьи были проанализированы 424 документа, общий объем которых составил около 60 тысяч слов.

Ключевым методом изучения материалов сборника документов стал контент-анализ. Это особый инструмент исследования, представляющий собой единство количественного и качественного подходов к изучению исторического источника. В тексте статьи описан опыт работы с компьютерной программой MAXQDA. Программа MAXQDA, созданная немецкими учеными в 1989 г., быстро стала популярной и заслужила положительную репутацию в мире исследований методом контент-анализа. Инструменты программы дают возможность проводить комплексный анализ текста, а его результаты отражать в различных форматах в зависимости от целей и задач конкретного исследования. Также программа дает возможность получать графическое представление результатов исследования.

Анализ материалов сборника документов «Магнитогорск довоенный» был проведен с помощью бес-

платной демоверсии MAXQDA 12, доступной на официальном сайте программы [38]. Работа с программой проводилась в следующих направлениях:

- 1) компьютеризованный анализ частот встречаемости слов, содержащихся в текстах;
- 2) подсчет частоты встречаемости смысловых категорий на основе заданных слов, выявленных на предыдущем этапе исследования;
- 3) изучение контекста в материалах сборника при упоминании слов, частота использования которых наиболее высока, что дало возможность уточнить, какие из сюжетов наиболее близки по своему содержанию.

Предварительным этапом компьютеризованного анализа материалов сборника стало создание списка «стоп-слов», не вошедшего в дальнейшие операции. «Стоп-слова» – это набор слов, который мог негативно повлиять на результаты исследования ввиду отсутствия в них необходимой смысловой нагрузки. В этот список были включены служебные части речи (междометия, местоимения, предлоги, союзы) и ряд других слов, которые, по субъективной оценке автора, не отражали особые черты времени и процессов, характерных для Магнитостроя. Таким образом, из 60 тысяч слов, которые содержались в сборнике документов, были исключены порядка 17 тысяч слов, не вошедших в сформированный список.

Подсчет частот встречаемости слов в сборнике был представлен в виде «облаков тэгов»: графического представления частот встречаемости наиболее значимых слов в тексте, размер шрифта которых зависел от степени их актуальности в данном массиве текстов. «Облака тэгов» были созданы в целом за период с 1930 по 1940 г. (рис. 1) и по каждому году в отдельности (рис. 2), а также в виде диаграммы (рис. 3).

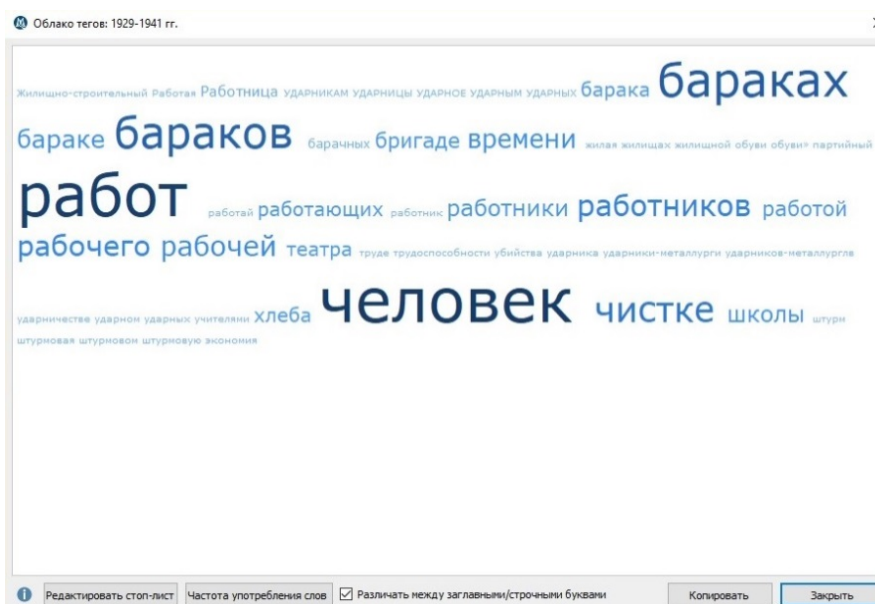

Рис. 1. Облако тегов. 1929–1941 гг.

зять с темпами строительства города и металлургического завода, строительством объектов социальной инфраструктуры (больниц, школ, яслей, магазинов).

С помощью программы MAXQDA был реализован подсчет частоты встречаемости смысловых категорий материалов сборника документов. Данная процедура была реализована на основе конкретно заданных слов и терминов, характеризующих содержание выделенных категорий, но в рамках того списка категорий, который был сформирован в ходе предшествующего опыта работы с данным сборником. Определение смысловых категорий материалов подразумевало внимательное прочтение текста и дальнейшую его разбивку на информационные блоки (категории) с последующим подсчетом. Таким образом, после прочтения всей выборки автором было выделено семь общих категорий, описывающих все возможные темы сборника документов (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Смысловые категории сборника документов
«Магнитогорск довоенный»

№ категории	Смысловая категория
1	Новый человек
2	Снабжение
3	Барачный быт
4	Здравоохранение
5	Образование
6	Строительство объектов первоочередного значения
7	Социалистическое соревнование

Смысловые категории анализа охватывали разные стороны жизни Магнитогорска. Все перечисленные категории сосуществовали на протяжении периода с 1930 по 1940 г. Однако популярность указанных смысловых категорий менялась. Так, вопросы здравоохранения и образования были наиболее популярными в период превышения эпидемического порога в городе (по отношению к категории № 4) и переполненности школ, низкого уровня обученности (по отношению к категории № 5). Категория «новый человек», связанная с идеологическим воспитанием в городе и формированием должного социального поведения, была представлена в материалах сборника документов постоянно. Аналогичное положение в публикациях имела категория «социалистическое соревнование», которая включает не только форму соцсоревнования, но и все формы перевыполнения планов и достижение успехов в труде. Практически каждый документ сборника тесно связан с двумя и более категориями одновременно. Объем содержания категории менялся от одного предложения до фрагмента текста (абзаца).

Очередной этап работы с программой состоял в формировании списка слов-индикаторов, характеризующих содержание каждой категории (табл. 2). На основе этого списка были произведены запросы о частоте встречаемости единиц подсчета. К примеру, категория «новый человек» определялась следующими словами: «город», «возможность», «борьба», «партия», «быт»,

«женщина», категория «социалистическое соревнование» – словами «рекорд», «ударник», «соревнование», «труд», «работник». Выбор именно этих индикаторов был обусловлен спецификой содержания каждой смысловой категории и субъективными представлениями автора о содержании материалов сборника, которое сложилось в ходе многократного прочтения текстов и их соотношения с определенными смысловыми блоками. В целом слова-индикаторы, приведенные в табл. 2, были расценены автором как наиболее типичные и уникальные для каждой из выделенных категорий.

Т а б л и ц а 2
Смысловые категории и слова-индикаторы
сборника документов «Магнитогорск довоенный»

№ категории	Смысловая категория	Слова-индикаторы
1	Новый человек	Город, равенство, возможности, культурный быт, борьба, партия, женщина
2	Снабжение	Хлеб, столовые, питание, карточки, дефицит, распределение
3	Барачный быт	Барак, ремонт, антисанитария, скученность, жилье
4	Здравоохранение	Медицина, врач, санитарная обстановка, болезнь, смерть
5	Образование	Школа, учитель, ученик, обучение, ликбез, рабфак
6	Строительство объектов первоочередного значения	План, металлургический завод, время, партия
7	Социалистическое соревнование	Рекорд, соревнование, ударник, ударничество, ударный труд, работник

С помощью интерактивного дерева слов слова и словосочетания могут быть изучены и проанализированы визуально в соответствующих контекстах. Чем чаще встречается слово или словосочетание, тем отчетливее оно появляется в дереве. Дерево предлагает двустороннюю интерактивность: во-первых, его можно перемещать по отдельным «ветвям», чтобы визуализировать слова в их контексте. Во-вторых, данные интерактивно связаны с оригинальными текстами, так что у автора была возможность просматривать слова и фразы в MAXQDA в «браузере документов». Данные функциональные возможности позволили осуществить визуальную поддержку исследования и соотнести значимые слова (часто встречающиеся) с контекстом всех документов.

Структура интерактивного дерева выглядит следующим образом. Само дерево отражено на левой панели экрана. Правая область содержит исходные тексты, выстроенные в нашем случае в хронологическом порядке. Дерево выстраивается согласно следующей логике: самое часто используемое слово «в» показано слева (рис. 4). Оно образует корень дерева слов. Следующее наиболее часто употребляемое слово после корневого слова отображается правее. На данном рисунке это слова «частности» и «результате». Согласно этой логике каждая ветвь дерева растет дальше, пока

остается только одна фраза. Стоп-слова в интерактивном дереве не применяются, чтобы избежать нарушения потока чтения. Видимая часть дерева слов демонстрируется в области отображения. Количество отображаемых ветвей с различными текстовыми строками показана на верхней панели инструментов. Если ветвей больше, чем места, отображается число видимых ветвей, за которым следует общее число ветвей в скобках. В приведенном выше примере видны 43 из 1 600 ветвей. Подсказка, которая появляется при наведении курсора мыши на слово, показывает, как часто это слово отображается в анализируемых текстах. Из рис. 4 видно, что слово «квартале» фигурирует в материалах сборника документов 16 раз.

Автор исследования использовал самые популярные слова, отобранные в ходе первого этапа компьютеризированного анализа и слова-индикаторы, выявленные в по-

следующей работе для формирования интерактивного дерева. Результаты компьютеризованного контент-анализа материалов сборника «Магнитогорск довоенный» позволили сформулировать следующие выводы. Во-первых, развитие г. Магнитогорск, нашедшее отражение на страницах сборника документов в 1930-е гг., было неразрывно связано со строительством и эксплуатацией металлургического завода. Даже при условии отсутствия в сборнике документов, касающихся ММК прямо, связь города и завода, человека и производства очевидна.

Во-вторых, издание отражает широкий спектр тем из жизни города и горожан в период форсированной индустриализации, а следовательно, первоисточники (архивные документы и газетные публикации) не были заиклены на какой-то одной проблеме. Самой популярной темой этих лет оказалась тема труда и строительства (рис. 5).

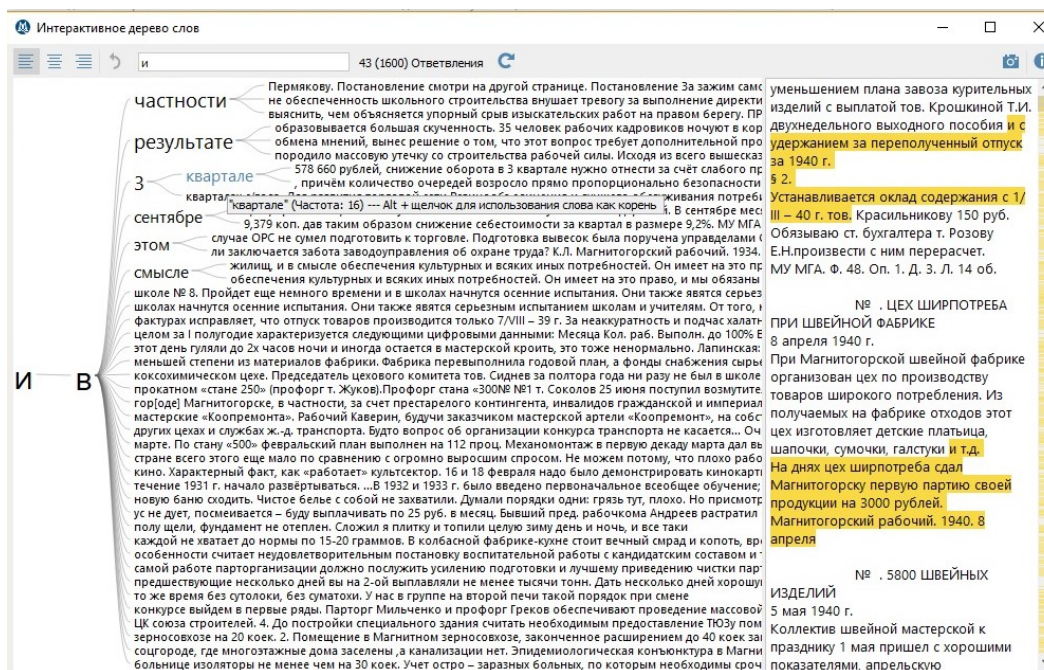

Рис. 4. Интерактивное дерево слов

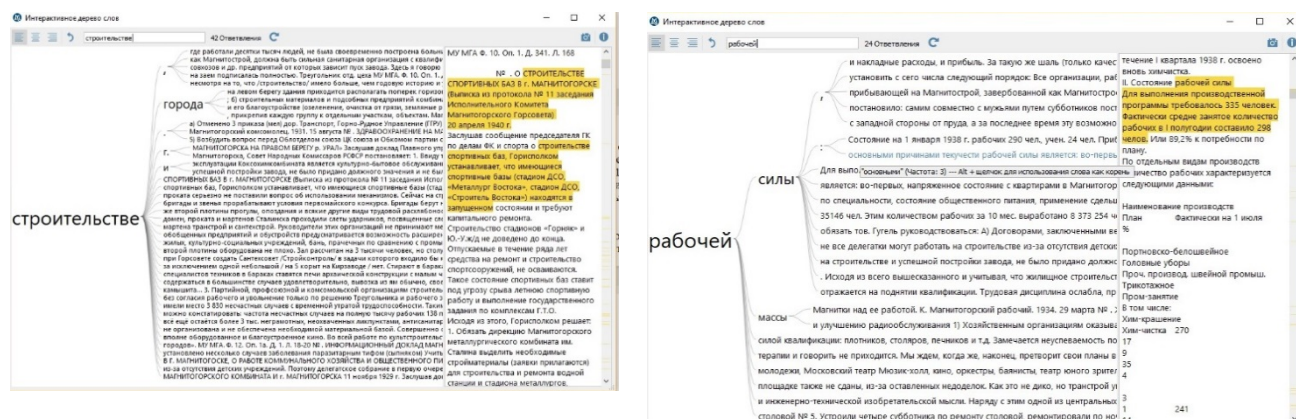

Рис. 5. Интерактивное дерево к словам «строительстве» и «рабочей»

Как уже было отмечено ранее, текст одного документа мог быть соотнесен сразу с несколькими категориями (как правило, с двумя или тремя). Одной из

главных задач данного исследования было установить степень взаимосвязей этих категорий между собой. С помощью программы MAXQDA удалось определить

их совместную встречаемость в рамках одного фрагмента (в данном случае – предложения). Результаты этого сравнения представлены на рис. 6. Совместная частота встречаемости смысловых категорий материалов сборника наглядно оказывает основные тенденции жизни горожан и создания города и завода. Так, категория «новый человек» чаще пересекается с категориями «образование», «барачный быт» и «социалистическое строительство», отражая цели культурной революции и требования партии и правительства в отношении формирования образа города в границах СССР и за его пределами. Категория «барачный быт» наиболее тесно связана с качеством здравоохранения и темпами строительства.

Система кодов	новый че	снабжен	барачный	здравоо	образова	строител	социалис
новый человек		10	57	3	49	43	65
снабжение	10		16	4	6	3	7
барачный быт	57	16		44	12	51	17
здравоохранение	3	4	44		5	9	13
образование	49	6	12	5		37	12
строительство объектов пер	43	3	51	9	37		67
социалистическое соревнов	65	7	17	13	12	67	

Рис. 6. Совместная встречаемость смысловых категорий в рамках фрагмента

В целом объем работ, проведенных на примере сборника «Магнитогорск довоенный» средствами MAXQDA, позволил сделать следующие выводы. Во-первых, программа создает преимущественные условия для работы исследователя с большими объемами информации. Он не затрачивает большие объемы времени и усилий для подсчета частоты упоминания слов в тексте источника. Все операции программа выполняет мгновенно, отображая результаты статистики в таблицах формата excel (их можно сохранять как в пакете проекта программы, так на жестком диске компьютера). Отсутствует опасность неточности при подсчете слов в тексте. Наиболее трудоемкой по времени стадией работы с программой выступает составление списка «стоп-слов», так как требуется проверка вручную смысловых нагрузок всех терминов, отраженных в отчете программы. Во-вторых, возможности программы позволяют получить новые сведения, которые недоступны для исследователя, использующего традиционные инструменты и методы работы с источником (например, подсчет частоты встречаемости слов в каж-

дый временной отрезок и установление взаимосвязей между категориями). В-третьих, исследование сборника материалов с помощью MAXQDA позволило визуализировать информацию. В рамках подготовки презентаций для выступлений на конференциях или иллюстративных рядов для публикаций это огромное преимущество. В-четвертых, программа может работать с источником на любом языке и с разнообразными форматами предоставления информации (rtf, txt, PDF, аудио- и видеофайлы). Именно эта особенность программы MAXQDA позволяет историку работать с большими объемами источников, ранее не оцифрованных (сохраняя материалы, например, в формате PDF). Программа также позволяет создавать отчеты, готовые для печати или отправки по электронной почте.

Метод контент-анализа, довольно хорошо известный в историческом сообществе, благодаря программе становится более удобным в применении и выступает эффективным способом извлечения неявной информации в источнике, дополняя традиционные методы исторических исследований. Контент-анализ, изначально созданный для работы с периодической печатью, применим для анализа разнообразных видов источников исторической информации средствами MAXQDA. Данная программа предлагает возможность не просто формального анализа текстов, но и способна производить факторный анализ лексем, выделенных при первичной обработке текста. Это дает возможность идентифицировать лексически и тематически фрагменты текстов, определить основные и частные «сюжеты». В конечном итоге это обеспечивает более глубокий и многомерный контент-анализ. Разнообразные нарративные документы, рассмотренные в качестве примера в нашей статье, отличаются разнообразием, широкими хронологическими рамками, большим объемом информации и в результате становятся равноправным материалом для исторической информатики. Компьютеризированный контент-анализ исторических текстов находит собственное место среди методов источниковедения, а программа MAXQDA является перспективным средством для крупных источниковедческих и историографических исследований, в том числе в русле истории повседневности, истории эмоций, визуальной истории и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. № 3 (26). С. 5–12.
2. Ayers E.L. The Pasts and Futures of Digital History (Online Essay). 1999. URL: <http://www.vcdh.virginia.edu/PastsFutures.html> (дата обращения: 15.12.2017).
3. Cohen D., Rosenzweig R. Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web. University of Pennsylvania Press, 2002. 316 p.
4. Бородкин Л.И. Историческая информатика в развитии: методологические аспекты // Круг идей: модели и технологии исторической информатики / под ред. Л.И. Бородкин, В.С. Тяжелникова. М., 1996. С. 16–21.
5. Бородкин Л.И. Историк в мире компьютерных технологий: развитие по спирали? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6, вып. 8 (41). URL: <http://history.jes.su/s207987840001263-8-1>, доступ для зарегистрированных пользователей (дата обращения: 04.10.2017). DOI: 10.18254/S0001263-8-1
6. Бородкин Л.И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историкокультурного наследия? // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 14–21.

7. Бородин Л.И. Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики / под ред. Л.И. Бородин, В.Н. Владимиров. Москва ; Барнаул, 2005. С. 7–21.
8. Можаяева Г.В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. № 9. С. 8–23.
9. Можаяева Г.В., Можаяева-Ренья П.Н., Сербин В.А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 73–81.
10. Alkhoven P., Doorn P. New Research Perspectives for the Humanities // International Journal of Humanities and Arts Computing. 2007. Vol. 1, № 1. P. 35–47.
11. Boonstra O., Breure L., Doorn P. Past, Present and Future of Historical Information Science. Amsterdam : IWI-KNAW, 2004. 130 p.
12. Гарскова И. М. Информационное обеспечение гуманитарных исследований в цифровую эпоху: модели формирования и развития // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 3 (26). С. 76–86.
13. Гарскова И.М. Новые тенденции развития исторической информатики: по материалам конференций 2000-х гг. // Вестник ЧелГУ. История. 2011. № 9. С. 144–153.
14. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 5–13.
15. Кижнер И.А., Рудов И.Н., Румянцев М.В., Хлебопрос Р.Г. Конференция Digital Humanities 2016: перспективы и вызовы для развития сообщества гуманитарной информатики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7, вып. 7 (51). URL: <http://history.jes.su/s207987840001676-2-1>, доступ для зарегистрированных пользователей (дата обращения: 04.10.2017). DOI: 10.18254/S0001676-2-1
16. Дегтярев А.Я., Кашенко С.Г., Раскин Д.И. Методика применения ЭВМ в изучении реформы 1861 г. // Количественные методы в гуманитарных науках. М. : МГУ, 1981. С. 60–71.
17. Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (Опыт структурного анализа материалов профессиональной переписи 1918 г.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 224 с.
18. Кашенко С.Г. Применение компьютеров при комплексном изучении дел Главного выкупного учреждения // Комплексные методы в исторических исследованиях. М. : Наука, 1987. С. 37–45.
19. Киселев И.Н., МIRONENKO С.В. Социальный портрет высшей бюрократии первой четверти XIX в. Количественный анализ // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1984. С. 175–176.
20. Жеребятёв Д.И. Методы трехмерного компьютерного моделирования в задачах исторической реконструкции монастырских комплексов Москвы. М. : МАКС Пресс, 2014. 222 с.
21. Бородин Л.И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб. : Алетей, 2016. 304 с.
22. Гусева Н.С. Применение математических методов в исследованиях по аграрной истории России пореформенного и советского периодов: историографические аспекты проблемы (1960-е – начало 1990-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 155–162.
23. Литвак Б.Г. О некоторых приемах публикации источников статистического характера // Исторический архив. 1957. № 2. С. 155–166.
24. Дробижев В.З. Методы статистической обработки протоколов ВЧХ (1917–1929 гг.) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1965. № 6. С. 70–92.
25. Ковальченко И.Д. О применении математических методов при анализе историко-статистических данных // История СССР. 1964. № 1. С. 13–20.
26. Здравомыслов А.Г. Возможности использования контент-анализа для построения теоретической концепции (на примере изучения проблемы управления) // Методологические и методические проблемы контент-анализа. М. ; Л. : ИСИ АН СССР, 1973. Вып. I. С. 40–45.
27. Количественные методы в гуманитарных науках / под ред. И.Д. Ковальченко. М. : Изд-во МГУ, 1981. 357 с.
28. Бородин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М. : Изд-во МГУ, 1986. 187 с.
29. Carney T.F. Content Analysis. A Review Essay in Historical Methods // Newsletter. 1971. № 4. P. 52–61.
30. Holsti O. Content Analysis for Social Science and Humanities Research. Reading, Mass. Addison-Wesley, 1969. 235 p.
31. Merritt R.L. The Emergence of American Nationalism. A Quantitative Approach // American Quarterly. 1965. P. 319–335.
32. Olsen M. The Language of Enlightened Politics. The Societe de 1789 in the French Revolution // Computer and the Humanities. 1989. № 23. P. 357–364.
33. Weber R. Basic Content Analysis. Newbury Park. Calif, 1990. 95 p.
34. Раздина Н.В. Газета «За индустриализацию» как источник для изучения промышленной политики советского государства в 1930-е гг. (опыт работы с программой MAXQDA) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6, вып. 8 (41). URL: <http://history.jes.su/s207987840001230-2-1>, доступ для зарегистрированных пользователей (дата обращения: 04.10.2017). DOI: 10.18254/S0001230-2-1
35. Макарова Н.Н. «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1941 гг. Магнитогорск, 2014. 432 с.
36. Макарова Н.Н. «Новый человек» на Магнитострое: повседневность и мотивация труда // Проблемы российской истории. 2015. С. 115–127.
37. MAXQDA. Программное обеспечение для качественных и смешанных исследований. URL: <http://www.maxqda.com/>, свободный (дата обращения: 23.02.2018).

Nadezhda N. Makarova. Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: makarovana-dia@mail.ru

A COLLECTION OF DOCUMENTS “MAGNITOGORSK PREWAR” AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF INDUSTRIALIZATION (EXPERIENCE WITH THE PROGRAM MAXQDA)

Key words: industrialization, Magnitogorsk, text analysis, content analysis, the first five-year plan, MAXQDA.

In recent years, “digital history” or “historical informatics” are gaining popularity in the world and Russian historical science. This is due to the accumulation of new types of historical sources and the need for their storage and analysis, as well as the wide spread of information technology. Historical science, traditionally, working with collections of libraries and archives during the 1980’s and 2000’s was actively involved in the achievements of the “digital humanities”. Among the leading researches in the field of digital history it is necessary to note the works of A.Yu. Volodin, L.I. Borodkin, G.V. Mojaeva, M. Thaler, I.M. Garskova, P. Alkhoven, P. Doorn, O. Boonstra, L. Breure. Significant works in the field of study of the content analysis are the study of A.I. Alekseev, A.G. Zdravomyslova, I.D. Koval’chenko, L.I. Borodkina, M. Olsen, R.L. Merritt. Despite the presence of a significant number of studies in the field of “digital history”, publications that demonstrate specific experience in the use of digital technology in history based on the program MAXQDA have not been distributed. This article describes the experience of content analysis of the materials of the collection of documents “Magnitogorsk prewar”. The object of the study was made by a computer program MAXQDA and its capabilities under specific historical research. The collection “Magnitogorsk prewar” includes both materials of the local periodicals (for example, the daily city newspaper “Magnitogorsk worker”, the city newspaper “Magnitogorsk metal” and a number of local multi-page publications) and unpublished archival documents (protocols, transcripts, plans and reports), selected in the Central, regional and local archives, as well as the materials of ego-documents. The computer program MAXQDA, created in 1989 by German scientists, provides a more in-depth and multidimensional content analysis. Various narrative documents, considered as an example in this paper, differ in diversity, broad

chronological framework, a large amount of information and as a result become equal materials for historical informatics. The use of this program, as one of the leading in the field of complex analysis of the text, made it possible to obtain accurate data on the characteristics of the development of the city of Magnitogorsk during the period of forced industrialization (1930-1940) by year, the links between the content of articles and some general information about the language of publications in these years. The author showed a specific method of working with a historical source using the MAXQDA program (counting the frequency of word usage, working with tag clouds, the use of an interactive tree, the definition of semantic categories, the study of the context of the collection of documents in relation to indicator words, etc.). The obtained results allow to supplement the idea of the processes of industrial development of Magnitogorsk, as well as to visualize the main trends reflected in the source material.

REFERENCES

- Volodin, A.Yu. (2014) Digital Humanities (tsifrovye gumanitarnye nauki): v poiskakh samoopredeleniya [Digital Humanities: in search of self-determination]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Istoriya"* – Perm University Herald. History. 3(26). pp. 5–12.
- Ayers, E.L. (1999) *The Pasts and Futures of Digital History*. [Online] Available from: <http://www.vcdh.virginia.edu/PastsFutures.html> (Accessed: 15th December 2017).
- Cohen, D. & Rosenzweig, R. (2002) *Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web*. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press.
- Borodkin, L.I. (1996) Istoricheskaya informatika v razviti: metodologicheskie aspekty [Historical information science in development: methodological aspects]. In: Borodkin, L.I. & Tyazhel'nikova, V.S. (eds) *Krug idey: modeli i tekhnologii istoricheskoy informatiki* [The circle of ideas: algorithms and technologies of historical informatics]. Moscow: Moscow State University. pp. 16–21.
- Borodkin, L.I. (2015) Istorik v mire komp'yuternykh tekhnologiy: razvitiye po spirali? [Historian in the world of computer technology: the development of a spiral?]. *Istoriya*. 8(41). [Online] Available from: <http://history.jes.su/s207987840001263-8-1> (Accessed: 4th October 2017). DOI: 10.18254/S0001263-8-1
- Borodkin, L.I. (2012) Digital History: Application of Digital Media in Preservation of Historical-Cultural Heritage? *Istoricheskaya informatika – Historical Information Science*. 1. pp. 14–21. (In Russian).
- Borodkin, L.I. (2005) Istoricheskaya informatika v tochke bifurkatsii: dvizhenie k Historical Information Science [Historical information science at the bifurcation point: the movement to Historical Information Science]. In: Borodkin, L.I. & Vladimirov, V.N. (eds) *Krug idey: algoritmy i tekhnologii istoricheskoy informatiki* [The circle of ideas: algorithms and technologies of historical informatics]. Moscow; Barnaul: [s.n.]. pp. 7–21.
- Mozhaeva, G.V. (2015) Digital Humanities: digital turn in the humanities. *Gumanitarnaya informatika – Humanitarian Informatics*. 9. pp. 8–23. (In Russian).
- Mozhaeva, G.V., Mozhaeva-Renya, P.N. & Serbin, V.A. (2014) Digital Humanities: organizational forms and infrastructure research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 389. pp. 73–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/389/10
- Alkhoven, P. & Doorn, P. (2007) New Research Perspectives for the Humanities. *International Journal of Humanities and Arts Computing*. 1(1). pp. 35–47.
- Boonstra, O., Breure, L. & Doorn, P. (2004) *Past, Present and Future of Historical Information Science*. Amsterdam: IWI-KNAW.
- Garskova, I.M. (2014) Informatsionnoe obespechenie gumanitarnykh issledovaniy v tsifrovuyu epokhu: modeli formirovaniya i razvitiya [Information support of Humanities research in the digital age: a model of formation and development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Istoriya"* – Perm State University Herald. History. 3(26). pp. 76–86.
- Garskova, I.M. (2011) Novye tendentsii razvitiya istoricheskoy informatiki: po materialam konferentsiy 2000-kh gg. [New trends in the development of historical informatics: conference proceedings of the 2000s]. *Vestnik ChelGU. Istoriya*. 9. pp. 144–153.
- Taller, M. (2012) Controversies around the Digital Humanities. *Istoricheskaya informatika – Historical Information Science*. 1. pp. 5–13. (In Russian).
- Kizhner, I.A., Rudov, I.N., Rummyantsev, M.V. & Khlebopros, R.G. (2016) Konferentsiya Digital Humanities 2016: perspektivy i vyzovy dlya razvitiya soobshchestva gumanitarnoy informatiki [The conference Digital Humanities 2016: prospects and challenges for community development of humanitarian informatics]. *Istoriya*. 7(51). [Online] Available from: <http://history.jes.su/s207987840001676-2-1> (Accessed: 4th October 2017). DOI: 10.18254/S0001676-2-1
- Degtyarev, A.Ya., Kashchenko, S.G. & Raskin, D.I. (1981) Metodika primeneniya EVM v izuchenii reformy 1861 g. [Methods of use of computers to study the Reform of 1861]. In: Kovalchenko, I.D. (ed.) *Kolichestvennye metody v gumanitarnykh naukakh* [Quantitative Methods in the Humanities]. Moscow: Moscow State University. pp. 60–71.
- Drobizhev, V.Z., Sokolov, A.K. & Ustinov, V.A. (1974) *Rabochiy klass Sovetskoy Rossii v pervyy god proletarskoy diktatury (Opyt strukturnogo analiza materialov professional'noy perepisi 1918 g.)* [The working class of Soviet Russia in the first year of the proletarian dictatorship (the structural analysis of materials occupational census in 1918)]. Moscow: Moscow State University.
- Kashchenko, S.G. (1987) Primenenie komp'yuternoy pri kompleksnom izuchenii del Glavnogo vykupnogo uchrezhdeniya [The use of computers in the comprehensive study of the Main Redemption Institution]. In: *Kompleksnye metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Integrated Methods in Historical Research]. Moscow: Nauk. pp. 37–45.
- Kiselev, I.N. & Mironenko, S.V. (1984) Sotsial'nyy portret vysshey byurokratii pervoy chetverti XIX. Kolichestvennyy analiz [Social portrait of the highest bureaucracy of the first quarter of the 19th century. Quantitative analysis]. In: *Kompleksnye metody v izuchenii istorii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Complex methods in the study of history from ancient times to the present day]. Moscow. pp. 175–176.
- Zherebyatiev, D.I. (2014) *Metody trekhmernogo komp'yuternogo modelirovaniya v zadachakh istoricheskoy rekonstruktsii monastyrskikh kompleksov Moskvy* [Methods of three-dimensional computer modeling in the problems of historical reconstruction of the monastery complexes of Moscow]. Moscow: MAKSS Press.
- Borodkin, L.I. (2016) *Modelirovanie istoricheskikh protsessov: ot rekonstruktsii real'nosti k analizu al'ternativ* [Modeling of historical processes: from the reconstruction of reality to the analysis of alternatives]. St. Petersburg: Aleteyya.
- Guseva, N.S. (2017) Application of mathematical methods in researches on the Russian agrarian history of the post-reform and Soviet periods: historiographical aspects of the problem (the 1960s - the beginning of the 1990s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 46. pp. 155–162. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/46/20
- Litvak, B.G. (1957) O nekotorykh priemakh publikatsii istochnikov statisticheskogo kharaktera [About some methods of publication of statistical sources]. *Istoricheskii arkhiv*. 2. pp. 155–166.
- Drobizhev, V.Z. (1965) Metody statisticheskoy obrabotki protokolov VSNKh (1917–1929 gg.) [Methods of statistical processing of the protocols of the Supreme Economic Council (1917–1929)]. *Vesti. MGU. Ser. 8. Istoriya*. 6. pp. 70–92.
- Kovalchenko, I.D. (1964) O primeneni matematicheskikh metodov pri analize istoriko-statisticheskikh dannykh [On the application of mathematical methods in the analysis of historical and statistical data]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 13–20.
- Alekseev, A.I. (1970) *Nekotorye problemy sotsiologicheskogo izucheniya massovoy kommunikatsii* [Some problems of the sociological study of mass communication]. Novosibirsk: [s.n.].

27. Zdravomyslov, A.G. (1973) *Vozmozhnosti ispol'zovaniya kontent-analiza dlya postroeniya teoreticheskoy kontseptsii (na primere izucheniya problemy upravleniya)* [Possibilities of using content analysis to build a theoretical concept (using the example of studying the management problem)]. In: *Metodologicheskie i metodicheskie problemy kontent – analiza* [Methodological problems of content analysis]. Issue I. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 40–45.
28. Kovalchenko, I.D. (1981) *Kolichestvennye metody v gumanitarnykh naukakh* [Quantitative methods in the Humanities]. Moscow: Moscow State University.
29. Borodkin, L.I. (1986) *Mnogomernyy statisticheskiy analiz v istoricheskikh issledovaniyakh* [Multivariate statistical analysis in historical research]. Moscow: Moscow State University.
30. Carney, T.F. (1971) Content Analysis. A Review Essay in Historical Methods. *Newsletter*. 4. pp. 52–61.
31. Holsti, O. (1969) *Content Analysis for Social Science and Humanities Research*. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
32. Merritt, R.L. (1965) The Emergence of American Nationalism. A Quantitative Approach. *American Quarterly*. pp. 319–335.
33. Olsen, M. (1989) The Language of Enlightened Politics. The Societe de 1789 in the French Revolution. *Computer and the Humanities*. 23. pp. 357–364. DOI: 10.1007/BF02176641
34. Weber, R. (1990) *Basic Content Analysis*. Newbury Park. Calif.
35. Razdina, N.V. (2015) Gazeta “Za industrializatsiyu” kak istochnik dlya izucheniya promyshlennoy politiki sovetskogo gosudarstva v 1930-e gg. (opyt raboty s programmoy MAXQDA) [Newspaper “Za industrializatsiyu” as a Source for the Study of Industrial Policy Soviet state in the 1930s (a case with MAXQDA)]. *Istoriya*. 8(41). [Online] Available from: <http://history.jes.su/s207987840001230-2-1> (Accessed: 4th October 2017). DOI: 10.18254/S0001230-2-1
36. Makarova, N.N. (2014) “V kotle industrializatsii”: povsednevnyaya zhizn' Magnitogorska v 1929 – 1941 gg. [“In the cauldron of industrialization”: the daily life of Magnitogorsk in 1929–1941]. Magnitogorsk: [s.n.].
37. Makarova, N.N. (2015) “Novyy chelovek” na Magnitostroe: povsednevnost' i motivatsiya truda [“New Man” in Magnitostroy: Everyday life and labor motivation]. *Problemy rossiyskoy istorii*. pp. 115–127.
38. MAXQDA. *Software for quality and mixed research*. [Online] Available from: <http://www.maxqda.com/> (Accessed: 23rd February 2018).

УДК 930.23+94(57)
DOI: 10.17223/19988613/63/19

Е.А. Михайлицина

СИБИРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Рассматриваются некоторые аспекты сибирской колонизации на материалах зарубежной научной литературы и отечественной историографии Сибири. Уточнено понятие «сибирская колонизация», кратко проанализирована современная зарубежная и российская историография темы. Представлено описание журнала «Сибирика», впервые ставшего объектом исследования в современной отечественной историографии. Сделаны выводы о несомненной пользе изучения зарубежной научной периодики, позволяющей рассмотреть сибирскую проблематику в других ракурсах.

Ключевые слова: сибирская колонизация; «Сибирика»; ссылка; зарубежная историография.

На протяжении последних полутора лет Сибирь неизменно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Этот интерес легко объясняется уникальными экономико-географическими характеристиками данного региона, а также историей и характером присоединения к Российской империи. Именно история и характер присоединения или освоения Сибири русскими или даже сибирская колонизация – вопрос, породивший множество теорий и концепций как в России, так и за рубежом – в фокусе внимания в данной работе.

Прежде всего, много споров возникает из-за терминов, которые отечественные и зарубежные историки используют при описании характера присоединения Сибири. Среди них – «освоение», «ассимиляция», «колонизация», «русская восточная экспансия», «завоевание», «покорение» (последние используются в основном западными исследователями) и др. Многие современные исследователи полагают, что невозможно обозначить одним термином такой сложный и долгий процесс, происходивший на огромной территории и испытывавший влияние множества различных факторов [1. С. 7]. Тем не менее наиболее часто встречающимся является термин «колонизация». А.С. Хромых в статье, посвященной уточнению понятия «сибирский фронт», дает следующее определение понятия «колонизация»: «Принятое в отечественной историографии в отношении Сибири определение колонизации имеет комплексный характер. Оно предполагает социально-экономическое, политическое и духовное освоение всей площади на присоединяемых территориях» [2. С. 6]. Данного термина придерживается также отечественный историк И.А. Попов, в работе которого представлен наиболее актуальный анализ изученности современной англо-американской историографии сибирской колонизации. И.А. Попов, так же как и Д.А. Ананьев [3. С. 12], отмечает выраженную идеологическую тенденциозность отечественных и зарубежных исследователей в работах советского периода, а также возросший интерес и плюрализм мнений в отношении исследований западных историков, наблюдаемый в

конце XX в. [4. С. 9]. Некоторые российские историки полагали, что с 1990-х гг., с появлением у западных исследователей доступа к российским архивам и множеству материалов, накопленных за советский период, последние откажутся от мнения о захватническом характере присоединения Сибири и Дальнего Востока ввиду того, что доступные им прежде материалы были в основном написаны в конце XIX – начале XX в. и, безусловно, устарели. Однако вышедшая в 2011 г. книга Алана Вуда «Ледяной фронт России: история Сибири и Дальнего Востока, 1581–1991» не подтверждает подобных ожиданий. А. Вуд настаивает на том, что Сибирь функционировала и продолжает функционировать как колония Европейской России. Он также опровергает мнение российских историков о том, что «ассимиляция» народов Сибири с Российской империей в конечном счете пошла им на пользу и вообще происходила в русле исторического развития России [5. Р. 246]. В трудах других зарубежных исследователей (Д. Коллинз, Дж. Форсит, Б. Линкольн и др.) в последнее время много внимания уделяется последствиям колонизации, отразившейся на экологии региона, повлекшей разрушение традиционных для коренных народов Севера способов хозяйствования. Спорным для зарубежных историков является также вопрос о роли государства в освоении территории Северной Азии. Одни придерживаются мнения о в целом грамотной политике центральных властей, которая на местах, ввиду их отдаленности, воплощалась крайне неумело и с многочисленными нарушениями и злоупотреблениями властью, другие критикуют и политику центрального правительства, обвиняя в неумной жадности до сибирских ресурсов, а также в слабости контроля и неспособности навести порядок на местах (А. Вуд, Ю. Слезкин, Дж. Стефан).

Отечественная историография, несомненно, накопила гораздо большее количество трудов по сибирской колонизации, однако необходимость изучения опыта западных коллег сегодня не вызывает сомнений. Таких работ появилось уже немало, изучены вопросы сибирской колонизации в контексте других колониальных

процессов (И.А. Попов), в рамках политики России на рубеже XIX–XX вв. (А.В. Петухов, А.К. Дятлова), написаны труды о знаменитой Калифорнийской школе (Т.В. Воробьева, Д.А. Ананьев) [6. С. 6; 7. С. 5; 8. С. 7; 9. С. 22]. Тем не менее осмыслению и исследованию подвергаются в основном монографии и другая зарубежная научная литература, но крайне мало внимания уделяется обзору научной периодики. Поэтому целью данной статьи является введение в научный оборот неизвестных ранее в России работ зарубежных ученых, опубликованных в журнале «Сибирика» с 2002 по 2018 г. и посвященных изучению сибирской проблематики.

«Сибирика» – рецензируемый междисциплинарный журнал, освещающий все аспекты региона и его отношения с соседними регионами, такими как Центральная Азия, Китай, Япония, Корея и Северная Америка. Журнал публикует статьи, исследовательские отчеты, обзоры конференций и книг по истории, политике, экономике, географии, культурным исследованиям, антропологии и экологическим исследованиям. Он является дискуссионной площадкой для ученых всего мира, представляющих широкий спектр дисциплин, для публикации результатов и обсуждения тем, имеющих отношение к человеческой деятельности в регионе или непосредственное отношение к сибирским исследованиям. Редакторы стремятся содействовать научной дискуссии среди людей с самым разным опытом и мнениями.

Точкой отсчета, знаменующей основание журнала «Сибирика», можно считать семинар BUSSS (British Universities Siberian Studies Seminar), проведенный в сентябре 1981 г. в университете Ланкастер (Великобритания) и объединивший британских академиков, сферой научных интересов которых являлись Сибирь и Дальний Восток России. В течение последующих нескольких лет семинары проводились еще несколько раз (Институт полярных исследований им. Скотта (Кембридж) – 1983, 1984 гг.; Школа славянских и восточно-европейских исследований (Университет Лондона) – 1986, 1993 гг.; Университет Глазго – 1988, 1989 гг.; г. Кемерово, Восточная Сибирь – 1991 г.). За этот период число подписчиков журнала, выходившего по итогам семинаров, увеличилось до двухсот человек [10. Р. 3]. В нем регулярно публиковались итоги работы различных конференций и другие важные достижения. Как научный журнал «Сибирика» издается с 2002 г., в нем публикуются не только научные статьи, но и заметки о текущей работе ученых, опросы, воспоминания, отчеты об экспедициях, биографические очерки и другие работы, охватывающие широкий круг дисциплин.

Под Сибирью авторы и редакторы журнала подразумевают всю территорию, принадлежавшую старой Российской империи, Советскому Союзу и нынешней Российской Федерации, простирающуюся от Уральских гор на западе до побережья Тихого океана на востоке и от Северно-Ледовитого океана на севере до границ в Центральной Азии с Китаем, Монголией и Кореей на юге.

Как объект исследования опубликованные в журнале «Сибирика» научные статьи не являются однородным комплексом, так как принадлежат разным авторам, анализировавшим разные проблемы. Однако по тематике все статьи можно разделить на несколько основных групп. Наиболее важные и частые темы, которые поднимают авторы, касаются таких вопросов, как: положение коренных народов Севера в России и политика государства в отношении их; особенности культуры, религии и быта северных народов; экология региона; исторические события, связанные с Сибирью или происходившие в Сибири и их современная оценка зарубежными исследователями; экономика Сибири и Дальнего Востока и ее связь с хозяйственной деятельностью малочисленных народов Севера; система сибирской ссылки; областничество и некоторые другие. В данной статье рассматриваются научные работы зарубежных исследователей, посвященные таким вопросам, как сибирская ссылка, колонизация, областничество.

Тему сибирской ссылки и колонизации поднимает в своей работе «Половое неравенство в пограничных сообществах: Сибирь и Новая Франция к 1760» Дэвид Коллинз, где отмечает, что преодоление неравенства мужчин и женщин, а именно восполнение нехватки женщин, происходило за счет трех основных источников: смешение с коренными народами, попытки правительства обеспечить женщинами поселенцев-мужчин и быстрый естественный прирост населения с вероятностью того, что выживет больше девочек, чем мальчиков. Он утверждает, что между сибирским и канадским опытом существуют четкие параллели, несмотря на культурные, экономические и политические различия. Советское отрицание полового дисбаланса на раннем этапе колонизации, по его мнению, продиктовано необходимостью доказать, что в СССР никогда не было колониализма, типичного для европейских империй. Д. Коллинз приводит данные антропологических исследований, которые показали, что наибольшее количество смешанных браков и самый большой процент людей со смешанной кровью были найдены на севере и востоке Сибири. Такие браки способствовали взаимопроникновению культур наиболее естественным образом: через традиционные способы хозяйствования, религиозные обряды, повседневные ритуалы [11. Р. 162].

В российских документах, на которые ссылается автор, имеются многочисленные свидетельства того, что военнослужащие имели обыкновение захватывать туземных женщин во время экспедиций на неосвоенные территории, превращая их в рабынь (ясырок), и, несмотря на неодобрение правительства, военнослужащие, торговцы, городские жители и даже некоторые священнослужители покупали и продавали их. Ясырки использовались для различных целей – от домашней работы до наложниц и для прямой проституции. Предположения о том, что крестьяне не были вовлечены в такие действия, опровергаются Д. Кол-

линзом со ссылкой на тексты документов, опубликованных Г.Ф. Миллером.

Автор приводит печально известный пример насильственного захвата местных женщин – хвостовство исследователя Ерофея Хабарова о том, что он захватил 243 ясырки в одной деревне и 170 в другой во время своего похода на Амур в 1652 г. Это происходило, несмотря на более ранние приказы царя, запрещавшие такие практики. В 1649 г. военному служащему из Енисейска было приказано вернуть бурятских женщин, захваченных во время вторжения в Забайкалье. Еще один пример: в середине 30-х гг. Парфен Ходырев из Енисейска владел четырьмя якутскими женами и «молодой якутской девушкой лет 20». В 1664 г. Михайло Дехтярев в Олекминске продал Федору Тышевичу язычницу Агую за 20 хороших шкурок соболя. Публикуются документы, относящиеся к подобной практике в Якутии еще столетие спустя. Несмотря на намерение осудить такое поведение, Н.Н. Оглоблин, как показалось автору, почти восхищался военными. Он писал, что они более энергичны и самодостаточны, чем крестьяне, и вместо того чтобы обращаться к властям за помощью, они решают «вопрос о женщине» для себя любым способом, который видят [12. С. 199].

Похожие примеры приводит Л.И. Шерстова в статье «Движение русских за Урал: этнокультурные трансформации этноса в XVII–XIX вв.»: «...большинство походов в “немирные земли” заканчивалось захватом детей и женщин. Так, во время похода 1641 г. Якова Тухачевского в Киргизскую землю «...жен их и детей взяли 130 человек, да верблюдов 150, да лошадей с 300...». Л.И. Шерстова ссылается на статистику, приведенную Б.О. Долгих, указывающую на то, что в середине XVII в. 10% юкагирских женщин были женами и наложницами служилых и промышленных людей [13. С. 171].

Эти же данные приводит Д. Коллинз: «В 1670-х годах десятая часть всех юкагирских женщин детородного возраста жили с русскими. Один авторитетный источник даже предполагает, что в разгар бурного охотничьего промысла 1640–1650-х годов до 20 процентов женщин жили с русскими» [11. Р. 172]. Автор дает здесь следующее объяснение того, что наибольшее количество смешанных браков и самый большой процент людей со смешанной кровью были найдены именно на севере и востоке Сибири. Во-первых, в то время как в центральных сельскохозяйственных районах русские значительно превосходили численностью коренное население, на периферии они оставались меньшинством до середины XIX в. Во-вторых, в то время как мужчины, живущие в суровых климатических условиях Севера и Востока, приветствовали навыки местных жен (и, возможно, торговые связи, возникающие в результате брака), крестьяне не ценили их. Им нужны были женщины крепкого крестьянского склада, которые могли бы ухаживать за ними и их хозяйствами. В-третьих, было трудно привлечь русских

женщин в пустынную тайгу и тундру, когда были мужчины, которые охотно приглашали их в семьи в относительно более удобных и знакомых районах Юга и Запада (по крайней мере, после того, как степные кочевники перестали представлять угрозу). Интересным фактором является настойчивость некоторых русских исследователей в том, что дети, рожденные в смешанных браках, всегда считались частью русского населения, а не возвращались к родным истокам под влиянием матери. Как только дети крестились, их считали русскими на всю жизнь. Это не было характерно для Новой Франции, например. Такое положение вещей демонстрирует более терпимое отношение к смешанной крови в России, чем среди западноевропейцев, но это также было связано с тем фактом, что большинство россиян поселялось на постоянное жительство в Сибири и на Дальнем Востоке России по своему выбору или по указу правительства. Что касается французских, и особенно британских торговцев, они старались вернуться домой после служебных командировок, и возвращение с невестой-туземкой или метиской было социально неприемлемым в расистской атмосфере европейских городов [11. Р. 172–173].

Таким образом, акцент на постоянное равное соотношение между мужчинами и женщинами в период освоения Сибири, которое приводится в советских изданиях, таких как «Русские старожилы Сибири» [14], следует, по мнению автора, рассматривать как пропаганду, а не историческую правду. «Создатели мифов коммунистического режима были полны решимости, как бы ни противоречили им документальные источники, навязывать успокоительную “правду” о том, что продвижение в Сибирь было мирным крестьянским семейным делом, а не колониальным процессом, типичным для других европейских империй. Правда заключалась в том, что предоставление женщин в качестве вознаграждения российским военным служащим, продолжалось в Восточной Сибири до середины девятнадцатого века, и рассматривалось как одно из обязательств, которое должно было выполнять коренное население», – заключает Коллинз [11].

Эндрю Джентес, еще один исследователь сибирской ссылки, в статье «Совершенно “бесполезные”: высылка инвалидов в Сибирь в царское время» описывает функционирование системы царской России по депортации инвалидов в Сибирь в течение долгого времени, с середины шестнадцатого до конца девятнадцатого века; приводит мотивы тех влиятельных лиц, которые ссылали инвалидов, и предоставляет данные о количестве инвалидов-изгнанников, описывая условия, с которыми они сталкивались. Он утверждает, что эксплуатация государством крестьянства, привлечение крестьянства к коммерциализации экономических императивов и широта сибирских просторов стали факторами, позволившими создать «уникальную кровавую систему российской ссылки, которая длилась веками» [15. Р. 26].

Согласно докладу Сибирского комитета за 1837 г. из 97 121 ссыльных на 1 января 1835 г. 28 477 человек по

различным причинам считались инвалидами. Из этой группы 5 969 человек были каторжниками, которые, согласно отчетам, жили «на помощь» (при деревнях) – на них приходилось 38,2% всех ссыльных, отправленных на каторгу. Инвалиды значительно увеличили общий коэффициент смертности среди ссыльных. Экстраполировав данные отчета за 1833 г., Эндрю Джентес получил общий коэффициент смертности в ссылке в размере 18,63 на 1 000 человек. Но среди только недееспособных каторжников смертность составила 83,75. Высокий уровень смертности был во многом обусловлен непропорционально большим числом пожилых людей и инвалидов, сосланных в Сибирь. Тем не менее этот уровень был бы еще выше, если бы включал тех, кто умер по пути в Тобольск, откуда ссыльные попали в базу данных Сибирского комитета, из которой автором получены вышеуказанные цифры.

Дополнительные (в основном неофициальные) источники, которые приводит автор, свидетельствуют о том, что условия вдоль маршрута – через европейскую Россию, а также через Сибирь – часто были смертельными. Конвои из 300 заключенных проходили от 15 до 35 верст в день с двумя выходными днями в неделю. В 1851 г. генерал-адъютант Комитета министров Николай Николаевич Анненков провел инспекцию администрации Западной Сибири. Среди многих других проблем он обнаружил, что, несмотря на то, что в 1822 г. этому вопросу был посвящен целый регламент, маршрут марша все еще был в плохом состоянии – временные тюрьмы и промежуточные станции были темными, неветилируемыми и, как правило, не имели отдельных помещений для женщин. Поскольку временные тюрьмы были слишком малы, многим ссыльным приходилось спать под нарами, на грязном полу [15. Р. 33].

Конвои шли в любую погоду, и всем заключенным, за исключением административных ссыльных, приходилось носить кандалы, которые иногда вызывали гангренозные язвы, приводившие к ампутации или даже смерти. Только самым больным и наиболее ослабленным разрешалось ехать в повозках, но их было недостаточно. Отчеты о конвоях, которые отправились из Иркутска в Якутскую область в конце 1889 г., показывают, что у одной группы из 26 ссыльных было две повозки для пяти больных ссыльных, а у другой группы из 38 ссыльных было две повозки для семерых таких ссыльных [16]. Английский путешественник Уильям Споттисвуд, написавший в 1857 г. книгу «Путешествие на тарантасе по восточной России», подсчитал, что четверть всех ссыльных погибала во время марша.

В выводах к своей статье Эндрю Джентес резко осуждает политику царской России в отношении инвалидов, называя сложившуюся систему отвратительной, обрекающей десятки тысяч на смерть. Он обвиняет государство, делегировавшее ссыльным полномочия помещикам и общинным объединениям, которые, сложившись в «хищническую систему», установили экономи-

ческое обоснование для административной высылки «непродуктивных и обременительных крестьян».

В статье Клаудии Вайс «Наша: приобретение Сибири для Российской империи» автор анализирует смысловое значение слова «наш», которое выражает «ментальное присвоение» Сибири русскими, укорененное в их сознании, и то место, которое Сибирь занимает в современной России. Но это «ментальное присвоение» складывалось на протяжении нескольких веков, и еще вплоть до конца XVIII в. элиты, жившие в центральных регионах империи, рассматривали Сибирь как чужеземную территорию, хотя и эксплуатировали ее экономически. Этот подход изменился в XIX в. вследствие влияния националистских идей и идей империализма, и элиты стали считать Сибирь «нашей» не только в экономическом или военном отношении, но и в духовном, ментальном. Проанализировав понятие «наш» в русском языке с точки зрения лингвистики, К. Вайс приходит к выводу о том, что любой человек, называющийся «нашим», является частью коллектива, а в отношении национальной идентичности «наш» для русских означает, что он или она является россиянином. В современном русском языке «наш» уже означает «отечественный» или «российский», т.е. очевидно, что слово «наш» достигает статуса выражения национальной идентичности. Это слово означает также обладание, причем не индивидуальное, а коллективное. Автор отмечает, что когда русские говорят «Сибирь наша» – это не означает, что Сибирь – это Россия, это означает, что Сибирь принадлежит России [17. Р. 144].

Присвоение Сибири русскими проходило в несколько этапов, одним из которых была колонизация. По мнению автора, грубое эксплуататорское поведение первых колонистов, в основном казаков, спровоцировало сопротивление части местного населения. К. Вайс ссылается на Бориса Шишло, российского историка, сейчас работающего за рубежом, который отразил русское завоевание и «миссию, несущую цивилизацию» в одном славянском и трех турецких словах: острог, атаман, аманат и ясак [Ibid. Р. 145]. Властолюбие местных представителей власти также указывало на восприятие Сибири как «нашей». Человек обладает землей и людьми и может делать с ними все, что захочет, – такое отношение, по мнению автора, спровоцировало долгую историю военных конфликтов и восстаний сибирского населения против «российской оккупации». Чтобы преодолеть такого рода конфликты и продолжать извлекать выгоду из сибирских экономических ресурсов, Сибирь должна была быть колонизирована людьми того же культурного происхождения, что и завоеватели, людьми, которые могли строить административные структуры и оттеснять местных жителей. Данную задачу, как полагает Вайс, с успехом выполняли ссыльные.

Вместе с увеличением числа людей русского происхождения, которые все больше формировали Сибирь и

усиливали связи с центральной частью России благодаря их личным связям и отношениям с основной областью страны, росло и сознательное включение Сибири в Российскую империю. Но Сибирь была слишком далеко, обстоятельства слишком разные. Там не было крепостного права, не было дворянства. Уезжая в Сибирь, люди больше не были частью их бывшего коллектива. Вместо этого они являлись «нашими», собственностью коллектива. У них были один и тот же язык, одна и та же религия и одна и та же культура [17. Р. 149].

Ментальный аспект имперского присвоения Сибири указывал на существенное различие между Российской империей и другими империями в эту эпоху, такими как Британская, Османская или Австрийская империи, или даже более старыми колониальными империями, такими как Испания. Благодаря взаимодействию централистских, авторитарных структур власти и ментальных притязаний на имперское владение Россия дважды поглощала некоторые части своей империи. Автор считает, что особое восприятие, выраженное словом «наша», повлияло на самоопределение этих частей, а также на их внешнее восприятие. Сибирь остается самым ярким примером этого до сих пор. Попытки Сибири отделиться от российской основной области всегда были недолгими. В конце XIX в. областники попытались развить особую сибирскую идентичность с политическим влиянием, однако их лидеры были настолько «нашими», испытывали на себе столь сильное воздействие русской культурной и интеллектуальной жизни, что их усилия казались скорее протестом против централизованной власти. После революции 1917 г. Сибирь также пыталась установить для себя региональную автономию и находилась под руководством Колчака во время Гражданской войны против Красной армии с ноября 1918 г., но с победой большевиков была реинтегрирована в РСФСР [Ibid. Р. 150].

К. Вайс полагает, что после распада Советского Союза в 1991 г. в Москве усилился страх, что российский Дальний Восток может отделиться, привлеченный американскими и японскими деньгами, и что он может втянуть Сибирь в водоворот. По ее словам, этот оправданный страх все еще присутствует, так как Сибирь страдает от огромного оттока русского населения, а через ее юго-восточные границы въезжают граждане Китая.

Сокращение населения России, по мнению К. Вайс, грозит утратой права притязания на регион. Вооруженные силы России в настоящее время не позволяют ей контролировать развитие Сибири посред-

ством военного присутствия. Независимо от того, какие соображения преследует власть, видимые результаты политики российского правительства в Сибири удивительно хорошо соответствуют концепту «наша». Центр политической власти пытается предотвратить внешние финансовые вложения, которые могут привести к экономической, социальной или политической переориентации региона за пределами Российской Федерации, даже отключает инфраструктуру, которая слишком сильно связывает российский Дальний Восток с соседями как потенциальными экономическими партнерами [17. Р. 151].

Подводя итог вышесказанному, К. Вайс заключает, что российско-сибирские отношения создали идентичности друг друга. С одной стороны, русский образ мышления позволил присвоить Сибирь, поглотив ее также ментально и, таким образом, сделав ее частью российской идентичности. Сегодня Россия кажется немыслимой без Сибири. С другой стороны, именно Россия первой создала единство Сибири, мысленно присвоив ее в целом. Следовательно, сибирская идентичность сначала развивалась через русское восприятие, которое служило ей зеркалом для осмысления себя, и по этой же причине Сибирь немыслима без России.

Представленные в данной работе научные статьи о сибирской колонизации, лишь некоторые по данной теме из числа опубликованных в журнале «Сибирика», позволяют сделать следующие выводы. Западные исследователи, рассматривают процесс освоения Сибири в привычных для себя категориях колониализма, идеологически тенденциозны и политически ангажированы, они ищут в политике русских в Сибири негатив, но они же дают возможность рассмотреть в другом ракурсе и по-новому оценить некоторые вопросы, которых не было в фокусе внимания отечественных исследователей. Так, источники, которые использует Э. Джентес, освещающая вопросы сибирской ссылки, и выводы, к которым он приходит, также представляют несомненный интерес, хотя влияние ссылки на формирование населения в Сибири он явно преувеличивает. К. Вайс, рассуждая о причинах отличий колониальных процессов России от колонизации в других странах, предпринимает попытку осмыслить ментальное восприятие Сибири русскими и той роли, которую Россия сыграла в формировании ее идентичности. Научная ценность рассмотренных работ не вызывает сомнений и побуждает нас к дальнейшему изучению опыта зарубежных исследователей, отраженного в научной периодике, для построения глобального диалога о прошлом, настоящем и будущем Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1: Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124–136.
2. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 106–112.
3. Ананьев Д.А. Западная историография присоединения и начального освоения Сибири в оценках отечественных исследователей. Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов Региональной молодежной научной конференции. Новосибирск : Параллель, 2007. С. 5–12.

4. Попов И.А. Факторы русской колонизации XVII–XVIII веков в современной англо-американской историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2016.
5. Wood A. *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. N.Y. : Bloomsbury Academic, 2011. 289 p.
6. Петухов А.В. Восточная политика России в середине XVI в. в англо-американской историографии : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2003.
7. Дятлова А.К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015.
8. Воробьева Т.В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства. Петропавловск-Камчатский, 2012. 226 с.
9. Ананьев Д.А. История Сибири конца XVI–XIX вв. в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск, 2012. 288 с.
10. Brennan C., Wood A. Editors' foreword // *Sibirica*. 2002. Vol. 2, № 1. P. 3–4. DOI: 10.1080/1361736022000007345
11. Collins D. Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760 // *Sibirica*. 2004. Vol. 4, № 2. P. 162–185. DOI: 10.1080/13617360500150194
12. Оглоблин Н.Н. Женский вопрос в Сибири XVII в. // Исторический вестник. 1890. Т. 41, № 7. С. 195–207.
13. Шерстова Л.И. Движение русских за Урал: этнокультурные трансформации этноса в XVII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 170–177.
14. Вахтин Н.Б. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М. : Новое издательство, 2004. 292 с.
15. Gentes A. "Completely useless": exiling the disabled to tsarist Siberia // *Sibirica*. 2011. Vol. 10, № 2. P. 26–49. DOI:10.3167/sib.2011.100202
16. Государственный архив Иркутской области. Ф. 91. Оп. 2. Д. 691. Л. 105.
17. Weiss C. Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*. 2006. Vol. 5, № 1. P. 141–155. DOI: 10.1080/13617360500150194

Elena A. Mikhaylitsina. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihailicina@mail.ru

SIBERIAN COLONIZATION IN MODERN ENGLISH-AMERICAN SCIENTIFIC PRESS

Keywords: Siberian colonization; *Sibirica*; exile; foreign historiography.

The article is devoted to a review of publications in the foreign scientific journal "Sibirica" on issues of Siberian exile and colonization. Since the journal *Sibirica* is not known to the Russian scientific community as a source of materials on the foreign historiography of Siberia, its detailed description is given. The journal is a discussion platform for scientists from around the world publishing the results of their research related to human activities in the region. An analysis of modern Russian and Anglo-American historiography of Siberia allows us to conclude that, despite the use of the same archival sources and materials, Russian and Western researchers often come to different conclusions or make their own attempts to comprehend the causes of certain events on the basis of the data received. Since the journal's articles are not a homogeneous complex, they were divided into several groups according to the thematic principle. In this paper, the works on the issues of Siberian exile, colonization and regionalism are analyzed.

In his article D. Collins notes that the exile was one of the main sources in overcoming the inequality in the number of men and women during the colonization of Siberia, thus refuting the position of Soviet historians on this issue. The author cites the data from anthropological studies that showed that the largest number of mixed marriages and the largest percentage of mixed-race people were found in the north and east of Siberia. He clarified that until this time the Russian population in northern and eastern Siberia was much smaller than in its southern and western parts, what is more, the skills of indigenous wives and trade relations that arose as a result of marriages were valued higher in the northern and eastern regions which were poorly suitable for agriculture.

Another researcher of Siberian exile, A. Gentes, describes the Tsarist Russia's system for the deportation of disabled to Siberia for a long time, from the middle 16th to the end of 19th century. He provides convincing evidence of high mortality among exiles, which was mainly resulted from a disproportionately large number of elderly and disabled people among them.

C. Weiss in her work suggests that Siberian exile, as a way to populate the territory beyond the Urals with people of the same cultural origin as the "conquerors", played an important role in overcoming the conflicts emerged in the course of colonization, as these people could build administrative structures and drive out indigenous tribes. C. Weiss, discusses the reasons for the differences between the colonization processes of Russia and colonization in other countries and makes an attempt to comprehend the mental perception of Siberia by Russians and the role that Russia played in shaping Siberian identity.

In conclusion, the author emphasizes the significance of the foreign colleagues' works for a complex study of Siberian issues.

REFERENCES

1. Zuev, A.S. (1999) Kharakter prisoedineniya Sibiri v noveyshey otechestvennoy istoriografii [The annexation of Siberia in the modern Russian historiography]. In: Mitko, O.A. (ed.) *Evrasiya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy* [Eurasia: The Cultural Heritage of Ancient Civilizations]. Issue 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University, pp. 124–136.
2. Khromykh, A.S. (2008) Problema "sibirskogo frontira" v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [The problem of the "Siberian frontier" in modern Russian historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 106–112.
3. Ananiev, D.A. (2007) Zapadnaya istoriografiya prisoedineniya i nachal'nogo osvoiniya Sibiri v otsenkakh otechestvennykh issledovateley [Western historiography of accession and initial development of Siberia in the estimates of Russian researchers]. In: Kirillov, A.K. (ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 5–12.
4. Popov, I.A. (2016) *Faktory russkoy kolonizatsii XVII – XVIII vekov v sovremennoy anglo-amerikanskoy istoriografii* [Factors of Russian colonization of the 17th – 18th centuries in modern Anglo-American historiography]. Abstract of History Cand. Diss. Kazan.
5. Wood, A. (2011) *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. New York: Bloomsbury Academic.
6. Petukhov, A.V. (2003) *Vostochnaya politika Rossii v seredine XVI v. v anglo-amerikanskoy istoriografii* [Russian eastern policy in the middle of the 16th century in Anglo-American historiography]. History Cand. Diss. Cheboksary.
7. Dyatlova, A.K. (2015) *Vneshnyaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke na rubezhe XIX–XX vv. v sovremennoy anglo-amerikanskoy istoriografii* [Russian foreign policy in the Far East at the turn of the 20th century in modern Anglo-American historiography]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
8. Vorobieva, T.V. (2012) *Kaliforniyskaya istoricheskaya shkola o rasshirenii territorii Rossiyskogo gosudarstva* [California Historical School on the expansion of the Russian state expansion]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University.
9. Ananiev, D.A. (2012) *Istoriya Sibiri kontsa XVI – XIX vv. v anglo- i germanoyazychnoy istoriografii* [History of Siberia at the end of the 16th – 19th centuries in English and German historiography]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Brennan, C. & Wood, A. (2002) Editors' foreword. *Sibirica*. 2(1). pp. 3–4. DOI: 10.1080/1361736022000007345
11. Collins, D. (2004) Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760. *Sibirica*. 4(2). pp. 162–185. DOI: 10.1080/13617360500150194
12. Ogloblin, N.N. (1890) Zhenskiy vopros v Sibiri XVII v. [Women's issue in Siberia of the 17th century]. *Istoricheskiy vestnik*. 41(7). pp. 195–207.

13. Sherstova, L.I. (2019) Russian movement beyond the Urals: ethno-cultural transformations of the ethnos in the 17th – 19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 58. pp. 170–177. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/58/24
14. Vakhtin, N.B. (2004) *Russkie starozhily Sibiri: Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniya* [Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-awareness]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
15. Gentes, A. (2011) “Completely useless”: exiling the disabled to tsarist Siberia. *Sibirica*. 10(2). pp. 26–49. DOI:10.3167/sib.2011.100202
16. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 91. List 2. File 691. L. 105.
17. Weiss, C. (2006) Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire. *Sibirica*. 5(1). pp. 141–155. DOI: 10.1080/13617360500150194

Н.В. Трубникова

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕРНАНА БРОДЕЛЯ

В статье сформирован профиль современных обращений западной исторической мысли к интеллектуальной биографии выдающегося французского историка Фернана Броделя. Автор выявляет основные исследовательские ракурсы, в рамках которых наследие основоположника «глобальной истории» оказалось востребованным в XXI в. Первый из них вызван фрагментацией проблемного поля и избыточной специализацией «ремесла историка», в то время как Бродель выступал блестящим организатором междисциплинарных инициатив при главенстве истории.

Ключевые слова: Фернан Бродель; движение «Анналов»; структуралистский вызов; глобальная история; региональная история; колониальный дискурс; россиеведение.

Значение трудов Фернана Броделя для развития современных историографических практик сложно переоценить. Его легендарное наследие и вехи жизненного пути уже сформировали в историографическом пространстве современного мира своего рода «место памяти». Разные грани его профессионального опыта как создателя институциональной сети, аффилированной с движением «Анналов» [1]; тонкого дипломата, умело балансирующего между форпостами биполярного мира; идейного вдохновителя, сумевшего сохранить за историей центральное место среди социальных наук через концепцию «longue durée»; наконец, исследователя региональных и глобальных социально-экономических процессов ныне проявляют себя в различных интеллектуальных контекстах.

С точки зрения постулируемого последние тридцать лет «кризиса истории» и ослабления общественного призвания истории на фоне развития других наук особенно показательной является победа Фернана Броделя в труднейшей междисциплинарной дискуссии, получившей во французской историографии название «структуралистский вызов». В середине XX столетия, структурализм, истоки которого коренятся в творчестве лингвиста Ф. де Соссюра, был воспринят всеми гуманитарными науками: антропологией (К. Леви-Стросс), литературной теорией (Р. Барт), психоанализом (Ж. Лакан) [2]. Подход, базирующийся на синхронистической логике, вне всякой попытки локально-исторического измерения, который практиковали самые известные исследователи современности, имел перспективу вытеснить историческую дисциплину как «устаревшую» на обочину социальных наук.

На рубеже 1950–1960-х гг. главенство истории среди социальных наук оспорил Клод Леви-Стросс, намеревавшийся в рамках своей структуралистской программы – обобщенной семиологии – осуществить синтез всех гуманитарных наук. Еще в 1949 г. он, во многом повторяя уже звучавшие ранее критические аргументы против истории, вновь поднял вопрос о лимитах

и назначении исторического метода [3]. Историк, по мнению автора, изучает сущностный уровень реального мира, однако его погруженность в сугубо эмпирические обстоятельства делает его неспособным к моделированию. Он не имеет доступа к тем глубинным структурам общества, для которых диахроническое измерение истории почти не имеет значения. Историк обречен жить в непрозрачности бесформенного описания, в хаосе случайного совпадения, и только антрополог (этнолог) может распознать глубинную бессознательную основу социальных практик.

Таким образом, история и этнология, в интерпретации К. Леви-Стросса, близки по своим институциональным позициям, предмету и методам. Но их разделяет эмпиризм истории, с одной стороны, и концептуальность этнологии – с другой. «История организует свои данные по отношению к сознательным формам, этнология – по отношению к бессознательным условиям социальной жизни» [4]. Таким образом, только этнология, или структурная антропология, имеет доступ к бессознательному уровню человеческого общества и проникает в пограничные сферы ментального универсума.

С годами Леви-Стросс сделался еще более суровым по отношению к истории, которую он представляет только как выражение мифа в книге «Первобытное мышление» 1962 г. Он обличает увлечение экзистенциальной философией историей как попытку восстановить иллюзию преходящего и пристрастного: любая история может быть только частичной и не владеет искусством перехода к сколько-нибудь значимому синтезу. «Ее так называемое историческое постоянство обеспечено только посредством неверных следов» [5].

Со стороны историков вызов принял Фернан Бродель, противопоставив Леви-Строссу обновленное идейное наследие первых «Анналов». Он вывел стратегию истории как объединительницы гуманитарных наук на еще более высокий уровень притязаний, адаптируя свою программу к единому междисциплинарному [6], если не сказать, адисциплинарному, проекту.

Анализируя общий подъем конкурентных социальных наук, Бродель постулировал необходимость открывать границы между дисциплинами, разбивать стены, созданные каждой из них, выступал сторонником свободного обмена идеями при объединяющей и главенствующей роли истории. Осознавая потенциал интеллектуальной экспансии новых научных специализаций, в своей первой лекции 1950 г. в Коллеж де Франс он произнес: «Мы присутствовали при рождении, возрождении и расцвете, в течение 50 лет, серии империалистических гуманитарных наук» [7. Р. 31].

Бродель был искренне убежден в необходимости защищать идентичность исторической науки перед лицом эфемерных рождений и возрождений юной поросли других гуманитарных наук и преемственность традиции «Анналов» внутри самой дисциплины. По отношению к внешним наукам дискурс Броделя остался двойственным: с одной стороны, необходимо сохранять доминирующую позицию истории перед лицом возобновляющихся претензий на лидерство, с другой – «приручить» этих амбициозных соседей. И потому он утверждал единство этих наук о человеке: так, согласно его выражению, «социология и история есть одно и то же приключение духа». Одновременно Бродель обличал теоретические слабости той же социологии, иногда слишком открыто восстававшей против господства историков.

Институты «Анналов» (VI секция Высшей практической школы, позднее – Высшая школа исследований по социальным наукам, и Дом наук о человеке) стали для Броделя решающим инструментом в более широком процессе поглощения социальных наук историей. «Нужно хорошо понимать, в чем состоит урок “Анналов”, школы “Анналов”... Это то, что все гуманитарные науки инкорпорированы в историю и становятся вспомогательными науками» [8. Р. 222], – признавал сам Бродель в последнем интервью 1985 г. По выражению М. Ферро, он рассматривал движение «Анналов» и его попутчиков «...как единственных, делающих научную, экспериментальную историю, способную объяснять неидеологические феномены», и вел самую бескомпромиссную борьбу против всех остальных... Он вел войну против всех других форм истории, шла ли речь о католических историках, имеющих посты в “Сьянс По” (Национальный фонд политических наук), шла ли речь об историках нации, которые располагались в Сорбонне... и т.д.». По мнению соратников, эта война была скорее сродни военному походу, чем соревнованию идей, поскольку Бродель «...завоевывал территории... Он говорил: “Мы завоевали университет Страсбурга”, “Мы хозяева в Буэнос-Айресе”, “Романо объединит Латинскую Америку”, “Мы стойко держимся в Центральной Европе и особенно в Польше, которая является нашей основной базой, так же как и Италия; в России – я поеду, посмотрю, как там все происходит”» [9. Р. 81].

Ясный ответ на вызов, брошенный Клодом Леви-Строссом, был дан Фернаном Броделем в статье-

манифесте «История и социальные науки: большая длительность», которая появилась в «Анналах» в 1958 г. [10]. В течение этого года, как утверждал сам Бродель, он вел долгие дискуссии с Леви-Строссом, к которому испытывал большой пиетет. Он мог указывать на «ошибки» социологам, но избегал полемизировать напрямую с Леви-Строссом, несмотря на ситуацию еще более упорной теоретической конкуренции.

В статье он сначала упомянул о несомненных достижениях соперника, который смог расшифровать тайный язык элементарных структур родства, мифа, экономических обменов. Бродель осознавал привлекательность антропологического дискурса, обладающего, как и история, свойствами обобщения. При этом антропология опиралась на математические методы, на моделирование, иллюстрируя новые возможности доступа к социальному бессознательному и, в перспективе, была способна завоевать на поле социальных наук решающее превосходство.

Бродель парировал это вызов, обновляя и усваивая достижения структурной антропологии, через теоретическое обоснование множественности режимов исторического времени. Программе Леви-Стросса он противопоставил главное оружие историка – время, но не в банальной связке события и его датировки, а в понятии «большой длительности», которое охватывает собой все, что можно помыслить в истории человечества, вплоть до геологических структур ландшафта. Именно вокруг «longue durée» он предложил произвести реорганизацию всех социальных наук. Любое явление может быть установлено, только пройдя проверку «долгим временем», и поскольку хронология осталась главным параметром исследования, историк сохраняет здесь свое первенство. Бродель представляет конституирование больших длительностей как «коперниканскую революцию» в исторической дисциплине, которая должна позволить всем наукам о человеке «говорить на одном языке».

Одновременно «короткое» время индивида и единичного события он оценивает в критическом контексте, употребленном когда-то Франсуа Симианом, и снова подтверждает его малое значение для междисциплинарных гуманитарных изысканий. Социальные науки имеют только две возможности вырваться из-под контроля истории, согласно Броделю. Первая возможность – это «внутри-временная» перспектива, которая ограничивается пространством новостей, «сверхкороткого времени», вырезанного из всякого длительного контекста. Это и есть случай социологии, задачи которой слишком ограничены, чтобы беспокоить историка. Вторая возможность – это «надвременное» пространство, которое является предметом структуралистских исследований «слишком длительных», «космически» значимых образований.

Бродель позаимствовал у Леви-Стросса понятие структуры, но наделил его несколько иным смыслом. В броделевском дискурсе структура – это остов, архи-

текстура, монтаж определенной целостности, всегда вписанный в конкретную реальность и наблюдаемый. Единственный способ обнаружить структуры в истории – это измерить их длительность. В этом намерении наблюдать и описывать его концепция остается верной традиционной историографии.

Примером такого исследования служила диссертация Броделя, в которой научно наблюдаемые структуры Средиземноморья представлены как сумма всех сетей отношений, дорог, трафиков, совокупность движений, которые оживляют пространство. Предприятие Броделя «открыло двери» для каждой отрасли социального знания; он стремился найти применение каждому в этой большой лаборатории гуманитарных наук. Такая унификация исследовательского поля должна была превзойти все расхождения и границы, располагая в центре историков как специалистов «по длительностям».

В период так называемого пространственного поворота, отметившего пути развития современной западной историографии в 2000-х гг., исследователи все чаще предпочитают широкие транснациональные обобщения и глобальные пространства, объединенные единой историко-географической перспективой, и все чаще упоминается в этой связи имя выдающегося французского историка. Новой популяризации Броделя в немалой степени способствовал «мир-системный» подход Иммануила Валлерстайна, который, синкретически сочетая принципы марксизма, теории зависимости и опыт «вторых Анналов», позволил на основе понятия «миров-экономик», ключевого для анализа динамики капиталистических отношений, сформировать собственный междисциплинарный вектор, объясняющий процессы глобализации [11].

В англо-американской историографии имя Фернана Броделя также вспоминается ныне в связи со стремлением повысить социальный статус академической истории, которая утрачивает связь со сферой публичной политики под наплывом интерпретаций множественной и многослойной «исторической памяти», представленной разноречивыми и не всегда бескорыстными представлениями различных гражданских групп, которые ищут в прошлом какие-то «точки опоры». Новые представления об эвристическом ресурсе «времени большой длительности», когда-то изобретенном Броделем, поддерживаются не только в связи с его потенциалом для создания глобальных макроисторических панорам, но и по техническим причинам: новые компьютерные программы и утилиты, необъятные базы данных, выражаемых понятием «Big Data», дают невозможные ранее возможности для обработки текстов, изображений и создания фактологических серий принципиально иного макроуровня. Мировые процессы, катаклизмы, кризисы и глобальные идеологические повороты получают иные исследовательские ракурсы, более привлекательные для многих молодых исследователей, чем прежние локальные, микроисторические

направления. «Эти работы, конечно, вносят свой камешек в основу знания, но они не предлагают ни поворота, чтобы заинтересовать остальную часть дисциплины, ни оправдания своей целесообразности для широкой публики», – сетуют авторы статьи с красноречивым заголовком «Возвращение “больших длительностей”»: англо-американская перспектива» Д. Эрмтейдж и Й. Гулди [12. Р. 291], опубликованной в «Анналах» в 2015 г. В этой публикации американские ученые показывают границы объективной проблемы измельчения проблемного поля американской исторической науки после Фернана Броделя, а также отсутствие интереса у последующего поколения историков к созданию обобщающих трудов и педагогике. Триумф истории «короткого времени» создал почти самодостаточный культ профессионализма, в котором почти перестало выражать себя социальное измерение «ремесла историка». Неизбежным следствием этой самоизоляции в «башне из слоновой кости» стала утрата связи с публичным пространством, которое стремительно заполнили более интегрированные в него социальные науки. Междисциплинарная конкуренция, когда-то блестяще поддержанная Фернаном Броделем на основании того, что все социальные структуры могут быть обнаружены только в историческом времени, в этом раунде была проиграна.

Специфическая модель профессионализации, основанной на исследовании микроперспектив прошлого, привела к беспрецедентной маргинализации историка. «Историки становились все более и более отрезанными от читателей-неспециалистов и дошли до того, чтобы говорить только между собой о все более и более узких сюжетах, изучаемых в рамках все более и более коротких периодов» [12. Р. 296]. Означает ли это, что во всех проблемах истории виновато нелюбимое Броделем «короткое время»? Авторы фактически отвечают утвердительно на этот вопрос, проясняя характерные черты личного и профессионального опыта поколения историков, пережившего интеллектуальный «переход» рубежа 1960–1970-х гг. от изучения структур долгого времени к микросюжетам. Это изменение было продиктовано и самим духом политического времени, подъема разнородных социальных движений, восставших против коррумпированного мира «взрослых», который ассоциировался как раз со сложившимися репрессивными и устойчивыми во времени структурами социально-политического порядка, от института семьи до несправедливого мироустройства в целом.

Для мира историков это чрезвычайное сужение и заострение проблематики на сфере культурного означало в самом скором времени существенный отрыв от реальности. «Работа... в архиве стала чем-то вроде ритуального допуска к возрасту взрослости у историка, одним из принципиальных признаков, через которые могла прочитываться методологическая серьезность,

теоретическая культура, историографическое знание и знакомство с документами» [Ibid.]. Американские историки замкнулись в своей «башне из слоновой кости», фактически утратив связь с обществом. Европейские историографические практики, имеющие более выраженный интерес к социальному профилю «ремесла историка», оказались затоплены современным доминированием англо-американской историографии. Американцы восприимчивы», в первую очередь, к проблематике «longue durée» благодаря возможностям современных технологий обработки исторических данных в большом масштабе. Однако возможности предложенного «вторыми Анналами» метода значительно богаче: Бродель наделял большие длительности двойным смыслом – оценить «медленную» историю, ее трансформации и очаги сопротивления, ее циклические повторы и зигзаги, феномен человеческих сообществ в их собственном ритме и постоянстве. Этот подход не только дает возможность экспериментировать с различными темпоральностями и локально-историческими масштабами, через историчность социальных фактов он по-прежнему имеет как потенциал объединения разрозненного сообщества историков, так и программный горизонт сотрудничества со всеми социальными науками, лучше укорененными в опыте настоящего, и в действительности не имеет причин для отвлеченного противопоставления макро- и микроисторических сюжетов и не исключает других подходов к историческому прошлому.

Иной по смыслу перспективой применения интеллектуального наследия Фернана Броделя является его программа «культурных ареалов» (area studies), воплощение которой потребовало не только создания «сильной» исследовательской программы, понятной носителям разных региональных академических культур, но и незаурядного таланта дипломата. В качестве научной программы метод описания Средиземноморья как сложной и многослойной системы циркуляции явлений самого разного порядка естественно совпал с современными представлениями о едином мире, поделенном в соответствии со спецификой природно-климатических условий, хозяйственной деятельности, социокультурной и этнической среды на автономные единицы анализа, соотносимые с «мирами-экономиками», на основе которых выстраиваются многие (хотя и не все) направления как современных регионоведческих изысканий, так и транснациональной, или глобальной, истории.

Эта перспектива анализа востребована по отношению к странам Восточной и Южной Азии [13], Латинской Америки, а с недавних пор выделяется в качестве особого исследовательского русла и в российских, советских и постсоветских исследованиях.

Однако усилению региональных перспектив в истории предшествовали «экстранаучные» обстоятельства: долгий процесс международной коммуникации, выстраиваемый Броделем, в центре которого располагались Соединенные Штаты Америки. По сути, именно

опыт и финансовые ресурсы США стали основным источником социального динамизма в Европе, включая не только инвестиции по «плану Маршалла», но также моду на все «американское», включая методы и технологии исследования американских социальных наук. Рентабельность, рациональность, прагматизм становились целями французских социальных наук, желающих достигнуть в общественном строительстве американской эффективности. Социология, психология и менеджмент сделали неотъемлемыми частями политики европейской модернизации, в первую очередь, в мире труда. Вполне очевидно, что социальные науки были лучше, чем история, ориентированы, чтобы ответить на подобный социальный заказ. Фернан Бродель, олицетворявший деятельность «вторых Анналов» в процессе развития отношений с американскими спонсорами (сначала – Фондом Рокфеллера, затем – Фондом Форда), проявил себя как незаурядный предприниматель и настоящий дипломат, «...он смог установить научное предприятие, целью которого было встраивание доминирующих интернациональных моделей во французскую систему...» [14. Р. 22].

Однако этот процесс имел заинтересованность и противоположной стороны: из-за комплекса причин, связанных с холодной войной, но также из-за кризиса прежних концепций американской идентичности и внешней политики начиная с 1960-х гг. крупные американские фонды по-новому формулировали свои программы влияния в Европе. Они все больше адаптировались к специфике европейской культуры и институтов, развивая отношения кооперации, а не колонизации, что, в частности, воплощалось в программе исследования «культурных ареалов», поддержанной политиками. Ее целью было усиление «евроатлантической оси», основанной на общей, стабильной и автономной (по отношению к советской континентальной мощи) Европе. Эти геополитические задачи требовали ускоренного выравнивания «культурных асимметрий», усиления атлантических международных связей национальных элит. Фернан Бродель оказался в этом отношении исключительно деятельным, позволив французскому интеллектуальному полюсу значительно увеличить свою аудиторию за границей. Работы VI секции Высшей практической школы – первого института «Анналов» – распространялись благодаря сети отношений, все более прочной и разветвленной как в провинции, так и за границей, прежде всего, в странах Средиземноморья, но также в советской Польше, где будут в 1957–1958 гг. организованы два коллоквиума, в Северной и Южной Америках.

Положение Броделя как организатора новых форм интеллектуального сотрудничества было, в действительности, непростым, вынуждающим к политическому лавированию. В 1950-х гг. в фазе обострения холодной войны американцы тщательно отслеживали, чтобы их финансовая помощь не оказалась в руках коммунистов. Во Франции той эпохи удовлетворить такое же

ление спонсоров было трудно, потому что коммунистические идеологии самого разного толка были чрезвычайно популярны, многие интеллектуалы демонстрировали свою приверженность марксизму, и стратегически было очень важно сберечь в глазах подрастающего поколения репутацию политически свободного учреждения. Идеологически демонстративно нейтральный Бродель обещал американским партнерам, что случайное участие коммунистов в исследованиях никак не скажется на идеологической ориентации учреждения, и фонд Рокфеллера продолжал выделять VI секции средства. Однако при этом в 1955 г. Люсьен Февр был официально уведомлен, что условия финансирования будут пересмотрены, если Бродель вдруг решится покинуть институт [15. Р. 130]. Маневрируя, но все же не идя на поводу у грантодателей, Бродель сумел сохранить в составе сотрудников секции специалистов, придерживающихся марксизма.

В 1956 г., после поездки в США Бродель предложил новый проект исследований, опирающийся на «area studies» американских университетов – междисциплинарную инициативу, сочетающую методы истории, экономики и социологии. Ф. Бродель полагал, что американские исследователи не смогут реализовать идею «культурных ареалов» так, как она того заслуживает, поскольку, повинаясь прагматической перспективе сегодняшнего дня, они оставляют за кадром исследования три фундаментальных параметра – философию, историю и географию, и предложил создать «пилотный проект» на базе своего института. Переговоры о финансировании с фондом Рокфеллера длились почти год, американцы отказались финансировать исследования ученых-марксистов, в результате чего последние были переведены в другую часть бюджета, формируемую Министерством национального просвещения Франции. Проект имел успех, и VI секция продолжала расширяться [16. Р. 22]. Репутация Броделя, способного привлекать спонсоров и сотрудников самых разных идейных ориентаций, в академическом социуме оставалась уникальной и вызывала критику политически ангажированного истеблишмента: критикуемый «слева» Коммунистической партией Франции за пособничество американскому империализму, Бродель представлялся революционным возмутителем академического спокойствия коллегам «справа», привязанным к концепции традиционной истории.

Именно в этот период экспансии VI секции Высшей практической школы был создан в 1959 г. журнал «Cahiers de Monde Russe et Soviétique» (Тетради русского и советского мира), горячо приветствуемый Фернаном Броделем: «Это предприятие... является, прежде всего, доказательством дружбы и интереса по отношению к многочисленному народу, находящемуся в схватке с судьбой и необъятными задачами. ...Беседы, встречи, плодотворные, умные и свободные, от человека к человеку, между Западом и Востоком, сложившиеся в Париже в последние годы, продолжатся.

...Политика – одно дело, наука – совсем другое. Одна – разделяет, другая – объединяет. Только последняя нас интересует и нас всецело занимает» [17].

История России не была предметом специального интереса Фернана Броделя, однако, создавая глобальные синтезы прошлого, Бродель-исследователь не обходил ее своим вниманием наряду с другими региональными перспективами. Так, в третьем томе грандиозного труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм 15–18 веков: Время мира» [18], как и в книге «Грамматика цивилизаций» [19], Фернан Бродель утверждает образ России как «мира-экономики в себе самой», несмотря на то что она постоянно и издревле поддерживает контакты со всеми цивилизациями Евразии. Имея ясное славянское происхождение и сохранив свою культурную традицию, предки современных русских сформировали сначала «малороссийскую цивилизацию» с центрами в Киеве и Новгороде, затем в XVI–XIX вв. построили «Великороссию» – империю, которая интегрировала в сферу своего влияния значительные регионы Европы и Азии, объединяя в рамках так называемого русского мира огромные, в основном малозаселенные пространства. В двадцатом веке советская империя воссоединит большую часть этих пространств, формируя основы собственного варианта континентальной евразийской идентичности.

Опыт изучения Броделем пространства славянского и русского мира как отдельной цивилизации востребован современной французской историографией с точки зрения трех основных ракурсов.

В перспективе исследований Софи Кёре [20] новый пространственный взгляд Броделя на характер развития славянской и российской цивилизации и связанного с ней мира-экономики остался недооцененным из той политической асимметрии, которая характеризовала трудный диалог французской и советской историографии. Долгое время, вплоть до окончания Второй мировой войны, российская история изучалась во Франции как неотъемлемая часть славянской литературы и языка. Французская интеллектуальная среда стояла на позициях академического нейтралитета, однако жесткие политические принуждения межвоенной эпохи и периода холодной войны, затрудняли научную коммуникацию и закрыли доступ к советским архивам и научным публикациям. Поэтому значительный интерес, который испытывали к Советскому Союзу исследователи, близкие ориентациям «Анналов», так и не был в полной мере удовлетворен.

Став фактическим лидером школы «вторых Анналов» и устроителем двух основных институтов движения во второй половине 1950-х гг., Бродель, вслед за де Голлем придерживается стратегии «третьего пути», целью которой было сделать Францию лидером независимой континентальной европейской мысли, идущей «посередине» между англоамериканским и советским вариантами биполярной идеологической гегемонии. Известный историк проявил себя тонким дипломатом,

разрабатывая системы вовлечения в исследовательские программы ученых Центральной и Восточной Европы, СССР, в то же время умудряясь получать гранты от американских фондов.

Для французской славистики это означало отсутствие жестких идеологических принуждений, в которых существовала американская советология. В эпоху разрядки 1970-х французские историки благодаря Броделю и Клеменсу Хеллеру смогли изучать социальную историю славянского мира более обособленно от традиционных практик славистики, ориентированной, прежде всего, на филологию. Начинаются сначала спорадические интеллектуальные обмены в виде дискуссий, переводов, поездок.

Как уже было сказано выше, политическая эквилибристика Фернана Броделя и как ученого, и как администратора, стремившегося пройти по тонкой грани между крайностями биполярного мира, снискала много критики с обеих сторон. Для правых он нередко выглядел «скрытым марксистом», для левых – буржуазным потребителем «американских миллионов» (в действительности дотации частных фондов были довольно скромными). Новизна подхода Броделя в пространственном анализе, выходящая далеко за рамки традиционной дихотомии Восток–Запад, как и гибкое использование им понятия «цивилизация», на взгляд Софи Кёре, осталась недооцененной в силу политических обстоятельств рассматриваемого периода.

Другой вектор рассуждений об интерпретациях славянского мира у Броделя связан с утверждением современного постколониального дискурса. Кароль Рейно Палиго [21] задается вопросом: были ли Бродель и шире – «Анналы», носителями колониальной культуры? Создание журнала и его идейно-тематического ядра совпало с апогеем французского колониализма, торжеством идей расовой инаковости и расовой психологии. «Анналы» уделяли большое внимание колониальной политике современности, Бродель провел в Алжире молодые годы и был женат на дочери французского колониста. Февр в своих критических рецензиях на научные монографии восхищается успехами колониального режима по преобразованию ландшафтных сред Северной Африки; одобрение разных прогрессивных преобразований в колониях, восприятие «как очевидных» фильтров физиологических и интеллектуальных различий черных и белых демонстрируют и другие авторы, пишущие в

«Анналах». Творчество Броделя также дает множество примеров приверженности французскому имперскому дискурсу. В книге «Грамматика цивилизаций» он исключительно позитивно оценивает роль французского колониального присутствия. При всем том Бродель не препятствовал найму на работу в институты «Анналов» людей с активной антиколониальной позицией.

В своих трудах Ф. Бродель рассматривает дихотомию Восток–Запад исключительно в терминах противостояния, вражды, разрыва, этнической психологии, поскольку представляет цивилизации как неизменные сущности, уходящие корнями в далекое прошлое, как противоборствующие блоки и разнящиеся мировоззрения, сформированные самим образом жизни. С этой точки зрения представления Броделя о российской цивилизации как «неевропейской» или «пограничной» явно отмечены культурой европоцентризма, чья система понятий, ограниченная рамкой своего локального опыта, была пересмотрена и опровергнута в современных постколониальных исследованиях.

Наконец, третий фокус рассуждений Броделя о российской истории востребован в современной дискуссии о сроках и обстоятельствах вступления страны на путь модернизации. Если доминирующая точка зрения по-прежнему связывает начало реформ в России с именем Петра Первого, то, к примеру, Стефан Тройбст [22] предлагает подлинной «точкой отсчета» считать 1667 г., который объединил соглашение с Польшей, сделавшее Россию форпостом борьбы христиан против Османской империи, унификацию церкви с последующим преследованием старообрядцев и восстание Степана Разина. Влияние исследовательской техники Броделя проявляется и во внимании, которое авторы уделяют экономической динамике России, проявлявшейся еще в XVII в. в развитии торговых связей между Востоком и Западом.

Таким образом, методологические подходы Фернана Броделя, применяемые им институциональные стратегии развития «ремесла историка» предлагают широко «вариабельную геометрию» научных и организационных устремлений. Эта гамма возможностей рассматривается многими современными историками (и практиками некоторых других смежных дисциплин) в качестве перспективы преодоления атомизации проблемного поля и интеграции исследовательских усилий как внутри дисциплины, так и в междисциплинарных проектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубникова Н.В. Историческое движение «Анналов». Институциональные основы (традиции и новации) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007.
2. Dosse F. Histoire du structuralisme. Paris : La Découverte, 1991–1992. 2 t.
3. Levi-Strauss C. Histoire et ethnologie // Revue de Métaphysique et de Morale. 1949. № 3–4. P. 363–391.
4. Levi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris, Plon, 1958. P. 9–39 (рус. перевод: Леви-Строс К. Структурная антропология. М. : Эксмо-Пресс, 2001).
5. Levi-Strauss C. La pensée sauvage. Paris : Plon, 1962. P. 345 (Леви-Строс К. Первобытное мышление. М. : Республика, 1994).
6. Hexter J. F. Braudel and the monde braudélien // Journal of Modern History. 1972. № 4. P. 499.
7. Braudel F. Ecrits sur l'histoire. Paris : Flammarion, 1969.

8. Braudel F. Une leçon d'histoire, Châteaunvallon. Paris : Arthaud-Flammarion, 1986.
9. Le témoignage de Marc Ferro sur Fernand Braudel. Recueilli par Jean Sagnes // Carmignani P. (dir.) Autour de F. Braudel. Perpignan : Presses Universitaires de Perpignan, 2002. P. 77–81.
10. Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue durée // *Annales ESC*. 1958. № XIII. P. 725–753.
11. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001.
12. Armitage D., Guldi J. Le retour de la longue durée : une perspective anglo-américaine // *Annales HSS*. 2015. Avril–Juin. № 2. P. 289–318.
13. Трубникова Н.В. Регионы Азии и метод Фернана Броделя // *Известия Томского политехнического университета*. 2002. Т. 305. Тематический выпуск № 7 «Сибирь в евразийском пространстве». С. 175–185.
14. Gemelli G. Fernand Braudel. Paris : Ed. Odile Jacob, 1995.
15. Mazon B. Aux origines de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales: le rôle du mécénat américain: 1920–1960. Paris : Cerf, 1988.
16. Revel J., Wachtel N. (éd.) Une école pour les sciences sociales. Paris : Ed. Cerf-Ed. de l'EHESS, 1996.
17. Braudel F. Éditorial // *Cahiers du Monde Russe*. 1959. 1-1. P. 5–6.
18. Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme. Paris : Armand Colin, 1979. 3 tomes (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм 15–18 вв. : в 3 т. М. : Прогресс, 1986–1992).
19. Braudel F. La Grammaire des civilisations. Paris : Flammarion, 1987. 606 p. (1 éd. 1963) (Бродель Ф. Грамматика цивилизации. М. : Весь мир, 2008. 502 с.).
20. Coeuré S. Économie-monde et civilisation russe selon Fernand Braudel. Un dialogue entre historiens français et soviétiques // *Revue de Synthèse*. 2018. № 1-2. Т. 139. 7 série. P. 9–37.
21. Reynaud Paligot C. *Les Annales* de Lucien Febvre à Fernand Braudel: Entre épopée coloniale et opposition Orient/Occident // *French historical Studies*. 2009. № 32 (1). P. 121–144.
22. Troebst S. 1667 – A Threshold Year? Debating the 'Breakthrough of the Modern Age' in Muscovite Russia // *Revue de Synthèse*. 2018. № 1-2. Tome 139. 7 série. P. 38–57.

Nataliya V. Trubnikova. National Research Tomsk Polytechnic University, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: roub@mail.ru

HISTORIOGRAPHIC REPRESENTATIONS OF FERNAND BRAUDEL'S INTELLECTUAL HERITAGE

Keywords: Fernand Braudel; “*Annales*” movement; “structuralist challenge”; global history; regional history; colonial discourse; Russian Studies.

The *purpose* of the article is to characterize the main representations of Fernand Braudel's intellectual heritage revealed in modern historiographic studies. The *specific objectives* of the study are to determine the main ideological vectors of these appeals: to the historical studies of Braudel; to his experience as an organizer of an institutional network affiliated with the *Annales* movement; the role of Braudel in organizing international academic cooperation while maintaining the predominant role of history; the contemporary perception of Braudel's methodological oeuvre within the framework of his multiple regimes temporalities “cultural areas” concepts.

Sources and research materials applied in the article are represented by the works of Fernand Braudel himself and a number of his contemporaries, as well as scientific articles and monographs in French, English and Russian languages of the 1988–2018 years edition, resorting to his intellectual biography in different contexts.

The *methodological basis* of the article are the problem-chronological and metahistorical approaches.

Thus, the article forms the profile of Western historical thought modern appeals to the intellectual biography of the outstanding French historian Fernand Braudel. The author identifies the main research angles, within which the heritage of the founder of “global history” remains on high demand in the XXI century. The first of them is caused by the fragmentation of the problem field and the excessive specialization of historical scholarship while Braudel acted as a brilliant organizer of interdisciplinary initiatives under the leadership of history. *Main conclusions:*

1. The experience of Fernand Braudel as the organizer of the most successful institutional network in social sciences under the guidance of historians is of new interest in the era of the “crisis”, when history loses the intradisciplinary unity and social dimension of the “historian's craft”.
2. A new heuristic potential is found in Fernand Braudel's “global history” project, a logical continuation of which is now declaring both the world-system approach of I. Wallerstein and transnational research initiatives. New possibilities of “Big Data” technologies open up truly boundless prospects for the “long durée” history.
3. The researchers interest to his project of “Area Studies” and to the circumstances of its implementation in academic practice as surely as to the subsequent flowering of regional and cross-cultural history, inspired by its methodology passes through modern publications as an independent perspective.
4. A relatively new issue that has arisen under the influence of modern postcolonial studies is the topic of colonial discourse in the *Annales*, and its manifestations in relation to non-European regions of the world, including Russia as a “world-economy in itself”.

REFERENCES

1. Trubnikova, N.V. (2007) *Istoricheskoe dvizhenie “Annalov”. Institutional'nye osnovy (traditsii i novatsii)* [Historical movement “Annals”. Institutional foundations (traditions and innovations)]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
2. Dosse, F. (1991–1992) *Histoire du structuralisme*. Paris: La Découverte.
3. Levi-Strauss, C. (1949) Histoire et ethnologie. *Revue de Métaphysique et de Morale*. 3-4. pp. 363–391.
4. Levi-Strauss, C. (1958) *Anthropologie structurale*. Paris: Plon. pp. 9–39.
5. Levi-Strauss, C. (1962) *La pensée sauvage*. Paris: Plon.
6. Hexter, J. (1972) F. Braudel and the monde braudélien. *Journal of Modern History*. 4. p. 499.
7. Braudel, F. (1986) *Ecrits sur l'histoire*. Paris: Flammarion.
9. Sagnes, J. (2002) Le témoignage de Marc Ferro sur Fernand Braudel. In: Carmignani, P. (ed.) *Autour de F. Braudel*. Perpignan: Presses Universitaires de Perpignan. pp. 77–81.
10. Braudel, F. (1958) Histoire et sciences sociales: la longue durée. *Annales ESC*. 13. pp. 725–753.
11. Wallerstein, I. (2001) *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Translated from English. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
12. Armitage, D. & Guldi, J. (2015) Le retour de la longue durée : une perspective anglo-américaine. *Annales HSS*. 2. pp. 289–318.
13. Trubnikova, N.V. (2002) Regiony Azii i metod Fernana Brodelya [Asian Regions and the Fernand Braudel Method]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 305(7). pp. 175–185
14. Gemelli, G. (1995) *Fernand Braudel*. Paris: Ed. Odile Jacob.

15. Mazon, B. (1988) *Aux origines de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales: le role du mécénat american: 1920–1960*. Paris: Cerf.
16. Revel, J. & Wachtel, N. (éds) (1959) *Une école pour les sciences sociales*. Paris: Ed. Cerf-Ed. de l'EHESS.
17. Braudel, F. (1959) Éditorial. *Cahiers du Monde Russe*. 1-1. pp. 5–6.
18. Braudel, F. (1986) *Civilisation matérielle, économie et capitalisme*. Paris: Armand Colin.
19. Braudel, F. (2008) *La Grammaire des civilisations*. Paris: Flammarion.
20. Coeuré, S. (2008) Économie-monde et civilisation russe selon Fernand Braudel. Un dialogue entre historiens français et soviétiques. *Revue de Synthèse*. 1-2(139). pp. 9–37.
21. Reynaud Paligot, S. (2009) Les Annales de Lucien Febvre à Fernand Braudel: Entre épopée coloniale et opposition Orient/Occident. *French Historical Studies*. 32(1). pp. 121–144.
22. Troebst, S. (2018) 1667 – A Threshold Year? Debating the 'Breakthrough of the Modern Age' in Muscovite Russia. *Revue de Synthèse*. 1-2(139). pp. 38–57.

УДК 930.85
DOI: 10.17223/19988613/63/21

К.С. Шаров

СОЗДАНИЕ ПОГРАНИЧНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА В ИКОНОГРАФИИ СВЯТЫХ ГЕОРГИЯ И ХРИСТОФОРА КАК ОСОБЫЙ ТИП МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВЕДИ

На основе анализа истории иконописного изображения мучеников Георгия и Христофора исследована трансформация пограничных состояний христианского и языческого иконописных культурных кодов. Иконы, содержащие пограничные коды, были изначально написаны для размежевания христианских и языческих смыслов. Однако со временем эти иконы стали интерпретироваться в языческо-христианском ключе. Показано, что пограничное состояние кода «свой – чужой» в данном случае неустойчиво и со временем превращается в новый аутопоэтический (самостоятельно сгенерированный) культурный код.

Ключевые слова: история иконописи; христианская гомилетика; металингвистическая проповедь; визуальная проповедь.

Введение. В христианской традиции издавна считалось, что икона – это не просто изображение Господа, Божьей Матери или святого, это еще и «проповедь в красках» – изображение, несущее гомилетическое, т.е. религиозно-проповедническое, лингвистическое мета-сообщение [1. С. 82]. В эпоху иконоборчества (VIII в.), когда в Византии многие видели в иконе только образ, подобный античным языческим образам, прп. Иоанн Дамаскин в своем сочинении «Три слова об иконопочитании» подчеркивал, что это неверно и что икона имеет дидактико-информативную и собственно визуальную (коммеморативную) функции [2. С. 70–71]. Сходным образом его современник свт. Герман, Патриарх Константинопольский, указывал, что церковная иконография зрительными средствами изображает то, что высказывает проповедническое слово [1. С. 84].

В тот же исторический период (VIII–IX вв.) получило широкое развитие написание так называемых дидактических икон, в которых с помощью визуальных средств зашифровывался целый исторический рассказ, богословский нарратив или гомилетическая тема [3. С. 11–12]. Эти иконы могут представлять собой достаточно большие по размеру и сложные по структуре художественные композиции, в которых определенным, чаще всего закодированным образом запечатлены не только истории из Ветхого и Нового Заветов и догматически-богословские положения христианской религии, но и мировоззрение христиан того времени, их миропонимание, отношение ко многим природным и социальным феноменам [4. С. 38]. Михаил Бахтин, исследуя древние произведения культуры, пришел к выводу, что один и тот же знак в статической семиотической системе и адресном высказывании становится разными сущностями (цит. по: [5. С. 35–36]). Поэтому часто знаки в дидактических или повествовательных иконах представляют собой более сложные семиотические объекты, чем те же самые знаки в обычных, «фотографических» иконах Христа, Божьей Матери или святых [6. С. 17].

В данной статье мы будем рассматривать икону именно с дидактико-гомилетической стороны как визуальный образ, не только несущий метаязыковой слой смыслов в целях христианской проповеди, но и требующий знания необходимого культурного кода для дешифровки проповеди, записанной в иконе метаязыковыми средствами. Незнание такого кода обычно приводит к постмодернистскому отношению к истории иконописи, где деконструктивизм начинает подменять собой анализ сложной визуальной семиотики, а любой дилетант становится историком-иконографом [7]. Современному миру в целом характерно подобное отношение к любым классическим произведениям искусства – деконструкция без попыток понять культурный код, позволяющий адекватно прочесть посыл автора: по словам Т.Б. Сидневой, «понятие “дилетантизм” утратило негативный оттенок, и торжество некомпетентности в искусстве становится приметой времени» [8. С. 371]. Также данная исследовательница обращает внимание на сложность и противоречивость герменевтической ситуации в современной художественной культуре [9. С. 18]. При такой противоречивости, когда смысл начинает «распластываться» по многим объектам, а любая интерпретация произведения искусства считается возможной, как никогда ранее приобретает важность правильное понимание культурных кодов, обеспечивающих определенное прочтение произведения искусства в тот или иной исторический период [10. С. 142–143].

Для иконографии отказ от знания культурного кода может привести к совершенно неожиданным герменевтическим выводам. Например, в наши дни ряд исследователей утверждают, что многие иконы представляют собой картины высадки инопланетян на Землю, а nimбы вокруг ликов – это изображения шлемов скафандров пришельцев [11]. Здесь налицо несовпадение культурного кода иконописца и иконографа (исследователя иконописи) как шифра к пониманию иконописной проповеди.

Проанализируем несколько примеров из истории православной и католической иконописи IX–XVIII вв., а также европейской живописи, показательных в том, что изменение культурного кода приводит к изменению проповеди, связанной с иконическим образом, а также к ряду последствий для развития ситуации в церкви, в рамках которой произошло такое изменение. Мы сосредоточимся на истории иконографии великомученика Георгия и мученика Христофора, которые содержат пограничные культурные коды между христианским и языческим миропониманием, т.е. пограничные культурные коды «свой – чужой». В результате исследования планируется показать, что выработанный в такой метаязыковой гомилетике пограничный культурный код представляет собой не просто видоизмененное состояние кода на культурном водоразделе, отделяющее пространство христианских смыслов от смыслов языческих, но новый, вполне независимый, самостоятельно сгенерированный (аутопоэтический) код. В рамках христианской проповеди этот код впоследствии может трактоваться как особый визуально-гомилетический иконический тип и порождать неожиданные метаязыковые и языковые следствия в гомилетике. Иконография святых Георгия и Христофора удивительна тем, что языческие культурные коды введены в ней в пространство христианских икон. Новизна работы заключается в том, что впервые иконография святых Георгия и Христофора проанализирована с позиций визуальной семиотики для доказательства положения, что языческий культурный код может вводиться иконописцами в пространство иконы для гомилетических целей. Изначально такой иконографический прием преследовал проповедническую цель – икона становилась визуальной проповедью для язычников, которые должны были убедиться в величии Христа, повергшего идолов к своим стопам. Это могло склонить некоторых язычников к крещению и принятию христианства. Впоследствии данный прием утерял свое гомилетическое значение, однако сохранился как особый тип иконического изображения.

Икона (изображение) и тип культурного кода.

Для определения методологического поля исследования обратимся к концепции исторического культурного кода знаменитого французского мыслителя Ролана Барта. Примечательно, что ни в одной работе Барт не дает точного определения того, что же он понимает под историческим культурным кодом. Согласно нестрогой формулировке этого мыслителя, исторический культурный код – это «отголоски того, что уже было читано, видано, сделано, пережито, код – это след прошлого» [12. С. 39]. Клиффорд Гирц, говоря о репрезентации исторического культурного кода в произведении искусства, отмечает, что код являет собой особый тип переживания жизни [13. С. 33].

В своем сочинении «S/Z» Барт высказывает мысль о пятичленной структуре культурного кода. Так, культурный код, с его точки зрения, может быть герменев-

тическим, символическим, семным (семическим – от слова «сема» – наименьшая единица смысла в семантике), проайретическим (от гр. совершающий выбор, принимающий решение) и гномическим (от гр. гнома – поучение, морализация, образное сравнение, выражающее тот или иной жизненный принцип, своего рода афоризм житейской мудрости) [14. С. 42–45]. Суть этих типов культурного кода такова:

1. Герменевтический код указывает культурные рамки. Он определяет то пространство смыслов, в котором ставится вопрос или проблема, а впоследствии даются ответ или решение проблемы. Герменевтический культурный код, таким образом, очерчивает пространство всевозможных интерпретаций.

2. Символический код обрисовывает поле символов и ассоциаций, вызываемых этими символами, понимаемыми как знаки, риторические фигуры или концепты.

3. Семный (семический) код суммирует коннотативные означаемые текста или культурного феномена. Данный вид кода позволяет находить в тексте или метатексте скрытые образы и фигуры.

4. Проайретический код выстраивает логику исторического нарратива, повествования, заложенного в культурный феномен. Он определяет последовательность событий в диахроническом мире смыслов, выстроенном авторами (творцами) феномена.

5. Гномический код – это вид культурного кода, связанный с моралью – явной или скрытой, заложенной в культурный феномен. Поскольку на протяжении исторического развития человечества, а также от сообщества к сообществу нормы морали могут меняться, Барт полагает, что и гномический код, требуемый для правильного прочтения этических смыслов в произведении искусства, также будет меняться.

Таким образом, культурный код, дающий доступ к дидактике, гомилетическому поучению иконического образа, может быть разложен по этому пятичленному базису. При этом герменевтический и проайретические составляющие культурного кода иконы можно считать сюжетообразующими элементами визуальной гомилетики, в то время как символические, семные и гномические части этого кода образуют область коннотативных смыслов [15. С. 104–105], т.е. тот самый некий филологический и культурный ключ, без которого правильное понимание гомилетического посыла, заложенного в свое произведение иконописцем, становится невозможным.

Следуя бартовскому анализу образа [12. С. 297–318; 16. С. 50–51; 17. С. 44; 18. С. 111–115], можно установить, что любая икона – а особенно это касается дидактических икон – передает три вида проповеднических сообщений.

В своей работе «Риторика образа» Барт говорит, что первый вид – собственно лингвистический, это – непосредственно текстовое послание, заключенное в пространство иконы. Этот тип послания делится на три части. Первая часть соответствует подписи около изоб-

раженных фигур Иисуса, Богородицы или святого как идентифицирующий маркер. Вторая относится к непосредственному гомилетическому иконическому послылу и традиционно являет собой некоторую цитату из Евангелия. Так, на иконах Христа чаще всего в раскрытой книге, которую держит Спаситель, приводятся строки «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга», хотя могут быть и иные цитаты. Третья часть относится к дидактике иконы, поэтому неудивительно, что она присутствует в основном на дидактических иконах. Это может быть описание дней Творения, взятия Иерусалима, Страшного Суда или иных масштабных событий священной истории. В недидактических иконах функцию дидактики исполняет тропарь святому или празднику, помещаемый в самый низ иконического пространства. В собственно языковом типе сообщения гомилетика открыта, денотативна. Она не требует знания какого-либо культурного кода для понимания проповеднического послыла, и любой человек, умеющий читать, в большинстве случаев сможет понять мысль иконописца.

Совсем не так для визуальной гомилетики иконы, заключенной во втором и третьем типе сообщений, – ее правильная интерпретация становится невозможна без знания культурного кода.

Второй и третий виды сообщения в изображении Барт называет иконическими (от фр. образ). Оба этих вида сообщения заключены в образе и, таким образом, являются метаязыковыми. Главное различие между ними состоит в том, что второй тип визуального послания являет собой дискретный набор символов, а третий – аналогово-непрерывный [19. С. 84]. Третий вид послания становится особенно важен при анализе гомилетики икон праздников, на которых иконописец фиксирует одномоментное запечатление события (или нескольких событий), а второй – при анализе собственно дидактических икон, в которых особенно важна адекватная интерпретация *символов*.

Для понимания гомилетики этих двух типов визуального послания иконы нужны различные разновидности культурных кодов. В предыдущем параграфе мы вспомнили бартовское разложение культурного кода в пятисоставном базисе. Соотнесем это разложение с разными видами визуальной гомилетики. Очевидно, что денотативные виды культурного кода (герменевтический, проайретический) нужны для расшифровки континуально-аналогового образа иконы, тогда как коннотативные виды (символический, семный и гномический) требуются в качестве ключа для интерпретации дискретной (символической) гомилетической составляющей иконы.

Трактовать проповеднический посыл иконописца, безусловно, легче для аналогового, «фотографического» слоя визуальной гомилетики, чем для собственно символического, коннотативного слоя. На иконах праздников в едином визуальном пространстве иконы ее автор чаще всего размещает несколько связанных

между собой по смыслу, но разнящихся во времени событий. Тем не менее знание текстов Священного Писания и священной истории во многих случаях уже предоставляет культурный код для адекватного прочтения иконической проповеди. Трактовать дискретные, неаналоговые символические образы иконы намного сложнее – это требует знания основ иконописи, особенностей стиля конкретного иконописца, школы, эпохи, культурных, национальных традиций, этнической специфики сообщества, в рамках культуры которого написана икона. При этом исторический культурный код, определяющий прочтение иконы, – это и код знаковой системы (шифр для открытия смыслов символов), и набор правил, устанавливающих зависимость между символами в пространстве иконического образа [20. С. 133].

Ролан Барт полагает, что исторический культурный код – это ключ к раскрытию символов культурного или металингвистического сообщения третьего типа, заключенного в образе.

Мы уже убедились, что знаки «символического» («культурного», коннотативного) сообщения дискретны; даже если означающее совпадает с изображением в целом, оно все равно продолжает оставаться знаком, отличным от других знаков; сама «композиция» изображения предполагает наличие определенного эстетического означаемого примерно так же, как речевая интонация, обладая супraseгментным характером, тем не менее представляет собой дискретное языковое означающее. Мы, следовательно, имеем в данном случае дело с самой обычной системой, знаки которой (даже если связь между их составляющими оказывается более или менее «аналоговой») черпаются из некоего культурного кода [19. С. 312–313].

Пограничные культурные коды, отделяющие христианство от язычества, – это коды, позволявшие правильно понимать символику икон христианам первых веков в языческом мире, в котором они были вынуждены выживать. Эти коды в нашем анализе становятся особенно важны как раз в контексте третьего типа гомилетического иконического сообщения.

Для концептуализации понятия данного пограничного кода рассмотрим некоторые типовые примеры, встречающиеся в истории иконописи, более подробно. В процессе анализа я предполагаю показать, что коды, созданные на периферии христианского миропонимания и включающие языческие символы, впоследствии из маргинальных культурных кодов превратились в генераторы самостоятельных, независимо развивающихся от традиционной христианской иконописи языческо-христианских символических систем.

Чудо Георгия о змие. «Чудо Георгия о змие» – одна из наиболее известных иконографических тем, в которых становится явной генерация нового культурного кода на границе христианского и языческого кодов. Большинство икон вч. Георгия Победоносца написаны именно в данном стиле. Христианский куль-

турный код репрезентируется в виде белого коня (ср. с апокалиптическим белым конем, «которому дано побеждать») и воина-всадника с копьем; языческий культурный код – в виде дракона (змия).

Анализ доступной иконографии святого Георгия позволяет сделать вывод, что около 90% икон и картин, его изображающих, содержат образ мифического крылатого (и часто – огнедышащего) дракона с когтистыми лапами; примерно 6% – образ дракона в виде большой змеи и примерно 4% икон – дракон написан в виде реалистично выглядящего существа на четырех (реже – двух) лапах без мифологических элементов (пикообразные хвост и язык, огонь, выходящий из пасти, крылья). Две передние лапы во втором случае часто изображаются в виде небольших рудиментов. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что указанные 4% случаев изображения дракона на иконах (картинах) святого Георгия относятся к некоему реальному доисторическому животному, – динозавру.

Анализ истории иконописи свидетельствует о том, что наиболее старые дошедшие до нас изображения Георгия с драконом относятся именно к рассматриваемым 4% наиболее реалистичных образов дракона. Рассмотрим некоторые примеры.

На рис. 1 представлена фреска церкви св. Георгия в Старой Ладоге (и сама церковь), изображающая будущего великомученика на белом коне, попирающем реалистичного «дракона» – некое пресмыкающееся с четырьмя лапами и длинным туловищем.

Рис. 1. Фреска «Чудо о змие» (слева) в церкви св. Георгия в Старой Ладоге (справа). XII в.

Рис. 2 демонстрирует византийскую фреску из Змеиной церкви в Гереме (Турция), где вмч. Георгий поражает копьем очень похожее животное.

На рис. 3 представлена икона св. Георгия из монастыря св. Екатерины на Синае (Египет). Опять-таки дракон изображен в виде не мифологического крылатого монстра, а достаточно реалистично. Обращают на себя внимание длинное тело, длинный хвост и когтистые лапы.

Сходные изображения дракона можно найти на фреске собора Анкерсхагена, Мекленбург, Германия

(см. рис. 4), на иконе вмч. Георгия, хранящейся в Государственном историческом музее (см. рис. 5), на иконе «Святой Георгий Лабехинский» из Рачи, Грузия (см. рис. 6), на иконе «Святой Георгий», выполненной эмалью клуазоне, отсюда же (рис. 7), на иконе «Чудо Георгия о змие» из храма Пиргоса на о. Санторини, Греция (рис. 8).

Рис. 2. Фреска «Св. Георгий, убивающий дракона» в Змеиной церкви в Гереме (Турция). Сер. IX в.

Рис. 3. Икона «Святой Георгий и св. Феодор» (фрагмент) из храма монастыря св. вмч. Екатерины на Синае (Египет). IX в.

Рис. 4. Фреска собора Анкерсхагена, Мекленбург, Германия. XIII в.

Рис. 7. Икона «Святой Георгий», выполненная эмалью клуазоне. Грузия. XV в.

Рис. 5. Икона вмч. Георгия, хранящаяся в Государственном историческом музее. XIII в.

Рис. 6. Икона «Святой Георгий Лабехинский» из Рачи, Грузия. XI в.

Рис. 8. Икона «Чудо Георгия о змие» из храма Пиргоса на о. Санторини, Греция. XV в.

Интерес представляет тот факт, что большинство наиболее старых икон и иных изображений Георгия, дошедших до нас, представляют дракона именно в виде реалистичного динозавра. Традиция изображения дракона в виде заведомо сказочного существа с крылышками возникла позже – по-видимому, не ранее XV–XVI вв. Что же это за мифологическое сказочное животное? На месте сопряжения двух культурных кодов – христианского и языческого – возник новый культурный код. В рамках этого кода змей (дракон, ящер) стал

восприниматься не как реальное существо из плоти и крови, с которым боролся воин Георгий, а как метафора всего мира тьмы и падших ангелов. В свою очередь, Георгий в рамках нового культурного кода стал восприниматься не как (или не столько как) историческое лицо, а как образ торжествующей церкви. Данный культурный код, получив развитие с IX в., прочно закрепился в религии осетин, в грузинском православии, а также впоследствии сильно повлиял на католическое рационально-скептическое отношение к фигуре вмч. Георгия. Так, в религии осетин, пограничной между христианством и нехристианским монотеизмом, Георгий стал во многом играть роль полубытового бога с отдельным культом, следы которого можно до сих пор увидеть во многих исторических памятниках Северного Кавказа. Понимание вмч. Георгия как образа сил света, а дракона – как собирательного образа сил тьмы в рамках данного нового культурного кода затронуло также католицизм. В 1960-ые гг. в Ватикане шли серьезные дебаты с предложением деканонизировать святого или хотя бы понизить его статус из-за того, что иконические образы Георгия, возможно, не передает облика реальной исторической фигуры.

В Библии мы сталкиваемся с подобным случаем, когда пророк Даниил истребил некоего «большого дракона» (Дан. 14:23–27), кинув тому в пасть ком из смолы, жира и шерсти. Тем не менее данный эпизод не трактуется большинством историков как метафора. По одной из версий, в случаях и пророка Даниила, и Георгия Победоносца эти святые имели дело с одними из немногих сохранившихся к тому моменту динозавров. Так, М. Матюгин, опираясь на ряд богословских и исторических источников, считает, что Георгий сражался с реальным динозавром – возможно, нотозавром или бариониксом [21].

Многие художественные изображения (картины) «Чуда Георгия о змие» также воссоздают образ дракона как реального динозавра. Например, на рис. 9 представлена миниатюра из старофранцузского манускрипта «Золотая легенда» Иакова Ворагинского XIV в., а на рис. 10 и 11 изображены картины «Святой Георгий, поражающий дракона» Леонарда Бека (1480–1542) и сэра Эдварда Коли Берн-Джонса (1833–1898), основанные на раннесредневековых фресках «Чуда о змие» (до XV в.).

На рис. 12 и 13 приводятся современные реконструкции нотозавра и барионикса. Почему мы можем заключить, что именно эти динозавры могли быть запечатлены на старых иконографических изображениях вмч. Георгия? В основном по двум соображениям – сравнительно-морфологическому и экологическому. Во-первых, сопоставление морфологии туловища, головы и конечностей ископаемых нотозавра и барионикса с морфологией тела изображенного на иконах, фресках и миниатюрах св. Георгия существа, которое он победил, говорит о несомненном сходстве. Во-вторых, экологический фактор также играет роль: но-

тозавры и бариониксы обитали в неглубоких озерах, на отмелях, любили выжидать добычу в заболоченных и заросших травой местностях по берегам водоемов. Это очень хорошо соответствует описаниям «дракона», приводимым в различных житиях вмч. Георгия, и местообитания этого существа (везде фигурируют озеро, болото, устье реки, впадающей в озеро, и густые заросли тростника).

Рис. 9. Миниатюра из старофранцузского манускрипта «Золотая легенда» Иакова Ворагинского, изображающая св. Георгия, дракона (динозавра) и принцессу. Франция. XIV в.

Рис. 10. Картина Леонарда Бека «Святой Георгий, поражающий дракона»

Рис. 11. Картина сэра Берн-Джонса «Святой Георгий и дракон». Окончательная версия – слева, исходная версия – справа

Рис. 12. Группа нотозавров на берегу озера (современная реконструкция)¹

Рис. 13. Барионикс (современная реконструкция)²

Вероятно, иконописцы Византии и сопредельных с ней государств (Грузия, Киевская Русь, Сирия и Палестина, Сербия, Великая Моравия) в IX–XV в. для утверждения христианства в землях, в основном, населенных язычниками, широко использовали прием столкновения культурных кодов христианства и язычества, при этом поверженный динозавр означал побежденные языческие суеверия. Наиболее старые из сохранившихся изображений «Чуда о змие» находятся в Грузии и на Синае и относятся к VIII–IX вв. Для новообращенных из язычников иконы и фрески в храмах Кавказа и Ближнего Востока, на которых визуально изображался побежденный и *мертвый* языческий бог, были лучшей проповедью христианства.

Динозавр, с которым сражался Георгий, был воплощением языческих верований и определял языческий культурный код Ближнего Востока по двум причинам. Во-первых, в житии вмч. Георгия сказано, что в

конце III в. «дракону» приносило жертвы как богу сирийско-финикийское население окрестности Бейрута и Алеппо. Во-вторых, дракон и вообще рептилоидное чудовище в странах Сирии, Киликии, Малой Азии, Мидии и Персии было издавна узнаваемым символом языческого религиозного поклонения. Неслучайно, по версии, изложенной в библейской Книге пророка Даниила, во времена Кира Великого персидские жрецы держали одного из таких динозавров в особой яме и призывали народ поклоняться ему как богу.

Иконическая проповедь, касающаяся тематики «Чуда о змие», исходно создавалась на границе культурных кодов, но впоследствии образовался новый аутопоэтический гибридный культурный код, который начал жить своей жизнью. Это видно не только в религии осетин, грузинском православии или католической рационалистической предубежденности по отношению к Георгию в XX в. Данный культурный код сформировал европейский религиозно-культурный архетип о рыцаре, спасающем принцессу (даму, царевну) из лап чудовища. Конечно, здесь следует отметить, что, с точки зрения Карла Густава Юнга, все не совсем так, а скорее, наоборот: не культурный код, порожденный иконографическим типом, породил архетип, а архетип породил культурный код. Так, по мнению Юнга, рыцарь, побеждающий дракона и спасающий деву, – один из наиболее древних примордиальных архетипов [22. Р. 105, 211, 281–284]. При этом, по Юнгу, история вмч. Георгия – не более чем аллегория, творческое христианское переложение архетипа, который раньше, в античной культуре, материализовался в виде мифа о Персее, Андромеде и Медузе Горгоне, а историчность самого Георгия сомнительна [23. Р. 107, 110].

При всем уважении к знаменитому психоаналитику полагаю, что можно выдвинуть и обратную гипотезу. Например, можно предположить, что именно иконический культурный код породил психологический архетип, а не наоборот. Миф о Персее обладает совершенно другой структурой символов, при этом Медуза несхожа символически с драконами из средневековых легенд. К тому же расцвет культурного архетипа спасения рыцарем девушки из лап чудовища, выражающийся в появлении большого количества произведений искусства на эту тему, относится к позднему Средневековью и Ренессансу, но никак не к более ранним периодам. Например, данный архетип породил множество средневековых рыцарских романов и поэм, наподобие истории Эврианта и Адоляра, которая впоследствии, в эпоху Романтизма, легла в основу знаменитой оперы К.М. фон Вебера.

Итак, на примере иконографического типа «Чуда о змие» мы убедились, что столкновение христианского и языческого культурных кодов в гомилетике с течением времени и сменой исторической ситуации породило совершенно новый аутопоэтический код. Этот код по-разному трактовался на Востоке и Западе. В католической церкви он привел к почти метафорическому по-

ниманию истории о войне и драконе. Во многих же регионах Кавказа этот код способствовал выработке крайне специфичного христианства, а у осетин – практически особого религиозного культа Георгия Победоносца.

Обратимся к другим не менее показательным примерам пограничных кодов иконоической метаязыковой проповеди.

Святой песьеголавец. В иконографии, посвященной мученику Христофору, еще более очевидно проявляется историческая трансформация пограничного состояния культурного кода в новый код. Этому святому суждено было стать героем, узнаваемым всеми историками, теологами, филологами и культурологами – героем перманентного «оязычивания» христианства. Подавляющее большинство его «фотографических» икон, относящихся к периоду XIII–XVIII вв., являют собой изображения монстра с телом человека и головой собаки (иногда – лошади, волка или лисы). На рис. 14 показаны различные варианты столкновения культурных кодов в иконе мч. Христофора.

Рис. 14. Различные версии языческо-христианских изображений мч. Христофора с головой в виде лошади, собаки, лисы и волка (приводится с разрешения церковно-общественного сайта «Старообрядческая мысль»: <http://starove.ru/obychai/tajna-svyatogo-muchenika-hristofora-s-golovoyu-ryosej-psa>. Подборка икон сформирована составителями вебсайта)

Первые изображения мч. Христофора относятся к VI в. и найдены в Македонии [24. С. 48]. Есть основания предположить, что столкновением в иконографии этого святого двух культурных кодов иконописцы проповедовали чудо христианизации язычников. Так, согласно наиболее распространенной версии его жития, Христофор происходил из Палестины, земли хананеев и до крещения носил прозвище Репрев (гр. *Ρεπρεβος* – отверженный, отчужденный). Хананей (ханаанец, хананит) – по-латински *Canaanis*, что созвучно со словом *canis* – собака, пес. Хананеи во времена поздней Античности и раннего Средневековья были у христиан Греции и Ближнего Востока символом неисправимого, убежденного язычества, которое практически невозможно искоренить [25. С. 126]. Изображения в храмах

всем известного хананея Репрева, ставшего Христофором с песьей головой должно, было означать торжество христианства, идеологическую победу даже над закоренелым язычеством хананеев. Для людей той эпохи, большинство из которых прекрасно знали латинский язык даже в восточных провинциях Римской империи, созвучие слов *Canaanis* и *canis* вполне могло быть достаточным лингвистическим ключом для правильного понимания гомилетического посыла иконописцев, соединявших в иконах мученика на символически-дискретном уровне два культурных кода. Эти коды соединимы на лингвистическом уровне, но оказываются совершенно несоединимыми на аналоговом уровне сообщения иконоического образа. Однако в новом аутопоэтическом культурном коде христианский и языческий образы органично соединяются в материальной фигуре святого – и возникает монстрофикация Христофора, превращение его в реально воспринимаемую химеру.

Так соединение культурных кодов породило новую проповедь – совсем не такую, которой добивались первые иконописцы. Начиная с позднего Средневековья и впоследствии, в период XIII–XVIII вв. новый аутопоэтический культурный код позволил трактовать фигуру Христофора совершенно по-другому, в исключительно мифологическом ключе. Данный культурный код стал настолько распространен, что даже жития святого были переписаны [26. С. 112]. В одной из новых версий жития мч. Христофора он представлялся киноцефалом – выходцем из земли песьеголовых. В другой, не менее мифологической версии возникла история о соблазнении: женщины настолько сильно домогались святого, что он стал упрашивать Бога, чтобы Он изуродовал его внешность, а женщины, соответственно, от него бы отстали. Бог услышал его молитвы и якобы изменил внешность Христофора так, что его голова превратилась в собачью [27. С. 52]. Здесь налицо древнегреческие мотивы гилеморфизма, когда человек в силу тех или иных причин по воле языческих олимпийских божеств превращался в некоторое животное полностью или в каких-либо частях тела.

С начала XVII в. языческо-христианская традиция изображать святого в виде химероподобного монстра проникла и в русскую иконопись [Там же. С. 60]. Культурный код инкапсулирования мифологических языческих верований в слой христианских смыслов порождал на Руси все новые и новые нелепые изображения святого, а соответствующая проповедь становилась все менее христианской, но все более языческой и несообразной христианскому мировоззрению. Например, на рис. 15 изображена старообрядческая икона конца XVII в., на которой Христофор предстает уже с головой быка, т.е. культурный код дал возможность иконописцу воскресить миф о Минотавре и инкапсулировать его в христианскую семантику.

В XVIII в. в России культ поклонения монстру достиг такого размаха, что в 1722 г. собралось особое

заседание Священного Синода, на котором монстроподобные изображения Христофора были запрещены как «противные естеству, истории и самой истине» [28].

Рис. 15. Старообрядческая икона мч. Христофора с житием в Московской старообрядческой церкви Покрова. Конец XVII в.³

Впоследствии особо важную роль в искоренении рассматриваемого языческо-христианского культурного кода и возвращении христианской металингвистической проповеди в христианское русло сыграл сщмч. Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский и Ярославский [29. С. 168]. По распоряжению Синода за содержание подобных икон в церкви и проповеди, включающие порожденные данным культурным кодом мифологические версии жития святого, настоятель церкви, допустивший такую икону монстра в своем храме, в XVIII–XIX вв. лишался сана. Большинство икон Христофора к середине XIX в. в России было переписано с человеческого ликом, а аутопоэтический культурный код, открывающий доступ к звероподобной символике икон, стал уделом старообрядческих общин.

Заключение. Мы проанализировали некоторые примеры из истории иконописи, которые демонстрируют взаимное проникновение христианского и языческого культурного кодов в визуальной гомилетике иконы.

На примере истории развития иконографии св. Георгия и Христофора мы изучили неканоническую метаязыковую гомилетику в рамках аутопоэтических культурных кодов, возникших на стыке христианских и языческих визуальных культурных кодов. В данном виде проповеди исходный гомилетический посыл, заложенный иконописцами, заменился на другие смыс-

лы, в которых произошло инкапсулирование языческой мифологии, этики и мировоззренческой системы взглядов в христианский семантический слой, при этом в христианской иконописи возникло своего рода языческо-христианское двоеверие.

Рассматриваемый нами феномен свидетельствует, по крайней мере, о четырех вещах.

Во-первых, мы видим, что состояние культурных кодов «на пограничье» может порождать совершенно новые и зачастую весьма неожиданные культурные коды, которые с течением времени станут генераторами нового метаязыка.

Во-вторых, на примере самопроизвольного развития культурных кодов, позволяющих интерпретировать дидактику христианских икон, мы становимся свидетелями того, как радикально могут трансформироваться исходный посыл, логика и выводы визуальной метаязыковой проповеди. Из канонической христианской проповеди она может через несколько веков плавно переродиться в совершенно неканоническую, языческо-христианскую, вобрав в себя пласт древневосточных и античных языческих религиозных смыслов.

В-третьих, трансформация культурных кодов демонстрирует, что визуальная метаязыковая гомилетика не менее важна, чем собственно языковая проповедь. Металингвистический уровень проповеди может порождать лингвистический – примером является переписывание житий св. Христофора при трансформации метаязыка, позволяющего прочесть изображение мученика. Икона остается той же самой, но меняется метаязык ее интерпретации, и при этом трансформируется собственно гомилетический нарратив.

И в-четвертых, мы можем обратить внимание на то, что в визуальной иконической гомилетике коннотативные составляющие культурного кода, обеспечивающего доступ к прочтению иконы, перевешивают по значению денотативные. Это может свидетельствовать о том, что в визуальной христианской гомилетике изменение коннотативных составных частей кода всегда влечет изменение денотативных; обратное же может быть неверно. Бартовская методология анализа иконического образа и культурных кодов, примененная в данной статье, позволяет вычленивать эти коннотативные составляющие при анализе христианских икон и проследить связь языка и метаязыка в визуальной гомилетике.

В истории иконописи немного подобных примеров, поэтому они скорее являются исключениями из правил. Тем не менее самообразование языческо-христианского культурного кода может сильно повлиять не только на логику и выводы гомилетики, связанной с иконическим изображением, но и на развитие самой религии и церковных институтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

³ Обращает на себя внимание внешнее сходство нотозавра с фреской в церкви св. Георгия и картинами обоих художников. Приобретение драконом мифологических внешних черт (наподобие крылышек, дыхания огнем и копьеобразного хвоста) – изобретение иконописи не ранее эпохи Возрождения. Возможно, эта мифологизация произошла под влиянием на католическую иконопись магиго-окультистических герметических традиций Ренессанса.

² Это второй кандидат на роль «дракона» в житии вмч. Георгия.

³ Здесь Христофор изображен с головой бычка, в точности как у Минотавра. Обратим внимание, что такой образ святого не только в центре иконы, но и на всех житийных вставках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изотова О.Н. Дидактическая функция священных изображений в византийском богословии иконоборческой эпохи // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6. С. 82–89.
2. Бычков В.В. Феномен иконы. М.: Ладомир, 2009. 638 с.
3. Томасович М. Икона как метод толкования священного писания // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 10–19.
4. Марков А.В. Феноменология образа и попытка русского августинианства // Art&Cult. 2014. № 1. С. 37–4.
5. Вильчикова Е.В., Рябова М.Ю. Эволюция теории знака в зарубежной и российской лингвистике // Вестник Читинского государственного университета. Филологические науки. 2010. № 5. С. 33–38.
6. Ермолина Л.А. Культура как сингулярность: сжатие и развертывание смыслов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философские науки. 2016. № 4. С. 16–20.
7. Анашкина Т.Ю. Социокультурное значение православного культа: постмодернистская и традиционалистская интерпретации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. № 2. С. 45–51.
8. Сиднева Т.Б. Классическое искусство в глобальном мире: о границах художественного опыта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Искусствоведение. 2013. № 1. С. 371–374.
9. Сиднева Т.Б. Искусство в поисках истины: между элитой и массой // Вопросы культурологии. 2009. № 1. С. 18–22.
10. Сиднева Т.Б. Концепт «искусство» как предмет современных культурологических рефлексий // Вестник Вятского государственного университета. Культурология. 2013. № 1. С. 142–145.
11. Символы на загадочных фресках // Galeneastro. URL: <https://galeneastro.livejournal.com/63654.html> (дата обращения: 21.02.2019).
12. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
13. Гирц К. Искусство как культурная система // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 31–54.
14. Барт Р. S/Z. М.: УРСС, 2001. 232 с.
15. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 2011. 272 с.
16. Барт Р. Третий смысл / пер. с фр. С. Зенкина, Г. Косикова, М. Ямпольского. М.: Ad Marginem, 2015. 104 с.
17. Барт Р. Работы о театре / сост., пер. с фр. и послесл. М. Зерчаниновой. М.: Ad Marginem, 2014. 176 с.
18. Барт Р. Как жить вместе: романтические симуляции некоторых пространств повседневности / пер. с фр. Я. Бражниковой. М.: Ad Marginem, 2016. 272 с.
19. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2010. 352 с.
20. Степанова Н.И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты // Идеи и идеалы. 2012. № 1 (11). Т. 2. С. 130–136.
21. Матюгин М. С кем сражался святой Георгий Победоносец? // Православный взгляд. 15.11.2017. URL: <http://orthoview.ru/s-kem-zhe-srazhalsya-svyatoy-georgij-pobedonosets/> (дата обращения: 15.02.2019).
22. Jung C.G. The Archetypes and The Collective Unconscious, Collected Works. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981. 470 p.
23. Jung C.G. Psychology and Religion. New Haven, CT: Yale University Press, 1938. 181 p.
24. Снегирева Э.А. Образ святого Христофора: предания и действительность // Проблемы формирования и изучения музейной коллекции государственного музея истории религии. JL: ГМИР, 1990. С. 47–81.
25. Кравченко Н.И. Атрибуция иконы святого Христофора // Культура і Сучасність. Мистецтвознавство. 2014. № 1. С. 125–130.
26. Желтов М.С. Реликвии в византийских чинопоследованиях // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / под ред. А.М. Лидова. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 110–114.
27. Гувакова Е.В. Святой Песеголовец – абберация, дань православной традиции или иконографический курьез? Обзор икон святого мученика Христофора в собрании фонда древнерусской живописи ГИМ // Труды Государственного исторического музея. Вып. 143: Забелинские чтения – 2003. М.: ГИМ, 2004. С. 48–62.
28. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. СПб.: Типография Священного Синода, 1872. Т. II: 1722 г. Постановление № 625. С. 294.
29. Чернова С.К. Образ св. Христофора в русской иконописной традиции // Традиции в контексте русской культуры. Череповец: ЧГУ, 1999. Вып. VI. С. 167–172.

Konstantin S. Sharov. M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: const.sharov@mail.ru

CREATING A BORDER CULTURAL CODE IN THE ICONOGRAPHY OF STS GEORGE AND CHRISTOPHER AS A SPECIAL TYPE OF META-LINGUAL CHRISTIAN SERMON

Keywords: icon painting history; Christian homiletics; meta-lingual preaching; visual sermon.

In the paper, the history of the development of a special “border” type of icon painting is studied, that reflects the compromise in the religious world outlook between the Christian and pagan one. The place and role of icons written within this tradition in the visual (iconic) preaching of Christianity, are investigated. A special attention is paid to the analysis of border cultural codes in such iconography and their transformation into a new pagan-Christian code. The author of the article analyses the ways in which this new cultural code influenced the history of re-thinking the iconographic Christian sermon in Byzantine Orthodoxy (the 9th-15th centuries), Russian Orthodoxy (12th-19th centuries), Ossetian religion and Orthodoxy in Georgia (the 9th-15th centuries) and even medieval Roman Catholicism. The related processes in the history of corresponding Christian churches are taken into account.

The transformation of the border states of Christian and pagan cultural codes is studied in the article by the example of the meta-linguistic visual homiletics of Christian icons. It is shown that the border state of the “friend - foe” cultural code in this case is unstable and eventually turns into a new autopoietic (self-generated) cultural code, which leads to a fundamentally different reading of the symbolism of the icon and, accordingly, another meta-linguistic Christian sermon. In the article, the author analyses three examples of the new autopoietic pagan-Christian cultural code generation and three related examples of the historical transformation of the meta-lingual sermon: “The Miracle of St George and the dragon”, and the Martyr St Christopher. The methodology used in the article is constituted by the semiotic analytical method developed by Roland Barthes.

The author of the paper comes to the following conclusions. 1. The history of icon painting proves that the state of cultural codes “on the border” can generate completely new and often unexpected cultural codes, which will become generators of a new homiletic meta-language over time. 2. The visual religious sermon broadcast by means of iconography can undergo radical changes over time, not expected by iconographers. From a canonical Christian sermon, in several centuries it can gradually transform to in a completely non-canonical, pagan-Christian sermon that absorbs a layer of ancient Eastern and antique pagan religious meanings. 3. The iconic (metalinguistic) level of Christian preaching can generate a textual (linguistic) one. An example of this is the historical change of versions of life

of St Christopher. His icons did not change, but the meta-language of their interpretation radically changed, and the homiletic narrative was heavily transformed. 4. In the visual iconic homiletics, the connotative (polysemantic) components of the cultural code that provide access to reading the icon outweigh the denotative (unambiguous) components.

REFERENCES

1. Izotova, O.N. (2017) Didactic Function of Sacred Images in Byzantine Theology During the Iconoclastic Period. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 6. pp. 82–89. (In Russian).
2. Bychkov, V.V. (2009) *Fenomen ikony* [The phenomenon of the icon]. Moscow: Ladomir.
3. Tomasovich, M. (2017) The Icon as a Method of Interpreting Sacred Scripture. *Khristianskoe chtenie*. 2. pp. 10–19. (In Russian).
4. Markov, A.V. (2014) Fenomenologiya obraza i popytka russkogo avgustinianstva [The phenomenology of the image and an attempt of Russian Augustinianism]. *Art&Cult*. 1. pp. 37–4.
5. Vilchikova, E.V. & Ryabova, M.Yu. (2010) Evolyutsiya teorii znaka v zarubezhnoy i rossiyskoy lingvistike [The evolution of the theory of the sign in Russian and foreign linguistics]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 5. pp. 33–38.
6. Ermolina, L.A. (2016) Culture as a singularity: the compression and the deployment of meanings. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Filosofskie nauki – Herald of Vyatka State University. Philosophy*. 4. pp. 16–20. (In Russian).
7. Anashkina, T.Yu. (2011) Sotsiokul'turnoe znachenie pravoslavnogo kul'ta: postmodernistskaya i traditsionalistskaya interpretatsii [Socio-cultural significance of the Orthodox cult: postmodern and traditionalist interpretations]. *Vestnik Russkoy khristianskoy humanitarnoy akademii*. 2. pp. 45–51.
8. Sidneva, T.B. (2013) Classical art in a global world: on the boundaries of artistic experience. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Iskusstvovedenie – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 1. pp. 371–374. (In Russian).
9. Sidneva, T.B. (2009) Iskusstvo v poiskakh istiny: mezhdru elity i massoy [Art in search of truth: between the elite and the mass]. *Voprosy kul'turologii*. 1. pp. 18–22.
10. Sidneva, T.B. (2013) Kontsept "iskusstvo" kak predmet sovremennykh kul'turologicheskikh refleksiy [The concept of art as a subject of modern cultural reflections]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya*. 1. pp. 142–145.
11. Galeneastro. (n.d.) *Simvoly na zagadochnykh freskakh* [Symbols on mysterious murals]. [Online] Available from: <https://galeneastro.livejournal.com/63654.html> (Accessed: 21.02.2019).
12. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Translated from French by G.K. Kosikov. Moscow: Progress.
13. Geertz, C. (2010) Iskusstvo kak kul'turnaya sistema [Art as a cultural system]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 9(2). pp. 31–54.
14. Barthes, R. (2001) *S/Z*. Moscow: URSS.
15. Barthes, R. (2011) *Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Camera lucida. A comment to the photograph]. Translated from French by M. Ryklin. Moscow: Ad Marginem.
16. Barthes, R. (2015) *Tretiy smysl* [The third meaning]. Translated from French by S. Zenkin, G. Kosikov, M. Yampolsky. Moscow: Ad Marginem.
17. Barthes, R. (2014) *Raboty o teatre* [Works about theatre]. Translated from French by M. Zerchaninova. Moscow: Ad Marginem.
18. Barthes, R. (2016) *Kak zhit' vmeste: romanicheskie simulyatsii nekotorykh prostranstv povsednevnosti* [How to live together: Romantic simulations of some everyday spaces]. Translated from French by Ya. Brazhnikova. Moscow: Ad Marginem.
19. Barthes, R. (2010) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Akademicheskii Proekt.
20. Stepanova, N.I. (2012) Kody kul'tury: semioticheskii i kul'turologicheskii aspekty [Codes of culture: semiotic and cultural aspects]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 1(11/2). pp. 130–136.
21. Matyugin, M. (2017) S kem srazhalsya svyatoj Georgiy Pobedonosets? [Who did St. George fight with?]. *Pravoslavnyy vzglyad*. 15th November. [Online] Available from: <http://orthoview.ru/s-kem-zhe-srazhalsya-svyatoj-georgij-pobedonosec> (Accessed: 15th February 2019).
22. Jung, C.G. (1981) *The Archetypes and The Collective Unconscious*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
23. Jung, C.G. (1938) *Psychology and Religion*. New Haven, CT: Yale University Press.
24. Snegireva, E.A. (1990) Obraz svyatogo Khristofora: predaniya i deystvitel'nost' [The image of St. Christopher: legends and reality]. In: *Problemy formirovaniya i izucheniya muzeynoy kolleksii gosudarstvennogo muzeya istorii religii* [Problems of formation and study of the museum collection of the State Museum of the History of Religion]. Leningrad: GMIR. pp. 47–81.
25. Kravchenko, N.I. (2014) Atributsiya ikoni svyatogo Khristofora [The attribution of a St. Christopher icon]. *Kul'tura i Suchasnost'. Mistetstvoznastvo*. 1. pp. 125–130.
26. Zheltov, M.S. (2006) Relikvii v vizantiyskikh chinoposledovaniyakh [Relics in Byzantine Church services]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Relikvii v Vizantii i Drevney Rusi. Pis'mennye istochniki* [Relics in Byzantium and Ancient Russia. Written sources]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 110–114.
27. Guvakova, E.V. (2004) Svyatoj Pes'egolovets – abberatsiya, dan' pravoslavnoy traditsii ili ikonograficheskii kur'ez? Obzor ikon svyatogo muchenika Khristofora v sobranii fonda drevnerusskoy zhivopisi GIM [The Holy Dog-head: An aberration, tribute to the Orthodox tradition or iconographic curiosity? An overview of icons of the St. Martyr Christopher in the collection of the Fund of ancient Russian paintings]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya*. 143. pp. 48–62.
28. The Holy Synod. (1872) *Polnoe sobranie postanovleniy i rasporyazheniy po vedomstvu Pravoslavnogo ispovedaniya Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Resolutions and Prescriptions of the Department of Orthodox Confession of Russian Empire]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya Svyashchennogo Sinoda.
29. Chernova, S.K. (1999) Obraz sv. Khristofora v russkoy ikonopisnoy traditsii [The image of St. Christopher in the Russian iconographic tradition]. In: Chernov, A.V. (ed.) *Traditsii v kontekste russkoy kul'tury* [Traditions in the context of Russian culture]. Issue 6. Cherepovets: Cherepovets State University. pp. 167–172.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 393+395+397
DOI: 10.17223/19988613/63/22

В.А. Бурнаков

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ В ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ И РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX в.)

Впервые анализируется роль крупного рогатого скота в повседневном быту и традиционном мировоззрении хакасов. Домашние животные составляли основу хозяйственной деятельности и традиционной обрядности хакасского народа. Это находит отражение в фольклоре и ритуальной практике. Быки и коровы, обладая большой хозяйственной ценностью, наделялись и высоким символическим статусом, являлись распространенными объектами дарообменных процессов, в связи с чем были широко задействованы в сакральных действиях, связанных с жизненным циклом человека: рождением, браком и смертью.

Ключевые слова: хакасы; культура; быт; крупный рогатый скот; традиционное мировоззрение; обрядность; фольклор; символизм.

Исследование традиционной культуры было и остается одним из ключевых направлений этнографической науки. При этом важнейшее место отводится изучению хозяйственной деятельности человека. Она, будучи культурным феноменом адаптации человека к природно-климатическим условиям, находит отражение в мировоззрении и ритуальной практике народа. В наше время с постепенным угасанием традиционной культуры исчезает и целый мировоззренческий комплекс. Данное обстоятельство и определяет актуальность нашего исследования.

Целью работы является изучение места и роли крупного рогатого скота в традиционном быту и семейно-родовой обрядности у хакасов. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: определение его хозяйственного значения и роли в мировоззрении и ритуальной практике народа.

Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают историко-этнографические и фольклорные материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы – научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Одним из основополагающих элементов системы жизнеобеспечения хакасов являлась и до сих пор остается хозяйственная деятельность. Она имела комплексный характер, сочетающий в себе скотоводство, добывающий промысел (охота, рыболовство, сбор дикоросов) и земледелие. Все же при этом ключевое место отводилось скотоводческой деятельности.

Хакасы традиционно разводили и продолжают выращивать крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, домашнюю птицу и пр. Вместе с тем отметим, что

важнейшее значение в хозяйственной жизни хакасов придается содержанию крупного рогатого скота. Данная реалья обусловлена тем, что от него всегда получали и до сих пор извлекают основную долю мясомолочных продуктов, а шкура и пр. идут на одежду и различные хозяйственные потребности. Так, например, в прошлом бычьим пузырем нередко обтягивали окна в домах [1. С. 81], а из их сухожилий сучили нити [2. С. 70]. Ценность этих домашних животных была столь высока, что за строительство деревянной юрты предлагали двух волов или одну дойную корову [3. С. 73]. Помимо того, они всегда выступали в качестве ключевого предмета торговли, в том числе и меновой. Так, во второй половине XIX в. К. Риттер, затрагивая указанную сторону жизни хакасских скотоводов, писал: «Волов у них еще более и некоторые продают русским быков (от 50 до 100 штук разом)» [4. С. 519]. По данным К.М. Патачакова, предприимчивый скотовладелец Чарков ежегодно скупал с целью перепродажи до 300–400 быков и откармливал их на отгонных пастбищах [2. С. 47]. Согласно материалам исследователей XIX в., в лучшие годы хакасы ежегодно отправляли на продажу в такие крупные сибирские города, как Красноярск, Енисейск и Иркутск, до 7 000 голов крупного рогатого скота [5. С. 22; 6. С. 215]. По сообщению В.Ю. Григорьева, «продажа скота, отдача за долги, мена на товар, производится с июня месяца и идут до ноября. Идут в продажу яловые коровы и холощеный скот, мелкий скот мало ценится, а потому и мало идет в продажу» [7. С. 482].

Таким образом, скот всегда составлял основу материального благосостояния и стабильности жизни хакасского народа. В связи с чем, Г.И. Спасский совершенно справедливо отмечал, что «главное хозяйство кочующих состоит в хорошем содержании рогатого скота и лошадей; числом оных измеряется богатство и бедность их которое бывает весьма разнообразно: одни из кочующих имеют по тысячи и более лошадей и ро-

гатого скота; другие несколько сотен. Многие от десяти до двадцати, но весьма редкие не имеют ни одного домашнего животного» [8. С. 20]. Подобного же рода сведения обнаруживаем и у К. Риттера, писавшего, что «богатство качинцев состоит в стадах, которые находятся на подножном корму в течение круглого года; рогатый скот большею частью пегий и сильный» [4. С. 519]. По воспоминаниям декабриста А.П. Беляева, у известного скотовладельца качинца Чирки Картина в хозяйстве насчитывалось до 4 000 голов крупного рогатого скота и около 10 000 голов овец [9. С. 355]. Данные реалии у кызыльцев, хотя и в гораздо меньших масштабах, отмечал и минусинский окружной начальник князь Н.А. Костров [10. С. 66].

Животноводство как свидетельство благосостояния хакасов получило свое яркое выражение и в песенном творчестве:

*Хыраа толдыра хой –
Сірер тон кисеен хайди идерзер?
Арыга толдыра инектіг –
Сірер хаях чібін хайди идерзер?
Чазаа толдыра мал –
Сірер ит чібін хайди идерзер?*

Полное поле овец –
Как вам шубы не надевать?
Полная роща коров –
Как вам масло не есть?
Полная степь скотины –
Как вам мясо не есть? [11. С. 27].

Добавим то, что аналогичные ценностные ориентиры были характерны для всех обществ, занимающихся скотоводством. Обозначенная действительность нашла свое воплощение и в героической эпике. Во многих богатырских сказаниях главные герои представлены в виде богатых скотоводов. На языке мифопоэтики они изображаются как владельцы бесчисленного количества скота – *изебі чох мал*. Данные обстоятельства, безусловно, способствовали выработке и распространению скотоводческой терминологии практически по всем видам домашних животных с различением их по полу, возрасту и масти, а также связанных с ними слов по скотоводческому хозяйству. Существует богатая терминология возрастного различия домашних животных: *пызо* ‘теленоч (диал. *пызаа*)’, *торбах* ‘годовалый теленок’, *хазыра* ‘телка трёх лет’, *частуур* ‘первотёлка’, *тазын* ‘вол’; *инек* ‘корова’, *пуга* ‘бык’ [12. С. 68].

Владение огромным хозяйством, безусловно, требовало и использования больших трудовых ресурсов. Для решения данной проблемы зажиточные скотовладельцы широко практиковали раздачу беднякам дойных коров на прокорм на правах доения – «*саап іс*» (букв. – ‘дой и пей’). Человек и его семья, взявшие корову, обязаны были ее прокормить за пользование молоком и отрабатывать в хозяйстве бая [2. С. 50]. Вероятно, данные реалии нашли свое выражение в народной пословице: «*пай кізінің малы пол, чох кізінің палазы ирке /*

чох кізінің палазы ирке, чиркен пайның малы ирке» – ‘Убая скот ласковый, у бедняка дети ласковые (убая дети должны были работать, пасти скот)’ [13. С. 265, 275, 287, 300]. Мотивы, характеризующие указанные хозяйственные отношения, обнаруживаются также и в песне девушки-пастушки: «Я пасла шестьдесят бычков! Будут ли они, падины, одеждой для моей спины? Я пасла пятьдесят бычков! Будут ли они, падины, одеждой для моих плеч?» [14. С. 537].

В традиционной культуре обладание большим поголовьем скота выступало не только мерилем достатка, но и зачастую выступало особым идентификационным фактором. Обозначенная действительность также нашла отражение в народных песнях:

*Алтон инектіг Араа парганча,
Алты инектіг ирге паргайбын.
Читон хойлыг Араа парганча,
Читі хойлыг ирге паргайбын*

Чем за Ара, имеющего 60 коров, замуж идти,
Лучше за шесть коров имеющего пойду.
Чем за 70 овец имеющего Ара замуж идти,
Лучше за семь овец имеющего пойду.

[15. С. 78–79].

В хозяйстве хакасов крупный рогатый скот практически весь год находился на подножном корму. Однако в отличие от лошадей, он требовал большего внимания, вследствие чего за ним чаще присматривали. В прошлом сено заготавливали в небольших объемах. Дополнительный корм давался лишь при неблагоприятных погодных условиях. Скотные дворы были открытые или полукрытые. Для телят же сооружались крытые стойки. Теленок зимнего отела до того момента, пока не окрепнет, содержался в помещении, где жили сами хозяева [2. С. 20].

В летний сезон хакасы перегоняли стадо коров на летнее пастбище. Здесь же заготавливали разнообразные молочные продукты. К зиме возвращались обратно в зимник. Как правило, в летниках строились для скота открытые пригоны. Перемещались в пределах от 1 до 8 км. А выгоны для скота простирались далеко за пределами расположения улусов. Доеение было подсосное. Доили два раза в день: утром и вечером. После утренней дойки коров выпускали на пастбище, а вечером ко времени дойки они возвращались сами. Молоко до конца не выдаивали. Оставляли для теленка, так как он, получив в достаточном количестве молока, быстро рос и легче переносил зимние морозы [Там же].

В традиционном сознании хакасов степи и иные природные участки, используемые под пастбища, устойчиво отождествлялись с образом самого скота, пасущегося на них. Эта действительность выразилась и в устном народном творчестве:

*Торлап аххан Торгы чул
Тадардар чуртаан чурт полган,
Таңнастыг хыныг чазызы
Тазын, сілеке ёскерчең*

Текущий с журчанием Шелковый ручей
 Был местом, где издавна жили хакасы;
 Удивительно приятные ее степи
 Быков, баранов выращивали

[11. С. 30].

*Пугалыг инек чөрчөң чазыларда
 Пүүр дее килін чорттинча*

В степи, где пасутся коровы с быками
 Даже волк не прибегает

[16. С. 107] (перевод наш. – В.Б.)

В историко-этнографической литературе XVIII – XIX в. представлены противоречивые сведения относительно размеров крупного рогатого скота хакасов. Так, одни из ранних сведений по рассматриваемому вопросу обнаруживаются в исследовании академика П.С. Палласа. Ученый, характеризуя домашних животных, отметил то, что «рогатый скот обыкновенно бывает пег и мелок, но весьма тучен, бодр и тверд» [17. С. 463]. Схожие данные в своем исследовании представил и Е.К. Яковлев, писавший о том, что «скот, благодаря климатич.[еским] суровым условиям и пастьбе на подножном корму, не отличается ни ростом, ни молочностью, ни упитанностью, а скот улучшенных пород быстро акклиматизируется, благодаря тем же суровым условиям существования» [1. С. 55]. К.М. Патачаков, подобно своим предшественникам, описывал хакасскую породу скота как низкорослую и малопродуктивную. При этом констатировал то, что она хорошо приспособлена к местным климатическим условиям [2. С. 20].

Вместе с тем в литературе представлена и совершенно противоположная точка зрения относительно габаритов крупного рогатого скота, встречаемого в прошлом у хакасов. Еще в XVIII в. известный историк, академик Г.Ф. Миллер, изучая хозяйственную деятельность сибирских народов, сравнил указанных домашних животных у бурят, якутов и хакасов. Пришел к выводу о том, что все они в равной мере обладают большим размером [18. С. 213]. Несколько десятилетиями позже Г.И. Спасский также обратил внимание на крупное телосложение данного вида скота у хакасов. Ученый, восторгаясь местной породой, писал, что «коровы (инек) и быки сагайские уступят в величии разве только черкасским» [19. С. 43]. Высоко оценил этих домашних животных и Н.С. Щукин. Исследователь, характеризуя их, подчеркнул, что в Сибири «быки сагайские славились величиною и вкусом говядины» [5. С. 22]. Н.А. Костров, проводя этнографические исследования среди данного коренного населения, подтвердил ранее высказанные мысли о том, что их крупный рогатый скот широко известен большим размером, а их мясо – особыми вкусовыми качествами [6. С. 215]. Н.В. Латкин, касаясь вопроса скотоводства у хакасов, также констатировал факт того, что «рогатый их скот отличается замечательным ростом» [20. С. 150].

Отметим и то, что в литературе представлена и третья точка зрения относительно внешних параметров крупного рогатого скота у хакасов в XVIII–XIX вв. Так,

свое мнение по данному вопросу высказал и С.Л. Чудновский. По своей сути оно представляет собой своеобразный консенсус между этими двумя крайними суждениями. Ученый сообщает о «среднем росте» этих домашних животных [21. С. 89–90].

Итак, приходится констатировать отсутствие единого мнения во взглядах ученых относительно размеров крупного рогатого скота хакасов в прошлом. Вместе с тем, несмотря на всю противоречивость их суждений, вряд ли можно сомневаться и в их исследовательской компетенции. Очевидно, данная парадоксальная ситуация может свидетельствовать о том, что ученые фиксировали разные аборигенные породы этих животных и у различных этнических групп хакасов, во-вторых, в разное время. Отметим и то, что, несмотря на типичный видовой состав скота у всех этнических групп хакасов, их зоологические характеристики при этом могли быть неоднородными. Обратим внимание и на то, что в силу исторических причин на протяжении XVIII–XIX вв. и в последующее время в Хакасии активно шли внешние и внутренние миграционные процессы. Одновременно с этим с разной степенью интенсивности происходили процессы селекции домашних животных. Скот обозначенных этнических групп хакасов мог скрещиваться как между собой, так и с другими породами, завезенными из сопредельных территорий Южной Сибири и иных регионов России. На данные реалии в свое время обратил внимание исследователь сельского хозяйства данного края П.А. Аргунов. Он отметил тот факт, что «ежегодно пригоняемый в пределы Минусинского округа крупный и мелкий рогатый скот частью остается в крае и смешивается с местным, частью вместе с ним выгоняется в Канский, Красноярский и Енисейский округа. Сойотский крупный рогатый скот отличается от местного своим ростом: быки достигают 8–9 четвертей вышины и 25 пудов убойного веса. Коровы так же немолочны, как и местные» [22. С. 115]. Обозначенную действительность наблюдали Е.К. Яковлев [1. С. 55] и В.Ю. Григорьев [7. С. 481–482].

Между тем каковы бы ни были впечатления исследователей от внешних параметров крупного рогатого скота у хакасов, по сути, он был и осознавался в народе в качестве самого большого и сильного вида домашних животных. На фоне остальных он резко выделялся не только габаритами, но и еще присущей ему обширной функциональностью. Как уже отмечалось, именно благодаря ему и в наибольших объемах для своих нужд люди получали и получают самый широкий спектр мясомолочной и иной продукции. Это, безусловно, и определило то, что крупному рогатому скоту было отведено особое место в хозяйственной деятельности народа. Образы этих животных широко распространены в хакасском фольклоре. Отметим и то, что в устном народном творчестве хакасов очевидно не случайным представлен сюжет, согласно которому все хозяйство обедневшей семьи составляет лишь единственная ко-

рова – ключевой маркер их скотоводческой деятельности [14. С. 292; 23. С. 177]. Высокая практическая и символическая ценность этих домашних животных, в свою очередь, нашли отражение и в религиозно-мифологических представлениях хакасов.

Семейно-родовая обрядность каждого народа включает в себя систему норм и сакрализованных действий, обусловленных детским циклом (рождение, имянаречение, первое пострижение и пр.), свадьбой и похоронами. Безусловно, все это составляет важнейшую часть их этнической культуры, так как сопровождает человека всю его жизнь – от рождения и до смерти. Несмотря на всю многогранность и разнообразие функций ритуалов, связанных с указанными циклами жизни человека, в своей глубинной основе все они ориентированы на сохранение и непрерывное воспроизводство жизни не только самого человека и его семьи, но и рода и общества в целом. В связи с этим они имеют непосредственное отношение к идее плодородия и во многом направлены на его поддержание и усиление. Немаловажное значение в данном процессе, как правило, отводилось непосредственно домашним животным и их образам. Они выполняли различные функции, начиная от роли невинной жертвы духам и божествам, а также универсального символического предмета дарообмена и заканчивая восприятием их в качестве сакрального объекта почитания – *ызых'а*. Важное место среди них, конечно же, занимал и крупный рогатый скот.

Обратим внимание на то, что в традиционной культуре он имел не только сугубо утилитарную, но и глубоко символическую ценность. Его образ (особенно быка), обычно ассоциировался с плодovitостью и большой половой потенцией. Как полагали, она мистическим образом благотворно влияла и непосредственно на жизнь самого человека. Поэтому обозначенные домашние животные и их образы выступали в качестве важнейшего элемента в семейно-родовой обрядности и наделялись высоким семиотическим статусом.

При рождении ребенка (обычно через месяц) обязательно устраивался пир – *пала тойы*. На обозначенное мероприятие всегда закалывался скот, обычно крупнорогатый [24. С. 32]. В культуре хакасов данная традиция имела большую практическую значимость. Она выражалась в том, что от крупного животного, собственно благодаря его размерам, всегда получают и больший объем мясной продукции, нежели от других. Это позволяет сытно накормить значительное количество приглашенных на праздник гостей. Как показывает китайская практика, чем многочисленнее торжество, тем больше даров получает и сам новорожденный, и его семья. При этом заметим, что смысл данного обычая не ограничивается сугубо утилитарной стороной. Большое значение всегда отводилось и до настоящего времени придается благопожеланиям – *алгыс*. В традиционном сознании они, как и проклятья – *харгас* / *харгыс*, наделяются огромной сакральной силой, воздействующей на человека и все его окружение. Верят,

что многократно произнесенный *алгыс* оказывает благотворное влияние на судьбу младенца и жизнь всей его семьи.

Непременным атрибутом праздника *пала тойы* было одаривание ребенка домашним скотом. В связи с чем Н.Ф. Катанов рассматривая данную норму у хакасов, писал, что «дарят тогда, когда родится ребенок: корову, овцу, козу, лошадь или что-нибудь другое» [25. С. 57]. При всем разнообразии дарственных приношений, в традиционной культуре хакасов, пожалуй, одним из самых ценных все же был крупный рогатый скот. Он относился к категории наиболее престижных даров, подразумевавших собой неперенный возврат дарителю его стоимости в той или иной форме. В связи с чем в народе бытовал обычай отдаривания – *харо*. Его суть состояла в том, что со временем, когда младенец становился взрослым, он был обязан возместить дарителю полную цену подаренного ему животного [3. С. 104].

Большое значение в обрядности, связанной с детьми, у хакасов придавалось и молоку – *сүт*. Оно, как мы знаем, является одной из главных продуктов, получаемых от коров и других животных. Однако в быту хакасов наибольшее предпочтение всегда отдавалось коровьему молоку. Как известно, молоко – это та пища, которую впервые и на протяжении длительного периода потребляет новорожденный. Во многом благодаря этому на первых порах устойчиво поддерживается его жизнь. Вероятно, данный факт во многом поспособствовал тому что, в традиционной культуре данный напиток стал отождествляться с жизнью и плодоносящей субстанцией. Добавим и то, что белый цвет олицетворяет невинность и чистоту – то, что в полной мере свойственно безгрешным младенческим душам. В шаманской обрядности хакасов, направленной на получение души ребенка, всегда использовалось молоко. Женщина, желающая стать матерью, в процессе ритуала до дна выпивала чашу с молоком, куда шаман помещал *хут* – душу будущего младенца [26. С. 146–149; 27. С. 46–47]. Схожий по смыслу обряд с молоком, но без участия шамана проводился и при безвременной кончине ребенка. В процессе выноса тела в чашку наливали молоко, и какая-нибудь пожилая женщина трижды обносила этот напиток вокруг покойного со словами: «не уходи совсем, возвратись!». После этого молоко давали выпить матери. Этот ритуал С.Д. Майнагашев пояснял так: «Смысл обряда ясен: хотят зазвать душу ребенка, чтобы она снова родилась от той же матери» [28. С. 292].

Молоко как мощное очистительное магическое средство использовалось и в процессе имянаречения ребенка. Человеку, дающему младенцу имя, прежде требовалось освятить свои уста молоком белой коровы [3. С. 104]. Называемые имена могли быть самыми разнообразными. И.И. Каратанов писал, что «по рождению сейчас же дают ребенку имя животного или человеческого или какой-нибудь вещи, что увидит бабка при появлении ребенка на свет, именем того предмета ре-

бенок и нарицается; встречаются имена: “Собака”, “Запас”, “Черви”, “Сорока”, “Казаг” (т.е. русский), “Малокан”, “Карабуга” (черный пороз) и проч.» [29. С. 628–629]. Отметим и то, что довольно распространенными среди хакасов были мужские имена и прозвища, связанные с образом быка. Они широко представлены и в фольклоре: *Пуга* – ‘Бык’, *Пугацах* – ‘Бычок’, *Торбах* – ‘Теленок’, *Пуга Мөкө* – ‘Бык-силач’, *Хара Пуга* – ‘Черный Бык’, *Ала Пуга* – ‘Пегий Бык’ и др. [12. С. 161; 14. С. 499; 29. С. 628–629; 30. С. 7;].

Крупный рогатый скот был широко задействован и в свадебной обрядности. Обладая высокой материальной и символической ценностью, он выступал в качестве важнейшего атрибута дарообмена. Наряду с другими домашними животными, был неременной составляющей как калыма за невесту, так и ее приданного. Впервые данный обычай у хакасов еще в XVIII в. зафиксировал Г.Ф. Миллер. Он сообщал о том, что «наивысший калым состоит из 30 голов скота, наполовину лошадьми, наполовину рогатым скотом <...> Среди скота иногда дают и овец, а именно, по 2 за одну голову крупного рогатого скота» [18. С. 354]. Подобного же рода сведения встречаются и в материалах Г.И. Спасского, писавшего о том, что «некоторые сверх того платят за невесту отцу ее выкуп или калым, состоящий из лошадей и рогатого скота» [8. С. 12–13].

Вместе с тем крупный рогатый скот использовался не только как подарок, и в качестве штрафной санкции. Выполнял функцию возмещающего дара. М.А. Кастрен в ходе своей экспедиции записал следующий случай. Некий состоятельный хакас, вопреки обычному праву народа, решил жениться на близкой родственнице. Нарушение традиции вызвало категорическое неприятие данного факта со стороны не только отдельных родственников, но и родоначальника. Он отказывался дать официальное согласие на этот брак. Однако после долгих уговоров он все же согласился, но с требованием «ста хороших быков, как очистительной жертвы» [31. С. 382–383].

В хакасской традиции во время церемонии сватовства была распространена практика приношения женихом и его родственниками родителям невесты даров – арчы. Они обычно состояли из ткани, спиртных напитков, табачных изделий, мясомолочной продукции и пр. Говяжье мясо, как ценный пищевой и символический продукт, было обязательной частью этого гостинца. В связи с чем Н.А. Костров, рассматривая данный обычай, отмечал, что «арча, привозимая женихом и родными его, состоит из табаку, вина, сушеного кислого сыра, масла и свежего коровьего и бараньего мяса» [24. С. 26]. Последующие дары носили регулярный характер и продолжались до самой свадьбы. Поездка поздней осенью называлась *тазынныг уца* – ‘застолье с быком’. Бычьей тушу разделявали по суставам и привозили на санях в подарок родителям невесты [3. С. 48]. Данная традиция нашла свое отражение и в устном народном творчестве:

*Пуга иди чирде,
Поралбин чидек, свадым;
Пу палаңны пирерде,
Алахтырбин пирдек, свадым.
Хазыра иди чирде,
Харлыхпин чидек, свадым;
Хайран палаңны пирерде,
Харылбин пирдек, свадым*

Когда нужно есть мясо быка,
Не давясь, ешь-ка, мой сват;
Когда это дитя отдавать будешь,
Без обмана отдай-ка, мой сват.
Когда нужно есть мясо телки.
Не давясь, ешь-ка, мой сват;
Когда бедняжку-дитя отдавать будешь,
Не противясь, отдай-ка, мой сват.

[15. С. 25].

На свадебный пир – *улуг той*, как правило, забивали три вида домашних животных: лошадь, быка / корову, барана [25. С. 44; 32. С. 21; 33. С. 34; 34. С. 95]. Н.А. Костров обратил внимание на то, что на праздник быки обязательно «ведутся живьем» [24. С. 27–28]. При этом баи забивали пять, семь и даже девять голов крупного рогатого скота (обязательно нечетное число) [3. С. 57].

Отдельные части туши крупного рогатого скота наделялись сакральными свойствами и широко использовались в свадебной церемонии. К числу таковых относились: говяжьи грудина и крестец – *марга* / *парга*. Согласно традиции, отдельным родственникам для благополучия жизни молодоженов перед пиром указанные недоваренные куски мяса требовалось поднять – *марга хабарга*. По сведениям В.Я. Бутанаева, «грудина крупного скота называлась “кичиг парга” – малая парга. Ее предлагали поднять старшей сестре, тете или любой старшей родственнице из рода жениха. Задняя часть туши крупного скота “улуг парга” – большая парга дарилась дяде по матери (тайы) или старшему зятю (чисте) жениха. Прежде чем угощать народ мясом и вином, проводили процедуру поднятия “парги”. Полусырое мясо клали в большую кадку. Дядя по матери или старший зять обязаны были поднять большую паргу двумя руками» [3. С. 60]. Мужчина, подняв *марга*, совершал поклоны и произносил пожелания: чаще общаться и впредь ездить друг к другу в гости [2. С. 83].

Не менее почитаемой сакрализованной частью туши скота являлась правая голень – *чода*. В традиционном сознании хакасов она имела отношение к идее плодородия и культу предков. На свадьбе ее использовали в церемонии плетения двух кос невесте. Н.Ф. Катанов сообщал, что «собравшийся народ во время главного пира ставит (для новобрачных) шалаш и в него сажают рядом жениха и невесту; усадивши, берут голенную кость (коровы) с мозгом и мажут (невесте) волосы (костью, когда уже заплетены 2 женские косы); эту кость с мозгом бросают (в народ), и молодежь ловить ее; (кость) бросают

на восточную сторону. Расплетают девичьи косы и заплетают женские те же люди, которые участвуют в пире. Человек, поймавший кость, отдает ее старику» [25. С. 45]. Были убеждены, что тот молодой человек, который первым раздобыл голennую кость, в скором времени и благополучно женится [3. С. 55].

После указанных церемоний новобрачных водили в гости к родственникам жениха, которые преподносили им разнообразные подарки, в числе которых обязательно был скот. Н.Ф. Катанов так описывал этот процесс: «Сын, только что женившийся, приходит с вином (арага) к своему отцу, кланяется ему в ноги и просить имения. Когда сын попросит, отец дает ему скота: овец, коров и лошадей; затем отец благословляет своего сына, говоря: “Я даю тебе белую корову, чтобы делать айран! Я даю тебе гнедого коня, чтобы ездить на свадьбы! Я даю тебе пегого коня, чтобы ездить по улусам!”» [14. С. 236–237].

Следует отметить, что во всех традиционных свадебных благопожеланиях ключевыми являются пожелания о процветании и воспроизводстве жизни во всех ее проявлениях. Немаловажное значение при этом придается и образу домашних животных – неотъемлемой составляющей благополучной жизни скотовода:

*Хазаага толдыра малыг полыңар,
Чуртха толдыра палалыг полыңар*

Пусть у вас будет полный хлев скота,
Пусть у вас будет полный дом детей.

[35. С. 272] (перевод мой. – В.Б.)

*Алын идегіңер пала-парха пассын!
Кизін идегіңер пызо-хураган пассын!*

Пусть на ваш передний подол наступают
дети и внуки!

Пусть на ваш задний подол наступают
телята и ягнята!

[13. С. 338, 349].

Домашним животным отводилось особая роль и в похоронной обрядности хакасов. Для проведения похорон в качестве ритуального угощения забивали мелкий и крупный рогатый скот. Исследователи XIX в. описывали эту традицию следующим образом: «На похороны съезжаются со всех сторон, колют для поминовения быка, баранов и лошадей (смотря по состоянию), берут чугунную чашу и мясо увозят с собою на кладбище, где и варят» [29. С. 629–630]; «Если хоронят богатого, то съезжается много народа. Для поминовения колют быка, барана, лошадей. Мясо и чугунные котлы берутся на кладбище, и там уже все варится» [33. С. 40]; «Когда могила уже засыпана землею, семейство умершего режет, смотря по числу гостей, нескольких баранов или двух трех быков, варить тут же мясо и почует им приезжих; те со своей стороны выставляют привезенное ими вино» [24. С. 34].

Животное, которое кололи на похороны в честь умершего, называли *mōgig* / *mōgige soxhan mal* [36. С. 659].

В качестве *mōgig* для мужчин выступал бык / вол, а для женщин – корова / телка. При разделке туши кости рубить запрещалось, расчленяли строго по суставам. Сохранение целостности костяка несло в себе семантику возрождения и непрерывного воспроизводства скота. В.Я. Бутанаев отмечал, что «для кормления покойника отваривали левую сторону туши животного, мясо правой стороны раздавали всем приехавшим на похороны. Пища, приготовленная на похороны и раздаваемая приехавшим родичам, называлась “олчей” (букв. “пища счастья”). На севере Хакасии, в долине Июсов, для умершего мужчины варили мясо правой половины туши “тёгиг”, а для женщины – левой. Мясо этого животного обязательно надо было съесть до третьего дня (в некоторых местах – до седьмого). Кости “тёгиг” собирали в одно место. Если кто-то получил в гостинец мясо с костями, то этот человек обязан принести кости обратно. На третий день (в некоторых местах на седьмой) вечером все кости собирались в посуду и какой-нибудь одинокий старик, выйдя за околицу, бросал их в сторону кладбища. Затем он кропил вином и говорил: “Возьми все кости! Твой скот мы тебе отдаем!”. Иногда их сжигали на костре в ограде дома» [3. С. 127].

Добавим, что у хакасов, проживающих в долине реки Тёя, и до настоящего времени бытует обряд *нас тастирга* – бросание головы крупного рогатого скота, забитого в честь умершего. В ритуальных целях используется лишь отваренная и обглоданная голова, по сути представляющая из себя голый череп. Обрядовое действие выражается в том, что на третий день похорон в полуденное время мужчины поднимаются на гору, расположенную за деревней вблизи кладбища. И обращаясь к душе умершего, бросают голову на запад со словами: «Возьми свою долю!» [37. С. 530].

В традиционных представлениях хакасов функциональность *mōgig* не ограничивается лишь ролью ритуальной пищи покойника и всех присутствующих на похоронах. В религиозно-мифологическом сознании народа *mōgig* воспринимается еще и в качестве ездового животного в загробный мир. Данные воззрения можно проиллюстрировать мифом-быличкой, зафиксированным С.Д. Майнагашевым:

«Умерла одна девушка. У этой девушки остался здесь платок. Мать и отец не заметили этого. Он лежал завернутый на дне шкатулки. Та девушка, являясь во сне, все просила свой платок. В том же улусе умерла одна женщина. Когда она умерла, повезли ее два человека, посадив верхом на пеструю корову. Когда привезли (в улус умерших), там ее (умершие) не принимают, – говорят, что привезли не того человека. Отправили ее обратно. Встретила она там ту умершую девушку. Та ей заказала: “передай отцу и матери, пусть сожгут мне мой платок. Он лежит завернутый в шкатулке”. Те же два человека привезли (во сне. – В.Б.) женщину (обратно) и (сами) вернулись. Это было в день ее семидневных поминок. Ночью пошли люди разграбить

могилу той женщины. Разрыли. Когда раскрыли гроб, женщина уцепилась за одного. Так она поднялась. Поднявшись, ушла домой. Женщина эта, вернувшись, сказала отцу и матери той девушки: «Платок вашей дочери остался в шкатулке. Сожгите его». Платок сожгли; после этого и во сне не стала являться девушка. Привезли обратно женщину на той же пестрой корове. Оказалось, что это была корова, заколотая по случаю ее смерти <...> Умершую увозят (на тот свет. – В.Б.) на том животном, которое было заколото к ее смерти. Это поверье, может быть, лежит в основе обычая до истечения трех дней не ломать костей такого животного» [28. С. 283–284].

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что: 1) в традиционном хозяйстве хакасов важное место отводилось скотоводству; 2) особое внимание при этом уделялось разведению крупного рогатого скота. Он выделялся особой функциональностью. От данного вида домашних животных в наибольшем количестве получали основную массу мясомолочной продукции, а шкура (кожа) и пр. использовались для изготовления одежды и в хозяйственных целях; 3) высокая утилитарная ценность коров / быков способствовала тому, что в быту хакасов они выступали в качестве распространенного расчетного средства, а также важнейшего предмета торговли, в

том числе и меновой; 4) наличие скота и его количественный состав составляли основу материального благополучия и стабильности жизни народа. Все это являлось маркером социального статуса человека и его семьи, а нередко и ключевым идентификационным фактором; 5) высокая практическая и символическая значимость этих домашних животных нашла отражение в фольклоре и религиозно-мифологических представлениях хакасов; 6) животным была определена особая роль и в ритуалах, обусловленных жизненным циклом человека: рождением, браком и смертью. В обрядности помимо своего прямого предназначения этого вида скота, как главного источника мясной и молочной продукции, немаловажное значение придавалось и их знаковому статусу. Коровы и быки, будучи престижными дарами, являлись ключевым предметом дарообменных процессов при рождении ребенка, свадебной церемонии и похоронах. Образ этих животных стал неотъемлемой частью и ритуальных текстов, связанных с жизненными циклами человека; 7) в семейно-родовой обрядности особой символической ценностью наделялись и отдельные части их тела – голова, грудина, крестец. Большое сакральное значение придавалось и коровьему молоку – *сүт*; 8) в религиозно-мифологическом сознании хакасов крупный рогатый скот нередко воспринимался и в качестве транспортного средства для души умершего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.
2. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX в.). Абакан : Хакас. кн. из-во, 1958. 104 с.
3. Бутанаев В.Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан : Журналист, 2014. 316 с.
4. Риттер К. Землевание Азии Карла Риттера. География стран входящих в состав азиатской России или пограничных с нею. Алтайско-Саянская горная система в пределах Русской империи и по Китайской границе. СПб. : Тип. В. Безобразова и К., 1860. Т. 3. 572 с.
5. Шуклин Н.С. Минусинский округ // Журнал Министерства внутренних дел. 1856. № 18. С. 1–58.
6. Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV археологического съезда, 1881. Казань, 1884. Т. 1. С. 208–248.
7. Григорьев Н.Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края // Известия ИРГО. 1906. Т. XLII, вып. 2–3. С. 353–485.
8. Спасский Г.И. Народы, кочующие вверх реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 1–25.
9. Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережитом // Русская старина. 1881. Т. 31. С. 327–370.
10. Костров Н.А. Среднее течение Енисея // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12: Восточные окраины России, ч. 1: Восточная Сибирь. СПб. ; М. : Изд-во Тов-ва М.О. Вольфа, 1895. С. 51–76.
11. Хакас чонның тахпахтары. Хакассские народные тахпахи. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1980. 132 с.
12. Субракова О.В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2007. 164 с.
13. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан : Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
14. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
15. Хакас чонының көглері. Народное музыкальное творчество хакасов. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1955. 143 с.
16. Хан поэрахан аттыг Хан Мирген // Хан Мирген. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1969. С. 9–114.
17. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Кн. 2, ч. 2. 571 с.
18. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
19. Спасский Г.И. Народы, кочующие вверх реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 2. С. 26–56.
20. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб. : Типолит. В.А. Тиханова, 1892. 467 с.
21. Чудновский С.Л. Енисейская губерния: К трехсотлетию юбилею Сибири (Статистико-публицистические этюды). Томск : Тип. Сибирской газеты, 1885. 198 с.
22. Аргунов П.А. Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог музея. Казань : Тип. Н.А. Ильяшенко, 1892. 151 с.
23. Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. 312 с.
24. Костров Н.А. Кизильские татары. Казань, 1853. 38 с.
25. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Типо-Лит. Импер. Казан. ун-та, 1897. 104 с.
26. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2006. 254 с.
27. Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Культурная атрибутика богини Умай в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX – вторая половина XX века) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3 (13). С. 39–53.
28. Майногашев С.Д. Загробная жизнь по представлению турецких племен Минусинского края // Живая старина. 1916. Т. XXIV, вып. 3. С. 277–292.
29. Каратанов И.И. Черты внешнего быта качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 618–645.

30. Доможаков В., Кычаков И. Предисловие // Албынжи. Хакасское героическое сказание. Абакан : Хакас. обл. гос. кн. изд-во, 1951. С. 5–8.
31. Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838–1844, 1845–1849 гг. // Магазин землевладения и путешествий. Географический сборник Николая Фролова. М. : Тип. Александра Семена, 1860. Т. VI, ч. 2. 495 с.
32. Костров Н.А. Женщина у инородцев Томской губернии // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 1. С. 1–41.
33. Кропоткин А.А. Саянский хребт и Минусинский округ // Живописная Россия. СПб. ; М. : Изд. Тов-ва М.О. Вольф, 1895. Т. 12, ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. С. 19–50.
34. Ельницкий К.В. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России. СПб. : Д.Д. Полубояринов, 1895. 136 с.
35. Ах Хан на белобуланном коне. Ах пораттыг алып Ах Хан. Богатырское сказание, записанное от С.И. Шульбаева на хакасском языке. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2007. 276 с.
36. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
37. Бурнаков В.А. Смерть и похороны в культуре хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры, 2009. № 1 (23). С. 521–538.

Venariy A. Burnakov. Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: venariy@ngs.ru

CATTLE IN THE TRADITIONAL SOCIO-NORMATIVE AND RITUAL PRACTICE OF THE KHAKASSES (THE END OF XIX - MID XX CENTURY)

Keywords: Khakass; culture; way of life; cattle; traditional outlook; ritual; folklore; symbolism.

The aim of this work is to study the place and role of cattle in traditional life, family and tribal rituals of Khakass people. To achieve this goal, the following tasks were solved: identification of its economic value and role in the worldview and ritual practices of the people.

The chronological scope of works covers the late XIX – mid XX centuries. The choice of these temporal boundaries caused primarily by the state of the database sources on the research topic. The main sources are the historical-ethnographic and folklore materials. The work based on complex, system and historical approach to the study of the past. Research methodology based on historical-ethnographic methods – scientific descriptions of concrete historical and relic.

In the analysis we can draw the following conclusions: 1) in the traditional economy of Khakass people an important place was given to the cattle; 2) Special attention was paid to the breeding of cattle. He was distinguished by its functionality. From this type of pets in the greatest number received the bulk of meat and dairy products, skin, etc. used for manufacturing clothes and various household needs; 3) High utilitarian value of cows / bulls contributed to the fact that in everyday life of the Khakass people, they acted as the common settlement funds, as well as the most important subject of trade, including barter; 4) the presence of cattle and its quantitative composition was the basis of material well-being and stability of people's lives. All this was a marker of social status and of his family, and often a key identification factor; 5) High practical and symbolic importance of these pets is reflected in the folklore and in the religious-mythological views of the Khakass people. Animals were identified a special role in rituals, due to the life cycle of man: birth, marriage and death. In rituals in addition to its direct purpose, such as the main source of meat and dairy products, considerable importance was attached to their iconic status. Cows and bulls, as prestigious gifts were the key subject of such processes for child birth, wedding ceremonies and funerals. The way these animals became an integral part of the ritual texts associated with the life cycles of man. In family and tribal rites special symbolic value endowed and private part of their body - the head, sternum, sacrum. Great sacred significance was attached to the cow's milk. In the religious-mythological consciousness of the Khakass people cattle is often perceived as a vehicle for the soul of the deceased.

Summing up the above it can be stated that in the traditional culture of Khakass people considered pets and their images took an important place and has carried out various socio-normative and ritual functions.

REFERENCES

1. Yakovlev, E.K. (1900) *Etnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob'yasnitel'nyy katalog Etnograficheskogo otdela muzeya* [Ethnographic Overview on Native Population of the South Enisei Valley and Explanatory Catalog of the Museum Ethnographic Department]. Minusinsk: Tip. V.I. Kornakova.
2. Patachakov, K.M. (1958) *Kul'tura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazey s russkim narodom (XVIII – XIX v.)* [Culture and life of the Khakass in the light of historical ties with the Russian people (the 18th – 19th centuries)]. Abakan: Khakasskoe kn. iz-vo.
3. Butanaev, V.Ya. (2014) *Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya* [Weekdays and holidays of the Turks of Hongorai]. Abakan: Zhurnalst.
4. Ritter, K. (1860) *Zemlevladenie Azii Karla Rittera. Geografiya stran vkhodyashchikh v sostav aziatskoy Rossii ili pograniichnykh s neyu. Altaysko-Sayanskaya gornaya sistema v predelakh Russkoy imperii i po Kitayskoy granits* [Land tenure by Carl Ritter. The geography of countries that are part of Asian Russia or bordering with it. The Altai-Sayan mountain system within the Russian Empire and along the Chinese border]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip-ya V. Bezobrazova i K.
5. Shchukin, N.S. (1856) Minusinskiy okrug [Minusinsk District]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 18. pp. 1–58.
6. Kostrov, N.A. (1884) Ocherki byta minusinskikh tatar [Essays on the life of the Minusinsk Tatars]. *Trudy IV arkheologicheskogo s'ezda*. 1. pp. 208–248.
7. Grigoriev, V.Yu. (1906) K voprosu o pozemel'nom ustroystve inorodtsev Minusinskogo kraia [On the land system of non-Russians of the Minusinsk Territory]. *Izvestiya IRGO*. XLII(2–3). pp. 353–485.
8. Spassky, G.I. (1818) Narody, kochuyushchie vverkh reki Enisey [Nomad peoples at the top of the Enisei]. *Sibirskiy vestnik*. 1. pp. 1–25.
9. Belyaev, A.P. (1881) Vospominaniya o perezhitom i perechuvstvovannom [Memories of the bygone]. *Russkaya starina*. 31. pp. 327–370.
10. Kostrov, N.A. (1895) Srednee techenie Eniseya [The middle Yenisei]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia. Our Homeland in its land, historical, tribal, economic, and domestic importance]. Vol. 12. St. Petersburg; Moscow: Izd-vo Tov-va M.O. Vol'fa. pp. 51–76.
11. Karpov, V.G. (1980) *Khakas chonnyh takhpakhtary. Khakasskie narodnye takhpakhi* [Khakass folk tahpahi]. Abakan: Krasnoyarskoe kn. izd-vo.
12. Subrakova, O.V. (2007) *Yazyk khakasskogo geroicheskogo epasa* [The language of the Khakass heroic epic]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo.
13. Butanaev, V.Ya. & Butanaeva, I.I. (2008) *Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora* [The world of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan: KhSU.
14. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannyye V. V. Radlovym)* [Adverbs of Uryankhay (Soyots), Abakan Tatars and Karagas: (Samples of folk literature of Turkic tribes published by V.V. Radlov)]. Vol. 9. St. Petersburg: [s.n.].
15. Anon. (1955) *Khakas chonnyh kögleri. Narodnoye muzykal'noye tvorchestvo khakasov* [Folk music of the Khakas]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo.
16. Anon. (1969) *Khan Mirgen* [Khan Mirgen]. Abakan: Krasnoyarskoe kn. izd-vo. pp. 9–114.
17. Pallas, P.S. (1786) *Puteshestvie po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva* [Journey to different places of the Russian state]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].

18. Miller, G.F. (2009) *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian peoples]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
19. Spassky, G.I. (1818) Narody, kochuyushchie vverkh reki Enisey [Nomad peoples at the top of the Enisei]. *Sibirskiy vestnik*. 2. pp. 26–56.
20. Latkin, N.V. (1892) *Eniseyskaya guberniya, ee proshloe i nastoyashchee* [Yenisei province, its past and present]. St. Petersburg: Tipo-Lit-ya V.A. Tikhanova.
21. Chudnovsky, S.L. (1885) *Eniseyskaya guberniya: K trekhstolletnemu yubileyu Sibiri (Statistiko-publitsisticheskie etyudy)* [Yenisei province: On the bicentennial anniversary of Siberia (Statistical and journalistic studies)]. Tomsk: Sibirskaya gazeta.
22. Argunov, P.A. (1892) *Ocherki sel'skogo khozyaystva Minusinskogo kraia i ob'yasnitel'nyy katalog muzeya* [Essays on agriculture of the Minusinsk Territory and an explanatory catalog of the museum]. Kazan: Tip-ya N.A. Ilyashchenko.
23. Ungvitskaya, M.A. & Maynogasheva, V.E. (1972) *Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Khakass folk poetry]. Abakan: Krasnoyarskoe kn. izd-vo.
24. Kostrov, N.A. (1853) *Kizil'skie tatary* [The Kizil Tatars]. Kazan': [s.n.].
25. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sent. 1896 g. v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on the trip made from May 15 to September 1, 1896, in Minusinsk district of the Enisei province]. Kazan: Kazan Imperial University.
26. Butanaev, V.Ya. (2006) *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Hongorai traditional shamanism]. Abakan: KhSU.
27. Burnakov, V.A. & Tsydenova, D.Ts. (2016) "Cult attributes of the goddess Umai in the religious-mythological views of the Khakass people (the end of the 19th – the second half of the 20th century)". *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(13). pp. 39–53. (In Russian).
28. Maynagashev, S.D. (1916) *Zagrobnyaya zhizn' po predstavleniyu turetskikh plemen Minusinskogo kraia* [The afterlife according to the ideas of the Turkish tribes of the Minusinsk Territory]. *Zhivaya starina*. 24(3). pp. 277–292.
29. Karatanov, I.I. (1884) *Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar* [The life of the Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 20(6). pp. 618–645.
30. Domozhakov, V. & Kychakov, I. (1951) Predislovie [Foreword]. In: Kadyshchev, S.P. *Albynzhi. Khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albynzhi. Khakass heroic legend]. Abakan: Khaasskoe obl. gos. kn. izd-vo. pp. 5–8.
31. Kastren, M.A. (1860) *Puteshestvie po Laplandii, Severnoy Rossii i Sibiri v 1838–1844, 1845–1849 gg.* [Traveling in Lapland, Northern Russia and Siberia in 1838–1844, 1845–1849]. In: Frolov, N. *Magazin zemlevladieniya i puteshestviy. Geograficheskii sbornik Nikolaya Frolova* [Journal of Land Tenure and Travel. Nikolai Frolov's Geographical]. Vol. 6. Moscow: Tip-ya Aleksandra Semena.
32. Kostrov, N.A. (1875) *Zhenshchina u inorodtsev Tomskoy gubernii* [A woman among the non-Russians in the Tomsk province]. In: *Sbornik istoriko-statisticheskikh svedeniy o Sibiri i sopredel'nykh ey stranakh* [Collection of Historical and Statistical Information about Siberia and its Neighboring Countries]. Vol. 1. St. Petersburg. pp. 1–41.
33. Kropotkin, A.A. (1895) *Sayanskiy khrebet i Minusinskiy okrug* [The Sayan Range and Minusinsk District]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia. Our Homeland in its land, historical, tribal, economic, and domestic importance]. Vol. 12. St. Petersburg; Moscow: Izd-vo Tov-va M.O. Vol'fa. pp. 19–50.
34. Elnitsky, K.V. (1895) *Inorodtsy Sibiri i sredneaziatskikh vladenyi Rossii* [Non-Russians of Siberia and Russian territories in Central Asian]. St. Petersburg: D.D. Poluboyarinov.
35. Shulbaev, S.I. (2007) *Akh pora attye alyp Akh Khan. Bogatyrskie skazanie, zapisannoe ot na khakasskom yazyke* [Ah Khan on a white-headed horse. The heroic legend recorded by S.I. Shulbaev in Khakass language]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo.
36. Subrakova, O.V. (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [The Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
37. Burnakov, V.A. (2009) *Smert' i pokhorony v kul'ture khakasov* [Death and funeral in the Khakass culture]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology and Culture*. 1(23). pp. 521–538.

УДК 903.02(571.53)
DOI: 10.17223/19988613/63/23

О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, Н.Б. Соколова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ С РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10169).

Проведен сравнительный анализ керамики раннего неолита (сетчатой и шнуровой хайтинского типа) с побережья озера Байкал. Работа выполнена на материалах четырех стратифицированных объектов: Итырхей, Тышкинэ II, Характа I, Бугульдейка I. Судя по радиоуглеродным датам, полученным по всем комплексам стоянок раннего неолита, обе традиции существовали в одном хронологическом диапазоне 8160–7000 кал. л.н. (относительно синхронно). Выявлены сходство и различия в гончарном производстве этих двух керамических традиций.

Ключевые слова: озеро Байкал; ранний неолит; керамика; технология; морфология.

Введение. Одним из направлений в изучении неолитических комплексов является всестороннее исследование керамики, которая выступает важнейшим источником информации о древнем населении. Изучение технологии изготовления сосудов и их орнаментации позволяет рассматривать вопросы, связанные с контактами древнего населения, миграциями и т.д.

В раннем неолите побережья Байкала отмечено существование двух традиций изготовления керамических сосудов [1. С. 43–44; 2; 3. С. 82–183; 4]. С одной стороны, фиксируются комплексы, содержащие только керамику с оттисками сетки-плетенки: Улан-Хада, Итырхей, Бугульдейка II, Характа I. С другой стороны, стоянки, в материалах которых, наряду с сетчатой керамикой, фиксируется шнуровая керамика хайтинского типа: Саган-Заба II, Тышкинэ II, Бугульдейка I. Комплексы только с керамикой хайтинского типа на побережье Байкала в настоящее время не зафиксированы. Сочетание двух керамических традиций в раннем неолите отмечено на территории всего юга Средней Сибири [5. С. 22; 6. С. 218–219].

Цель предлагаемой работы – на основе сравнительного анализа попытаться выявить специфические традиции производственного процесса (отбор исходного сырья, подготовка формовочной массы, конструирование, морфология и орнаментация) в изготовлении керамических комплексов раннего неолита, содержащих сосуды с оттисками сетки-плетенки и хайтинского типа.

Материалом для анализа послужили фрагменты керамики с четырех стратифицированных (преимущественно многослойных) поселений западного побережья оз. Байкал (рис. 1): Итырхей (VI–V слои), Тышкинэ II (IX–VIII слои), Характа I (II слой) и Бугульдейка I (VIII–VII слои). Эти объекты были исследованы в разные годы отрядами археологических экспедиций Иркутского государственного университета [1. С. 43–44; 2; 3. С. 182–183; 7–9]. Большинство из них имеют радиоуглеродные даты.

Изучение керамики осуществлялось на основе работ российских ученых: А.А. Бобринского [10], Ю.Б. Цетлина [11] и др. Для технико-технологического анализа использовано 1 053 фрагмента от 42 сосудов. Наблюдения выполнялись с помощью стереомикроскопа Альтами SM0745-T. Изучались свежие сломы и поверхности образцов. Для определения степени ожелезнения глины образцы обжигались в муфельной печи при температуре 850°C. Это позволило более точно определить степень ожелезнения и выявить минеральные примеси. Степень ожелезнения глины определена визуально. При определении запесоченности глины нами выделено три группы: слабой, средней и сильной степени запесоченности. Разделение производится путем простого подсчета песчаных фракций размером от 0,1 до 1 мм. Слабо запесоченные глины – с количеством песчаных фракций не более 10 на 1 см², средне запесоченные – от 10 до 40 (50) на 1 см², сильно запесоченные – от 50 и выше на 1 см², а также глины с большим количеством мелкого песка (менее 0,1 мм). Песчаные фракции – кварцевые, прозрачные, белого, серого и черного цветов.

Характеристика и анализ материалов. Анализ керамических материалов из поселений побережья Байкала приводится в географической последовательности расположения объектов (с севера на юг).

На многослойной стоянке Итырхей (Куркутский залив пролива Ольхонские ворота оз. Байкал) комплексы раннего неолита представлены материалами VI и V культурных слоев [7].

Керамика VI слоя (121 фрагмент от 3 сосудов), в основном, представлена фрагментами от остродонного сосуда, верхняя часть которого не зафиксирована (рис. 2, 1). Обломки от двух других сосудов состоят из стенок тулова. Вся керамика с оттисками сетки-плетенки. Ячея сетки на разных сосудах от 3 до 4 мм. На внутренней поверхности остродонного сосуда отмечены негативы сетчатой основы. Нагар зафиксирован как с внутренней, так и с внешней стороны керамики.

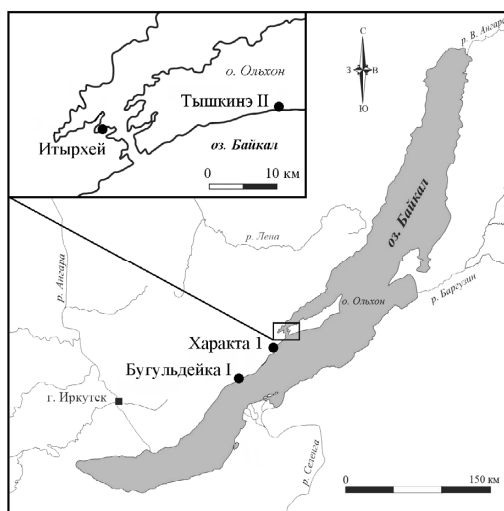

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических объектов

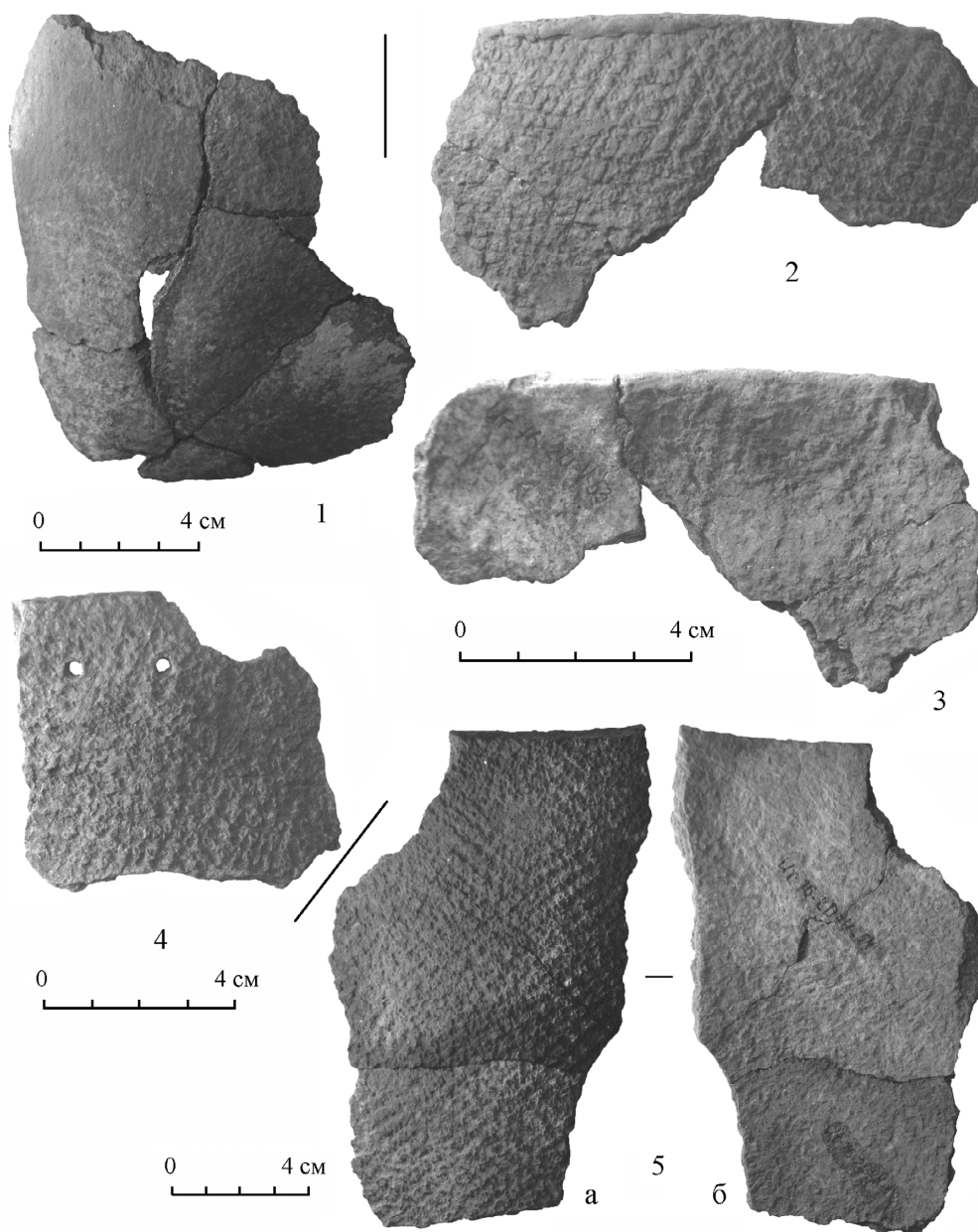

Рис. 2. Стоянка Итырхей: 1 – керамика из VI культурного слоя; 2–5 – керамика из V культурного слоя

Исходным сырьем служила глина среднежелезистая, средней и сильной запесоченности. Формовочная масса – глина + органика (?), наличие которой фиксируется в небольшом количестве в виде щелевидных пустот и черного, смолянистого блеска. Черепки плотные, тонкие (3–5 мм), в изломе – двухцветные. Характер спаев ряда фрагментов указывает на лоскутный налп.

В комплексе V слоя (188 фрагмента от 10 сосудов) использовалась глина средней железистости, средней и сильной запесоченности. Формовочную массу составляет глина. В одном случае использовалась органическая добавка. Внешняя поверхность всех сосудов и срез венчиков покрыты оттисками сетки-плетенки с четкими, ровными, рельефными негативами (рис. 2, 2, 4–5а). Расположение ячеек – наклонное (под углом 45° по отношению к срезу венчика). Размеры ячеек 4–5 мм. У одного сосуда оттиски мелкоячеистые (2,5–3 мм). На внутренней поверхности сосудов отмечены негативы сетчатой основы, на которой, вероятно, проводилась формовка изделий (рис. 2, 3, 5б). Черепки плотные; стенки тонкие (3–5 мм), толщина венчиков 6–10 мм. Судить о конструировании сосудов по имеющимся фрагментам затруднительно. На 3 сосудах фиксируются признаки лоскутного налпа (расслоение по спаям). В изломе черепки однотонные (от светло-коричневого до рыжего) либо двухцветные.

Все сосуды закрытые; из них 5 – сложной формы с высокими (3–5 см) отогнутыми венчиками. Диаметры венчиков от 20 до 24 см. Судя по фрагментам от одного сосуда, керамика с закругленным дном.

Орнаментировано только 3 сосуда из 10. Украшение в виде пояса отверстий (на 2 сосудах) или ямочек (1 сосуд) нанесено на расстоянии 1 см от среза венчика.

На стоянке Тышкинэ II (восточное побережье острова Ольхон) комплексы раннего неолита привязаны к IX и VIII культурным слоям [8].

Керамика IX слоя представлена 38 фрагментами от 3 шнуровых сосудов хайтинского типа (рис. 3, 1–3) и одним фрагментом дна с оттисками сетки-плетенки. Для изготовления шнуровой посуды применялась глина средней степени железистости, сильно- или средне-запесоченная. Использовано три рецепта формовочных масс: глина, глина + органика, глина + дресва + органика (?). В последнем случае отмечена крупная кварцевая дресва (от 5 до 10 мм) (рис. 3, 4). Органика, вероятно, растительного происхождения, отмечается в виде небольших желобков (2–3 мм); ее концентрация небольшая.

Внешняя поверхность сосудов покрыта оттисками тонкого шнура (не более 1 мм). Расположение оттисков наклонное, параллельно друг другу. На внутренней поверхности двух сосудов отмечены параллельные оттиски от какой-то основы и пальцевые вдавления, полученные при формовке сосудов. На всей посуде зафиксирован нагар. Толщина стенок 4–6 мм. На фрагментах от двух сосудов отмечены признаки лоскутного налпа. В изломе черепки одноцветные (от темно-серого до черного).

Форма всей шнуровой посуды закрытая, сложная. Срез венчика прямой либо скошен наружу. Диаметры венчиков от 22 до 26 см. Судя по отдельным фрагментам, сосуды круглодонные.

Орнамент нанесен по внешнему краю венчиков и по верхней половине тулова. Композиция узора состоит из горизонтальных линий (от 12 до 22), ниже которых расположены группами наклонные короткие линии. Орнамент нанесен узким штампом (ширина 1,5–2,5 мм) с овальным концом. Техника нанесения узора – отступление (2 сосуда) и накальвание (1 сосуд). Край венчика украшен насечками.

В комплексе зафиксирован один фрагмент от круглого дна с негативами сетки-плетенки, оттиски которой рельефные, с крупными узелками. На внутренней поверхности дна отмечены следы сетчатой основы. Сосуд изготовлен из среднежелезистой, сильнозапесоченной глины. Примесей выявить не удалось. Делать выводы о конструировании не представляется возможным из-за небольшого размера фрагмента. Черепок плотный, его толщина 5 мм; в изломе – коричневого цвета.

Керамика VIII слоя (90 фрагментов от 9 сосудов), в основном, с оттисками сетки-плетенки (70 фрагментов от 6 сосудов). Для нее исходным сырьем служила глина среднежелезистая (в одном случае – слабожелезистая), разной степени запесоченности (преобладает средняя, в двух случаях – сильнозапесоченная). Формовочная масса в большинстве случаев (4 образца) – глина + органика; в 1 случае – глина + шамот и 1 случай – без примесей. Органика фиксируется в виде щелевидных пустот с черными блестящими поверхностями, иногда в виде черных пятен от не выгоревших полностью частиц, возможно растительного происхождения, а также в виде «пятен» коричневого цвета. Концентрация органики небольшая. Шамот (в концентрации 1:5, 1:6) из слабожелезистой запесоченной глины; не калиброванный.

Внешняя поверхность сосудов и срез венчика покрыты оттисками сетки-плетенки (рис. 3, 6–8а). Негативы четкие, рельефные. Расположение ячеек: наклонными рядами, либо бессистемное. Преобладают оттиски ячеек размерами 4–5 мм; в 2 случаях – ячеек мелкая (1,5–3 мм). На внутренней поверхности всех сосудов зафиксирован нагар, на дне одного сосуда – негативы сетчатой основы (рис. 3, 8б). В одном случае зафиксирован лоскутный налп. В изломе черепки различной окраски (темно-коричневые, темно-серые; двухцветные – светло-коричневые у внешней поверхности и темно-серые, черные у внутренней; трехцветный – в центре серый, по краям коричневый). Толщина стенок 4–6 мм.

Формы сосудов закрытые: простые и сложные, с круглым дном. Диаметр венчика графически восстановленного сосуда – 22 см.

Преобладает орнамент в виде пояса мелких отверстий (диаметр 2,5–4 мм). На одном сосуде они соединены наклонно пересекающимися прочерченными линиями. Фрагменты от двух сосудов – без орнамента.

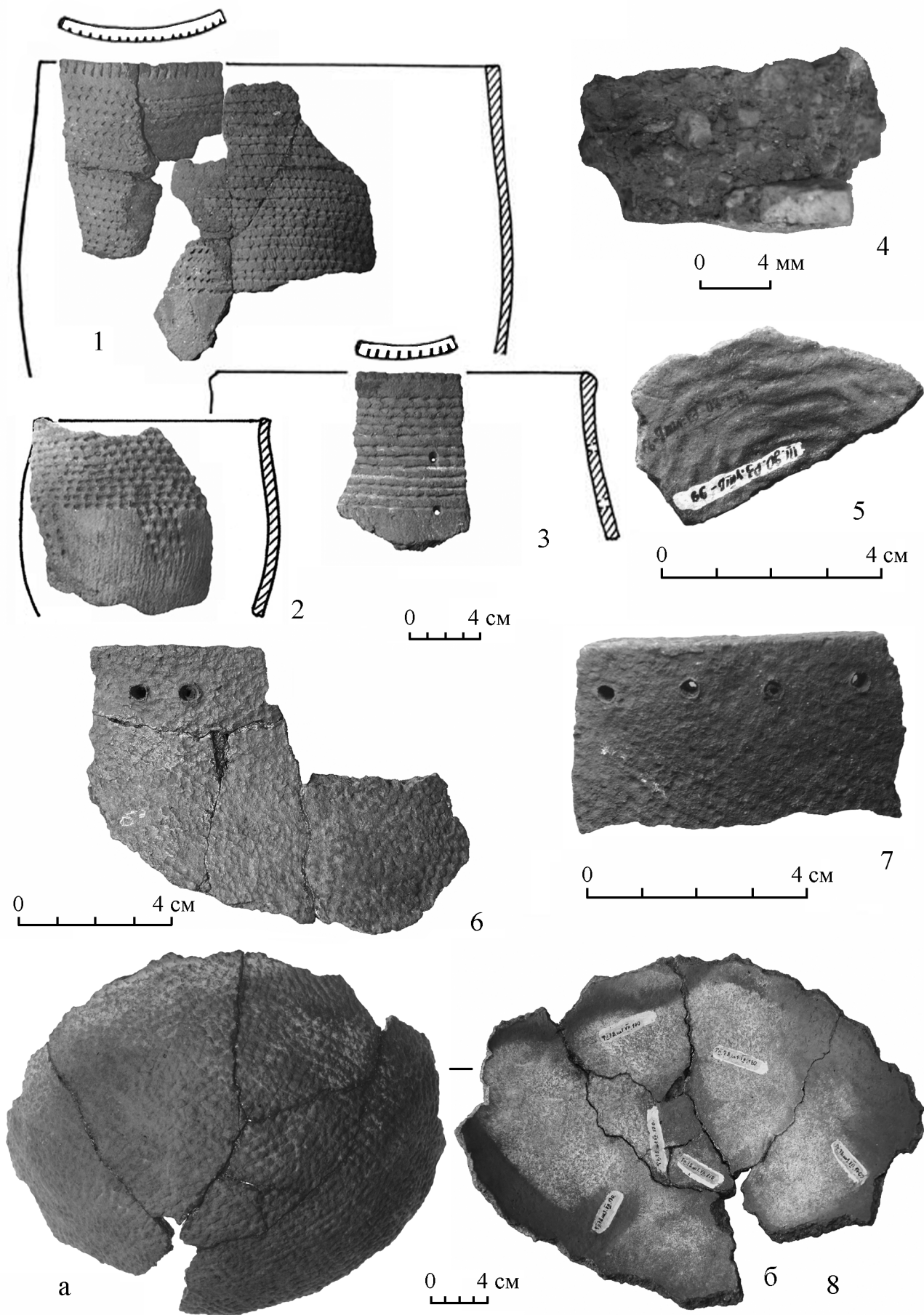

Рис. 3. Стоянка Тышкин II: 1–4 – керамика и шиф из IX культурного слоя, 5–8 – керамика из VIII культурного слоя

Вторую группу керамики составляют 15 фрагментов от 2 сосудов со шнуровыми оттисками на внешней поверхности. Исходным сырьем служила глина среднежелезистая, средней степени запесоченности. Формовочная масса – глина + органика (?). Органика фиксируется в виде черного блеска и отпечатков от выгоревшей растительности. Излом черепков либо двухцветный, либо однотонный (черный).

На одном из сосудов – негативы от тонкого шнура (менее 1 мм), расположенные вертикально; на другом – толстые, грубые отпечатки (1,5–2 мм), расположенные наклонно. Последний сосуд – закрытой, сложной формы. Толщина его стенок 3–6 мм. На внутренней поверхности этого сосуда отмечены негативы какой-то основы (рис. 3, 5). Сосуд украшен по срезу венчика насечками, по шейке – пояском крупных ямочек (диаметром 6 мм). На фрагментах обнаружен нагар.

В комплексе зафиксировано пять фрагментов керамики с гладкой поверхностью, без орнамента. Среди них – круглое дно от сосуда небольшого размера. Исходное сырье – глина среднежелезистая, среднезапесоченная. Искусственных примесей не выявлено. Излом – рыжего цвета. Толщина стенок – 2 мм.

Комплекс раннего неолита стоянки Характа 1 (устьевой участок р. Анга западного побережья оз. Байкал) представлен 295 фрагментами от 4 сосудов [9]. Использовалась глина среднежелезистая, разной степени запесоченности. Формовочная масса состоит: в двух случаях – глина + шамот (рис. 4, 1) и по одному – глина + органика (?) и без добавок. Шамот – из запесоченного сырья, комковатый, размером 1–1,5 мм. Его концентрация 1:6 и не более 1:7. Органические примеси, вероятно, растительного характера. Внешняя поверхность сосудов и срез венчика покрыты оттисками сетки-плетенки (рис. 4, 2, 4, 6). Негативы четкие, ровные, рельефные. Расположение ячеек – наклонное (под углом 45° по отношению к срезу венчика). Размеры ячеек 4 мм. На одном сосуде (рис. 4, 2) поверхности венчика и верхней части тулова заглажены (негативы сетки полностью нивелированы). У всех сосудов на внутренней поверхности отмечены нагар и оттиски сетчатой основы (рис. 4, 3, 5). В районе шейки и верхней части тулова (с внешней и с внутренней стороны) двух сосудов зафиксированы оттиски пальцев, оставленные древним мастером в процессе производства.

Судить о конструировании сосудов по имеющимся фрагментам затруднительно. Один сосуд изготовлен зональным лоскутным налепом. Его донная часть формировалась на шаблоне, в качестве которого, вероятно, выступал другой сетчатый сосуд, что подтверждается характерными оттисками на внутренней поверхности (рис. 4, 5). В зоне венчика на внутренней поверхности отмечены складки, характерные для мягкой формы основы.

Сосуды закрытой, сложной формы. У двух из них венчики высокие (4–4,5 см). Срез венчиков прямой. Форма дна, судя по околосонным частям сосудов,

округлая. Диаметры венчиков от 11 до 23 см. Черепки плотные, тонкие (3–5 мм); в изломе – одноцветные или двухцветные.

Орнамент нанесен только на одном сосуде. Он представлен пояском мелких отверстий (диаметр 1,1–2 мм), расположенных на расстоянии 1 см от среза венчика. Остальная посуда без орнамента.

На стоянке Бугульдейка I (западное побережье оз. Байкал) к раннему неолиту относятся комплексы VIII и VII культурных слоев [3. С. 182–183].

В комплексе керамики VIII слоя (66 фрагмента, вероятно, от 6 сосудов) преобладает посуда хайтинского типа с оттисками тонкого (не более 1 мм) шнура на внешней поверхности (от 5 сосудов). Как правило, негативы шнура располагались параллельно, в вертикальном направлении (рис. 5, 2, 6). На одном сосуде оттиски разнонаправленные. Внешняя поверхность венчика у одного сосуда – затертая. Использовалась глина среднежелезистая, средней и сильной запесоченности. Формовочная масса – глина + органика (рис. 5, 1). Органика в формовочной массе проявляется черными и коричневыми пленками, желобками от выгоревших частиц и темными смолянистыми пятнами. Во всех случаях отмечен лоскутный налеп. В спаях лоскутов зафиксированы оттиски шнура (рис. 5, 6а). Дно одного сосуда, вероятно, формировалось отдельно и, впоследствии, присоединялось к верхней части изделия. На внутренней поверхности практически всей посуды зафиксированы оттиски широких линий от какой-то основы (рис. 5, 3), на которой проводилась их формовка (у одного сосуда отмечены негативы шнура). Черепки толщиной 5–6 мм (у одного сосуда – 3–4 мм). Излом однотонный или двухцветный. Цветовая гамма может варьировать на одном сосуде.

Судя по профилировке венчиков, все сосуды закрытой, сложной формы. У одного из них венчик высокий (2,5 см). Орнамент нанесен по срезу венчиков и покрывает верхнюю часть сосудов. Узор выполнен, преимущественно, прочерченными линиями, шириной от 1,5 до 2 мм. Композиции состоят: из рядов наклонных линий, образующих горизонтальную «елочку» (рис. 5, 2); сочетания наклонных и горизонтальных рядов, ниже которых отходят короткие линии. По срезу венчиков нанесены насечки. Фрагмент одного сосуда (с высоким венчиком) украшен горизонтальной линией, выполненной узкой отступающей лопаточкой.

В комплексе VIII слоя обнаружено 6 фрагментов стенок от сосуда с оттисками сетки-плетенки. Исходным сырьем являлась глина среднежелезистая, средней запесоченности. Формовочная масса – глина + органика (в виде коричневых налетов). Конструирование сосуда проводилось лоскутным налепом. Оттиски сетки – рельефные; узелки крупные. Размеры ячеек 4 мм. На внутренней поверхности околосонной части видны заглаженные оттиски сетчатой основы. Толщина стенок 4–5 мм. В изломе черепки серо-коричневого цвета.

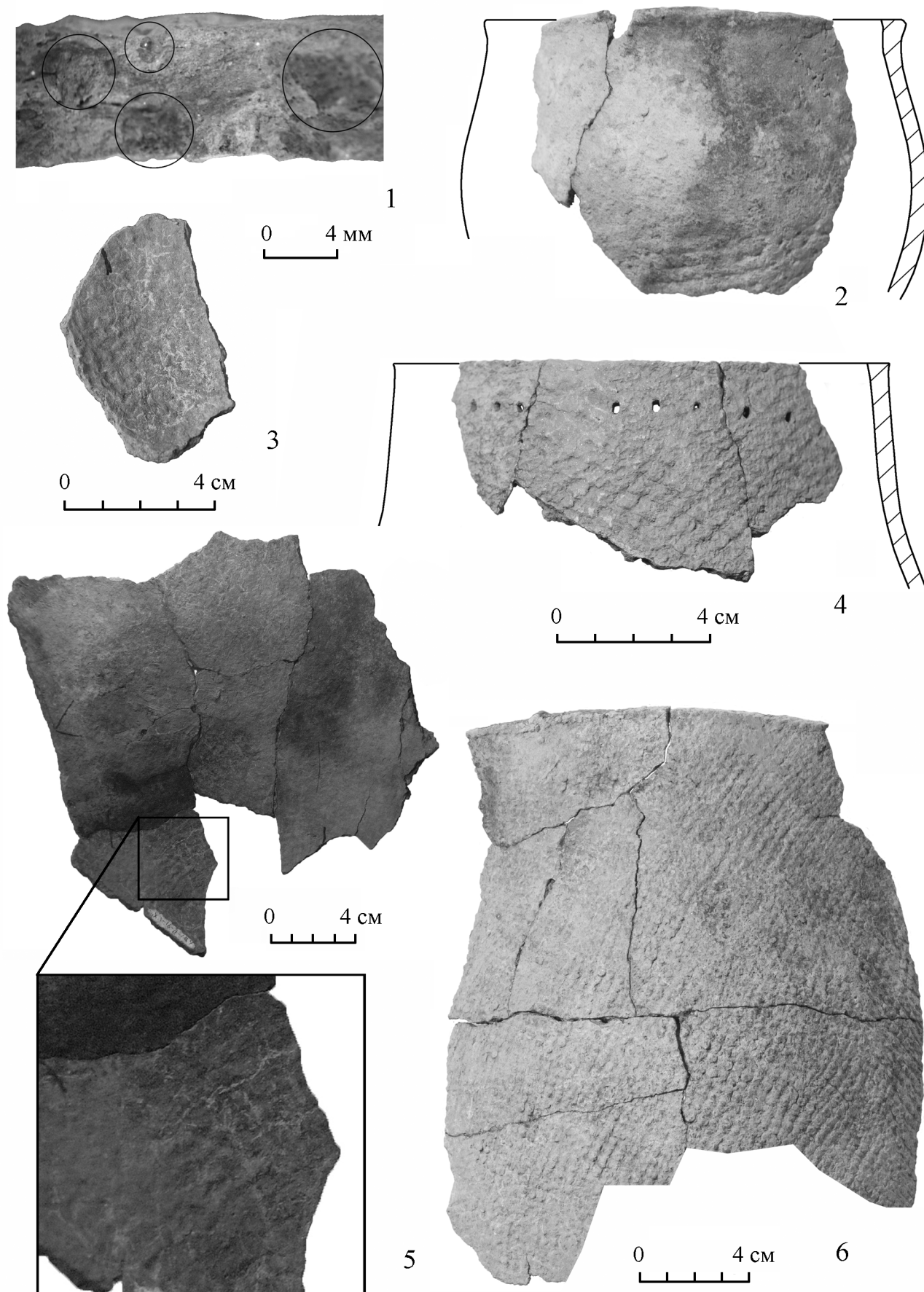

Рис. 4. Стоянка Характа I, керамика из II культурного слоя

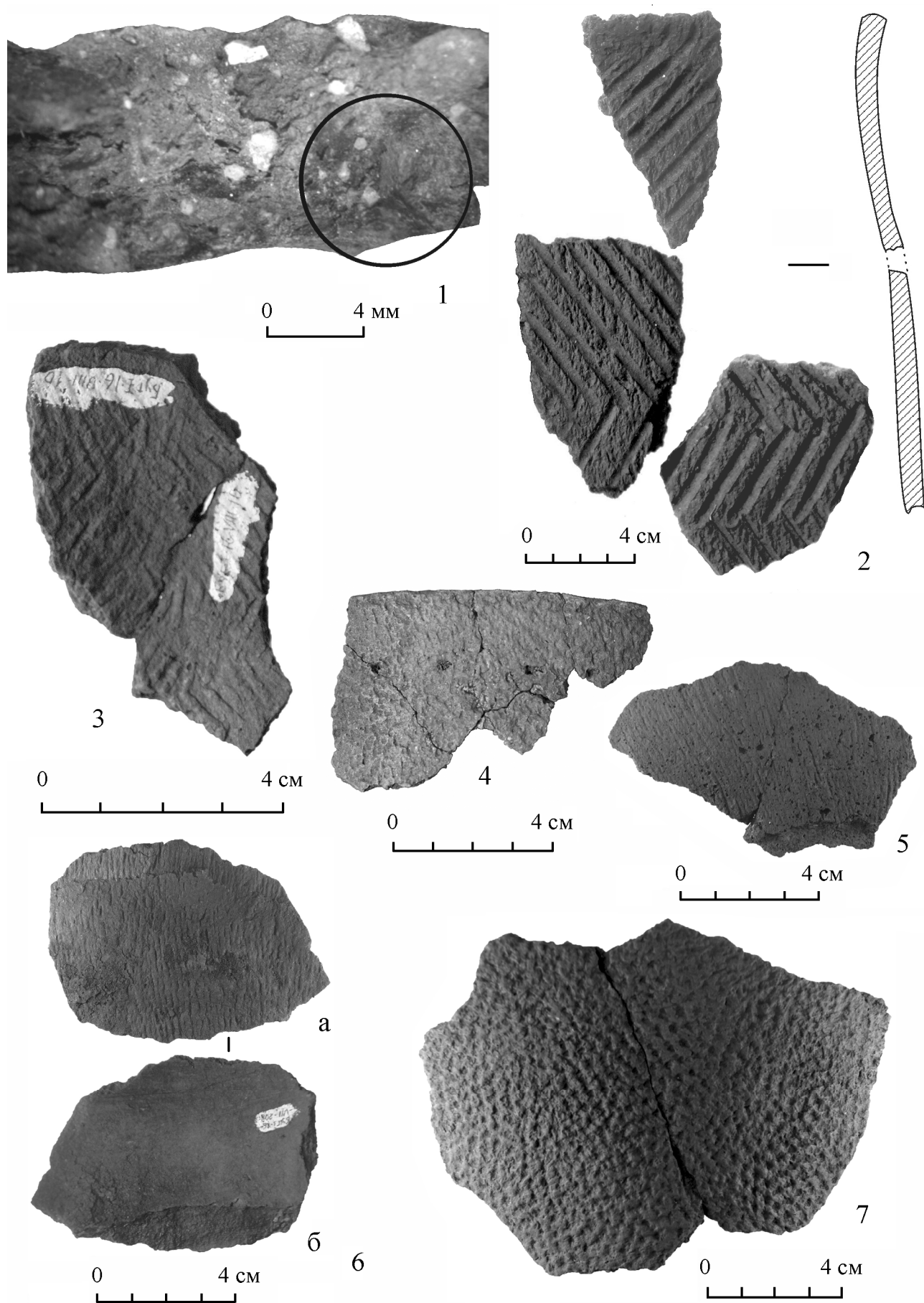

Рис. 5. Стоянка Бугульдейка I: 1–3, 6 – шлиф и керамика их VIII культурного слоя, 4–5, 7 – керамика из VII культурного слоя

Керамика VII слоя (251 фрагмент от 6 сосудов), в основном, представлена посудой с оттисками сетки-плетенки (215 фрагментов минимум от 5 сосудов). Использовалась среднежелезненная глина, средней и сильной запесоченности. Формовочная масса: в трех случаях – без примесей, в двух случаях – глина + органика. Внешняя поверхность сосудов и срез венчика покрыты четкими, рельефными (в одном случае – затертыми) оттисками сетки-плетенки (рис. 5, 4, 7). Размеры ячеи 4 мм. На внутренней поверхности двух сосудов отмечены следы сетчатой основы и нагар. Черепки толщиной 4–5 мм; в изломе одноцветные либо двухцветные.

Судить о конструировании сосудов по имеющимся фрагментам затруднительно. На двух из них отмечены признаки лоскутного налёпа. Форма всех сосудов закрытая: сложная (3 сосуда) и простая (2 сосуда). У одного из них венчик высокий (2,5–3 см). Диаметр венчика графически восстановленного сосуда 16 см. Орнамент нанесен только на одном сосуде. Он состоит из пояса мелких отверстий, расположенных на расстоянии 1,5 см от среза венчика.

Керамика с оттисками тонкого шнура представлена 36 фрагментами стенок, без орнамента (рис. 5, 5). Оттиски шнура – разнонаправленные. Исходное сырье – среднежелезненная, среднезапесоченная глина. На внутренней поверхности отмечен нагар. Вероятно, сосуд формировался зональным лоскутным налёпом.

Обсуждение материалов и основные выводы. Анализ раннеолитической керамики с поселений побережья оз. Байкал подтвердил наличие двух традиций изготовления керамики: сетчатая (фрагменты от 30 сосудов) и шнуровая хайтинского типа (от 11 сосудов).

В производстве керамики с оттисками сетки-плетенки выделен ряд характерных признаков. Исходным сырьем служила среднежелезненная глина, средней и сильной степени запесоченности. Размер кварцевого песка варьирует от 0,1 до 2 мм. Формовочная масса большинства сосудов не содержит искусственных примесей. В 10 случаях зафиксирована органика, но в небольшой концентрации, в трех случаях шамот. Делать выводы о конструировании по имеющимся фрагментам не всегда представляется возможным. В качестве строительных элементов у 9 сосудов зафиксированы лоскуты. На внутренней поверхности практически всей посуды присутствуют сетчатые отпечатки, что указывает на использование при их изготовлении форм-основ, в качестве которых могли выступать другие сетчатые сосуды. Наибольшей сохранностью обладает сосуд из II слоя Характы 1. Установлено, что изготовлен он при помощи зонального лоскутного налёпа. Формовка происходила, вероятно, на другом сетчатом сосуде. Донная часть формовалась отдельно на форм-основе, затем присоединялась к его верхней части. Внешняя поверхность и срез венчика всех сосудов покрыты оттисками сетки-плетенки. В большинстве случаев оттиски четкие, рельефные. Размер ячеи сетки 4 мм, сосуды с оттисками мелкоячеистой сетки (1,5–

3 мм) встречаются реже. Обжиг сосудов осуществлялся в окислительной среде с полным или частичным прокаливанием черепка. Все сосуды закрытые, преимущественно сложной формы, с округлым или приостренным дном. Выделяется группа с высокими венчиками (3–5 см). Диаметры венчиков от 11 до 24 см. Преобладает посуда без орнамента. На декорированных сосудах узор располагается вдоль венчика в виде пояса ямочек или отверстий. В единичных случаях в орнаментальной схеме присутствуют прочерченные линии (Тышкинэ II, VIII слой).

Для производства шнуровой керамики хайтинского типа, анализированной по материалам Тышкинэ II и Бугульдейка I, также выделены характерные признаки. Исходным сырьем служила среднежелезненная, средне- и сильнозапесоченная глина. В формовочной массе 7 сосудов (из 11) зафиксированы органические добавки; в одном случае отмечена дополнительно примесь дресвы (Тышкинэ II, IX слой); в трех случаях примеси не обнаружены. Конструирование производилось лоскутным налёпом. Отпечатки на внутренней поверхности сосудов позволяют предположить использование форм-основ. Внешняя поверхность сосудов, как правило, покрыта оттисками тонкого шнура (менее или 1 мм); встречаются более толстые негативы. Расположение оттисков, преимущественно, параллельно друг другу; наложение негативов отмечено достаточно редко. Обжиг осуществлялся в окислительной, реже в полувосстановительной среде. Форма всех сосудов – закрытая, сложная. У одного сосуда (Бугульдейка I, VIII слой) венчик высокий (2,5 см). Диаметры венчиков от 22 до 26 см. Судя по отдельным фрагментам, сосуды круглодонные. Орнамент нанесен по срезу венчиков и покрывает верхнюю часть тулова. Узор выполнен прочерченными линиями или оттисками узкой лопаточки в технике накалывания или отступания. На ряде сосудов наблюдается переход одного способа орнаментации в другой (накалывание в отступление). Композиции состоят: из елочного построения линий; горизонтальных линий; сочетания наклонных и горизонтальных рядов, ниже которых отходят короткие линии. По срезу венчиков нанесены насечки. Один сосуд (Тышкинэ II, VIII слой) украшен по срезу венчика насечками, по шейке – пояском крупных ямочек.

В производстве раннеолитической керамики отмечены сходство и различия. Установлено, что в изготовлении сетчатой и шнуровой керамики хайтинского типа разница в выборе глин не наблюдается. При конструировании сосудов применялись формы-основы, на которых проводилась их лепка. Практически на всех исследованных сосудах с внутренней стороны отмечены негативы этих шаблонов. При изготовлении посуды использовался зональный лоскутный налёп. На всех сосудах отмечена выбивка. Обжиг изделий проводился в открытом костре при высокой температуре (тонкие, плотные черепки, цветовая двухслойность в изломе и т.д.). Сосуды – закрытые, преимущественно сложных

форм. Выделяются сосуды с высокими венчиками. Вся исследованная раннеолитическая посуда – бытовая, о чем свидетельствует наличие нагара на ее внутренней и на внешней поверхностях.

Некоторые отличия в производстве сетчатой и хайтинской керамики заключаются в составе формовочной массы (преобладание сосудов без дополнительных добавок – у сетчатой и с органикой – у хайтинской); в использовании разных форм-основ (для сетчатой керамики – другой подобный сосуд; для хайтинской – каркас иного типа). Характерны разные традиции в обработке внешней поверхности посуды (выбивка с использованием плетеной сетки в качестве прокладки или обмотанной лопатки в одном случае, и лопаткой, обмотанной шнуром, – в другом), в наличии или отсутствии орнамента, в декорировании сосудов (композиции, технике нанесения и др.).

В целом на территории побережья оз. Байкал в раннем неолите отмечено существование разных традиций

изготовления керамических сосудов: сетчатая (с оттисками сетки-плетенки) и шнуровая хайтинского типа. На стоянках Итырхей и Характа 1 комплексы содержат только керамику с оттисками сетки-плетенки (однокомпонентные комплексы). Объекты Тышкинэ II и Бугульдейка I – многокомпонентные. Они сочетают (в разных пропорциях) сетчатую и шнуровую керамику хайтинского типа. В настоящее время на побережье Байкала исследовано 9 стратифицированных стоянок раннего неолита (включая рассмотренные в предлагаемой статье) с однокомпонентными и многокомпонентными комплексами [4]. Объекты только с керамикой хайтинского типа на побережье Байкала не зафиксированы. Судя по радиоуглеродным датам (см. таблицу), полученным по всем комплексам стоянок раннего неолита, обе традиции гончарного производства существовали относительно синхронно в хронологическом диапазоне 7214–6200 л.н. (8160–7000 кал. л.н.).

Керамические комплексы поселений раннего неолита побережья озера Байкал

Керамика	Объект, слой	Радиоуглеродные даты (л.н.)	Калиброванные даты (л.н.)
Сетчатая	Бугульдейка II, сл. IV-4	7214±36 (ОxA-24000) 7144±39 (ОxA-24001)	8160–7960 8030–7870
	Итырхей, сл. VI	6715±36 (ОxA-34917)	7660–7570
	Итырхей, сл. V	–	–
	Характа 1, сл. II	6385±20 (UCIAMS-183009) 6335±15 (UCIAMS-183010)	7420–7270 7310–7180
	Бугульдейка II, сл. IV-3	6220±34 (ОxA-23998) 6200±32 (ОxA-23953)	7250–7010 7239–7000
	Улан-Хада, сл. X	–	–
	Падь Долгая II, сл. IV–III	–	–
Хайтинская + сетчатая	Саган-Заба II, сл. VI	7203±37 (ОxA-229357) 7188±36 (ОxA-22390) 7179±36 (ОxA-22356) 7147±38 (ОxA-22374)	8160–7950 8150–7940 8150–7940 8020–7880
	Бугульдейка I, сл. VIII	6870±20 (UCIAMS-183007)	7750–7660
	Тышкинэ II, сл. IX	–	–
	Шракшур III, сл. II	6405±25 (UCIAMS-186312)	7420–7290
Сетчатая + хайтинская	Тышкинэ II, сл. VIII	–	–
	Бугульдейка I, сл. VII	–	–
	Саган-Заба II, сл. V нижний	–	–

Керамика с оттисками сетки-плетенки характерна для всех объектов раннего неолита побережья озера Байкал (и далее вплоть до позднего неолита), в связи с чем, она рассматривается как автохтонная. Шнуровая керамика хайтинского типа нами связывается с вероятным притоком иной группы населения со своими сложившимися гончарными традициями [4]. Принадлежность этих традиций к разным группам населения подтверждают находки сетчатых и хайтинских сосудов в раннеолитических захоронениях разных погребальных практик (сетчатая – в китойских, хайтинская – в уюгинском) [12. С. 65–68, 73–75; 13. С. 102–103]. Радиоуглеродные даты по китойским погребениям с керамикой из могильника Шаманка II: погребение № 62 –

7022±39 (ОxA-26451) л.н., № 32 – 6921±35 (ОxA-20563) л.н. и 6620±80 (ТО-11527) л.н. Даты по погребению № 1 могильника Мыс Уюга (с керамикой хайтинского типа) – 7387±38 (ОxA-33242) л.н. и 6910±30 (Beta-432253) л.н. Необходимо заметить, что носители керамики хайтинского типа особо не повлияли на общую линию развития местной (сетчатой) керамической традиции, которая, практически не меняясь, существовала до позднего неолита включительно.

Сравнительный анализ керамических комплексов раннего неолита побережья Байкала с материалами многослойных поселений юга Средней Сибири показал их соответствие между собой по ряду техно-морфологических признаков [5; 6. С. 218–219; 14. С. 173–175].

ЛИТЕРАТУРА

- Горюнова О.И., Новиков А.Г. Неолитическая керамика из поселений Приольхонья (озеро Байкал): вопросы периодизации и датировки // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Т. 1. С. 42–48.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С. 125–127.

3. Тимошенко А.А., Бочарова Е.Н. Предварительные результаты изучения многослойного археологического объекта Бугульдейка I на юго-западном побережье оз. Байкал в 2016 году // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. Вып. 5. С. 180–187.
4. Горюнова О.И., Новиков А.Г. Керамика раннего неолита из поселений побережья озера Байкал // *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле*. Белокуриха ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 137–140.
5. Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
6. Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2013. № 1 (2). С. 203–229.
7. Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.
8. Новиков А.Г., Горюнова О.И. Новый взгляд на неолитические комплексы многослойного поселения Тышкинэ II (оз. Байкал) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 87–92.
9. Горюнова О.И., Туркин Г.В., Новиков А.Г., Клементьев А.М. Новый стратифицированный объект раннего неолита на западном побережье озера Байкал: поселение Характа I // *Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2016. Т. 17. С. 55–73.
10. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара : Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–109.
11. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.
12. Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // *Известия лабораторий древних технологий*. 2012. Вып. 9. С. 43–101.
13. Кичигин Д.Е., Емельянова Ю.А., Коростелев А.М. Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга (предварительное сообщение) // *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая*. Чанчунь, 2017. С. 102–107.
14. Бердников И.М., Соколова Н.Б., Уланов И.В., Роговской Е.О. Некоторые аспекты технологических традиций в гончарстве западной части Байкальской Сибири // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. Вып. 5. С. 172–179.

Olga I. Goryunova. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: as122@yandex.ru

Alexey G. Novikov. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: as122@yandex.ru

Natalia B. Sokolova. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail e-mail: snb-87@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF POTTERY FROM EARLY NEOLITHIC SETTLEMENTS ON THE COAST OF LAKE BAIKAL

Keywords: Lake Baikal; Early Neolithic; pottery; technology; morphology.

A comprehensive study of pottery vessels offers a promising opportunity in the study of the Neolithic, as pottery is the most important source of information about the region's ancient population. The study of technology involved in the production of vessels and their ornamentation enables investigation of inter-group contacts, migrations, etc. The purpose of the proposed article is to conduct a comparative analysis of pottery from Early Neolithic sites on the coast of Lake Baikal, to identify specific traditions of the production process (selection of raw materials, starting forms, design, morphology and ornamentation) for vessels with imprints of the net-weave and the Khaita types. The combination of these two pottery traditions has been observed throughout southern Central Siberia during the early Neolithic.

This work was performed on materials from four stratified (mostly multilayered) settlements on the western coast of Lake Baikal: Ityrkhel (VI-V layers), Tyshkinе II (IX-VIII layers), Kharakta I (II layer) and Buguldeika I (VIII-VII layers). Most of these complexes are associated with radiocarbon dates. 1053 fragments from 42 vessels were used for technical and technological analysis. Fresh fractures and sample surfaces were observed, using a stereomicroscope. Samples were fired in a muffle furnace in order to accurately determine the degree of iron oxide formation in the clay and to identify mineral impurities.

Analyses conducted here revealed unique features inherent in the production of Khaita type netted pottery and vessels with net-weave impressions. No difference was observed in the choice of clays used to produce net-impressed and corded ceramics. When creating these vessels, templates were first used to produce their bases. Additions to these bases were undertaken subsequently. On the inside of almost all vessels studied, negatives of these template bases were observed. A patchwork method was used to produce dishes. Firing took place in an open fire at high temperatures. Vessels forms were closed, and most were complex shapes. Vessels with high corollas stand out. All Early Neolithic dishes served domestic purposes, as evidenced by the presence of carbonized deposits. Differences were also observed in the composition of different base forms (for netted pottery - another similar vessel, for the Khaita - a different type of frame). Different traditions were also observed in the design of outer surfaces of dishes, the use of ornamentation, and the decoration of vessels (composition, application technique, etc.).

As a result of the analysis of radiocarbon dates obtained from the complexes under study, it was established that both traditions existed relatively synchronously in one chronological range of 8160-7000 cal. BP. The cultural relationship of these traditions has yet to be determined.

REFERENCES

1. Goryunova, O.I. & Novikov, A.G. (2015) Neoliticheskaya keramika iz poseleniy Priol'khon'ya (ozero Baykal): voprosy periodizatsii i datirovki [Neolithic ceramics from the settlements of Priolkhonya (Lake Baikal): issues of periodization and dating]. In: *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia]. Vol. 1. Khukh-Khoto: [s.n.]. pp. 42–48.
2. Goryunova, O.I., Novikov, A.G. & Veber, A.V. (2011) Keramika rannego neolita Pribaykal'ya (po materialam mnogosloynogo poseleniya Sagan-Zaba II) [Pottery of the Early Neolithic of Pribaikalye (based on the materials of the multilayer settlement of Sagan-Zaba II)]. *Tr. III (XIX) Vseros. arkheol. s"ezda*. 1. pp. 125–127.
3. Timoshchenko, A.A. & Bocharova, E.N. (2016) Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya mnogosloynogo arkheologicheskogo ob'ekta Bugul'deyka I na yugo-zapadnom poberezh'e oz. Baykal v 2016 godu [Preliminary results of the study of the multilayer archaeological site Buguldeika I on the southwestern coast of Lake Baikal in 2016]. In: *Evrasiya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoeology, Cultures]. Issue 5. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 180–187.

4. Goryunova, O.I. & Novikov, A.G. (2017) Keramika rannego neolita iz poseleniy poberezh'ya ozera Baykal [Early Neolithic Pottery from the Settlements of the Lake Baikal Coast]. *Tr. V (XXI) Vseros. arkheol. s"ezda v Barnaule*. I. pp. 137–140.
5. Savelyev, N.A. (1989) *Neolit yuga sredney Sibiri: (istoriya osnovnykh idey i sovremennoe sostoyanie problemy)* [Neolithic south of middle Siberia: (the history of the main ideas and the current state of the problem)]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
6. Berdnikov, I.M. (2013) Key Aspects of Historical and Cultural Procedures in Southern Part of Middle Siberia during the Neolithic (Based on Pottery Complexes). *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya – Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 1(2). pp. 203–229. (In Russian).
7. Goryunova, O.I. (1984) *Mnogosloynnye pamyatniki Malogo morya i o. Ol'khon* [Multilayer monuments of the Small Sea and Olkhon]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
8. Novikov, A.G. & Goryunova, O.I. (2011) Novyy vzglyad na neoliticheskie komplekсы mnogosloynnogo poseleniya Tyshkine II (oz. Baykal) [A new look at the Neolithic complexes of the multilayer settlement of Tyshkine II (Lake Baikal)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 17. Novosibirsk: SB RAS. pp. 87–92.
9. Goryunova, O.I., Turkin, G.V., Novikov, A.G. & Klementiev, A.M. (2016) A New Stratified Site of the Early Neolithic on the West Coast of Lake Baikal: the Kharakta 1 Settlement. *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya – Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 17. pp. 55–73. (In Russian).
10. Bobrinsky, A.A. (1999) Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: Bobrinsky, A.A. (ed.) *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Current Problems of the Ancient Pottery Studies]. Samara: Samara State Pedagogical University. pp. 5–109.
11. Tsetlin, Yu.B. (2012) *Drevnyaya keramika: Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient ceramics: Theory and methods of historical-cultural approach]. Moscow: RAS.
12. Bazaliysky, V.I. (2012) Burial complexes of Late Mesolithic – Neolithic of Baikalian Siberia: burial traditions, absolute age. *Izv. laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 9. pp. 43–101. (In Russian).
13. Kichigin, D.E., Emelyanova, Yu.A. & Korostelev, A.M. (2017) Parnoe pogrebenie rannego bronzovogo veka mogil'nika Mys Uyuga (predvaritel'noe soobshchenie) [A pair burial of the early Bronze Age burial ground Cape Uyug (preliminary report)]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Chanchun: [s.n.]. pp. 102–107.
14. Berdnikov, I.M., Sokolova, N.B., Ulanov, I.V. & Rogovskoy, E.O. (2016) Nekotorye aspekty tekhnologicheskikh traditsiy v goncharstve zapadnoy chasti Baykal'skoy Sibiri [Some aspects of technological traditions in the pottery of the western part of Baikal Siberia]. In: *Evrasiya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Cultures]. Issue 5. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 172–179.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 654.15

DOI: 10.17223/19988613/63/24

В.В. Миркин

СОВЕТСКАЯ ТЕЛЕФОННАЯ СВЯЗЬ В ПЕРИОД «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» (1970-е гг.)

Рассматриваются основные проблемы модернизации и развития советской телефонной связи в 1970-е гг.: неоднородность телефонной сети, вопросы рационального использования материальных и финансовых ресурсов, а также проблемы эффективности эксплуатации телефонных сетей. С целью интенсификации процессов развития телефонной связи коммутационные системы и техническое обслуживание автоматизировались, разрабатывались принципиально новые телефонные станции и системы уплотнения, оптимизировалось распределение материальных ресурсов.

Ключевые слова: телефонная связь; системы телефонной коммутации; автоматическая телефонная станция; линейные сооружения связи.

Телефонная связь в последней трети XX в. являлась, пожалуй, самым сложным и масштабным техническим сооружением, созданным человечеством. В мировой сети электросвязи, включавшей в себя также сети подачи программ радиовещания и телевидения, передачи дискретной и документальной информации, именно телефонная сеть получила наибольшее развитие. Телефонная связь оказывала большое влияние на уровень жизни населения, развитие производительных сил, так как позволяла значительно сократить затраты времени на создание материальных ценностей, экономила личное время человека. В свою очередь, уровень развития средств связи определялся уровнем развития производительных сил.

Телефонная сеть отечественной электросвязи в 1970-е гг. уже активно использовалась для передачи данных (ПД), фототелеграфных изображений, а также других видов информации, передача которых обеспечивалась пропускной способностью телефонного канала. Такая тенденция была закономерной, так как абонентская телефонная линия являлась наиболее доступным путем для ввода информации в сеть электросвязи, а количество этих линий в расчете на 100 жителей (телефонная плотность) непрерывно росло во всем мире. Объемы информационных потоков, проходивших через телефонную сеть, были на полтора-два порядка больше объемов всех остальных видов информационных сообщений [1. С. 17, 178]. При этом высокие темпы роста автоматизации междугородного участка сети делали доступной передачу данных практически между любыми пунктами страны. По оценкам самих связистов, несмотря на развитие специализированных сетей ПД, не менее 50–55% абонентов передачи данных в 1970-х гг. пользовались коммутируемой телефонной сетью (подробнее см.: [2. С. 25–27])¹.

Вместе с тем в телефонной подотрасли отечественной электросвязи к началу 1970-х гг. накопился комплекс технико-технологических и экономических про-

блем, без решения которых ее развитие в стране представлялось крайне затруднительным. Одной из важнейших проблем являлась *разнотипность и неоднородность техники связи*. Техническая база телефонии представляла собой серию разнородных и разнотипных коммутационных станций, линий, каналов связи и абонентских устройств. В этой связи наиболее сложным являлся выбор конкретного типа телефонной станции – как по ее технической модификации и объему предоставляемых услуг, так и по экономическим показателям. В целом отставание коммутационной техники от тогдашнего уровня развития электроники становилось серьезным тормозом на пути развития телефонии. В качестве решения проблемы специалистами предлагалось, главным образом, ускорить разработку *электронных и квазиэлектронных автоматических телефонных станций (АТС)*.

Увеличение потоков информации, введение обходных направлений при широкой автоматизации телефонной связи, повышение качества разговорного тракта, снижение капитальных и эксплуатационных затрат – далеко не полный перечень требований, учитывавшихся при разработке перспективных систем коммутации [3. С. 2]. Существовавший уровень развития советской электронной техники вполне позволял выполнить все эти требования в квазиэлектронных станциях. Такие станции легко вписывались в существовавшие телефонные сети, не требуя затрат на перестройку, и обеспечивали работу по каналам связи любых типов. Первые образцы квазиэлектронных станций – учрежденческого типа – уже выпускались в середине 1970-х гг.

Однако высокая стоимость производства квазиэлектронных систем в значительной степени сдерживала процесс обновления сети. Разработчики находились в поиске схемных и конструктивных решений, которые позволяли бы минимизировать затраты на производство при максимальном сохранении качественных ха-

рактических. Это зависело, прежде всего, от степени технологичности производства электронных элементов и сборочных процессов.

Наряду с квазиэлектронными станциями велась разработка полностью *электронных систем связи*. Совмещение аппаратуры коммутации и уплотнения в электронных станциях обещало максимальные преимущества в эксплуатации. Однако по технико-экономическим расчетам область применения электронных систем коммутации ограничивалась в тот период внутризоновыми и сельскими сетями. При этом существовавшие (технически устаревшие) соединительные линии, уплотненные частотными системами, использовать в них было невозможно.

Другой важнейшей задачей развития телефонных сетей в 1970-е гг. являлось *оптимальное планирование строительства* по экономическим районам и *рациональное распределение финансовых и материальных ресурсов*. Несмотря на ежегодное увеличение объемов капитальных вложений в телефонную связь, оборудования станций, кабельной продукции и систем передачи, оно не в состоянии было догнать рост спроса на установку телефонов и услуги междугородной связи. Стояла задача получения максимального прироста емкости сети при ограниченных ресурсах.

Планировать развитие сетей считалось целесообразным с позиции достижения максимальной эффективности капитальных вложений и расширения абонентских сервисов. Поэтому местные телефонные сети, в первую очередь, развивались там, где уже функционировали автоматические междугородные телефонные станции (АМТС). В этом случае абоненты получали весь комплекс услуг телефонии, а предприятия электросвязи – максимальный доход. С одной стороны, если бы связисты строго придерживались такого подхода, то при ограниченных материальных ресурсах развитие получили только выбранные телефонные сети, в то время как все остальные имели нулевой прирост емкости. Очевидно, что такая диспропорция являлась недопустимой. С другой стороны, равномерный прирост телефонной емкости был невозможен вследствие нецелесообразности ежегодного, перманентного строительства средств связи в каждом населенном пункте. Помимо того, обязательно учитывались такие факторы, как экономическое развитие данного района, уровень социального развития и т.п.

Другим аспектом планирования являлось определение оптимальной мощности строящихся объектов электросвязи. Это касалось емкости коммутационных станций, местных и междугородных сетей. При этом емкость АМТС планировалась на пятилетний срок развития, а емкость городских и сельских телефонных станций (ГТС и СТС) и каналов междугородной связи – только на год. Казалось бы, более высокая стоимость единицы емкости АМТС должна была приводить к сокращению создаваемого резерва емкости. Однако на практике развитие происходило без достаточно полно-

го учета данного экономического фактора, и, что более важно, междугородные, городские и сельские сети развивались без должной взаимоувязки, хотя входили составными частями в единый комплекс телефонной сети. Такое положение приводило к частичному замораживанию введенных мощностей на период строительства других элементов комплекса телефонной сети [3. С. 4].

Проблемой являлось и *совершенствование эксплуатации* телефонных сетей. Затраты труда на обслуживание ГТС, СТС и МТС, при относительно невысоком качестве услуг, оказывались значительно выше расчетных. Потери на внутренних соединениях городских координатных АТС и на АМТС, вследствие низкого качества оборудования, зачастую значительно превышали установленные нормы. Подобные проблемы возникали и на предыдущем этапе эксплуатации декадно-шаговых станций. При этом специалисты в качестве одной из главных причин низкой производительности труда признавали «неудовлетворительное качество оборудования», а в качестве одной из мер повышения эффективности эксплуатации станций предлагалось увеличить межремонтные сроки и проводить лишь профилактические осмотры систем, без текущего ремонта. Предполагалось, что более совершенные координатные станции частично решат эти проблемы (подробнее см.: [4. С. 127–136]). Однако ненадежность телефонного оборудования и в этом случае заставляла держать большой эксплуатационный штат для устранения повреждений и поддержания электрических и механических параметров. Таким образом, производительность труда в эксплуатации являлась функцией от качества оборудования, и для его улучшения необходимо было поднять роль стандартов и технических условий при одновременном контроле их исполнения.

В качестве первого шага в решении данной проблемы на телефонных сетях страны внедрялся *прогрессивный статистический метод* технической эксплуатации ГТС, базировавшийся на сборе и анализе статистических данных о работе оборудования и вмешательстве технического персонала только при ухудшении их параметров. В мировой практике был известен и другой метод эксплуатации – *программно-корректируемый*, характеризовавший качество соединений и прохождения информации. Этот метод (называвшийся также *качественным*) хорошо вписывался в систему обслуживания коммутационной техники с управляющими ЭВМ.

В середине 1970-х гг. были выработаны решения по созданию центров технической эксплуатации координатных и декадно-шаговых станций с целью введения как статистического, так и качественного методов эксплуатации [3. С. 5]. Однако практическое использование данных методов являлось скорее исключением, чем правилом. Недостаточная оснащенность сетей автоматической аппаратурой для систематической проверки каналов, соединительных линий и станционного оборудования препятствовала введению прогрессивных методов эксплуатации. Медленно внедрялась и центра-

лизированная система технического обслуживания абонентов ГТС. Кроме того, разработка комплекса оборудования для справочных служб ГТС не была завершена, как и не был определен перечень дополнительных телефонных сервисов.

Среди проблем *повышения эффективности* функционирования городских телефонных сетей в 1970-е гг. специалисты выделяли три наиболее важные. Во-первых, автоматизация процессов обслуживания коммутационных систем ГТС и управления сетью; во-вторых, регулирование поступавших от абонентов потоков телефонной нагрузки и, наконец, в-третьих, оптимизация структуры ГТС (подробнее см.: [5. С. 12]). Одним из обязательных условий эффективного развития местных телефонных сетей являлась их *окупаемость*. Если проанализировать экономические показатели работы телефонной связи того периода, то можно заметить, что доходы, поступающие от абонентов, в течение ряда десятилетий оставались на одном уровне, а перечень услуг постоянно увеличивался. Так, в Москве количество телефонных абонентов увеличилось с 1950 г. более чем в 15 раз; увеличились расстояния между ними; появилась немедленная автоматическая местная и междугородная связь, а также всевозможные телефонные сервисы. Все это требовало дополнительной станционной аппаратуры, линий, что, в свою очередь, увеличивало материальные, финансовые затраты отрасли.

Простым решением данного вопроса являлось увеличение тарифа на местную телефонную связь. Однако это нарушило бы очевидный для того времени принцип социальной справедливости, поскольку большинство абонентов пользовалось ограниченным количеством услуг в течение минимального (близкого к расчетному) времени, в то время как лишь некоторые абоненты использовали телефон неограниченно. Следовательно, более рациональным путем являлась дифференцированная (пропорциональная времени использования и числу предоставляемых услуг) оплата местной телефонной связи, аналогичная системе оплаты за услуги междугородной связи. Такое решение обеспечило бы экономическую эффективность местных телефонных сетей и одновременно создало условия для развития дополнительных услуг, включая передачу данных.

Реализация данного технического решения предусматривала выбор *системы учета: централизованной* – основанной на ЭВМ, которая «следила» бы за каждым абонентом, фиксируя время использования линии и периодически выписывая счета, либо *распределенной*, базировавшейся на методе установки абонентских счетчиков на телефонных станциях. Обе системы были сопряжены с необходимостью рассылки счетов, лишая при этом абонента возможности постоянно контролировать свои затраты. Следует отметить, что до конца советского периода ни одна из систем повременного учета не применялась широко на практике из-за отсутствия, главным образом, экономичного и надежного технического решения.

Несмотря на перечисленные проблемы, технологическая модернизация советской телефонной связи проходила в русле общемировых тенденций того времени. Так, в 1970-е гг. в отечественной электросвязи сложилось новое направление в создании многоканальных систем связи – разделение каналов не по частоте, а по времени. В этом случае передача каждого телефонного сообщения осуществлялась с помощью узких импульсов, следующих через интервал времени 120 мс. Высота импульса, определяющая уровень телефонного сигнала, кодировалась семи- или восьмизначным кодом. В промежутках между импульсами одного телефонного сообщения помещались импульсы других сообщений. Таким образом создавалась многоканальная система импульсно-кодовой модуляции (ИКМ).

Преимуществами системы ИКМ являлись: сравнительно невысокая стоимость оконечной аппаратуры, построенной на аналогичных ЭВМ элементах; высокая помехоустойчивость; возможность регенерации сигналов в промежуточных пунктах². Благодаря этим особенностям ИКМ была особенно эффективна при уплотнении городских телефонных кабелей межстанционных соединительных линий. Именно для этого, в частности, предназначалась система ИКМ-24. Дальность ее действия достигала 40 км, при этом через каждые два километра устанавливались регенеративные трансляции. Для уплотнения местных и зональных сетей применялась система на 120 телефонных каналов (ИКМ-120) как на существовавших симметричных кабельных линиях, так и на проектируемых микроаксиальных (подробнее см.: [6. С. 312–314]). К важным преимуществам систем ИКМ относились также: универсальный характер цифрового представления сигнала; экономичность, надежность и безопасность (конфиденциальность), которые обеспечивали цифровые интегральные схемы.

Несмотря на дефицит средств телефонной связи в стране, технические мощности городской телефонной сети зачастую использовались не полностью. В некоторых областях РСФСР свободная емкость ГТС превышала 20% общей мощности (1973 г.). Одной из главных причин такой ситуации являлась существовавшая диспропорция между свободными станционными и линейными емкостями [7. С. 3]. Тем не менее *экстенсивный рост* городской телефонной связи продолжался. Наряду с большим объемом работ по строительству АТС во второй половине 1970-х гг. частично совершенствовалась техническая эксплуатация ГТС. Благодаря массовому внедрению аппаратуры для автоматической проверки станционного оборудования и автоматизированных электропитающих установок на многих АТС были ощутимо сокращены эксплуатационные затраты, выросла производительность труда. Повсеместно организовывались централизованные ремонтные бюро, что позволяло меньшим штатом обслужить большее число абонентов, сократить время на устранение повреждений, повысить качество проверки станционного оборудования и сократить ручной труд.

Замена телефонных станций ручного обслуживания автоматическими позволила повысить уровень автоматизации на ГТС (до 97% в 1977 г.). Предпринимаемые с начала 1970-х гг. меры по более полному и рациональному использованию телефонных мощностей позволили увеличить коэффициент задействования монтированной емкости (до 89,5% в 1977 г.) [8. С. 2–3]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, в целом, для систем автоматической телефонной связи в СССР было характерно чрезвычайно медленное обновление. За весь период существования АТС в течение 1930–1980-х гг. практически сменилось только три их поколения. Причем в силу длительного срока эксплуатации станций (30–40 лет) каждое новое поколение АТС необходимо было технически совмещать со станциями предыдущих типов.

В историческом процессе автоматизации телефонной связи можно выделить три направления: автоматизация процессов установления соединений; автоматизация технического обслуживания АТС; централизация технического обслуживания и автоматизация управления телефонной сетью. Начавшись в разное время, эти три направления автоматизации продолжали развиваться в течение всего советского периода.

Каждый из указанных процессов имел свои особенности и проблемы. Следует особо подчеркнуть, что в течение достаточно длительного времени по целому ряду научно-технических и технико-экономических причин существовал заметный разрыв между уровнем автоматизации *процессов установления соединений* и уровнем автоматизации *технического обслуживания*. В последнем случае преобладал малоэффективный ручной труд. В числе сдерживающих факторов основным являлась устаревшая коммутационная техника, которая по своим эксплуатационным свойствам плохо согласовывалась с условиями и требованиями централизации техобслуживания и автоматизации управления. Лишь в 1970-е гг. в этой области произошли существенные сдвиги. Наибольшие возможности централизации техобслуживания и автоматизации управления открывались при внедрении *систем коммутации с программным управлением*. Однако эти процессы постепенно охватывали и действовавшие на тот момент декадно-шаговые и координатные АТС [9. С. 28].

Стоимость технического обслуживания станций являлась важнейшим показателем эффективности системы телефонной связи. В данный период она становилась все более крупной статьей расхода в бюджете администраций телефонной связи, так как почти целиком зависела от трудовых затрат³ и лишь частично – от технического уровня самого оборудования. Снизить стоимость техобслуживания позволяло совершенствование его методов и повышение эффективности его организации [9. С. 29–32]. С этой целью во второй половине 1970-х гг. на городских АТС устанавливалась электронная аппаратура автоматического определения номера (АОН), электронные пульс-пары, регистры и согласующие устройства: внедрялись реле соедини-

тельных линий новых типов. Сети оснащались новой контрольно-испытательной аппаратурой, измерительными приборами [10. С. 4]. Более эффективная эксплуатация сооружений ГТС отчасти улучшила и качество связи. В качестве опытной площадки для эксплуатации последних телефонных разработок нередко выступала новосибирская ГТС. Министерство поручало НГТС внедрять и проверять в работе такие новинки того времени, как абонентские высокочастотные установки, инверторы, опытный образец оборудования для справочно-информационного участка «09» и др.

При этом темпы ввода новых мощностей не снижались, а даже увеличивались. В период десятой пятилетки (1976–1980 гг.) общая емкость телефонных станций страны была расширена в полтора раза. В рамках широкой автоматизации междугородной телефонной связи, на местные сети (АТС общей емкостью более 1,3 млн номеров) была установлена аппаратура АОН. Однако рост телефонной емкости не успевал за растущими потребностями экономики и населения. Массовое жилищное строительство в городах зачастую не увязывалось с планами строительства телефонных сетей, в результате чего многие жилые районы длительное время оставались без телефонной связи. Медленно телефонизировались райцентры и рабочие поселки. Ситуацию усугубляла нехватка оборудования для АТС и телефонного кабеля. Дефицит телефонного кабеля – притча во языцех того времени. Вплоть до конца советского периода нехваткой кабеля оправдывали большинство проблем телефонной отрасли.

Для экономии кабеля республиканские министерства связи, ПТУС⁴ и проектные институты при планировании развития ГТС и в проектировании пытались изыскивать более экономичные технические решения: спаренное включение телефонов, внедрение систем уплотнения типа ИКМ-30, установку аппаратуры высокочастотного уплотнения на абонентских линиях, предназначенных для включения учреждений телефонов, а также учреждений АТС. В этих же целях ЦНИИС⁵ разрабатывал систему уплотнения абонентских линий с дельта-модуляцией, позволявшую включать на две линии восемь аппаратов. Помимо этого, запрещалось использовать предназначенный для телефонизации жилых домов кабель на другие нужды [11. С. 2–4]. Сокращению капитальных затрат в сочетании с экономией цветных металлов способствовало также широкое применение в телефонной сети кабелей с уменьшенным диаметром токопроводящих жил. К концу 1970-х гг. около 50% городских телефонных распределительных кабелей выпускались с жилами диаметром 0,32 и 0,4 мм.

Однако параллельно продолжалась телефонизация учреждений, предприятий от городских АТС вместо строительства учреждений станций, позволявших снять значительную нагрузку с сети общего пользования. На телефонных сетях, как и в других отраслях связи и экономики в целом, нередкими были недовер-

ные сведения, приписки, сокрытие и искажение отчетных данных [12. С. 4–5].

Так, согласно официальным отчетам, в течение 1976–1977 гг. план по вводу в эксплуатацию АТС по стране был выполнен на 104%, по РСФСР – на 101%⁶. Монтированная емкость ГТС на конец 1977 г. составила 101,5% к плану и за два года выросла на 15,6% [13. С. 2]. В 1978 г. план строительства и ввода в эксплуатацию АТС в городах был выполнен в целом по стране на 109% – сверх плана было введено 83 тыс. номеров [14. С. 2–5]. Однако при этом некоторые ПТУС РСФСР (среди них – иркутское, свердловское, кемеровское, красноярское и др.) не справлялись с годовыми планами по вводу АТС. Задержка сдачи в эксплуатацию станций во многих случаях объяснялась тем, что предприятия министерства промышленности средств связи и министерства электротехнической промышленности не обеспечивали поставок оборудования и телефонного кабеля. Вследствие задержки строительства зданий АТС уже поставленная аппаратура пылилась на складах (томское, челябинское и др. управления) либо хранилась в непригодных для этих целей помещениях (хабаровское управление).

Для решения этой проблемы в 1976 г. исполкомам разного уровня было предоставлено право осуществлять строительство зданий АТС по типовым проектам за счет отчислений 0,4% средств от капитальных вложений, выделявшихся на жилищное строительство. И там, где управления связи работали в тесном контакте с областными и городскими советскими органами, строительство зданий городских АТС производилось в намеченные сроки. К сожалению, взаимопонимание между связистами и властью по этому вопросу не всегда присутствовало: по этой причине задерживалось строительство на новосибирской, иркутской, красноярской и других ГТС. Похожая ситуация сложилась и со строительством зданий районных узлов связи, где наряду с почтовой и телеграфной службами, размещались АТС райцентров. Капитальные вложения на строительно-монтажные работы осваивались здесь далеко не всегда.

Первостепенное значение в данном случае имел также рациональный выбор технических решений в проектировании городских АТС. Учитывая хроническую нехватку автоматических коммутационных систем, связисты шире применяли АТС-К-100/2000 там, где эта емкость была достаточной для обеспечения по-

требности в телефонной связи на первом этапе. Целесообразной считалась также замена уже запроектированного оборудования АТС-К городского типа на АТС-К-100/2000. Не менее важно было увязывать готовые проекты с жилищным строительством. Случалось, что магистральные кабели крупной емкости прокладывались к проектируемым микрорайонам города, в результате чего линии длительное время оставались незадействованными (например, строительство АТС в одном из микрорайонов г. Новосибирска), в то время как другие, уже заселенные микрорайоны испытывали острый «телефонный голод».

В целом ни одна из вышеуказанных проблем телефонной связи не была полностью решена в течение советского периода. Техническая неоднородность телефонной сети, нерациональное использование материальных и финансовых ресурсов, а также неэффективная эксплуатация телефонных сетей в 1980-е гг. продолжали нарастать. Несмотря на то, что с 1975 до конца 1980-х гг. практически вся телефонная техника в стране была модернизирована, *хроническое технологическое отставание* так и не было преодолено. Советский Союз последним начал выпускать декадно-шаговые, координатные станции, позднее всех приступил к разработке городских квазиэлектронных систем, опаздывал и при создании электронных систем волоконно-оптических АТС. Более того, производившаяся в 1970–1980-е гг. отечественная телефонная техника практически по всем показателям серьезно уступала зарубежным аналогам, что признавали, в первую очередь, сами связисты.

В одном из партийных постановлений 1987 г. подчеркивалось, что «уровень обслуживания населения средствами связи и темпы ее развития отстают от современных требований; не полностью используется созданный технический потенциал; еще сохраняется большой разрыв между монтированной и задействованной емкостью АТС; медленно реконструируются предприятия; качество работы телефонных сетей еще невысоко, в подотрасли медленно внедряются научно-технические достижения. Не предъявляются принципиальные требования к промышленности по разработке и поставке нового оборудования связи» (цит. по: [15. С. 1]). Несмотря на возраставшие каждый год темпы телефонизации, разрыв между потребностью в телефонной связи и возможностями связистов продолжал увеличиваться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При организации ПД по телефонной сети общего пользования необходимо было учитывать, что ее характеристики не полностью соответствовали требованиям абонентов ПД, а сама передача данных, в свою очередь, теоретически могла оказывать нежелательное воздействие на качество работы телефонной сети.

² Использование регенеративных ретрансляторов являлось одним из главных преимуществ ИКМ. Аналоговые ретрансляторы в равной степени усиливали полезный сигнал и шум. При цифровой регенерации шум исключался.

³ На величину трудовых эксплуатационных затрат в телефонной связи влияли, помимо требуемого уровня качества обслуживания абонентов, еще два фактора: эксплуатационные показатели (свойства) оборудования и эффективность организации технического обслуживания.

⁴ Производственно-техническое управление связи.

⁵ Центральный научно-исследовательский институт связи (Москва).

⁶ По другим данным, эти цифры были еще выше – 110 и 114% соответственно [13. С. 2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов Г.Б., Рогинский В.Н., Толчан А.Я. Сети электросвязи. М.: Связь, 1977. 180 с.
2. Шварцман В.О., Осипов В.Г. Передача данных по телефонной коммутируемой сети // Электросвязь. 1980. № 1. С. 25–27.
3. Глинка В.И. Проблемы развития телефонной связи в СССР // Электросвязь. 1976. № 3. С. 1–6.
4. Луговской П.П. Резервы роста производительности труда на городских телефонных сетях // Труды учебных институтов связи. Л., 1960. Вып. 3. С. 127–136.
5. Метельский Г.Б., Пшеничников А.П. Некоторые проблемы повышения эффективности функционирования городских телефонных сетей // Электросвязь. 1976. № 12. С. 12–17.
6. Аносович Б.Ф. Высокочастотная связь по кабельным линиям // 70 лет радио / под ред. А.Д. Фортусенко. М.: Связь, 1965. С. 293–314.
7. Псурцев Н.Д. Итоги и задачи // Вестник связи. 1973. № 4. С. 2–4.
8. Дорожко П.П. По пути ускоренного развития // Вестник связи. 1978. № 6. С. 2–3.
9. Париков В.П. Повышение эффективности и качества местной телефонной связи // Электросвязь. 1978. № 5. С. 27–32.
10. Емельянов Ю.И. Направления развития городских телефонных сетей // Электросвязь. 1981. № 7. С. 1–7.
11. Дорожко П.П. Пути развития городской телефонной связи в десятой пятилетке // Вестник связи. 1976. № 11. С. 2–4.
12. Талызин Н.В. Итоги и задачи // Вестник связи. 1980. № 3. С. 2–5.
13. Талызин Н.В. Итоги и задачи // Вестник связи. 1978. № 3. С. 2–4.
14. Талызин Н.В. Главное направление – эффективность и качество // Вестник связи. 1979. № 3. С. 2–5.
15. Алешин А.А. Научно-техническая программа телефонизации страны // Электросвязь. 1987. № 4. С. 1–5.

Vladimir V. Mirkin. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

SOVIET TELEPHONE COMMUNICATION DURING THE PERIOD OF “DEVELOPED SOCIALISM” (1970s).

Keywords: telephone communication; telephone-switching systems; automatic telephone system; linear communication facilities.

Based on a wide range of literature and sources, the author of the article aims to analyze the main problems that have emerged in the course of modernization of Soviet telephone communication during the two five-year periods of the era of “developed socialism” (1970s).

Among such important technical, technological and economic problems, the author, in particular, emphasizes the problem of the heterogeneity of telephone communication technology, the issue of optimal planning of telephone construction in economic regions and the rational distribution of financial and material resources, the problem of improving exploitation and enhancement efficiency of telephone networks.

As a solution of these problems, a number of measures were proposed. Therefore, to overcome the diversity of technical telephone communication devices, it was proposed to speed up the development of electronic and quasi-electronic automatic telephone stations. The planning of the development of telephone networks was carried out from the position of achieving the maximum efficiency of capital investments and expansion of subscriber services. To improve productivity in the operation of telephone systems, progressive-statistical and program-corrected (qualitative) methods were introduced. Solving the problem of payback of telephone communication provided for the selection of an economical and reliable accounting system.

Despite these problems, the technological modernization of Soviet telephone communication was in line with global trends. In the 1970s in the domestic electro-communications was discovered a new direction in the creation of multi-channel communication systems - a time-division channel. This led to the creation of pulse-code modulation systems. Progress was also observed in the field of telephone communication automation. At the same time, the efficiency of the operation of telephone facilities increased: the networks were equipped with new test facility, measuring instruments, etc. At the same time, the extensive growth of telephone communication continued, and the rate of commissioning of new capacities increased year by year.

However, the author emphasizes that despite the shortage of telephone communication in the country, the technical capacity of the telephone network was often not fully used. Mass housing construction in cities often did not correspond to plans for telephone construction, as a result of which many residential areas remained without a telephone connection for a long time. District centers and workers' settlements were also slowly telephoned. In general, the growth of telephone capacity did not keep pace with the growing needs of the economy and the population of the country.

As a result, none of the telephone communication problems was completely solved during the Soviet period. Despite the fact that during this period almost all telephone equipment in the country was modernized, the chronic technological gap was not overcome.

REFERENCES

1. Davydov, G.B., Roginsky, V.N. & Tolchan, A.Ya. (1977) *Seti elektrosvyazi* [Telecommunication networks]. Moscow: Svyaz'.
2. Shvartsman, V.O. & Osipov, V.G. (1980) *Peredacha dannykh po telefonnoy kommutiruemy seti* [Data transmission over a telephone switched telephone network]. *Elektrosvyaz'*. 1. pp. 25–27.
3. Glinka, V.I. (1976) *Problemy razvitiya telefonnoy svyazi v SSSR* [Problems of the telephone communication development in the USSR]. *Elektrosvyaz'*. 3. pp. 1–6.
4. Lugovskoy, P.P. (1960) *Rezervy rosta proizvoditel'nosti truda na gorodskikh telefonnykh setyakh* [Reserves of labor productivity growth on urban telephone networks]. *Trudy uchebnykh institutov svyazi*. 3. pp. 127–136.
5. Metelsky, G.B. & Pshenichnikov, A.P. (1976) *Nekotorye problemy povysheniya effektivnosti funktsionirovaniya gorodskikh telefonnykh setey* [Some problems of increasing the efficiency of urban telephone networks]. *Elektrosvyaz'*. 12. pp. 12–17.
6. Anosovich, B.F. (1965) *Vysokochastotnaya svyaz' po kabel'nykh liniyam* [High-frequency communication on cable lines]. In: Fortushenko, A.D. (ed.) *70 let radio* [70 years of radio]. Moscow: Svyaz'. pp. 293–314.
7. Psurtsev, N.D. (1973) *Itogi i zadachi* [Results and tasks]. *Vestnik svyazi*. 4. pp. 2–4.
8. Dorozhko, P.P. (1978) *Po puti uskorenogo razvitiya* [On the path of accelerated development]. *Vestnik svyazi*. 6. pp. 2–3.
9. Parilov, V.P. (1978) *Povyshenie effektivnosti i kachestva mestnoy telefonnoy svyazi* [Improving the efficiency and quality of local telephone communications]. *Elektrosvyaz'*. 5. pp. 27–32.
10. Emelyanov, Yu.I. (1981) *Napravleniya razvitiya gorodskikh telefonnykh setey* [Directions of development of urban telephone networks]. *Elektrosvyaz'*. 7. pp. 1–7.
11. Dorozhko, P.P. (1976) *Puti razvitiya gorodskoy telefonnoy svyazi v desyatoy pyatiletke* [Ways of development of urban telephone communications in the tenth five-year period]. *Vestnik svyazi*. 11. pp. 2–4.
12. Talyzin, N.V. (1980) *Itogi i zadachi* [Results and tasks]. *Vestnik svyazi*. 3. pp. 2–5.
13. Talyzin, N.V. (1978) *Itogi i zadachi* [Results and tasks]. *Vestnik svyazi*. 3. pp. 2–4.
14. Talyzin, N.V. (1979) *Glavnoe napravlenie - effektivnost' i kachestvo* [The main aim is efficiency and quality]. *Vestnik svyazi*. 3. pp. 2–5.
15. Aleshin, A.A. (1987) *Nauchno-tekhnicheskaya programma telefonizatsii strany* [The scientific and technical telephone program of the country]. *Elektrosvyaz'*. 4. pp. 1–5.

УДК 378.096
DOI: 10.17223/19988613/63/25

М.В. Шиловский

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ: ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В НОВОСИБИРСКЕ В 1960–1970-х гг.

Анализируется формирование научно-образовательных структур (кафедр и академических подразделений) и их персонального состава в Новосибирске в 1960–1970-е гг. в связи с образованием СО АН СССР (1957) и Новосибирского государственного университета (1959). В качестве источников выступают личные дела научных сотрудников Института истории, филологии и философии (ИИФФ) (ныне Институт истории СО РАН), немногочисленные воспоминания, личные впечатления автора.

Ключевые слова: историк; кафедра; доктор исторических наук; Институт истории, филологии и философии; Сибирское отделение Академии наук СССР; Новосибирский государственный университет.

Важным условием развития научных исследований является наличие профессионально подготовленных и высококвалифицированных кадров. В данном случае речь пойдет о кандидатах и докторов наук в области отечественной истории (история СССР, история КПСС). Целью работы является анализ формирования научно-образовательных структур (вузовских кафедр и академических подразделений) и их персонального состава, занимающегося научно-исследовательской деятельностью. В качестве основополагающих методологических подходов используются не только полученные историками результаты в диссертациях, монографиях, научных публикациях, но и жизненные коллизии, влияние повседневности, научной среды, господствовавших тогда научных парадигм. В качестве источников выступают также личные дела научных сотрудников Института истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР, ныне Института истории (ИИ) СО РАН (прежде всего автобиографии и личные листки по учету кадров, приказы по личному составу, протоколы заседаний секторов, ученого совета и т.д.), немногочисленные воспоминания, библиографические указатели историков, личные впечатления автора, окончившего в 1971 г. историческое отделение гуманитарного факультета (ГФ) Новосибирского государственного университета (НГУ), в 1975 г. с защитой кандидатской диссертации аспирантуру ИИФФ, 43-й год работающего на исторических кафедрах родного вуза и с 2001 г. возглавляющего сектор истории второй половины XVI – начала XX в. ИИ.

Применительно к Сибири имеются определенные наработки по кадровому составу исторических кафедр местных вузов и Института истории СО РАН [1–9]. Биографии историков представлены в фундаментальном многотомном биографическом словаре «Профессора Томского университета» (отв. ред. С.Ф. Фоминых), региональных энциклопедических изданиях и Сибирской исторической энциклопедии (2010). Тем не менее применительно к Новосибирску обобщающих разработок и биословарей нет. В настоящем исследо-

вании предполагается выявить основные особенности и персональный состав исторического сообщества города в период его оформления в 1960–1970-е гг.

Парадокс заключался в том, что, в перешагнувшей в 1962 г. миллионный рубеж и имеющей более 10 вузов столице Сибири к началу 1960-х гг. не было ни одного доктора исторических наук. Первым из местных обладателей этой ученой степени стал в 1964 г. М.М. Шорников (1914–1989). Данное обстоятельство не означало полного отсутствия специалистов высшей исторической квалификации в городе, хотя в открытой здесь в ноябре 1946 г. ВПШ не было тогда остепененных специалистов. Исходными точками формирования и последующего функционирования сообщества историков стали кафедра истории СССР (отечественной истории, отечественной и всеобщей истории) Новосибирского государственного педагогического университета (НГПИ, НГПУ), Постоянная комиссия по общественным наукам при Президиуме СО АН СССР (1959), сектор (1961), отдел истории (1962) Института экономики и организации промышленного производства СО АН (ИЭ), ИИФФ (1966) и тесно связанной с ними кафедры истории СССР (Отечественной истории), образованного в 1962 г. ГФ (ныне гуманитарный институт) НГУ. В совокупности институт и кафедра составили единый учебно-научный комплекс.

В 1944–1955 гг. в составе НГПИ обеспечивала учебный процесс кафедра истории СССР, которую объединили со всеобщниками и только в 1964 г. она восстановила автономный статус. В ее составе работали кандидаты исторических наук Б.Г. Кокошко, Е.П. Матханова, Т.П. Прудникова, Е.И. Соловьева, В.Ф. Цыба, защитившие диссертации в 1940–1955 гг. [4. С. 60–61, 84–85, 105, 122, 148]. Дальнейшее развитие кафедры и научного направления, ставшего доминирующим на ней, тесно связано с деятельностью на посту заведующей Е.И. Соловьевой (1924–2017). В рамках созданной ею научной школы защищено 7 докторских и более 30 кандидатских диссертаций [10. С. 5]. Кроме того в вузах города на кафедрах истории

КПСС и марксизма-ленинизма трудились выпускники в основном московских и ленинградских вузов, кандидаты исторических наук. Именно они, вместе с приехавшими из сибирских областных центров, составили костяк историков будущего Института истории, филологии и философии СО АН СССР и НГУ.

В январе 1959 г. для координации в области гуманитарных исследований при Президиуме СО АН организуется Постоянная комиссия по общественным наукам (ПКОН) во главе с доктором философских наук, проф. И.И. Матвеевым. В марте 1960 г. она провела конференцию по актуальным проблемам истории Сибири и Дальнего Востока (секции работали в Новосибирске, Томске, Иркутске), на которой обсуждался проект многотомного издания по истории Сибири. Параллельно с этим в 1959 г. открывается Новосибирский государственный университет, а в 1962 г. в его составе гуманитарный факультет с отделением истории. В 1961 г. в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН создается сектор, а в 1962 г. – отдел истории. Для руководства этими структурами из Ленинграда приглашаются доктора наук – сибиреведы А.П. Окладников (археолог) и В.А. Аврорин (филолог). «Предварительно Алексей Павлович и Валентин Александрович между собой договорились, – заметил Л.Ф. Лисс, – что первый возглавит отдел в СО АН, а второй факультет в НГУ» [11. С. 303]. Организационный период завершился 23 декабря 1966 г., когда Президиум АН СССР принял постановление об организации Института истории, филологии и философии СО АН во главе с А.П. Окладниковым.

Для созданных структур потребовались научные сотрудники и преподаватели. Предполагалось, согласно общему принципу взаимодействия Сибирского отделения и НГУ, что ведущие ученые академических институтов и станут кадровой основой университетских кафедр, за исключением общеуниверситетских: истории КПСС, философии и научного коммунизма, политэкономии, где ставка делалась на штатных преподавателей. Они должны были заниматься еще и воспитательной работой среди студентов в духе всепобеждающих идей марксизма-ленинизма.

Для решения кадровой проблемы были задействованы работающие в институтах Новосибирска обществоведы (историки КПСС): к. и. н. (1955) Н.Я. Гущин (доцент, Электротехнический ин-т связи), к. и. н. (1957) А.С. Московский (доцент, Сельскохозяйственный ин-т), к. и. н. (1957) В.Л. Соскин (Сибстрин). Кафедра истории КПСС НГУ пополнилась за счет приехавших: в 1962 г. из Иркутска В.В. Алексеева (к. и. н., 1964), в 1964 г. из Горно-Алтайска В.А. Демидова (к. и. н., 1961), в 1964 г. из Томска Д.М. Зольникова (к. и. н., 1957), из Читы Б.М. Шершевского (к. и. н., 1950), в 1965 г. из партийных структур Новосибирска И.А. Молетотова (к. и. н., 1966). В отделе, а затем в ИИФФ начали работать переехавшие: в 1961 г. из Томска Л.М. Горюшкин (к. и. н., 1967), в 1959 г. М.М. Громы-

ко (к. и. н., 1954), в 1961 г. из Кемерово Г.А. Докучаев (к. и. н., 1957), в 1965 г. Н.Н. Покровский (к. и. н., 1955), в 1961 г. из Горьковской обл. О.Н. Вилков (к. и. н., 1965 г.), в 1961 г. из Иркутска И.И. Комогорцев (к. и. н., 1961), в 1960 г. из Москвы А.Н. Копылов (к. и. н., 1960), в 1961 г. из Омска В.С. Познанский. Перечислены только защитившие впоследствии докторские диссертации.

Кроме них следует назвать ставших впоследствии кандидатами Ф.А. Лукинского (1961); Р.С. (1966) и Л.М. (1975) Русаковых, окончивших в 1959 г. исторический факультет МГУ. 26 июня 1961 г. их из г. Искитима переводом с должностей директора средней школы и учителя истории школы рабочей молодежи (ШРМ) принимают соответственно м.н.с. и старшим лаборантом в сектор истории ИЭ. Из титульных народов Сибири наиболее ярким представителем отцов-основателей стал З.В. Гоголев (1911–1974). Согласно материалам личного дела Захар Васильевич родился в семье якутского крестьянина-середняка, в 1931 г. окончил Якутский педагогический техникум, работал зам. секретаря Якутского обкома комсомола, являлся членом ВКП(б) с 1932 г. В 1935 г. направлен в Москву на учебу в Институт истории, литературы и философии, в 1940 г. окончил и оставлен в аспирантуре. С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. добровольно ушел на фронт, участвовал в оборонительных боях под Москвой, в апреле 1942 г. был тяжело ранен. После выздоровления направлен преподавателем в Киевское военно-пехотное училище. В 1948 г. в Киевском университете защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В конце 1948 г. был демобилизован и до января 1959 г. являлся директором Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР. Постановлением Президиума СО АН от 16 апреля 1963 г. назначен в порядке перевода и. о. с.н.с. в ИЭ. Награжден: орденом Красной Звезды (1944), медалями «За оборону Москвы» (1945), «За победу над Германией» (1945). В связи с созданием ИИФФ СО АН назначается на штатную должность с.н.с., в 1973 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Последний приказ в личном деле З.В. Гоголева подписан академиком А.П. Окладниковым 30 декабря 1973 г.: «27 декабря с. г. при исполнении служебных обязанностей скончался один из старейших сотрудников в Институте крупный историк-сибиревед, заведующий сектором общих проблем истории советского общества и рабочего класса З.В. Гоголев». Сердечный приступ сразил Захара Васильевича в Якутске, где резкой критики со стороны Г.П. Башарина подверглась его книга «Якутия на рубеже XIX–XX вв.» (1970).

Согласно воспоминаниям В.Л. Соскина, «более сложно шел процесс комплектования по другим историческим направлениям. Первый этап отбора был первоначально отдан на откуп Марине Михайловне и мне. Естественно, что она, взяв на себя заботу о специали-

стах по дореволюционной истории, ориентировалась в основном на москвичей, прежде всего известных ей по МГУ, который она окончила. Так был «вытянут» из деревни О.Н. Вилков (1922–2005), выпускник МГУ, учительствовавший в то время. Несколько раньше появился у нас А.Н. Копылов (1924–2007), выпускник Историко-архивного института» [12. С. 21].

В этом тандеме был много общего, но в то же время личностные параметры отличались индивидуализмом, как и этапы жизненного пути. Оба родились в деревне (первый на севере Горьковской области, второй – в Сорокинском районе Алтайского края), Олег Никандрович в семье сельскохозяйственного техника и учительницы, Алексей Николаевич – в семье крестьянина-середняка, которую волной индустриализации забросило в пос. Усть-Тельбес Горно-Шорского района Западно-Сибирского края на строительство железной дороги Сталинск (Новокузнецк) – Таштагол. В 1932 г. семья переехала в Кемерово, где будущий историк с золотой медалью (отличием) окончил среднюю школу и в 1941 г. поступил в Новосибирский институт военных инженеров транспорта (ныне СГУПС). Впрочем, повышать образование им не дали: в 1940 г. Вилкова сразу же после окончания средней школы призвали в РККА, а затем направили во Владивостокское военно-пехотное училище. Копылов в марте 1942 г. стал курсантом Томского артиллерийского училища.

А дальше был фронт. Оба командовали взводами, оба были награждены орденами «Отечественной войны» 2-й ст., медалями «За победу над Германией». Кроме того, Копылов удостоился медалей «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина»; Вилков – «За отвагу», «За оборону Сталинграда». Первый воевал в составе Центрального и 1-го Белорусского фронтов, второй – Сталинградского, Юго-Западного, Донского, Центрального, 1-го Украинского и 2-го Прибалтийского. Алексей Николаевич демобилизовался в августе 1946 г. А вот военная биография Олега Никандровича была обременена рядом обстоятельств. В действующей армии он был взводным в составе 216-го отдельного заградительного отряда. В принципе военнотрудовой место службы не выбирает, а суду по наградам и тяжелому ранению, мой герой в тылу не отсиживался. Однако в обывательском понимании, особенно в представлениях либеральной интеллигенции, заградотряды ассоциировались с ненавистным сталинским тоталитаризмом, что переносилось на их личный состав. К тому же в разгар Сталинградской битвы его подразделение попало в окружение и Вилков закопал свой партийный билет. Вновь в КПСС его приняли только в 1969 г. Наконец, в октябре 1944 г. в бою под Либавой он был тяжело ранен и находился в госпитале вплоть до июля 1945 г. Следствием ранения стала бессрочная инвалидность. Согласно заключению ВТЭК: «Может выполнять работу без напряжения зрения, в неопасных для зрения условиях» (личное дело О.Н. Вилкова, л. 10).

Не сразу фронтовики определились в мирной жизни. Копылов вплоть до 1949 г. учился в музыкальных училищах Кемерово и Москвы, затем до 1957 г. был студентом и аспирантом Московского государственного историко-архивного института. Затем работал с.н.с. научно-издательского отдела Главного архивного управления при МВД СССР, начальником отдела ЦГАДА. В ноябре 1960 г. в порядке перевода перешел на работу м.н.с. в ПКОН СО АН. В 1963 г. в Институте истории АН СССР защитил кандидатскую диссертацию «Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда в XVII в.». С организацией ИИФФ в 1967 г. назначается с.н.с. сектора истории дооктябрьского периода. Вилков после войны с отличием окончил истфак МГУ, учился в аспирантуре, начав сбор материалов по теме «Тобольский рынок в XVII в.». В срок не уложился, не удалось устроиться в вузе. Пришлось ехать к семье в г. Ветлугу Горьковской области, жить на пенсию и дорабатывать диссертацию. В 1958–1961 гг. работал учителем истории и географии в рядом расположенном пос. Буреполом, а в конце августа 1961 г. переводом принимается м.н.с. в сектор истории ИЭ СО АН. Диссертацию он защитил в НГУ 25 мая 1965 г., хотя первая статья «Китайские товары на тобольском рынке в XVII в.» (2 п. л.) увидела свет в журнале «История СССР» в 1958 г. Текст квалификационного сочинения насчитывал более 1 тыс. страниц (2 тома). В 1967 г. Олег Никандрович избирается с.н.с.

В 1962–1970 гг. мои герои работают по совместительству в НГУ. В 1966 г. Копылову присваивается ученое звание доцента, в 1968 г. доцентом становится Вилков. Первый читал курс вспомогательных исторических дисциплин (ВИДы), второй – дореволюционную историю Сибири. Лекторами они были плохими (сухо, косноязычно, не отрываясь от текста), в связи с чем их перестали приглашать (совместительство тогда заключалось на каждый учебный год). Внешне являли контраст: спортивного вида, подтянутый, отутюженный Алексей Николаевич; коренастый, рыхловатый, окаяющий Олег Никандрович.

С точки зрения научных достижений лидировал Копылов, в 1965–1973 гг. руководившей разработкой темы «Экономическое развитие, управление и культура Сибири феодального периода» и издавшей по ней монографии в 1968 и 1974 гг. В 1975 г. его награждают медалью «За трудовое отличие», в 1976 г. он успешно защищает докторскую диссертацию. 6 июня 1976 г. на основании докладной записки Алексея Николаевича его тематическая группа переводится в сектор историко-архитектурного музея «с целью улучшения условий для развития исследований истории Сибири феодального периода». В состав группы включаются: с.н.с. А.Н. Копылов (руководитель), м.н.с. В.Н. Курилов и ст. лаборант М.П. Малышева (личное дело А.Н. Копылова, л. 100). Но 23 мая 1977 г. приказом по ИИФФ № 143 из сектора историко-архитектурного музея выделяется

сектор по истории Сибири периода феодализма во главе с О.Н. Вилковым, а А.Н. Копылов включается в его состав в качестве старшего научного сотрудника (личное дело О.Н. Вилкова, л. 47).

Можно предположить, что случившееся подвигло Копылова искать новое, более достойное место работы. Поэтому на имя директора ИИФФ приходит отношение от 7 октября 1977 г. из Министерства культуры РСФСР за подписью заместителя министра В.М. Стриганова следующего содержания: «Министерство культуры РСФСР убедительно просит Вас откомандировать тов. Копылова А.Н. в распоряжение Министерства для использования его на руководящей работе, связанной с охраной памятников истории и культуры. Будем признательны за положительное решение данного вопроса». На документе А.П. Окладников собственноручно написал: «С величайшим сожалением вынужден дать согласие» (личное дело А.Н. Копылова, л. 149). Далее последовал приказ по институту от 17 октября 1977 г. об освобождении с 1 ноября доктора исторических наук Копылова от исполнения обязанностей старшего научного сотрудника сектора памятников истории и культуры народов Сибири в связи с переводом на работу в Министерство культуры РСФСР. Имеется собственноручно начертанная академиком приписка: «Выразить А.Н. Копылову глубокую благодарность за долговременную и полезную деятельность в нашем институте; премировать в полумесечном окладе – 150 руб.» (личное дело А.Н. Копылова, л. 156).

Впрочем, чиновничья карьера у А.Н. Копылова не задалась, возможно, к ней он и не стремился, в 1980–1982 гг. работая в Институте истории СССР АН СССР, с 1994 в Институте молодежи (с 2003 г. – в Московском гуманитарном университете). Хотя, отчитываясь о преподавательской деятельности в НГУ за 1962–1972 гг., себе в актив он записал одну защищенную кандидатскую диссертацию, подготовленные одну докторскую и три кандидатские, большего количества учеников А.Н. Копылов не вырастил.

О.Н. Вилков в 1970–1977 гг. руководил сектором историко-архитектурного музея, до 1980 г. сектором истории феодализма, в 1983–1989 гг. сектором истории и культуры, а затем работал ведущим научным сотрудником, в 2001 г. уволился ИИ СО РАН. В 1991 г. в форме научного доклада защитил в диссертационном совете Института докторскую диссертацию «Социально-экономическое развитие Сибири в XVI–XVIII в. (промышленность, торговля, города)». По состоянию на 1992 г. опубликовал 233 научные публикации, в том числе две монографии (личное дело О.Н. Вилкова, л. 108). В характеристике 1986 г. сообщается, что под руководством Вилкова кандидатскую диссертацию защитил Д.Я. Резун, «З.В. Башкатова, В.Н. Курилов, Т.Е. Квевцинская готовятся к защите» (личное дело О.Н. Вилкова, л. 53–54). Дмитрий Яковлевич возглавлял после своего научного руководителя до 2007 г. сектор. В 1991 г. в Томске защитил докторскую диссертацию

по теме «История городов Сибири в отечественной русской историографии XVIII–XIX вв.». В свою очередь его ученики И.Р. Соколовский (2000), Е.В. Комлева, Р.В. Оплаканская (2001), И.П. Каменецкий, Е.Н. Туманик (соруководитель Н.П. Матханова) (2002), и Д.В. Раев (2003) в диссертационном совете ИИ СО РАН защитили кандидатские диссертации, а Е.В. Комлева готовится к защите докторской.

В.Н. Курилов позднее под руководством И.Н. Гемуева защитил диссертацию по этнографии, другие так и не остепенились. В секторах, руководимых О.Н. Вилковым, сложилась уникальная для академического института ситуация, проработав в нем по 30 лет, его сотрудники З.В. Башкатова и В.М. Леонтьев не сумели написать диссертационные сочинения. И последний штрих к характеристике О.Н. Вилкова как человека своего времени. Был он неуживчивым, постоянно третировался коллегами-одногодками по части службы в заградотряде и утраты партбилета, «сигнализировал» в партийные органы об отклонениях от линии партии. Так, после прекращения работы по совместительству на ГФ по инициативе деканата он отправил в ОК КПСС по сути дела донос, негативно оценив доклады и атмосферу студенческой научной конференции. Впрочем, данное обстоятельство, на мой взгляд, не позволяет однозначно ответить на вопрос: был ли он ортодоксальным сталинистом и искренним защитником политической системы, за которую проливал кровь.

Возраст 17 будущих докторов наук по состоянию на 1962 г. был в диапазоне от 28 (Алексеев) – 32 (Познанский, Покровский) до 42–43 лет (Зольников, Докучаев). Значительная часть анализируемой совокупности (Докучаев, Зольников, Московский, Соскин, Шерешевский, Вилков, Гоголев, Копылов) участвовала в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., получила ранения, была награждена орденами и медалями. Большинство являлись выходцами из крестьян. Сибиряками были Алексеев, Горюшкин, Зольников, Московский, Соскин, Комогорцев и Копылов. Причем Горюшкин родился в семье переселенцев из Орловской губернии, Зольников – Пензенской. Отец Соскина появился на свет в Бобруйске, мать – в местечке Узда Минской губернии у истоков Немана, бракосочетались в Томске, где получили высшее образование и относились к «новым советским интеллигентам первого поколения» [13. С. 9]. Из профессорской семьи был Покровский.

Единственными женщинами среди основателей оказались М.М. Громыко и Т.И. Агапова. Марина Михайловна, белоруска, родилась в 1927 г. в Минске в семье геолога, доцента и педагога, уроженки Одессы. «В 1935 г. поступила в школу г. Иваново, где проживала с родителями, в 1936 г. переехали в г. Кировск, где училась до 1941 г. В июле 1941 г. была эвакуирована в Удмуртскую АССР с. Яншкар-Бодья, где 1945 г. окончила школу с золотой медалью» (личное дело М.М. Громыко, л. 13). В том же году поступила на истфак Казанского университета, а в 1946 г. перевелась

на второй курс МГУ. В 1950 г. окончила вуз, была оставлена в аспирантуре и под руководством академика С.Д. Сказкина подготовила и в 1954 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Развитие капиталистических отношений в промышленности и торговле Нидерландов XVI в.». В 1954–1959 гг. Марина Михайловна работала м.н.с. на кафедре средних веков МГУ. В характеристике, подписанной деканом исторического факультета д.и.н., проф. И.А. Федосовым в связи с переводом в СО РАН отмечалось: «В своей педагогической работе тов. Громыко неизменно проявляла себя как способный вполне добросовестный преподаватель, очень внимательный к студентам и любящий свое дело» (личное дело М.М. Громыко, л. 7). В личном листке по учету кадров, датированном 19 августа 1959 г., отмечается знание французского, английского, немецкого, голландского, латинского языков (чтение и перевод).

В Новосибирске она оказалась случайно в связи с переводом на работу в Институт теоретической и прикладной математики (ИПТМ) СО АН мужа Н.А. Желтухина (1915–1994), за которого вышла замуж в 1949 г. Николай Алексеевич был ведущим конструктором в ОКБ В.П. Глушко, лауреатом Ленинской премии (1957), доктором технических наук, в 1968 г. избирается член-корреспондентом АН СССР. Впрочем, вскоре после переезда Громыко развелась и в 1966 г. сочеталась с к.и.н., этнографом Ю.Б. Стракачом. Марина Михайловна быстро адаптировалась к новой обстановке. Уже в 1961–1962 гг. она подготовила 6 публикаций, в том числе проспект 2-го тома «Истории Сибири». В 1965 г. увидела свет монография [14]. На ее основе была выполнена докторская диссертация, успешно защищенная в Институте истории АН СССР в Москве в феврале 1966 г. К ноябрю 1975 г. в активе ученого насчитывалось 68 научных работ, не считая отрецензированных и сданных в печать. Они были положительно оценены коллегами, но в то же время способствовали оживленной дискуссии по отдельным вопросам, которая, в ряде случаев, продолжается до сего дня.

В частности, академик А.П. Окладников в 1962 г. следующим образом отзывался о статье «К вопросу о социальной сущности заводов Западной Сибири»: «Убедительно показывает на большом опубликованном и неопубликованном конкретном материале смешанную социальную природу заводов Западной Сибири, в которых самым причудливым образом переплетаются феодальные и капиталистические отношения». В отношении приписной деревни, по мнению выдающегося ученого, автор показал, что «приписка крестьян к заводам, ухудшив их положение в связи с введением отработочной ренты в одной из ее самых тяжелых форм, не превращала государственных крестьян, как это считали некоторые исследователи, в крепостных и не прекратили поступательного развития крестьянских хозяйств в направлении увеличения его товарности» (личное дело М.М. Громыко, л. 37). В характеристике 1970 г., под-

писанной заведующим сектором Л.М. Горюшкиным, в отношении проблематики исследований подчиненной отмечалось: «Решались и такие вопросы, как происхождение и сословные границы сибирского дворянства; особенности сибирского варианта развития феодальных отношений; купеческие семьи – компании Западной Сибири и т.д. В настоящее время в связи с подготовкой “Истории крестьянства Сибири” М.М. Громыко уделяет преимущественное внимание изучению социальных крестьянства. Результаты разработки всех этих вопросов войдут в монографию “Сибирия в XVIII в.” [15], в которой предполагается дать характеристику взглядов и образа жизни различных категорий населения на фоне анализа их социального положения» (личное дело М. М. Громыко, л. 78).

Со времени открытия гуманитарного факультета Громыко на условиях совместительства читала часть курса истории СССР, руководила подготовкой дипломных работ и аспирантами. В апреле 1965 г. ВАКом она утверждается в ученом звании доцента по кафедре истории КПСС (?) (личное дело М.М. Громыко, л. 14), в январе 1969 г. профессором по кафедре истории. По состоянию на май 1974 г. защитили кандидатские диссертации 7 ее аспирантов, подготовили еще двое (личное дело М.М. Громыко, л. 111). Под руководством Марины Михайловны сформировалась первая в Новосибирске научная школа историков Сибири периода феодализма. В 1971 г. ее ученица Н.А. Миненко, окончившая в 1967 г. НГУ (первый выпуск историков), защитила кандидатскую диссертацию «Население Северного Приобья в XVIII – первой половине XIX в. Ясак на Тобольском севере в XVIII в.», в 1979 г. – докторскую «Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVIII – первой половине XIX в. Историческое исследование». В 1970–1989 гг. Нина Адамовна заведовала кафедрой истории СССР родного ГФ, а с 1983 г. являлась еще и деканом. Под ее руководством было защищено 22 кандидатских диссертаций. Кроме того, О.Н. Шелегина (1986 г. – кандидатская, 2015 г. – докторская), А.И. Куприянов (1987, 2008), А.Р. Ивонин (1987, 2000), И.В. Побережников (1988, 2011), А.С. Зуев (1989, 2006) защитили докторские.

Из других учеников М.М. Громыко следует назвать Н.К. Чернышову, выпускницу НГУ 1971 г., получившую диплом ВАК о присвоении ученой степени кандидата исторических наук в 1982 г., доктора в 2012 г.; Т.С. Мамсик, выпускницу ГФ, в 1968–2017 гг. работавшую в ИИФФ-ИИ, в 1992 г. защитившую докторскую диссертацию; В.В. Рабцевич, учившуюся под научным руководством М.М. Громыко в аспирантуре ИИФФ, защитившую кандидатскую диссертацию в 1973 г. и докторскую «Сибирский город в системе управления (1775–1861)» в 1991 г.

Казалось бы, научная карьера доктора исторических наук успешно продвигается. 12 февраля 1968 г. она назначается и. о. заведующего только что образованного сектора истории дооктябрьского периода, но 22 мар-

та того же года пишет на имя директора института академика А.П. Окладникова заявление: «В связи с ухудшением состояния здоровья и семейными обстоятельствами (младшему ребенку – 1 год и восемь месяцев) прошу Вас освободить меня от исполнения обязанностей заведующего сектором истории досоветского периода» (личное дело М.М. Громыко, л. 69) и приказом от 24 марта освобождается от заведывания с назначением старшим научным сотрудником. Дело в том, что Марина Михайловна оказалась в числе подписантов знаменитого «письма 46-ти».

Драматичной была и судьба Таисии Ивановны Агаповой (личное дело Т.И. Агаповой, без нумерации), родившейся в 1919 г. в станице Успенская Краснодарского края в семье учителя. Она окончила литературный и исторический (заочно) факультеты Северо-Осетинского педагогического института, 3 месяца (октябрь 1942 – январь 1943 г.) находилась на временно оккупированной территории. В 1943–1950 гг. работала лаборантом, ассистентом кафедры истории Северо-Осетинского пединститута (г. Орджоникидзе), в 1950–1951 гг. была прикомандирована к аспирантуре ЛГУ, в 1953 г. там защитила кандидатскую диссертацию по теме «Кризис крепостной горной промышленности в Сибири (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.)». В 1951–1960 гг. работала ассистентом, старшим преподавателем, доцентом на кафедре истории СССР Кабардино-Балкарского пединститута (г. Нальчик). «В 1960 г. участвовала в 1-й научной конференции историков Сибири и в этом же году, в связи с сибирской тематикой, по которой я работала, оставила юг и уехала в Сибирь».

Таисия Ивановна стала заведовать кафедрой истории в педагогическом институте г. Комсомольска-на-Амуре, в 1963 г. в связи с его закрытием была принята в Новосибирский институт кооперативной советской торговли, где работала деканом экономического факультета и заведующей кафедрой истории народного хозяйства. В 1967 г. в Москве защитила докторскую диссертацию «Кабинетское хозяйство Сибири 1747–1861». В мае 1968 г. «по указанию Новосибирского ОК КПСС переведена в ИИФФ». Здесь она вошла в состав авторского коллектива 2-го тома «Истории Сибири». На ее счету к концу того же года насчитывалось 20 научных публикаций общим объемом 25 п. л., появились свои аспиранты. В октябре 1968 г. Агапову назначают и. о. зав. сектором памятников истории и культуры народов Сибири. И на этом фоне 13 мая 1970 г. последовало заявление: «В связи с тяжелым хроническим заболеванием, полученным в результате длительного систематического охлаждения в Сибири, прошу Вас с 1 августа 1970 года освободить меня от работы в Институте и выдать характеристику для участия в конкурсе на замещение должности в зоне более мягкого климата нашей страны». Таисия Ивановна избирается по конкурсу в Краснодарский государственный институт культуры.

Высшее историческое образование Горюшкин и Зольников получили в Томском университете, Алексеев и Комогорцев – в Иркутском, Молетотов – в Новосибирской ВПШ, Шерешевский – в Кызыл-Ордынском пединституте. Все остальные – в вузах Европейской России, прежде всего московских: МГУ (Громыко, Покровский, Вилков) и Историко-архивном институте (Копылов, Московский, Познанский). Ленинградский университет окончили Гушин и Соскин, а Демидов обучался в нем в аспирантуре, Саратовский – Докучаев. Демидов получил диплом о высшем образовании в Мордовском ГПИ (Саранск). Для всех них была характерна высокая социальная и миграционная мобильность. Только Покровский оказался в Сибири не по своей воле. Отсидев шесть лет в Мордовских лагерях по «делу Московской университетской группы», он в 1964–1965 гг. работал зам. директора Владимиро-Суздальского музея-заповедника и по рекомендации своего научного руководителя академика М.Н. Тихомирова оказался в ИИФФ СО АН СССР.

В процессе адаптации на новом месте произошло перераспределение перечисленных выше историков между ИИФФ и НГУ. На кафедре истории КПСС трудились Демидов, Зольников, Молетотов, Шерешевский; Алексеев перешел в 1971 г. в институт; Гушин, начав работать в НГУ, в 1963 стал штатным научным сотрудником СО АН. В целом к середине 1970-х гг., за исключением Алексеева, Громыко и Познанского, все остальные на условиях совместительства преподавали на гуманитарном факультете. Марина Михайловна за подписание так называемого письма 46-ти в 1968 г. отстраняется от преподавания и руководства сектором истории дооктябрьского периода ИИФФ. На собрании партийного актива областной организации КПСС 19 апреля 1968 г. секретарь обкома по идеологии, к. и. н. М.С. Алферов заявил: «Доктор исторических наук Громыко до сих пор доказывает, что претензии коллектива института к ней не обоснованы, что она своего мнения не меняет и не изменит. Я говорю это потому, что можно ли этому человеку оказывать доверие, не лучше ли этому доктору наук заниматься не историческими проблемами, не чтением курса истории в университете, а другой работой, которая помогла бы ей понять современную жизнь» [16. С. 56]. По «инерции» М.М. Громыко продолжала работать в Институте, но 24 августа 1977 г. подала заявление: «Прошу освободить меня от занимаемой должности с 10 октября 1977 г. в связи с тем, что избрана по конкурсу на должность старшего научного сотрудника в Институте этнографии АН СССР (г. Москва)» (личное дело М.М. Громыко, л. 158). Приказ об увольнении последовал 15 октября 1977 г., с этого времени Марина Михайловна плодотворно работала в Отделе русского народа Института этнографии (ныне Институт этнологии и антропологии РАН).

Стремительной была научная карьера Л.М. Горюшкина (1927–1999): в 1959 г. – аспирант, в 1961 г. м.н.с. в

секторе гуманитарных исследований ИЭ СО АН, с конца 1966 г. ИИФФ (м.н.с., с.н.с., одновременно ученый секретарь института). В 1964 г. в Томске защищается кандидатская диссертация «Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.». Среди сотрудников новой академической структуры, привлеченных А.П. Окладниковым, Леонид Михайлович представлял Томск, являлся посланцем И.М. Разгона. Не случайно он выдвигается на второй по значимости в научно-управленческой иерархии после директорского пост ученого секретаря. В 1967 г. в институте организуется сектор истории дооктябрьского периода во главе с М.М. Громыко, но в 1968 г. беспартийная Марина Михайловна подписала «письмо 46-ти», за что подверглась осуждению и освобождению от руководства, и на управленческую должность назначили моего героя.

Помимо аграрной сферы Горюшкин активно работал по другим направлениям истории Сибири второй половины XIX – начала XX в.: политическая ссылка, крестьянское движение, иностранный капитал, предпринимательство, благотворительность, история Ново-николаевска. Он внес существенный вклад в становление и развитие исторического отделения ГФ НГУ, где работал по совместительству в 1963–1995 гг. Через его спецсеминар, по моим подсчетам, прошло 94 выпускника, или примерно 12% от ставших историками до 1995 г. Из них 10 чел. удостоились дипломов с отличием, с оценкой «отлично» выпускные квалификационные работы защитили 63 (67,3%), – «хорошо» – 26, «удовлетворительно» – четыре человека. Приведенные данные свидетельствуют о том, что специализировались у Горюшкина не исключительно отличники, а студенты, сумевшие под его руководством раскрыть свою склонность к научно-исследовательской работе. Из 94 дипломников стали кандидатами исторических наук 18 (еще 7 пришедшие со стороны) и докторами 10 чел., т.е. каждый третий. Трое докторов наук (С.С. Букин, Е.Э. Казаков, И.В. Павлова) после защиты дипломов сменили объект изучения. Сохранили верность «капиталистической» проблематике И.В. Островский (д. и. н. в 1991 г.), М.В. Шиловский (1992), А.Г. Дорожкин (1995), А.Н. Сагайдачный (2000), Г.А. Ноздрин (2005), Л.К. Островский (2015), Г.М. Запороженченко (2016). Кроме того Горюшкин консультировал по докторской диссертации ученика Е.И. Соловьевой В.А. Зверева (1992). Эстафету исследований в этой сфере в ИИ СО РАН продолжил М.В. Шиловский, под научным руководством которого защитили кандидатские диссертации по периоду капитализма 11 чел., в том числе пятеро обучались в аспирантуре под руководством Л.М. Горюшкина. Его ученик являлся научным консультантом докторских диссертаций, подготовленных Е.А. Дегальцевой и О.Г. Шелегиной.

Последним по времени появления в Новосибирске и самым известным в научных кругах стал Н.Н. Покровский (1930–2013). Родился в семье профессора, декана

историко-филологического факультета Ростовского университета. В 1952 г. с отличием окончил истфак МГУ и в 1955 г. аспирантуру при кафедре источниковедения под руководством академика М.Н. Тихомирова, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Актовые источники по истории черносошного землевладения Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.» (1955). В 1955–1957 гг. работал ассистентом на кафедре источниковедения МГУ. В 1957 г. осужден по сфальсифицированному «делу Московской университетской группы» к шести годам лишения свободы. Полностью отбыл срок в ИТЛ (Мордовия). Освобожден в 1963 г. (приговор отменен в 1989 г.). В 1964–1965 гг. работал зав. отделом и зав. сектором Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В Новосибирске оказался по протекции своего учителя академика М.Н. Тихомирова, который в феврале 1965 г. передал в дар СО АН СССР уникальную коллекцию старопечатных и рукописных книг. Тогда же Николай Николаевич начинает работать младшим научным сотрудником в Отделе гуманитарных исследований ИЭ СО АН. В последующем м.н.с., с.н.с. (1970), руководитель археографической группы при секторе истории дооктябрьского периода (1970), зав. сектором археографии (1975–2013) ИИФФ СО АН и ИИ СО РАН. В 1974 г. защитил в Ленинградском отделении АН СССР докторскую диссертацию «Антифеодальный протест крестьян-старообрядцев Урала и Западной Сибири и борьба с ним в XVIII в.», член-корреспондент (1987), действительный член РАН (1992). В 1965–1999 гг. работал в НГУ, доцент (1971), профессор (1977) по кафедре истории СССР. В результате конфликта с деканом к.и.н. А.С. Зуевым, вместе с супругой д.и.н. Н.Д. Зольниковой ушел с факультета.

Я коснусь только сибиреведческой проблематики многогранного научного наследия Покровского. В центре его внимания находились проблемы функционирования земских организаций в Сибири в XVII в. Его монографические исследования стали классическими применительно к изучению истории Сибири периода феодализма. Под научным руководством Николая Николаевича получили путевку в большую науку доктора исторических наук Н.Д. Зольникова (1991), Н.С. Гурьянова (1997), Н.П. Матханова (2000), А.Х. Элерт (2000), В.А. Есипова (2004), 12 его аспирантов стали кандидатами наук.

Параллельно с поиском специалистов, сотрудники Постоянной комиссии по общественным наукам, сектора и отдела ИЭ СО РАН начали подготовку к реализации проекта по написанию истории Азиатской России. 10–19 марта 1960 г. ими, совместно с Отделением исторических наук АН СССР и Минвузом СССР, проводится конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Ее секции работали в Новосибирске, Томске, Иркутске. На форуме избрали Научный совет по проблеме «История Сибири и Дальнего Востока» и внесли предложение начать подготовительные работы по со-

зданию многотомного обобщающего труда. На секции досоветского периода выступили с докладами М.М. Громыко «К вопросу о социальной сущности заводов Западной Сибири в XVIII в.» и Т.И. Агапова «Усиление кризиса алтайской и нерчинской горной промышленности в 30–50-х годах XIX в.».

Организационное оформление академической структуры в Новосибирске завершилось 23 декабря 1966 г., когда Президиум АН СССР принял постановление об организации Института истории, филологии и философии во главе с А.П. Окладниковым на базе Отдела гуманитарных исследований ИЭ СО АН. Перед его учеными-историками поставили задачу развернуть научные исследования по направлениям: история социалистического и коммунистического строительства в СССР, закономерности исторического развития общества и смены общественно-экономических формаций. В 1967 г. определяется структура научно-исследовательского учреждения и распределение ученых внутри ее.

Представители анализируемого сообщества активно занялись исследовательской деятельностью. Первым масштабным проектом, реализованным ими вместе с историками Томского и Иркутского университетов, стала пятитомная «История Сибири» (1968). На базе ИИФФ СО АН СССР и гумфака НГУ «сформировался единый научно-учебный комплекс, обеспечивающий непрерывное развитие актуальных исследований» [8. С. 12]. Первой из 17 докторскую диссертацию защитила в 1966 г. Громыко, в 1968–1970 гг. «остепенились» шестеро, в 1971–1980 гг. – 8 чел., после 1980 г. – один. Подводя итоги своей учебно-научной деятельности, Зольников констатировал: «Всего же с 1956 г. по 1998 я опубликовал 61 работу общим объемом 111 п. л., среди них 3 авторских монографии и 6 монографий в соавторстве... Под моим руководством подготовили и защитили кандидатские диссертации 12 человек, 2 из них позже защитили докторские... Чем отличалась моя научная работа в Академгородке от такой же работы в

Томске? Она была интенсивнее по объему публикаций в год в среднем в 4 раза, а при учете редактирования – в 6 раз. Она была и разнообразнее» [17. С. 173].

Из-за отсутствия информации о научном руководстве поименованными докторами наук, мне удалось собрать сведения лишь по отдельным историкам. Только аспирантами и соискателями Алексеева, Горюшкина, Громыко, Демидова, Зольникова, Московского, Соскина было защищено 149 кандидатских диссертаций. Первый выпуск историков на гуманитарном факультете состоялся в 1967 г. Окончившая тогда НГУ Н.А. Миненко, первой из выпускников в 1979 г. защитила докторскую диссертацию, долгое время заведовала кафедрой истории СССР и была деканом ГФ. В общей сложности ко времени 50-летия факультета в 2012 г. 41 его выпускник стал доктором исторических наук по специальности Отечественная история [7]. Только бывшие студенты сейчас работают на кафедре отечественной истории НГУ, они составляют большинство сотрудников Института истории СО РАН: 11 из 16 докторов наук в настоящее время, еще двое – выпускники ТГУ, двое – НГПИ. В 1998 г. «десант» во главе с В.В. Алексеевым (Н.А. Миненко, Е.Т. Артемов, В.П. Тимошенко, И.В. Побережников, К.И. Зубков) высадился в Екатеринбурге в качестве ядра Института истории и археологии УРО РАН. Н.Н. Покровский и В.В. Алексеев стали академиками, Л.М. Горюшкин – членом-корреспондентом РАН.

Суммируя изложенную мной информацию, можно утверждать, что благодаря созданию в Новосибирске Института истории, филологии и философии СО АН СССР и гуманитарного факультета, упорству их основателей, к которым применима характеристика сибиряков поэта А.Т. Твардовского «народ сборный, но отборный», в Новосибирске начал функционировать многоотраслевой гуманитарный комплекс регионального уровня. В его рамках сформировалось историческое сообщество, определившее направления и динамику последующего развития исторических исследований в Азиатской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корзун В.П., Кузнецова О.В., Осадченко Б.А. Современная историческая наука Западной Сибири. Историки Омска : библиографический словарь / под ред. В.П. Корзун. Омск : Омский гос. ун-т, 1999. 300 с.
2. Профессора Омского государственного университета : биографический справочник / сост.: А.В. Ремнев, И.А. Речкина. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. 284 с.
3. Факультет истории и политических наук: главы жизни. Тюмень : Мандр. и К, 2005. 216 с.
4. «Число по России»: профессора и преподаватели кафедры отечественной истории НГПУ : библиографический справочник / отв. ред. В.А. Зверев. Новосибирск : Изд. НГПУ, 2007. 160 с.
5. Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
6. Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
7. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора. Доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962–2012). Новосибирск : НГУ, 2012. 348 с.
8. Институт истории / отв. ред. А.А. Ламин. Новосибирск : ЗАО ИПП «Офсет», 2014. 234 с.
9. О времени и о себе. К 80-летию факультета истории, филологии и права ОмГПУ / авт.-сост. М.К. Чуркин. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2016. 272 с.
10. Зверев В.А. Осмысливая опыт исторической школы ИИГСО НГПУ. Полувековая трансформация кадровых, коммуникационных, тематических приоритетов // Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. Ч. 1. С. 3–19.
11. Лисс Л.Ф. Юбилейные воспоминания человека своих эпох // Лисс Л.Ф. Мои университеты. Новосибирск : Параллель, 2013. С. 249–336.
12. Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерки по истории и историографии : учеб. пособие. Новосибирск : НГУ, 2009. 188 с.
13. Соскин В.Л. В курсе личной судьбы: Материалы по истории советской интеллигенции (1920–1950-е годы). Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2013. 182 с.

14. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск : Наука, 1965. 257 с.
15. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск : Наука, 1973. 351 с.
16. Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск : Клио, 2007. 132 с.
17. Золников Д.М. Времена и нравы (от гражданской войны до наших дней глазами участника событий и ученого-историка). Новосибирск : НГУ, 2000. 217 с.

Mikhail V. Shilovskiy. Institute of history Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: istorik.novosib@gmail.com

THEY WERE THE FIRST: FORMATION OF THE HISTORICAL COMMUNITY IN NOVOSIBIRSK IN THE 1960S-1970s

Keywords: historian; chair; Doctor of Historical Sciences; Institute of History; Philology and Philosophy; Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences; Novosibirsk State University.

The article reconstructs the process of foundation and development of the Institute of History, Philology and Philosophy, SBRAS (1966, now Institute of History, SBRAS) in Novosibirsk, along with the History Unit of the Humanities Department at the Novosibirsk State University from the late 1950s to the early 1980s. The Institute of History was formed on the basis of the Permanent Commission for Social Sciences at the Praesidium of Siberian branch of the USSR Academy of Sciences (1959), which was reorganized into a Sector (1961), then a Department of History (1962) at the Institute of Economics and Industrial Engineering, SBRAS. Archaeologist, Doctor of Historical Sciences A.P. Okladnikov was invited from Leningrad to lead these structures. On their basis, the scientific historical community of Akademgorodok was formed and consolidated in the field of study and teaching the history of the USSR. It was replenished both with specialists who taught the history of the CPSU at the Novosibirsk higher education institutions (N.Ya. Gushchin, A.S. Moskovskiy, V.L. Soskin, T.I. Agapova), and with historians who were invited from other Siberian cities, above all, Tomsk (L.M. Goryushkin, D.M. Zolnikov) and Irkutsk (A.A. Alekseev, I.I. Komogortsev) and Moscow (M.M. Gromyko, A.N. Kopylov). In 1966-1980, 17 of these researchers defended their doctoral dissertations. None of them had been born to Novosibirsk; half of them had become Candidates of Historical Sciences before they started working in the above-mentioned research centers. Most of them had graduated from the Moscow State University, Moscow State Institute for History and Archives, Irkutsk and Tomsk State Universities. All of them were aged between 28 and 40, most of them were of peasant origin, and seven participated in the Great Patriotic War of 1941-1945. The group under study was characterized by a high degree of social and migration mobility. All of them were males except for M.M. Gromyko and T.I. Agapova. They formed the backbone of the academic staff of the Chair of History of the USSR at the History Unit which was established in 1962 at the Humanities Department of the Novosibirsk State University. Starting from 1967 its graduates completed postgraduate studies at the Institute and University and later became members of the University's Chair and Institute's Sectors (N.A. Minenko, T.S. Mamsik, N.D. Zolnikova, I.S. Kuznetsov, S.S. Bukin et al.). In total 41 graduates of the NSU had become Doctors of Historical Sciences (specialty 07.00.02 - Russian history). V.V. Alekseev and N.N. Pokrovsky were elected Academicians of RAS; L.M. Goryushkin and V.A. Lamin became RAS Corresponding-Members. They were among those who contributed to creation and functioning of the multidisciplinary humanities complex. Therefore a scientific community that determined the development of historical studies in the Asian part of Russia during the considered period was formed. Their main accomplishment was publication of "The History of Siberia" (in 5 volumes) in 1968-1969.

REFERENCES

1. Korzun, V.P., Kuznetsova, O.V. & Osadchenko, B.A. (1999) *Sovremennaya istoricheskaya nauka Zapadnoy Sibiri. Istoriki Omska. Biobibliograficheskii slovar'* [Modern history of Western Siberia. Historians of Omsk. A Bibliographic Dictionary]. Omsk: Omsk State University.
2. Remnev, A.V. & Rechkina, I.A. (2004) *Professora Omskogo gosudarstvennogo universiteta: Biograficheskiy spravochnik* [Professors of Omsk State University: Biographical Reference Book]. Omsk: Omsk State University.
3. Kondratiev, S.V. & Pashin, S.S. (eds) (2005) *Fakul'tet istorii i politicheskikh nauk: glavy zhizni* [Faculty of History and Political Sciences: Chapters of Life]. Tyumen: Mandr. i K.
4. Zverev, V.A. (2007) "Chislyus' po Rossii": *professora i prepodavateli kafedry otechestvennoy istorii NGPU: biobibliograficheskiy spravochnik* ["I am one of Russian scholars": Professors and lecturers of the Department of National History of Novosibirsk State Pedagogical University: A Biobibliographic Reference Book]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
5. Khaminov, D.V. & Nekrylov, S.A. (2008) *Istoricheskomu obrazovaniyu v Sibiri 90 let: istoricheskiy fakul'tet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v vospominaniyakh i dokumentakh* [Ninety years of historical education in Siberia: Faculty of History of Tomsk State University in memoirs and documents]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Khaminov, D.V. (2011) *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v.* [Historical education and science at Tomsk University in the late 19th – early 21st century]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Novosibirsk National Research State University. (2012) *Gumanitarnyy fakul'tet. Professora. Doktora nauk – vypuskniki fakul'teta. Personal'nyy sostav (1962–2012)* [Faculty of Humanities. Professors. Doctors of sciences - graduates of the faculty. Personnel (1962–2012)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
8. Lamin, A. A. (2014) *Institut istorii* [Institute of History]. Novosibirsk: Ofset.
9. Churkin, M. K. (2016) *O vremeni i o sebe. K 80-letiyu fakul'teta istorii, filosofii i prava OmGPU* [About time and about oneself. On the 80th anniversary of the Faculty of History, Philosophy and Law, Omsk State Pedagogical University]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
10. Zverev, V.A. (2019) [Comprehending the experience of the historical school of IIGSO NSPU. Half-century transformation of personnel, communication, thematic priorities]. *Sibir', Rossiya, mir v issledovatel'skom i obrazovatel'nom prostranstve* [Siberia, Russia, the world in research and educational space]. Proc. of the Conference. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 3–19. (In Russian).
11. Liss, L.F. (2013) *Moi universitety* [My Universities]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 249–336.
12. Soskin, V.L. (2009) *Novosibirskiy nauchnyy tsentr: issledovaniya po noveyshey otechestvennoy istorii. Ocherki po istorii i istoriografii* [Novosibirsk Scientific Center: research on the latest Russian history. Essays on History and Historiography]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. Soskin, V.L. (2013) *V raketu lichnoy sud'by: Materialy po istorii sovetskoy intelligentsii (1920-1950-e gody)* [From the perspective of personal fate: Materials on the history of the Soviet intelligentsia (1920–1950s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
14. Gromyko, M.M. (1965) *Zapadnaya Sibir' v XVIII v. Russkoe naselenie i zemledel'cheskoe osvoenie* [Western Siberia in the 18th century. Russian population and agricultural development]. Novosibirsk: Nauka.
15. Gromyko, M.M. (1973) *Trudovye traditsii russkikh krest'yan Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Labour traditions of Russian peasants of Siberia (the 18th – first half of the 19th century)]. Novosibirsk: Nauka, 1973. 351 s.
16. Kuznetsov, I.S. (2007) *Novosibirskiy Akademgorodok v 1968 godu: "pis'mo soroka shesti"* [Novosibirsk Akademgorodok in 1968: "a letter of forty-six"]. Novosibirsk: Klio.
17. Zolnikov, D.M. (2000) *Vremena i нравы (ot grazhdanskoy voyny do nashikh dney glazami uchastnika sobytiy i uchenogo-istorika)* [Times and customs (from the Civil War to the present day through the eyes of a participant in events and a historian)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/63/26

В.П. Зиновьев, С.Ю. Колесникова

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА КРЕСТЬЯНСКУЮ ДОЛЮ

Дается оценка монографии профессора Алтайского государственного педагогического университета Татьяны Кирилловны Щегловой «Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции» (Барнаул: АлтГПУ, 2018. 508 с.).

Ключевые слова: Алтай; крестьянство; быт; культура; 1930–1950-е гг.

Рецензируемая монография подготовлена по одной из наиболее важных и актуальных тем отечественной истории – судьбе крестьянства, некогда главного социального условия России. Сейчас немодно писать о рабочих и крестьянах. Много книг о царях, дворянах, бюрократах и полицейских, очевидно, это отражает запросы новой элиты, отнявшей власть и материальные средства у пролетариата и крестьянства и руками конъюнктурных писателей втаптывающих в пыль народных героев и память о трудящихся классах.

Еще в середине XX в. крестьяне составляли большинство населения СССР. В 1920–1950-е гг. шел бурный процесс индустриализации страны, раскрестьянивания и формирования современного городского населения. Книга Т.К. Щегловой об алтайской деревне – главной житнице Сибири и главной хранильнице преданий, традиций старожилов и переселенцев из разных мест Русской равнины. Книга ее о последнем, уже в основном ушедшем поколении традиционного крестьянского мира Алтая. Русские крестьяне пришли сюда в поисках мужицкого рая, в основе представлений о котором было вольное хозяйствование на бескрайних просторах земли. Власть земли двигала ими и диктовала правила жизни. Однако традиционный мир рушился, а новый строился за счет старого в прямом смысле. 1930–1950-е гг. были годами трагедии и боли для крестьян России. Вместе с тем это было героическое время индустриализации и Победы. Крестьянство России стало строительным материалом и источником средств для модернизации страны. Богатые людьми алтайские села оскудели за это время на порядок, взамен людей и лошадей пришли машины. За последние полвека радикально изменились культура и быт сельских жителей.

Т.К. Щеглова относится к тем историкам, которые много лет собирают осколки старого крестьянского мира, чтобы сохранить его в памяти потомков. С 1990 г. почти каждое лето вместе со студентами Алтайского педагогического университета она методично исследует села и деревни края в поисках информаторов и артефактов. Ее не без основания считают родоначальницей устной истории в Сибири [1, 2]. В Алтай-

ском педагогическом университете сформирован уникальный архив интервью с информаторами-крестьянами при Центре устной истории и этнографии, охвативший около 600 населенных пунктов края [3. С. 23]. Честно говоря, этнографы поздновато спохватились с изучением советской эпохи. Она ушла под улюлюкание либеральных «реформаторов», мало кто озаботился сохранить память о героической эпохе. Либеральная пресса сделала свое подлое дело, натравив детей и внуков на время отцов и дедов, чрезвычайно осложнив современным политикам дело консолидации общества перед новыми вызовами.

Обращение Т.К. Щегловой к антропологии (этнографии) советского крестьянства вполне объяснимо, так как вещи живут порой дольше людей: информаторы практически все перешли в мир иной, а дома, утварь, орудия труда еще местами сохранились. В книге есть чему поучиться. Стоит отметить глубокую теоретическую проработку изучаемой автором тематики [Там же. С. 14–22]. Через текст передается ощущение мощного пласта накопленной фактической информации.

Книга состоит из пяти глав, каждая из которых является отдельным монографическим исследованием с теоретическими разделами, исследованиями по сюжетам. Первая глава посвящена строительству и эксплуатации крестьянских построек – домов, амбаров, землянок, скотных дворов. Кроме этнографических исследований построек, проведен анализ крестьянских представлений о «здоровом жилище», отмечена архаизация жилищ колхозного крестьянства в 1940–1950-е гг., что связано с падением их жизненного уровня. Достоинно внимания исследование жилищ ссыльнопоселенцев из алтайских крестьян.

Во второй главе также тщательно исследуется тема санитарии и гигиены, отмечается стремление крестьян сохранить традиционные способы санитарии и гигиены в условиях дефицита средств гигиены, замены их суррогатами.

В третьей главе изучено собирательство как средство жизнеобеспечения русского земледельческого населения Алтая. Приводится много сведений о сборе

съедобных растений, об их консервировании, приготвлении из них съедобных продуктов.

В четвертой главе автор подробно рассматривает способы отопления жилья за счет разного рода суррогатов топлива.

В пятой главе рассмотрена роль подсобных промыслов в системе жизнеобеспечения крестьян на Алтае как дополнительных источников питания и сырья для приготовления одежды.

Богатство материала поражает, как и поражают адаптивные способности крестьян, прижатых государством к краю гибели, но сохранивших традиции взаимопомощи и гуманности.

Необходимо отметить, что у книги женское лицо. И не только потому, что она написана историком-женщиной, но и потому, что книга в основном о русских женщинах, переживших злое, несправедливое время и сумевших в условиях коллективизации, раскулачивания, войны и репрессий вырастить детей и воспитать их настоящими людьми. Посвящение автором книги матери и бабушке свидетельствует об этом, в силу чего книга Т.К. Щегловой очень личная и пристрастная.

Монография, конечно, посвящена антропологии, но выводы из нее следуют политические. Россия осталась должна своему крестьянству по итогам XX в. Крестьяне Алтая без помощи государства, которое забирало у них все результаты труда, выжило «с расчетом на собственные силы» и «кормящий ландшафт» [3. С. 478–479]. Это на деле означало переход к присваивающему натуральному хозяйству, на замещающие суррогаты в потреблении, строительстве жилья. При этом нужно

согласиться с автором, что крестьяне смогли сохранить основы традиционной культуры и быта. Страна строилась, оборонялась и выживала крестьянскими руками и жизнями. Успехи современного российского сельского хозяйства показывают, что несмотря на ограбление населения Е.Т. Гайдаром и компанией в начале 1990-х гг., крестьяне приспособились к новым условиям жизни. Они остались основными поставщиками продуктов на столы россиян, хотя и составляют сейчас не 80% как в начале XX в., а 6,9% рабочего населения, это 5 млн чел. [4. С. 89]. Из 5,1 трлн руб. сельхозпродукции России в 2018 г. коллективные хозяйства дали 55% (при этом этот процент все время растет), 33% – подсобные хозяйства населения (по большей части тех же работников коллективных хозяйств) и 12% – фермеры и частные агрофирмы [Там же. С. 308].

Судя по статистике, российские крестьяне не хотят называться фермерами или наемными рабочими, они хотят остаться крестьянами, хотят иметь свое подсобное хозяйство и работать в коллективном хозяйстве. Крестьяноведы давно твердят о том, что занятие сельским хозяйством это не просто профессия, а образ жизни [5. С. 82–85]. Крестьяне отбили от Столыпина, преодолели большевиков, не хотят подчиняться и современным реформаторам. Может быть, надо оставить их в покое и не учить из Москвы, как им жить, а помочь материально? Пользы от этого наверняка будет больше. Уверен, что предмет изучения для исследователей крестьянства останется надолго, а студенты, знакомясь с деревенским бытом и культурой, узнают об истории своей страны намного больше, чем только из книг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул : БГПУ, 2008. 527 с.
2. Алтайская деревня в рассказах ее жителей. Барнаул : Алтайский дом печати, 2012. 448 с.
3. Щеглова Т.К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции. Барнаул : АлтГПУ, 2018. 508 с.
4. Россия в цифрах. 2019. Краткий статистический сборник. М., 2019. 549 с.
5. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 743 с.

Vasily P. Zinovyev. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Svetlana Ju. Kolesnikova. Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

WOMEN'S VIEW ON THE PEASANT BURDEN

Keywords: Altai; peasantry; life; culture; 1930-1950.

The author gives an assessment of the monograph of professor of the Altai State pedagogical University Tatyana Kirillovna Shcheglova "Culture and life of the Russian rural population of the South of Western Siberia in the 1930s-1950s.: housing, food, clothing, family and labor traditions" (Barnaul: AltSPU, 2018. 508 p.)

REFERENCES

1. Shcheglova, T.K. (2008) *Derevnya i krest'yanstvo Altayskogo kraya v XX veke. Ustnaya istoriya* [The village and the peasantry of Altai Krai in the twentieth century. Oral history]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
2. Vigandt, L.A. (ed.) (2012) *Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Altai village in the stories of its inhabitants]. Barnaul: Altayskiy dom pechati.
3. Shcheglova, T. K. (2018) *Kul'tura i byt russkogo sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v 1930-1950-kh gg. Zhilishche, pishcha, odezhda, semeynye i trudovye traditsii* [Culture and life of the Russian rural population in the south of Western Siberia in the 1930–1950s. Housing, food, clothing, family and work traditions]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
4. The State Statistical Committee of the Russian Federation. (2019) *Rossiya v tsifrakh. 2019. Kratkiy statisticheskiy sbornik* [Russia in numbers. 2019. Brief statistical compilation]. Moscow: The State Statistical Committee of the Russian Federation.
5. Babashkin, V.V. (2015) *Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke* [Modern peasant studies and the agrarian history of Russia in the twentieth century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/63/27

С.А. Некрылов, И.А. Дунбинский

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ФЁДОРОВИЧА ФОМИНЫХ (1940–2019)

Публикация посвящена памяти выдающегося отечественного ученого, историка Сергея Фёдоровича Фоминых. Сергей Фёдорович возглавлял кафедру современной отечественной истории ИФ ТГУ (1991–2017), внес значительный вклад в развитие Томского государственного университета, создав новое научное направление, посвященное изучению истории высшего образования в Сибири. Созданная им научная школа получила широкое признание как на региональном, так и на федеральном уровнях. Сергеем Фёдоровичем было подготовлено 6 докторов и 26 кандидатов исторических наук, многие из которых продолжают дело своего учителя, в том числе и в рамках созданной им научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность».

Ключевые слова: С.Ф. Фоминых; профессор; Томский университет.

31 декабря 2019 г. в Томске скончался выдающийся историк, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ, заслуженный профессор Томского государственного университета, почетный член Ученого Совета ТГУ **Сергей Фёдорович Фоминых**.

Сергей Фёдорович Фоминых родился 25 августа 1940 г. в поселке Висим Висимского района Свердловской области. Большая часть его жизни связана с Томском и Томским государственным университетом, где он сформировался как педагог, ученый и общественный деятель.

Сергей Фёдорович Фоминых был известен своими трудами, посвященными истории революции, Гражданской войны и интервенции, а также истории высшего образования и науки в Сибири.

Более 25 лет он возглавлял кафедру современной отечественной истории ИФ ТГУ. Принадлежа к научной школе профессора И.М. Разгона, сохраняя на кафедре ее научные традиции, С.Ф. Фоминых как истинный ученый, новатор и творец в науке и образовании идет дальше и основывает на кафедре новое научное направление по истории науки и образования в Сибири.

Сергей Фёдорович стал основателем томской научной школы по истории высшего образования в Сибири. Всего им было подготовлено 6 докторов и 26 кандидатов исторических наук. Под руководством Сергея Фёдоровича защищено более 200 дипломных работ. Его ученики неоднократно становились лауреатами премии Томской области в сфере образования, науки, здравоохранения и культуры, лауреатами премии Государственной думы Томской области для молодых ученых, стипендиатами различных международных, всероссийских и региональных конкурсов.

Сергей Фёдорович выступал инициатором основания и вплоть до последних дней жизни был научным руководителем Музея истории ТГУ. Среди его инициативных проектов – возрождение портретной галереи «Профессора Томского университета», реконструкция памятной стелы с именами погибших в Великой Отечественной войне студентов и сотрудников ТГУ, установление ряда памятных досок, посвященных профессорам и значимым событиям истории Томского государственного университета.

Под непосредственным руководством Сергея Фёдоровича и большим личным участием был написан биографический словарь «Профессора Томского университета» (1888–2003), шесть томов (8 книг) которого включают свыше 900 персоналий ученых, работавших в разное время в Томском университете. Лично им и в соавторстве было написано 557 биографий ученых. Словари нашли применение при подготовке биографических словарей высших учебных заведений не только Томска, но и других вузовских центров Сибири, европейской части России, где работали после отъезда из Томска профессора (Санкт-Петербург, Москва, Воронеж, Саратов, Барнаул, Омск и др.).

Профессор С.Ф. Фоминых оживил интерес медицинской общественности к своей истории и внес этим немалую лепту в написание биографического словаря «Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета».

Сергей Фёдорович также являлся автором и членом редакционной коллегии «Энциклопедии Томска от А до Я», «Энциклопедии Томской области» в 2 томах.

Всего им опубликовано около 1 400 работ: монографии, научные статьи, статьи-биографии профессоров ТГУ и СибГМУ, энциклопедические издания, документальные публикации, хроникальные издания, учебные пособия и др.

Профессора С.Ф. Фоминых отличала активная гражданская позиция, он принимал участие в жизни Томска и Томской области. На протяжении многих лет Сергей Фёдорович вел большую работу по увековечиванию памяти сотрудников, преподавателей и студентов Томского государственного университета, которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны. В течение более четверти века он готовил исторические записки на запросы общественных организаций, администрации города Томска и Томской области, а также министерств и ведомств РФ. Являлся активным членом Профессорского собрания Томской области.

За свои заслуги перед государством и регионом Сергей Фёдорович Фоминых был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2005), благодарностью Президента Российской Федерации (2014), нагрудным знаком Министерства образования и науки России «За развитие научно-исследовательской работы студентов» (2009), юбилейной медалью «400 лет городу Томску» (2004), знаком отличия Томской области «За заслуги в сфере образования» I степени (2014), юбилейной медалью «70 лет Томской области» (2015), юбилейной медалью «75 лет Томской области» (2019), серебряными медалями «В благодарность за вклад в развитие Томского государственного университета» (2003, 2013) и другими наградами.

Сергей Фёдорович Фоминых открыл целую эпоху в изучении истории Томского государственного университета, заложил основы и принципы ее изучения. Созданный им коллектив единомышленников в настоящее время продолжает заложенные им традиции в изучении высшего образования и науки Сибири.

Память о Сергее Фёдоровиче будет жить в его делах, книгах, сердцах его родных, друзей и учеников.

Sergey A. Nekrylov. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Ilya A. Dunbinskiy. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

IN MEMORY OF SERGEY FEDOROVICH FOMINYKH (1940-2019)

Keywords: S.F. Fominykh; professor; Tomsk University.

The article is dedicated to the memory of the outstanding Russian scientist, historian Sergey Fedorovich Fominykh. Sergey Fedorovich was the head of the Department of Contemporary Russian History at the Faculty of History, Tomsk State University (1991-2017), made a significant contribution to the development of Tomsk State University, creating a new scientific field dedicated to the study of the history of higher education in Siberia. The scientific school he created was widely recognized both at the regional and federal levels. Throughout his life, he trained 6 doctors and 26 candidates of historical sciences, many of whom continue the work of their teacher, including in the framework of the 'Siberia: Historical Traditions and the Present' Scientific-Educational Research Laboratory created by him.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета. E-mail: venariy@ngs.ru

ВАГНЕР Анжела Витальевна, студентка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: angelicawagner@mail.ru

ВЕРЕМЧУК Людмила Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры права и международных отношений Казанско-Американского свободного университета (Казахстан). E-mail: 269724@mail.ru

ВЕРНЯЕВ Игорь Иванович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: i.verniaev@spbu.ru

ГОРЮНОВА Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской части Иркутского государственного университета; ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: as122@yandex.ru

ДОРОШЕНКО Ольга Петровна, соискатель кафедры истории и документоведения Факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, проректор по учебно-методической работе Томского института переподготовки кадров и агробизнеса. E-mail: dor@tipkia70.ru

ДУНБИНСКИЙ Илья Александрович, аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dunbunskiy@mail.ru

ЕРБАХАЕВ Олег Леонидович, студент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: erbakhaev99@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ИВОНИНА Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ivonina@ngs.ru

КАРПОВ Виктор Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета. E-mail: 7654321.58@mail.ru

КЛИМОВ Иван Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и международного права Института государства и права Тюменского государственного университета. E-mail: 207633@mail.ru

КОЛЕСНИКОВА Светлана Юрьевна, доктор культурологии, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

КУЗЬМЕНКО Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры культурологии, теории и истории культуры Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: tatianakuzmenko.tsu@gmail.com

КУЛИНИЧ Пётр Андреевич, студент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: marstonjon@mail.ru

ЛУКОВА Елизавета Евгеньевна, студентка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: lee.wie@yandex.ru

МАКАРОВА Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: makarovanadia@mail.ru

МЕЛЬНИЧУК Олег Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории Винницкого государственного педагогического университета имени Михаила Коцюбинского (Украина). E-mail: istpravo@meta.ua

МИКУЛЕНКО Александра Андреевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар). E-mail: klioalex@yandex.ru

МИКУЛЕНКО Юлия Андреевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар). E-mail: ak-bara@yandex.ru

МИРКИН Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vvmvcv@gmail.com

МИХАЙЛИЦИНА Елена Александровна, старший преподаватель кафедры международной деловой коммуникации, аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mihailicina@mail.ru.

НЕКРЫЛОВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: medicinahistory@yandex.ru

НИКИТИН Леонид Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск). E-mail: lnd2001nikitin@mail.ru

НОВИКОВ Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательской части Иркутского государственного университета. E-mail: as122@yandex.ru

ОРЛОВА Елена Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Государственного автономного учреждения культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник Томская Писаница» (Кемерово). E-mail: orlova42@gmail.com

ПИНАЕВА Дарья Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ. E-mail: dashkevna1@mail.ru

ПРОКОПЕНКО Ксения Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, теории и истории культуры Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kseniya.s@mail.ru

САДАКОВ Денис Андреевич, ассистент кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета (Киров). E-mail: rstk2005@gmail.com

СЕННИКОВ Алексей Иванович, аспирант кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (Киров). E-mail: usrl2154@vyatsu.ru

СОКОЛОВА Наталья Борисовна, стажер-исследователь научно-исследовательского центра «Байкальский регион» Иркутского государственного университета; специалист Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: snb-87@mail.ru

ТРУБНИКОВА Наталья Валерьевна, доктор исторических наук, профессор Отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета, профессор кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: roub@mail.ru

ТУЧИНСКИЙ Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Винницкого государственного педагогического университета имени Михаила Коцюбинского (Украина). E-mail: tuchinsky_v@ukr.net

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ШАРОВ Константин Сергеевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института биологии развития имени Н.К. Кольцова РАН (Москва). E-mail: const.sharov@mail.ru

ШИЛОВСКИЙ Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института истории СО РАН (Новосибирск); профессор Новосибирского государственного университета. E-mail: istorik.novosib@gmail.com

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2020 № 63

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 20.02.2020 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 52. Усл. печ. л. 48,4. Тираж 50 экз. Заказ № 4258. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.02.2020 г.

Редактор К.Г. Шилько

Корректор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel.: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel.: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru